

БЗ(09) 3
044

А. Л. Реуэль

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

А. Л. РЕУЭЛЬ

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

(ОТ ДРЕВНИХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ
ДО К. МАРКСА
И Ф. ЭНГЕЛЬСА)

*Допущено
Министерством высшего
и среднего специального
образования СССР
в качестве учебного пособия
по истории
экономических учений
для вузов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
МОСКВА — 1972

Реуэль А. Л.
Р44 «История экономических учений». Учебное пособие. М., «Высшая школа», 1972.

424 стр.

Пособие написано на основе первоисточников в соответствии со структурой курса истории экономических учений. В нем использовано огромное литературное наследие классиков марксизма-ленинизма, соответствующих произведений и отдельных высказываний К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Дается теоретический анализ трактуемых вопросов.

Значительная часть книги отводится анализу экономических учений России, что опровергает попытки буржуазных фальсификаторов игнорировать или исказить значительный вклад русских экономистов в развитие экономической науки.

Другая часть посвящена анализу вульгарной политической экономии в Англии, Франции, США и Германии.

Пособие предназначается для студентов и аспирантов экономических и других гуманитарных вузов.

1—7—2
36—72

33.049

Рецензенты:

Е. Г. ВАСИЛЕВСКИЙ, доц. канд. эконом. наук,
Кафедра политической экономии МИНХ им. Г. В. Плеханова

ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Предметом истории экономических учений является исторический процесс возникновения, развития, борьбы и смены системы экономических взглядов основных классов в различных общественно-экономических формациях.

История экономических учений представляет собой самостоятельную научную дисциплину, основное содержание которой заключается в выяснении истории политической экономии, начиная с зарождения экономических идей в произведениях древних мыслителей и кончая экономической мыслью наших дней.

Основой построения курса истории экономических учений является марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке общества, об общественно-экономических формациях, о классах и классовой борьбе.

В. И. Ленин писал, что основная идея К. Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций была им выработана посредством выделения из всех общественных отношений производственных отношений как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения. Путем выделения производственных отношений был найден объективный научный критерий повторяемости для разграничения в сложном хаосе исторического процесса явлений существенных и несущественных, была создана возможность для перехода от описания общественных явлений к строго научному их анализу.

В. И. Ленин видел в общественно-экономической формации основное понятие исторического материализма, которое, в противоположность идеализму и вульгарному материализму, указало действительный путь к научному познанию мира социальных явлений. Благодаря историческому материализму — этому величайшему завоеванию научной мысли, хаос и произвол, царившие во взглядах на историю и политику, сменились поразительно цельной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни

развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий.

В. И. Ленин отмечал, что основная идея исторического материализма состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Идеологические отношения представляют собой лишь «надстройку» над материальными отношениями, составляющими реальный базис, основание общества, «...складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»¹.

Классики марксизма подвергали сокрушительной критике представление буржуазных теоретиков о наличии «самостоятельной» истории у различных составных частей идеологической надстройки капитализма. Так, Ф. Энгельс развенчивал нелепое представление идеологов, что непризнание самостоятельного исторического развития различных идеологических областей, играющих роль в истории, приводит якобы к отрицанию всякой возможности их воздействия на историю. По мысли Ф. Энгельса, в основе такого рода представлений лежит «...шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие»².

По вопросу о взаимодействии базиса и надстройки в условиях капитализма Ф. Энгельс в письме к В. Боргиусу от 25 января 1894 г. писал: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в *конечном счете* всегда прокладывающей себе путь»³. И далее Ф. Энгельс продолжает: «...Экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически, ... а люди сами делают свою историю, однако в данной, их обуславливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в конечном счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию»⁴.

Применительно к истории экономических учений как одной из составных частей исторически сменяющихся надстроек в рамках исторически обусловленных общественно-экономических формаций высказывания Ф. Энгельса свидетельствуют о том, что экономи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 84.

³ Там же, стр. 175.

⁴ Там же.

ческие учения не живут «самостоятельной» жизнью, оторванные от породивших их условий. Экономические учения, которым присущ классовый характер, играют активную роль, они обратно воздействуют на базис, на экономическую структуру общества.

Классовый характер экономических идей находится в тесной зависимости от классового характера надстройки в антагонистических общественно-экономических формациях. Дело в том, что в каждую эпоху класс, распоряжающийся средствами материального производства, вместе с тем распоряжается и средствами духовного производства. Индивиды, составляющие господствующий класс, господствуют и как производители мыслей: они регулируют производство и распределение мыслей своего времени. Поэтому мысли индивидов, не составляющих господствующий класс, мысли индивидов, не располагающих средствами духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу. Вместе с тем в рамках всех антагонистических общественно-экономических формаций оппозиционные классы выдвигают новые системы идей, знаменующие собой критику господствующих производственных отношений.

История экономических учений распадается на три большие части: часть I — экономические учения в эпоху докапиталистических способов производства; часть II — экономические учения эпохи капитализма; часть III — экономические учения эпохи перехода от капитализма к социализму и строительства коммунизма. Для экономических учений эпохи капитализма наряду с возникновением и развитием классической буржуазной политической экономии и вульгарной политической экономии характерны — возникновение мелкобуржуазной критики капитализма, возникновение экономических учений западноевропейских социалистов-утопистов, а также экономических идей антикрепостнического движения в России. Критика капитализма принимает непревзойденную форму в трудах классиков марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса.

К. Марксом и Ф. Энгельсом была создана пролетарская, подлинно научная политическая экономия, представляющая собой существенную часть марксизма. Марксизм — это единое, цельное, стройное учение, все составные части которого нераздельно связаны между собой. У К. Маркса философия и политическая экономия связаны в цельное материалистическое мировоззрение.

Марксизм отнюдь не является каким-то замкнутым, застывшим учением, возникшим в стороне от мировой цивилизации. «Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила»¹. Общественную науку строила, во-первых, классическая школа политической экономии, которая открыла закон стоимости и основное деление общества на классы. Эту науку

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 40.

обогатили далее просветители XVIII в. в борьбе с феодализмом и поповщиной. Общественную науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды, историки и философы начала XIX в. дальнейшим разъяснением вопроса о классовой борьбе, развитием диалектического метода и его применением к общественной жизни.

Будучи законным преемником лучшего, что создало человечество в XIX в. в лице величайших представителей философии, политической экономии и социализма, марксизм усвоил и критически переработал все, что было ценного в многовековой истории человеческой мысли и культуры. Марксизм представляет собой высшее достижение всей исторической, экономической и философской науки Европы. Характеризуя основные черты марксистской теории, В. И. Ленин указывал, что экономическое учение К. Маркса составляет главное содержание марксизма, что оно является наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса. К. Маркс критически переработал предшествующую политическую экономию и указал пролетариату его историческую миссию. С именами основоположников марксизма — К. Марксом и Ф. Энгельсом — связан революционный переворот, совершенный ими в политической экономии.

Как писал В. И. Ленин, К. Маркс и Ф. Энгельс «...научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку»¹. В. И. Ленин видел заслугу К. Маркса в том, что он проследил развитие капитализма от первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена до высших капиталистических форм, до крупного производства. Лишь К. Маркс создал теорию развития капитализма, научно обосновал присущие ему антагонистические противоречия и открыл в пролетариате могильщика капитализма и организатора коммунистического общества. Применением материалистической диалектики к ряду областей познания, в частности к политической экономии, К. Маркс и Ф. Энгельс проложили новые вехи в развитии критической и революционной науки. Вся современная история связана с именем В. И. Ленина. В. И. Ленин — гениальный продолжатель революционного учения К. Маркса и Ф. Энгельса, основатель Коммунистической партии Советского Союза, вождь величайшей социальной революции и строитель первого в мире социалистического государства.

Ленинизм — это марксизм новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества. Продолжая и развивая экономическое учение К. Маркса в новых исторических условиях, когда на смену доимпериалистическому, доимпериалистическому, восходящему капитализму пришел капитализм монополистический, империалистический, нисходящий, загнивающий и умирающий, В. И. Ленин, опираясь на основные положения «Капитала» К. Маркса, дал обоснованный марксист-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 6.

ский анализ империализма как новой и последней фазы капитализма, как эпохи созревшего и перезревшего капитализма, стоящего накануне своего крушения.

В. И. Ленин в новых исторических условиях развил теорию социалистической революции, разработал учение о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, капиталистической стране, развил учение о диктатуре пролетариата в ее различных формах, о социалистической демократии, о партии нового типа. В. И. Ленин глубоко обосновал пути построения социалистического общества, политику пролетарского государства на весь переходный от капитализма к социализму период. Он разработал новую экономическую политику (нэп), рассчитанную на победу социализма. Основные звенья ленинского плана построения социалистического общества — это индустриализация страны, кооперирование сельского хозяйства, культурная революция.

В. И. Ленин творчески развил положения К. Маркса о коммунистической общественно-экономической формации и разработал научные основы политической экономии социализма. Правильность ленинских выводов об основных закономерностях капитализма на его последней стадии, об усилении его загнивания подтверждают новые явления в развитии империализма. Основное содержание современной эпохи составляет переход от капитализма к социализму. Современной эпохе присущи борьба двух противоположных общественных систем, социалистические и национально-освободительные революции, крушение империализма, ликвидация колониальной системы, переход на путь социализма все новых народов. Современная эпоха — это эпоха торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе.

В современном мире идет ожесточенная борьба двух идеологий — коммунистической и буржуазной. Эта борьба, представляющая собой важнейшую составную часть классовой борьбы пролетариата, является отражением в сфере идей исторического процесса перехода от капитализма к социализму. Для современного этапа вульгарной политической экономии, совпадающего с периодом общего кризиса капитализма, характерна борьба против ленинизма, против коммунистической идеологии. Идеологическая борьба империалистической буржуазии направлена прежде всего против рабочего класса и его марксистско-ленинских партий. Главным идейным политическим оружием империализма является антикоммунизм, основное содержание которого составляет клевета на социалистический строй, фальсификация политики коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма.

«Теоретики» антикоммунизма маскируют диктатуру монополистического капитала лживыми лозунгами свободы и демократии и именуют империалистические страны — этот мир эксплуатации и бесправия — «свободным миром». Идеологи буржуазии в своем стремлении удержать народные массы в духовном плену изобретают всяческие «теории». Они утверждают, например, будто совре-

менный капитализм, изменивший свою сущность, стал «народным капитализмом», что будто бы капиталистическое государство противостоит монополиям и стало «государством всеобщего благоденствия».

Отражением буржуазного влияния на рабочий класс является социал-демократизм в рабочем движении и ревизионизм в коммунистическом движении. Правые социалисты отрицают существование антагонистических классов и классовой борьбы в буржуазном обществе, ополчаются против пролетарской революции. Открыто отрекаясь от социализма, утверждая, что якобы происходит «трансформация капитализма», они по существу стоят на защите государственно-монополистического капитализма.

Антикоммунизм — одна из главных причин банкротства идеологии и политики социал-демократизма, его кризиса. Противопоставляя научному социализму так называемый «демократический социализм», эклектически соединяя старые оппортунистические идеи с «новейшими» буржуазными тенденциями, современная правая социал-демократия представляет собой важнейшую идейную и политическую опору буржуазии внутри рабочего движения. Правые лидеры социал-демократии открыто перешли на сторону буржуазии, отреклись от традиционных социал-демократических требований рабочего класса.

В современных условиях главную опасность в коммунистическом движении представляет ревизионизм, правый оппортунизм как отражение буржуазного влияния. Выступая в роли разносчиков буржуазно-реформистской идеологии в коммунистическом движении, они ставят своей целью вытравить из марксизма-ленинизма его революционную сущность. Ревизионисты отрицают политическую необходимость социалистической революции и диктатуры пролетариата, руководящую роль марксистско-ленинской партии, подрывают основы пролетарского интернационализма. Другой опасностью является догматизм и сектантство, которые находятся в непримиримом противоречии с творческим марксизмом, с развитием революционной теории в новых исторических условиях. По мысли В. И. Ленина, не может быть поверхностного, антиисторического, оторванного от конкретной действительности способа рассмотрения теоретических и политических проблем, не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием теории и политики становится соответствие с практикой, с действительным процессом общественно-экономического развития.

Сокрушительный удар по идеологии социал-реформизма нанесла Великая Октябрьская социалистическая революция, социалистическое переустройство общества, строительство коммунизма в нашей стране, социалистическое строительство в зарубежных социалистических странах. В наши дни идейный крах реформизма связан с успехами СССР и всей мировой социалистической системы, углублением кризиса мирового капитализма, ростом влияния коммунистических партий в массах. Критика антикоммунизма,

борьба против реформизма, ревизионизма и догматизма является одной из существеннейших задач курса истории экономических учений.

Изучение дисциплины истории экономических учений во всем ее объеме способствует более глубокому пониманию марксистской политической экономии и овладению ее методологией. Экономическая теория — не продукт умозрительной деятельности отдельных лиц, а отражение закономерного процесса классовой борьбы; экономические идеи используются различными классами для защиты своих интересов. Именно изучение истории экономических учений дает возможность глубже понять сущность революционного переворота, совершенного К. Марксом и Ф. Энгельсом в политической экономии, и осознать, что ленинизм является высшим достижением не только русской, но и всей мировой общественной мысли.

Изучение истории экономических учений имеет огромное значение в условиях происходящей ныне ожесточенной идеологической борьбы, особенно для критики современных буржуазных, ревизионистских, реформистских и догматических теорий, и для демонстрации кризиса буржуазной политической экономии. Ряд буржуазных экономистов специализируются на фальсификации истории русской экономической мысли, стремясь доказать ее неоригинальность и пытаясь опровергнуть сделанный ею вклад в историю мировой науки. История экономических учений доказывает несостоятельность и бесперспективность этих попыток.

Изучение курса истории экономических учений дает возможность осветить роль ленинского этапа в развитии марксистской экономической теории, без чего трудно понять ее дальнейшее развитие в решениях съездов, в Программе КПСС и, следовательно, глубоко уяснить теоретическое и практическое значение этих исторических документов не только для строительства коммунизма в СССР, но и для всего международного коммунистического и рабочего движения. «Исторический опыт показал, что какие бы то ни было отступления от принципов марксистско-ленинского учения, от его интернациональной сущности, любые попытки подменить научную теорию буржуазно-либеральной или псевдореволюционной фразой неизбежно вступают в непримиримый конфликт с историческими целями международного рабочего класса, с коренными интересами социализма»¹. История экономических учений, как и марксистско-ленинская политическая экономия, служит важным оружием для революционного преобразования капиталистического общества и строительства социализма и коммунизма.

¹ О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление Центрального Комитета КПСС. Политиздат, 1968, стр. 6.

Глава I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Первой в ходе мировой истории формой эксплуатации, формой классового гнета было рабство. Рабовладельческому обществу были присущи две основные разновидности: восточные, или раннерабовладельческие, общества и античные — позднерабовладельческие общества. Вавилония, Китай и Индия представляют собой пример восточно-рабовладельческого общества. Греция и Рим представляют собой пример господства античного рабства. Основной массой производителей в раннеклассовом обществе были общинники. Ввиду происходившего в массе общинников социально-экономического расслоения, в результате возникновения в среде общинников классового неравенства образуется государство, в котором господствуют зажиточные и привилегированные общинники.

Дальнейшее развитие классового неравенства среди общинников является источником все усиливающегося угнетения и несправедливости. Однако эта тенденция на Древнем Востоке встречает сильное противодействие со стороны общины. Следует также отметить, что в результате войн пленные становятся рабами. Развивающееся рабовладение ухудшает положение рабов, ухудшает положение бедных общинников, создает предпосылки для порабощения общины. Рабство, возникшее впервые в истории человечества в Древнем Востоке, представляет собой раннюю ступень развития рабской формы эксплуатации, не достигающую классической формы античного рабства.

В античном рабовладельческом обществе получила дальнейшее развитие частная собственность на рабов и на средства производства, включая и землю, по сравнению с формами коллективной рабовладельческой собственности. Раб стал основной производительной силой рабовладельческого общества. Раб в качестве вещи, орудия производства, подобно рабочему скоту, машине и т. д., принадлежал к «основному капиталу». В условиях античного рабства, где преобладало натуральное хозяйство, по сравнению с восточным

рабством, получили дальнейшее развитие элементы товарного хозяйства, товарно-денежные отношения. Античное рабство представляло собой, по сравнению с восточным рабством, более развитую, зрелую ступень развития рабской формы эксплуатации.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ИНДИИ

Политико-экономический трактат «Артхашастра» (между IV—III вв. до н. э.) — замечательный памятник индийской культуры, приписывается ученому индийскому брахману Каутилье, главному советнику царя Чандрагупты I. Трактат «Артхашастра» представляет собой обстоятельный свод правил, адресованный царям и правителям, которым они должны руководствоваться в своей государственной деятельности. По полноте и разнообразию своего содержания «Артхашастра» принадлежит к числу самых выдающихся древнеиндийских источников. «Артхашастра» отражает период разложения рабовладельческого строя и складывания феодальных отношений.

«Артхашастра» о населении страны и его основных группах. Основными группами населения страны, как об этом свидетельствует «Артхашастра», были четыре касты ариев, состоявшие из брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. «Закон для брахмана — учение, обучение, жертвоприношения для себя и для других, раздача даров и их получение. Закон для кшатрия — учение, жертвоприношение, раздача даров, добывание средств к жизни военным делом и охрана живых существ. Закон для вайшьи — учение, жертвоприношение, раздача даров, земледелие, скотоводство и торговля. Закон для шудры — послушание и ведение хозяйства в повиновении у дваждырожденных, ремесло и актерство»¹.

В памятнике «Артхашастра» социальное неравенство и кастовое деление общества были узаконены. Каутилья говорил: «Соблюдение (каждым) своего закона ведет на небо и к вечности. При его нарушении мир погибает от смешения каст. Поэтому пусть царь не допускает нарушения своего закона живыми существами, ибо соблюдающий свой закон радуется здесь и после смерти. Ведь мир с твердо установленными разграничениями между ариями, при установлении каст и ступеней жизни, охраняемый тремя ведами, процветает и не гибнет».

Особыми привилегиями пользовалась часть населения, принадлежавшая к кастам ариев, — брахманы и кшатрии. Вайшьи и шудры должны были заниматься земледелием, скотоводством, ремеслом и торговлей. Так, в «Артхашастре» утверждается, что если продается в рабство несовершеннолетний арий, который не

¹ «Артхашастра», или наука политики. АН СССР, 1959, стр. 18. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Рсд.*)

является рожденным рабом, то «если он шудра — с его родственников (продающих его) взыскивается штраф в 12 пана, если он вайшья — в двойном размере, если кшатрий — в тройном и если брахман — в четверном». Если продажу совершают не родственники, то штраф выражается при продаже шудры, вайшьи и кшатрия соответственно «в низшем, среднем и высшем виде штрафа сахаса, а в случае продажи брахмана полагается смертная казнь».

В «Артхашастре» указывается, что царь, производящий заселение и устройство области, должен дать «ученым брахманам положенные брахманству земли, свободные от взысканий и налогов и приносящие соответствующий (доход)». В «Артхашастре» отмечается, что если недвижимости определенных лиц заселяются брахманами, изучающими веды, то данные лица не могут присваивать себе указанные недвижимости на том основании, что они ими пользовались. Говоря об использовании земли, негодной для обработки, «Артхашастра» вменяет в обязанность царю предоставить брахманам «леса для религиозных обучений и разведения сомы...».

Брахманы упоминаются в «Артхашастре» в числе лиц, которые бесплатно переправляются на судах, имея документы с печатью надзирателя за судоходством. В «Артхашастре» считается, что при наличии совокупности нескольких долгов должны быть «уплачены сперва долги, сделанные у государства или у ученого брахмана». В «Артхашастре» отмечается в качестве привилегии брахмана, что во всех преступлениях он не подвергается пытке. И далее указывается, что брахмана, совершившего преступление, государь должен изгнать из страны или поместить на работы в рудниках.

О привилегированном положении брахманов и кшатриев свидетельствуют доли наследства. В «Артхашастре» сказано: «Если брахман имеет детей от разных жен, принадлежащих к четырем кастам, то сын брахманки получает 4 доли, сын кшатрийки — 3 доли, сын женщины вайшьи — 2 доли и сын женщины шудры — 1 долю. Этим самым определяется раздел наследства кшатриев и вайшьев, если у них имеются дети от жен разных каст, у первого — от жен трех и у второго — от жен двух каст».

Кшатрии, как мы видели, обладали привилегией добывать средства к жизни военным делом. Вайшьи и шудры находились в сфере материального производства: в земледелии, скотоводстве, ремесле, а также и в торговле. «Артхашастра» свидетельствовала о широкой и глубокой пропасти, которая отделяла брахмана от шудры: «Если шудра выдает себя за брахмана..., то он должен быть ослеплен посредством ядовитой мази или же уплатить штраф в 800 пана». Придавая исключительное значение незыблемости кастовых различий, «Артхашастра» возлагала соблюдение и охрану кастовых законов на царя. «Артхашастра» увековечивала кастовый строй Древней Индии.

«Артхашастра» о рабовладении. В трактате «Артхашастра» анализируются различные формы рабовладения. Мы видели, что

Каутилья продажу свободных в рабство рассматривал как проступок, подлежащий наказанию. Каутилья считал, что «для ариев не должно быть рабства». Если в случае «семейных бедствий или постигших многих ариев несчастий все же приходится отдать ариев в залог, то по получении суммы, необходимой для выкупа, следует прежде всего выкупить заложенного, если он является ребенком или таким, который залогом своим оказал пользу».

Если для ариев состояние рабства было исключено, то представителям чужеземных племен, иноземцам, варварам, не придерживавшимся кастовых законов, не возбранялось «продавать или закладывать свое потомство». Отметим отношение Каутильи к рабам, «рожденным в доме». «Ребенок, рожденный владельцем от рабыни, подлежит освобождению вместе с матерью. Если такая мать связана своим существованием с данным домом, то ее мать, брат и сестра должны быть освобождены».

Каутилья был противником кабальных сделок. Так, он выступал против обычая, в силу которого происходило закабаление человека, избавленного от грозной опасности. В «Артхашастре» мы читаем: «Если в случае наводнения, пожара, грабежа или при опасности от диких зверей кто-нибудь призывается на помощь для защиты с обещанием отдать ему все имущество, детей, жену и самого себя, то после освобождения от опасности (спасенный) должен уплатить (спасшему) вознаграждение, как это будет указано лицами, опытными в таких делах. Этим самым указываются случаи уплаты вознаграждений при больших бедствиях». В отрицательном отношении Каутильи к кабальным сделкам сказывалось, очевидно, то, что он еще не освободился полностью от влияния общинных и племенных обычаев.

При продаже раба продавец должен был гарантировать доброкачественность товара, в противном случае сделка могла быть расторгнута. Правительство стояло на страже интересов продавца. О сделке — купле-продаже раба — в «Артхашастре» сказано следующее: «Если (при продаже) четвероногих таковые представляются как сильные, здоровые и чистые, в то время как они действительно являются прокаженными, больными и нечистыми, то за это взыскивается штраф в 12 пана. (При продаже) четвероногих возможно расторжение сделки в течение 1,5 месяца, а (при продаже) людей (т. е. рабов) — в течение года. Ибо в течение этого срока возможно удостовериться в годности или негодности (продаваемых животных или рабов)».

Кража раба, подобно любой другой вещи, сурово наказывалась: «Если кто похищает одну голову крупного скота, раба или рабыню или же продает имущество, найденное на трупе, то ему отрубают обе ноги или взымается штраф в 600 пана». О выкупе хозяином утеряннго или украденного раба или скота в «Артхашастре» сказано: «(При получении обратно украденного или утеряннго) владелец платит выкуп: за двуногого (т. е. раба) — 5 пана, за одноно-

пытное животное — 4 пана, за корову или буйвола — 2 пана, а за мелкий скот — $\frac{1}{4}$ пана».

В «Артхашастре» проводится мысль, что раб может обладать собственностью, имуществом, что раб имеет право на получение наследства. Наследниками имущества раба являются его родственники, а при отсутствии таковых — владелец раба. Имущество раба должно быть неприкосновенным. Кража собственности раба подлежит наказанию. «Если кто-нибудь украдет у раба его имущество, то за это следует штраф, равный половине того, который взыскивается с лица, лишившего кого-нибудь состояния ария (т. е. продавшего его в рабство)».

«Артхашастра» о земледелии. Надзиратель за земледелием, по свидетельству «Артхашастры», должен быть человеком хорошо осведомленным в «науке о сельском хозяйстве и в уходе за (плодовыми) кустами и деревьями».

В «Артхашастре» нашли отражение элементы совокупной рабочей силы, применявшейся в земледелии. Надзиратель за земледелием на подходящей земле, вспаханной несколько раз, должен был производить посевы, применяя для этого «труд рабов, наемных работников и орабатывающих штраф». В «Артхашастре» выражается озабоченность относительно задержек и препятствий в обработке, возделывании земли со стороны кузнецов, плотников, землекопов, мастеров, плетущих канаты, ловцов змей и пр. Если указанные работники приносят хозяйству ущерб, то с них взимается штраф, соответствующий ущербу.

«Артхашастра» отмечала большую роль оросительной системы в Индии как земледельческой стране. Об этом свидетельствует следующее высказывание: «Оросительная система является основой урожая. Действительно, польза, приносимая дождями, всегда зависит от оросительных сооружений и трудов». В «Артхашастре» вменяется в обязанность царя, производящего заселение области, «построить оросительную систему, снабжаемую постоянной водой или поступающей (из других источников)»; или он должен «оказать помощь другим, строящим (оросительные сооружения), путем предоставления земли, дорог и леса». О лицах, уклоняющихся, воздерживающихся от участия в этом деле, мы в «Артхашастре» читаем: «За того, кто уклоняется от совместной постройки оросительного сооружения, должны выполнять (эту) работу (его) работники и волю. Пусть он (таким образом) принимает участие в расходах и не получает (своей) доли при успехе».

В «Артхашастре» отмечается роль ирригационных сооружений в обслуживании нужд царя. «(Земледельцы) должны отдавать (в пользу царских посевов) из своих оросительных сооружений 5-ю часть воды, если таковая черпается ручным способом, 4-ю часть — если вода добывается при помощи приспособлений, приводимых в движение плечами, и 3-ю часть — если вода выкачивается посредством машин, пускающих струю». Таким образом, в ирригационной системе нашло свое наглядное воплощение присвоение царем

дарового неоплаченного труда земледельца. Придавая решающее значение оросительным сооружениям в хозяйственной жизни государства, «Артхашастра» заявляет, что государь, находящийся в затруднительном положении, собирающий средства для наполнения казны, «не должен взимать податей с местности, где возводятся... оросительные сооружения...».

Оросительные сооружения, которые включались «Артхашастрой» в число недвижимостей, должны были находиться на учете главного сборщика податей. Он должен был располагать сведениями о размерах и ценах товаров местного происхождения, являвшихся продуктами оросительных сооружений. Перечисляя доходы, которые находились в ведении главного собирателя дохода, «Артхашастра» в их число включала те, которые приносили оросительные сооружения. Сюда относились доходы, которые приносили цветники, плодовые сады, огороды, рисовые поля, насаждения корнеплодов. Оросительные сооружения обязаны были содержать в исправности лица, которые приобрели их «в аренду, за вознаграждение, за часть урожая, или же те, которые пользуются ими (без каких-либо откупов)...». В противном случае с них взыскивалась сумма, равная причиненному ущербу, в двойном размере. Нанесение ущерба оросительным сооружениям каралось со всей строгостью как тяжкое злодеяние. «Если кто повреждает оросительное сооружение, содержащее воду, то его следует утопить на месте в воде. Если повреждается сооружение без воды, то за это следует высший вид штрафа — сахаса, а если повреждается сооружение, непригодное или заброшенное, — средний вид».

«Артхашастра» о ремесле. В обязанность надзирателя за прядильным делом входила забота о том, чтобы доспехи, одежды и веревки, изготавливаемые из нитей, «выделялись специалистами этого дела». Он должен был стремиться к тому, чтобы нити из шерсти, рогожи, хлопка от хлопкового дерева и льна «прялись вдовами, калекami, девочками, монахинями, женщинами, отрабатывающими штраф, содержательницами гетер, старыми царскими рабынями и храмовыми сожительницами, прекратившими службу в храмах».

От надзирателя через посредство его рабынь могли получить работу «женщины; не выходящие из дому, вдовы, мужья которых умерли в отъезде, женщины-калеки или девочки, содержащие самих себя...». Оплата труда прядильниц производилась надзирателем после проверки количества спряденных нитей и их качества, в зависимости от того, являлась ли нить тонкой, грубой или средней. Направляя работы по изготовлению холщевых тканей, шелка, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, надзиратель должен был «поощрять (работников) подарками в виде венков и благовоний или же иными видами внимания».

При невыполнении работы, а также неправильном расходовании, похищении или порче материала женщина, получившая предварительно плату за труд, наказывалась членовредительством.

Наказание могло носить также характер денежного штрафа, вычитываемого из жалования рабочих, в соответствии с их провинностями. В свою очередь надзиратель подвергался штрафу при выдаче платы за работу позднее надлежащего времени, а также при оплате неисполненной работы.

Представляет интерес оценка рудников в «Артхашастре». «Рудники суть опора казны, благодаря казне снаряжается войско, благодаря казне и войску добывается земля, украшением которой является казна». Тяжелые рудники в смысле расходов и разработки надзиратель должен отдать в издольщину или в аренду. Что же касается легких рудников, то их должен разрабатывать надзиратель. «Артхашастра» вменяет в обязанность надзирателю установить единое место продажи добытых ценностей. «Артхашастра» заставляет трудиться в рудниках в принудительном порядке воров, лиц, пользующихся промышленной рудой без разрешения, и оштрафованных лиц.

«Артхашастра» о торговле. В «Артхашастре» учение о торговле рассматривается наряду с учением о земледелии и скотоводстве в качестве составной части учения о хозяйстве. В «умножении торговли» «Артхашастра» видела одно из обстоятельств, ведущих к увеличению казны. Серьезное, пристальное внимание уделяется в «Артхашастре» вопросу о надзоре за торговлей. Так, надзиратель за торговлей должен иметь точные сведения о различных товарах, являющихся продуктами суши или моря, поступающих сухим или водным путем; он должен также знать «различие цен у более или менее ценных товаров, а также их большую или меньшую ходкость»; должен знать, «в какое время (товары) следует пускать в обращение, накапливать, закупать и продавать».

Царские товары местного происхождения и товары иноземного происхождения, товары обоих видов подлежат пускать «в продажу с пользой для подданных». Следует отметить, что в «Артхашастре» подчеркивается по вопросу о прибыли от торговли: «следует избегать такой прибыли, которая, хотя бы и была значительной, приносит вред подданным». О товарах первой необходимости указывается, что «не следует допускать ограничений в отношении времени (продажи) товаров», что «не следует допускать вредного явления, заключающегося в чрезмерном накоплении таких товаров».

В ведении надзирателя за торговлей должна быть как сухопутная торговля, так и торговля водными путями. Сухопутная торговля должна происходить в условиях безопасности и обеспечиваться соответствующими путями сообщения. При перевозке товаров водными путями следует иметь в виду «плату за средства перевозки, путевое довольствие, соотношения цен на свои и чужеземные товары, время, подходящее для провоза (по водным путям), меры предупреждения бедствий и порядки, существующие в портовых городах». В «Артхашастре» подчеркивается, что при торговле на речных путях надзиратель за торговлей «должен направляться туда, откуда можно получить прибыль, и избегать не-

выгодных (торговых операций)». Таким образом, в «Артхашастре» со всей определенностью утверждается, что побудительным мотивом торговли является погоня за прибылью, за «чистой прибылью».

В «Артхашастре» отстаивается необходимость торговать посредством проверенных весов. Проверку весов следует производить каждые 4 месяца. При производстве торговли непроверенными весами взимается штраф в $27\frac{1}{2}$ пана. Обращают на себя внимание высказывания по вопросу о торговле, связанной с питейным делом. «Артхашастра» ратует за необходимость органичений в этой торговле, исходя из отрицательного воздействия алкоголизма на трудовую деятельность, на общий уклад жизни. В «Артхашастре» проводится мысль о том, что не имеющий казны государь, находясь в затруднительном положении, не должен взимать податей с местности, где наряду с другими мероприятиями прокладываются пути для торговли. В «Артхашастре» указывается, что торговцы могут продавать «царские товары» в разных местах по «установленной цене». При наличии убытка торговцы платят возмещение, равное сумме убытка.

В порядке особого отчисления с торговцев взимается в пользу казны особый вид налога (вьяджи): $\frac{1}{16}$ часть товара, продаваемого по мере, $\frac{1}{20}$ — для товаров, продаваемых по весу, и $\frac{1}{11}$ — для товаров, продаваемых по счету. Торговцы выплачивают смотрителю мер сумму, взыскиваемую за проверку весов, из расчета 1 каканика в день. В обязанности сборщика пошлин входит регистрация торговцев, приезжающих с товарами: кто они, откуда, сколько у них товара и где ими получен опознавательный штемпель на товар. «Товары, состоящие из золота, серебра, алмазов, прочих драгоценных камней, жемчуга и кораллов, а также лошади и слоны облагаются податью в размере $\frac{1}{50}$ стоимости. Торгующие пряжей, одеждой, сталью, латунью, благовониями, медикаментами и крепкими напитками облагаются в размере $\frac{1}{40}$ стоимости (указанных товаров). С торгующих зерном, растительным маслом и железом взимается $\frac{1}{30}$ стоимости, равно как и с торговцев с повозками. Торгующие стеклом ... облагаются податью в $\frac{1}{20}$ (заработка). С торгующих изделиями из дерева, бамбука, камня, глины, а также вареной пищей и зеленью взимается $\frac{1}{5}$ ».

Полемизируя с «учителями», которые утверждали, что увеселения государя приносят «выгоду» торговцам, Каутилья говорил: «При увеселениях ... государя последний сам и его приближенные присваивают себе имущество, предъявляют требования, овладевают торговыми складами и вмешиваются в торговые дела (с целью приобретения необходимого для их увеселений). Этим самым приносится вред». Отрицательной роли увеселений государя Каутилья противопоставил положительное значение общенародных развлечений, которые «служат отдыхом от работ» и порождают «большую энергию в работе».

В «Артхашастре» показано, какие меры принимались для привлечения товаров иноземного происхождения. В этой связи в

«Артхашастре» указывается, что «купцам-мореходам и хозяевам караванов следует предоставлять льготы, освобождая их от поборов с тем, чтобы обеспечить сбыт в будущем»; что следует «исключать для приезжих (иноземных купцов) привлечение к суду по денежным делам». Вместе с тем отмечается, что под это правило не подходят служащие указанных купцов. В «Артхашастре» отмечается, что купцы могут принимать друг друга в местах их деятельности, что купцы «должны сообщать о том, кто продает товары в неподобающем месте и в ненадлежащее время, а также о неправильном присвоении товаров».

Много внимания уделяется в «Артхашастре» наказаниям за нарушение установленного порядка, в частности за хищение товаров. Так, в «Артхашастре» подчеркивается необходимость возмещения потерь странствующим купцам в результате хищений их имущества и ценностей. В «Артхашастре» такая земля причисляется к хорошей, в которой «много богатых купцов, ввиду (имеющихся) запасов товаров и возможности получения (от купцов) займов». Одной из рубрик доходов «Артхашастры» считала повышение цены на товары при продаже, пошлину или повышение цены при соровновании покупателей. «Артхашастра» считала, что надзиратель за торговлей должен «товар, являющийся в избытке..., придерживать в одном месте и повышать цену», что он должен «установить другую цену», если эта повышенная цена «станет впоследствии нормальной...».

«Артхашастра» не оставила без внимания вопрос о взимании пошлин на товары. В «Артхашастре» подчеркивается, что следует устанавливать «пошлину для новых и старых товаров в соответствии с местом, родом (товаров) и существующими обычаями, а также назначать штрафы сообразно с провинностями», следует объявлять «беспшлинным» особенно полезный товар, «равно как и семена редких (полезных растений)». В «Артхашастре» проводится мысль о том, что производимые товары должны отличаться доброкачественностью, добротностью. Так, если покупатель не берет купленный товар, то он платит штраф в 12 пана, за исключением случаев повреждения товаров, бедствий и плохого качества товаров. Если кто-либо пускает в продажу или отдает в залог предметы, состоящие из дерева, железа, драгоценных камней, пеньки, кожи, глины, нитей, рогожи или волоса, и выдает их за имеющих хорошее качество, в то время как они не являются таковыми, то за это следует штраф, равный восьмикратной стоимости товаров.

В «Артхашастре» проводится идея, что одним из элементов идеальной сельской местности является обладание «ценными, разнообразными и многочисленными товарами». Надзиратель за местами торговли обязан проверять орудия меры и веса для устранения обмана. Составной частью регламентации торговли был установленный надзор за ценами и получаемой прибылью. Надзиратель за торговлей должен «сосчитать основные средства, убыток,

пошлину, прибыль, расходы по найму, а также прочие издержки и в соответствии с этим устанавливать цену, будучи сам сведущим в отношении цен». Что касается прибыли, то она определяется для местных товаров в 5% с установленной цены, а для иностранных товаров — в 10%. Незаконная прибыль в 5 пана на 100 карается штрафом в 200 пана.

В трактате «Артакшастра» мы, естественно, не находим теоретического анализа категории цены. Но в приведенной трактовке составных элементов цены сделана попытка обобщения хозяйственной практики тогдашней Индии. В «Артакшастре» деньги рассматриваются как один из элементов средств к существованию, входящих в качестве составной части в имущество. В «Артакшастре» нашло отражение отрицательное отношение к накоплению денег. «Тот, кто копит деньги, мучая себя и слуг, есть скупец (скряга). Если он имеет сторонников, то взять (у него добро) нельзя, в противном случае (добро его) следует конфисковать».

«Артакшастра» противопоставляла ростовщичество торговле, включала ростовщичество в число условий, ведущих к уменьшению казны. По определению «Артакшастры», ростовщичество есть «отдача в рост предметов казны»; торговая сделка есть «употребление для торговли предметов казны». За ростовщичество и торговлю за счет государственного имущества производится «взыскание в размере двойного результата». В «Артакшастре» проводится ошибочная мысль о том, что при реализации хозяйственных мероприятий, которые должны обеспечить развитие производительных сил страны, в ней водворится классовый мир.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КСЕНОФОНТА

Ксенофонт родился около 430 г. до н. э. и умер после 355 г. до н. э. По своему социальному происхождению Ксенофонт принадлежал к богатой афинской рабовладельческой аристократии. Ксенофонт был противником рабовладельческой демократии и поклонником спартанских порядков. Основное произведение Ксенофонта, посвященное экономическим вопросам, — «Домострой», представляет собой руководство по организации рабовладельческого хозяйства.

Ксенофонт о «домоводстве» как науке. Ксенофонт — сторонник рационального ведения хозяйства, отсюда его интерес к «домоводству» как науке. Он отождествляет хозяйство с владением, а также с имуществом, к которому относит вещи, полезные для человека. Что же касается полезности вещей, то под ней Ксенофонт, в отличие от убыточности благ, понимает все то, от чего можно

получить пользу. Ксенофонт дает следующее определение «домоводства»: «...Домоводство есть ... название ... науки ..., при помощи которой люди могут обогащать хозяйство, а хозяйство, согласно нашему определению, есть все без исключения имущество, а имуществом каждого мы назвали то, что полезно ему в жизни, а полезное... — это все, чем человек умеет пользоваться»¹.

В высказываниях Ксенофонта ярко проглядывает анализ «домоводства» как науки с позиции главным образом потребительной стоимости, натурального хозяйства. Однако Ксенофону не чуждо было стремление ориентироваться на меновую стоимость, на необходимость вести прибыльное хозяйство в смысле накопления денег. По его мнению, единственный путь к обогащению — это «жить так, чтобы оставался излишек». Прибыльность же хозяйства Ксенофонт связывает с куплей-продажей различных вещей, в частности хлеба, а также рабовладельческих плантаций — «имений». Взгляды Ксенофонта на «домоводство» отражали процессы развития обмена в недрах натурального в основе своей рабовладельческого хозяйства.

Ксенофонт о земледелии и ремесле. Ксенофонт видел в земледелии основную отрасль хозяйственной деятельности. По мнению мыслителя, земледелие — источник благоденствия народа. Ксенофонт подчеркивает всесторонний характер того полезного эффекта, который связан с сельским хозяйством. Так, земледелие оставляет свободному человеку «очень много свободного времени для заботы о друзьях и отечестве». Земледелие, по мнению Ксенофонта, также «приучает людей и помогать друг другу...». Однако в земледелии свободные граждане должны выполнять функцию надзора и управления, в то время как простой физический труд — удел рабов.

Отношения взаимопомощи в сельском хозяйстве Ксенофонт мыслит себе как отношения рабовладельческой эксплуатации. В противоположность земледелию он считал занятия ремеслами, заслуживающими порицания, осуждения. Ремесло, как утверждал Ксенофонт, «оставляет очень мало свободного времени для заботы... о друзьях и родном городе». Высказывания Ксенофонта о ремесле отражали презрительное отношение рабовладельческой аристократии к производительному труду.

Ксенофонт о рабстве. По вопросу о рабстве Ксенофонт высказывается в соответствии с господствующей идеологией своей эпохи, когда раб рассматривался в качестве животного, одаренного речью. Ксенофонт считал, что заставить рабов повиноваться можно двумя способами — наказанием, а также хорошим обращением. Особенное внимание уделяет Ксенофонт вопросу о материальной заинтересованности рабов в результате своего труда. Ксенофонт писал: «...Я ... ни в каком случае не равняю наградами хороших работников с плохими...». Речь шла о поощрениях в труде.

¹ Ксенофонт Афинский. Домострой, 1935, стр. 270—271. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

Не отказывается Ксенофонт и от морального воздействия на рабов, чтобы заставить их лучше работать. «На честолюбивые натуры сильно действует и похвала...». Все эти мероприятия должны были, по мнению мыслителя, повысить производительность труда рабов.

Ксенофонт о разделении труда. В тесной связи с высказываниями Ксенофонта по вопросу о рабстве находились его воззрения на разделение труда. Ксенофонт уделяет большое внимание тем требованиям, которые должны быть предъявлены к управляющему. Ксенофонт дает высокую оценку управляющему, который умеет присматривать за работами и не забывает, что хороший работник заслуживает того, чтобы его поощряли. Более того, Ксенофонт возвышается до идеи о необходимости добиваться среди рабов соревнования. «...Если при виде хозяина рабочие вострепечутся, если у каждого из них пробудится сила, взаимное соревнование, честолюбивое желание отличиться во всем, — про того — я скажу, что в его душе есть что-то царственное».

В этих высказываниях Ксенофонта нашла свое выражение при- сущая рабовладельческому строю противоположность между умственным и физическим трудом, разрыв между ними. Ксенофонт трактует проблему разделения труда также в плане всего народного хозяйства в целом. Ксенофонт противопоставляет слаборазвитому разделению труда в мелких городах относительно высокий уровень разделения труда в крупных городах. В отличие от мелких городов, где один и тот же человек выполняет различные работы, «...в крупных городах, где каждый работник находит многих покупателей, ему достаточно знать одно ремесло, чтобы прокормиться. Зачастую даже нет необходимости знать ремесло в целом... Неизбежно, что тот, кто выполняет наиболее простую работу, выполняет ее наилучшим образом»¹.

У Ксенофонта преобладает анализ разделения труда с точки зрения потребительной стоимости. Вместе с тем ему не чужда была постановка вопроса о том, что данные размеры рынка ставят границы для разделения труда.

Ксенофонт о товаре. Ксенофонт впервые в экономической науке обратил внимание на двоякое потребление блага — в качестве потребительной стоимости и меновой стоимости. Называя имуществом вещи, полезные человеку, Ксенофонт считает вещи, вредные для человека, «скорее убытком, чем ценностью». Иллюстрируя эту мысль, Ксенофонт утверждает, что земля, овцы, деньги не являются ценностью для тех, кто не умеет ими пользоваться. Ксенофонт считал ценностью и друзей, если представляется возможность получать от них пользу. «...Ценность, — подчеркивает Ксенофонт, — есть то, от чего можно получать пользу». Во всех этих высказываниях потребительная стоимость блага (по терминологии Ксенофонта — ценность) связывается с пользой, которую оно приносит.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 379.

Интересно также отметить, что Ксенофонт рассматривает не только полезность материальных благ, но и пользу, так сказать, и невещественных благ. Наряду с ценностью в понимании потребительной стоимости Ксенофонт толкует также и о ценности в смысле меновой стоимости. Так, он заявляет, что для «того, кто не умеет пользоваться флейтой, если он ее продает, она — ценность; а если не продает, а владеет ею, — не ценность».

Ксенофонт в этом высказывании рассматривает полезность блага для его владельца как способность обмениваться на другое благо, как меновую стоимость. Два значения, которые Ксенофонт придает слову «ценность», свидетельствует о том, что мы встречаем у него, по существу, первую в экономической литературе постановку вопроса о двух сторонах товара: в качестве потребительной стоимости и меновой стоимости.

Ксенофонт о деньгах. Двойственная позиция Ксенофонта по вопросу о тенденциях развития античной экономики сказалась и на его трактовке проблемы денег. Ксенофонт относится отрицательно к деньгам. Вместе с тем он подчеркивает рост употребления золота и серебра как предметов роскоши с возрастанием богатства. О накоплении денег Ксенофонт писал: «...Денег никто не имеет столько, чтобы не желать иметь их еще больше, а если у кого-нибудь они оказались в избытке, то он, закапывая излишек, получает не меньше удовольствия, чем если бы он им пользовался»¹.

В приведенном высказывании Ксенофонт, как это отмечает К. Маркс, развивает понятие денег в их специфической определенности формы в качестве денег и сокровища. Будучи сторонником накопления денежных сокровищ, Ксенофонт ратовал за рациональную эксплуатацию серебряных рудников. Более того, Ксенофонт утверждал, что приобретением рабов для их эксплуатации на серебряных рудниках должно заняться государство. По мнению Ксенофонта, необходимо усердно разрабатывать серебряные рудники, потому что серебро никогда не станет дешевле.

Мыслитель полагал, что если избыточное количество товаров, в том числе и золота, приводит к их обесценению, то исключением из этого правила является серебро. Ксенофонт считал серебро деньгами по преимуществу, отсюда его убежденность в том, что серебро находится вне воздействия спроса и предложения.

Высказывания Ксенофонта по ряду экономических проблем свидетельствуют о том, что, будучи сторонником натурального хозяйства, он все же стремился использовать наличные товарно-денежные отношения в интересах своего класса — рабовладельческой аристократии. На трактовку Ксенофонтом вопросов экономики наложил свой отпечаток присущий ему «буржуазный инстинкт»².

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 119.

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 379.

Платон — древнегреческий философ, крупнейший представитель античного идеализма, живший в Афинах в период кризиса рабовладельческой системы. Платон родился в 427 г. до н. э. По своему социальному происхождению он принадлежал к афинской аристократии. Учителем Платона был Сократ. Платон был основателем в Афинах философской школы Академии, явившейся центром античного идеализма. Умер Платон в 347 г. до н. э. У Платона мы не встречаем законченной экономической системы. Для него был характерен исключительный интерес к проблемам государства, которое он отождествлял с обществом. Платон выдвинул две схемы государства, т. е. общества: одну — схему идеального государства, другую — схему, более близкую к государству его эпохи.

Схема идеального государства у Платона. Основой идеального государства у Платона является разделение труда. По мнению Платона, «люди по своим способностям весьма различны: одни рождены для управления, другие — для вспомоществования, а иные — для земледелия и ремесленничества».

Исходя из предпосылки, что способности людей однообразны, а потребности их разнообразны, Платон утверждает о наличии противоречия между потребностями индивидуумов и возможностями их удовлетворения. Противоречие это разрешается в результате образования города, т. е. государства, или общества. Положив в основу своего учения о государстве воззрение о прирожденном неравенстве людей по их способностям, исходя из принципа разделения труда, Платон обосновал необходимость деления свободного населения на три сословия: сословие философов, воинов, ремесленников и мелких торговцев — сословие, причастное к хозяйственной деятельности. Рабы в идеальном государстве Платона находятся вне сословий; они фигурируют как говорящее орудие производства. В идеальном государстве Платона господствующую роль играли философы. Привилегированное положение этого сословия Платон мотивировал необходимостью управлять государством, базируясь на принципах научного познания.

На воинское сословие Платон не только возлагает функцию защиты города от внешнего врага, но и чисто полицейские обязанности внутри страны — ограждение привилегированных сословий от ярости народных масс, изнывающих под ярмом рабовладельческой эксплуатации. Для обеспечения солидарности внутри господствующего класса и укрепления обороноспособности государства Платон считает необходимым уничтожить частную собственность для философов и воинов. Для этих сословий Платон проповедует надуманный «коммунизм», вплоть до общности жен, общих детей для ограждения от разлагающего воздействия частной собственности.

К третьему сословию Платон относит всех граждан, в той или иной степени связанных с хозяйственной деятельностью, с производством и обменом материальных благ: земледельцев, мастеровых, торговцев и т. д., которые по своему социальному положению приближаются к рабам. Платон допускает в своем идеальном государстве торговлю, исходя из необходимости обмена деятельностью его граждан с целью удовлетворения своих потребностей. В этой связи Платон анализирует деньги в их функции средства обращения и выдвигает содержательную для своего времени мысль о том, что монета — знак для обмена. Однако Платон причисляет торговлю к занятиям отнюдь не почетным. К торговле допускаются только иностранцы.

Платон отчетливо представлял себе, и в этом его заслуга, что противоположность между богатством и бедностью представляет собой характерную особенность общественной жизни. Он писал, что в любом городе, независимо от его величины, «всегда есть два взаимно враждебных города: один город бедных, другой — богатых...». Вместе с тем, по мысли Платона, богатство располагает к «роскоши, лени и желанию новизны», а бедность — к «работорговле и злоупотреблению для новизны». Платон уверял, что его идеальный строй ставит своей целью «упрочить счастье целого города...». Однако Платон ратовал за обеспечение благоденствия граждан в соответствии с их сословным положением. Составной частью «счастливого» государства был своеобразный потребительский «коммунизм» для аристократической части общества. Учение Платона об идеальном государстве было направлено против демократии и представляло попытку теоретического обоснования и защиты аристократической формы рабовладельческого государства.

Платон о замкнутом аграрном рабовладельческом государстве. Наряду со схемой идеального государства Платон дал набросок государства, в котором экономическая организация общества относительно ближе подходила к современной Платону конкретной действительности. Платон считал свой первый проект государства наилучшим. О втором своем проекте государственного устройства Платон отзывался, что он также «очень близок к бессмертию, но занимает лишь второе место»¹. Будущее государство, в представлении Платона, должно базироваться в экономическом отношении на политике хозяйственной обособленности и самостоятельности. Его краеугольным камнем является необходимость «не искать... несправедливого обогащения». А это предполагает равномерное распределение земли и жилищ.

В новом государстве, по мнению Платона, «общинного земледелия» может и не быть, так как современное поколение по своему воспитанию и образованию до этого еще не доросло. Однако каждый гражданин, получивший по жребию надел, должен его считать «общей собственностью всего государства». Государственная

¹ «Творения Платона», XIII, Академия, Пб., 1923, Законы, стр. 155—156.

власть должна изыскивать всяческие средства, чтобы число граждан в стране и величина имущественного надела оставались стабильными. Отстаивая принцип равномерного распределения применительно к земледелию, Платон вместе с тем вносит в этот принцип существенные поправки. Он считает необходимым установить в государстве «неравный, имущественный ценз». В зависимости от величины имущества учреждается четыре класса граждан. Разбогачив или обеднев, граждане переходят в соответствующий, подходящий для каждого из них класс.

Платон не закрывает глаза на то, что в его государстве возможно разжигание классовой борьбы. Желая предотвратить «междоусобие или восстание», Платон устанавливает «предел бедности», который он сводит к стоимости надела наличного у каждого гражданина. Приняв «предел бедности» за «меру», законодатель может допустить приобретение имущества в размере, превышающем «меру» максимум в четыре раза. Нарушителя этого закона постигает кара как наказание за государственное преступление. В платоновском государстве ведущая роль среди всех отраслей хозяйственной деятельности принадлежит земледелию. После земледелия Платон отмечает существенное значение ремесла в экономической жизни государства. Труд ремесленников, подобно всем другим видам хозяйственной деятельности, должен быть подчинен установленным правилам, регулирующим и узаконивающим его.

Платон о разделении труда. Исходя из своей общеполитической точки зрения, что люди рождаются с заранее присущими им способностями, Платон возражал против совмещения в одном ремесле нескольких занятий. Он считал, что уроженцы и коренные жители страны не должны допускаться к ремесленному труду, что ремесло — удел иностранцев. Если же кто-нибудь из иностранцев занимается двумя ремеслами, то государственная власть своими карательными мероприятиями принуждает его «быть единым человеком, а не многим зараз».

В высказываниях Платона о ремесле нашло отражение его учение о разделении труда. В обеих своих схемах государственного устройства Платон выводил разделение труда внутри общины из разносторонности потребностей и односторонности дарований. Основное его положение состоит в том, что работник должен приспосабливаться к делу, а не дело к работнику. К. Маркс в «Капитале» писал, что «поскольку в республике Платона разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя...»¹. К. Маркс расценивает трактовку Платоном вопроса о разделении труда в качестве естественной основы города, государства как гениальную для своего времени.

Платон о торговле и деньгах. Наряду с ремеслом существенную роль в экономической жизни государства Платон отводит торговле.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 379.

Всячески восхваляя мелкую торговлю, он отмечает полезный характер выполняемых ею функций. Платон писал: «Разве не является благодетелем всякий, кто приводит к соразмерности и единообразию любую разнообразную и несоразмерную собственность? Мы должны признать, что это происходит именно вследствие денежного обращения...».

Приведенное нами высказывание Платона представляет большой интерес. Платон выдвигает замечательное для своей эпохи утверждение, что в процессе обмена происходит уравнивание всех товарных тел, что благодаря актам торговли они становятся соизмеримыми, несмотря на то что они являются носителями собственности «разнообразной» и «несоразмерной». Поставив вопрос о равенстве и соизмеримости товаров, Платон, однако, не мог его разрешить. По его мнению, товары становятся соизмеримыми посредством денег.

Отсутствие у Платона понятия стоимости было причиной того, что вопрос о соизмеримости товаров остался у него неразрешенным. Отметив пользу, доставляемую мелкой торговлей государству, Платон вместе с тем обращает внимание на то, что у громадного большинства людей «желания неумеренны, и, хотя возможно извлекать умеренную прибыль, они предпочитают ненасытную прибыль». По мнению Платона, в определенных условиях времени и места товар должен строго продаваться по одной, определенной цене. По вопросу о колебательном изменении товарных цен у Платона был чисто нормативный подход. Цена, по мнению Платона, должна регулироваться сверху, она должна иметь «разумную» основу для обеспечения «умеренной» прибыли. О том, что цена имеет трудовую основу, Платон не мог догадываться, ограниченный кругозор своей эпохи. Вместе с тем высказывания Платона о товарных ценах свидетельствуют о том, что у него были смутные представления о выполнении деньгами функции меры стоимости.

В качестве инструмента торговли Платон выдвигает монету; он различает туземную монету, которая имеет хождение лишь внутри страны, и общую эллинскую монету, которая находится в монопольном владении государства для оплаты военных походов, путешествий и т. д. Частные лица, выехавшие с разрешения властей за границу, обязаны, по возвращении домой, сдать имеющиеся у них иностранные деньги государству, получив взамен туземные. Присвоенные иностранные деньги подлежат конфискации. Различие, проводимое Платоном между туземной монетой и общей эллинской монетой, свидетельствует о том, что он различал обращение полноценных денег и неполноценных денег.

По поводу высказываний Платона об обращении денег в стране К. Маркс отметил, что Платон был одним из тех писателей древности, которые могли наблюдать только явления металлического обращения и вместе с тем рассматривали золотую монету как символ или знак стоимости. Платону была известна выполняемая деньгами функция сокровища. Однако, в отличие от Ксенофонта,

Платон относился к этой функции денег отрицательно. Он считал недостойным для граждан своего государства стремиться к «ненасытной» прибыли путем накопления денежных сокровищ. Платон был противником торговых сделок в кредит; он считал, что торговые сделки должны совершаться за наличный расчет. Резкое неодобрение встречали со стороны Платона ростовщические операции. Он писал: «...Нельзя отдавать деньги под проценты; в этих случаях позволяется вовсе не возвращать должнику ни процентов, ни капитала». Отношение Платона к ростовщическому капиталу объясняется тем, что эта «допотопная» форма капитала вела к упадку рабовладельческую форму производства, что она способствовала разложению натурального хозяйства и развитию товарно-денежных отношений.

Платон о рабстве. Классовая направленность социально-экономических воззрений Платона со всей наглядностью сказалась на его отношении к рабству. В отличие от практиковавшегося обычно в период античной цивилизации воздействия на рабов «стрекалом и бичами», Платон стремится всякого рода «воспитательными» мероприятиями заставить рабов лучше работать на рабовладельцев. Платон трепещет перед грозным призраком восстания рабов. Так, поскольку рабам одной и той же национальности легче подняться на восстание, Платон считает, что рабы «не должны быть между собой соотечественниками, а, напротив, по возможности, более разниться по языку...». В заключение отметим, что в своих проектах идеального государства Платон пытался обосновать вечный характер рабовладельческого общественного строя, объявив раздрающие его антагонистические противоречия законом природы. На трактовке Платоном проблем экономики отразилась его защита интересов рабовладельческой аристократии, враждебное отношение к демократии.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ

Крупнейшим представителем экономической мысли античного общества был великий древнегреческий философ Аристотель. Аристотель (384—322 гг. до н. э.) происходил из города Стагира («Стагирит»). Отец его был придворным врачом македонского царя Аминты III. Семнадцати лет Аристотель вступил в Афинах в Академию Платона. В 343 г. до н. э. Аристотель был приглашен воспитателем к наследнику македонского престола Александру. В Македонии Аристотель пробыл около восьми лет. По возвращении в Афины он основал свою философскую школу Ликей и целиком отдался научной и педагогической деятельности. После смерти Александра Македонского Аристотель уехал на остров Эвбею, где вскоре умер.

Аристотель — идеолог рабовладельческого общества. В своих социально-экономических воззрениях Аристотель исходил из пред-

посылки о неизменности человеческой природы. «...Человек, по природе своей, есть существо политическое, в силу чего даже те люди, которые несколько не нуждаются во взаимопомощи, инстинктивно стремятся к образованию совместного сожительства. Побуждает, впрочем, людей к этому и сознание общей пользы, поскольку в интересах каждого индивида проявляется стремление устроить свою жизнь прекрасно...»¹. Природное влечение людей к общежитию приводит к образованию семьи, селений, а впоследствии и государства. Полагая, что та жизнь блаженная, при которой осуществляется добродетель, что наилучшей жизнью каждого индивидуума является «средняя жизнь», Аристотель считает, что этот же критерий должен быть применен и к государству. Для того чтобы государство достигло величайшего благополучия, необходимо, чтобы его граждане обладали «собственностью среднюю, но достаточную...».

Аристотель был сторонником государственного устройства, сочетавшего элементы монархии, аристократии и демократии. К. Маркс в «Капитале» отметил историческую ограниченность определения человека как существа политического — основу учения Аристотеля о государстве². Из замечаний К. Маркса следует, что ошибочность аристотелевского определения человека заключалась в его внеисторическом характере, в игнорировании сущности человека как совокупности общественных отношений, в превращении рабовладельческой системы эксплуатации в дар природы. Положив в основу своего учения о государстве неизменную человеческую природу, признавая сущностью государства стремление к «всеобщему» благу, Аристотель дал идеалистическое объяснение его происхождения. Правильно подчеркнув наличие в современном ему общественном строе классовых противоположностей, Аристотель ратует за идеальное государство, которое примиряло бы имущественные противоречия, носило бы надклассовый характер.

Переходя от общей характеристики идеального государства к рассмотрению образующих его элементов, Аристотель на первое место выдвигает земледельческий класс. Этому классу, как не обладающему значительной собственностью, «приятнее личный труд, чем занятия политикой...». После земледельческого класса наилучшим Аристотель считает класс, занимающийся скотоводством и живущий на доходы от своего труда. В качестве второй части государства Аристотель называет класс ремесленников, без которого «невозможно самое существование государства...». Третья часть — торговый класс, который занимается «куплей и продажей, оптовой и розничной торговлей». Четвертая часть — наемные рабочие. Пятая часть — военное сословие. Рабы выделяются Аристотелем в

¹ Аристотель. Политика. Москва, 1911, стр. 109. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 337—338.

особую группу, поскольку они не принадлежат к гражданской общине.

Воплощение добродетели, обеспеченной высшими благами, Аристотель видит в условиях идеального государства в образе жизни политического деятеля, а также философа. На долю граждан достается также выполнение функций военного сословия, а также обязанностей, связанных с деятельностью законосовещательного и судебного органов. Гражданское население Аристотель считал подлинными элементами государства, каковыми все остальные классы не являлись, хотя они и были необходимы для существования государства. По мысли Аристотеля, «владение собственностью», «право собственности» должно сосредоточиться в руках привилегированной части государства, ибо «граждане должны пользоваться благосостоянием». Вся земельная территория государства должна быть разделена на две части: одна часть должна находиться в общем владении государства, другая часть — в частном владении. А так как каждый гражданин должен от земли получать свое пропитание, то это, по мнению Аристотеля, означает, что землепашцами должны быть рабы.

Свободный человек, по мнению Аристотеля, не должен заниматься ни земледельческим, ни ремесленным трудом, к которому он причислял «занятия и искусства», выполняемые за плату. Аристотель считал, что ремесленный труд — исключительное достояние рабов. Отстаивая, как и Платон, замкнутое аграрное хозяйство, Аристотель считал, что территория государства должна гарантировать удовлетворение его потребностей. «Справедливость», которую Аристотель видел воплощенной в своей теории «лучшего государства», ставила своей целью оправдать и санкционировать рабовладельческие экономические отношения.

Аристотель о рабстве. Аристотель уделил много внимания насущному, вызвавшему большой интерес вопросу о рабстве. Рассматривая взаимные отношения между господином и рабом с точки зрения «практической пользы», Аристотель утверждал, что властвование и подчинение представляют собой универсальный закон природы, который мыслитель переносил и на явления общественной жизни. Непосредственно с самого рождения «некоторые существа различаются в том отношении, что одни из них как бы предназначены к подчинению, другие — к властвованию». Оказывается, что дело в различной физической организации рабов и свободных людей. Аристотель считает, что между рабами и господином существует известная «общность интересов и взаимное дружелюбие», если отношения между ними зиждятся на «естественных началах». Мотивирует это Аристотель тем, что «раб является своего рода частью господина, как бы одушевленную и отделенную частью его тела». А то, что полезно для части, то полезно и для целого.

Хотя Аристотель и оправдывал рабство, он тем не менее мечтал о наступлении такого общественного строя, когда рабство исчезнет. «Если бы каждый инструмент мог выполнять свойственную ему

работу сам, по данному ему приказанию или даже его предвосхищающая...; если бы ткацкие челноки сами ткали..., то тогда и зодчие, при постройке дома, не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы». Аристотель, следовательно, усматривал связь рабского труда с орудиями производства и в своих мечтаниях о приходе идеального общественного строя, когда труд раба станет излишним, исходил из изменений в орудиях производства. Однако высказывания, в которых Аристотель относился отрицательно, критически к рабству, были для него не характерны. Аристотель был принципиальным сторонником рабства, в чем сказывалась классовая целеустремленность его мировоззрения. К. Маркс писал: «...Такой исполнителю мысли, как Аристотель, ошибался в своей оценке рабского труда...»¹.

Аристотель об экономике и хрематистике. Переходя к вопросу о том, какими путями достигается удовлетворение потребностей общества, Аристотель различал экономику и хрематистику. Под экономикой Аристотель понимал искусство приобретения благ, необходимых для жизни или полезных для дома или государства. Экономика, которая ставит своей целью «истинное богатство», имеет границы. Под «истинным богатством» Аристотель понимает совокупность потребительских стоимостей, которая должна быть достаточна лишь для хорошей жизни.

Экономике Аристотель противопоставляет хрематистику. Для хрематистики, целью которой является абсолютное обогащение, не существует границ для ее осуществления, ибо она базируется на деньгах как начале и конце меновых отношений. Хрематистика отличается от экономики тем, что для нее источником богатства является процесс обращения. «... Искусство приобретения является естественным, искусство наживать состояние не таково, оно осуществляется предпринимательно путем известной опытности и технического приспособления». Таким образом, исходя из противопоставления естественного неестественному, Аристотель различал два вида приобретения богатства: один ставит своей целью накопление потребительных стоимостей, другой — накопление денег. Противопоставление экономики хрематистике, которое проводил Аристотель, находилось в тесной связи с его этическими принципами, с его взглядами на добродетельную жизнь.

Аристотель о товаре. Анализируя природу товара, Аристотель утверждал, что потребление каждого блага, пользование каждым объектом владения носит двоякий характер. В одном случае вещь пользуются из-за присущей ей цели, ради которой она предназначена к потреблению, в другом — отнюдь не ради этой цели. В качестве иллюстрации Аристотель приводит пример с потреблением сандалии. Сандалия может служить для обувания ноги, но она может служить и для обмена. То и другое, по мнению Аристотеля, суть потребительные стоимости сандалии. Однако пользование сан-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 92.

далий для обмена не является естественным способом употребления сандалии, ибо последняя существует отнюдь не для обмена.

Из этих высказываний Аристотеля следует, что он в меновой стоимости товара видел, по существу, потребительную стоимость товара для его владельца, заключающуюся в способности товара быть обмененным на другой товар. Кроме анализа двух свойств товара — его потребительной стоимости и меновой стоимости, К. Маркс ставит в заслугу Аристотелю то, что он впервые анализировал «...форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами»¹.

В качестве примера Аристотель приводит обмен продуктами между строителем и сапожником. Для этого, по мнению Аристотеля, прежде чем произойдет расплата, должно быть «установлено пропорциональное равенство...», ибо там, где «нет равенства, нет и обмена». «...Ничто не мешает, — продолжает Аристотель, — продукту одного оказаться неравносильным с продуктом другого; а если так, то нужно их приравнять»². Аристотель подчеркивает, что в процессе обмена происходит приравнивание «всех ремесел и искусств». Они вообще перестали бы существовать, если бы «активная сторона не производила (нечто определенным) и количественно, и качественно, а пассивная сторона не принимала это также и количественно, и качественно (определенным)»³.

С точки зрения Аристотеля, в процессе обмена происходит не только уравнивание вещей, но и приравнивание людей. Больше того, по мнению Аристотеля, между равенством вещей и приравниванием людей существует тесная связь. Резюмируя ход своих рассуждений, Аристотель пишет: «Итак, нужна (пропорция): как строитель относится к сапожнику, так же столько-то сандалий к дому или дневному пропитанию, так как без соблюдения пропорции не будет ни обмена, ни общества». Пропорции же не будет, если «не произойдет уравнивания на какой-то основе»⁴. Выдвинув столь замечательный тезис о равенстве и соизмеримости обмениваемых товаров, Аристотель, однако, не был в состоянии подвергнуть дальнейшему анализу форму стоимости и остановился на полпути. Он утверждал далее, что в действительности невозможно, чтобы приравниваемые разнородные вещи могли быть соизмеримы, т. е. качественно равны. Он видел в такого рода приравнивании лишь искусственный прием для удовлетворения практической потребности, нечто чуждое истинной природе вещей.

Аристотель понимал, что предпосылкой товарных цен является меновая стоимость товаров. Ему было ясно, что обмен происходил еще тогда, когда не было денег. Но, с другой стороны, так как он

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 68.

² Аристотель. Никомахова этика. Цит. по: «Античный способ производства в источниках». Изд. ГАИМК, 1933, стр. 553.

³ Там же, стр. 553—554.

⁴ Там же, стр. 554.

не мыслил себе форму меновой стоимости без цены, то он приходил к выводу, что товары становятся соизмеримыми лишь при помощи денег, что деньги делают товары соизмеримыми. Незавершенность у Аристотеля анализа товара объясняется отсутствием у него понятия стоимости, что, в свою очередь, вытекало из того, что естественным базисом греческого общества было неравенство людей и их рабочих сил. «Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит «в действительности» это отношение равенства»¹.

Аристотель о торговле и деньгах. Аристотелю принадлежит заслуга анализа различных видов торговли и процесса перехода одной формы торговли в другую. Аристотель указывает, что на первой стадии общественного развития, т. е. в семье, отсутствовала необходимость в обмене, ибо в «первоначальной семье все было общим...». Когда же первоначальная семья разбилась на много отдельных семей, возникла необходимость во взаимном обмене. Товарная торговля, поскольку в ней решающую роль играет потребительная стоимость, по природе своей принадлежит, по мнению Аристотеля, к сфере экономики.

Первоначальной формой товарной торговли была меновая торговля. Возникновение денег Аристотель связывает с расширением меновой торговли. Для Аристотеля денежная форма товара представляет собой лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости. Так, например, он утверждает, что 5 лож = 1 дому, не отличаются от 5 лож, равных такому же количеству денег. А это означало, по существу, что стоимость товаров является предпосылкой товарных цен, что деньги выполняют функцию меры стоимости постольку, поскольку они сами обладают стоимостью. Но, с другой стороны, как мы видели, у Аристотеля не было понятия стоимости, он утверждал, что товары становятся соизмеримыми посредством денег.

Аристотель обстоятельно и глубоко объясняет, как в результате меновой торговли между различными общинами возникает необходимость в специфическом товаре, обладающем стоимостью, который должен выполнять роль денег. Мыслитель считает, что деньги выступают в качестве всеобщего средства обмена лишь в результате соглашения. Согласно воззрениям Аристотеля, деньги функционируют в качестве монет не потому, что они обладают имманентной присущей им стоимостью, а лишь потому, что они обращаются. С изобретением денег, по мнению Аристотеля, целью товарной торговли становится хрематистика, самовозрастание денег, обращение превращается в источник богатства. В своих высказываниях по вопросу о деньгах Аристотель пошел дальше Ксенофонта и Платона. Аристотель правильно поставил вопрос о деньгах в функции меры стоимости, вопрос, имеющий ре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 70.

шающее значение для учения о деньгах. Аристотель анализировал деньги в их функциях меры стоимости и средства обращения. Однако Аристотель не понимал сущности денег, незавершенным у него оказался и анализ функции денег как меры стоимости и средства обращения. В своем анализе этапов развития торговли Аристотель в обобщенном виде показал переход от Т—Т через Т—Д—Т к Д—Т—Д. Таким образом, Аристотель различал две формы обращения денег: одну, в которой деньги функционируют как простое орудие обращения, другую, в которой они функционируют в качестве денежного капитала.

Аристотель о ростовщичестве и проценте. Аристотель резко осуждал ростовщичество. Он считал, что ростовщичество достойно порицания и само по себе дурно. В своем теоретическом обосновании отрицательного взгляда на ростовщичество Аристотель исходил из противопоставления денег в их естественной роли, ради которой они были созданы, той неестественной их роли, какую они играют при ростовщичестве. Аристотель говорит: «...Ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и употребляются не для того, для чего они были изобретены. Ведь они возникли для товарного обмена, между тем процент делает из денег новые деньги. ...Процент есть деньги от денег, так что из всех отраслей приобретения эта — наиболее противна природе»¹.

Взгляды Аристотеля на ростовщичество и процент отражали идеологию рабовладельческого класса, который относился отрицательно к ростовщичеству как одному из факторов, содействовавших разложению античного общества. В работах Аристотеля нашел свое выражение более широкий круг теоретико-экономических проблем, чем у Ксенофонта и Платона. По сравнению с Ксенофонтом и Платоном Аристотель в своем анализе соответствующих экономических категорий обнаружил большую глубину и оригинальность. Экономические воззрения Аристотеля представляют собой высшее достижение экономической мысли периода рабовладельческого общества.

В заключение отметим, что писатели античного мира были идеологами натурального хозяйства. Вместе с тем анализ товарно-денежных отношений в недрах рабовладельческого способа производства дал им возможность исследовать ряд политико-экономических категорий и тем самым положить начало новой отрасли научного познания — экономической науки. К. Маркс писал: «Поскольку греки делают иногда случайные экскурсы в эту область (т. е. экономические науки. — Авт.), они обнаруживают такую же гениальность и оригинальность, как и во всех других областях. Исторически их воззрения образуют поэтому теоретические исходные пункты современной науки»².

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 175.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 238.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕГО РИМА

История рабовладельческого общества завершается историей Древнего Рима. Расцвет могущества Древнего Рима связан с утверждением и высшей степенью развития рабовладельческого способа производства. Сумерки в истории Римской империи, ее закат и падение были вызваны кризисом рабовладельческой системы эксплуатации. Распад Древнего Рима был ускорен в огне классовых борьбы.

К. Маркс в «Капитале» отмечает, что «секрет» истории Римской республики «...заключается в истории земельной собственности»¹. В этой связи приобретает большой научный интерес литература по аграрному вопросу в Древнем Риме. В трактатах Катона, Варрона и Колумеллы нашло свое отражение развитие сельского хозяйства Древнего Рима, вплоть до периода кризиса рабовладения.

Катон. Катон старший, Марк Порций (234—149 гг. до н. э.) был крупным политическим деятелем и писателем Древнего Рима, автором сельскохозяйственного трактата «Земледелие», документа, ярко иллюстрирующего состояние экономики, в особенности сельского хозяйства, того времени.

Из всех видов хозяйственной деятельности Катон выше всего ставит занятия, связанные с сельским хозяйством. Рассматривая земледелие как самое выгодное, почетное и благородное занятие, Катон отнюдь не является принципиальным противником торговли. Его смущает лишь то, что это занятие опасное и чревато всякими бедствиями. Более того, Катон считает, что «дохода ради» стоило бы «отдавать деньги в рост, будь только это почетно». Катон считает идеальным имение, в котором объединены все хозяйственные отрасли. Вдохновляющим принципом хозяйствования на земле должен быть принцип: «Хозяину любо продавать, а не покупать».

Катон ориентируется на хозяйство, связанное со сбытом части произведенной продукции, в основном на пригородное хозяйство. Он считает, что хозяин должен пригородное имение «устроить и засадить так, чтобы оно было как можно прибыльнее»². Доходность имения, его прибыльность — это в то же время для Катона и «честь», и «слава». В деле организации образцового имения, по мнению Катона, средства производства не играют существенной роли. Для того чтобы «не израсходоваться на имении», он полагает, что «большого оборудования не надо, надо хорошее место»³. Для Катона характерно исключительное внимание к живой рабочей силе, к организации труда рабов. В отношении к рабам со всей откровенностью обнаруживается его стремление выколотить из них наибольшую массу прибавочного труда. Так, например, с целью интенсификации труда рабов в идеальном имении Катона устанавливается

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 92.

² Марк Порций Катон. Земледелие. АН СССР, 1950, стр. 15.

³ Там же, стр. 8.

система «уроков». Катон пишет, что хозяину, явившемуся на свою усадьбу, «следует заняться расчетом уроков и дней».

Вилик должен следить за тем, чтобы «люди не заленивались», чтобы рабы были «всегда в работе». Не оставляет Катон без внимания и умонастроение рабов. Оказывается, что, если вилик будет сам работать, он «будет знать, что у рабов на уме, и они будут покладистее в работе»¹. Жестокая дисциплина труда среди рабочих поддерживается виликом, который «хорошо наказывает виноватого, смотря по проступку». Рассматривая вилика как раба, который должен со всей строгостью выполнять веления господина, Катон связывает доходность имения с непосредственным руководством, с управлением имением самим хозяином. Он приводит афоризм: «Хозяйский глаз — алмаз».

Интересно отметить, что трактат Катона свидетельствует о наличии своеобразных арендных отношений. Так, например, Катон упоминает об «издольщиках». Издольщик — это арендатор, который, по существу, ведет хозяйство и получением половины дохода материально заинтересован в его процветании. В ряде глав мы встречаем указания, на каких условиях следует «сдавать с подряда» сбор маслин, приготовление масла, на каких условиях сдавать зимнее пастбище, и т. д.². Трактат Катона «Земледелие» свидетельствует о том, что в Италии во II в. до н. э. были распространены интенсивные формы сельского хозяйства. Он является существенным первоисточником для изучения аграрной истории Древнего Рима.

Варрон. Агрономический трактат Марка Теренция Варрона (116—27 гг. до н. э.) — римского писателя и ученого в различных областях знания — под названием «О сельском хозяйстве» свидетельствует, по сравнению со временами Катона, о дальнейшей степени рационализации, интенсификации итальянского сельского хозяйства, о дальнейшем проникновении в его недра товарно-денежных отношений.

Ратуя за более высокую доходность имений, Варрон выступает как сторонник ведения сельского хозяйства на научных основах. Критерием доходности поместий Варрон считает «удобный вывоз в окрестную область, причем, где что продается, там и рождается, а также удобный ввоз того, что нужно в поместьи...»³. По мысли Варрона, землевладельцам следует учитывать колебания рыночных цен для получения возможно большей прибыли.

Наряду с сельским хозяйством Варрон в своем трактате уделяет внимание скотоводству. Полагая, что эти занятия весьма близки друг к другу, Варрон считает, что из скотоводства «можно извлечь немалый доход...»⁴. Интерес Варрона к скотоводству

¹ Марк Порций Катон. Земледелие. АН СССР, 1950, стр. 32, 11, 12.

² Там же, стр. 68—73.

³ Цит. по: Д. П. Кончаловский. Экономическая история Рима в ее источниках. ГИЗ, 1925, стр. 58.

⁴ Там же, стр. 66.

отражал распространение в крупных имениях также и экстенсивных форм ведения хозяйства. Переходя к характеристике тех средств, посредством которых возделываются поля в имении, Варрон различает «орудия говорящие, орудия, издающие нечленораздельные звуки, и орудия немые...; к говорящим относятся рабы, к издающим нечленораздельные звуки — волы, к немым — телеги»¹. Варрону принадлежит определение раба как говорящего орудия.

Из трактата Варрона мы узнаем, что поля обрабатываются либо рабочими, либо свободными людьми, либо теми и другими одновременно. Наемный труд, по мнению Варрона, выгоднее всего применять в нездоровых местностях либо при выполнении работ крупного масштаба. Как и Катон, Варрон уделяет много внимания труду рабов и качествам управляющего. Варрон утверждал, что к труду рабов должен быть применен принцип материальной заинтересованности. Он писал, что «охоту к труду можно вызвать также более свободным режимом, более щедрой мерой пищи и одежды, сокращением количества работы или разрешением выгонять на пастбище имения несколько голов собственного скота, или чем-нибудь другим в том же роде...».

В отличие от Катона, у которого виллик, по существу, ничем не отличается от раба, Варрон считает, что в начальники над рабами следует поставить людей грамотных, подвергшихся «влиянию образованности». Принцип материальной заинтересованности в результатах труда должен быть, по мнению Варрона, применен не только к рабам, но и к их начальникам. Так, для стимулирования их усердия надлежит позволять им иметь пекулий, т. е. имущество для самостоятельного хозяйствования, а также рабынь для сожителства. Варрон не оставляет в стороне и моральный фактор. Управляющие имениями должны быть посвящены в «предполагаемый план работ...». Таким образом, по мнению Варрона, принцип материальной заинтересованности должен охватить все звенья хозяйствования в поместье.

В заключение следует подчеркнуть, что в сравнении с Катонем, который в своих рационализаторских мероприятиях главным образом делает ставку на непосредственную чрезмерную эксплуатацию раба, Варрон — сторонник интенсивных методов хозяйствования, связанных со значительными затратами средств. На высказываниях Варрона о рабах, очевидно, сказались события, связанные с великим восстанием рабов в Италии.

Колумелла. Колумелла, Луций Юний Модерат (I в. н. э.), римский писатель и агроном, в своем обширном трактате «О сельском хозяйстве» отразил состояние сельского хозяйства Рима в период кризиса рабовладельческой системы эксплуатации.

Колумелла развенчивает жалобы на упадок сельского хозяйства в Италии, которые исходят из утверждения о неуклонном убывающем плодородии почвы. Оскудение сельского хозяйства,

¹ Цит. по: Д. П. Кончаловский. Экономическая история Рима в ее источниках. ГИЗ, 1925, стр. 60.

по его мнению, следует искать в недостатках хозяйствования на земле. Обработка земли предоставлена «худшим рабам», тем самым земля словно отдана в «наказание палачу». Колумелла негодует на то, что землевладельцы не удостаивают «самолично хозяйствовать в... поместьях...». Продолжая традиции Катона и Варрона, Колумелла выступает в роли пропагандиста рационального хозяйства. Не следует покупать большего имения, чем это допускается «рациональным расчетом». «...Обширное поле, плохо возделанное, принесет меньше дохода, чем малое, но возделанное тщательно».

Для Колумеллы характерно стремление к ведению интенсивного хозяйства путем использования научных достижений своего времени. Однако, в отличие от Катона и Варрона, у него в большей степени выражено стремление производить товары для рынка, а не довольствоваться потреблением произведенных продуктов в собственном хозяйстве. Колумелла ратовал за необходимость повышения производительности труда рабов. В этой связи он отстаивал необходимость разделения труда между ними, а также пропорционального распределения рабов между различными работами. Так, например, Колумелла считал, что «рабы — пахари и виноградари должны представлять две различные группы...». При работе на большом пространстве каждая группа рабов не должна превышать десяти человек. Стремясь пробуждением духа соревнования между рабами создать дополнительную массовую производительную силу, Колумелла в большей степени, чем Варрон, придает значение моральному фактору в отношениях между господином и рабами.

Колумелла указывает, что он часто советуется с рабами, «как бы с людьми более опытными», и это дает возможность узнать «характер каждого из них и степень сообразительности...». Рабыни, которые отличаются большой плодовитостью, освобождаются от работ, а иногда им предоставляется свобода. Что касается вѣлика, то он должен быть не только мастером своего дела, но и отличаться высокими моральными качествами, насколько это допускает его рабское происхождение. Вместе с тем Колумелла считает, что «прилежный труд и опытность вѣлика, возможность и желание делать затраты не имеют такого значения, как присутствие самого хозяина...». Следовательно, последней инстанцией, к которой обращается Колумелла в своем стремлении повышать производительность труда раба и его надсмотрщика, является «страх» перед господином, насилие, внеэкономическое принуждение.

Колумелла в своем трактате отразил назревший крах рабовладения. Об этом свидетельствует, в частности, то, что Колумелла рассматривает положение колонов и их роль в идеальном имении. Применяя к колонам принцип выгоды, Колумелла считает, что господину в отношении к колонам не следует быть слишком взыскательным к тому, что следует колону «по праву». Однако, с другой стороны, полагает Колумелла, не следует допускать чрезмерных льгот. Колумелла считает невыгодной для владельца имения

частую смену арендаторов, поэтому, считает он, следует привлекать к обработке земли в качестве колонов сельских жителей, «прочно привязанных к месту...». Однако и в своем анализе предпосылок выгоды применения труда колонов Колумелла вновь подчеркивает преимущества личного управления имением. Колумелла пишет: «...Если климат и почва мало-мальски приличны, то личное хозяйничанье владельца всегда принесет больше дохода, чем сдача в аренду колонам...». Вместе с тем Колумелла полагает, что в отдаленных имениях «обработку всякого поля предпочтительно поручать свободным колонам, чем рабу-вѣлику...»¹.

Высказывания Колумеллы о колонах представляют большой интерес. Они свидетельствуют о том, что в середине I в. н. э. колонат был широко распространен. В заключение следует отметить, что Колумелла в большей степени, чем Катон и Варрон, отстаивает необходимость рационального хозяйствования на земле. Колумелла дальше, чем Варрон, идет в системе поощрений материального и духовного характера, применяемых ко всей массе рабов.

Трактаты Катона, Варрона и Колумеллы — важные первоисточники из литературы по аграрному вопросу в Древнем Риме — дают нам картину все возрастающего кризисного состояния в сельском хозяйстве в Древнем Риме, материалы для суждения об эволюции взглядов идеологов рабовладения в Древнем Риме по такому кардинальному вопросу экономики античного мира, как рабский труд.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АНТИЧНОГО ХРИСТИАНСТВА

Раннее христианство отнюдь не было создано вождями и пророками, оно представляло собой массовое движение, оно было движением угнетенных народных масс. Оно выступало, как отмечает Ф. Энгельс, в роли религии «...рабов и вольноотпущенников бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»². Первые христиане вербовались из «страждующих и обремененных», принадлежавших к низшим слоям народа. Это были опустившиеся свободные люди, вольноотпущенники, мелкие крестьяне, изнывавшие под ярмом долговой кабалы, и главным образом рабы. Никакого общего пути к освобождению у всех эти элементы быть не могло. Для этих социальных групп утраченный ими «рай» лежал позади. Они мечтали о свободном гражданстве в прежнем «полисе».

Военнопленные рабы вспоминали свободную жизнь, которую они вели до своего пленения и порабощения. Что касается мелких

¹ Цит. по: Д. П. Кончаловский. Экономическая история Рима в ее источниках, стр. 96—97

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 467.

крестьян, то они в своих дерзновенных грезах уносились в бесплодные, беспочвенные мечтания об уничтоженном родовом строе и общности владения землей. Земной «рай» этих социальных групп канул в безвозвратное прошлое, его «...смёл с лица земли нивелирующий железный кулак римского завоевателя»¹. Для всех этих поработенных, угнетенных и обнищавших людей с их чуждыми, а иногда противоположными друг другу интересами было спасение в религии. «...Появилось христианство, оно всерьез приняло воздаяние и кару в потустороннем мире, создало небо и ад, и был найден выход, который вел страждущих и обездоленных из нашей земной юдоли в вечный рай»².

В противоположность легенде о том, что христианство сразу и в готовом виде возникло из иудейства и из Палестины, победило мир своей догматикой и этикой, Ф. Энгельс указывал, что на христианство оказали огромное влияние александрийская филоновская школа и греко-римская вульгарная философия — платоновская и в особенности стоическая. Христианство не было ввезено извне и навязано греко-римскому миру, оно было необходимым продуктом процесса разложения этого мира.

Раннее христианство в своей проповеди неизбежного наискорейшего избавления от рабства и нищеты сулило это избавление, хотело осуществить социальное переустройство в неземной жизни, в потустороннем мире, в грядущем «тысячелетнем царстве». Признавая равенство всех людей «во Христе», в первородном грехе, раннее христианство отнюдь не ратовало за ликвидацию неравенства в реальной действительности, оно было далеко от постановки вопроса о подлинном, настоящем, истинном, а не мнимом освобождении рабов. Например, в раннехристианском произведении «Учение двенадцати апостолов», или «Дидахе», написанном в начале II в. и представлявшем собой небольшое руководство для христианских общин, мы читаем следующее об отношении господина к рабу: «В гневе своем не отдавай приказаний рабу своему или рабыне, надеющимся на того же бога (что и ты), чтобы они никогда не перестали бояться бога, (находящегося) над (вами) обоими, ибо он приходит призвать не по (той или иной) личности, а тех, кого уготовил дух». Что же касается рабов, то им преподносится следующий совет: «Вы же, рабы, повинуйтесь своим господам, как образу бога, по совести и со страхом».

В этом же раннехристианском произведении мы находим призыв и к общности имущества: «Не отвращай от себя нуждающегося, не делай своего брата соучастником во всем и не говори, что это твоя собственность, ибо если вы соучастники в бессмертном, — то насколько больше (вы соучастники) в тленном»³. Таким

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 482.

² Там же, стр. 483.

³ Цит. по: А. Ранович. Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы. Огиз, 1933, стр. 160

образом, раннее христианство, как религия рабов и угнетенных, знало, как отмечает Ф. Энгельс, «...только *одно* равенство для всех людей, а именно — равенство первородного греха...». Что касается следов «общности имущества», встречавшихся на первых шагах новой религии, то они «...объясняются скорее сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве»¹.

Раннему христианству принадлежит заслуга первой постановки вопроса о равенстве между людьми. Ни в первобытных обществах, ни в античной демократии равенства не существовало. Античным умам равенство всех людей представлялось безумным и преступным. «В христианстве впервые было выражено *отрицательное равенство перед богом всех людей как грешников* и в более узком смысле равенство тех и других детей божьих, искупленных благодатью и кровью Христа. Как та, так и другая концепция вытекала из роли христианства как религии рабов, изгнанников, отверженных, гонимых, угнетенных»².

Учение раннего христианства о равенстве в религиозной, мистической, фантастической оболочке отражало стремление к подлинному действительному равенству обездоленных, угнетенных народных масс, в первую очередь рабов. Вместе с тем «...христиане, — как отмечает В. И. Ленин, — получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом»³.

При феодализме требование равенства в религиозной форме было выдвинуто революционным крестьянством, боровшимся против ига крепостничества. Буржуазной демократии, по самой ее природе, присущи абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве, провозглашение юридического равенства буржуа и пролетариев, отнюдь не равных по своему классовому положению. Марксистское понимание равенства в области экономической означало уничтожение классов. Действительным борцом за действительное равенство является рабочий класс, самый передовой, самый революционный класс нашей эпохи, последовательный поборник идей интернационализма и братства народов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 105.

² Там же, стр. 636.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 43.

Глава II

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПЕРИОДА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА И ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА

Основой феодального способа производства была крупная земельная собственность. Сущность феодальной хозяйственной системы состояла в том, что вся земля, на которой велось земледельческое производство, находилась в собственности феодалов. Крестьянин вел свое индивидуальное хозяйство на земельном наделе, который был в его пользовании. В результате затраты прибавочного труда крестьянин создавал для помещика прибавочный продукт путем внеэкономического принуждения непосредственного производителя к труду. В. И. Ленин писал: «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство»¹.

Феодальное производство характеризуется двумя основными формами: формой барщинного хозяйства и формой оброчного хозяйства. Сущность барщинной системы хозяйства состояла в том, что вся земля данной вотчины разделялась на барскую и крестьянскую. Крестьянская отдавалась в надел крестьянам, которые сверх того получали и другие средства производства, например лес, иногда скот и др.

Своим трудом и своим инвентарем крестьяне обрабатывали свой надел. Продукт труда крестьян представлял собой необходимый продукт. Это был необходимый продукт для крестьян и необходимый продукт для помещика. При барщинной системе непосредственный производитель одну часть недели работал на своей земле при помощи орудий, принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работал даром на землевладельца в его имении.

При барщинной системе необходимый труд был отделен от прибавочного труда во времени и в пространстве. При оброчной системе непосредственный производитель производил весь продукт

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

фактически на всей земле, передаваемой крестьянам в надел. Необходимым продуктом являлась та часть продукта, которая оставалась в хозяйстве непосредственного производителя. Прибавочным продуктом являлась другая часть продукта, которая в виде оброка присваивалась помещиком-феодалом.

Различие между необходимым и прибавочным продуктом носило здесь видимый, осязательный характер. По мысли К. Маркса, продуктовая рента отличается от отработочной тем, что непосредственный производитель должен выполнять прибавочный труд под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети. К. Маркс далее отмечает, что при продуктовой ренте непосредственный производитель «...более или менее располагает всем своим рабочим временем, хотя часть этого рабочего времени... по-прежнему даром принадлежит земельному собственнику... в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется»¹.

Последнюю форму феодальной ренты и в то же время форму ее разложения представляет собой денежная рента — превращенная форма продуктовой ренты. Хотя непосредственный производитель при денежной ренте по-прежнему производит наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта производится теперь как товар. По сравнению с предшествующими ей формами феодальной ренты, денежная рента предполагает более значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства, денежного обращения. Что касается рентных отношений в странах Востока, то в них феодальная рента — оброк, рента продуктами, отчасти денежная рента — совпадала с государственным налогом на крестьян.

Для экономической науки раннего феодализма характерно, что она еще не обособилась как самостоятельная часть соответствующей идеологической надстройки, — экономические идеи на этой стадии развития феодализма выступают под покровом юридических памятников — «Салической Правды» в Европе, «Русской Правды» — в России. Развита стадия феодализма ознаменовалась появлением экономических идей, облаченных в религиозную оболочку Фомой Аквинским (XIII в.) в Западной Европе и Ермолаем-Еразмом (XVI в.) — в России. Социально-экономическими мотивами были насыщены средневековые ереси, тесно связанные с экономическими требованиями крестьянских восстаний.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ

Проблема возникновения ислама тесно связана с вопросом о характере государства, образовавшегося у арабов в VII в. н. э. Разложение первобытнообщинных отношений у арабов привело

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 358.

к возникновению рабства. Арабская родовая аристократия эксплуатировала рабов в скотоводстве в качестве пастухов, а в земледелии — на оросительных работах. Рабский труд, применяемый в скотоводстве и земледелии, приводил к вытеснению свободных кочевников-скотоводов из общественного производства.

В VI в. в Аравии противоречия между различными категориями населения существовали в виде противоречий между рабовладельцами и рабами, между богатой родовой аристократией и неимущими и малоимущими, а также между оседлыми и кочевниками. Процесс разложения первобытных отношений происходил в Аравии, благодаря развитию торговли и ростовщичества, относительно быстрее в Мекке, где сложился рабовладельческий уклад и где в зародышевом состоянии имелся ряд государственных учреждений. Наличные предпосылки у арабов для образования государства оформились в виде мединской мусульской общины. В качестве одной из надстроек новообразовавшегося государства явилась новая идеология, принявшая форму новой религии — ислама.

Древнейшим первоисточником начального периода истории ислама является Коран. Древнейший текст Корана относится ко времени халифа Османа (644—656). Коран стоял на страже незыблемости, неприкосновенности частной собственности. Так, похищение чужой собственности, кража беспощадно и безжалостно наказывались: «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха»¹.

В Коране рассматривается как «милость Аллаха» наличие неравенства в распределении жизненных благ между людьми, подчинение одних людей другим, присутствие в общественной жизни противоположных полюсов — господ и слуг, угнетателей и угнетенных. «Мы (т. е. Аллах. — *Авт.*) разделили среди них (т. е. людей. — *Авт.*) их пропитание в жизни ближней и возвысили одних степенями над другими, чтобы одни из них брали других в услужение». Зависимое, подчиненное, подневольное положение женщины, господство мужчины над женщиной в Коране выводится из общей, присущей ему идеи о необходимости неравенства между людьми в социальном и материальном отношениях. «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества».

В Коране без обиняков оправдывается и освящается угнетательский антинародный режим, который был характерен для всех селений. «...Мы (т. е. Аллах. — *Авт.*) в каждом селении сделали вельмож грешниками его, чтобы они ухищрялись там...». Коран призывал к безусловному послушанию носителям власти: «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас». В Коране встречаются приподнято взволнованные, исполненные пафоса патетические высказывания против алчного

¹ Коран. Изд-во Восточной литературы, 1963, стр. 94. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

накопления имущества, страсти к наживе, против накопления драгоценных металлов, денежных сокровищ. «...Те, которые собирают золото и серебро и не расходуют его на пути Аллаха, — обрадуй их мучительным наказанием в тот день, когда в огне геены будет это разожжено и будут заклеены этим их лбы, и бока, и хребты. Это то, что вы сберегли для самих себя. Вкусите же то, что вы сберегали». Однако по сути дела Коран ратовал за умеренную благотворительность.

В Коране всячески пропагандируется идея об оказании материальной помощи нуждающимся. Благочестивым следует считать того, кто «давал имущество... близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов...». В особенности Коран настаивал на ограждении интересов сирот, на непосягаемости на их имущество. «...Давайте сиротам их имущество и не заменяйте дурным хорошего. И не ешьте их имущества в дополнение к вашему, ведь это — великий грех!» Однако, по мысли Корана, эти акты милосердия не должны превращаться в излишнее, неразумное расходование средств благотворителя. «И давай родственнику должное ему, и бедняку, и путнику и не расточай безрассудно, ведь расточители — братья сатаны...». Ничтожную благотворительность, которая ни на йоту не затрагивала наличный социально-экономический строй, Коран рассматривал в качестве актов истинного благочестия.

Коран обращался ко всем людям независимо от их состоятельности с призывом к умеренности: богачи должны совершать подвиги воздержания, а бедняки должны быть скромны в расходовании своей собственности, имущества, достояния. «...Кто богат, пусть будет воздержан, а кто беден, пусть ест с достоинством». Исключение Коран делает для торговых связей, где, по-видимому, естественно поглощение, уничтожение. «Не пожирайте имущества ваших между собой попусту, если это только не торговля по взаимному согласию между вами. И не убивайте самих себя». Наряду с призывами к умеренности в расходовании имущества в Коране утверждалась необходимость растратить это имущество во имя Аллаха. «...Те, которые тратят свое имущество, стремясь к благоволению Аллаха, ...подобны саду на холме: его постиг ливень, и он принес свои плоды вдвойне».

В Коране отражено его благосклонное отношение к торговле. Коран настаивал на строгом, неуклонном соблюдении соглашений, взаимных обязательств, договоров между отдельными лицами. «Исполняйте верно договоры...». Это высказывание из Корана, конечно, относилось и к договорным отношениям, связанным с торговлей. Много внимания уделялось в Коране соблюдению правильности, справедливости в мере и весе. Коран провозглашал: «...Выполняйте меру и вес по справедливости». С точными без подделки, нефальшивыми весами Коран связывал счастье людей. «Вес в тот день — истина: у кого весы тяжелы, те будут счастливы, а у кого весы легки, те нанесли убыток самим себе за то, что были

несправедливы к Нашим знамениям». Коран опасался выступлений обездоленных народных масс против богачей, поэтому он призывал: «...Не простирай своих глаз на то, чем Мы (т. е. Аллах. — *Авт.*) наделили некоторые пары их (т. е. семейств. — *Авт.*) расцветом жизни здешней...».

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ИБН-ХАЛДУНА

Крупнейшим мыслителем эпохи феодализма в арабских странах был Ибн-Халдун (1332—1406). В своих социологических воззрениях Ибн-Халдун исходил из предпосылки, что человек наделен способностью к мышлению и рассудком, поднявшим его над миром обезьян. К особенностям человека Ибн-Халдун относил также потребность «в правителях и в насильственной власти» и старание добыть «средства к жизни, труд для получения их каким-нибудь образом». Науку и ремесла Ибн-Халдун склонен был рассматривать как следствие способности человека мыслить.

По мысли Ибн-Халдуна, объединение, общественная жизнь являются для человека необходимостью. Для обоснования этого положения он прежде всего ссылается на высказывание Аристотеля, что «человек по природе своей есть существо политическое...». Однако Ибн-Халдун не ограничивается ссылкой на Аристотеля, он пытается дать материалистическое истолкование стремления людей к объединению. Ибн-Халдун писал, что Аллах создал человека таким образом, что «его жизнь и существование невозможно без пищи». Мыслитель подчеркивал, что у одного человека недостаточно сил для ее добывания. Добывание пищи состоит из ряда «действий», причем каждое из них нуждается в «различных орудиях и ремеслах...».

Ибн-Халдун указывает также, что «каждый человек нуждается в помощи других людей также и при защите (жизни)...». Воззрениям Ибн-Халдуна на человеческое общество были присущи материалистические тенденции. Он связывал общественную жизнь с естественными потребностями человека в жизненных средствах, с необходимостью вести борьбу с природой для удовлетворения человеческих потребностей. Ибн-Халдуну принадлежит заслуга трактовки общества как совокупности людей, объединенных на основе труда, на базе производства материальных благ.

Ибн-Халдун утверждал, что человеку от природы присущ своеобразный приобретательный инстинкт. Стремление к захвату благ, находящихся в чьем-либо владении на правах собственности, посягательство на чужую собственность уменьшают, по мысли Ибн-Халдуна, стимулы к труду, что неблагоприятно сказывается на благосостоянии страны вплоть до возможности ее общего распада, разложения. «Состояние... общества, его богатство и процветание зависят только от труда и стараний людей в приобретении благ...

И если люди не будут заботиться о средствах существования и трудиться ради приобретения их, то не будет сбыта на рынках и рассеются люди по другим странам в поисках пропитания; население страны уменьшится, опустеют жилища и разрушатся города. И склонятся к упадку — вместе с упадком (общества) — государство и власть, ибо они — форма общественной жизни, которая гибнет вместе с гибелью необходимой для нее материи»¹.

Ибн-Халдун, конечно, ошибочно трактовал частную собственность как дар природы, но вместе с тем он правильно подчеркивал ее значение как основы современных ему общественных порядков. Мыслитель отмечал связь между институтом частной собственности и общественным разделением труда, материальной обособленностью производителей, занимающихся на свой страх и риск производством одного какого-нибудь продукта и продающих его на рынке.

Ибн-Халдун выдвинул своеобразную периодизацию исторического развития общества. Исходя из предпосылки, что «различия в образе жизни людей зависят только от различия способа добычания ими жизненных средств»; что люди «объединяются исключительно ради взаимной помощи для добывания этих средств»; что люди «начинают с того, что является необходимым и простым, а затем (переходят) к менее необходимому и ненасущному», Ибн-Халдун подразделял общественную жизнь на два вида: сельскую — жизнь в степях, на горах и в пустынях; городскую — жизнь в больших или малых городах, в равнинных и горных селениях.

Ибн-Халдун утверждал, что сельская и городская жизнь представляют собой естественную необходимость. По мысли философа, сельские жители, занимающиеся земледелием и скотоводством, ограничены в своих жизненных средствах «в размере, достаточном для поддержания жизни, ибо они на большее не способны». Ибн-Халдун подчеркивает также типичную для сельских жителей скудость, мизерность их доходов, отсутствие необходимости в деньгах, незначительную массу применяемого ими труда. С улучшением жизни сельских обитателей, с увеличением их достатка и богатства, выходящих за пределы необходимого, на смену сельской жизни приходит жизнь городская, для которой характерно наличие государства во главе с правителем или царем, наличие ремесел и торговли. Перерастание деревни в город, сельского жителя — в городского Ибн-Халдун связывает с возрастающей затратой труда, с увеличением производительности труда, с развитием производительных сил в деревне. Итоговый вывод Ибн-Халдуна сводится к тому, что сельская жизнь древнее, чем жизнь в городе, сельская жизнь — колыбель общественной жизни, основа городской жизни.

Ибн-Халдун выдвинул схему прогрессивного развития общества от низшей фазы к высшей. Движущую силу поступательного дви-

¹ Ибн-Халдун. Введение (перевод С. М. Бациевой). Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв. Соцэкгиз, 1961, стр. 580. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

жения общества вперед он видел в труде, в материальном производстве, и в этом его заслуга. Следует также отметить неоднократные высказывания Ибн-Халдуна о том, что государство и власть играют в жизни общества такую же роль, как форма по отношению к материи. Ибн-Халдун также утверждал, что «управление государством требует от тех, кто занимается этим, знания жизни и следования законам человеческого общества». Ибн-Халдун считал, что теория и практика управления государством должны базироваться на гранитной основе современной ему передовой науки.

Ибн-Халдун о товаре. У Ибн-Халдуна мы встречаем глубокие, содержательные для его эпохи высказывания о товаре. Так, он всячески подчеркивал регулирующую роль рынка в разделении труда в условиях товарного производства. Анализируя причину совершенствования ремесел с увеличением на них спроса, Ибн-Халдун писал: «Причина этого в том, что ни один человек не является столь великодушным, чтобы делать свою работу даром, ибо она для него — вид снискания средств к существованию». Ремесло, в котором испытывается потребность, по мысли Ибн-Халдуна, можно «уподобить товару, который имеет сбыт на рынке и предлагается для купли». За ремеслом Ибн-Халдун видел человека, его способность плодотворно трудиться, его трудовые усилия в качестве источника жизненных средств. Ибн-Халдун писал, что ремесло человека есть «его цена, а именно стоимость его труда, который создает ему средства к жизни».

Таким образом, за многообразием ремесел Ибн-Халдун видел многообразие различных видов труда производителей, общественное разделение труда, регулируемое безличной властью рынка. Он разглядел в рынке пружину усовершенствования ремесел, регулятора технического прогресса. Ибн-Халдун глубоко проник во внутреннюю структуру товарного производства.

Большой интерес представляет собой трактовка Ибн-Халдуном двойственной природы товара. О воззрениях Ибн-Халдуна на потребительную стоимость товара свидетельствует проводимое им различие между «предметами потребления» и «достоянием». «Предметы потребления» — это все, что «человек приобретает, что может быть им использовано и израсходовано на удовлетворение его нужд...». Нельзя назвать «предметами потребления» то, что не используется на удовлетворение «нужд и потребностей». «Достояние» — это то, чем «владеет человек благодаря своему труду и способностям...».

Такова в представлении Ибн-Халдуна «истинная сущность предметов потребления», которую он противопоставляет точке зрения, что «предметом потребления можно назвать (нечто) только в том случае, если владеют (им) по справедливости, и что нельзя назвать предметом потребления то, чем овладели насильственным и незаконным путем». Ибн-Халдун не соглашается с привнесением в понимание потребительной стоимости этических мотивов. Он ссылается на то, что «Аллах наделяет (благами) и насильника и

притеснителя, и верующего и безбожника...». В высказываниях мыслителя о «предмете потребления» и «достоянии» проводится, по существу, интересная мысль о различии между реализованной и нереализованной потребительной стоимостью, содержательная идея, что потребительная стоимость, будучи результатом целесообразной деятельности человека, удовлетворяет человеческие потребности путем реализации в процессе потребления.

Ибн-Халдун подчеркивает, что как «достояние», так и «предмет потребления», т. е. потребительные стоимости, создаются трудом. Он пишет: «...Знай, что достояние приобретают, только прилагая усилия и стремясь получить его. Для получения предметов потребления человеку также необходимо прилагать усилия и трудиться...». Таким образом, в своих высказываниях о потребительной стоимости Ибн-Халдун отмечал ее порождение целесообразной деятельностью человека.

Исключительное значение приобретают его высказывания о стоимости товара. По мысли Ибн-Халдуна, в условиях товарного производства удовлетворение общественных потребностей возможно лишь посредством купли-продажи товаров на рынке, в результате эквивалентного обмена товаров, в основе которого лежит равновеликое количество затраченного труда. По мнению мыслителя, предпосылкой удовлетворения потребностей членов общества является реализация их «доходов» в результате обмена товаров как воплощения человеческого труда. Ибн-Халдун писал: «Люди протягивают руки (для приобретения чего-то), и это им (всем) присуще; (но) то, что приобрела рука одного человека, возбраняется (приобрести) другому, если он не дает взамен чего-то равноценного. И человек, как только наберется сил и минет пора его младенческой беспомощности, начинает трудиться, дабы, совершая равноценный обмен, получать доходы и тратить то, что пошлет ему Аллах на удовлетворение его насущных потребностей».

Ибн-Халдун сделал в трактовке товара значительный шаг вперед по сравнению с Аристотелем. Ибн-Халдун видел в приравнивании товаров форму приравнивания труда. По существу, он выдвинул понятие стоимости, перед чем остановился Аристотель. Достоинством теории стоимости Ибн-Халдуна является также и то, что он включал в стоимость товаров не только стоимость, созданную непосредственно затраченным на них трудом, но и стоимость средств производства, в особенности сырого материала, применявшегося в их производстве. Так, Ибн-Халдун писал: «(Труд) некоторых ремесел включает в себя (труд) других (ремесел); так, плотничество использует изделия из дерева, ткачество — пряжу, и (таким образом) труда в обоих этих ремеслах больше и его стоимость выше. Если предметы (создаются) не ремесленным трудом, то в их стоимость необходимо включить стоимость труда, благодаря (затрате) которого они были изготовлены, ибо, если не было бы труда, не было бы и предмета».

Ибн-Халдун, конечно, не понимал, каким образом происходит одновременный процесс создания новой стоимости и перенесения на товар уже существующей стоимости. Однако Ибн-Халдун был весьма далек от вульгарных воззрений о том, что средства производства создают стоимость. Следует также отметить, что, по мысли Ибн-Халдуна, труд, затраченный на производство товара, реализуется в его ценах. Так, например, он писал: «В отношении многих (вещей) затрата труда очевидна, и это дает возможность оценивать их выше или ниже. Иногда же (затраченный) труд не обнаруживается (сразу), как, например, в ценах на средства питания. Ибо, хотя в ценах на хлеб принимается в соображение (затраченный) труд и произведенные при этом расходы..., но там, где земля обрабатывается легко, это не очевидно, и замечают это лишь немногие сельские жители». Таким образом, в представлении Ибн-Халдуна цена товаров представляет собой денежную форму товаров, форму проявления затраченного на них труда. Ибн-Халдун приближался к пониманию цены как выражению стоимости товара.

Ибн-Халдун о деньгах. Ряд глубоких высказываний мы встречаем у Ибн-Халдуна также и по проблеме денег. Ибн-Халдун рассматривал «два металла — золото и серебро — как (меру) стоимости всякого богатства». Ибн-Халдун также подчеркивал, что для большей части жителей земли золото и серебро является «сокровищем и предметом хранения...». По мысли Ибн-Халдуна, золото и серебро суть «основа доходов, накоплений, сокровищ». В приведенных высказываниях мыслитель отмечает определенности формы денег в виде меры стоимости и сокровища. Ибн-Халдун указывает также и на роль золота и серебра в качестве посредника обмена вещей.

Так, он писал, что у жителей умеренных климатов есть «руды; золото, серебро, железо, медь, свинец, олово»; что «при обмене они употребляют два драгоценных металла», т. е. золото и серебро. Ибн-Халдун видит, таким образом, и в средстве обращения определенность формы денег.

Ибн-Халдун был принципиальным сторонником обращения полноценных денег. Так, высказываясь отрицательно о пользе алхимии, полагая, что вредно ею заниматься, Ибн-Халдун писал: «Эти люди (т. е. алхимики. — *Авт.*), превращающие медь в серебро и золото, — воры, худшие из воров, ибо они присваивают себе это золото. Это — порча монеты, обращающейся среди населения». Высказывание Ибн-Халдуна было направлено против широко практиковавшейся в средние века порчи монет государями и фальшивомонетчиками.

Ибн-Халдун о необходимом и прибавочном труде, о необходимом и прибавочном продукте. Ибн-Халдун выдвинул своеобразную трактовку категорий необходимого и прибавочного труда, необходимого и прибавочного продукта. Так, он утверждал, что жители сельских местностей или небольших городов испытывают потреб-

ность лишь в «простых ремеслах», особенно предназначенных для произведения «необходимейшего»; что пока «городской уклад еще не совершенен, люди заботятся только о необходимейших средствах к жизни, а именно о пропитании, о хлебе и т. д.». Эти ремесла «безусловно необходимы» и все они являются лишь «средством, а не самоцелью». Таким образом, по мысли Ибн-Халдуна, необходимые жизненные средства удовлетворяют необходимые потребности.

Переходя к рассмотрению городского жизненного уклада, Ибн-Халдун считал, что с его развитием совершенствуются и распространяются ремесла. А это приводит к тому, что «и количество (продуктов) труда... увеличивается, и необходимые потребности удовлетворяются...». Что же касается избытка над необходимыми жизненными средствами, то он идет на удовлетворение «потребностей роскоши и богатства». Этот «избыточный» труд может быть израсходован на «приобретение предметов роскоши и (изготовление) того, в чем нуждаются жители других городов и что приобретается ими путем равноценного (обмена) и по стоимости».

Удовлетворение потребностей в результате потребления избыточного продукта Ибн-Халдун связывает с затратой избыточного труда, присущей усовершенствованным ремеслам, т. е. с возросшей производительной силой труда. Ибн-Халдун указывает также и на расширение арены возросшей массы труда, приводимой в движение. «И когда труд жителей города превышает (по количеству) труд, необходимый для (произведения) средств к жизни, они, эти жители, обращают свой взор на то, что выходит за пределы забот о средствах к жизни и что присуще исключительно человеку, а это — науки и искусства...».

Существенным недостатком в трактовке Ибн-Халдуна категорий необходимого и прибавочного труда, необходимого и прибавочного продукта является то, что мыслитель не раскрывает эксплуататорской сущности понятий прибавочного труда и прибавочного продукта в анализируемых им социально-экономических условиях. Однако в заслугу Ибн-Халдуну следует поставить то, что эти понятия он связывал с удовлетворением потребностей — потребностей в жизненных средствах и потребностей в предметах роскоши; что удовлетворение потребностей он связывает с массой затраченного труда, с развитием производительной силы труда. Следует также отметить, что весь ход своих мыслей Ибн-Халдун базирует на материалистической предпосылке, что забота о пище «в силу ее необходимости предшествует наукам и искусствам...».

Ибн-Халдун о богатстве. В тесной связи с трактовкой Ибн-Халдуном проблемы необходимого и избыточного труда находилось и его понимание вопроса о богатстве. Он писал: «...Для всего, что приобретается и становится богатством, неизбежно необходим человеческий труд. Если приобретаются сами (произведения)

труда, например (изделия) ремесла, то это очевидно; если же предметом приобретения являются животные или растения, или руды, то и в них неизбежно заложен человеческий труд..., ибо без него все это не может быть получено и использовано».

Под богатством Ибн-Халдун понимал, таким образом, вещи, потребительные стоимости, порожденные человеческим трудом, целесообразной деятельностью человека, трудовые доходы, избыточные над необходимыми жизненными средствами. Однако мыслитель рассматривал богатство не только с точки зрения потребительной стоимости, но и со стороны стоимости, которая измеряется благородными металлами. По мысли Ибн-Халдуна, «бог создал два металла — золото и серебро как (меру) стоимости всякого богатства». Таким образом, под богатством общества Ибн-Халдун понимал скопление товаров, которые обладали потребительной стоимостью и стоимостью.

Интересно отметить, что Ибн-Халдун считал ошибочной точку зрения, которая провозглашала золото и серебро единственным богатством. Ибн-Халдун писал: «Мы слышали много удивительного о богатстве купцов из персидского Ирака, Индии и Китая; многие думают, будто это богатство появилось от того, что в их земле содержится много золота и серебра... Но это не так, ибо нам известно, что наиболее богатые рудники золота — в Ближнем Магрибе и в городах Судана...». Причину обогащения городских жителей Востока мыслитель видел в «совершенном укладе жизни в землях Востока».

В своих воззрениях на богатство как на совокупность материальных благ, обладающих стоимостью, в своих высказываниях о труде как источнике богатства Ибн-Халдун превосходил меркантилистов, которые видели в благородных металлах единственное воплощение богатства и в качестве источников богатства выделяли мировую торговлю и отдельные отрасли труда, непосредственно связанные с нею.

Ибн-Халдун о торговле. Если Ибн-Халдун и подчеркивал трудовую основу богатства, то это отнюдь не означает, что он игнорировал торговлю. Ее истинную природу Ибн-Халдун определял как «стремление человека к получению дохода от того, что он покупает по дешевой цене, а продает по дорогой». Он считал, что от торговли, так же как от ремесла, можно получить доходы и средства к жизни. Доход, получаемый от торговли, Ибн-Халдун определял как прибыль.

Ибн-Халдун специально останавливался на торговле хлебом, на колебании цен на хлеб. О последствиях, которые связаны с низкими хлебными ценами в течение долгого времени, Ибн-Халдун писал: «В этом случае (дело) идет хуже у тех, кто занимается хлебопашеством, ибо прибыль при этом или незначительна, или мала, или ее совсем нет... За этим следует ухудшение положения также и тех, кто занимается помолом и выпечкой (хлеба), так же как и вообще всех, кто занят трудом, связанным с получением хле-

ба...». Низкие хлебные цены тяжело отражаются и на положении военнослужащих.

Отрицательно относится Ибн-Халдун и к чрезвычайной дороговизне, подчеркивая в то же время, что в редких случаях она ведет к «приросту богатства, если (данный товар) покупают для перепродажи и прибыль от него велика». Что же касается отношения самого Ибн-Халдуна к колебанию хлебных цен, то он высказывается за низкие цены на хлеб. Исходя из предпосылки, что «низкая цена на хлеб везде способствует улучшению жизни», Ибн-Халдун считал, что «ввиду особого значения этого вида товара следует выгодам купца предпочесть важность этого товара для пропитания». Ибн-Халдун видел в торговле наряду с сельским хозяйством и ремеслом естественный способ приобретения средств к существованию. Вместе с тем он подчеркивал, что для получения наибольшей прибыли купцы идут на всяческие ухищрения. В качестве примера спекулятивных устремлений купцов Ибн-Халдун указывает, что они припрятывают товары и дожидаются, пока «не настанет время для совершения хорошей сделки».

Торговлю, как мы видели, Ибн-Халдун причислял к естественным занятиям, предназначенным для приобретения жизненных средств. Подчеркивая стремление купца купить, чтобы продать дороже, указывая, что единственный движущий мотив операций купца — растущее присвоение богатства, неустанное движение прибыли, рассматривая прибыль в качестве дохода, получаемого от торговли, Ибн-Халдун, однако, не раскрывает эксплуататорской природы прибыли как нетрудового дохода. Вместе с тем следует отметить, что в трактовке торговли у Ибн-Халдуна имеются передовые, прогрессивные, гуманистические мотивы. Ему чужда апология всякой торговли, торговли вообще, он противник спекулятивной торговли, в частности всяких попыток спекуляции хлебом. Будучи противником дороговизны, он с гневом разоблачает людей, продающих или перепродающих товары по очень высокой цене, как отпетых мародеров, наживающихся на народных бедствиях. Воззрения Ибн-Халдуна на торговлю были проникнуты идеями народолюбия, демократизма.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

«САЛИЧЕСКАЯ ПРАВДА»

Экономическая мысль VI—IX вв. ярко отразилась в «Салической Правде». «Салическая Правда» представляет собой продукт обычного народного права, судебник — собрание старинных судебных обычаев франков, записанных и отредактированных в течение VI—IX вв. Запись указанных старинных обычаев производилась при Хлодвиге (481—511), основателе династии франкских королей Меровингов. Ряд титулов (глав), на которые делилась «Саличе-

ская Правда», дают представление о социально-экономическом строе франков¹. К этому времени относится разложение у германских племен родового строя, появление частной собственности на землю и возникновение классов и государства.

В «Салической Правде» отражено в основном дофеодалное общество с остатками родового строя. В этом памятнике племя салических франков предстает перед нами в виде совокупности общинных поселений, объединенных в сотни и округа при наличии уже надстраивающейся над обществом королевской власти. Титулы «Салической Правды» свидетельствуют о наличии в хозяйстве франков разнообразных отраслей: животноводства, пчеловодства, садоводства, виноградарства, а также охоты и рыболовства. Ведущая роль в хозяйстве франков принадлежала земледелию. Эти титулы дают также наглядное представление о все возрастающей роли института частной собственности в хозяйстве франков.

«Салическая Правда» дает картину производства, направленного на удовлетворение собственных потребностей производителей; этот памятник свидетельствует о господстве у франков натурального хозяйства. Проблемы торговли в «Салической Правде» не нашли отражения. По «Салической Правде» можно судить о том, что для франков была характерна прочность пережитков родового строя, которая свидетельствовала о былом их расселении целыми родами, о наличии у них в отдаленные времена родовой общины. Что же касается той единственной совокупности родственников, которая представлена в «Салической Правде», то ею является большая семья — сравнительно узкое кровнородственное объединение, состоящее из трех поколений. Причем, если обладание земельным наделом всегда было привилегией мужских родственников, то на движимость могли претендовать и женщины.

В «Салической Правде» нашел отражение и процесс распада и дробления большой семьи, который со всей наглядностью отразился в обычном праве. Так, титул «О желающем отказаться от родства» свидетельствует о том, что всякий свободный франк, проделав известную символическую процедуру, мог отказаться от всяких материальных связей или счетов со своими родственниками; что отказ от родства представлял собой выделение одного из взрослых братьев, у которого была собственная семья, из общего с остальными братьями домохозяйства. Отказ от родства означал возникновение малой индивидуальной семьи в результате разрыва свободным франком связей с той большой семьей, к которой он до этого принадлежал.

Следовательно, у салических франков были не только большие семьи, но и малые индивидуальные семьи, которые отделялись от больших семей. Следует также отметить, что, наряду с отказами от родства, выделение малых индивидуальных семей из больших семей происходило и без процедуры «отказа от родства», путем

¹ См.: «Салическая Правда». М., 1950.

закономерного процесса дробления больших семей. Не говоря уже о том, что переселение могло быть источником проникновения в деревню жителей из других деревень¹.

В «Салической Правде» уделяется большое внимание основной фигуре франкского общества — свободному крестьянину, франку. Свободные общинники, о которых идет речь в «Салической Правде», отнюдь не представляли собой непосредственных производителей, уже сложившихся в виде основного эксплуатируемого класса феодального общества. Свободные общинники в земледельческой общине, отраженной в «Салической Правде», были, как отмечал Ф. Энгельс, «предшественниками средневековых крепостных». В «Салической Правде» представлена община в период ее развития от земледельческой общины к марке, к соседской общине. Земледельческая община, базировавшаяся не на кровно-родственной, а на территориальной основе, состояла из больших семей, совместно обрабатывавших свои наделы. Из больших семей выделялись малые семьи.

Наличие имущественного неравенства среди свободных общинников отнюдь не знаменовалось обнищанием одних семей и обогащением других, отнюдь не превращало членов общины в предмет эксплуатации. Имущественное неравенство среди свободных членов земледельческой общины, которое, по существу, сводилось к известной неравномерности в распределении наделов, при отсутствии их отчуждения, и накоплению движимости в одних руках — имущественное расслоение в земледельческой общине тормозилось, ограничивалось преобладанием общинной собственности всей деревни над правом пользования отдельных домохозяйств.

При анализе характера собственности, различных ее форм, как это нашло отражение в «Салической Правде», следует исходить из понятий движимости и недвижимости в общем представлении свободного франка о его имуществе. «Салическая Правда» насыщена титулами, посвященными краже различных частей движимого имущества. Такая кража карается штрафами, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков. Следует также отметить, что движимое имущество отдается в залог и передается по наследству. Причем движимое имущество не наследуется совокупностью сородичей, а целиком передается тому, кто является ближайшим из оставшихся в живых родственников умершего. А это означает, что владение движимостью у салических франков носило индивидуально-семейный характер. Что касается анализа характера недвижимой и поземельной собственности у салических франков, то «Салическая Правда» фиксировала и отразила наличие различных прав индивидуального владения на различные угодья в условиях коллективного верховенства общины по отноше-

¹ См.: А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. АН СССР, 1956, стр. 83—85.

нию к земельной территории селения. В «Салической Правде» отражен процесс зарождения индивидуально-семейной собственности, процесс превращения владения в собственность.

Салические франки, свободные общинники, игравшие роль непосредственных производителей, обладали различными правами владения на различные виды недвижимого имущества. Наибольшие права у них были на дом и пахотное поле, наименьшие — на луга и леса. Если «Салическая Правда» стояла на страже прав домохозяина на отгороженное пространство и жилище — центр его хозяйственной деятельности; если все находящееся в черте дома, двора или изгороди рассматривалось салическими франками как объект наиболее полного и безраздельного владения домового общины, большой семьи или малой семьи, состоящей из супружеской пары с детьми; если пахотная земля находилась в наследственном пользовании каждого отдельного крестьянина, то владение лугом было ближе к пользованию, чем владение пахотным полем. Лес находился в общем пользовании всех обитателей селения. О различных формах собственности владения у салических франков со всей наглядностью свидетельствовала соответствующая система наказания.

Таким образом, в «Салической Правде» отражено возникновение земельного аллода в виде ограниченного права наследования недвижимости, пахотного надела, в пределах большой семьи, прямыми мужскими потомками умершего; отражен процесс выделения аллода в форме выделения собственности отдельных домохозяйств из общей собственности общины, в виде семейно-индивидуальной собственности. «Салическая Правда» свидетельствовала о начале отчуждения движимости, но для нее характерно еще отсутствие отчуждения земельных наделов. Вместе с тем внутри общины уже появилась имущественная дифференциация.

Основную массу племени салических франков составляли свободные равноправные общинники, частично использовавшие рабочую силу литов и рабов. Над свободными стояли королевские дружинники, частично уже вторгавшиеся в общину. В «Салической Правде» нашла отражение последняя стадия разложения родоплеменного строя, на которой, в форме большой семьи, были еще сильны пережитки кровнородственных отношений. В «Салической Правде» отсутствуют данные о наличии родовой знати, недостаточно отражен процесс оседания дружины на земли и роста королевской власти. В «Салической Правде» отсутствуют данные о социальных различиях внутри свободных общинников, хотя она и свидетельствовала об имущественной дифференциации в их среде.

Значение «Салической Правды» заключается в том, что в ней отражено хозяйство франков, община-марка у франков, распад родовых отношений и возникновение имущественного и социального неравенства во франкском обществе. Центральной фигурой салических франков рассматриваемой эпохи был свободный франк,

равноправный член сельской общины. Ф. Энгельс писал: «Исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся, нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»¹.

ФОМА АКВИНСКИЙ

Экономическая мысль западноевропейского феодализма получила свое завершение у канонистов и виднейшего их представителя Фомы Аквинского. Итальянский доминиканец Фома Аквинский (1225—1274) был крупнейшим представителем средневековой идеологии. В своем учении о собственности Фома Аквинский исходил из предпосылки, что прирожденное неравенство проявляется в обществе как имущественное неравенство. Рассматривая собственность как наказание за первородный грех, Фома Аквинский вместе с тем считал, что в земной жизни человека она является законной и необходимой. По мысли Фомы Аквинского, отношение человека к внешним вещам состоит из двух элементов: из управления и пользования. Функция управления — удел лишь немногих избранных, она не только почетна, она требует знаний. Это означало, что разделение функций сеньёра и крепостного является порядком, вытекающим из божественного произвола.

Фома Аквинский полагал, что владение собственностью не противоречит «естественному закону», воле бога, а является дополнением «естественного закона», изобретенным человеком. Поэтому Фома Аквинский считал, что у неимущих нет оснований для недовольства, ибо владение, управление вещами существует лишь в посягательстве короткой жизни. Пользование — другая форма отношения человека к вещам — характеризуется Фомой Аквинским как отрицание владения. Человек потребляет блага как общие и должен делиться этими благами с другими соответственно их нуждам. Будучи апологетом частной собственности, Фома Аквинский отступает от толкования богатства и бедности в священном писании. Так, он считает, что добродетельная жизнь отнюдь не состоит в уходе от богатства; что богатый человек поступает справедливо и тогда, когда он захватывает то, что было общим вначале, и предоставляет другим долю захваченных богатств. Вместе с тем эти высказывания уживаются у Фомы Аквинского с традиционным в католицизме прославлением бедности и осуждением богатства.

Как апологет феодальной собственности, Фома Аквинский требовал от государства охраны прав имущих от всякого на них посягательства. Вообще Фома Аквинский считал смертным грехом покушение человека на благо, находящееся во временном управлении своего ближнего.

Фома Аквинский требовал беспощадной расправы светской власти с бунтовщиками, покушавшимися на собственность. В бунте

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 153—154.

как якобы расколе между частями одного и того же целого народа Фома Аквинский видел смертный грех. Враг демократии, исполненный ненависти, злобы к народным массам, Фома Аквинский стремился к святой цели — к непосредственной теократии. Он считал лучшей, наиболее естественной, идеальной формой правления монархию, подчиненную римскому папе. Ему должны быть как вассалы подчинены все светские государи. Рассматривая государя не только как правителя, но и как творца государства, как олицетворение народа, обличая тиранов, Фома Аквинский видел задачу монархов в заботе о народном благе.

Исходя из предпосылки, что по законам природы все низшее приводится в движение высшим, Фома Аквинский отстаивал идею о необходимости повиновения граждан государственной власти. Вместе с тем, проводя различие между божественным происхождением власти и ее приобретением и использованием, которые могут быть в коллизии с божественной волей, Фома Аквинский допускал возможность сопротивления государственной власти, отстаивал право народа на восстание. Восстание народа оправдано, когда нарушаются божественные законы и страдают интересы церкви.

Фома Аквинский о торговле. Фома Аквинский рассматривает торговлю, исходя из понятия справедливости, которую он определяет как «постоянное и твердое желание делать каждому то, на что он имеет права...». Базируясь на учении Аристотеля об обмене товаров, Фома Аквинский по вопросу о торговле высказывается за необходимость проведения границы между дозволенным и недозволенным. Различие между дозволенной и недозволенной торговлей, по мнению Фомы Аквинского, зависит от мотива, которым обуславливаются операции торговца.

Дозволенная торговля, по мысли Фомы Аквинского, предполагает стремление не столько к получению прибыли, тем более к неуклонному ее возрастанию, сколько путем умеренного барыша к обеспечению себя и своей семьи, стремление к обеспечению бедных необходимыми средствами к жизни. В особенности дозволенной можно считать торговлю, которая приносит торговцу барыш в качестве вознаграждения за его труд, затрачиваемый на ввоз в страну товаров, в которых есть действительная нужда. Во всех указанных случаях торговля заслуживает одобрения. Если же единственным побуждением к торговой деятельности является стремление к барышу, если прибыль является ее конечной целью, в особенности если вещь, в которой ничего не изменено продавцом, продается за более высокую цену, — то такая торговля, по мнению Фомы Аквинского, презренное, низкое занятие.

Фома Аквинский подчеркивал, что барыш, являясь целью торговли, не сам по себе противоречит добродетели. Злом является не барыш сам по себе, а не знающее пределов стремление к нему. Фома Аквинский склонен был рассматривать прибыль в качестве вознаграждения за добавочный труд, если вещь до ее перепродажи была улучшена. Вместе с тем, по мысли Фомы Аквинского,

прибыль позволительно ставить себе прямою целью, если ее получение вдохновляется какими-нибудь необходимыми или благородными мотивами. Фома Аквинский относился с безусловным осуждением к спекулятивной торговле, к стремлению наживаться на прибыли в результате искусного пользования колебаниями рынка.

Рассуждения Фомы Аквинского о торговле носят схоластический характер. Отдавая дань церковной догматике, которая отрицательно относилась к торговле, Фома Аквинский, по существу, в соответствии с «духом времени» считал всякую торговлю дозволенной, каким бы целям она формально не служила. Фома Аквинский, конечно, понимает, что без стремления к барышу и неуклонному его возрастанию торговля немыслима. Попытка же провести грани между дозволенной и недозволенной торговлей была протолкнута субъективизмом и оказалась несостоятельной.

Фома Аквинский о купле-продаже, обмене, справедливой цене. О купле и продаже следует, по мнению Фомы Аквинского, высказываться двояко. С одной стороны, купля и продажа введены ради общей пользы, т. е. один человек нуждается в вещи другого, и наоборот. Таким образом, купля и продажа не должны быть для одного человека более в тягость, чем для другого. А из этого следует, что между ними должен быть «установлен договор согласно равенству вещи». Количество вещи, переходящей в пользование человека, измеряется наличной ценой, для чего была изобретена монета. «...Продавать дороже или покупать вещь дешевле, чем она стоит, само по себе непозволительно и несправедливо». Такова одна сторона купли и продажи.

Но существует и другая сторона. При известных обстоятельствах купля и продажа могут быть совершены с пользой для одного лица и с ущербом для другого. В таком случае «справедливая цена должна сообразоваться не только с продаваемой вещью, но и с убытком, который понес продавец от продажи». При этом «позволительно продавать что-нибудь дороже, чем вещь стоит сама по себе, хотя она не должна продаваться дороже, чем стоит владельцу»¹.

Фома Аквинский, вслед за Аристотелем, подчеркивал равенство обмениваемых товаров. Однако, в отличие от Аристотеля, он исходил из принципа «пользы» и тем самым дал субъективистское истолкование процесса обмена. Конечно, обмен имеет и субъективную сторону — различную оценку товаров обменивающимися лицами. К. Маркс писал о субъективной стороне процесса обмена, что, поскольку дело касается потребительных стоимостей, в выигрыше могут оказаться оба обменивающихся между собой лица. Оба отчуждают товары, которые бесполезны для них как потребительные стоимости, и получают товары, в потреблении которых они

¹ Цит. по: П. Виноградов. Экономические теории средневековья. История экономической мысли, т. I. М., 1916, стр. 71

пуждаются. Объективная сторона менового процесса предполагает наличие вещей, обладающих общественным свойством эквивалентности, наличие у товаров общего свойства абстрактного человеческого труда.

Следует отметить, что Фома Аквинский вносил в понятие «справедливая цена» и сословные мотивы. Так, он считал, что при определении «справедливой цены» следует исходить из расходов продавца и присоединить к ним тот доход, который дает продавцу возможность жить соответственно его месту в сословной иерархии средневековья, который считается нормальным для лиц его ранга.

Фома Аквинский о проценте. Фома Аквинский утверждал, что взимать проценты при предоставлении займа денег само по себе несправедливо. «...Это значило бы продать то, чего в действительности не существует; здесь нет равенства, а следовательно, нет и справедливости». Для обоснования своих воззрений на процент при взимании денег Фома Аквинский проводит различие между потреблением вещи и пользованием ею. Он утверждает, что по отношению к такого рода предметам, как, например, вино, хлеб, «пользование вещью нельзя отделить от самой вещи: тот, кто приобретает пользование вещью, приобретает и самую вещь». По мысли Фомы Аквинского, при передаче вещей указанного рода передаются все права собственности на них. Поэтому человек, продающий такого рода вещи отдельно от их пользования, либо продает вещь дважды, либо продает то, чего не существует. В данном случае нарушается справедливость, ибо предъявляется требование двойного вознаграждения: возвращения равного количества самого предмета и платы за пользование им. Таким образом, взимание процента, по мысли Фомы Аквинского, в данном случае недопустимо.

Фома Аквинский анализирует и другой случай, когда «пользование и потребление вещи можно передать отдельно одно от другого...». Это бывает, например, когда кто-нибудь переносит на другого право собственности на свой дом, но оставляет за собой право на известное пользование им, или наоборот. В данном случае не будет нарушена «справедливость», если будет оплачено пользование домом и, кроме того, по истечении определенного времени будет возвращен и сам дом. Таким образом, взимание процента, по мысли Фомы Аквинского, в данном случае допустимо. Возвращаясь к вопросу о взимании процентов при предоставлении займа денег, Фома Аквинский, отправляясь от высказывания Аристотеля, что деньги изобретены для обмена, утверждает, что «первый и главный результат пользования деньгами состоит в их потреблении или трате». Исходя из этих соображений, Фома Аквинский считает, что «само по себе несправедливо получить, кроме возвращения самих денег, еще и уплату за пользование ими».

Таким образом, взимание процентов при предоставлении займа денег, в отличие от найма дома, по мнению Фомы Аквинского, недопустимо. Однако вынужденный считаться с «духом времени»,

с хозяйственной деятельностью церкви и монастырей, с тем фактом, что церковь была самым крупным ростовщиком средневековья, а светские ростовщики выступали ее конкурентами, что сами феодалы пользовались услугами ростовщиков, схоластика в лице Фомы Аквинского шла на уступки в вопросе о проценте, подобно тому как она поступала и по вопросу о торговле. Фома Аквинский писал: «В договор займа без греха можно включить оговорку о вознаграждении в случае ущерба, могущего возникнуть для заимодавца. Ибо сие не означает продажу пользования деньгами (т. е. прибылью), но лишь избежание убытка»¹. В приведенном высказывании Фома Аквинский трактует процент как возмещение убытка, который может быть причинен кредитору.

В заключение отметим, что Фома Аквинский выделяется как крупный представитель экономической мысли развитого феодализма, как виднейший представитель канонистов, идеологов церковных и светских феодалов данного периода. Внимание Фомы Аквинского было приковано не только к богословским, философским и социологическим вопросам, которые должны были обосновать его политический идеал — непосредственную теократию. Фома Аквинский анализировал такие экономические проблемы, как собственность, обмен товаров, торговля, купля-продажа, «справедливая цена», процент.

Находясь в ряде вопросов под влиянием Аристотеля, подвергая его переработке в духе идеологии феодального мира, Фома Аквинский давал трактуемым им вопросам экономики религиозно-этическое обоснование. Учитывая экономическую обстановку, развитие товарообмена и кредитных операций, Фома Аквинский занимал компромиссную позицию по отношению к прибыли, к проценту. Субъективистский характер, религиозно-этическая устремленность методологии Фомы Аквинского оказали влияние на вульгарную политическую экономию на Западе и в России.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕРЕСЕЙ. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ

История средневековья насыщена революционной оппозицией феодализму. В соответствии с условиями времени она принимала то мистическую форму, то выступала в виде открытой ереси или вооруженного восстания. Антифеодальная оппозиция ересей в Западной Европе в средние века выражалась в религиозной форме.

Ереси представляли собой отчасти оппозицию феодализму со стороны городов, переросших его рамки. Ереси представляли со-

¹ Цит. по: П. Виноградов. Экономические теории средневековья, т. I, стр. 75.

бой иногда открытое восстание крестьян, например восстание Джона Болла и т. д. Ересь городов — официальная ересь средневековья, направленная главным образом против богатства и политического положения попов, требовала прежде всего дешевой церкви. Устранение всего, что в церкви было дорогостоящим, предполагало устранение монахов, прелатов, римской курии. Бюргерская ересь требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви и устранения замкнутого сословия священников.

Ф. Энгельс отмечает, что в рассматриваемый период города уже всюду были признанным сословием и, опираясь на свои привилегии, могли с помощью оружия и в сословных собраниях вести борьбу со светским феодализмом. Этим объясняется то обстоятельство, что оппозиция против феодального строя здесь выступает в виде оппозиции против церковного феодализма. Главными представителями этого направления были Арнольд Бершианский в Италии и Германии, альгибойцы — в Южной Франции, Джон Уиклиф — в Англии, Гус и капикстинцы — в Богемии.

Противоположностью бюргерской ереси была ересь, выражавшая потребности крестьян и плебеев и почти всегда выливавшаяся в восстание. Эта форма средневековой ереси разделяла все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя. Однако кроме требования восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, она шла неизмеримо дальше, отстаивая признание этого равенства в качестве нормы и в сфере гражданских отношений. Эта крестьянско-плебейская ересь в качестве необходимых выводов из учения раннего христианства выдвигала такие требования, как уравнивание дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий.

Уже в XII в. ереси городов и ересь, сочетавшаяся с восстанием, — эти формы средневековой ереси являлись предвестниками противоположности между бюргерской и крестьянско-плебейской оппозицией, которая привела к поражению Крестьянской войны. Однако, если крестьянско-плебейская ересь в период расцвета феодализма еще полностью не отделилась от бюргерской, то в XIV и XV вв. она выступает как совершенно самостоятельное, резко выделяющееся партийное воззрение рядом с бюргерской ересью. Так, например, Джон Болл, проповедник восстания Уота Тайлера в Англии, выступает рядом с Уиклифом, табориты — рядом с капикстинцами в Богемии. Ф. Энгельс писал о плебеях, что в то время «они были единственным классом, находившимся совершенно вне существующего официального общества»; что они «стояли как вне феодализма, так и вне бюргерских связей»; что они «не обладали ни привилегиями, ни собственностью»; что у них «не было даже обремененного тяжелыми повинностями владения, которое имелось у крестьян и мелких бюргеров».

По мысли Ф. Энгельса, плебеи были живым симптомом разложения феодального и цехово-бюргерского общества и в то же время предвестниками современного буржуазного общества. В силу своего положения плебейская часть общества не могла ограничиться только борьбой против феодализма и привилегированных горожан. Она должна была, хотя бы в мечтах, выйти за пределы нарождавшегося буржуазного общества. Но это стремление выйти за пределы наличного феодального общества и будущего буржуазного общества могло быть «лишь фантастическим, лишь насилием над действительностью».

Богомилство. Формой религиозной ереси явилось антифеодальное крестьянское движение X—XIV вв. в Болгарии и Сербии, известное под названием богомилства, по имени попа Богомила, предполагаемого ее основателя.

Богомилство — широкое антифеодальное движение, было одним из наиболее массовых народных еретических движений средневековья. Богомилству принадлежит значительная роль в истории южнославянских народов. Для богомилства было характерно превращение из замкнутой еретической секты в боевую организацию, под знаменем которой развернулась широкая антифеодальная борьба народных масс Болгарии. Незначительная часть богомилов, выходцы из низшего духовенства, так называемые «совершенные» богомилы отрицали насилие и призывали к терпению. Большая же часть богомилов — зависимые крестьяне и городская беднота — боролась с оружием в руках, участвовала в крестьянских восстаниях. Значительная часть произведений, написанных богомилами, была уничтожена в результате гонений со стороны церкви и властей.

Богомилы, как и вообще представители средневековых антицерковных движений, отрицательно относились к частной собственности, к богатству и земным благам. Примером для них были раннехристианские общины, которым они старались во всем подражать. Однако отказ от собственности был обязателен лишь для правоверных богомилов, желавших стать «совершенными». Богомилы с большим уважением относились к труду. Они утверждали, что нет ничего более постыдного, чем человек, который живет для себя, заботится только о себе. С точки зрения богомилов, богатство и праведность несовместимы между собой. В их представлении бедность была необходимым условием для каждого, стремившегося посвятить себя духовной и организаторской деятельности в богомилском братстве.

Враждебное отношение богомилов к богатству проявлялось, в первую очередь, в осуждении представителей высшего духовенства и монашества, стремившихся к увеличению своих владений и к наслаждению земными благами, подобно светским людям. Вдохновляемые стремлением осуществить свою программу на практике, богомилы создавали общины и братства, которые покоились на

принципах социального равенства, «потребительского коммунизма».

Богомильские братства и общины были организованы по образцу первохристианских общин. Богомильские общины базировались на двояком отношении к собственности. С одной стороны, в общинах были «простые» верующие, которые имели право владеть имуществом. С другой стороны, в общинах были «совершенные» люди, которые отказывались от собственности в пользу коллективного фонда — материальной основы всей организации. Общий земельный и денежный фонд, предоставленный в распоряжение всех членов братства, возник в результате дарений «совершенных» членов. Обработка общинных земель совершалась при участии всех трудоспособных членов братства, за исключением лиц, занятых проповеднической и организаторской деятельностью.

Предметы питания — продукты коллективного труда — употреблялись на организацию совместных трапез. Кроме того, из общего фонда выдавались одежда и деньги, а также отводилось помещение. Богомилы отстаивали идею возрождения древних христианских братств, основанных на началах коллективной собственности на землю и «потребительского коммунизма». Богомилам была чужда идея прогрессивного общественного развития.

Восстание Дольчино. Италия XIV в. — одна из наиболее развитых стран Европы — отличалась высокой степенью развития товарно-денежных отношений. Развитие товарно-денежных отношений толкало сеньоров на перевод натуральных повинностей, в том числе и отработочной ренты, в денежную ренту, что ухудшало положение крестьянства и повышало их норму эксплуатации. Усиление эксплуатации крестьян было непосредственно причиной крестьянско-плебейского восстания (1304—1307) в Северной Италии.

Вождь восстания Дольчино (умер в 1307 г.) был учеником и последователем крестьянина Сегарелли, основателя секты апостольских братьев, проповедовавших отказ от собственности. Дольчино осуждал церковь и существующий общественный порядок, исходя из своего радикального истолкования «Священного писания». В первом послании Дольчино подчеркивается его враждебное отношение к церкви и монашеству во всех видах последнего, к купцам и богатым ремесленникам, ко всем сильным мира сего. Он говорил, что все его «преследователи должны быть убиты и истреблены вместе с прелатами церкви. А те из них, кто останется в живых, обратятся к его секте и соединятся с нею, и тогда он сам и его последователи станут важнейшими над всеми».

Общину «братьев-апостолов», которую возглавлял Дольчино, он называл духовной. Понимая под «совершенством» отрицание собственности, Дольчино считал высшим «совершенством» апостольский образ жизни, не допускающий ни собственности, ни накопления даяний, как это практиковали нищенские ордена францисканцев и доминиканцев. Для достижения своего идеала Дольчино

призывал к восстанию, он считал допустимым насилие и уничтожение тех, кто сопротивлялся революционизированию существующего общественного строя. Своей пропагандой восстановления раннехристианского равенства, признания этого равенства в качестве нормы гражданских отношений, в соединении с вооруженным восстанием Дольчино выступает как представитель крестьянско-плебейской ереси средневековья.

Жакерия. Жакерия представляла собой антифеодальное крестьянское восстание во Франции в 1358 г. Своими корнями Жакерия уходила в развитие товарно-денежных отношений в XIII—XIV вв. Установившаяся связь феодального поместья с рынком, переход к денежной ренте привели к росту эксплуатации крестьян. Все усиливавшаяся ненависть крестьян к феодалам вылилась в восстание, которое охватило 100 тыс. человек. В нем участвовали городская беднота, отдельные мелкие рыцари, единичные сельские священники.

Крестьянство с чувством сильнейшей вражды, неприязни относилось к замкам, этим укрепленным пунктам, центрам феодального господства, эксплуатации и грабежа. Восставшие разрушали феодальные замки и дворянские дома, уничтожали хозяйства феодалов, их поместья — сеньерии, расхищали имущество господ. Жакерия ставила перед собой определенные цели и имела программу, хотя эта программа была неписаная, неоформленная. Для французской деревни XIV в. не была характерна социальная дифференциация. А это привело к тому, что крестьянин для достижения самостоятельности в своем хозяйствовании был заинтересован в освобождении от пут феодальной эксплуатации. Вопрос об увеличении размеров держания стоял на втором плане, вопрос о земле восставшими не ставился. Таким образом, объективный смысл программы Жакерии 1358 г. сводился к отстаиванию крестьянской свободной индивидуальной трудовой собственности, к превращению крестьян в свободных мелких товаропроизводителей.

Восстание Уота Тайлера. Антифеодальное восстание крестьян, вспыхнувшее весной 1381 г. в Юго-Восточной Англии, своей конечной причиной имело гнет феодалов, злоупотребления органов государственной власти и поборы католической церкви. По всей стране вилланские союзы вели ожесточенную борьбу с сеньорами. Повсеместно распространялись рукописные агитационные листки, призывавшие к расправе с помещиками и королевскими чиновниками. Большим успехом пользовались рифмованные листки Джона Болла. Крестьяне, к которым в ряде графств примкнула и городская беднота, вели борьбу со светскими и церковными феодалами, разрушали усадьбы и монастыри, забирали движимое имущество, уничтожали документы, удостоверявшие крестьянские повинности. Вождем восстания был кровельщик Уот Тайлер, именем которого называется восстание 1381 г.

Восставшие подавали петиции, которые отражали запросы крестьян. Так, в петиции, известной под названием «Майл-Эндской

программы», выдвигались требования ликвидации в Англии вилланов — крепостных, уничтожения барщины, отмены крепостного права; взимания с акра вилланской земли ренты в размере 4 пенсов в год; дарования права всем людям беспопытно продавать и покупать во всех городах и местечках королевства, введения свободной торговли; получения амнистии восставшими. Эта программа, требовавшая ликвидации крепостничества, носила антифеодальный характер. Вместе с тем пункт о свободной торговле отражал интересы относительно зажиточной части крестьянства.

Более радикальный характер носили требования крестьян, известные под названием «Смитфилдской программы». Крестьяне требовали отобрания земель у епископов, монастырей и священников — секуляризации церковных земель и раздела этих земель среди прихожан; возвращения крестьянам общинных угодий, захваченных сеньорами; уничтожения вилланства, отмены привилегий сеньоров, уравнивания всех сословий; отмены статутов, направленных против трудящихся.

В «Смитфилдской программе», отразившей требования крестьянской бедноты, ее антифеодальная сущность более резко выражена, чем в «Майл-Эндской программе». Чаяния широких масс крестьянства и городской бедноты ярко отразил Джон Болл (умер в 1381 г.) — один из главных вождей восстания 1381 г., народный проповедник, представитель крестьянско-плебейской ереси средневековья. Большой интерес представляет собой речь Болла: «Когда Адам копал землю, а Ева пряла, кто был дворянином?». «Вначале, — говорил Болл, — все люди были равны: такими они вышли из рук природы. Впоследствии нечестивые люди стали несправедливо угнетать своих близких, и явилось рабство, противное воле божьей». «Настал назначенный богом час, — продолжал Болл, — сбросить иго долговременного рабства и получить давно желанную свободу».

Болл утверждал, что необходимо «перебить всех магнатов королевства, затем истребить законовевов, судей и присяжных и в заключение стереть с лица земли всех тех, кто может принести вред общинам». Только тогда, когда у всех людей, подчеркивал Болл, будет «одинаковая свобода, одинаковая знатность и одинаковая власть, только тогда они будут наслаждаться миром и безопасностью».

По мнению Болла, монастырские владения должны быть конфискованы в пользу мирян, число монахов следует уменьшить до двух человек в каждом монастыре. Епископские кафедры необходимо упразднить. И только один архиепископ должен оставаться во главе церкви. Восставшие общины на этот пост хотели избрать самого Болла.

Болл подверг жестокой критике не только церковные порядки. Большой интерес представляет подчеркивание Боллом трудовой основы современного ему общества, государства. Болл проповедовал: «...От нас, от нашего труда идет то, чем держится государ-

ство». Болл резко разоблачал феодальный хозяйственный режим с его расчленением общества на господ (сеньоров) и несвободных, закрепощенных вилланов. Болл говорил: «Почему же, кого мы называем сеньорами, властвуют над нами? ...Чем они это заслужили? Почему они держат нас в рабстве? В чем их большее основание быть сеньорами, кроме того, что они заставляют нас работать и приобретать то, что они тратят? Они одеты в бархат и меха, а мы — в плохое сукно. У них хорошие вина, пряности и хороший хлеб, а у нас ржаной хлеб, мякина и солома, а для питья — вода. У них досуг и пышные дворцы, а у нас заботы и труд, и дождь и ветер на полях».

По словам Болла, дела только тогда пойдут хорошо в Англии, когда «имущество станет общим, когда не будет ни вилланов, ни дворян, но все будут в одинаковом положении»¹. В приведенном высказывании Болла следует отметить ярко сформулированную мысль о наличии в феодальной Англии противоположности между богатством, жизнью в роскоши паразитического господствующего класса и бедностью, подневольным трудом поработанного крестьянства. Восстание Уота Тайлера, выдвинувшее народного героя и народного проповедника Джона Болла, ускорило ликвидацию крепостного права в Англии.

Гусистское движение. Гусистское революционное движение — революционная борьба народных масс Чехии в первой половине XV в. против феодального гнета и иноземной агрессии — значительная веха в истории чешского народа в эпоху феодализма. Многолетняя борьба чешского народа против феодального общественного строя началась с выступлений виднейшего вождя чешской Реформации магистра Пражского университета Яна Гуса и вылилась в «гусистские войны». Ф. Энгельс писал, что гусистские войны — это «...национально-чешская крестьянская война против немецкого дворянства и верховной власти германского императора, носившая религиозную окраску»².

Ян Гус утверждал, что основой общества является крестьянский труд, что на крестьянстве базируется благосостояние всех сословий. Протестуя против феодальной эксплуатации, Ян Гус отмечал, что ее носителями являются попы и паны. Он говорил: «В этом угнетении очень повинны и священники, и монахи, и светские господа; они мучают людей, чтобы получить с них платежи, десятину и иные подати, и даже тогда, когда те ни в чем не повинны. Горе хищникам и панам безжалостным, которые душат бедняков, когда те не могут им дать десятины, и давят их, чтобы платили за священные обряды».

Наряду с духовенством и панами Ян Гус причислял к угнетателям народа и жестоким стяжателям и представителей нарождаю-

¹ См.: Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. Соцэкгиз, 1937, стр. 113—114.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 180.

щейся буржуазии с ее ростовщическими наклонностями. Он утверждал: «...Есть богатые светские паны, живущие по позорному закону, который не прощает беднякам податей и ввергает их в нищету и душит их; есть бюргеры, которые преследуют бедных должников, хотя знают, что им нечем заплатить». Ростовщики наживаются на спекулятивных сделках, на изменяющейся рыночной конъюнктуре, на колебании цен. Все это является результатом антинародной хозяйственной деятельности, пройдошества, проницательности ростовщиков, спекулянтов. Таким образом, в представлении Яна Гуса, на народных бедствиях путем обмана и ростовщичества наживались не только представители государственной власти, церкви, духовные и светские феодалы, но и купцы.

Учение Яна Гуса по своему социальному содержанию носило бюргерский характер. Однако в нем в известной степени пробивали себе дорогу требования крестьян. В дальнейшем своем развитии гусистское национально-освободительное и реформационное движение размежевалось на два лагеря: чашников и таборитов. *Чашники* — мелкие дворяне и бюргеры — отстаивали главным образом необходимость секуляризации церковных имений, создания дешевой национальной чешской церкви. *Табориты* — революционное, демократическое крыло в гусистском движении — выдвинули антифеодальную программу преобразования общества на новых началах равенства, свободы и братства, в духе раннехристианских общин.

Господствующей идеологией таборитов был хилиазм — религиозно-мистическое учение о втором пришествии Христа, когда произойдет установление «тысячелетнего царства» справедливости, благоденствия, равенства. Революционную идеологию в Таборе отстаивала группа проповедников, объединившаяся вокруг Яна Чапека и особенно вокруг Мартинка Гуски, по прозвищу Локвис. Революционная деятельность таборитских пропагандистов принимала различные формы. Основной из них было произнесение проповедей. Кроме того, табориты рассылали листовки, в которых излагалась их программа. Одновременно распространялись хилиастические трактаты. Таборитские проповедники стремились создать стройную антифеодальную социально-экономическую теорию.

Таборитские проповедники учили народ, что господствующий класс феодалов должен быть уничтожен, а имущество его должно быть отнято. Проповедники-хилиасты призывали народ к борьбе против своих эксплуататоров, к борьбе «жесточкой, лютой, без всякого милосердия». В своей борьбе против церкви как самого крупного феодала табориты в первую очередь настаивали на необходимости разрушения монастырей, что явится сигналом для уничтожения всех церквей. Огромные богатства церкви в Чехии должны быть возвращены простому народу, таборитам-воинам. Табориты вели революционную борьбу не только против власти церкви, но и против светских феодалов. Проповедники провозглашали, что крестьяне не будут больше платить податей, а также церковной деся-

типы; вся господская земля перейдет в руки феодально зависимых крестьян; имущество, арендованное у землевладельца, будет освобождено от феодальных повинностей и обязательств. Подневольный труд крестьян в пользу феодалов будет ликвидирован.

Хилиастические воззрения таборитов отражали стремление не только уничтожить эксплуататоров, но и построить лучшее общество. О грядущем новом обществе проповедники-хилиасты отзывались как о царстве всеобщего равенства людей, счастливой и радостной их жизни в бесклассовом сообществе. «В то время не будет на земле ни королей, ни панов, ни крепостных, все повинности и платежи будут отменены, никто никого не будет ни к чему принуждать, все будут равны, как братья и сестры».

Проповедники-хилиасты стремились провозглашенные ими принципы переустройства общества осуществить на практике в 1420 г. Утверждалось, что в Таборе «нет ничего моего и твоего, а все вместе одинаково имеют: у всех всегда должно быть общим, и никто не должен иметь ничего отдельно...». Под общностью табориты понимали прежде всего общность денег и драгоценностей, составлявших содержимое кадей — общественных касс. Таборитские проповедники ратовали за общность имущества во всем мире. Практическая программа таборитов, их фантастические мечтания о новом обществе отражали стремление крестьян и городских низов избавиться от феодальной эксплуатации.

Крестьянская война 1524—1525 гг. в Германии. Крестьянская война 1524—1525 гг. в Германии, будучи высшим выражением общественного движения эпохи Реформации, представляла собой первую битву против феодализма, первый акт буржуазной революции в Европе. Говоря о «трех великих буржуазных революциях», Ф. Энгельс имел в виду Реформацию в Германии и Крестьянскую войну XVI в., английскую революцию XVII в., французскую — XVIII в.

В своей характеристике социально-экономической обстановки, сложившейся в Германии в период Крестьянской войны XVI в., Ф. Энгельс указывал, что экономика Германии сделала «...невозможным всякое сплочение немцев в *нацию*, допуская лишь местную и провинциальную централизацию...»¹. А так как носителями этой централизации внутри раздробленности были князья, то тенденция развития в сторону провинциальной централизации, т. е. подчинения всех остальных имперских сословий власти князей, могла привести к выгодному одним только князьям исходу Крестьянской войны. Однако местная, провинциальная централизация препятствовала прогрессивному развитию страны.

Назрела необходимость национальной консолидации, политической централизации. Ф. Энгельс указывал, что различные интересы сословий привели их в конце концов к оформлению в три большие группировки. Несмотря на эти группировки, «...каждое сословие

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 434.

оказывалось в оппозиции к определяемому обстановкой направлению национального развития, проделывало свое движение на свой страх и риск, приходило вследствие этого в столкновение не только с консервативными, но и со всеми остальными оппозиционными сословиями и в конце концов должно было потерпеть поражение»¹. На объединенное общенациональное выступление не оказались способными ни бюргеры, ни крестьяне, ни плебеи.

Распыление классовой борьбы и обусловило поражение революционного движения в период Крестьянской войны в Германии. Причиной ее неудачи было противоречие между прогрессивной тенденцией к политической централизации и наличной консервативной тенденцией к провинциальной централизации. Причиной неудачи Крестьянской войны в Германии была ее раздробленность.

Крестьянская война 1524—1525 гг. и ее программные документы. Среди важнейших программных документов, относящихся к Крестьянской войне 1524—1525 гг., было «Статейное письмо» (конец 1524 начало 1525 гг.), которое явилось первой общей революционной программой. В «Статейном письме» провозглашалась революционная программа: необходимость в результате победоносного народного восстания перестроить общественную жизнь на началах социальной справедливости. Анализируя содержание этого документа, Ф. Энгельс писал: «...В этом радикальном манифесте... речь шла прежде всего о революции, о достижении полной победы над еще господствующими классами, а пункт о «светском отлучении» означал лишь, что угнетатели и изменники должны быть перебиты, замки сожжены, монастыри и церкви конфискованы и сокровища их обращены в деньги»².

По сравнению со «Статейным письмом», которое исходило из лагеря Мюнцера, менее радикальными были знаменитые «12 статей». Программа, выдвинутая 12 статьями, отличалась непоследовательностью. Отмены крепостного права требовали статьи 3 и 11. Иначе выглядел ряд других статей. Так, в статье 6 барщина сохранялась, хотя и в урезанном виде. В статье 7 выдвигалась необходимость дополнительной работы крестьянина на помещика сверх ленного договора. В статье вместе с тем имеется оговорка, что оплата труда должна быть «подобающей». В статье 9 сохранились штрафы, хотя в ней оговаривалось, что наказания должны накладываться при соблюдении старой законности. Рассматриваемая программа оставляла неизбежным феодальный строй. Дело шло, по существу, к ослаблению, некоторому смягчению тягот, связанных с феодальной эксплуатацией крестьянства. Проект реформ, отражавший интересы франкских бюргеров, известен под названием «Гельбронская программа». Этот проект был подготовлен Венделем Гиплером.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 435.

² Там же, стр. 402—403.

О Венделе Гиплере Ф. Энгельс писал, что из всех вождей движения он «...правильнее всего понимал существующее положение вещей»¹. Говоря о принципах, которые защищал Вендель Гиплер, и требованиях, которые он выдвигал, Ф. Энгельс утверждал, что они «не представляли собой чего-то непосредственно возможного...»². Тем не менее «...они воплотили в себе, хотя и в несколько идеализированном виде, необходимые результаты происходившего разложения феодального общества...»³. Вендель Гиплер не был «...выразителем интересов какого-либо одного из участвовавших в движении сословий в противовес другим»⁴. Вендель Гиплер, будучи представителем, «...так сказать, средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию *современного буржуазного общества*»⁵. Гельброннская программа и отражала это «предчувствие» буржуазного общества. Гельброннская программа в своем проекте имперской реформы требовала подчинения всех властей императору и превращения всех князей, лишенных власти и доходов вместе с дворянами, в должностных лиц империи.

Гельброннская программа предусматривала выборность пасторов, лишение духовенства светской власти, секуляризацию церковной собственности. В Гельброннской программе антифеодальные требования крестьян не нашли непосредственного отражения. Однако централизация, которую требовали крестьяне, приобрела в Гельброннской программе более определенные очертания. Она была уточнена в совокупности требований, которые, как отмечал Ф. Энгельс, гораздо более отвечали интересам городских бюргеров, чем крестьян. Речь идет, например, об установлении единства монеты, мер и весов, отмене внутренних таможенных пошлин.

По мысли Ф. Энгельса, «...как только крестьянские требования были сведены к проекту «имперской реформы», они неизбежно оказались подчиненными, если не текущим требованиям бюргеров, то их конечным интересам»⁶. В Гельброннской программе были сделаны уступки дворянству, которые в конечном счете вели к превращению феодальной земельной собственности в буржуазную. Так, предполагался выкуп крестьянских повинностей путем единовременной уплаты их двадцатикратной стоимости. В Гельброннской программе выдвигалась необходимость отмены всех внутренних таможенных пошлин. В ней отмечалось, что все купеческие сделки встречают затруднения по причине наличия значительной массы пошлин — у духовных и светских князей, графов, господ, рыцарей, дворян, прелатов и городов. Должны остаться пошлины, необходимые для поддержания общепользных нужд: мостов, дорог, пу-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 413.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 414.

тей. Остаток от этих пошлин должен откладываться на «общую пользу».

Гельброннская программа требовала единства монеты, мер и веса. В ней отмечалось, что «появилось много новых господ..., чеканящих свою монету, отчего старая хорошая монета пропала и распространилась в большом количестве малоценная монета». В программе также заявлялось, что с целью ликвидации больших потерь бедных людей при покупке и продаже в империи должна быть введена «одна мера, один локоть, один воз, одинаковый вес, одна длина для сукна, бумазей и для всех других товаров». Гельброннская программа настаивала на запрещении крупных торговых ростовщических компаний. Мотивировала она это тем, что от «их произвола богатые и бедные одинаково терпят отягощение во всех товарах».

Гельброннская программа ограничивала размер капитала, занятого в торговле. В этих требованиях было заинтересовано бюргерство. Гельброннская программа отражала сближение части бюргерства с рыцарством. В интересах разорявшегося рыцарства сохранялись сословные привилегии и подлежали конфискации церковные имения.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ТОМАСА МЮНЦЕРА

Самую величественную фигуру Крестьянской войны 1524—1525 гг. Ф. Энгельс видел в Томасе Мюнцере. Ф. Энгельс отзывался о Мюнцере как о славном предводителе Крестьянской войны 1525 г., который был настоящим демократом, насколько это было возможно в то время. Он считал Мюнцера революционером с широким кругозором. Ф. Энгельс указывал, что теолого-философские взгляды Мюнцера были направлены не только против всех основных догматов католицизма, но и христианства вообще, что религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму.

По мысли Ф. Энгельса, политическая программа Мюнцера была близка к коммунизму. Эта программа представляла собой «...гениальное предвосхищение условий освобождения едва начинавших тогда развиваться среди ... плебеев пролетарских элементов...»¹. Мюнцер нападал на попов, князей, дворянство и патрициат, считая, что попы и монахи как еретики должны быть истреблены. Князей и дворян, грабящих крестьянина и ремесленника, Мюнцер считал главными виновниками ростовщичества, воровства и разбоя. Князья и дворяне присваивают себе всякое создание: рыбу в воде, птицу в воздухе, все произрастающее на земле. Крестьянам и ремесленникам, совершающим самый пустячный проступок, угрожает виселица.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 371.

Существующему гнету Мюнцер противопоставлял фантастическую картину будущего царства социально-республиканского равенства. Программа, за которую боролся Мюнцер, требовала установления царства божьего на земле путем возврата церкви к ее первоначальному состоянию, к раннехристианской церкви. В понимании Мюнцера царство божье, предполагавшее преобразование материальной жизни, представляло собой торжество принципов общего блага.

Мюнцер ратовал за «общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти»¹. Для осуществления этой программы не только в Германии, но и во всем христианском мире нужно основать союзы. Князья и дворяне, не подчинившиеся революции, не присоединившиеся к союзам, должны быть свергнуты с помощью оружия или уничтожены. Мюнцер придавал принципиальное значение и конкретным требованиям народных масс. Так, он ратовал за восстановление узурпированных прав общины и облегчение условий трудового владения через облегчение феодальных прав и привилегий.

Ф. Энгельс писал о Мюнцере, что он «...возвысился до предчувствия коммунизма...» «...в качестве представителя того класса, который стоял вне всяких существовавших до того времени официальных общественных связей и являлся зародышем пролетариата»...².

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

«РУССКАЯ ПРАВДА»

Возникновение и развитие экономической мысли в России относится ко времени образования в IX в. в Восточной Европе огромного государства Киевской Руси, которую К. Маркс сравнивал с империей Карла Великого. Для изучения экономической мысли Древней Руси, еще не выделившейся в качестве особой области идеологии, исключительную ценность приобретают летописные материалы, отдельные грамоты — жалованные, окладные, купчие, духовные и литературные произведения. Первое место среди источников для изучения экономической мысли данного этапа истории России принадлежит «Русской Правде».

«Русская Правда» представляет собой выдающийся древний памятник русского права, в котором отразились состояние производительных сил и производственных отношений, феодальные обще-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 371.

² Там же, стр. 413.

ственные отношения и процессы ожесточенной классовой борьбы в Киевской Руси XI—XIII вв. Этот сборник княжеских постановлений дошел до нас в двух редакциях: краткой редакции и пространной редакции. Краткая редакция «Русской Правды» состоит из двух частей: 1) относящейся к первой половине XI в. — «Правда Ярославичей», составленная после смерти Ярослава тремя Ярославичами — Изяславом, Святославом и Всеволодом и их боярами; 2) относящейся ко второй половине XI в.

Пространная редакция «Русской Правды» относится к XII—XIII вв. Если краткая редакция, сохранившая еще некоторые нормы обычного права, например кровной мести, отразила этап установления, складывания феодальных отношений в Киевской Руси, то в пространной редакции отразилась дальнейшая дифференциация общества Киевской Руси.

«Русская Правда» стояла на страже интересов господствующего класса в Киевском государстве, она отстаивала нерушимость феодального строя. «Русская Правда» ставила своей целью защиту владений феодалов-землевладельцев, охрану права частной земельной собственности. Система наказаний за преступления в «Русской Правде» была направлена против угнетенного, зависимого сельского населения. «Русская Правда» как кодекс феодального права, поскольку она отражала отношение господствующего класса к экономическим вопросам, представляет большой интерес для изучения русской экономической мысли периода Киевской Руси.

По сведениям «Русской Правды» и других источников, народное хозяйство Руси XI—XIII вв. базировалось на пашенном земледелии и скотоводстве; что же касается охоты, рыболовства и бортничества, то эти отрасли экономики в это время играли второстепенную роль. Следует отметить относительно высокое развитие на Руси XI—XIII вв. сельскохозяйственной культуры, стоявшей на уровне соседних стран. Феодальное землевладение достигло на Руси XI—XIII вв. больших размеров. Как подчеркивал М. Н. Тихомиров, «хозяйство в громадных русских вотчинах было чрезвычайно близко к хозяйству сеньерий во Франции или маноров в Англии средневекового времени»¹. Крупная феодальная собственность возникла в результате насильственного захвата общинных земель и закабаления крестьян, превращения свободных общинников-крестьян в закрепощенных людей, что было характерной особенностью Руси XI—XIII вв.

В «Правде Ярославичей» нашла обстоятельное отражение организация крупной княжеской и боярской вотчины в XI в. В ней прежде всего оберегается жизнь и безопасность «огнищанина», стоящего во главе хозяйства, управляющего княжеской вотчиной. Затем идут другие княжеские должностные лица: «подъездной» — сборщик княжеских доходов; «тиун» — приставник, наблюдатель за княжеским хозяйством; «конюший» — ключник, приставленный

¹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., 1955, стр. 15.

к лошадям. «Правда Ярославичей» в качестве представителя феодала знает «ратайного» старосту, который наблюдал за полевыми работами. Княжеская, боярская или церковная вотчина XI в. базировалась на эксплуатации крепостного и рабского труда, причем рабский труд все более вытеснялся более прогрессивным, отличающимся более высокой производительностью крепостным трудом.

В «Русской Правде» представлены различные категории феодально зависимых людей: «рядовичи», «закупы», «изгои», «пущеники», «прощенники» и др. Непосредственными производителями в вотчинах, согласно свидетельству «Русской Правды», были частью рабы, частью смерды, попадавшие в зависимость к феодалам-землевладельцам. Причем основной производительной силой в Киевской Руси был смерд — свободный и крепостной.

Подводя главнейшие итоги наблюдений над историей смердов, Б. Д. Греков писал, что смерды есть основная масса русского народа, из которой в процессе классовообразования выделились другие классы русского общества; что источники «киевского периода» истории Руси застают их организованными в общины; что победа феодальных отношений внесла в жизнь смердов очень важные изменения, прежде всего разбила смердов на две части: на смердов-общинников, независимых от частных владельцев, и смердов, попавших под власть частных владельцев; что процесс внутреннего расслоения в общине привел часть смердов к необходимости покинуть общину и искать заработка на стороне — таким путем у землевладельцев появились новые кадры рабочего населения из среды смердов; что форма их эксплуатации определяется условиями жизни смерда: если он живет непосредственно в барской усадьбе — он работает на барщине и входит в состав челяди, если он живет вдали от усадьбы — он платит ренту продуктами; что в XII—XIV вв. весьма энергично растет рента продуктами в связи с расширением землевладения феодалов, увеличением количества их подданных и превращением вотчины в сеньерию¹.

Рядовичами назывались недавние общинники, вынужденные в результате процесса расслоения общины, возникшего в ней имущественного неравенства попадать во временную феодальную зависимость. Рядовичи не являлись ни рабами, ни наемными рабочими. Они представляли собой часть зависимого населения вотчины и входили в состав челяди.

Закуп — одна из категорий феодально зависимых людей в Киевской Руси и одна из ранних форм процесса закрепощения крестьянства — представлял собой разновидность рядовичей. Закуп — это недавний смерд, потерявший средства производства и вынужденный идти в кабалу. Закуп получает от хозяина-землевладельца незначительный участок земли («отарицу») и «купу», т. е. помощь деньгами, подлежащую возвращению при уходе закупа. Пога-

¹ См.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. Госполитиздат, 1953, стр. 242.

шение «купы», т. е. ссуды, полученной от феодала, делает закуп свободным.

Много внимания в пространной редакции «Русской Правды» уделяется ролейным закупам. Ролейный закуп, работавший в имении своего хозяина, получал от него инвентарь и право пользоваться барским конем. Освободиться от зависимости ролейный закуп мог только по возвращении «купы». Закуп попадал в бесправное положение, он становился рабом в случае бегства от хозяина, в случае совершения кражи. Господин имел право подвергать закупа телесному наказанию. Закуп отнюдь не был рабом. Хозяин лишался права на закупа при продаже его в рабство. Хозяин подвергался наказанию при уменьшении выданного за купу участка земли, при изменении денежной суммы, выданной при заключении договора, при наличии побоев, нанесенных в пьяном виде или не «про дело».

В «Правде Ярославичей» в числе зависимых людей русского феодального хозяйства XI—XIII вв. и позднее названа категория подневольных людей — *холопов*. Холопство было сильно развито в Киевской Руси. Наличие холопов на Руси XI—XIII вв. — характерная черта феодального хозяйства, княжеского, боярского и монастырского. Обычное холопство — это состояние зависимости, однако отнюдь не рабского характера. Понятию раба соответствует только «обельное холопство». Рабочая сила раба несомненно играла крупную роль в производстве древнерусского общества. Однако благодаря прочности общинного строя Киевская Русь XI—XIII вв. не довела у себя рабства до его высшего развития — античного рабства.

Статьи «Русской Правды», объединенные под рубрикой «О холопстве», свидетельствуют о том, что рабскому труду на Руси была присуща постепенная и систематическая тенденция вытеснения трудом людей зависимых и крепостных. Вотчинное хозяйство времени «Русской Правды» базировалось, таким образом, преимущественно на эксплуатации зависимых непосредственных производителей — смердов, рядовичей, закупов, которые без оплаты отдавали свой прибавочный труд собственнику средств производства — феодалу-землевладельцу в докапиталистической форме отработочной ренты, в форме барщины.

В пространной «Правде» отразилась смена отработочной ренты более зрелой докапиталистической формой ренты — рентой продуктами, формой оброка, когда смерд, ведущий свое самостоятельное хозяйство, безвозмездно отдает господину свой прибавочный продукт. Труд закрепощенного крестьянства, производившего материальные блага, был основой богатства и политического значения Киевской Руси.

Для русской феодальной вотчины Киевской Руси были типичны черты натурального хозяйства, слабо связанного с внешним миром, стремившегося производить продукты только для удовлетворения потребностей феодала, а не для обмена. Как подчеркивает М. Н. Ти-

хомиров, черты натурального хозяйства рисуются в нормах «покона вирного», которым заканчивается краткая редакция «Русской Правды». Вирник, сборщик пошлин, получает пропитание на месте за счет населения. Замена натуральных взносов вирнику деньгами представляет собой, в сущности, послабление вирнику как представителю администрации.

Натуральный характер феодального хозяйства на Руси XI—XIII вв. характеризуется широким распространением сельского ремесла. По «Русской Правде», ремесленник и ремесленница охраняются более высокой вирой, чем смерды и холопы. Непосредственным следствием натурального хозяйства было наличие в Киевской Руси массы однородных хозяйственных единиц, феодальных поместий, целого ряда феодальных «миров», слабо связанных друг с другом, причем каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ. Понятие такого «мира», как отмечает М. Н. Тихомиров, выразительно выступает в статье «Русской Правды», определяющей порядок «Свода» — следствия о краже. «Свод» кончался за пределами города, вероятно, округи, подчиненной городу...¹.

Базируясь на предпосылке, что города возникают прежде всего там, где развивается сельское хозяйство и выделяются ремесленники и купцы, где создается городская округа, тянущаяся к своему центру, М. Н. Тихомиров указывает, что связь между возникновением городов и развитием земледелия как основного занятия населения можно четко заметить при анализе сведений о русских городах X—XIII вв. Города, как ремесленные и торговые центры, играли существенную роль в социально-экономической жизни Древней Руси, хотя городские жители еще были связаны с земледелием и ремеслом на Руси XI—XIII вв. еще только начало отделяться от земледелия.

В условиях натурального хозяйства, при слабой потребности в привозных товарах внешняя торговля в Киевской Руси сосредоточивалась в больших городах. Что же касается внутренней торговли, игравшей главенствующую роль, то она была уделом мелких городов, связанных с ближайшей сельскохозяйственной округой. В условиях натурального хозяйства с его замкнутостью и узостью товарного обмена товарное производство в Киевской Руси имело ограниченный характер.

В неоднородном по своему составу населении русских городов Киевской Руси основную часть составляли ремесленники. Для русских городов XI—XIII вв. характерен быстрый рост населения, объясняемый притоком беглых холопов, о чем свидетельствует пространная редакция «Русской Правды», предписывающая посаднику оказывать содействие господину в их розыске. Трудности поисков холопов давали возможность скрываться от господ. Хо-

¹ См.: М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., 1955, стр. 21.

лопы, оседавшие в городах, занимались ремеслами и торговлей. Из статей «Русской Правды» видно, что происходило бегство сельского населения в город, что закабаленные смерды, холопы и вообще зависимые люди пополняли состав городского населения. Как отмечает М. Н. Тихомиров, и на Руси городской воздух делал зависимого человека свободным. Развитие ремесла и торговли способствовало дифференциации городского населения. Главной политической силой в русских городах было боярство — городской патрициат, с которым была тесно связана купеческая верхушка.

О развитии экономики в Древней Руси XI—XIII вв. наглядно свидетельствуют статьи «Русской Правды», посвященные договору займа. Заключение договора о займе влекло за собой уплату процентов, которые именовались в зависимости от предмета займа: «рез» — предмет займа деньги, «просоп» — жито, «настав» — мед. Срок взимания процентов не был ограничен. Для признания действительности договора о займе требовались свидетели. Обо всем этом повествует статья 50 пространной редакции «Русской Правды». На размеры процентов указывает статья 51. Месячный «рез» уплачивался лишь при краткосрочных займах. При займе, растянувшимся на целый год, взимался высокий «рез» — «в треть», т. е. 50%.

Согласно статье 53 заимодавец мог брать третний процент лишь до третьего платежа. Таким образом, заимодавец мог рассчитывать лишь на получение 200% с отданной под процент суммы — два «реза» ($50\% \cdot 2$) и «исто» — данный под процент капитал (100%). Если же заимодавец получит третний процент три раза ($50\% \cdot 3$), то он лишается права претендовать на деньги, отданные им под проценты («...то нета ему не взяти»). Статья 53 пространной редакции «Русской Правды» представляла собой декларативную уступку, с целью смягчения классовых противоречий, в числе ряда мер, предпринятых Владимиром Мономахом в изданном им «Уставе Владимира Всеволодовича» и проведенных им после смерти Святополка на съезде в селе Берестове и в результате восстания 1113 г.

Ряд статей «Русской Правды» посвящен непосредственно торговым сделкам. Так, статья 48 свидетельствует о наличии в Киевской Руси в зачаточной форме феодальных купеческих товариществ «на вере». Купцы ссужали своим сотоварищам деньги для участия во внутренней или внешней торговле. В займе между купцами не было необходимости в свидетелях сделки. Присяга купца-кредитора была достаточным основанием для получения им своих денег. Закон был явно на стороне купеческих организаций и купцов-кредиторов. В статье 49 речь идет о договоре поклажи, хранении чужой клади. Договор заключался без свидетелей. В случае возникновения споров подчеркивается право того, «у кого... лежал товар», право приемщика отвергнуть обвинение с помощью присяги. Законодательство при этом исходило из того, что хранение отнюдь не

обязательно должно вознаграждаться, ибо оно представляет собой одолжение, дружескую услугу. Отношение «Русской Правды» к хранению товаров, трактовка ею договора поклажи объясняется слабым развитием товарооборота в Киевской Руси.

Антагонистический характер феодального способа производства на Руси XI—XIII вв., присущая ему непримиримость интересов угнетателей и угнетенных, эксплуататоров и эксплуатируемых, усиленное наступление феодалов на крестьянскую общину, на крестьянскую землю и на крестьянский труд находили свое выражение в ожесточенной классовой борьбе, которая принимала различные формы, начиная от постоянных повседневных актов враждебности закрепощаемого крестьянства по отношению к феодалам вплоть до высшего проявления классовой борьбы того времени — народных восстаний.

Ряд статей «Русской Правды» посвящен нарушению смердами феодальной частной собственности. В постановлении по поводу нарушения межевых знаков, свидетельствующих о развитии княжеского землевладения, о процессе утверждения феодальной собственности в результате наступления на общинное владение, устанавливается высокий штраф за перепашку межи и уничтожение знака, вырезанного на дереве или на столбе для обозначения границы земельных владений. Об обострении классовых противоречий в Киевской Руси свидетельствует большая группа статей «Русской Правды» об имущественных преступлениях. Среди этих статей велик удельный вес статей, посвященных краже. В указанных статьях предусматриваются различные виды краж в зависимости от характера и ценности похищенного имущества, а также в зависимости от того, откуда было похищено имущество.

Наиболее опасными видами краж признаются конокрадство и кража из закрытых поместий. Как уже отмечалось, высшей формой проявления классовой борьбы в Киевской Руси были народные восстания. К. Маркс писал, что все крупные восстания средневековья исходили из деревни. Это положение К. Маркса относится и к Руси XI—XIII вв., где наиболее мощные народные движения выливались в крестьянские восстания, носившие, естественно, разрозненный и стихийный характер, зачастую переплетавшиеся с городскими восстаниями.

В борьбе против феодальной эксплуатации в Киевской Руси естественными союзниками закрепощенных смердов и постоянных участников народных восстаний на Руси XI—XIII вв. — холопов — были городские низы — ремесленники и поденщики. Как подчеркивает М. Н. Тихомиров, «одновременность развития крестьянских и городских восстаний на Руси и во Франции является ценным показателем того, что обе страны в XI в. стояли на одной и той же ступени общественного развития»¹.

¹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., 1955, стр. 81.

Ермолай-Еразм, русский мыслитель и публицист середины XVI в., является автором сочинения под названием «Благо хотящем царем правительница и земледение», или короче, «Правительница». Называя крестьян «ратаями», Ермолай-Еразм утверждал, что они производят основу всех благ — хлеб, что вся русская земля от царя до простых людей питается благодаря крестьянскому труду. Что же касается положения самих ратаев, этих подлинных производителей всех благ, то, по мысли Ермолая-Еразма, они пребывают «в волненіих скор'бных». С крестьян взимают различные подати, как, например, оброки «серебром», ямские.

Ермолай-Еразм указывает также и на то, что кроме сборов, установленных для царской казны, сборщики путем вымогательства, незаконных поборов обкрадывают крестьян. Тяжелым грузом ложится на ратаев и содержание лошадей сборщиков. Особенно много невзгод, неудобств, страданий, связанных с обременительными расходами, причиняют ратаям царские землемеры, отмежевывающие земли для наделения ими служилых людей. Измеряя землю четвертями, они затягивают свою работу и непомерно долго кормятся у крестьян: «Из(Ъ)ядаху многа брашна у ратаев».

Ермолай-Еразм утверждал, что тяжелый гнет, от которого страдает русское крестьянство, носит исключительный характер, его нельзя встретить ни в каком царстве: «И много убо царства прогрохом, и сего обычая не видехом». Ссылаясь на то, что и птицы, и звери, и скот только один раз в году страдают от линянья, Ермолай-Еразм полагал, что и ратаям следует нести лишь одну повинность в течение года. Исходя из предпосылки, что у всех народов население платит царю или правителю в качестве подати определенную часть плодов своей земли либо в виде золота и серебра, либо в виде скота и зверей, Ермолай-Еразм отстаивал положение, что подать с крестьян на Руси должна взиматься житом. Мотивировал он это тем, что Россия — страна земледельческая. «Зде же в русийстей земли ни злато, ни сребро не ражается, ни велиции скоти, по благоволением божіим всего дражайши ражаются жита на прокормление человеком».

Как подчеркивает Б. Д. Греков, Ермолай-Еразм, выступая против серебра, разумел не крестьянские долги, а денежную ренту, которую он проектировал заменить натуральной рентой определенного размера.

Ермолай-Еразм горячо отстаивал мысль о том, что повинности крестьян должны носить натуральный характер, что денежный оброк и другие повинности крестьян должны быть заменены натуральным оброком, равным пятой части урожая. Ермолай-Еразм для подкрепления предлагаемой им меры ссылался на образцовый достойный подражания библейский пример Иосифа Прекрасного, который взимал с подданных налоги продуктами. Предлагая отка-

заться от системы денежного обложения крестьян, Ермолай-Еразм рекомендовал полностью перейти на обложение хлебом. Таким образом, Ермолай-Еразм был сторонником унифицирования всех податей крестьянства, взыскания их натурой.

Ермолай-Еразм считал недопустимым, чтобы ратаи подвергались обременительным денежным повинностям, предназначенным для обогащения вельмож и воинов, а отнюдь не для удовлетворения их насущных потребностей. По мысли Ермолая-Еразма, для удовлетворения необходимых потребностей служилые люди должны довольствоваться трудом своих крестьян. Вниманием с каждого ратая пятой части урожая служилые люди будут располагать средствами, необходимыми для службы царю. Ермолай-Еразм писал: «Какоже правоверным царем и велможам их не достоит сему ревновати, еже в' своих селех и весех имати от притяжания жит у ратаев житом пятую часть, кроме же сего ничесо же, злата же и сребра ратаеве недоумеюще, откуду притяжати».

По вопросу о ямской повинности Ермолай-Еразм отстаивал мысль о необходимости переложить ее с крестьян на население городов, заинтересованных в развитии торговли как средстве обогащения. Ермолай-Еразм писал: «Сим елици во градах купующе и продающе и прикупы богатеюще достоит сим сий ярем между всех градов носити, понеже сут стяжатели многа прибытка».

Вместе с тем городскому населению должна быть гарантирована полная свобода беспошлинной торговли. Для упорядочения межевых и землеустроительных работ Ермолай-Еразм предложил более крупную единицу измерения, чем применявшаяся четверть. Новая единица измерения, так называемое «четверогранное поприще», равнялась $833\frac{1}{3}$ четвертям. По мнению Ермолая-Еразма, эта крупная единица измерения приведет к ускорению землемерных работ, а также, ввиду своей большей отчетливости, определенности, устранит поводы к тяжбам.

Размер необходимого крестьянского надела Ермолай-Еразм определяет в 12,5 четверти в одном поле (кроме покосов и леса). При трехпольной системе это составляло 18,75 десятин на крестьянский двор. Указанную единицу измерения Ермолай-Еразм приводит в тесную связь с наличными нормами наделения земель служилого сословия. Четверогранное поприще, с одной стороны, вмещало в себя двадцать полных крестьянских участков («20 ратаевых полных жребий»), с другой стороны, оно соответствовало поместному окладу в 250 четвертей в одном поле или 750 четвертей в трех полях. Причем некоторый излишек — $27\frac{3}{4}$ в поле — шел за сено и лес.

Ермолай-Еразм стремился ограничить феодальную эксплуатацию, противодействовать ее расширению. Земельные владения вельмож и служилых могли превышать имения других землевладельцев лишь в восемь раз. Максимальному окладу в 1000 четвертей соответствовали, таким образом, 4 поприща, в 750 четвертей — 3 поприща, в 500 четвертей — 2 поприща, в 375 четвертей —

1½ поприща, в 250 четвертей — 1 поприще и низшему окладу в 125 четвертей — ½ поприща, везде включая определенный излишек за сено и лес. Получая землю, населенную крестьянами, служилые люди должны довольствоваться ежегодным сбором с крестьян пятой доли урожая, а также сена и дров.

Не должно быть для них иного вознаграждения, как и не должно быть и денежных поборов с чужих крестьян. Если служилому человеку понадобятся деньги, то он может продать беспошлинно часть своего хлеба городским жителям и таким образом приобрести необходимые средства. Иной способ добывания денег Ермолай-Еразм не приемлет. Он горячо возражает против взимания денег у ратаев. Останавливаясь на вопросе о торговле, Ермолай-Еразм расценивает нормальное получение купцами торговой прибыли. Он считает справедливым отмену всяких торговых пошлин; при этом города, полагает он, должны взять на себя целиком ямскую повинность. При нужде в деньгах их можно получить путем продажи «излишнего» хлеба в городе. Хлеб, привезенный в город, — это уже деньги.

Поскольку будут уничтожены все пошлины с торговых людей и все казенные подати с крестьян, Ермолай-Еразм считал, что царь во всех городах сможет отделить себе столько поприщ земли, сколько будет считать необходимым. В качестве примера Ермолай-Еразм указывает, что если царь выделит в каждом городе 10 поприщ, то в сотне городов это составит 1000 поприщ, что даст в течение года 2½ миллиона четвертей ржи, вполне достаточное количество для удовлетворения нужд царя в деньгах: «Есть бо что из сего продати на собрание сребра». Таким образом, расходы государя покрываются доходами с государственных имуществ, которые выделяются во всех городах.

Следует отметить, что в утопическом проекте Ермолая-Еразма не упоминается барщина. Как предполагает Б. Д. Греков, это объясняется тем, что Ермолай-Еразм эту форму эксплуатации крестьян считал недопустимой, как нежелательной он считал и денежную ренту. Ермолай-Еразм удовлетворялся старой системой использования крестьянина — натуральным оброком. По мысли Б. Д. Грекова, то обстоятельство, что Ермолай-Еразм обрушивается на денежную ренту и ничего не говорит о крестьянской барщине, по видимому, объясняется тем, что барщина в то время не успела стать распространенным явлением, что она не казалась еще чреватой теми последствиями, какие она в себе таила, что многие землевладельцы, заводившие у себя собственную запашку, пользовались не барщинным трудом крестьян, а наймом либо в открытом, либо в замаскированном виде.

В заключение следует отметить, что наивная иллюзия Ермолая-Еразма о том, что силой царских указов может быть ограничена власть денег в стране и можно противодействовать развитию товарно-денежных отношений в стране, это благочестивое пожелание носило консервативный характер, ибо оно вступало в противоречие

с развитием производительных сил на Руси. Ермолай-Еразм считал, что основы феодально-крепостнического строя современной ему России должны считаться неприкосновенными, неизблемыми, нерушимыми. Он хотел лишь своими предложениями ограничить степень феодальной эксплуатации крестьянства.

Ермолай-Еразм с участием, состраданием, сочувственно относился к тяжелому положению крестьянства. Однако он был весьма далек от оправдания, признания правомерности, необходимости классовой борьбы обездоленного крестьянства. Он разделял иллюзию, что выдвинутая им программа преобразований, реформ социально-экономической жизни России в одинаковой степени будет в интересах крестьянства и господствующего класса феодалов и что она примирит непримиримое — интересы антагонистических классов современной ему феодально-крепостнической России.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

Юрий Крижанич (1618—1683), по национальности хорват, выступает перед нами, пишет о Крижаниче М. Н. Тихомиров, как крупный писатель своего времени, как провозвестник славянского единства, как великий славянский патриот. Основное сочинение Крижанича «Политика» является существенным источником, отражающим русскую действительность XVII в.

Ю. Крижанич об организационной структуре феодального общественного строя. В своих социологических воззрениях Крижанич исходил из идеи «общего блага». Каждый человек должен жить не только для себя. Он должен быть полезным для всех людей. Реализацию идеи «общего блага» Крижанич связывал с идеальной формой государственного строя, которую ученый приписывает самодержавию. Крижанич исходил из мысли, что все мудрые люди видят в «самовладстве» наилучшее правление. Он считал, что «совершенное самовладство» представляет собой такой строй правления, при котором «могут быть введены всякие благие законы». С пафосом ученый восклицает: «Честь, слава, долг и обязанность короля — сделать свой народ счастливым. Ведь не королевства для королей, а короли для королевств созданы»¹.

По мысли Крижанича, в соответствии с различными «обязанностями» людей складываются различные «сословия». Он утверждает, что существуют три сословия: церковники, благородное сословие, простой народ. Церковники обязаны «молиться богу и заботиться о спасении душ». Благородное сословие — «объяснять волю царя остальным сословиям и вершить правление». Благородное сословие делится на три разряда: князья, должностные лица,

¹ Ю. Крижанич. Политика. «Наука», 1965, стр. 381. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

военачальники. Князья являются помощниками царя, они участвуют в совете и во всем правлении. Должностные лица начальствуют в мирных делах. Военачальники — в ратных делах.

Простонародное сословие делится на четыре разряда: люди на жаловании, торговцы, ремесленники, земледельцы. Простой народ «обязан выполнять трудную работу и прислуживать». Люди на жаловании, например писцы, слуги, воины и т. д., не обладают никакой властью. Они обязаны выполнять какую-нибудь службу или работу. Говоря о рабах или несвободных людях и подчеркивая различия в этом разряде, Крижанич выделяет дворовых людей, которые приравниваются к людям на жаловании, и другую часть, выполняющую черную работу (пастухи, служители в войске), приравняемую к земледельцам или считающуюся ниже земледельцев.

Главой над всеми разрядами является царь — божий наместник. Для процветания государства нужно «хорошее» правление. Исходя из предпосылки, что там, «где законы хорошие — там и подданные довольны, и чужеземцы хотят туда придти, а где законы жестоки — там и свои собственные подданные жаждут перемен правления и часто изменяют, если могут, а чужеземцы боятся приходить», Крижанич обращается к царю с призывом: «О государь, управляй людьми так, чтобы они не хотели перемен».

Изложенную организационную структуру феодального общественного строя с его «сословиями», увенчанную царем — божьим наместником, в основу которой положены соответствующие обязанности и вытекающие из них «права», Крижанич считал идеальной. Эту абстрактную схему идеального феодального общественного строя Крижанич далее усложняет, приближая ее к реальной, конкретной действительности. Вновь подчеркивая, что самодержавие — идеальнейшая форма государственного строя, Крижанич утверждает, что «всякое государство состоит из многих противоречивых частей, кои своим несогласием и борьбой наносят ему вред и ведут к его упадку или разорению». Анализируя причины государственных болезней, Крижанич главным образом выделяет дурные законы и чужеземное насилие. Отождествляя справедливость с благими законами, ученый полагал, что долг короля обеспечить «благочестие, справедливость...».

Крижанич считал, что королевская власть превращается в тиранство из-за грабительских законов. Он писал: «...Если какой-нибудь король установит грабительские, людодерские законы и введет несправедливые подати, торговые пошлыны, откупы, кабаки и гнусные поборы, то он и сам будет тираном, и наследников своих сделает такими же, как он, и государственный строй превратится из королевской власти в тиранство, и подданным будет не вздохнуть, и даже сама жизнь им опротивеет».

По словам Крижанича, король правит на благо себе самому и всем подданным, в то время как тиран не заботится об общем благе, его интересует только собственная корысть. Король

помышляет о чести, тиран — о роскоши. Вместе с тем Крижанич считал, что король не связан никакими законами. «Король не подвластен никаким людским законам, и никто не может его ни судить, ни наказывать. Однако божьему закону и людскому осуждению (или общему мнению) он подвластен... Суд и казнь божья, людские проклятия и порицания и дурная слава в будущих веках всегда должны быть у короля перед глазами». Мысль о неподвластности короля людским законам Крижанич подчеркивает с большой силой.

Проводя аналогию с человеческим телом, Крижанич считает, что «тело государства» состоит из трех видов членов: членов охраняющих, охраняемых и больных, или нездоровых. Охраняющие члены «добывают и оберегают все вещи, потребные для житья». Охраняющие люди состоят из привилегированных и черных людей. К привилегированному разряду принадлежат: бояре, племяне, воины. Черные люди — это торговцы, ремесленники, земледельцы и рабы. Охраняемые члены «по разным причинам нужны охраняющим». К ним принадлежат: церковники, женщины, дети, убогие люди, мастера ученых дел, неизбежные гости. Больные или вредные члены «заражают государство своими пороками и поедают его добро». К больным членам принадлежат: еретики и волхвы; чужеземцы, живущие скопом; чужеземные торговцы, перекупщики, наемники и прочие; расточители, бездельники, игроки, пьяницы; лихоимцы и скупщики хлеба; злодеи: воры, разбойники и прочие.

Крижанич рассматривает «привилегии» отдельных сословий, исходя из той точки зрения, что критерием «привилегий», предоставляемых сословиям, должна быть их общественная полезность, что гибельными и вредными для общества являются «привилегии», подрывающие монархию. Так, говоря о духовных людях, Крижанич считает, что «поскольку они назначены служить богу, то нельзя привлекать их к службе человеческой». Духовные люди должны быть изъяты из ведения приказов и мирских судов. Они должны быть также освобождены от «всякого бремени и (обще) народных тягот, от работ и от поборов всяких».

Переходя к властелям и боярам, мыслитель отмечает, что они «вершат суд и справедливость», что они «вкупе с воинами охраняют державу от внешних врагов и от местных разбойников». «Черные люди» не добывали бы «добро», если бы король и бояре его не охраняли. Бояре, продолжает Крижанич, проводят целые ночи «в думах и в иных государственных делах». Оказывается, по мысли Крижанича, что «работать головой и руками гораздо важнее и достойнее, чем ногами». Противопоставляя бояр трудовому люду, в значительной своей массе закрепощенному, Крижанич писал: «...Более почетно проливать кровь за народ, как делают бояре, нежели проливать пот, как делают черные люди». Общий вывод Крижанича сводился к тому, что «властели, бояре и воины испытывают постоянные заботы, и подвергаются смер-

тельными опасностям, и несут более тяжелое государственное бремя». Что же касается «черных людей», то они «спокойно пользуются земными благами».

Причислив к трем благородным сословиям князей, властелей и бояр, Крижанич наделяет их особыми привилегиями, правами и достоинствами. Так, они могут держать дворовых слуг, сколько им будет дозволено. Однако они не смеют «продавать свое поместье, не объявив (об этом). А вотчин и поместий и всякого недвижимого имущества никто не должен скупать сверх меры, но лишь столько, сколько ему будет позволено...». Три благородных сословия освобождаются от всяких холопских тягот и работ и изымаются от числа холопов. Они освобождаются от «дани, налога, сборов (поставки) подвод, земледелия, ремесла и от всяких холопских, черняческих и посадских дел и рукодельных промыслов». Крижанич утверждал, что соразмерными привилегиями князей, властелей, бояр и всяких дворян укрепляется королевская власть. Ссылаясь на «глуподерзие» «черных людей» (Крижанич имел в виду народные восстания в царствование Алексея Михайловича в 1648 и 1662 гг.), Крижанич писал, что оно объясняется тем, что «у бояр нет той силы и крепости, которая могла бы обуздать черных людей и удерживать от бешеных поступков».

Много внимания Крижанич уделяет «черным людям». «Чернь, или «черняки», и тяглые люди — земледельцы, ремесленники и торговцы — в интересах «общего блага» «добывают все то, чем пользуются и чем кормятся и живут все подданные». «Черные люди» «доставляют вещи, потребные для жизни». Вместе с тем, касаясь морального облика «черных людей», Крижанич утверждал, что «черные люди не думают о чести, а лишь о прибыли. о доходе и об утробе...».

Какое же удел этих «черных людей», составной частью которых являются крестьяне, земледельцы, рабы? Оказывается, что «черные люди» в отличие от королей, властелей, бояр и воинов живут беззаботно и спокойно. И поэтому они «по справедливости и праву обязаны кормить на свои средства короля, властелей, бояр и воинов и служить им». Среди «черных людей» Крижанич, по сравнению с земледельцами и ремесленниками, отводит торговцам последнее место, ибо они, по его мнению, приносят народу меньше пользы. «...Торговцы ни руками не работают, ни голов своих за народ не кладут, ни крови, ни пота не проливают, а только перевозят товары с места на место и то не ради общей, а ради своей особой корысти и часто в ущерб народу, и не своими силами, а силами наемных крестьян». Подняв на пьедестал «привилегированных людей», Крижанич вменял в обязанность «черных людей» в любое время быть готовыми «с охотой платить для прокорма... свободных сословий».

Крижанич вместе с тем считал, что «свободные сословия» должны, в свою очередь, проявлять заботу о «черных людях». Однако ученый исходил из интересов «привилегированных людей»;

в центре его внимания была господствующая часть общества — король и его феодальное окружение. Он считал, что «король, власти и бояре должны так обходиться с черными людьми, чтобы могли всегда с них что-нибудь взять», что «привилегированные люди» не должны настолько увеличить обычные подати и повинности черных людей, чтобы из-за этого прекращалось земледелие, ремесло и торговля». Крижанич неустанно повторяет, что развитие земледелия, ремесла и торговли отнюдь не должно отразиться на смягчении тягот феодального бремени, лежащих на плечи «черных людей». «Черные люди не должны просить или добиваться привилегий и освобождения от податей и общественных повинностей... Они должны быть готовы платить дань и нести иные повинности — все, что прикажет король, и все, что требуется государству».

Как же конкретно представлял себе Крижанич ту «заботу», которой будут окружены «черные люди» по милости короля и «благородных» «свободных» сословий? Вопрос об указанной «заботе» приобретает большой интерес потому, что Крижанич, при всей своей положительной оценке русского государства, критически отзывался о ряде «помех», которые мешают ему быть образцом благоденствия и счастливой жизни подданных.

Так, Крижанич дал следующую оценку того способа, каким собирается казна в России: «Сколько ни есть царств в мире, в которых до нас доходит слух, нигде до такой степени алчно и жадно не собирается государственная казна и нигде со столь многочисленными общественными клятвенарушениями со стороны откупщиков и с такими большими стонами и слезами народа и со столь многочисленными истязаниями людей не производятся царские сборы так, как это делается в России. А расходование этих политых кровью и слезами доходов нигде не бывает столь бесполезным и для царя, и для всего народа, столь постыдным, столь унижительным и столь пагубным, как это происходит здесь же в России»¹.

Повествуя о «привилегиях», которыми будут наделены «черные люди», Крижанич указывает, что все города или черные посадские люди обязаны платить обычные дани и чрезвычайные подати, в соответствии с указами царя-государя. Городам будут дарованы следующие 4 привилегии: 1) право наказывать воров и разбойников; 2) прекращение чеканки «негодных» денег, за исключением крайней нужды на небольшой срок с согласия главных городов; 3) отмена и уничтожение всех монополий. Никому не дарована будет монополия на корчмы, стекольные мастерские. Отмена монополии на все товары, в том числе на бумагу, соль, коноплю, лен, поташ, икру, мед, кожи, зерно. Одни лишь рудники будут эксплуатироваться с помощью монополий. Однако и в этом

¹ Из рукописного наследства Ю. Крижанича. «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 183.

случае предпочтение должно быть оказано не чужеземцам, а местным жителям; 4) ликвидация чужеземной торговли.

Крижанич был убежден, что благодаря указанному «уравнению или равновесию могут утвердиться и упрочиться благие законы, и народ сможет жить счастливо». Что же касается положения крестьян, то Крижанич утверждал, что на Руси «милости, оказанные... крестьянам и земледельцам, всегда были велики». По его мнению, без королевского указа никто не смеет кметов, и всех жителей и селян, никто не смеет «сельских людей никоим образом притеснять, и обижать, и обременять их работами или тяготами...». По мнению Крижанича, феодально-крепостнический общественный строй современной ему России должен остаться неизблемым, неприкосновенным. Необходимо лишь устранить те «помехи», те, так сказать, «позорные пятна», которые лишают феодальную Россию возможности перед всем миром предстать в качестве блистательного примера счастья и благоденствия ее населения.

Ю. Крижанич о земледелии. Крижанич видел в земледелии корень и основу всего богатства, ибо «земледелец кормит и обогащает и себя, и ремесленника, и торговца, и боярина, и короля». Крижанич считал, что в России имеется большая нужда в книгах о земледелии. Поэтому следовало бы перевести некоторые хорошие книги, трактующие об этом промысле.

Крижанич отстаивал необходимость дальнейшего развития различных земледельческих промыслов. Он ратовал за развитие шелководства, рисоводства, виноградарства. Говоря о разведении табака, мыслитель утверждал, что эта культура принесла бы казне прибыль, народу — пользу и радость.

Все это были практические предложения, которые исходили из наблюдений над потребностями русского земледелия. Проявляя заботу о снабжении земледельцев средствами производства, Крижанич считал, что сельские урядники должны посещать крестьян и следить за тем, достаточно ли у них посуды, орудий, построек и удовлетворительны ли они. Крестьян, которые лишены всего этого, следует, по его мнению, заставить приобрести все, в чем они нуждаются, либо за наличные деньги, либо в рассрочку.

Крижанич, ссылаясь на достижения Западной Европы, хотел поднять жизненный уровень русского крестьянства. Его практические предложения содействовали бы развитию производительных сил в сельском хозяйстве. Однако все это не выходило за рамки реформ в феодально-крепостническом хозяйственном режиме тогдашней России. Ученый считал отношения собственности в русской деревне идеальными, непогрешимыми, неизблемыми, неприкосновенными.

Ю. Крижанич о ремесле. Крижанич полагал, что необходимо проявлять большую заботу о ремеслах. Он писал, что «ремесла — наилучшие рудники и золотые горы». По примеру венецианцев, ученый считал целесообразным привлечь иностранных

ремесленников в русское государство для обучения русских юношей в совершенстве ремеслу с гарантией свободного их возвращения на родину. Для развития ремесла на Руси Крижанич предлагал издать следующий закон: «...Если чей-либо раб имеет двух или более сыновей, то ему надо позволить с ведома приказа выбрать одного из них и отдать в обучение какому-либо мудреному ремеслу... И если он в совершенстве и преискусно научится такому мудреному ремеслу, то получит свободу от рабства или от холопства. Если же не научится (достаточно) искусно, то должен будет либо остаться рабом, либо откупиться от хозяина».

В условиях современных ему феодально-крепостнических отношений в России для развития производительных сил страны Крижанич связывал обучение ремеслу с возможностью даровать личную свободу. Утверждая, что «где нет сырья, там нет и изделий», что многих материалов на Руси нет, ученый отстаивал необходимость привоза из других стран всяких сырых и невыделанных материалов, необходимость обрабатывать руды для разных надобностей. Крижанич всячески отстаивал мысль, что сырой материал не следует вывозить.

В особенности Крижанич негодовал против разрешения вывозить хлеб за границу. Он рассматривал это мероприятие как недопустимо ошибочное, как одно из самых больших бедствий, которые «правители могут причинять своим подданным и самим себе...». Вывоз хлеба за границу Крижанич связывает с проблемой народонаселения. Ученый писал: «Бесспорно, население уменьшается в той пропорции, в какой был вывезен хлеб, потому что во всякой стране плотность населения обычно находится в соответствии с количеством хлеба и других жизненно необходимых благ».

Наряду с недопустимостью растраты хлеба Крижанич подчеркивал связь проблемы народонаселения с вывозом целого ряда продовольственных товаров. Запрещение вывоза хлеба Крижанич считал признаком хорошего управления. Он допускал лишь в исключительных случаях, при наличии большой необходимости вывоз некоторого умеренного количества хлеба¹.

Изложенные высказывания Крижанича по вопросу о недопустимости растраты хлеба представляют большой интерес. Во-первых, ученый выдвинул глубокие соображения по вопросу о народонаселении, его зависимости от общественных условий, а отнюдь не от роковых законов природы. Во-вторых, Крижанич подчеркнул свое отрицательное отношение к вывозу сырых материалов, предметов питания, продовольственных товаров.

Итак, Крижанич был сторонником вывоза за границу готовых изделий. Учитывая остроту вопроса о формировании рабочей силы для обучения ремеслу, ученый считал необходимым бо-

¹ См. неопубликованный трактат Юрия Крижанича. «О недопустимости растраты хлеба». «Советское славяноведение», 1966, № 2, стр. 69—70.

роться с бездельем и праздностью как врагами ремесла. Для этой цели он предлагал решительные меры: «Хорошо было бы смотреть по городам, и если сыщутся какие-нибудь скитальцы, бродяги и голыши, сидящие по кабакам и квасным лавкам, и здоровые нищие, то отдавать их в деревни в холопство боярам и ссылатъ в Сибирь или иначе наказывать».

Интересна проводимая Крижаничем мысль о рациональном размещении ремесел по стране. Ученый считал, что ремесла надо распределить по городам с учетом, в частности, географических условий, близости источников сырья. Он писал, что мастеров следует «развести по городам, где кому будет удобнее находиться из-за близости воды, леса, льна, шерсти, железа и всяких материалов и из-за других нужд». Мастера должны изготавливать свои изделия для государства «в большом числе по договору, за подобающую плату». Крижанич считал целесообразным новые ремесла сделать монополией отдельных городов, оградив их от иностранной конкуренции. Ученый утверждал, что при государственной торговле легко заводить ремесла. Изделия, изготовленные русскими ремесленниками, по его мнению, должны быть закуплены государственными приказчиками для продажи внутри страны и за рубежом.

Крижанич ратовал за освобождение русской промышленности от иностранного засилья, он боролся за развитие производительных сил страны.

Ю. Крижанич о торговле. Крижанич называл торговлю наряду с земледелием и ремеслом черным промыслом, или промыслом черных людей, т. е. тяглых людей. Крижанич относился отрицательно к чужеземной торговле. Он считал ее одним из «дурных» источников обогащения. Говоря об отечественных торговцах, Крижанич подчеркивает, что из-за медных денег они «не отправляют в другие места свои товары...». Крижанич обращал внимание на то, что когда чужеземные торговцы подвизаются в качестве слуг и приказчиков более богатых купцов, торгующих на Руси, то эти несамостоятельные хозяева «отсылают наши товары, которые могут быть куплены по самой дешевой цене и в самую дешевую пору, и сверх всего того посылают им ежегодно условленный оброк деньгами или товарами». Далее Крижанич указывал на то, что немцы использовали спекулятивную торговлю на пушном рынке для выкачивания дефицитных в России серебряных денег. «Немцы, — Крижанич имел в виду лютеран и протестантов, враждебных славянам, грекам и латинянам, — всю меховую казну... скупили за медные деньги, а затем привезли ее опять на Русь и за бесценок спустили за серебро, и тем причинили царской казне и всему народу несметный убыток».

Таким образом, одним из существенных источников общих воззрений Крижанича на торговлю была торговая практика в современной ему России, с засильем иноземного купечества; Крижанич был сторонником того, чтобы государь взял в свои руки

весь ввоз и вывоз товаров. Ученый считал, что только казенная монополия на торговлю обеспечит возможность «вести счет товарам, чтобы не вывозить слишком много наших товаров, коих у нас нет в избытке, и ненужных нам чужих (товаров) не ввозить». Что же касается иноземных торговцев, то им нечего будет делать на Руси. Правда, государственная торговля, подчеркивает Крижанич, невыгодна будет крупным торговцам, доходы которых отчасти уменьшатся. Однако, полагает Крижанич, «на это нечего смотреть, раз дело идет об общей пользе для всего народа». Индивидуальным интересам крупных торговцев Крижанич противопоставлял общепародный интерес, принцип «общей пользы».

Ученый вел полемику с точкой зрения, что государям и благородным людям торговать непристойно. Он писал: «Торговля сама по себе — дело честное и достойное, а недостойна та мерзкая алчность, которая с торговлей часто связана. Если же торговлю вести не ради личной корысти и не из ненасытной жадности, а для общей народной пользы, то она дело честное, хорошее и вполне королевское». Рассматривая королевскую торговлю, мыслитель считал, что государь должен вести торговлю «ради пользы и нужды всего королевства и если от этого будут не обиды, а облегчение и умаление бремени народа». А это предполагает: 1) ведение королем торговли не со своими подданными, а лишь с иноземцами. Развозить товары по стране и продавать их в розницу — дело подданных; 2) необходимость королевской силы для торговых дел; 3) ограждение подданных от возможности быть обманутыми, если «страна лишена премногих товаров и должна покупать их у иных народов...».

Большое внимание Крижанич уделяет деятельности царских приказчиков: царские приказчики все то, что покупают у царских подданных, не должны продавать дома; они должны продавать чужеземцам «с наивысшей прибылью и по самой высокой цене»; царские приказчики то, что купят у чужих, «должны продавать своим без всякой или, по крайности, с наименьшей прибылью». Крижанич стоял на той точке зрения, что приказчики государя должны продавать товары местным торговцам по «одинаковой указной цене». Монополия на определенный товар может быть дана тем местным торговцам, которые будут его дешевле продавать.

В связи с анализом развития «домашней» торговли Крижанич, обобщая международный опыт, рассматривает различные способы развития торговли: морские пристани, ежегодные торги, еженедельные торги. Специально Крижанич подчеркивает значение свободных и хороших дорог, еженедельно назначенных гонцов, предоставления торговцам ратной силы для их охраны и сопровождения. Крижанич останавливается также и на обязанностях городского мерника. Об одной из этих обязанностей городского мерника ученый пишет следующее: «Пусть держит на виду у всех по одному образцу разных монет — хороших и негодных,

домашних и чужеземных, приносимых в (это) царство. И всякому, кто хочет разобраться в монетах, пусть показывает их достоинства и недостатки: чего и сколько им недостает». Приведенное высказывание Крижанича представляет большой интерес. Он ставит вопрос о расхождении между номинальным названием и реальным содержанием обращающихся монет. По существу Крижанич приближается к пониманию различия между функциями денег в качестве меры стоимости и масштаба цен.

Следует также отметить трактовку Крижаничем составных частей продажной цены, государственной «указной цены» товаров. Он писал: «...Товары пусть возят на наемных подводах и платят за них всюду пошлину, как и за товары подданных. А потом, сложив первоначальную цену товара, и плату за провоз, и пошлины, брать за товары как можно меньше сверх этой последней цены, чтобы государевы товары были всегда дешевле, нежели бы их могли продать подданные, с прибылью (не более) одной или по крайней мере трех монет на сотню, или как будет надобно. И из этого платить торговцу и сторожу и строить лавки».

Таким образом, «указная цена» товара включает в себя «первоначальные» на него затраты, транспортные издержки, заранее регулируемую среднюю прибыль и пошлину. «Указная цена» должна быть источником оплаты торговца — лица, выполнявшего функцию хранения средств, необходимых для торговых помещений. Категория «указной цены» представляла собой попытку теоретического обобщения хозяйственной практики, которую пропагандировал Крижанич.

Крижанич отстаивал необходимость внесословной торговли на Руси. Он писал: «А в торговцы принимать людей всех сословий: бояр, племян и черных людей, которые дадут хорошее обеспечение или поруку». По мысли Крижанича, внесословная торговля, в которой заинтересована царская казна, приведет к удешевлению товаров, к развитию ремесел, причем в трудное время цены можно повысить. При недостатке денег воинам можно будет платить товарами. Что же касается простых торговцев, то им будет предоставлена возможность торговать мелкими и маловажными товарами в городах больших и малых, где не будет государственных торговцев, и развозить товары по селам.

Отрицательно относился Крижанич к перекупщикам и откупщикам. Считая, что сделки, совершаемые откупщиками, крайне несправедливы и безбожны, Крижанич допускал возможность их совершения лишь при наличии крайней нужды или если откупщик заверит, что он будет продавать товары по «назначенной цене и дешевле, чем его продают остальные торговцы». По вопросу о займах Крижанич ссылаясь на римского императора Августа, который давал взаймы деньги своим подданным без всякого роста и лихоимства под залог каменных домов, под наследство, под заклад и под поручительство. По мнению Крижанича, Август обуздал лихоимство, грабеж и развил торговлю.

Крижанич полагал, что и на Руси следовало бы применить указанное мероприятие Августа.

Ю. Крижанич о богатстве и доходах. Интересные, глубокие высказывания мы встречаем у Крижанича по ряду общих теоретико-экономических проблем. Так, Крижанич утверждал, что богатство — это многолюдность. Мыслитель полагал, что «богатство правителя состоит не столько в его золотой и серебряной казне, сколько в многолюдности (его страны)». Крижаничу принадлежит афоризм: «Не тот король богаче, у кого больше золота, а тот, у кого больше людей».

Крижанич считал, что источниками обогащения государственной казны и благоденствия народа являются торговля, рукодельные промыслы, земледелие или пахота и разного рода промыслы. Он отстаивал идею о необходимости пользоваться способами обогащения «справедливыми, честными и полезными». Многие способы обогащения он считал плохими. Мыслитель полагал, что «некоторые способы и промыслы несправедливы, нечестны и ложны», что они ведут «не к обогащению, а скорее к обнищанию». К дурным способам обогащения Крижанич относил:

1) алхимию или изготовление золота. Ученый утверждал, что «ни один правитель не получил от алхимии столько, чтобы мог прокормить хоть одного воина, и ни один алхимик не создал ни одной капли золота из меди...»; 2) чеканку или переливку монеты, когда «ищут прибыли от чеканки монеты и чеканят негодные деньги». Мыслитель подчеркивал, что этот способ кажется «прибыльным, однако является убыточным и вредным». Крижанич утверждал, что «правитель не может получить от перечековки ни одной монеты, не потерпев при этом стократного ущерба»; 3) «нешадные поборы, жестокие порядки, монополии, кабацкие дела и всякое чрезмерное и немилосердное отягощение подданных»; 4) чужеземных торговцев, которые «задешево скупают наши товары»; они открывают своим землякам «все наши тайны не только в торговых, но и в государственных тайных делах». Богатству, которое разоряет, ученый противопоставлял богатство, которое обогащает.

В тесной связи с трактовкой вопроса о богатстве Крижанич выдвинул свое понимание проблемы дохода. Говоря об убыточных доходах, он их подразделял на пустые доходы, несправедливые доходы и дурные доходы. К пустым доходам он относил доходы от «складников», т. е. от компаньонов, от чужеземных торговцев. Для этих доходов характерно «взять что-либо, а отдать за это вдвое или больше». Источником несправедливых доходов являются, например, откупа, чеканка монеты. Дурные доходы проистекают от «мелких, ничтожных и невыгодных вещей». Крижанич различал также ненадежные и надежные доходы. Ненадежным является всякий доход, «добытый без труда и пота, либо без затраты достаточного времени, либо несправедливо, либо жестоким или постыдным образом». Что же касается надежного дохода, то

он «должен быть основан на труде и поте, приумножаться постепенно и терпеливо». Таким образом, Крижанич видел источник богатства в труде, в затрате времени; он различал доходы трудовые и нетрудовые.

В заключение отметим, что социально-экономические воззрения Юрия Крижанича представляли собой теоретическое обоснование широкой программы экономических и политических реформ, ставивших своей целью развитие производительных сил современной ему России. Однако выдвинутые им преобразовательные мероприятия в области земледелия, ремесла и торговли не выходили за рамки феодализма. Отстаивая неизбежность, неприкосновенность феодального способа производства в России, Юрий Крижанич вместе с тем, исходя из принципа «всеобщей справедливости», из идеи «общего блага», настаивал на его реформировании, выдвигая в качестве образца идеальный феодальный общественный строй, в котором отсутствовали бы те «позорные пятна», которые он наблюдал на Руси. Юрий Крижанич отстаивал интересы служилого дворянства, боролся за укрепление абсолютной монархии. Социально-экономическая концепция Юрия Крижанича носила прогрессивный характер.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ А. Л. ОРДЫНА-НАЩЕКИНА

Подвергая критике народнические теории исторического развития России, В. И. Ленин писал, что «новый период русской истории» начинается примерно с XVII столетия. Он «...характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое»¹. Полемизируя с Михайловским, В. И. Ленин подчеркивал, что «слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»². И далее В. И. Ленин продолжает: «Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»³. Таким образом, В. И. Ленин подчеркивал экономический прогресс в XVII в. в истории России, связанный с началом формирования всероссийского рынка, с развитием товарного производства.

Выдающимся русским экономистом XVII в. был Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащекин (ок. 1605—1680), крупный русский государственный деятель и дипломат. В своих преобразовательных

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

² Там же.

³ Там же.

планах Ордын-Нашекин исходил из предпосылки, что Россия должна широко использовать опыт Запада. Он утверждал, что «доброму не стыдно навикать и со стороны, у чужих, даже у своих врагов», что необходимо обращаться к примеру «сторонних чужих земель». Однако Ордын-Нашекин был далек от слепого подражания западноевропейским порядкам. Он отстаивал мысль о необходимости считаться с конкретными запросами русской жизни при заимствованиях из Запада. Он говорил: «Какое нам дело до иноземных обычаев, их платье не по нас, а наше не по ним». По мысли Ордына-Нашекина, дипломатия представляет собой главную функцию государственного управления. Выполнять ее можно доверить только достойным людям. Он писал: «На государственные дела подобает мысленные очеса устремлять беспорочным и избранным людям к расширению государства со всех сторон, а это есть дело одного Посольского приказа».

Как отмечает историк С. М. Соловьев, Ордын-Нашекин имел «высокое понятие о Посольском приказе, называл его оком России...». Ордын-Нашекин полагал, что по Посольскому приказу «иностранцы судят о целом государстве и народе...». Ордын-Нашекин требовал, чтобы «дьяки не мешали кабацких дел с посольскими и были воздержаннее в своих речах с иностранцами»¹.

Псковские «памяти» Ордына-Нашекина. В течение периода 1665—1666 г. Ордын-Нашекин состоял воеводой в Пскове. С его именем связан широко задуманный план проведения в Пскове реформы местного управления. Реформа в Пскове базировалась на трех «памятях» в съезжую избу, написанных Ордыном-Нашекиным в апреле 1665 г.

Большой интерес представляет вторая «память», которая получила дальнейшее развитие в Новоторговом уставе. Вторая «память» была переделана в «Статьи о городском устройстве» и была утверждена псковскими горожанами в августе 1665 г. Согласно второй «памяти», во главе городского управления стояли 15 выборных людей, сменяемых каждые 3 года. Этим выборным людям был поручен разбор всех торговых дел, независимо от сословной принадлежности их контрагентов. Что же касается воеводы, то он судил по разбойным, душегубным и изменническим делам. Во второй «памяти» Ордына-Нашекина много внимания уделяется торговле с иноземцами. Торг с иностранцами, внешняя торговля иноземцев подвергались ограничениям.

Мероприятия, предпринятые Ордыном-Нашекиным в Пскове, ставили своей целью посредством торговли привлечь иностранные монеты, удержать часть валюты на псковском рынке. Ордын-Нашекин считал возможным отменить сбор таможенных пошлин на время ярмарок, устраивавшихся в определенные сроки. Торговля с иноземными купцами производилась только на этих ярмарках.

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII. Соцэк-гиз, 1962, стр. 78.

Русские торговые люди были обязаны за одну треть цены товаров, проданных иноземцам, и две трети иностранными товарами, брать с последних ефимками, которые подлежали обмену на русские деньги из расчета 7 руб. за 1 фунт ефимков. В остальное время русские торговые люди были обязаны вносить в казну ефимки в размере одной трети стоимости проданных товаров, получая взамен мелкие русские деньги с зачетом установленной пошлины.

Ордын-Нашекин был сторонником организации в Пскове монетного двора. На нем ефимочное серебро должно было перечеканиваться в русские деньги. А это приносило бы государству около 28% прибыли. Ордын-Нашекин защищал интересы царской казны. Он ставил своей целью — развитие внешней торговли, он покровительствовал русским купцам-оптовикам. План реформы А. Л. Ордына-Нащекина в Пскове не был осуществлен. В сентябре 1665 г. Ордын-Нашекин был освобожден от воеводства в Пскове.

Новоторговый устав. С именем Ордына-Нащекина связан Новоторговый устав, состоящий из введения, 94 статей и 7 статей приложения: «Уставе торговли (для иностранцев)». Он был составлен в 1667 г. в Посольском приказе при участии дьяков Дохтурова и Л. Голосова. Важнейшими источниками Новоторгового устава, кроме личных писем, проектов, высказываний автора Новоторгового устава А. Л. Ордына-Нащекина и материалов его городской реформы в Пскове (1666), были следующие:

1. Наказы таможенным головам и предложения гостя Шорина. 2. Местные уставные грамоты и особенно Таможенный устав 1653 г. и «Печатная» грамота 1654 г. 3. Многочисленные челобитные торговых людей. 4. «Обидные дела» русских купцов с иностранцами. 5. Предложения гамбургского купца П. Марселиса и другие документы. Говоря о первом из указанных источников, следует отметить, что таможенные головы и воеводы пограничных городов должны были строго соблюдать установленные правила торговли. Они должны были также «вести проведывать» от приезжих иноземцев о различных европейских делах.

Что же касается гостя Шорина, представителя высшего слоя русского купечества, близкого ко двору, то он с целью увеличения прибыли в казну предложил описывать товары и назначать пошлину до их своза на берег. Существенный источник Новоторгового устава — таможенные уставные грамоты XVI—XVII вв. — отразили процесс образования всероссийского рынка. В этих документах подчеркивалась необходимость ввоза валюты, удержания золота и серебра в стране. Таможенный устав 1653 г. — основной источник Новоторгового устава в части, относящейся к условиям внутренней торговли. Существенным источником Новоторгового устава являются челобитные посадских людей об ограничении иноземной торговли. Челобитные 1627, 1635, 1646 и 1649 гг. наполнены обвинениями против торговли иностранцев —

англичан, голландцев, купцов из Гамбурга и торговых людей других стран, от которых «стала скудость великая», а русские торговые люди «от своих промыслов отбыли и от того оскудели и одолжали великими долги».

Все челобитья подчеркивают распространение иностранной торговли. Не довольствуясь гостиными дворами, иностранцы владеют в городах тяглыми посадскими дворами. Иностранцы ведут мелкую розничную торговлю по амбарам и лавкам. Проживая постоянно в русских городах, иностранцы были хорошо осведомлены о состоянии русского рынка. Это давало им возможность заранее регулировать предложение своих товаров, добиваться падения цен на русские товары и роста цен на иностранные товары.

Челобитья подчеркивали, что иностранные купцы захватили в свои руки обмен с границей, оттеснив русских экспортеров. Торговые люди ратовали за удаление иностранных купцов из государства к пограничным пунктам торговли. Таким образом, челобитья красноречиво свидетельствовали о наступлении западноевропейского капитала, что отражало действительное положение вещей. Наряду с посадскими выступлениями борьба с иностранным засильем в торговле отразилась в «обидных делах», представлявших собой записи конфликтов, которые возникали по поводу иноземного торгового обмена между Россией на ее западной границе с другими странами.

Авторы Новоторгового устава интересовались «обидными делами», которые входили в компетенцию Посольского приказа. Они проявляли также интерес к предложениям гамбургского предпринимателя датчанина П. Марселиса. Последний отстаивал необходимость сохранить привилегированное положение иностранного капитала в русской торговле.

В Новоторговом уставе нашли непосредственное отражение процесс формирования всероссийского рынка, жгучие для того времени вопросы внутренней и внешней торговли. В Новоторговом уставе содержится ряд статей, касающихся существенного вопроса русской внутренней торговли, системы внутренних таможенных пошлин. Все они своими корнями уходили в практические потребности русской торговли. Так, Новоторговый устав, базируясь на Таможенном уставе 1653 г., подтвердил отмену всех сборов и заменил их единой рублевой пошлиной. В статье 90 Новоторгового устава сказано: «...Подужное, мыты и сотое, и тридцатое, и десятое, свальное, складки, и повороты, и статейные, и мостовое, и гостиное и иныя всякия мелкия статьи отставлены и положены в рублевую пошлину»¹.

От уплаты пошлины освобождались русские купцы, покупавшие товары в том городе, где они жили. В статье 27 Новоторго-

¹ Торговый устав... 1667 года. Собрание государственных грамот и договоров, ч. IV, 55, стр. 203 (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

вого устава по этому поводу читаем: «А которой он товар, живучи на Москве и в городех, всякой на своем городе какой ни есть товар купит, и с тех товаров пошлин не платить по-прежнему...». Мотивируется это тем, что «все торговые люди с тех торгов Великому Государю в тех городех служат и всякия подати платят...». Платить пошлины должны те люди, которые привозят товары из иных городов. В статье 18 вменяется в обязанность воеводам и таможенным головам обеспечить проезд торговых людей с товарами без задержек; предлагается воеводам не чинить препятствий купцам нанимать рабочих. «Всяких работных людей передовщиков и кормщиков и извозчиков на городех наймовать без ведома воеводскаго всякому вольно было, потому что воеводы во многих городех для своих корыстей задерживают напрасно».

Новоторговый устав отразил все возрастающую роль «купецкого чина» в экономике страны. Об этом свидетельствует поднятый в нем вопрос о создании учреждения — единого приказа «купецких людей», отстаивавшего интересы русского купечества от поползновений воевод. «Для многих волокит во всех приказах, купецких людей пристойно ведать в одном пристойном приказе, где Великий Государь укажет своему Государеву боярину, который бы приказ был купецким людям во всех порубежных городех и в иных Государствах о проездах обороною, и во всех городех от воеводских налог купецким людям был защитою и управою». Новоторговый устав ратовал и за организацию смежных торговых компаний для объединения «маломощных» торговых людей с крупными оптовиками. Эти проекты, которые шли навстречу антифеодальным устремлениям посадских людей, остались благими пожеланиями и не были реализованы.

Статьи Новоторгового устава свидетельствуют о том, что в условиях XVII в. стремление к развитию торговли и промыслов сочеталось с защитой национальной самостоятельности в борьбе с иноземным капиталом, стремившимся к гегемонии, к монопольному положению в русской торговле. Новоторговый устав носил протекционистский характер. Он ставил своей целью монополизировать внутренний рынок в руках русских оптовиков. Статьи Новоторгового устава, отразившие борьбу с иностранным засильем в русской торговле, имели целью ограничить права иностранных купцов. Они сводились к ограничению торговли иностранцев пограничными пунктами, к ограничению торговли иноземных купцов между собой и к запрещению розничной торговли. Для торговли за пределами пограничных пунктов иностранные купцы должны были обладать соответствующими грамотами. В статье 85 говорилось: «От города Архангельскаго и из Великаго Новогорода и Пскова пропускать к Москве и в иные города тех иноземцев, у которых будут Великаго Государя жалованныя грамоты о торгах за красною печатью».

Об ограничении торговли иностранных купцов между собой свидетельствует статья 63, запрещавшая торговлю иноземцев

с иноземцами. «Учинить указ крепкой, чтобы иноземец с иноземцем никакими товары не торговали и не продавали и не меняли, понеже Великому Государю в таможенных в сборех от Великаго Государя казне чинятся большие недоборы, а Русским людям в торгах их помешка и изнищение чинится; и будет иноземцы между собою учнут торговать, а сыщется про то допряма, и те товары взять на Великаго Государя». Иноземцы могли торговать между собой только русскими товарами в Архангельске. Подобно обычным сделкам они облагались по 10 денег с рубля.

В ряде статей Новоторгового устава запрещалось иностранным купцам и их посредникам торговать в розницу. Так, в статье 42 указывалось: «На Москве и в городех всем иноземцам никаких товаров врознь не продавать; а будет учнут врознь продавать, и те товары иметь на Великаго Государя». Новоторговый устав стремился привлечь возможно больше денег в страну. С этой целью таможенные пошлины с иностранцев взимались только в иностранной валюте — золотыми и ефимками (серебряными иоахисталерами). Золотой оценивался в рубль, ефимок — в полтину на русские деньги. Валюта, привозимая иноземным купцом для покупки товаров, не облагалась пошлиной. В статье 72 указывается: «Который иноземец привезет из-за моря золотые и ефимки, и ему с того пошлин не платить, и что на золотые и на ефимки купит такого товара, и то ему везши во всю свою землю безпошлинно». Запрещался вывоз золота и серебра купцами восточных стран. В статье 79 подчеркивалось: «А золотых и ефимков им не покупать и Русским людям под заповедью Кизылбашам не продавать; а буде у них сыщут золотые и ефимки, иметь на Великаго Государя, потому что они многое золото и серебро из Московскаго Государства вывозят».

В статье 94 ограничивался ввоз «узорочных» вещей, жемчуга и драгоценных камней. В данной статье отражено стремление, с целью противодействия исчезновению валюты из страны, регулировать ввоз предметов роскоши. Новоторговый устав отстаивал святость, неприкосновенность частной собственности оптовых торговцев, рупором которых он был. Так, в статье 20 мы читаем: «...Многие прикащики и люди воруют своим умыслом, без хозяйскаго приказа, и хозяев своих животы проворовывают, и то их прикащикое воровство их хозяинов и сторонними людьми освидетельствовав, что они воровством учинили, и за то бить кнутом нещадно и пеня взять из них собинного половина живота».

Новоторговый устав, носивший протекционистский характер, всей совокупностью своих статей отражал развитие меркантилистической политики в России во всем своеобразии ее особенностей в стране: стремлением преодолеть ее экономическую отсталость, оградить национальную независимость и самостоятельность. Новоторговый устав стоял на страже незыблемости, непоколебимости феодального общественного строя в России. Новоторговый устав в рамках феодально-крепостнической экономики защищал

интересы царской казны, крупных русских торговцев-оптовиков. Вместе с тем он содействовал развитию производительных сил страны, процессу первоначального накопления капитала в России.

Ордын-Нашекин ратовал за необходимость развития металлургической и железоделательной промышленности. Ордын-Нашекин принимал участие в организации в России бумажного, стекольного и кожевенного производства. С именем Ордына-Нашекина связаны попытки создания русского флота на Западной Двине и на Волге, а также организация почты в России. Автор Новоторгового устава Ордын-Нашекин был не только видным государственным деятелем, тонким дипломатом в России XVII в. Он был также выдающимся представителем русской экономической мысли этой эпохи. Его экономические воззрения не укладываются в рамки меркантилизма. Ратуя за накопление денежных сокровищ в стране, он выдвинул широкую для своей эпохи программу развития производительных сил современной ему России.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И. Т. ПОСОШКОВА

Посошков о богатстве и деньгах. Иван Тихонович Посошков (1652—1726) — русский экономист и публицист — является автором сочинения «Книга о скудости и богатстве», написанного в 1721—1724 гг. В этом произведении И. Т. Посошков выдвинул проект улучшения экономической жизни России, развития ее производительных сил.

В противоположность меркантилистической догме Посошков считал, что богатство общества воплощается не только в драгоценных металлах, но и в материальных благах. Посошков писал: «Понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащая казны много, ...но то самое царственное богатство, еже бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствы». Посошков проводил различие между вещественным богатством и невещественным богатством. Он всячески подчеркивал активную роль невещественного богатства: писатель указывал на непосредственную связь между производством материальных благ и наличным правовым режимом в России. «Паче вещественного богатства следует всем нам общепещися о вещественном богатстве, то есть о истинной правде... Правда велми богатство и силу умножает, ...неправда не токмо вновь богатит, но и древнее богатство отончевает и в нищету приводит».

Посошков возвышался до идеи о том, что богатство государства немыслимо без народного богатства. «...В коем царстве люди богаты, то и царство богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому». Посошков подчеркивал, что, по его мнению, «сие дело невеликое и весьма

петрудное, еже царская сокровища наполнити богатством... Но то великое и многотрудное есть дело, еже бы народ весь обогатить».

Не лишено интереса мнение о том, что Посошков предвосхитил французских физиократов в своем заявлении: «Крестьянское богатство — богатство царственное, а нищета крестьянская — оскудение царственное». Высказывания Посошкова о богатстве, отождествление богатства страны с народным богатством, с крестьянским богатством носили прогрессивный характер; они выходили за рамки меркантилистических представлений о богатстве. Оригинальны были также взгляды Посошкова на деньги. Отстаивая исключительную роль государственной власти в развитии производительных сил России, Посошков был сторонником номиналистической теории денег. Посошков писал: «Мы не иноземцы, не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, того ради, нам не медь дорога, а дорого его царское имянование, того ради мы не вес в них числим, но исчисляем начертание на ней».

Теория денег Посошкова, конечно, была ошибочной. Он не понимал функции меры стоимости и связи денег с товаром. Однако в борьбе за экономическую независимость России он отстаивал свою теорию денег, защищая русское купечество от иностранной конкуренции. Теория денег Посошкова теоретически обобщала финансовую практику его времени.

Посошков о торговле. Посошков всячески настаивал на необходимости оказывать покровительство классу купцов. Купечество, по мысли Посошкова, составляет существенную основу государственного здания. Он считал, что в купечестве нуждаются все члены общества, все составляющие его общественные группы, все сословия. В особенности подчеркивал Посошков наличие взаимозависимости между купечеством и войском.

Посошков выражал недовольство тем, что к торговле широко тянутся различные слои русского общества, независимо от сословной принадлежности. Торговля, по мысли Посошкова, должна быть лишь привилегией представителей купеческого сословия. Будучи принципиальным противником того, чтобы крестьяне торговали, в то же время он считал возможным вступление в купеческое сословие представителей зажиточного крестьянства.

Посошков ратовал за то, чтобы русское купечество монополизировало всю торговлю в стране. Он считал, что в сословие купцов должен быть закрыт путь не только «иночинным» людям, но и «свободному торгу» не должно быть также доступа и иноземным купцам. Все это весьма благотворно скажется и на сборе пошлин. Посошков — сторонник «торга» праведного, «святого», без обмана. С целью ликвидации конкуренции между купцами Посошков высказывается за цену, регулируемую сверху, цену не вольную, а указную, «установленную» цену.

В вопросах внешней торговли с иностранцами, которой Посошков придавал большое значение, он пропагандировал органи-

зацию русского купечества в виде единой торговой компании — «компанства». Торговля с иностранцами должна носить организованный характер и производиться по соизволению купеческого «командира». С разрешения «командира», по согласию всего «компанства» по заранее установленным ценам, наподобие торговли с приезжими иностранцами на ярмарках должен происходить вывоз товаров за границу.

Посошков был сторонником конкурентной борьбы с иностранным купечеством по ценам на товары, устанавливаемым русскими купцами. Он был преисполнен уверенности, что в этой конкурентной борьбе русские купцы выйдут победителями, ввиду большой заинтересованности иностранцев в русских товарах. Посошков настаивал на строгом отборе ввозимых в страну товаров. По его мнению, такие товары должны быть превосходного качества, в них действительно должна нуждаться страна. И в этом вопросе должна сказываться организующая, регулирующая роль «компанства».

Посошков перечисляет те товары, в которых Русь не нуждается, а у «иноземцов отнюд бы никаких тех вещей и на полцены не покупать». Придавая вопросу о ввозе иностранных товаров большое народнохозяйственное значение, Посошков подчеркивал важность контроля за импортом товаров. В числе мероприятий, которые должны ограничить потребление предметов роскоши, сократить ввоз иностранных товаров, Посошков останавливается и на «одежном расположении». Каждому «чину» должна быть присвоена соответствующая одежда.

Проектируемое «одежное расположение» Посошков рассматривал как «великое» дело. «Первое, что чин от чина явен будет и всяк свою мерность будет знать, другое, что у всякаго чина денежные изтраты излишние не будет, третье, что царству пополнение будет немалое». В приведенном высказывании о положительной стороне «одежного расположения» Посошков прямо заявляет, что оно будет содействовать накоплению денег в стране. Посошков подходил к различным статьям импорта и экспорта с целью воспрепятствовать утечке денег из страны, увеличить путем внешней торговли денежные сокровища страны. Посошков приводит много примеров, свидетельствующих о ненормальном состоянии русского импорта и экспорта.

Следует отметить недовольство Посошкова тем, что из России вывозятся сырые материалы, а не готовые товары, что является источником обогащения иноземных купцов. Посошков считал, что материал, предназначенный для дальнейшей обработки и изготовления готового продукта, должен перерабатываться в соответствующих сырьевых районах. Он утверждал, что «сие бо велми нужно, еже кои материалы, где родятся, тамо бы они и в дело происходили». Нарушение этого правила, по мысли Посошкова, приводит к тому, что внешняя торговля России в ущерб

интересам русской промышленности и торговли становится весьма прибыльной для иностранцев. Так, Посошков настаивал на необходимости вывозить не лен и пеньку, а приготовленные из них готовые изделия. А для этого необходимо перерабатывать их на русских мануфактурах.

Противопоставляя высоким ценам на сырье и съестные припасы за границей их относительную дешевизну в России, Посошков писал: «Я чаю, что мочно нам на всю Еуропу полотен наготовить и перед их нынешнею ценою гораздо уступнее продавать им мочно». Посошков видит в установлении низких цен на продаваемую готовую промышленную продукцию за рубежом сильное орудие в конкурентной борьбе за завоевание европейского рынка. Посошков связывал с вывозом не сырья, а готовых товаров приток в страну благородных металлов, которому он, в духе меркантилистической теории, придавал большое экономическое значение.

Посошков о ремесле. По вопросу о ремесле Посошков является сторонником введения «гражданского устава», регламентирующего строгий за «художеством» государственный надзор, наблюдения с целью контроля, в лице «надзирателей» и «главного правителя».

Состояние ремесленного производства в России, по мысли Посошкова, в значительной мере упирается в вопрос о состоянии ученичества. Ссылаясь на опыт иноземцев, Посошков утверждал, что точное соблюдение твердого срока ученичества должно быть обеспечено тревогой, страхом строгого наказания за его нарушение. Дальнейшая судьба ученика — вплоть до предоставления ему права стать самостоятельным мастером и обзавестись учениками — определяется решением мастеров и командира. Посошков был убежден, что при наличии проектируемого им «гражданского устава» ученики «поневоле будут учитьца добре и, совершенно выучась и взяв у мастера отпуск, вышшему художественных дел камандиру покажет свое мастерство и отпуск, то как ему той камандир определит, еще ль ему доучиватца, или у иных мастеровых из найму работать, или же и самому ему мочно быть мастером, то так тому и быть».

Посошков считал необходимым клеймить производимые товары в знак свидетельствования их доброкачественности, а за производство негодных продуктов карать высоким штрафом. Посошков считал целесообразной формой повышения знаний русских ремесленников — широкое привлечение иностранных мастеров высокой квалификации для обучения русских людей. Деятельность таких иноземцев должна быть окружена почетом и овеяна славой. В своих высказываниях о ремесле Посошков останавливается и на вопросе об изобретательстве. Он ссылается на иноземные уставы, которые, при создании чего-либо нового, прежде неизвестного, стоят на страже интересов изобретателя, гарантируя ему исключительное право на свое произведение.

Говоря о распространении изобретательства на Руси, по примеру иноземцев, Посошков исходит из принципа материальной заинтересованности. «И аще тако устроено будет у нас в Руси, то такоже, что и у иноземцев много будет вымышленников. Многие бы острые люди и нарочно стали тшаться, како бы что новое вымыслить, от чего бы ему поживитися. А ныне у нас за непорядочное гражданство гибнет добра много». Посошков прямо подчеркивает, что из-за непорядков, которые господствуют в деле изобретательства на Руси, нововведения, новаторство чреваты своей убыточностью.

Посошков считал целесообразным «гражданский устав учинить, чтобы за вымысл новаго какова мастерства или промысла отнюд иным не попускать вступать, дондеже жив тот вымысленик». Посошков был убежден, что развитие ремесла в России по его проекту приведет не только к тому, что русское ремесленное производство достигнет иноземных рубежей, но и сумеет их превзойти. В поле зрения Посошкова была и современная ему русская мануфактура. Так, по вопросу о привлечении рабочей силы в мануфактуру Посошков высказывался за необходимость набора насильственным путем бродяг и нищих во владение заводчиков. Посошков был убежден, что вербование рабочих таким путем обеспечит наличие большой армии подневольного труда. По мысли Посошкова, следует «учинить... указ, чтоб нищих, по улицам скитающихся, молодых и средовеких хватать...». Посошков предлагал «молодых робят мужеска пола и женска научить прясть, а подростков ткать, а иных белить и лощить, то бы они, научась, были бы мастерами». «Я чаю,— заверял Посошков,— что мочно тех гуляков набрать тысячь десяток другой и, построя дома мастерские, науча тех гуляков тунеядцов, мочно ими много дел управить».

По мысли Посошкова, заводчики, применяющие подневольный, зависимый принудительный труд нищих и бродяг, станут их вековыми владельцами, превратят их в своих крепостных, независимо от того, кому они принадлежали до поимки. Посошков рисует светлую, радужную картину дальнейшей судьбы этого закрепощенного люда. «...Нищие, бродяги и тунеядцы, все изведутьца, и вместо уличнаго скитания все будут промышленники. И егда совершенно научатся и обогатятся, и будут сами мастерами, а царство от их промыслу будет богатится и славою разширяться».

Посошков советовал строительство заводов приурочить к незаселенным местностям с дешевым продовольствием, за счет казны и с последующей передачей их на оброк. «И ради царственного обогащения надлежит на такие дела вначале соорудить дома из царские казны на пространых местех в тех городех, где хлеб и харчь дешевле, в заоцких местех или где что пристойно делать, и наложить на них оброк, чтобы люди богателись, а и царская казна множилась».

Таким образом, Посошков заявляет, что развитие промышленности в стране должно ставить своей целью обогащение «людей», т. е. заводчиков и купцов. Однако не последнее место в задачах, которые ставит Посошков перед насаждающейся в стране промышленностью, отводится обогащению казны, накоплению в стране денежных сокровищ. Посошков всячески подчеркивал необходимость оказывать солидную денежную помощь за счет казны крупным, предприимчивым заводчикам и мануфактуристам. По мысли Посошкова, казна должна финансировать и мелких промышленников, которые не в состоянии организовать крупное предприятие. Ссуды должны выдаваться из 6% годовых, а при краткосрочных займах — из 1% в месяц.

Посошков о крестьянском вопросе. В своих высказываниях по крестьянскому вопросу Посошков ставил целью крестьянство «от разорения и от обид поохранить и в лености б пребывать им не попускать, дабы от лености во всеконечную скудость не приходили». В представлении Посошкова скудость крестьянской жизни объяснялась наличием лености крестьян, нераспорядительности властей, помещичьего насилия и пренебрежения.

Характеризуя неограниченное своеволие, самовластие, отсутствие законности в отношении помещиков к крестьянам, Посошков писал: «...Помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимая, ибо есть такие безчеловечные дворяня, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сенокосную пору всу и потеряют у них, или что наложено на коих крестьян оброку или столовых запасов и, то положение забрав, и еще требуют с них излишняго побору. И тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют, и которой крестьянин станет мало посытее быть, то на него и подати прибавит. И за таким их порядком никогда крестьянин у такова помещика обогатится не может, и многие дворяне говорят: «Крестьянину де не давай обърости, но стриги ево яко овцу до гола». И тако творя, царство пустошат, понеже так их обируют, что у иного и козы не оставляют, и от таковые нужды дома свои оставляют и бегут иные в понизовые места, иные ж во украинные, а иные и в зарубежныя, и тако чужия страны населяют, а свою пусту оставляют».

Посошков не ограничивается констатацией тяжелого положения закрепощенного крестьянства, изнывающего под ярмом непосильного, подневольного труда. Он пытается вскрыть корни порабощения крестьян и выдвигает по этому вопросу оригинальную точку зрения. Посошков писал: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой им владетель всероссийский самодержиц, они владеют временно. И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство — богатство царственное». Исходя из идеи о временном характере поме-

щичьего владения землей, Посошков считал необходимым государственное вмешательство во взаимоотношения между помещиками и крестьянами, которое должно ограничить произвол помещиков, их необузданное стремление к присвоению всего продукта труда крестьян, обрекающее их на нищету.

По мысли Посошкова, закон должен регламентировать, подчинить точно установленным правилам крестьянский труд — выражается ли он в барщинных днях или оброке. Вместе с тем помещик должен следить за тем, чтобы крестьянин не уклонялся в «леность», чтобы он «даром не гулял, но какую мочно к прокормлению своему работы бы работал».

Выработку закона, который должен установить размер крестьянских повинностей, Посошков возлагал на дворянский съезд. Этот закон подлежит утверждению царем. Полагая, что крестьянские повинности должны базироваться на крестьянском дворе, Посошков вместе с тем требовал учитывать количество земли и посевов. Он указывал на необходимость «расположить крестьянские дворы по владению земли, им данные, чем кой владеет и колико он той своей земли хлеба высеем про себя». Посошков настаивал на том, что «по здравому разсуждению надлежит крестьянскому двору положить разсмотрение не по воротам, ни по дымам избным, но по владению земли и по засеву на том ево владенье».

Что же касается того содержания, которое Посошков вкладывал в свое понимание «целого двора», то под ним он разумел шесть десятин пахотной земли — для высева четырех четвертей ржи, восьми четвертей ярового, покос в двадцать колен сена и земли под усадьбой в 600—720 квадратных сажений. Крестьянин мог владеть не целым двором, а лишь долей двора. «А буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высеем, то того двора и четверть двора не надлежит написать, но разве шестою долею двора».

Крестьянин мог также владеть участком земли, превышающим один двор. «А буде кой помещик, видя коего крестьянина семьяниста и лошадеиства даст ему земли со удовольствием, что высевать он будет четвертей по десяти на лето ржи, а ярового по дватцати, а сенокосу отведет ему на 50 копен, то с такова крестьянина можно брать как его императорскаго величества, так и помещику с полутретья двора». Таким образом, Посошков исходил из необходимости соблюдать различие в наделении крестьян землей.

Большой интерес представляют высказывания Посошкова о приобщении крестьян к грамоте. Распространение грамотности среди крестьян, по мысли Посошкова, сыграет большую роль в деле ограничения самовластия, своеволия и вымогательства, грабительства, зверства царских слуг. Произвол последних причиняет крестьянству большие убытки. Посошков высказывался даже за принудительное обучение крестьянских детей грамоте. Вместе с тем Посошков не игнорирует и интересы помещиков и нужды

государственного аппарата. «А егда грамоте и писать научатца, то они удобнее будут не токмо помещикам своим дела править, но и к государственным делам угодны будут. Наипаче же в сотские и в пятидесятские велми будут пригодны и никто уже их не изобидит и ничего с них напрасно не возьмет».

Отстаивая неприкосновенность крестьянской земли, стремясь гарантировать ее от всяких посягательств со стороны помещиков, Посошков потребовал проведения прогрессивных мер — отделения или отмежевания крестьянской земли от помещичьей: «...С тоя земли, коя отъделена будет к крестьянским дворам, с тое земли будет платить крестьяня по дворовому своему окладу... и того ради та земля за помещиками и числить не надлежит». Проект Посошкова, выгодный крестьянству, находился в тесной связи с его взглядами на землю как на собственность царя, собственность государства. Посошков оставлял неприкосновенным крепостное право. Выдвинутые же им практические предложения по крестьянскому вопросу были для своего времени передовыми.

И. Т. Посошков был крупнейшим русским экономистом начала XVIII в., выдающимся и оригинальным представителем меркантилизма. Посошков выдвинул прогрессивную для своего времени программу развития производительных сил России. Посошков отстаивал передовые для своего времени идеи, касающиеся развития торговли, ремесла, сельского хозяйства. Посошков боролся за экономическую независимость России от Запада. Будучи сторонником концепции торгового баланса, Посошков по ряду вопросов стоял выше западноевропейских меркантилистов. Более глубокой была трактовка вопроса о богатстве. Посошкова выгодно отличает от меркантилистов Запада большой интерес к крестьянскому вопросу. Посошков является выдающимся представителем мировой экономической мысли своего времени.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ТОМАСА МОРА И ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛЫ

Томас Мор. В эпоху первоначального накопления капитала возник ранний утопический социализм, который, с позиции обездоленных народных масс, подвергал критике капитализм, разоблачал его как антинародный, несправедливый общественный строй и противопоставлял ему, правда, в фантастической форме, передовой, идеальный утопический общественный строй.

Одним из основоположников утопического социализма был Томас Мор (1478—1532), выдающийся английский мыслитель-гуманист. Родился Томас Мор в Лондоне в семье юриста. Он закончил Оксфордский университет. В 1523—1529 гг. — председатель палаты

общин, в 1529—1532 гг. — лорд-канцлер. В 1532 г. был казнен за отказ принести присягу королю как главе церкви.

Томас Мор нарисовал яркую картину бед и неурядиц, присущих современной ему социально-политической жизни раннего капитализма. Он указывал, что «огораживания» как массовая экспроприация крестьянства крупными землевладельцами были вызваны развитием овцеводства в Англии. Томас Мор писал: «...овцы... обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь... стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города». Мыслитель подчеркивал, что обезземеленных крестьян ждет обнищание, бродяжничество, так как их труд не может найти себе применения.

Причину существования полюсов достатка и бедствования в современных Томасу Мору странах, источник всех неурядиц в политической жизни он видел в наличии института частной собственности. Ратуя за необходимость ликвидации частной собственности, мыслитель полагал, что если она останется, то у «наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей»¹. В высказываниях Томаса Мора по вопросу о частной собственности ценной является попытка установить коренную основу отрицательных сторон явлений общественной жизни, всеопределяющую причину ее противоречий.

Существенным пороком капиталистического производства Томас Мор считает наличие в нем большого количества трудоспособных элементов, не принимающих участия в материальном производстве. Сюда он относит почти всех женщин, священников и чернецов, представляющих собой «огромную и... праздную толпу...», богачей, особенно «владельцев поместий, которых обычно именуют благородными и знатью», челядь, весь этот «сброд ливрейных бездельников» и, наконец, «крепких и сильных нищих, предающихся праздности под предлогом какой-либо болезни...».

Томас Мор клеймит капиталистический строй как режим безудержной эксплуатации людей, занятых полезным трудом, без которых общественная жизнь вообще немыслима. Т. Мор пишет: «Можно ли назвать справедливым и благородным такое общество, которое... не выказывает ни малейшей заботы о земледельцах, угольщиках, поденщиках, ломовых извозчиках и рабочих, без которых не было бы вообще никакого общества?».

Томас Мор с большой силой вскрывает также антинародный характер паразитической жизни землевладельческой аристократии, современной ему знати. Он указывает, что знать «подобно трутням живет праздно, трудами других, именно — арендаторов своих поместий, которых для увеличения доходов стрижет до живого мяса». В приведенных высказываниях Томаса Мора о паразитической части капиталистического общества содержательной является попытка вскрыть экономическую основу ее эксплуататорских доходов.

¹ Т. Мор. Утопия. АН СССР, 1935, стр. 95. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

В своей критике капитализма как общественного строя, в котором паразитическая жизнь привилегированной части общества предполагает чрезмерный, непосильный труд другой его части, Томас Мор связывает существование тунеядцев с властью денег. Он подчеркивает, что в капиталистическом обществе царит культ денег, что деньги — это кумир, который все обоготворяют, что люди, к которым текут реки золота, пользуются всеобщим поклонением. Он пишет, что «дело доходит до того, что какой-нибудь медный лоб, у которого ума не больше, чем у пня, и который столь же бесстыден, как и глуп, имеет у себя в рабстве многих умных и хороших людей исключительно по той причине, что ему досталась большая куча золотых монет». Томас Мор разоблачает в хозяйственном режиме, базирующемся на частной собственности, присущее ему нерациональное распределение труда, способное удовлетворить лишь такие потребности, которые отнюдь не являются «потребностями природы».

Мыслитель далее подчеркивает, что на помощь богачам в их господстве над чужим трудом, в их стремлении урезать заработную плату приходит государство с его законодательством. Томас Мор считает, что законодательство формально выступает от имени народа, по существу же оно выражает волю эксплуататорских групп населения. По мнению Томаса Мора, государства «представляются не чем иным, как пекиим заговором богачей, ратующих под вывеской и именем государства о своих личных выгодах». Мыслитель утверждает, что государственная власть способствует эксплуатации трудящихся, что она стоит на страже святости и неприкосновенности частной собственности.

Томас Мор является принципиальным противником войны. Отстаивая необходимость мирного сосуществования народов, он восстает против постоянных армий из наемных солдат в государствах. Томас Мор указывает на неисчислимые бедствия, которые причиняют войны трудящимся массам. Он склонен думать, что в современных ему государствах «существуют по крайней мере две справедливости: одна из них приличествует простому народу, ходящая пешком и ползающая по земле, спутанная отовсюду многими оковами, чтобы она нигде не могла перескочить ограды; другая — добродетель государей: она — величественнее предшествующей народной, а вместе с тем и значительно свободнее ее, потому что ей все позволено, кроме того, что ей не угодно».

Томас Мор, таким образом, с едкой иронией отзываясь о «справедливости» государей как об официальной справедливости, которая, по существу, представляет собой царство неприкрытого насилия, грубого произвола. Справедливости привилегированных слоев населения Томас Мор противопоставляет справедливость народную, которая пораблена, угнетена, находится в оковах.

Глубокая критика и блестящее разоблачение Томасом Мором капитализма явились у него фоном для обоснования преимуществ идеального общественного строя утопийцев. Отличительной чертой

общественного строя утопийцев Томас Мор считал отмену частной собственности. Подчеркивая, что у утопийцев отсутствует частная собственность, Томас Мор утверждал, что у них «все общее». По мнению мыслителя, благодаря тому что у утопийцев существует «равенство имущества», в их государстве господствует «всеобщее благоденствие» и оно «процветает среди большого счастья».

В качестве ячейки в общественном строе утопийцев Томас Мор выдвигает семейство. Город, помимо его округа, состоит из шести тысяч семейств, которые в большинстве случаев базируются на родстве. Женщины, вступив в брак, переселяются в дом мужа. Дети мужского пола и затем внуки остаются в семействе и повинуются старейшему из родственников. Каждое семейство включает в себя от десяти до шестнадцати взрослых человек. Во главе семейства стоит старейший.

Каждый член семейства посвящает себя какому-нибудь ремеслу, которое становится его основным занятием. В государстве утопийцев придется большое значение земледелию. Однако сельское хозяйство не является одним из ремесел. Каждый гражданин в течение двух лет обязан посвящать себя сельскохозяйственным работам. В Утопии, по существу, нет деревни. Существуют лишь в качестве придатка города сельскохозяйственные участки, на которых труд каждого гражданина является его обязательной повинностью.

Каждый город разделен на четыре равные части. Посередине каждой части имеется рынок, где концентрируются продукты, произведенные в отдельных семействах, куда свозятся как ремесленные изделия, так и сельскохозяйственные продукты и откуда происходит их распределение в «розницу» по складам. В этих складах «каждый отец семейства просит того, что нужно ему и его близким, и без денег, совершенно без всякой уплаты, уносит все, что ни попросит».

По мнению Томаса Мора, в будущем обществе материально-техническая база будет основана на ремесле. Как один из ранних представителей утопического социализма, Томас Мор мог ориентироваться лишь на феодальную технику. Мыслитель обнаружил большую проницательность, уничтожив в государстве утопийцев противоположность между городом и деревней, которая может существовать только в рамках частной собственности. Томас Мор также полагал, что в его идеальном общественном строе не будет обмена, не будет денег, прямое распределение продуктов будет происходить по потребностям. Сопоставляя золото и серебро с железом, Томас Мор отмечает, что без железа «действительно люди не могут жить так же, как без огня и воды; между тем золоту и серебру природа не дала никакого применения, без которого нам трудно было обойтись, но людская глупость наделила их ценностью из-за редкости».

Томас Мор, конечно, глубоко ошибался, когда утверждал, что люди в силу своей неразумности придают ценность деньгам. Однако заслугой Мора является то, что он разоблачает культ «золотого тельца», что в его идеальном общественном строе, вместе с

уничтожением частной собственности, ликвидирована и власть денег над общественными отношениями. Отношение Томаса Мора к судьбе денег в условиях идеального общественного строя органически вытекало из той цели, которую ставило перед собой государство утопийцев.

Томас Мор утверждал, что государство утопийцев ставит перед собой ту «цель, чтобы обеспечить, насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни». Таким образом, Томас Мор видел цель будущего общества в удовлетворении многогранных потребностей всех людей, как физических, так и духовных, в увеличении свободного времени всех граждан как залога роста их благоденствия. Томас Мор выдвинул ценную идею о том, что распределение по потребностям предполагает изобилие продуктов.

Много внимания уделяет Томас Мор вопросу об организации труда утопийцев. Мыслитель в качестве существенного преимущества общественного строя утопийцев считает то, что в отличие от рабочих всех стран, чей «тяжелый труд превосходит даже долю рабов», у утопийцев самый короткий рабочий день, они трудятся ежедневно по шесть часов. Остальную часть дня утопийцы посвящают удовлетворению своих духовных потребностей. «Все время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется личному усмотрению каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лени, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему разумению удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяет наукам».

По мнению Томаса Мора, этот самый короткий в мире рабочий день не только достаточен для обеспечения «запаса всем необходимым для жизни и ее удобств, но дает даже известный остаток». В качестве доказательства Томас Мор ссылается на то, что у утопийцев господствует одинаковая обязательность труда для всех, вовлечение праздных элементов общества в процесс материального производства. Заслугой Томаса Мора является не только то, что он поставил вопрос о равной обязанности для всех граждан принимать участие в общественном труде, но что он выдвинул также необходимость соединения обучения с производительным трудом.

Томас Мор не оставляет без внимания и вопрос о бытовых условиях, в которых протекает жизнь и деятельность граждан идеального государства. Интересно отметить, что в этой борьбе за лучший быт населения Томас Мор существенную роль отводит соревнованию. Так, например, он пишет, что в борьбе за то, чтобы сады содержались в «блестящем виде», чтобы они были плодородными и изящными, у утопийцев усердие «разжигается не только самим удовольствием, но и взаимным соревнованием улиц по уходу каждой за своим садом». Томас Мор рассказывает также, что у уто-

пийцев существуют общественные столовые. Вместе с тем он подчеркивает, что «никому не запрещено обедать дома, но никто не делает этого охотно, потому что считается непристойным и глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во дворце, отстоящем так близко, готова роскошная и обильная».

Интерес Томаса Мора к вопросам бытового устройства утопийцев органически вытекал из тех целей, которые он ставил перед их государством, — воплощения самого разумного и привлекательного для трудящихся образа правления.

Томмазо Кампанелла. К числу ранних представителей утопического социализма принадлежал также итальянский мыслитель Томмазо Кампанелла (1568—1639). Он известен и как активный участник за освобождение Южной Италии от гнета испанской монархии.

Как и Томас Мор, Кампанелла критически относился к институту частной собственности. «...Собственность, — писал Кампанелла, — образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда вытекает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества состояния и знатности»¹.

Кампанелла осуждает капиталистический строй за то, что он покоится на противоположности нищеты и богатства. «...Крайняя нищета делает людей негодаями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство — надменными, гордыми, невеждами, изменниками, распускающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д.». Кампанелла идеалистически подходил к вопросу о возникновении частной собственности. Но вместе с тем он метко характеризует губительные последствия, которые частная собственность вызывает в психологии людей.

Кампанелла выдвинул схему идеального утопического государства, основой которого является общность имущества. Он видел в Государстве Солнца государство, которое «руководствуется в своих жизненных устоях велениями естественного разума». Кампанелла утверждал, что возможность существования такого государства доказана «действительностью и опытом». В противоположность церковной догматике, средневековой схоластике Кампанелла ставит вопрос о Государстве Солнца перед судом человеческого разума, опытного познания. Государство Солнца зиждется на общинном строе. В Государстве Солнца народ ведет «философский образ жизни общиной», у него «все общее». Кампанелла считает

¹ Т. Кампанелла. Город Солнца. АН СССР, 1954, стр. 45. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

ерсью мнение, которое осуждает общность имущества, и взгляд, что такая жизнь «противна природе».

Материально-технической основой Государства Солнца является ремесло. Тяжелые ремесла — удел мужчин. Женщины занимаются исключительно легкими ремеслами. В Государстве Солнца уделяется исключительное внимание земледелию. Интересно отметить, что Кампанелла указывает на применение технических приспособлений в земледелии, которые облегчают труд. К сельскохозяйственным работам привлекаются все граждане. Скотоводство, которое Кампанелла считает благородным искусством, ценится у них так же высоко. Подобно Томасу Мору Кампанелла предполагает в своем Государстве Солнца наличие феодальной ремесленной техники. Правда, Кампанелле не чужда в зачаточной форме идея технических усовершенствований.

Большой интерес представляют высказывания Кампанеллы по вопросу об организации труда в Государстве Солнца. Он подчеркивает коренное изменение характера труда в Государстве Солнца в отличие от современного ему раннекапиталистического общества. Мыслитель дает яркую, выразительную характеристику атмосферы праздности, паразитизма привилегированной части населения, оборотной стороной которой является чрезмерный непосильный труд другой его части. В противоположность капиталистическому общественному строю, Государство Солнца — это царство всеобщего труда. О гражданах Государства Солнца Кампанелла писал: «...Вот что у них превосходно и достойно подражания: никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности, за исключением преклонного возраста, когда, впрочем, привлекаются они к совещаниям...». В Государстве Солнца, где «обязанности, искусства, труды и работы распределяются между всеми», существует четырехчасовой рабочий день.

Что же касается остающегося времени, то оно проводится в «приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно». Все виды труда — это в то же время обязанности, однако обязанности почетные, выполненные с удовольствием, с наслаждением. Труд, по мнению Кампанеллы, — это радостный творческий процесс, представляющий собой естественную потребность людей. Труд граждан вдохновляется благородным стремлением к соревнованию, которое включает в себя взаимопомощь в работе. «Всего у них изобилие, потому что всякий стремится быть первым в работе, которая и невелика, и плодотворна, а сами — очень способны».

Отношения между гражданами Государства Солнца во всех сферах их жизни и деятельности базируются на принципах дружбы, соревнования, товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. В Государстве Солнца уничтожена противоположность между богатством и бедностью. Община делает всех «богатыми, потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат ве-

щам, а вещи служат им». Устранение господства вещей над людьми Кампанелла связывает с ликвидацией в его идеальном общественном строе частной собственности. Граждане Государства Солнца, утверждает Кампанелла, горячие патриоты. Источник их патриотизма все тот же: отсутствие частной собственности.

В соответствии с теми задачами, которые ставит перед собой Государство Солнца — обеспечить своим гражданам счастливую и радостную жизнь в условиях всеобщности труда, — находится обучение и воспитание молодого поколения. Мужчины и женщины «обучаются всяким наукам совместно». Кампанелла подчеркивает широкое применение в Государстве Солнца наглядного обучения, он указывает на легкость усвоения наук при помощи картин. В Государстве Солнца обучение связано с практической жизнью, с материальным производством. Кампанелла указывает, что учащихся водят в «мастерские к сапожникам, пекарям, кузнецам, столярам, живописцам и т. д. для выяснения наклонностей каждого». Изучение отвлеченных наук сочетается с тем, что учащиеся «отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству», и того почитают за «знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела».

Составной частью обучения является гимнастика, которая должна содействовать равномерному развитию всех членов детского организма. Воспитательная работа ставит своей целью создать нового человека, освобожденного от всех тех пороков, которые существуют при режиме частной собственности. Обучение и воспитание в Государстве Солнца ставят своей целью обеспечить гармоническое сочетание трудового, умственного, нравственного и физического развития молодого поколения. Таким образом, Государство Солнца — это союз жизнерадостных, патриотически настроенных людей, освобожденных от власти вещей над ними; это — союз людей, которые сочетают труд физический и умственный со спортом и тем самым гармонически развивают свои физические и духовные силы; это — союз людей, для которых труд — не каторга и мука, а деятельность приятная, увлекательная, овеянная славой и почетом. Кампанелла подчеркивает единство труда и наслаждения, он ставит вопрос о труде как деле чести, о соединении обучения с производительным трудом. Кампанелла развивал прогрессивные идеи трудового воспитания.

МЕРКАНТИЛИЗМ КАК ПЕРВАЯ ШКОЛА БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Меркантилизм в Западной Европе прежде всего представлял собой экономическую политику ряда феодальных государств в период так называемого первоначального накопления капитала.

В меркантилизме как экономической политике следует различать ранний меркантилизм, или *монетарную систему*, и развитой меркантилизм, или *мануфактурную систему*.

Экономическая политика раннего меркантилизма, или монетарная система, была системой денежного баланса. Экономическая политика развитого меркантилизма, или мануфактурная система, была системой торгового баланса. Оба этапа меркантилистической политики, в конечном счете, добивались накопления денежных сокровищ в стране. Однако пути к достижению этой цели у них были различные. Монетарная система ориентировалась на меры полицейского характера, мануфактурная система считала необходимым осуществлять политику вывоза товаров, протекционизма, насаждения мануфактур. В различных странах Западной Европы меркантилизм как экономическая политика характеризовался наличием ряда специфических особенностей.

У меркантилизма, наряду с системой экономической политики, была и другая сторона своего проявления. Меркантилизм представлял собой идеологию буржуазии в эпоху первоначального накопления капитала, первую теоретическую разработку капиталистической экономики. Меркантилисты придавали большое значение регулированию хозяйственной жизни страны государственной властью. В этом выражалась действительная, объективная роль государственной власти в деле создания капиталистического базиса в недрах разлагающегося феодального строя. Меркантилизм как идеология буржуазии находился под влиянием прогрессивных идей Возрождения — отсюда его попытка в отличие от экономического мышления Средневековья установить причинные связи между отдельными хозяйственными явлениями, хотя в целом метод меркантилистов был описательный. Меркантилистическая система в своем анализе отдельных категорий политической экономии останавливалась только на внешней видимости явлений. Это объясняется тем, что она вынуждена была базироваться на поверхностных явлениях процесса обращения в том виде, в каком они обособились в движении торгового капитала.

Меркантилистическая система не мыслила себе стоимость иначе как представленную в деньгах — золоте и серебре. У меркантилистов стоимость сводилась к форме стоимости, к той форме, в которой продукт проявляется как всеобщий общественный труд, как деньги. Меркантилисты считали, что величина стоимости представляет собой продукт обмена. Поскольку стоимость представлялась меркантилистам в форме золота и серебра, то и прибавочная стоимость, согласно их представлениям, находила свое выражение в торговом балансе, сальдируемом деньгами. Меркантилисты исходили из ограниченного воззрения о том, что прибавочная стоимость в форме прибыли обусловлена исключительно процессом обмена, что она объясняется продажей товара выше его стоимости. Меркантилисты рассматривали прибыль отдельного

капитала как излишек над стоимостью, они объясняли прибавочную стоимость в форме прибыли, как возникающую от «отчуждения».

Меркантилисты считали, что прибавочная стоимость в виде прибыли носит относительный характер: то, что выигрывает один, то проигрывает другой. Применяя это положение к совокупному капиталу страны, меркантилисты приходили к выводу, что внутри страны никакого процесса образования прибыли не происходит. Прибыль возникает только в сношениях различных стран друг с другом. Что касается излишка, который одна страна реализует по отношению к другой, то он выражается в деньгах, в активном торговом балансе. Меркантилистическая система, по существу, отрицала образование абсолютной прибавочной стоимости. Грубое представление меркантилистов о прибыли представляло собой первую постановку в истории экономических учений проблемы прибавочной стоимости.

Меркантилистическая система исходила из предпосылки, что деньги представляют собой исключительную форму богатства; она провозгласила золото и серебро единственным богатством. Поэтому меркантилисты в качестве способа обогащения проповедовали образование сокровищ, накопление благородных металлов. В качестве единственных источников богатства или денег меркантилисты выделяли мировую торговлю и отдельные отрасли труда, непосредственно с нею связанные. В качестве цели внешней торговли меркантилистическая система выдвигала приток из-за границы золота и серебра. Однако меркантилисты отнюдь не оставляли вне поля своего воззрения процесс производства, который они, и это в особенности применимо к позднейшим меркантилистам, рассматривали как предпосылку процесса обращения, как условие для создания богатства на путях внешней торговли.

Меркантилисты, конечно, ошибочно отождествляли богатство с деньгами, а деньги с благородными металлами. При капитализме богатство общества выступает как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками, как совокупность материальных благ, находящихся в частной собственности этих лиц. Что же касается денег, то они отнюдь не являются единственным содержанием богатства, а представляют собой лишь всеобщее его воплощение. Иллюзорное представление меркантилистов о том, что золото и серебро являются деньгами по своей природе, вытекает из того, что они не видели, что в золоте и серебре как деньгах представлено производственное отношение к вещной форме.

При всей несостоятельности воззрений меркантилистов на богатство и деньги нельзя не учесть того обстоятельства, что в эпоху, в которой они действовали, капиталистический способ производства еще находился в зачаточном состоянии. Значительная часть

продуктов, производимых в тех или иных странах, не превращалась еще в товары и, следовательно, не составляла в действительности буржуазного богатства, а служила непосредственно в качестве источника существования для самих производителей. И поскольку буржуазной экономической сферой была в то время сфера товарного обращения, то меркантилисты с этой точки зрения и рассматривали весь процесс капиталистического производства.

Позднейшие меркантилисты считали производительным лишь труд, применяемый в тех отраслях производства, продукты которых, будучи экспортируемы за границу, приносят стране избыточное количество денег по сравнению с тем, что они стоили. А это означало, по существу, что данная страна имеет возможность участвовать в присвоении продуктов золотых и серебряных рудников других стран. Меркантилисты наблюдали, как в странах, которые владели золотыми и серебряными рудниками, происходило огромное накопление богатства в руках буржуазии. В этих странах в связи с притоком благородных металлов рост заработной платы отставал от роста товарных цен. Понижение заработной платы приводило к повышению нормы прибыли.

В этих странах «...труд действительно стал производительнее для применяющих этот труд предпринимателей»¹. Функцию меры стоимости у товаров, предназначенных для потребления внутри страны, выполняли золото и серебро с неизменившейся их стоимостью, в то время как стоимость экспортируемых товаров измерялась по понизившейся стоимости золота и серебра.

Все эти обстоятельства послужили для меркантилистов мотивом, правда, неосознанным, что труд применявшийся в отраслях производства, работающих на экспорт, выступает как труд непосредственно производительный, т. е. как труд, создающий прибавочную стоимость, труд, овеществленный в прибыли.

К. Маркс рассматривал в качестве существенного достижения то, что, в отличие от монетарной системы, определявшей богатство как вещь, воплощенную в деньгах, «...мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд, однако сама эта деятельность все еще понималась ограничено, как деятельность, производящая деньги»².

Таким образом, в лице меркантилистов буржуазная политическая экономия нашла своих первых истолкователей, главным образом под углом зрения сферы обращения, с позиций торговой буржуазии, игравшей в ту эпоху в экономике различных стран главенствующую роль.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 135—136.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 730.

ОСОБЕННОСТИ МЕРКАНТИЛИЗМА В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

МЕРКАНТИЛИЗМ В АНГЛИИ

В обширной английской меркантилистической литературе выдающееся место занимают произведения двух крупных ее представителей — Уильяма Стаффорда и Томаса Мэна.

Уильям Стаффорд (1554—1612) — представитель раннего меркантилизма. Он является автором книги «Критическое изложение некоторых жалоб наших соотечественников», изданной в 1581 г. в Лондоне под инициалами W. S. Сочинение это написано в форме диалога между представителями различных слоев населения: рыцарем (землевладельцем), купцом, ремесленником, фермером (земледельцем) и богословом. Богослов выступал от имени автора. «Диалогическая форма этого сочинения, — писал К. Маркс, — способствовала тому, что его долго приписывали Шекспиру, и еще в 1751 г. оно вышло в свет под его именем»¹.

В этой книге нашли отражение такие злободневные вопросы экономики Англии того времени, как социальные последствия «огораживаний», «революция цен», дороговизна, вывоз из Англии полноценных денег. Каждый из участников диалога рассматривает эти жгучие проблемы английской экономики с позиций своего класса. Так, рыцарь, т. е. землевладелец, жалуется на вздорожание товаров. Несмотря на то что он увеличил ренту, получаемую с земельных участков, которые сдает в аренду, товарные цены возросли в еще большей степени, и все расходы неимоверно разрослись. По словам рыцаря, многие из его соседей-землевладельцев побросали свои имения и переселились в город; другие же должны были превратиться в земледельцев и самолично управлять имениями или приарендовывать чужую землю, чтобы иметь возможность заняться овцеводством.

Земледелец жалуется главным образом на увеличение арендной платы и на «огораживание». Купец жалуется на общее увеличение заработной платы. Что касается иностранной торговли, то она стала менее выгодной, так как иностранцы значительно подняли цены на свои товары. Наряду с рассмотрением недовольства хозяйственным положением Англии отдельными сословиями в книге Стаффорда обращается внимание на такие явления, которые губительно отражаются на всей стране и на всех сословиях. К ним относится прежде всего вопрос о деньгах.

Стаффорд сетует на засилье иностранцев в английской торговле. Он выражает недовольство тем, что иностранные купцы вывозят за свои товары английские деньги, а не товары. Объясняет он это более высокой покупательной способностью англий-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 754.

ской монеты в других странах. Стаффорд негодует на неуклонно возрастающее потребление предметов роскоши, за которые приходится расплачиваться большим количеством денег, безвозвратно уплывающим из страны. Он указывает также на то, что иностранцы вывозят из Англии сырые материалы, которые в переработанном виде вновь ввозятся в Англию и реализуются по дорогой цене. Стаффорд считает, что от покупки иностранных товаров следует воздерживаться даже тогда, когда они продаются дешевле по сравнению с тем, что они стоят в Англии.

Главное средство, которое, по мнению Стаффорда, может содействовать росту народного богатства, это покровительство отечественной промышленности. Стаффорд считает, что богатство страны воплощается лишь в деньгах или в благородных металлах. Поэтому он экономическую политику Англии рассматривал под углом зрения содействия увеличению денежных сокровищ. Англия беднеет потому, что происходит порча монеты, которая приводит к ухудшению вексельного курса для Англии.

Под углом зрения денежного обращения Стаффорд подходит и к покровительству промышленности. А это означает, что особое внимание правительства должно быть обращено на отрасли промышленности, связанные с внешней торговлей. Взгляды Стаффорда соответствовали неразвитой форме английского капитализма. Стаффорд добивался проведения политики протекционизма — развития отечественной промышленности путем ограждения ее от иностранного засилья. Накопление денег в стране Стаффорд связывал с мерами административного характера, тем самым отводя исключительную роль государственной власти в деле регулирования экономики страны.

Томас Мэн. Видным представителем развитого меркантилизма в Англии, пришедшего на смену монетарной системе, был Томас Мэн (1571—1641) — крупный купец, один из директоров Ост-Индской компании, автор теории торгового баланса.

Томас Мэн под богатством понимает совокупность материальных благ, находящихся в стране, которые по своему происхождению различаются как естественные ресурсы и накопленные продукты труда. Однако данное определение богатства уживается у него с типичным для меркантилистов представлением о том, что подлинным богатством общества являются деньги.

Томас Мэн утверждал, что использование внешней торговли как источника богатства и денег в стране предполагает превышение денежной суммы, выручаемой от продаваемых товаров, над суммой денег, уплачиваемой за покупаемые товары. Эта избыточная денежная сумма перейдет в сокровища страны. Для достижения активного торгового баланса нужно стремиться к изготовлению возможно большей массы «своих собственных товаров, будь то естественные или искусственные». Рост денежных богатств страны Томас Мэн связывает также и с транспортировкой товаров. Стоимость экспортируемых товаров может возрасти в несрав-

ненной мере, если они будут вывозиться на отечественных судах.

Увеличение массы экспортируемых товаров предполагает покровительство ремесленникам. В ремесленниках заключается «наибольшая сила и богатство и короля и королевства...». По мнению Томаса Мэна, там, где «население многочисленно и ремесла процветают, там торговля должна быть обширной и страна богатой»¹. Отношение Мэна к ремеслу своими корнями уходит в трактовку проблемы народонаселения у меркантилистов, которые полагали, что масса экспортируемых товаров зависит от численности населения. Существенной частью теории торгового баланса у Томаса Мэна была борьба с расточительством. Томас Мэн утверждал, что экономное потребление «естественного богатства» могло бы повысить в значительной мере ежегодный вывоз его за границу. Томас Мэн также ратовал за воздержание от чрезмерного потребления иностранных товаров в питании и одежде.

Томас Мэн всячески отстаивал необходимость уменьшения ввоза иностранных товаров. Сокращение потребления иностранных товаров, чему должно содействовать их обложение большими пошлинами, увеличило бы активный торговый баланс. Выдвигая необходимость добиваться активного торгового баланса, Томас Мэн считал, что следует при вывозе товаров учитывать не только наличные в стране «излишки», но также и «нужды соседей». А это означает, что на тех товарах, в покупке которых иностранные народы кровно заинтересованы, можно помимо продажи сырья много выиграть на «переработке и продаже полученных изделий по столь высоким ценам, какие возможно без уменьшения сбыта этих товаров».

Томас Мэн считал целесообразным и выгодным мероприятием для государства допущение беспошлинного вывоза товаров, изготовленных из иностранного сырья. Это обеспечивает, по его мнению, работу «множеству бедного народа», приводит к значительному росту ежегодного вывоза этих товаров за границу, увеличению ввоза иностранного сырья и способствует возрастающему поступлению государственных пошлин. С целью стимулирования продажи отечественных товаров иностранцам Томас Мэн выступал против обложений их слишком большими пошлинами.

В противоположность обычному мнению, которое рассматривало деньги, вывезенные из страны, как окончательно для нее потерянные, Томас Мэн отстаивал вывоз денег в торговле как средство увеличения богатства в стране. Томас Мэн указывает, что «увеличение ввоза товаров с помощью... наличных денег, в конце концов, после вывоза этих товаров снова за границу превращается в ввоз гораздо большего количества денег, чем было в свое время вывезено».

¹ Меркантилизм. Соцэкгиз, 1935, стр. 157. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

Томас Мэн считал, что накопление денег должно быть результатом их неустанного движения, когда деньги в качестве денежной формы капитала совершают кругооборот $D—T—D$; что обогащение страны возможно лишь в результате не мнимого обилия денег, а действительного увеличения их количества, а это, по его мнению, предполагает активный торговый баланс. Рассматривая деньги в качестве истинной меры всех «средств» в королевстве, а также в виде меры торговых сношений с иностранцами, Томас Мэн считает, что эту меру необходимо стремиться сохранить «справедливой и постоянной во избежание тех замешательств, которые всегда сопутствуют таким изменениям». Он подчеркивает, что «не названия... фунтов, шиллингов и пенсов принимаются во внимание, но истинная ценность... монеты...».

Отрицательное отношение Томаса Мэна к «порче монеты», его критическое отношение ко всяким махинациям государства с «повышением» или «понижением» стоимости денежной единицы отражали заинтересованность представителей торговой буржуазии той эпохи в устойчивых деньгах как важнейшем условии успешной предпринимательской деятельности. Особенное внимание Томас Мэн уделяет вопросу о транзитной торговле. Томас Мэн писал, что если Англия станет складом для товаров, ввозимых из-за границы, то это увеличит «судоходство, торговлю, количество денег в стране и королевские таможенные пошлины при вывозе этих товаров снова в места, где в них нуждаются». Он считал весьма ценной торговлю с отдаленными странами, которая является источником больших выгод. В этой связи Томас Мэн рассматривал торговлю с Ост-Индией как наиболее выгодную для Англии.

Томас Мэн является апологетом ост-индской торговли и стремится всячески доказать необходимость ее поддержки со стороны правительства. Он, например, утверждал, что денежные фонды вследствие этой торговли увеличиваются, что благодаря Ост-Индской компании, которая подготавливает большое количество моряков, государство «освобождается от отчаянного и незаконного элемента». Томас Мэн был одним из виднейших представителей меркантилистической теории¹.

МЕРКАНТИЛИЗМ В ИТАЛИИ

К. Маркс в «Капитале» указывал, что в Италии раньше, чем в других странах, развилось капиталистическое производство, разложились крепостные отношения.

В ряде городов Италии в XIV—XV вв. развивается капиталистическое производство в виде мануфактур. Однако к концу XV в. торговля и промышленность итальянских городов оказались в пла-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 240—241.

чевном состоянии. В конце XV в. капиталы из торговли и промышленности перекачиваются в поместья, развивается также ростовщический капитал. Италия XVI—XVII вв., оставшаяся политически раздробленной страной, представляла собой картину застоя, упадка промышленности и торговли. Поскольку итальянские города в эту эпоху из торговых центров превратились в арену ростовщических операций итальянской буржуазии, постольку итальянская экономическая мысль проявляла большой интерес к кредитно-денежным проблемам.

Банкир *Г. Скаруффи* (1519—1584) в опубликованном им в 1582 г. сочинении «Рассуждение о монете» выступал как представитель монетарного направления итальянского меркантилизма. Скаруффи предлагал созвать общеевропейский съезд, который должен был бы установить единую общеевропейскую денежную систему и определить курс золота к серебру в отношении 1:12. Проект Скаруффи отражал те затруднения, которые испытывали итальянские ростовщики в своих операциях с монетами разной чеканки и происхождения, и их заинтересованность в создании устойчивой валюты.

В духе системы торгового баланса был написан изданный в 1613 г. памфлет *Антонио Серра*, итальянского экономиста XVI—XVII вв., одного из первых теоретиков меркантилизма, направленный против Сантиса, который, будучи сторонником системы денежного баланса, считал, что недостаток денег в Неаполе объясняется низким курсом итальянской валюты. Антонио Серра же утверждал, что единственным средством увеличить денежные сокровища страны является благоприятный торговый баланс.

Рассматривая средства, которые могут привести к изобилию драгоценных металлов, Антонио Серра делит их на два рода: естественные и искусственные. Под естественным средством Антонио Серра понимает наличие в государстве золотых и серебряных рудников. Что же касается искусственных средств, то он делит их на специфические и обычные.

Специфическими средствами являются те, которые присущи определенному государству. Они могут доставить государству изобилие золота и серебра в результате вывоза избытка продуктов сельского хозяйства, производимых в стране, над количеством необходимых для удовлетворения ее потребностей. В числе обычных средств, т. е. средств, применимых в любой стране, с целью достижения в ней изобилия драгоценных металлов, Антонио Серра выделяет ремесла, если они «производят необходимые средства существования, предметы комфорта и роскоши в таких размерах, которые превышают потребности страны». Антонио Серра отдает ремеслам предпочтение перед земледелием.

Важное место в числе обычных средств, необходимых для изобилия денег в стране, Антонио Серра отводит политике правителя, его личности. На преувеличенной оценке у Антонио Серра политического фактора, роли личности правителя в деле регулирования

экономики страны сказалась раздробленность Италии. Общий характер высказываний Антонио Серра выдержан в духе торгового баланса. В отличие от сторонников денежного баланса, Антонио Серра являлся противником запрещения вывоза денег, он ориентируется на регулирование движения товаров, а не денег.

Меркантилисты Скаруффи и Серра в своих высказываниях (первый в духе денежного баланса, второй — торгового баланса) отразили тенденции итальянской экономики своего времени.

МЕРКАНТИЛИЗМ ВО ФРАНЦИИ

Крупным представителем французского меркантилизма был *Монкретьен* (1575—1622). Выступая в роли адвоката «третьего сословия», Монкретьен доказывал, что купцы выполняют в государстве весьма полезную функцию. В прибыли торговцев Монкретьен видел справедливое вознаграждение за их деятельность, наполненную опасностями и риском.

В духе меркантилизма Монкретьен всячески возвеличивал золото. Он соглашался с афоризмом, что «деньги — нерв войны». Утверждая, что «золото оказалось могущественнее железа», Монкретьен этим объясняет стремление каждого крупного государства к максимальному увеличению количества добываемого золота. Однако наряду с апологией золота у Монкретьена встречаются высказывания, где он благородным металлам противопоставляет «средства существования». «Не обилие золота и серебра, — писал Монкретьен, — не количество жемчуга и алмазов делает государство богатым, но наличие предметов, необходимых для жизни и для одежды; у кого их больше, у того больше благосостояния. Воистину — мы стали и богаче золотом и серебром, чем наши отцы; но не зажиточнее и не богаче». Это высказывание, конечно, выходило за рамки меркантилизма.

В качестве характерной особенности французского меркантилизма следует отметить пропаганду у Монкретьена колониальных завоеваний, отстаивание монопольного положения французского купечества на рынках Франции, отстаивание необходимости покровительства промышленности и организации новых мануфактур, отождествление Монкретьеном интересов подданных, государства с самим государем, на которого Монкретьен возлагал функции непосредственного регулирования экономической жизни страны.

Обращает на себя внимание наличие у Монкретьена высказываний о крестьянстве, в которых отражалась его забота об улучшении их положения. Монкретьен писал: «Влага всегда оседает на низины; так и тяготы несет, главным образом, народ. Хлебопашцы — что ноги у государства: они поднимают и несут всю тяжесть его тела. О них вам, государь, надлежит особо позаботиться».

Монкретьен считал, что так как революции можно объяснить «крайней бедностью одних и непомерным богатством других», то

единственное средство, которое может предотвратить назревание революционных взрывов,— это улучшение материального положения народных масс. Интерес Монкретьена к условиям жизни крестьян является одной из специфических особенностей французского меркантилизма. В заключение отметим, что Монкретьен впервые ввел в научный оборот понятие «политическая экономия».

Меркантилисты, ориентировавшиеся на процесс обращения, были первыми истолкователями буржуазного способа производства. Меркантилистическая теория в грубой, примитивной форме провозгласила в качестве цели капитализма, в качестве его жизненного призвания, его подлинной сущности «делание денег». Меркантилистическая теория представляла собой предысторию буржуазной политической экономии. «Подлинная наука современной политической экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 370.

Глава III

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В АНГЛИИ И ВО ФРАНЦИИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВИЛЬЯМА ПЕТТИ

Вильям Петти — идеолог английской буржуазии. В. Петти (1623—1687) — основатель классической школы буржуазной политической экономии. Он родился в Гемпшире, в семье скупщика, и с 15 лет начал заниматься торговым делом. Одновременно Петти изучал естественные науки, математику и медицину. В 1647 г. он изобрел копировальную машину, в 1649 г. получил степень доктора физики, а в 1651 г. — звание профессора анатомии и музыки. Следует отметить также, что он работал в качестве врача в ирландской армии Кромвеля.

Проявив значительный интерес к устройству конфискованных у ирландцев земель, Вильям Петти представил в 1641 г. проект нового кадастра помещичьих земель. Получив значительную сумму денег, он использовал ее на покупку земельных наделов и стал крупным землевладельцем. Одновременно он разрабатывал рудники, каменоломни и занимался лесной торговлей. В 1668 г. Петти был избран членом парламента. К. Маркс дал отрицательную оценку Вильяму Петти как политическому деятелю. После того как пала республика, Вильям Петти примкнул к Реставрации, вступил в числе первых в Королевское общество, ревностно служил династии Стюартов, причем получил звание пэра и пост главного управляющего государственными землями.

Экономические воззрения Вильяма Петти — идеолога английской буржуазии, относятся к периоду разложения меркантилизма и зарождения буржуазной политической экономии в Англии. В. Петти признавал наличие объективных экономических законов, не зависящих от воли и сознания людей. Вместе с тем Петти — сторонник разумного, осторожного воздействия государственной власти на экономику страны. Как идеолог промышленного капитала, В. Петти всячески отстаивал священность, неприкосновенность буржуазной собственности как решающего устоя хозяйственной деятельности. Произведения Вильяма Петти пронизывает

идея о том, что всем членам общества необходимо трудиться, неустанно повышать умелость, успешность труда, неуклонно увеличивать производительность труда.

Вильям Петти преисполнен уверенности, что даже умеренный труд является залогом избавления населения страны от лишений. Что же касается противоположности богатства и бедности, то, по его мнению, это вечный, неумолимый закон общественной жизни. «Что одни люди более бедны, чем другие, это всегда было и всегда будет». Вместе с тем В. Петти считал в качестве причины гражданской войны в стране «допущение роскоши у одних, тогда как другие умирают с голоду». Петти полагал, что обнищание народных масс отнюдь не является неизбежностью в условиях капиталистического производства. Он писал: «...Только лишь недостатком порядка можно объяснить наличие нищеты в Англии и то, что некоторых людей это обстоятельство доводит до виселицы или голодной смерти». Рассматривая противоположность между богатством и бедностью в качестве незыблемого закона общественной жизни, Петти был в то же время противником роскоши на одном полюсе и крайней бедности — на другом полюсе. В тесной связи с воззрениями Петти на закономерности общественной жизни, с его общей характеристикой капитализма находились его высказывания и по более конкретным проблемам социально-экономической жизни страны.

Теоретически обобщая народнохозяйственные процессы, происходившие в стране, все расширяющуюся арену действия промышленного капитала, В. Петти считал, что рост производительных сил общества и рост богатства народа обусловлены расширением сферы материального производства. В этой связи находились его высказывания о необходимости сужения сферы обращения и сокращения числа лиц, занимающихся торговлей. В. Петти считал условием торговли свободу совести, он ратовал за освобождение торговой деятельности от каких бы то ни было религиозных пут. В то же время он указывал, что торговая деятельность поглощает излишнее количество людей. Купцы, как утверждал Петти, «не доставляют никакого продукта, а играют лишь роль вен и артерий, распределяющих туда и назад кровь и питательные соки государственного тела, а именно продукцию сельского хозяйства и промышленности»¹. Полагая, что сфера материального производства должна быть расширена за счет так называемого нематериального производства, В. Петти требовал прежде всего учета количества людей, необходимых для «труда и производства», и лишь тогда, полагал он, может быть поставлен вопрос об использовании известной части общества в «искусствах и занятиях», которые «служат удовольствию и украшению и среди ко-

¹ В. Петти. Экономические и статистические работы, 1940, стр. 22. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

торых величайшим является усовершенствование естествознания».

Основная идея общих рассуждений Петти о материальном и нематериальном производстве заключается в том, что Англия должна стать первоклассной капиталистической державой, мастерской мира. С этой точки зрения подходит Петти и к ирландскому вопросу. В. Петти советовал ирландцам «превратиться в англичан», «отказаться от своего языка», «удовлетворять своим послушанием, видеть и знать тех, от чьих забот и поведения зависит их благополучие и кто может распоряжаться их землями и владениями». Оказывается, что англичане принесли в Ирландию «искусство, цивилизацию и свободу». Это был язык завоевателя-колонизатора, который с позиции английской буржуазии расценивал угнетение и эксплуатацию ирландцев английскими захватчиками. Петти выдвинул план колонизации Ирландии, который должен был превратить ее в аграрно-сырьевой придаток метрополии. В тесной связи с проблемами буржуазной экономической политики, провозвестником которой был В. Петти, находилось его понимание отдельных категорий политической экономии.

Методология В. Петти. С именем В. Петти связано применение в политической экономии нового метода, принципиально отличного от традиционного метода меркантилистов. В отличие от меркантилистов Петти пытался проникнуть в глубь явлений и объяснить их.

Излагая особенности своего метода, Петти писал: «...Вместо того чтобы употреблять слова только в сравнительной и превосходной степени и прибегать к умозрительным аргументам, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер..., употребляя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе». В Петти подчеркивает, что он оставляет в стороне особенности, зависящие от «непостоянства умов, мнений, желаний и страстей отдельных людей».

Интерес Петти к наблюдению, к точному количественному анализу исследуемых явлений объясняется воздействием естествознания на общественные науки в современную ему эпоху. К. Маркс писал о В. Петти, что у него искры теоретической мысли не вылетают одна за другой, как «аксиомы», а возникают разрозненно по мере углубления в «сырой» практический материал.

Теория стоимости В. Петти. В. Петти за рыночной ценой, которую он называл «политической ценой», искал скрытую за ней основу, стоимость, по его терминологии, «естественную цену». Петти писал: «Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с такой же затратой времени, какая необходима для производства одного бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции серебра можно будет добывать так же легко, как те-

перь одну, то caeteris paribus хлеб будет так же дешев при цене в 10 шилл. за бушель, как теперь при цене в 5 шилл.»¹.

В приведенном примере В. Петти проводит общую мысль о том, что стоимость измеряется затраченным трудом и что величина стоимости зависит от производительности труда. Правда, В. Петти с самого начала хода своего исследования определяет не стоимость товара, а ее выражение в деньгах. А это по существу означает, что, понимая под стоимостью количество денег, на которое обменивается данный товар, В. Петти отождествляет стоимость с меновой стоимостью, а последнюю — с ценой.

Следовательно, внимание В. Петти приковано к сфере обращения и он рассматривает стоимость в том виде, в каком она проявляется в процессе обмена в качестве денег. Здесь сказалось влияние меркантилистических представлений. Вместе с тем В. Петти идет дальше меркантилистов, он пытается исследовать внутреннюю зависимость рассматриваемых им экономических явлений, его интересуют закономерности, которые лежат в основе приравнивания определенной массы товаров к определенному количеству денег. Переходя к решению этого вопроса, В. Петти выделяет конкретный труд, создающий золото и серебро, и рассматривает его в качестве труда, создающего меновую стоимость. Данному конкретному труду противостоят все другие виды конкретного труда, которые, по мнению В. Петти, непосредственно меновую стоимость не создают.

В изложенных высказываниях Петти ценным является понимание им того, что труд в условиях капитализма производит не просто потребительную стоимость, а товар, обладающий способностью быть обмененным на деньги, т. е. обладающий меновой стоимостью. Однако В. Петти не понимал двойственной природы труда, создающего товар. В. Петти отождествлял абстрактный труд со специфическим видом конкретного труда, создающего благородные металлы. Непонимание В. Петти двойственной природы труда, создающего товар, приводило к непониманию двойственной природы самого товара. В самом деле, если В. Петти утверждал, что стоимость создается трудом, то он должен был, конечно, и меру стоимости видеть в труде. Тем не менее В. Петти измерял стоимость двумя естественными мерами — землей и трудом.

Наличие у стоимости двойной меры стоимости В. Петти основывал на утверждении, что «труд есть отец и активный принцип богатства, а земля — его мать». Исходя из воззрения на труд и землю как на источники материального богатства, В. Петти считал, что «...оценку всех вещей следовало бы привести к двум естественным знаменателям — к земле и к труду; т. е. нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли плюс такое-то и такое-то

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 164.

количество труда, так как оба они — и корабль и сюртук — *произведены землей и человеческим трудом*»¹.

Положение В. Петти о двух источниках богатства свидетельствует о том, что В. Петти правильно рассматривает потребительные стоимости как результат сочетания конкретного труда и природы. Однако В. Петти смешивал потребительную стоимость со стоимостью, когда он приходил к ошибочному выводу, что у стоимости двойная мера — труд и природа. Трактую стоимость как порождение труда и природы, В. Петти пытался свести одно мерило стоимости к другому. Рассматривая вопрос о том, как «найти *естественное отношение равенства между землей и трудом*, чтобы быть в состоянии выразить стоимость при помощи какого-нибудь одного из этих двух факторов...»², В. Петти рассуждает следующим образом. Предположим, что мы располагаем 2 акрами огороженного пастбища, куда пущен теленок, который в течение года дает прирост в 1 ц годного в пищу мяса. В таком случае, по мнению В. Петти, «1 ц такого мяса, представляющий ...50 дневных пищевых пайков и проценты на стоимость теленка, составит стоимость, соответствующую годичной ренте земли».

Если же в результате годового человеческого труда земля принесет более 60 дневных пищевых пайков, то этот «излишек дневных пищевых пайков составит заработную плату человека, причем и стоимость земли и заработная плата выражены в количестве дневных пищевых пайков».

Таким образом, поставленную перед собой задачу найти естественное отношение равенства между землей и трудом В. Петти решил путем выражения стоимости, создаваемой землей и трудом, в виде дневных пищевых пайков. А это, по существу, свидетельствовало о переходе В. Петти с определения стоимости товаров трудом на определение стоимости заработной платой. В. Петти писал следующее об определении стоимости величиной заработной платы: «*Общей мерой стоимости является среднее дневное пропитание взрослого человека, а не его дневной труд*; эта мера представляется столь же регулярной и постоянной, как стоимость чистого серебра... Поэтому я *определил стоимость ирландской хижинны числом дневных пайков, израсходованных строителем при ее постройке*»³.

Итак, Петти за рыночной ценой («политической ценой») искал стоимость («естественную цену»), которую он определял трудом, вне его конкретных форм. Тем самым В. Петти положил начало теории трудовой стоимости. Но в теории стоимости В. Петти имеется ряд ошибочных положений. В. Петти не понимал двойственной природы труда, создающего товар, он смешивал конкретный труд

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 363.

² Там же.

³ Там же, стр. 365.

с абстрактным. В. Петти не понимал двойственной природы товара, он смешивал потребительную стоимость товара со стоимостью.

Теория заработной платы В. Петти. Теория заработной платы В. Петти являлась логическим следствием его теории стоимости. В. Петти видел в заработной плате стоимость труда, которая должна регулироваться законодательным путем. Стоимость труда должна тяготеть к необходимым средствам жизни. *«Закон ...должен обеспечивать рабочему, — утверждал В. Петти, — только самое необходимое для жизни; ибо, если рабочему давать вдвое больше необходимого, то он будет работать только наполювину по сравнению с тем, сколько он мог бы работать и фактически работал бы без такого удвоения заработной платы, а это для общества означает потерю продукта соответствующего количества труда»*¹. В. Петти далее подчеркивал, что дешевизна или дороговизна труда рабочего определяется двумя обстоятельствами: плодородием почвы и размерами потребностей, обусловленных климатом. В. Петти стоял на ошибочной точке зрения, что уровень заработной платы должен тяготеть к голому физиологическому минимуму. В то же время он настаивал на том, что ниже этой границы заработная плата не должна падать: повышение, например, цен на товары вдвое должно соответствующим образом отразиться и на росте заработной платы.

Вместе с тем из хода рассуждений В. Петти следовало, что рабочий потому становится производителем прибавочного продукта, что он вынужден употреблять всю свою рабочую силу исключительно для приобретения лишь жизненных средств. А это означает, что у В. Петти уже поставлен был вопрос о делении рабочего дня на две части: на необходимое рабочее время и прибавочное рабочее время. Что же касается его рассуждений о регулировании заработной платы путем законодательным, то они отражали действительную практику того времени, когда государством устанавливался максимальный уровень заработной платы. Теория заработной платы послужила исходным пунктом теории ренты В. Петти.

В. Петти о прибавочной стоимости и о земельной ренте. Хотя отдельные звенья вопроса о происхождении прибавочной стоимости и ее исчислении изложены у В. Петти хаотично, тем не менее у него была определенная система взглядов по данному вопросу. Из предположений, что «естественная цена» товара, т. е. его стоимость, дана заранее, и тяготения заработной платы к минимуму средств существования следовал вывод В. Петти о том, что заработная плата и прибыль движутся в противоположном направлении.

В. Петти рассматривает прибавочную стоимость только в форме земельной ренты. «Допустим, что какой-нибудь человек, — писал В. Петти, — своими собственными руками возделывает под зерновой хлеб определенный участок земли... Я утверждаю, что когда

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 358.

этот человек *вычтет из полученного им урожая свои семена,...* а также все то, что он сам съел и что он отдал другим в обмен на одежду и другие предметы, необходимые для удовлетворения насущных потребностей, то *остаток хлеба составит естественную и истинную ренту с земли за этот год...*¹.

У Петти мы находим не только учение о ренте вообще, но и впервые понятие дифференциальной ренты. Он выводит ее из разного местоположения участков по отношению к рынкам сбыта. В. Петти писал: «...Поблизости от населенных мест, для пропитания которых нужны большие районы, земли не только приносят... *более высокую ренту*, но и стоят большей суммы годовичных рент, чем земли совершенно такого же качества, но находящиеся в более отдаленных местах»².

У В. Петти имеются также высказывания, в которых он подчеркивает связь дифференциальной ренты с разницей в плодородии почвы, с различной производительностью труда на участках, одинаковых по размерам. Он писал: «Богатство или скудость земли, или ее ценность, зависит от *отношения той, большей или меньшей, доли приносимого ею продукта, которая уплачивается за пользование ею, к простому труду, затраченному на выращивание указанного продукта*»³.

Из высказываний В. Петти о ренте следует, что она трактуется им как избыток прибавочного труда производителя над причитающейся ему заработной платой и возмещением его капитала. В. Петти видит в ренте выражение всей совокупной сельскохозяйственной прибавочной стоимости и выводит ее не из земли, а из труда. Рента, таким образом, равна у Петти всей прибавочной стоимости, включая и прибыль. Рента выступает как прибавочная стоимость вообще, как «чистый продукт».

Взгляд Петти на ренту как на истинную форму прибавочной стоимости вообще, взгляд, развитый позднее физиократами, не был, конечно, случаен. Экономисты периода неразвитого капиталистического производства рассматривали земельную ренту как нормальную форму прибавочной стоимости. Что касается прибыли, то она у них либо еще непосредственно сливалась с заработной платой, либо представлялась им той частью прибавочной стоимости, которую капиталист отнимал у земельного собственника.

Такой взгляд на ренту у В. Петти и физиократов находился в соответствии с конкретными историческими условиями, когда земледельческое население составляло преобладающую часть нации, когда земельный собственник присваивал прибавочный труд непосредственных производителей, когда земельная собственность представляла собой главное условие производства.

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 359.

² Там же, стр. 362.

³ Там же, стр. 362—363.

В. Петти о цене земли. В тесной связи с трактовкой В. Петти проблемы ренты находятся его воззрения на цену земли. По мнению В. Петти, цена земли представляет собой в своеобразной форме капитализированную ренту, т. е. сумму рент в течение определенного числа лет. Однако характер и способ этой капитализации В. Петти понимает своеобразно.

В. Петти, как мы видели, рассматривал земельную ренту как всеобщую форму прибавочной стоимости, включающую в себя прибыль. А это означало, что он не мог рассматривать процент с капитала как заранее данную величину, а вынужден был, наоборот, выводить процент из ренты в качестве ее особой формы. Такой подход к категории процента закрыл ему путь к подлинно правильному определению цены земли как капитализированной ренты. Но тогда перед Петти возник вопрос, как определить то число годовых рент, которое образует цену земли.

Для разрешения указанного затруднения В. Петти по вопросу о цене земли предложил остроумное решение. Для человека, утверждал В. Петти, представляет интерес купить лишь столько годовых рент, сколько ему необходимо, чтобы обеспечить себя и свое ближайшее потомство, т. е. столько лет, сколько «могут рассчитывать еще прожить живущие одновременно представители трех поколений, из коих одному 50 лет, второму — 28, третьему — 7, т. е. дед, отец и сын». Сведя это количество лет к цифре 21, В. Петти, предварительно умножив на нее сумму годичной ренты, и объяснял стоимость земли. «...Я принимаю, — писал В. Петти, — что *число годовых рент, составляющих естественную стоимость какого-нибудь участка земли, равняется обычной... продолжительности совместной жизни трех таких лиц*»¹. В. Петти стоял на той точке зрения, что его определение стоимости земли применимо к тем странам, как, например, Англия, где имеется «моральная уверенность в возможности пользования купленной недвижимостью». Однако В. Петти отнюдь не настаивал на неизменном, всегда одинаковом количестве годовых рент, определяющих стоимость земли.

В рассмотренной попытке объяснить цену земли В. Петти, при всей ошибочности ряда своих исходных положений, выдвинул первую, глубокую и оригинальную для своей эпохи трактовку цены земли как капитализированной ренты.

В. Петти вошел в историю экономических учений как родоначальник классической школы буржуазной политической экономии. К. Маркс видел в В. Петти замечательного и оригинального экономического исследователя. В. И. Ленин указывал на связь обществоведения с естествознанием в эпоху В. Петти, на материализм В. Петти².

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 360.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 41.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФРАНЦИИ В XVII—XVIII вв., ИХ ОТРАЖЕНИЕ ВО ВЗГЛЯДАХ ПЬЕРА БУАГИЛЬБЕРА

Сопоставление феодально-абсолютистской Франции XVII в. с Англией показывает различие в степени устойчивости в этих странах феодального строя. Так как во Франции обуржуазивание дворянства не происходило, то в ней должны были сильнее сказаться противоречия между торгово-промышленной буржуазией и высшим дворянством и духовенством. Во Франции XVII в. господствовала феодальная система эксплуатации, которая была источником существования для дворянства, двора, духовенства, ростовщиков.

Капитализм в сельском хозяйстве Франции XVII в. был в зачаточном состоянии. В отличие от Англии, где происходил процесс перехода самого поместья на рельсы буржуазного хозяйства, во Франции капиталистический уклад прокладывал себе дорогу в результате происходившей в XVII в. имущественной дифференциации крестьянства, выделения кулаков-мироедов, применяющих наемный труд безземельных и малоземельных крестьян. Однако число крестьянских ферм предпринимательского типа было во французской деревне XVII в. еще весьма незначительно.

Гораздо более осязательным было проникновение капитализма в деревню через кустарную промышленность. Деревенская промышленность тяготела к городу. Крестьяне работали на городских скупщиков, причем часть крестьян применяла труд наемных рабочих, получавших натуральную заработную плату. Что касается городов, то там развивалась крупная мануфактурная промышленность, основывались так называемые «королевские мануфактуры», которые подвергались правительством строгой регламентации и обеспечивались субсидиями, заказами и рабочей силой. Однако покровительство промышленности и торговли и меркантилистическая политика, направленная на достижение активного торгового баланса, на укрепление абсолютистского государства, отнюдь не затрагивали феодальных отношений, которые были основой экономики Франции.

Неудивительно, что в конкретных условиях Франции XVII в. борьба с меркантилистической политикой в сознании экономистов того времени переплеталась с борьбой за улучшение положения сельского населения страны, с ориентацией, в первую очередь, на проблемы, связанные с сельскохозяйственным производством. Такова, в частности, была позиция Буагильбера, которая нашла свое дальнейшее развитие в учении физиократов.

П. Буагильбер. Пьер Буагильбер (1646—1714) при Людовике XIV занимал ответственные судебные и административные должности. Однако то обстоятельство, что Буагильбер отстаивал

интересы крестьянства, было причиной недовольства им короля Людовика XIV. Основу могущества и богатства страны Буагильбер видел в сельском населении. Что же касается городского населения, то оно, по его мнению, погрязло в роскошной жизни и излишествах. Объявив себя адвокатом сельского хозяйства, Буагильбер дал яркую, без всяких прикрас характеристику тяжелого положения, в котором находилось сельское население страны. Особенности социально-экономических условий Франции XVII в. наложили свою печать на воззрения Буагильбера по вопросам стоимости и денег.

Буагильбер противопоставлял рыночной цене «истинную», или «справедливую стоимость». Величину «истинной стоимости» Буагильбер определяет затраченным на производство товара трудом. «Истинную стоимость» данного товара представляет собой, по мнению Буагильбера, другой товар, на который потрачено столько же рабочего времени. Буагильбер видит в «истинной стоимости» правильную пропорцию, на базе которой происходит разделение труда между различными отраслями народного хозяйства. Эта правильная пропорция является результатом игры стихийных сил рынка, продуктом свободной конкуренции.

В противоположность В. Петти, Буагильбер нападает на деньги. Буагильбер, как это отмечает К. Маркс, «фанатически» борется против денег, которые, по его мнению, своим вмешательством нарушают естественное равновесие, или гармонию, товарного обмена. Цель, ради которой деньги вводятся в торговлю, это, по мнению Буагильбера, служит залогом при обмене и взаимной передаче. Между тем, пренебрегая той целью, ради которой деньги были введены, из золота и серебра сделали идола и «превратили в божества, которым приносили и продолжают приносить в жертву больше богатств, драгоценностей и даже жизней человеческих, чем неразумная древность когда-либо приносила этим ложным богатствам».

Буагильбер отрицательно относился к самостоятельному обособлению денег по отношению к товарам. Он ратовал за их функциональное существование лишь в качестве средства обращения. «Деньги, — утверждал Буагильбер, — должны находиться в непрерывном движении, а это возможно только до тех пор, пока они обладают подвижностью; как только они становятся неподвижными, все погибло».

Буагильбер рассматривал лишь те функции денег, в которых они выступают как идеальные деньги или играют мимолетную роль, т. е. функции средства платежа и средства обращения. Буагильбер не видел и не понимал непосредственного перехода денег из идеальной формы в реальную действительность, он не понимал, что в функции денег как меры стоимости уже скрывается звонкая монета.

Непонимание Буагильбером роли денег в процессе обмена товаров, его фанатическая вражда к деньгам и нападки на них

приводили к тому, что его внимание было приковано лишь к вещественному содержанию богатства, к потребительной стоимости. Цель товарного производства он видел в производстве потребительных стоимостей. Во всех этих высказываниях Бугильбера сказывалась социально-экономическая обстановка, которая сложилась во Франции в конце XVII и начале XVIII в.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ФИЗИОКРАТОВ

Франсуа Кенэ (1694—1774), выдающийся французский экономист, является основоположником школы физиократов. Он родился в 1694 г. в семье мелкого землевладельца. В 1718 г. Кенэ сдал экзамен на врача. С 1749 г. состоял врачом при дворе Людовика XV. Написал ряд работ по медицине и биологии. Примерно в возрасте шестидесяти лет Кенэ занялся разработкой проблем экономики.

Первые экономические статьи Кенэ под названием «Фермеры» и «Зерно» были напечатаны в 1756—1757 гг. в «Энциклопедии». Эти статьи были посвящены злободневному тогда вопросу французской экономики — состоянию сельского хозяйства. Из последующих работ Кенэ выделяется его «Экономическая таблица» (1758 г.) и дополнение к ней — «Общие принципы экономической политики земледельческого государства».

По своим философским взглядам Кенэ был противником материализма. По своим политическим убеждениям Кенэ был приверженец абсолютной монархии.

Франсуа Кенэ и его концепция «естественного порядка». По мнению Кенэ, основными общественными законами являются законы «естественного порядка», наиболее выгодного для человеческого рода. Основные общественные законы как «естественное право людей» установлены богом для постоянного воспроизводства и распределения материальных благ. Эти блага необходимы для удовлетворения потребностей людей, объединенных в общество.

Основой естественного права, по мнению Кенэ, является право собственности. Естественные законы реализуются в практической жизни посредством «положительных» законов, которые являются результатом творческой деятельности государственной власти. Под категорией «естественный порядок» физиократы понимали капиталистический способ производства как естественную форму хозяйства, освобожденную от пережитков феодализма и развивающую производительные силы на основе принципов свободной конкуренции.

Учение о «естественном порядке» физиократов имело то важное методологическое значение, что оно, правда, в мистическом облачении, выдвигало идею общественной закономерности, идею объ-

ективно существующей, необходимой связи явлений. Это учение было положено физиократами в основу их теоретико-экономических воззрений, а также практической программы.

Учение физиократов об эквивалентности обмена и о деньгах. Теория физиократов базировалась на учении об эквивалентности обмена. В тесной связи с этим учением развивалась и их теория денег и критика меркантилизма.

Кенэ утверждал, что товары вступают в обращение с заранее данной ценой. Наличие у товаров цены до их продажи Кенэ объяснял главными причинами, которые лежат в основе рыночных цен товаров, это — «их редкость или изобилие и более или менее сильная конкуренция продавцов и покупателей»¹. Учение об эквивалентности обмена логически было связано с воззрением на производство как источник стоимости. Однако тезис о наличии у товаров заранее данной цены до вступления их в процесс обращения не нашел у Кенэ подлинно научного объяснения, так как он отождествлял стоимость с издержками производства. Хотя у Кенэ отсутствовала рациональная теория стоимости, тем не менее его учение об эквивалентности обмена являлось важной составной частью системы физиократов.

В тесной связи с соображениями о цене товаров находились те выводы, которые делал Кенэ об отношении обмена, торговли к процессу создания стоимости. Кенэ считал, что «обмен, в действительности, ничего не производит», что «покупки уравниваются с обеих сторон таким образом, что их обоюдное действие сводится к обмену ценности на равную ценность».

Учение об эквивалентности обмена послужило для Кенэ исходным пунктом для его критики меркантилистической политики. Кенэ рассматривал деньги как бесплодное само по себе богатство и видел их пользу лишь в том, что они служат в качестве орудия для продажи и покупок, для уплаты доходов и налогов. Поэтому он отрицательно относился к извлечению монеты из сферы обращения и накоплению, поскольку это не будет содействовать «постоянному воспроизводству богатств государства».

Говоря о величине денежных запасов землевладельческой нации, Кенэ считает, что они отнюдь не должны превышать чистый продукт или годовой доход с земельных участков. По его мнению, внимание правительства должно быть приковано не к деньгам, а к изобилию и продажной ценности произведений земли, в чем и заключается подлинное могущество и благоденствие нации.

Из учения физиократов об эквивалентности обмена и о деньгах следовала необходимость, в отличие от устаревших догм меркантилизма, искать более эффективные методы обогащения страны и прежде всего обратиться к сфере материального производства — преимущественно к земледельческому производству.

¹ Ф. Кенэ. Избранные экономические произведения. Соцэкгиз, 1960, стр. 351.

Учение Кенэ о «чистом продукте», о труде производительном и «бесплодном». Физиократам принадлежит заслуга перенесения вопроса о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства. Этим самым они заложили основу для научного анализа капиталистического производства.

Физиократы под стоимостью отнюдь не понимали овеществленный, человеческий труд. Они видели в стоимости лишь определенную массу вещества, порождаемого землей и трудом, а также различные видоизменения этого вещества. Такой взгляд на стоимость предопределил характер анализа у физиократов проблемы прибавочной стоимости.

Физиократы видели в прибавочной стоимости (по их терминологии — «чистый продукт») избыток сельскохозяйственного продукта над продуктами, затраченными в процессе производства. Однако, наряду с натуралистической трактовкой прибавочной стоимости («чистого продукта») как дара природы, физиократы рассматривали прибавочную стоимость и с точки зрения ее стоимостного выражения. Дело в том, что осью учения физиократов является минимум заработной платы, от которого они отправляются как от необходимой предпосылки своего анализа капиталистического производства.

Правда, физиократы еще не познали самой категории стоимости. Они также ошибочно трактовали минимум заработной платы в качестве неизменной величины, всецело определяемой природой. Физиократы в минимуме заработной платы не видели переменной величины, определяемой социальными условиями, конкретной исторической обстановкой. Но благодаря установлению понятия минимума заработной платы, тяготеющего к цене необходимых жизненных средств, физиократы оказались в состоянии рассматривать стоимость рабочей силы как определенную, строго фиксированную величину.

При всей ошибочности трактовки стоимости вообще и недостатках в объяснении минимума заработной платы выводы физиократов по вопросу о происхождении «чистого продукта» оказались в своей абстрактно-теоретической постановке правильными. Объективно, бессознательно для самих физиократов, у них шла речь о разности между стоимостью, создаваемой трудом в результате применения рабочей силы, и стоимостью самой рабочей силы. В пределах сельскохозяйственного производства физиократы, при всем наличии указанных недостатков в их теории, правильно в общем анализировали вопрос о генезисе прибавочной стоимости.

В тесной связи с воззрениями физиократов на категорию прибавочной стоимости находился их взгляд на сельскохозяйственный труд как на единственно производительный труд. Физиократы исходили из соображений, что сельскохозяйственный труд в качестве единственной формы полезного, конкретного труда создает прибавочную стоимость, которая для них существовала лишь в форме

земельной ренты. Физиократы исходили из правильного положения о том, что производителен только такой труд, который создает прибавочную стоимость. Но вместе с тем физиократы приписывали образование прибавочной стоимости лишь одной производственной сфере капитала — земледелию, земельную же ренту они трактовали как единственную форму прибавочной стоимости.¹ Физиократам была известна, таким образом, прибавочная стоимость в виде единственной конкретной формы — в виде земельной ренты, которая им представлялась как всеобщая форма прибавочной стоимости.

Физиократы полагали, что в промышленности работник лишь видоизменяет форму вещества, которая дается ему земледелием. Что же касается количества этого вещества, то, по их мнению, в промышленности оно отнюдь не возрастает, а остается неизменным.

Физиократы утверждали, что работник в промышленности присоединяет к веществу добавочную стоимость. Присоединение этой добавочной стоимости в промышленности физиократы мыслили себе не в процессе труда, а в виде присоединения издержек производства труда работника, т. е. в виде присоединения стоимости потребляемых работником жизненных средств, количество которых предопределяется минимумом выплачиваемой ему заработной платы.

Что же касается прибыли на капитал, то эта категория для них вообще не существовала. Прибыль, по мнению физиократов, представляет собой своеобразную, более высокую заработную плату и потребляется капиталистами как доход. Прибыль ничем принципиально не отличается от заработной платы. Прибыль капиталиста в равной степени, как минимум заработной платы, получаемой обыкновенным работником, входит в издержки производства.

Таким образом, трактовка прибавочной стоимости у физиократов носила противоречивый характер. С одной стороны, они подходили к этой категории чисто натуралистически и видели в прибавочной стоимости продукт земной коры, дар природы. С другой стороны, они рассматривали ее, по существу, как порождение прибавочного труда наемных рабочих. Этот дуализм в трактовке физиократами проблемы прибавочной стоимости своими корнями уходит в смешение ими потребительной стоимости и стоимости. Как писал К. Маркс, ошибка физиократов происходила оттого, что они смешивали увеличение материи, которое благодаря естественному произрастанию и размножению отличается земледелие и скотоводство от мануфактуры с увеличением меновой стоимости.

Что же касается учения физиократов о производительном труде, то оно наглядно иллюстрирует положение К. Маркса о том, что определение понятия производительного труда меняется по мере того, как продвигается вперед анализ категории прибавочной стоимости.

Физиократы о капитале. Существенной заслугой физиократов является то, что они, в пределах буржуазного кругозора, дали анализ капитала. К. Маркс указывал, что учение физиократов о

капитале делает их настоящими отцами современной политической экономии. В своих воззрениях на капитал физиократы уделяли исключительное внимание вещественным составным частям, на которые капитал распадается во время процесса труда. Игнорируя те общественные условия, в которых вещественные формы капитала — инструменты, сырье и т. д. — выступают в капиталистическом производстве, физиократы превращали капитал во внеисторическую категорию, присущую всем эпохам, всем временам и народам. Кроме анализа вещественных элементов, на которые распадается капитал в процессе труда, физиократы исследовали те формы капитала, которые он принимает в процессе обращения, — основной капитал и оборотный капитал, — хотя терминология у них была еще иная.

Физиократы различали авансы первоначальные, для которых они брали десятилетний период оборота, и авансы ежегодные, для которых период оборота был годовой. Ежегодные авансы представляли собой издержки, производимые ежегодно на земледельческие работы. Что касается первоначальных авансов, то, в отличие от ежегодных, они составляли фонд земледельческого оборудования. Указанное различие между авансами первоначальными и ежегодными они применяли только к капиталу фермера, так как капитал, применяемый в земледелии, они считали единственной конкретной формой производительного капитала.

В основе теории основного и оборотного капитала физиократов лежало различие отдельных частей производительного капитала и их влияние на характер оборота. Различие между первоначальными и ежегодными авансами как между двумя элементами производительного капитала физиократы правильно сводили, базируясь на заимствованном из земледелия различии между ежегодным и многолетним оборотом, к различию способов, какими эти элементы входили в стоимость готового продукта, к различию способов их воспроизводства. Если стоимость ежегодных авансов возмещалась целиком в течение одного года, то стоимость первоначальных авансов возмещалась по частям, в течение времени, охватывающего десятилетний период.

Таким образом, физиократы, по существу, выдвинули теорию основного и оборотного капитала. Они правильно изображали различие между этими двумя видами капитала, как существующее лишь в пределах производительного капитала, хотя они и ошибочно считали лишь земледельческий капитал производительным капиталом. Так как у Кенэ различие между первоначальными и ежегодными авансами существует лишь в рамках производительного капитала, то Кенэ не причисляет деньги ни к первоначальным, ни к ежегодным авансам. Оба вида авансов как авансы для производства противостоят деньгам, а также находящимся на рынке товарам.

Учение Кенэ о классах. У Кенэ нация состоит из трех классов граждан: производительный класс, класс собственников и класс непроизводительный. Производительный класс определяется у Кенэ

как класс, который «посредством обработки земли воспроизводит ежегодно богатство нации, который авансирует затраты на земледельческий труд и ежегодно выплачивает доходы собственникам земли». Таким образом, Кенэ под производительным классом понимает класс, который создает прибавочную стоимость, причем к этому классу относятся только работники земледелия. Земельные собственники, конечно, к этому классу не относятся.

В класс собственников Кенэ включает государя, землевладельцев и получателей десятины. Кенэ дает следующую характеристику класса собственников: «Этот класс живет на доход или чистый продукт... земледелия, выплачиваемый ему ежегодно производительным классом». Следовательно, к созданию прибавочной стоимости класс земельных собственников никакого отношения не имеет. Тем не менее этот класс Кенэ отнюдь не считает «бесплодным», так как его назначение — присваивать прибавочную стоимость.

Что касается непроизводительного класса, то он, по мнению Кенэ, состоит «из всех граждан, которые заняты другими услугами и видами труда, кроме земледелия, и затраты которых оплачиваются производительным классом и классом собственников, в свою очередь получающих доходы от производительного класса».

Кенэ считал непроизводительный класс «бесплодным» классом. Этот класс не производит и не присваивает прибавочную стоимость. Источником его доходов является чистый продукт, создаваемый производительным классом и присваиваемый классом земельных собственников. На учении Кенэ об общественных классах лежит, конечно, печать его эпохи — периода формирования капиталистического способа производства в недрах феодализма. Существенным недостатком теории классов у Кенэ является то, что у него выпал действительно производительный класс — пролетариат.

Обращает на себя внимание также и то, что Кенэ отнюдь не считает класс земельных собственников «бесплодным» классом. Очевидно, здесь сыграли не последнюю роль соображения политического характера — нежелание ронять авторитет землевладельческой аристократии. Кенэ, конечно, дал ошибочную теорию классов буржуазного общества. Однако следует учесть историческую обстановку, в которой протекало творчество Кенэ, эпоху, когда классовые противоречия капитализма были еще в зачаточном состоянии. Заслуга Кенэ состоит в том, что он один из первых попытался вскрыть экономические основы разделения общества на классы. На своем учении о классах Кенэ базировал знаменитую «Экономическую таблицу».

«Экономическая таблица» Кенэ. В своей «Экономической таблице» Кенэ ставит целью наглядно изобразить, каким образом совокупный годовой продукт какой-нибудь страны (фактически речь идет о Франции) распределяется посредством процесса обращения между тремя классами: «производительным классом», «классом земельных собственников» и «бесплодным классом», —

чтобы процесс производства мог быть возобновлен в прежнем масштабе, т. е. чтобы могло совершаться простое воспроизводство этого продукта.

В основе таблицы Кенэ лежит ряд предпосылок. Предполагается, что во всей стране введена арендная система, а вместе с ней крупное земледелие. Образцом для Кенэ в этом отношении является ряд французских провинций. В качестве действительного руководителя земледелия выступает фермер. Он представляет в таблице весь производительный класс и выплачивает земельному собственнику ренту деньгами. Фермеры во всей массе являются владельцами основного капитала или инвентаря в размере десяти миллиардов ливров, на которые приходятся два миллиарда ливров оборотного капитала, ежегодно подлежащие возмещению. Основой этого расчета послужили для Кенэ наилучшие фермы некоторых провинций Франции. Для простоты анализа в таблице Кенэ предполагается, что цены остаются неизменными, а воспроизводство совершается в неизменном масштабе.

В таблице Кенэ принимается во внимание только обращение, происходящее между различными классами, и игнорируется всякое обращение, происходящее целиком в пределах одного класса. И, наконец, все покупки и соответственно все продажи, совершаемые в течение года различными классами, рассматриваются в качестве единой и совокупной суммы. Исходным пунктом периода производства является у Кенэ годовой урожай. Величина стоимости валового продукта составляет пять миллиардов ливров. Эта цифра, учитывая, конечно, состояние тогдашних статистических расчетов, базировалась на действительной денежной оценке валового земледельческого продукта Франции. Весь этот валовой продукт ценю в пять миллиардов ливров находится вначале в руках фермеров, которые произвели его путем израсходования годового оборотного капитала в два миллиарда, соответствовавшего основному капиталу в десять миллиардов.

Из общего урожая отделяются сельскохозяйственные продукты, жизненные средства, сырые материалы и т. д., которые требуются для возмещения оборотного капитала. Эта часть не вступает в обращение, поскольку она реализуется в пределах одного и того же класса, класса фермеров. По возмещении оборотного капитала из валового продукта остается избыток в три миллиарда, из которых два — заключаются в жизненных средствах, а один — в сырых материалах.

Класс земельных собственников выступает в роли получателя платежей. Согласно предположению Кенэ, земельные собственники получали четыре седьмых двухмиллиардной ренты, правительство — две седьмых, а получатели церковной десятины — одну седьмую. «Бесплодный» класс, распадающийся на капиталистов и наемных рабочих, в результате годового товарного производства обладает товарами стоимостью в два миллиарда. Эта совокупная цена товаров «бесплодного» класса складывается из цены сырья, рас-

ходуемого в течение всего года, а также цены жизненных средств, потребленных «бесплодным» классом в период превращения сырого материала в товары. Учитывая указанные выше предпосылки, экономическое положение трех различных классов в конце года представляется в следующем виде.

Производительный класс в результате возмещения своего оборотного капитала располагает еще валовым сельскохозяйственным продуктом в три миллиарда, а также двумя миллиардами денег. Класс земельных собственников претендует на ренту в два миллиарда, которая должна быть выплачена производительным классом. «Бесплодный» класс располагает на два миллиарда мануфактурными товарами. Процесс обращения, совершающийся между тремя классами, распадается, с одной стороны, на обращение, совершающееся между двумя из трех классов (неполное обращение), и обращение, совершающееся между всеми тремя классами (полное обращение).

Первое (неполное) обращение. Фермеры уплачивают земельным собственникам ренту в размере двух миллиардов ливров, ничего не получая взамен. На один из этих миллиардов земельные собственники покупают у фермеров жизненные средства. Таким образом, к фермерам обратно притекает половина денег, израсходованных ими на уплату ренты. Эти сделки между фермерами и земельными собственниками, следовательно, принимают следующий вид:

1) Ф.	...	С	...	2 млрд. ливров;
2) С.	...	Ф	...	1 » »
3) Ф.	...	С	...	1 » » (жизненные средства).

Анализируя процесс обращения совокупного годового продукта между различными классами, Кенэ не говорит ни о государстве, получающем две седьмых, ни о церкви, получающей одну седьмую ренты. Расходы же земельных собственников Кенэ характеризует как расходы в большей своей части бесплодные.

Второе (полное) обращение. На второй миллиард денег, полученный земельным собственником как части ренты от фермеров, земельные собственники покупают мануфактурные товары у «бесплодного» класса. «Бесплодный» же класс, в свою очередь, на эти деньги покупает у фермеров жизненные средства. Эти сделки между собственниками, промышленниками и фермерами можно представить в следующем виде:

1) С.	...	П	...	1 млрд. (деньги);
2) П.	...	С	...	1 млрд. (мануфактурные товары);
3) П.	...	Ф	...	1 млрд. (деньги);
4) Ф.	...	П	...	1 млрд. (жизненные средства).

В результате первого (неполного) обращения и второго (полного) обращения можно подвести следующие итоги:

1. Наличие у земельных собственников на 1 млрд. жизненных средств и на 1 млрд. мануфактурных изделий.
2. Наличие у «бесплодного» класса на 1 млрд. жизненных средств и на 1 млрд. мануфактурных товаров.
3. Реализация фермерами из избытка в три миллиарда, оставшегося по возмещении оборотного капитала из валового продукта двух миллиардов, заключавшихся в жизненных средствах. Таким образом, у фермеров имелись: один миллиард в сырых материалах и два миллиарда наличных денег в качестве эквивалента реализованных жизненных средств.

Третье (неполное) обращение. Фермеры покупают у «бесплодного» класса на 1 млрд. денег соответствующее количество мануфактурных товаров, состоящих из необходимых для сельского хозяйства средств производства. «Бесплодный» класс возвращает фермерам эти же деньги, причем он покупает на 1 млрд. сырья для возмещения своего оборотного капитала. Эти сделки между фермерами и «бесплодным» классом можно представить в следующем виде:

1) Ф.		П		1 млрд. (деньги);
2) П.		Ф		1 млрд. (мануфактурные то- вары);
3) П.		Ф		1 млрд. (деньги);
4) Ф.		П		1 млрд. (сырье).

Таким образом, в качестве итога всех актов обращения весь совокупный годовой продукт оказался реализованным между тремя классами. Следует также отметить, что из избытка в три миллиарда, который имеется в руках фермеров, по возмещении оборотного капитала из валового продукта земельным собственникам в качестве чистого продукта, в виде ренты уплачивается только два миллиарда. Третий миллиард избытка образует процент на весь основной капитал фермеров, десять процентов на десять миллиардов. Этот процент находится в их руках в натуральном виде, и реализуют его при посредстве обращения, превращая его этим путем в эквивалентные мануфактурные товары.

По мнению физиократов, присвоение фермерским классом той доли сельскохозяйственного прибавочного дохода, которую представляет процент, является необходимым условием воспроизводства. Эта составная часть не может быть причислена к категории национального «чистого продукта». В то время как «чистый продукт» идет в фонд потребления, указанный миллиардный фонд, образующий процент на весь основной капитал фермеров, согласно утверждениям Кенэ, служит для необходимого в течение года ремонта и частичного обновления основного капитала, в качестве резервного фонда, гарантирующего от несчастных случаев, для увеличения основного и оборотного капитала и, наконец, для улучшения почвы и расширения культуры сельского хозяйства.

«Экономическая таблица» Кенэ страдала рядом существенных недостатков и противоречий. Она была построена, как мы видели, на ошибочной теории «чистого продукта», на неправильном делении общества на классы. В этой таблице игнорировались противоречия капиталистического процесса производства. Однако это была первая замечательная попытка изобразить годовой процесс воспроизводства в целом.

К. Маркс следующим образом характеризует значение «Экономической таблицы» Кенэ: «...Это была попытка представить весь процесс производства капитала как *процесс воспроизводства*, а обращение — только как форму этого процесса воспроизводства; денежное обращение — только как момент обращения капитала; вместе с тем это была попытка включить в этот процесс воспроизводства происхождение дохода, обмен между капиталом и доходом, отношение между воспроизводительным и окончательным

потреблением, а в обращение капитала включить обращение между производителями и потребителями (в действительности — между капиталом и доходом); наконец, это была попытка представить в качестве моментов процесса воспроизводства обращение между двумя большими подразделениями производительного труда — между производством сырья и промышленностью, — и все это в одной «Таблице»... Эта попытка, сделанная во второй трети XVIII века, в период детства политической экономии, была в высшей степени гениальной идеей, бесспорно самой гениальной из всех, какие только выдвинула до сего времени политическая экономия»¹.

Итак, «Экономическая таблица» Кенэ, являясь обобщением всех элементов физиократической теории, анализировала стихийные закономерности, в силу которых воспроизводятся материальные условия воспроизводства, а также общественные классы, воспроизводятся вещи и соответствующие общественные отношения. Недостатки «Экономической таблицы» Кенэ — это недостатки физиократической теории в целом как одного из ранних этапов в истории развития экономической мысли.

Классовая природа физиократов. При рассмотрении теории физиократов, на первый взгляд, представляется, что она всячески превосходила, прославляла земельную собственность. Однако такой взгляд следует признать глубоко ошибочным. По существу их теория отрицает земельную собственность. В действительности физиократы были пропагандистами капиталистического производства. Они считали, что капиталистическое производство — вечная, естественная форма производства.

Исходным пунктом физиократической системы служит феодальный земельный собственник. В действительности земельный собственник у физиократов выступает как капиталист, присваивающий избыток стоимости над эквивалентом, которым была оплачена рабочая сила как товар. То, что физиократы рассматривали земельного собственника в качестве капиталиста, отнюдь не было случайностью. Такой взгляд на земельного собственника объясняется тем объективным фактом, что отделение работника от земли и земельной собственности представляет собой основное условие для капиталистического производства. Физиократы выдвинули требование о перенесении налогов исключительно на земельную ренту. Это тайло в себе возможность частичной конфискации земельной собственности государством — мероприятие, к которому стремилось законодательство французской революции.

Перенесение физиократами всех налогов на земельную ренту как на единственную форму прибавочной стоимости практически означало, что промышленность должна быть ограждена от бремени налогов. Более того, взгляды физиократов на такой узкий, как это кажется на первый взгляд, вопрос экономической политики, как налоговое обложение, логически приводили к далеко идущим

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 345.

выводам, что беспрепятственное развитие промышленности предполагает устранение всяческих монополий. Все это в конечном счете приводило к признанию, что капиталистическое производство должно быть предоставлено свободному, ничем не стесняемому действию стихийных экономических закономерностей. Правда, практические мероприятия, которые предлагали физиократы, они защищали под флагом интересов земельной собственности, а отнюдь не интересов промышленности. Однако одно дело — субъективные представления и намерения физиократов, а другое — объективное, не зависящее от их воли и сознания содержание их экономического учения.

Физиократическая система, несмотря на свою буржуазную сущность, носила феодальный облик. В самом деле, промышленные отрасли, в которых капитал раньше всего получил самостоятельное развитие, представляются этой системе в качестве простых придатков земледелия, «непроизводительными» отраслями труда. Вместе с тем, как мы видели, земельный собственник выступает в физиократической системе как лицо, присваивающее прибавочную стоимость. Далее, физиократы, как это указывалось выше, дали противоречивую трактовку категории прибавочной стоимости. Они выводили прибавочную стоимость не из специфических, исторически обусловленных производственных отношений, а из природы как ее дара. Этим самым физиократическая система отдавала дань той феодальной внешности, которая вообще для нее характерна.

Вместе с тем в чисто буржуазном духе физиократы рассматривали земельную ренту как избыток над заработной платой, т. е., по существу, сводили ренту к прибавочной стоимости и пытались объяснить прибавочную стоимость присвоением чужого труда на основе товарного обмена. То обстоятельство, что физиократы смотрели на земледелие как на отрасль производства, в которой имеет место только капиталистическое производство, т. е. производство прибавочной стоимости, отнюдь не было случайностью. Это объясняется тем, что отделение земельной собственности от труда, противопоставление земли свободному работнику в качестве самостоятельной силы, находящейся в руках особого класса, является первым условием развития капитала.

Таким образом, в физиократической системе ее специфические положения об исключительной производительности земледельческого труда, о земельной ренте как единственной форме прибавочной стоимости, о выдающемся положении земельных собственников находятся в органической связи с провозглашением свободы конкуренции, с принципом крупной промышленности, с капиталистическим производством.

Итак, физиократическая система представляла собой выражение развивающегося капиталистического общества, которое прокладывало себе путь в рамках феодализма. По меткому определению К. Маркса, у физиократов «...феодализм... приобретает

буржуазный характер, буржуазное общество принимает феодальную видимость»¹. Учение физиократов было фактически первой систематической концепцией капиталистического производства, несмотря на ее феодальную внешность. За феодальной видимостью физиократической системы скрывалась ее подлинная сущность — провозглашение буржуазного способа производства на развалинах отжившего феодального способа производства.

Дальнейшее развитие физиократических воззрений у Тюрго. Анн Роберт Жак Тюрго (1727—1781) был не только виднейшим представителем школы физиократов, но и крупным французским государственным деятелем. К. Маркс рассматривал Тюрго как радикального буржуазного министра, деятельность которого была «введением к французской революции». Тюрго в 1776 г. упразднил цехи; он освободил крестьян от дорожной повинности и пытался ввести единый налог на земельную ренту. По мнению К. Маркса, Тюрго является «одним из отцов французской революции».

По сравнению с Кенэ, у Тюрго физиократическая система приняла более развитый характер. Для Тюрго характерно наличие элементов более глубокого, чем у Кенэ, анализа капиталистических отношений.

Развивая учение Кенэ о классах, Тюрго как внутри промышленного класса, так и среди земледельческого класса различает предпринимателей-капиталистов и наемных рабочих. Рассматривая предпринимателей-капиталистов как часть промышленного класса, Тюрго характеризует их как обладателей «больших капиталов», которые применяются для «приобретения прибыли, давая работу за счет своих авансов». Что же касается рабочих, то они определяются Тюрго как люди, которые «не имеют ничего, кроме своих рук». По мнению Тюрго, рабочие «авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд», причем вся их «прибыль» сводится к «получению заработной платы»².

Анализируя земледельческие предприятия, Тюрго утверждает, что они могут приносить прибыль лишь в результате крупных затрат. Владельцы значительных капиталов, с целью извлечения дохода через обработку земли, вступают в арендные отношения с землевладельцами. По аналогии с фабрикантами эти предприниматели-арендаторы, кроме возмещения своих капиталов, т. е. своих предварительных и годовичных затрат, должны получить: «1) прибыль, равную доходу, который они могли бы получить со своим капиталом без всякого труда, 2) заработную плату, цену их труда, их риска, их искусства, 3) некоторую сумму, из которой они могли бы возмещать ежегодную утрату в вещах, употребляемых на их предприятии, павших животных, изношенные орудия и т. п.».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 21.

² А. Тюрго. Избранные экономические произведения. Соцэкгиз, 1961, стр. 129. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

Все это, по мнению Тюрго, должно быть вычтено из «цены продуктов земли». Избыток над указанными рубриками достается землевладельцу за предоставление права пользования землей. «Это — арендная плата, доход собственника, чистый продукт, ибо все то, что земля производит для возмещения авансов всякого рода и прибылей того, кто делает эти авансы, не может рассматриваться как доход, но только как возмещение издержек по возделыванию земли; ведь если бы земледelec не выручал этих издержек возмещения, он не стал бы затрачивать свои средства и свой труд на обработку чужих полей».

Анализируя заработную плату, Тюрго с большой решительностью подчеркивает ее тяготение к физиологическому минимуму получаемых рабочим жизненных средств. Тюрго утверждает, что рабочие вынуждены понижать цену своего труда, ибо, «имея выбор между значительным количеством работников, наниматель предпочитает того, кто соглашается работать за низкую цену». Ввиду наличия соперничества среди рабочих заработная плата рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для существования.

Заслугой Тюрго является глубокое понимание им вопроса о генезисе наемного труда. Образование класса наемных рабочих как в промышленности, так и в земледелии Тюрго объяснял отделением рабочего от условий труда, противостоящих ему как чуждая частная собственность противоположного класса. Освобождение рабочего от средств производства создает для него необходимость безвозмездно отдавать избыток, превышающий получаемую им заработную плату. Минимум необходимых жизненных средств, к которому тяготеет получаемая рабочим заработная плата, становится, таким образом, законом, который регулирует обмен между рабочим и собственником средств производства.

Из приведенных выше высказываний Тюрго видно, что, в отличие от традиционных воззрений физиократов, он выделяет прибыль на капитал в качестве особого вида дохода, в качестве самостоятельной экономической категории. Вместе с тем, рассматривая труд земледельца в качестве единственного вида труда, который производит больше того, что составляет оплату труда, Тюрго видел в прибыли лишь часть «чистого» продукта, часть ренты.

Существование прибыли Тюрго связывал с процентом, а процент — с рентой. Правомoрность денежного процента базируется, по мнению Тюрго, на той предпосылке, что денежный капиталист мог бы на определенную денежную сумму купить земельный участок и тем самым стать получателем ренты. Тюрго утверждает, что деньги, отданные в заем, должны приносить больший доход, сравнительно с доходом земель, приобретенных за тот же капитал, ибо «несостоятельность должника может привести его кредитора к потере своего капитала».

Что же касается денег, затраченных не на покупку, а на обработку земли, а также помещенных в фабрики и торговлю, то, по мнению Тюрго, они должны быть источником большего дохода, чем процент на деньги, отданные в заем. Кроме процента на свой капитал, предприниматель должен ежегодно получать «прибыль как вознаграждение за свои заботы, за свой труд, за свои таланты, за свой риск». Доход предпринимателя должен давать ему также средства, чтобы «возмещать ежегодные потери на своих авансах».

Выдвинув идею сравнительной доходности или прибыльности денег, обращенных на покупку земли, отданных в ссуду и затраченных на промышленные предприятия, Тюрго пытается установить известную связь между движением этих различных доходов. Он указывает, что неравные доходы владельцев капитала, притекающие из различных способов его употребления, имеют тенденцию к равновесию. Он пишет: «Различное употребление капиталов приносит, таким образом, весьма не равные (по количеству) продукты; но это неравенство не мешает им оказывать взаимное влияние друг на друга, так что между ними устанавливается своего рода равновесие....».

Свой тезис о тяготении различных видов дохода к равновесию Тюрго аргументирует следующим образом. Предположим, что происходит продажа земли в широких масштабах. Это приведет, очевидно, к понижению цены на землю, что вызовет повышение уровня процента; «владельцы денег предпочтут скорее скупать землю, чем отдавать их взаймы под проценты, не превышающие дохода от земель, которые они могут купить».

Повышение процента приведет к тому, что деньги не будут затрачены на обработку земли, промыслы и торговлю как на «дела более трудные и рискованные». «Одним словом, — резюмирует ход своих рассуждений Тюрго, — по мере того как прибыли, получающиеся из какого-либо употребления денег, увеличиваются или уменьшаются, капиталы вкладываются в одни дела и извлекаются из других, а это неизбежно изменяет в каждом из этих употреблений капитала отношение капитала к годовичному продукту».

Приведенные высказывания Тюрго свидетельствуют о том, что им была сделана попытка установить взаимосвязь между прибылью, процентом и рентой. А если мы учтем высказывания Тюрго о закономерностях движения заработной платы, то это была первая в экономической науке попытка анализа движения доходов трех классов буржуазного общества. Однако эта попытка не увенчалась успехом, она оказалась неудачной и теоретически ошибочной. Тюрго дал совершенно превратную характеристику отношения между прибылью и процентом. Его рассуждения о тенденции доходов капиталистического общества к равновесию базировались на исходных ошибочных позициях физиократизма

о том, что прибавочная стоимость создается в одной лишь отрасли материального производства — сельском хозяйстве. Тем не менее Тюрго принадлежит заслуга самой постановки вопроса о взаимосвязи различных видов дохода в условиях капитализма.

Классики марксизма дали высокую оценку научно-государственной деятельности Тюрго. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, Тюрго был учителем Адама Смита и «...великим человеком, ибо он соответствовал своему времени...»¹ в недрах феодальной Франции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 530.

Глава IV

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ АДАМА СМИТА

Адам Смит родился в 1723 г. в шотландском городке Киркальди. Получив среднее образование, он поступил в Глазговский университет. Учился А. Смит также и в Оксфордском университете. В течение 1751—1764 гг. он состоял профессором в Глазговском университете и занимал кафедру нравственной философии. В 1759 г. А. Смит выпустил в свет книгу «Теория нравственных чувств», в которой он подвел итоги своим научным занятиям за указанный период профессорской деятельности.

В 1764 г. А. Смит по собственному желанию отошел от профессорской деятельности и стал воспитателем герцога Берклея. Выполняя работу воспитателя, А. Смит свыше двух лет провел во Франции. В Париже он познакомился с физиократами Кенэ и Тюрго, а также с другими видными представителями французской науки.

В 1768 г. А. Смит вернулся в свой родной город Киркальди и посвятил себя целиком творческой работе в области политической экономии. В 1776 г. вышел в свет знаменитый труд А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», доставивший ему мировую известность. Умер А. Смит в 1790 г.

А. СМИТ КАК БУРЖУАЗНЫЙ ИДЕОЛОГ И ЭКОНОМИСТ МАНУФАКТУРНОГО ПЕРИОДА

Адам Смит рассматривал человеческое общество как меновой союз, своими корнями уходящий в свойства человеческой природы. Решающим признаком человеческой природы он считал склонность к «торговле, к обмену одного предмета на другой»¹.

¹ А. С м и т. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, 1935, стр. 16. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

А. Смит исходил из той предпосылки, что при оказании друг другу взаимных услуг люди руководствуются соображениями выгоды, эгоистическими интересами. Стремление к выгоде отдельной личности совпадает с интересами всего общества. Эту мысль А. Смит конкретизирует применительно к капиталистической хозяйственной деятельности. Адам Смит рассматривал капиталистическое производство как хозяйственный режим, где существует постоянная тенденция к равенству выгод в условиях различных применений труда и капитала. Указанная тенденция осуществляется благодаря переливу труда и капитала из одной отрасли в другую.

Несмотря на то что Адам Смит конечную основу человеческого общества видит в вечной, неизменной природе человека, он тем не менее считал фактором, определяющим человеческое общество, обмен различных видов труда друг на друга, т. е., по существу, совокупный, общественно разделенный человеческий труд. Продолжая традиции, идущие от Вильяма Петти и физиократов, А. Смит рассматривал экономические явления как закономерные, стихийно развивающиеся процессы, не зависящие от воли и сознания людей.

Исходя из своих общих воззрений на экономические явления как на продукт объективных законов, А. Смит ратовал за то, чтобы свободная игра хозяйственных сил не нарушалась вмешательством экономической политики государства. Будучи принципиальным сторонником режима свободной конкуренции, свободной торговли, Адам Смит отрицательно относился ко всякого рода монополиям как в сфере труда, так и капитала. Только на путях свободной конкуренции капитализм сумеет, по мнению А. Смита, глашатая революционной буржуазии, развернуть все присущие ему потенции в деле роста производительных сил и распространения всеобщего благоденствия среди всех слоев общества.

По мнению А. Смита, капитализм представлял собой самый производительный способ производства по сравнению с предшествовавшими ему стадиями общественного развития.

МЕТОДОЛОГИЯ СМИТА

Положив в основу своих воззрений на капиталистическое общество ошибочный взгляд на природу человека, А. Смит был обречен на непонимание исторически преходящего характера буржуазного способа производства и соответствующих ему экономических категорий. Смит рассматривал экономические категории в качестве вечных, а не исторических законов.

Кроме антиисторичности, метафизичности для методологии А. Смита характерен своеобразный дуализм, двойственность, ко-

торая кладет печать непоследовательности, противоречивости на все рассматриваемые им проблемы политической экономии. Характеризуя сильную и слабую стороны методологии А. Смита, К. Маркс писал: «Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому науке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем»¹. «...Оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат»².

К. Маркс подчеркивал, что этот дуализм в методологии А. Смита имел свое оправдание, так как А. Смит ставил перед собой две цели. С одной стороны, он хотел проникнуть во «внутреннюю физиологию буржуазного общества», с другой стороны, он хотел описать «жизненные формы» капитализма, проявляющиеся внешним образом, реализующиеся на поверхности явлений. Указанная двойственность методологии Смита пронизывает всю его экономическую систему.

УЧЕНИЕ СМИТА О РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА

Исключительную роль, которую отводит Смит разделению труда, характеризует его как экономиста мануфактурного периода. Подвергая исследованию значение разделения труда как производительной силы, Адам Смит исходил из предпосылки, что «годовой труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты...». Рассматривая факторы, определяющие количество продуктов, которыми располагает данный народ, Смит указывает, во-первых, на искусство, умение и сообразительность, с какими применяется труд, и, во-вторых, на число лиц, занятых полезным трудом. Подчеркивая решающую роль первого условия, т. е. производительности труда, А. Смит вместе с тем указывает на значение разделения труда как причины, стимулирующей ее рост.

Разделение труда, как утверждает Смит, повышает производительную силу труда в результате, во-первых, увеличения ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, сбережения времени, которое обыкновенно теряется при переходе от одного вида

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 177.

² Там же.

труда к другому; и, наконец, изобретения машин, облегчающих и сокращающих труд.

В высказываниях А. Смита ценным является указание на то, что разделение труда в мануфактуре знаменует собой порождение новой, возросшей производительной силы. Хотя А. Смит и начинает свой труд апофеозом разделения труда, он вместе с тем ярко раскрывает вредные последствия разделения труда, осуждает их. Так, рисуя тупость частичного рабочего, он писал: «Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций..., не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность...». Чтобы противодействовать губительным последствиям разделения труда, обрекающим народную-массу на физическую и умственную деградацию, Адам Смит рекомендует государственную организацию народного образования, впрочем, как отмечает К. Маркс, в самых осторожных, гомеопатических дозах. Уделяя в своих трудах внимание мануфактуре, разделению труда, Смит отводит машине лишь второстепенную роль.

Смит склонен был трактовать разделение труда как внеисторическую категорию. Так, по мнению Смита, разделение труда представляет собою предпосылку лишь буржуазного производства. Более того, Смит, говоря о причине, вызывающей разделение труда, писал, что разделение труда «представляет собою следствие... склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой». Не говоря уже о том, что у Смита отношение между разделением труда и обменом рассматривается ошибочно, Смит увековечивал категорию разделения труда, ибо он не мыслил ее вне частного обмена, обмена товаров.

Для взглядов Смита на разделение труда характерно также и то, что он, по существу, смешивал разделение труда внутри мануфактуры с общественным разделением труда. Смит утверждал, что общественное разделение труда отличается от разделения труда внутри мануфактуры лишь субъективно, для наблюдателя, который в мануфактуре одним взглядом охватывает различные частичные работы, объединенные пространственно, тогда как в общественном производстве связь эта затемняется благодаря разбросанности его отдельных отраслей на значительном пространстве и благодаря большому числу рабочих, занятых в каждой отрасли.

Смит рассматривал общественное разделение труда вообще лишь с точки зрения разделения труда внутри мануфактуры, как средство, позволяющее с тем же количеством труда производить больше товаров, удешевлять товары и тем самым ускорять накопление капитала. Вообще для воззрений Смита на разделение труда характерно подчеркивание количественной стороны дела, при игнорировании качественных особенностей разделения труда в различных исторических условиях.

Происхождение и употребление денег Смит связывал с ростом разделения труда и развитием обмена. Он указывал, что с повсеместным распространением разделения труда значительная часть потребностей людей может быть удовлетворена в результате обмена излишков продуктов их труда. Однако при зарождении разделения труда возможность обмена наталкивалась на большие затруднения. Для иллюстрации этого положения Смит приводит следующий пример.

Мясник имеет в своей лавке больше мяса, чем он сам может потребить, а пивовар и булочник охотно купили бы каждый часть этого мяса. Однако мясник уже запасся тем количеством хлеба и пива, которое ему нужно в ближайшее время. В таком случае между ними обмен не может состояться. «В целях избежания таких неудобных положений каждый разумный человек на любой ступени развития общества после появления разделения труда естественно должен был стараться так устроить свои дела, чтобы постоянно, наряду с особыми продуктами своего собственного промысла, иметь некоторое количество такого товара, который, по его мнению, никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла».

Таким образом, деньги не являются ни следствием творческой деятельности выдающихся личностей, ни результатом соглашений, договорных отношений между людьми. Они являются продуктом стихийного, объективного процесса развития общества, приведшего в конечном счете к выделению из всей товарной массы специфического товара в качестве денег. Полагая, что в разных исторических условиях различные товары завоевывали монополистическую роль денежного товара, Смит приходит к выводу, что у всех цивилизованных народов деньги стали всеобщим орудием торговли.

В учении Смита о деньгах ценным является понимание того, что деньги являются товаром. Однако сущности денег Смит не понимал.

Смит видел в деньгах только вещь, лишь техническое средство, облегчающее меновой процесс. Под деньгами Смит понимал «великое колесо обращения.., великое орудие обмена и торговли». Выделив в качестве решающей функции денег ее функцию как средства обращения, Смит не проводил различия между металлическими деньгами и бумажными деньгами. Более того, он склонен был отдавать предпочтение бумажным деньгам перед металлическими, ввиду сравнительной дешевизны бумажных денег.

При всех недостатках теории денег Смита его взгляд на деньги как результат действия стихийных сил обмена, его трактовка денег как товара представляют собой серьезное достижение экономической науки рассматриваемого периода.

Существенным разделом экономической теории А. Смита является его учение о товаре. «...Слово «стоимость», — писал Смит, — имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-нибудь предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую — меновой стоимостью». Таким образом, Смит различал в товаре его потребительную стоимость и меновую стоимость. Однако Смит исходил в своем анализе из двух различных значений слова «стоимость». Смит не понимал двойственной природы товара в виде реального объективного единства противоположностей потребительной стоимости и стоимости. В отличие от своих предшественников Смит провозглашает труд вообще, в его общественно совокупном виде, единственным источником вещественного богатства или потребительных стоимостей. А это приводило к тому, что он совершенно упускал из вида элемент природы.

Итак, Смит видел в труде единственный источник стоимости. Однако, если для Смита наиболее характерным является определение стоимости исключительно только количеством необходимого труда, он в своем анализе товара колеблется между различными определениями меновой стоимости. С одной стороны, он определяет стоимость товаров количеством труда, необходимого для их производства; с другой стороны, он определяет стоимость товаров тем количеством живого труда, на которое может быть куплен товар. Наличие указанного противоречия в определении меновой стоимости товаров у Смита и его переход от одного объяснения к другому имеют под собой глубокую основу. В самом деле, предположим, что все работники являются товаропроизводителями, которые производят и продают свои товары. При таких обстоятельствах, т. е. в условиях простого товарного производства, если товары продаются по стоимости, «стоимость труда» могла бы играть роль меры стоимости совершенно так же, как и содержащееся в товаре количество труда.

Однако в условиях капиталистического производства имеет место прямо противоположное явление. Определенное количество овеществленного в товаре труда получает в свое распоряжение большее количество труда, чем то, которое содержится в самом товаре. И вот Смит, который совершенно правильно положил в основу своего анализа обмен товаров между товаровладельцами, обнаруживает, что в обмене между капиталом и наемным трудом общий закон, определяющий обмен товаров, теряет свою силу. В результате своего анализа А. Смит приходит к выводу, что в условиях капитализма рабочее время перестает быть имманентной мерой, регулирующей меновую стоимость товаров. Таким образом, Смит чувствовал, что обмен между капиталом и трудом покоится на принципах противоположных и противоречащих за-

кону обмена товаров, что с накоплением капитала и возникновением частной собственности происходит кажущееся превращение закона стоимости в свою противоположность.

Заслуга Смита в том, что он чувствует и подчеркивает указанное противоречие. Однако он не понимает, как оно возникает. Смит остались непонятными промежуточные звенья в анализе, которые необходимы для того, чтобы исследовать то специфическое развитие, которое претерпевает закон стоимости с возникновением капитала. Это противоречие было объяснено К. Марксом. Итак, мы видим, Смит сформулировал две теории стоимости: 1) стоимость определяется затраченным трудом, 2) стоимость определяется трудом покупаемым. Однако у Смита, наряду с изложенными теориями стоимости, имеются еще две теории стоимости, которые он рассматривает, подвергая анализу составные элементы цены товаров.

Переходя к вопросу о составных частях цены товаров, Адам Смит различает «общество первобытное и мало развитое», предшествовавшее накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность, и капиталистическое производство. В этом, так называемом «первобытном обществе», которое, по существу, представляет собой простое товарное производство, по мнению Смита, «весь продукт труда принадлежит работнику, и количество труда, обыкновенно затрачиваемого на приобретение или производство какого-нибудь товара, представляет собою единственное условие, определяющее количество труда, которое может быть куплено, приобретено в распоряжение или обменено на него».

Картина меняется с переходом к капиталистическому производству, когда «стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама в этом случае на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая — на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы».

Кроме указанных частей стоимости, Смит в качестве третьей составной части цены рассматривает ренту, ибо при наличии частной собственности на землю работник «должен отдавать землевладельцу часть того, что собирает или производит его труд». Следовательно, по мнению Смита, стоимость, произведенная в капиталистических условиях, распадается на заработную плату, прибыль и ренту, или, по терминологии К. Маркса, на $v + m$. Рассматривая составные части стоимости товара, Смит игнорирует c — постоянный капитал, и это представляет собой порок анализа теории стоимости у Смита. Однако положительным является то, что Смит рассматривает стоимость как овеществленный затраченный труд и устанавливает примат стоимости над доходами. Доходы трактуются как составные части стоимости.

После того как Смит рассмотрел заработную плату, прибыль и ренту как составные части стоимости, он заявляет: «Заработная

плата, прибыль и рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости. Всякий иной доход в конечном счете получается из одного или другого из этих источников». Заработная плата, прибыль и рента, конечно, являются источниками дохода для их получателей. Однако, насколько это верно, настолько ложно то, что они являются «точно так же тремя первичными источниками всякой меновой стоимости», ибо стоимость товара определяется исключительно содержащимся в ней рабочим временем. Итак, взгляды А. Смита по вопросу о соотношении между стоимостью и доходами характеризуются своей двойственностью, противоречивостью. Смит стоимость товара то разлагает на доходы, то он ее слагает из доходов. Переплетение у Смита научной и вульгарной теории стоимости своими корнями уходит в особенности дуализма его методологии.

УЧЕНИЕ СМИТА О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

В качестве первой ступени исследования категории заработной платы у Смита следует признать анализ этой категории в условиях «первобытного состояния общества», т. е. простого товарного производства. Смит стоит на той точке зрения, что «заработная плата» существует и в простом товарном производстве, причем в этих условиях она равна всему продукту труда работников. Смит, конечно, прав, когда он утверждает, что в условиях простого товарного производства рабочий получает полный продукт своего труда. Однако он глубоко ошибался, полагая, что «заработная плата» мыслима и при отсутствии наемного труда и капитала. Заработная плата как форма распределения предполагает наемный труд и капитал в качестве агентов производства.

Переходя к рассмотрению капиталистического производства, Смит выдвигает понятие средней заработной платы, которое он воспринял от физиократов, получившее у него название «естественной цены» заработной платы. При исследовании последней руководящей нитью Смицу служила «естественная цена» средств к жизни, необходимых для их производства. Смит утверждал, что заработная плата должна, как правило, несколько превышать уровень, достаточный для возможности существования человека. В противном случае рабочему «было бы невозможно содержать семью, и раса рабочих вымерла бы после первого поколения».

В данной трактовке заработной платы А. Смит видит в ней, в сущности, по сравнению с «заработной платой» при простом товарном производстве лишь количественное различие. Смит, таким образом, не понимает качественного своеобразия заработной платы, ее специфики как категории, присущей лишь капиталистическому производству. Однако в указанном понимании заработ-

ной платы Смит исходит из правильного определения стоимости содержащимся в ней рабочим временем, из правильной идеи о примате стоимости над доходами.

Но как только Смит сходит с этого верного пути, он вступает в прямое противоречие с законом стоимости. Наряду с определением «естественной цены» средств к жизни рабочим временем, необходимым для их воспроизводства, Смит определяет ее также «естественной ценой» заработной платы. Получается порочный круг, выбраться из которого не помогают, конечно, и рассуждения о законе спроса и предложения. «Размер обычной заработной платы зависит, — утверждает А. Смит, — повсюду от договора между... обеими сторонами, интересы которых отнюдь не тождественны. Рабочие хотят получить возможно больше, а хозяева хотят давать возможно меньше. Первые стараются сговориться для того, чтобы поднять заработную плату, последние же — чтобы ее понизить».

«Естественная цена», или цена, соответствующая стоимости товара, тогда именно и должна иметь место, когда спрос и предложение покрывают друг друга, т. е. когда цена товара не отклоняется вверх или вниз от его стоимости вследствие колебаний спроса и предложения. Рассматривая заработную плату как цену труда рабочего, Смит скатывается на вульгарную трактовку заработной платы, которая стирает следы присвоения капиталистом неоплаченного труда рабочих. Эта трактовка Смитом заработной платы находится в соответствии с его вульгарной теорией стоимости, согласно которой стоимость создается доходами, а заработная плата является одним из источников стоимости.

Смит был принципиальным сторонником высокой заработной платы. Он настаивал на том, что улучшение положения «низших слоев народа» является выгодным для общества. Смит обосновывал необходимость повышения заработной платы, исходя из принципа материальной заинтересованности, стимулирования роста производительности труда. Он писал, что «при наличии высокой заработной платы мы всегда найдем рабочих более деятельными, прилежными и смысленными, чем при низкой заработной плате». Переходя к вопросу о закономерностях движения заработной платы, Смит различает три группы стран: прогрессирующее состояние общества, когда заработная плата растет, положение рабочих становится более счастливым и благоприятным; регрессирующее его состояние, когда заработная плата падает и положение рабочих становится все более плачевным; стационарное состояние общества, когда заработная плата остается неподвижной, а положение рабочих является тяжелым, лишенным радостей.

Наряду с зависимостью заработной платы от роста богатства Смит вместе с тем подчеркивает связь между заработной платой и движением народонаселения. Высокая оплаты труда, считал Смит, будучи следствием возрастания богатства, вместе с тем является причиной возрастания населения. Высокая заработная

плата имеет тенденцию расширять пределы размножения, причем это расширение происходит в соответствии с размерами спроса на труд.

Если этот спрос непрерывно возрастает, что возросшая плата имеет тенденцию стимулировать размножение среди рабочих. Если заработная плата в какой-либо момент опустится ниже того уровня, который требуется для осуществления указанной тенденции, то недостаток рабочих рук вскоре ее повысит. А если заработная плата поднимается выше указанного уровня, то чрезмерное размножение понизит ее до необходимой нормы. «...Спрос на людей, как и спрос на всякий иной товар, необходимо регулирует производство людей, — ускоряет его, когда оно идет слишком медленно, задерживает, когда оно происходит слишком быстро».

Закон народонаселения, который развивал Смит, конечно, был не состоятелен. Смит рассматривал движение населения при капитализме, игнорируя его специфические особенности в условиях данной общественно-экономической формации. Вместе с тем трактовка данного вопроса у Смита отличалась от мальтузианской. Если Мальтус делал упор на неизбежность нищеты при капитализме и ратовал за «воздержание» рабочих, то Смит был сторонником высокой заработной платы и роста населения. При всем отличии теории народонаселения Смита от теории народонаселения Мальтуса, первая также страдала коренным пороком — антиисторичностью, метафизической точкой зрения. В своей теории заработной платы Смит игнорировал значение всеобщего закона капиталистического накопления.

УЧЕНИЕ О ПРИБЫЛИ (ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ) У СМИТА

В анализе прибавочной стоимости Смит сделал большой шаг вперед по сравнению с физиократами. Смит распространил понятие прибавочной стоимости на все сферы общественного труда. У Смита прибавочная стоимость есть не что иное, как часть труда, которую собственники вещественных условий труда присваивают себе в процессе обмена с живым трудом. Прибавочную стоимость как продукт прибавочного труда Смит рассматривает как всеобщую категорию. У него земельная рента, прибыль и процент представляют собой только различные формы прибавочной стоимости.

Смит правильно рассматривал промышленную прибыль как форму, в которой прибавочная стоимость первоначально присваивается капиталом, как всеобщую форму прибавочной стоимости. В проценте же и земельной ренте он видел лишь ответвления промышленной прибыли, которые приходятся на долю различных классов, являющихся таким образом совладельцами прибавочной стоимости. В то же самое время Смит еще не отделил прибавоч-

ную стоимость в виде особой категории от тех особенных форм, которые она принимает в виде прибыли и земельной ренты, что породило ряд недостатков и ошибок в исследованиях Смита. В трактовке Смита та часть капитала, которая состоит из сырья и орудий труда, не имеет никакого непосредственного отношения к созданию прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость возникает непосредственно только из той части капитала, которая затрачена на заработную плату как единственной части капитала, которая не только воспроизводит себя, но и производит «избыток».

Смит связывает происхождение прибыли с появлением запасов, капиталов в распоряжении отдельных лиц, которые нанимают рабочих, снабжая их средствами производства и жизненными средствами. По Смицу, следовательно, прибыль обязана своим происхождением капиталистическому производству, которое начинается с того момента, когда условия труда и рабочая сила концентрируются на противоположных полюсах. По мысли Смита, у капиталиста не было бы никакого интереса нанимать рабочих, если бы «он не мог рассчитывать получить от продажи изготовленных ими произведений что-нибудь сверх суммы, достаточной лишь на возмещение его капитала; точно так же он не был бы заинтересован затрачивать больший капитал, а не меньший, если бы его прибыли не соответствовали величине употребленного в дело капитала». Таким образом, Смит отчетливо заявляет, что прибыль представляет собой часть стоимости, созданной рабочими, что она представляет собой вычет из труда рабочих, который капиталист в овеществленной форме продукта продает, хотя и не оплатил его.

Следовательно, по Смицу, получается, что прибыль капиталиста как продукт неоплаченной части труда рабочих возникает потому, что обмен товаров происходит на основе закона стоимости. Тем самым Смит сам опровергает свою мысль о том, что если рабочему не принадлежит весь продукт его труда и он вынужден стоимость этого продукта делить с собственником капитала, то этим устраняется закон, по которому обмен товаров происходит в соответствии с количеством воплощенного в них рабочего времени. Тем самым Смит вступает в противоречие со своим взглядом, что при обмене между овеществленным трудом и живым трудом вносится изменение в определение стоимости товара. А. Смит, следовательно, вступает в противоречие со своим утверждением о том, что в условиях капитализма закон стоимости оказывается недействительным. Рассматривая прибыль как результат присвоения неоплаченного чужого труда, Смит опровергает ложный взгляд, что прибыль на капитал представляет своеобразную заработную плату за выполнение функции руководства и управления предприятием.

Смит утверждал, что «прибыль совершенно не похожа на заработную плату, она устанавливается совсем на иных началах и

не стоит ни в каком соответствии с количеством, тяжестью или сложностью этого предполагаемого труда по надзору и управлению»; что прибыль «определяется вообще стоимостью употребленного в дело капитала и бывает больше или меньше в зависимости от размеров этого капитала». Смит резонно заявляет, что размер прибыли в разнообразных мануфактурах может быть различен, между тем как труд по надзору и управлению предприятием может быть одинаков. В заработной плате главного служащего или управляющего выражается, по мысли Смита, «стоимость труда по надзору и управлению... А владелец... капитала, хотя он оказывается... освобожденным от всякого труда, все же ожидает, что прибыль будет соответствовать размерам его капитала».

Апологетической точке зрения на прибыль как заработную плату за надзор и управление предприятием Смит со всей отчетливостью противопоставляет противоположный взгляд на происхождение прибыли как на вычет из продукта труда рабочих. Однако Смит не видел в прибыли поверхностной формы проявления скрытой в ней сущности — прибавочной стоимости.

Хотя Смит по сути дела и рассматривает прибавочную стоимость, он, однако, не представляет ее в форме определенной категории, отличной от ее особых форм. Более того, он прямо смешивает, не вводя никаких промежуточных звеньев, прибавочную стоимость с ее формой, прибылью. Так, например, наряду с трактовкой прибавочной стоимости как избытка, который возникает исключительно из капитала, затраченного на заработную плату, Смит в то же время рассматривает этот избыток в форме прибыли, т. е. как избыток над всей суммой капитала, затраченного на заработную плату и сырье. Смит утверждает, что прибыль в общем определяется стоимостью употребленного в дело капитала и бывает большей или меньшей в зависимости от размера этого капитала.

Пропорциональность прибыли величине авансированного капитала на первый взгляд противоречит закону прибавочной стоимости, согласно которому прибавочная стоимость выражает лишь неоплаченный, прибавочный труд рабочих. Однако Смит не имеет даже самого отдаленного представления о возникающем здесь противоречии и смешивает прибавочную стоимость с прибылью, игнорируя тем самым и не понимая, какие промежуточные звенья ведут от прибавочной стоимости как абстрактной категории к прибыли как категории более конкретной. Все это свидетельствует о недостаточности у Смита теоретического понимания, необходимого для исследования различных форм экономических отношений.

Итак, Смит рассматривает прибыль как вычет из продукта труда рабочего. Такой взгляд на прибыль, который раскрывает ее эксплуататорскую природу, находится в соответствии с его научной теорией стоимости, с определением стоимости затрачен-

ным трудом, с проводимой им идеей примата стоимости по отношению к доходам. Однако Смит одновременно рассматривает прибыль как составную часть издержек производства, как вознаграждение капиталиста за примененный капитал, как оплату его предпринимательской деятельности. В своих воззрениях на прибыль как на элемент издержек производства Смит скатывается к точке зрения, что повышение прибыли приводит к повышению стоимости продукта, не отражаясь на величине заработной платы. Эта вульгарная трактовка прибыли у Смита находилась в соответствии с его вульгарной теорией стоимости, с определением стоимости доходами. Наличие у Смита дуализма в трактовке прибыли объясняется дуализмом в его методологии.

В тесной зависимости от теории прибыли Смита находились и его воззрения на процент. Смит рассматривает ссудный процент — «процент с денег» — как производный доход, который выплачивается либо из прибыли, либо из какого-либо иного источника дохода, т. е. или из земельной ренты, или заработной платы. В трактовке Смита, за исключением случая, когда процент уплачивает заемщик из своего собственного или чужого капитала, и того случая, когда процент является вычетом из заработной платы, процент представляет собой часть прибыли или ренты. Процент является лишь формой прибавочной стоимости, он выражает собой не что иное, как часть неоплаченного прибавочного труда. Теория процента Смита была для своего времени прогрессивной. Его утверждения, что средняя норма процента определяется средней нормой прибыли, что процент представляет собой вычет из продукта труда рабочего, находились в соответствии с его стремлением за поверхностью капиталистической действительности вскрыть ее внутренние закономерности.

ТЕОРИЯ РЕНТЫ СМИТА

Смит выделял ренту в качестве исключительного дохода землевладельца, отличного от прибыли или процента на капитал. Подвергая критике точку зрения, что рента представляет собой лишь «умеренную» прибыль или процент на капитал, затраченный землевладельцем на улучшение земли, Смит утверждает, что землевладелец стремится получить ренту и за земли, подвергавшиеся улучшению. Что касается процента или прибыли на капитал, то обычно они представляют собой надбавку к этой первоначальной ренте. Улучшения эти, по мнению Смита, не всегда производятся на средства землевладельца, нередко их делает арендатор. «Однако при возобновлении арендного договора землевладелец обычно требует такого увеличения ренты, как будто все эти улучшения были произведены за его счет. Он иногда требует ренту за то, что вообще не поддается улучшению посредством человеческих усилий».

Таким образом, Смит отделяет ренту от арендной платы и доказывает, что рента никакого отношения к затратам капитала на улучшение земли не имеет. По вопросу об источнике происхождения земельной ренты мы у Смита встречаем нагромождение ряда теорий. В своем научном варианте теории ренты, базирующемся на учении о стоимости, Смит раскрывает ее эксплуататорскую природу. В качестве одного из вещественных условий труда, отнятых у трудящихся и потому противостоящих им в качестве чужой собственности, Смит наряду с капиталом рассматривает землю. Смит указывает, что с превращением земли в частную собственность работник вынужден «отдавать землевладельцу часть того, что собирает или производит его труд», что земельный собственник «требует долю почти со всякого продукта, который работник может взрастить на этой земле или собрать с нее». Эту часть или цену этой части Смит называет земельной рентой.

Таким образом, подобно промышленной прибыли, земельная рента представляет собой, по А. Смиту, вычет из продукта труда, который был затрачен на обработку земли. Поскольку весь прибавочный труд непосредственно присваивается капиталистом, который противостоит труду и вынужден прибавочную стоимость делить с собственником земли или работодателем капитала, Смит, по сути дела, понимает ренту и как «вычет из прибыли».

В прямую противоположность со взглядом, что рента представляет собой вычет из продукта труда, Смит склонен видеть в ренте также вознаграждение землевладельца за предоставление права пользоваться землей. Эта вульгарная точка зрения находится в полном соответствии с его ненаучной точкой зрения на стоимость, которая якобы образуется из доходов, и одним из доходов, конституирующих стоимость, является земельная рента. Не лишено интереса также то, что одним из вариантов теории ренты Смита является взгляд на нее как на порождение монопольной цены. А. Смит пишет: «...Земельная рента, рассматриваемая как плата за пользование землей, естественно, представляет собой монопольную цену». Смит, конечно, прав, что в цене сельскохозяйственных продуктов имеется элемент монополии. Однако у Смита эта монопольная цена лишена стоимостной основы и, по существу, выступает как порождение сферы обращения.

В воззрениях А. Смита на ренту встречаются также и элементы физиократической теории. Так, например, он писал, что рента есть «произведение природы, которое остается за вычетом и возмещением всего того, что можно считать произведением человека». Отдавая предпочтение земледелию по сравнению с мануфактурами, Смит указывал, что в земледелии равновеликий капитал не только приводит в движение большее количество производительного труда, но он также добавляет «в отношении к количеству применяемого им производительного труда гораздо большую стоимость к годовому продукту земли и труда страны,

действительному богатству и доходу ее жителей». Смит рассматривал сельскохозяйственное производство как самую выгодную для общества сферу применения капитала.

Наличие такого рода высказываний у Смита, для него отнюдь не характерных, объясняется историческими условиями, в которых протекала его деятельность. Физиократическое наслоение во взглядах Смита отражает предысторию крупной промышленности. Если в земледелии силы природы применяются в крупных масштабах для процесса производства раньше, чем во всех других отраслях производства, то применение сил природы в промышленности предполагает более высокую ступень развития производительных сил. Таким образом, теория ренты Смита представляет собой соединение нескольких вариантов — научного и вульгарных. Научный вариант теории ренты Смита, раскрывающий эксплуататорскую сущность этой категории, получил свое дальнейшее развитие в теории ренты Д. Рикардо.

СМИТ ОБ ОСНОВНОМ И ОБОРОТНОМ КАПИТАЛЕ

Смит утверждал, что когда запасы, которыми владеет человек, количественно ограничены, то они не могут быть источниками какого-нибудь дохода. В этом случае доход получается исключительно от затраченного труда. При наличии у человека запасов на сравнительно длительный отрезок времени он старается извлекать доход из большей части этих запасов, предназначая остальную их часть на роль фонда непосредственного потребления.

Смит пишет: «Та часть, от которой он (т. е. данное лицо. — Авт.) ожидает получить доход, называется его капиталом. Другая часть, это — та, которая идет на непосредственное его потребление; она состоит, во-первых, из той части всего запаса, которая первоначально отложена для этой цели; во-вторых, из его дохода, независимо от источника последнего, по мере его поступления и, в-третьих, из тех предметов, которые были куплены на ту или другую часть запаса в предыдущие годы и которые еще полностью не потреблены; таковы запасы одежды, домашней утвари и т. п. В том или другом или во всех этих трех видах состоят те запасы, которые люди обычно сохраняют для своего собственного непосредственного потребления». Таким образом, Смит понимает под капиталом запасы, предназначенные для дальнейшего производства.

Смит неправ, утверждая, что на ранних ступенях общественного развития вообще не было запасов и что запасы делятся на две основные части: на часть, предназначенную на непосредственное потребление и не приносящую дохода или прибыли, а также на часть, которая приносит доход или прибыль. Смит ошибочно полагал, что образование запаса является одной из характерных

особенностей лишь капиталистического производства. Он воображал, что образование запаса вытекает лишь из превращения продукта в товар и потребительного запаса в товарный запас. По Смиту, получалось, что там, где производство непосредственно направлено на удовлетворение потребностей, не существует вообще никакого запаса.

В данном вопросе Смит смешивал, по существу, исторически определенную форму запаса с самим запасом, что свидетельствовало об ограниченности его буржуазного кругозора. Ту же метафизическую, внеисторическую точку зрения Смит проводил в своем определении капитала как запасов, предназначенных для дальнейшего производства. Смит рассматривал вещественные формы существования капитала — инструменты, сырье — в том виде, в каком они являются элементом процесса труда вообще, в отрыве от общественных условий, в которых они выступают в капиталистическом производстве.

Вместе с тем нельзя не отметить наличия у Смита проблесков историзма в трактовке категории капитала, наличия в зачаточном виде взгляда на капитал как на производственное отношение. Так, например, Смит рассматривал капитал как силу, которая командует над трудом. Смит считал, что в так называемом «первобытном состоянии общества», т. е. в условиях простого товарного производства, капитала не существует. Капитал, по Смиту, возникает на более поздней стадии исторического развития и знаменует собой присвоение отдельными лицами части продуктов чужого труда. Однако указанные тенденции в понимании капитала как классовой категории были для Смита не характерны. Экономическая система Смита в целом базировалась на взгляде, что капитал представляет собой запасы, предназначенные для дальнейшего производства. Это, в частности, сказалось и на понимании А. Смитом основного и оборотного капитала.

В своих воззрениях на основной и оборотный капитал Смит воспринял наследие физиократов. Заслуга Смита состоит в том, что по этому вопросу он выдвинул обобщающие абстрактные категории — основной и оборотный капитал — и придал большую устойчивость тем названиям, с которыми оперировали физиократы в своем анализе различных определений капитала. У Смита указанные категории применимы не только к капиталу фермера, но и ко всякой вообще форме производительного капитала.

Под *оборотным капиталом* Смит понимал капитал, употребляемый на получение прибыли в результате перехода его из рук одного владельца в руки другого владельца. Перечисляя те предметы, те вещественные элементы, которые образуют оборотный капитал, Смит указывает, что оборотный капитал состоит из продовольствия, из материалов и готовых изделий всякого рода, находящихся на руках соответствующих продавцов, а также из денег, необходимых для их обращения и распределения. Таким образом, под оборотным капиталом Смит понимает не что иное,

как капитал в его формах, относящихся к процессу обращения: товарный капитал и денежный капитал.

Под *основным капиталом* Смит подразумевает капитал, употребляемый на получение в будущем прибыли, без перехода от одного владельца к другому или без дальнейшего обращения. Основной капитал, по Смицу, состоит: 1) из машин и орудий труда; 2) из построек и зданий, предназначенных не для личного пользования, а для торгово-промышленных целей: мастерские, конюшни, амбары и т. д.; 3) из улучшений земли и 4) из приобретенных и полезных способностей всех членов общества.

Рассматривая основной и оборотный капитал как два различных способа помещения капитала, из которых каждый сам по себе приносит прибыль, Смит указывает, что никакой основной капитал не может приносить какой-либо доход иначе как только при помощи оборотного капитала. «Самые полезные машины и орудия производства не могут ничего произвести без оборотного капитала, доставляющего материалы, которые они перерабатывают, и средства существования для рабочих, применяющих их».

Перечисленные составные части оборотного и основного капитала свидетельствуют об ошибочном взгляде Смита о том, что характерные свойства основного и оборотного капитала являются свойствами, принадлежащими вещам, присущими им от природы, а не вытекают из определенных функций этих вещей в капиталистическом производстве. При рассмотрении вещественных элементов, из которых, по Смицу, состоит основной и оборотный капитал, ясно обнаруживается, что Смит смешивает различие между основными и оборотными частями производительного капитала с различием между производительным капиталом и капиталом в сфере обращения — товарным и денежным капиталом.

Неверные представления Смита, будто основной капитал создает прибыль, оставаясь в процессе производства, а оборотный капитал, — покидая процесс производства и циркулируя в процессе обращения, — воспроизводят субъективные, поверхностные представления о прибыли отдельного капиталиста, которому одна и та же часть капитала оказывается полезной то в одном, то в другом случае. Эти представления находятся в полном противоречии с более глубоким, научным воззрением на прибыль Смита как вычета из продукта труда рабочего.

ТЕОРИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА. ДОГМА СМИТА

Смит рассматривал накопление капитала как продукт личных лишений капиталиста, его бережливости и воздержания. Такой взгляд Смита на накопление капитала был навеян воззрениями физиократов. Так как физиократы утверждали, что лишь

земельная рента является экономически подлинным источником накопления, то прибыль, включая процент, рассматривалась ими лишь как доход, идущий на потребление капиталиста. В представлении Смита накопление капитала выступает лишь в виде простого потребления прибавочного продукта производительными рабочими. Капитализация прибавочной стоимости представляется, таким образом, Смиту в виде превращения прибавочной стоимости лишь в переменный капитал.

Из всего хода исследования Смита следовал нелепый вывод, что если каждый индивидуальный капитал и разделяется на переменную и постоянную части, то общественный капитал целиком состоит из переменного капитала, т. е. в руках рабочих выступает в виде заработной платы. Смит ошибочно отождествлял величину производительного капитала с величиной той его части, которая предназначается на содержание производительного труда. Исторические корни этого наивного понимания процесса накопления капитала объясняются тем, что во времена Смита крупная промышленность находилась еще в зачаточном состоянии.

Теория воспроизводства всего общественного капитала Смита базируется на его теории стоимости. Как уже отмечалось выше, Смит в своей теории стоимости исходит из той предпосылки, что в каждом развитом обществе цена или стоимость громадного большинства товаров распадается на заработную плату, прибыль и ренту, т. е. на доходы. Смит далее утверждал, что если каждый единичный товар, взятый в отдельности, распадается на доходы, то это должно относиться и ко всей товарной массе, составляющей годовой продукт земли и труда каждой страны. Общая цена, или меновая стоимость, этого годового продукта должна распадаться на такие же три части и распределяться между различными жителями страны в виде заработной платы за труд, прибыли с их капитала или ренты с их землевладения.

Таким образом, стоимость, по мнению Смита, разлагается на $v + m$, т. е. в ней в качестве составной части отсутствует c — постоянный капитал. Игнорирование постоянного капитала как элемента стоимости закрывало Смиту возможность анализа процесса воспроизводства, так как все, что ежегодно производится, ежегодно потребляется, а потому немислимо не только расширенное, но даже и простое воспроизводство. Правда, Смит пытается выйти из того тупика, в котором оказалось его учение о воспроизводстве, путем различения валового дохода и чистого дохода. Если под валовым доходом он понимает весь годовой продукт населения данной страны, то под чистым доходом он понимает ту его часть, которую жители страны могут, не затрачивая своего капитала, отнести к своему потребительскому запасу. Таким образом, по Смиту, получается, что в цену товара входят не только доходы, но и авансированный капитал.

Следовательно, после того как Смит цену всех товаров, взятых в отдельности, а также и всю цену, или меновую стоимость,

годового продукта земли и труда каждой страны свел к заработной плате, прибыли и ренте, ему пришлось ввести, как это отмечает К. Маркс, окольным контрабандным путем, посредством различия между валовым и чистым доходом четвертый элемент, а именно — элемент капитала. Полагая, что в цену всякого товара входит кроме заработной платы, прибыли и ренты, также и капитал, Смит ставит вопрос, откуда взялась эта четвертая часть — авансированный капитал. По мнению Смита, авансированный капитал представляет собой товарную массу, приобретенную данным капиталистом у других капиталистов, которая, по его мнению, также разлагается на заработную плату, прибыль и ренту.

Итоговый вывод Смита сводится к тому, что если взять всю товарную массу, то в ней исчезает постоянный капитал, ибо она распадается лишь на заработную плату, прибыль и ренту. Делая такие выводы, Смит, однако, не объяснил, на каком основании в этом разложении стоимости постоянного капитала отброшен сам постоянный капитал. Таким образом, утверждая, что стоимость орудий труда сама разлагается на $v + m$, Смит, как это отмечает К. Маркс, забывает добавить и на постоянный капитал, который был употреблен на их воспроизводство. Смит отсылает нас от Понтия к Пилату, от одного продукта к другому и т. д., не замечая того, что это отнюдь не является решением поставленной им задачи.

Ошибка Смита сводится к тому, что он отождествляет стоимость годового продукта с вновь созданной за год стоимостью. Если последняя представляет собою только продукт истекшего года, то первая включает в себе, кроме того, стоимость средств производства, которые были потреблены на производство годового продукта, но произведены в предыдущем году, а отчасти и в ранее истекшие годы. Указанное смешение привело к тому, что Смит отбросил постоянную часть стоимости годового продукта. Отмеченное ошибочное смешение стоимости годового продукта со стоимостью продукта годового труда является следствием другой ошибки, присущей экономическим воззрениям Смита: он не различал двойственного характера самого труда, создающего товар.

В дальнейших своих рассуждениях Смит натолкнулся и на другое важнейшее различие, которое весьма существенно для понимания проблемы реализации. Смит писал: «Все издержки по поддержанию основного капитала необходимо, очевидно, исключить из чистого дохода общества. Ни при каких условиях не могут входить в него ни материалы, необходимые для ремонта его полезных машин и орудий труда, его доходных зданий и т. п., ни продукт труда, необходимого для приведения этих материалов в надлежащий вид. Цена же этого труда может составлять только часть чистого дохода, ибо рабочие, занятые им, могут всю стоимость своей заработной платы обращать в свой запас, предназначенный для непосредственного потребления».

Таким образом, по Смиту получается, что меновая стоимость продукта указанных отраслей производства входит в чистый продукт, хотя сам продукт в него не входит. В отраслях труда, производящих предметы потребления, в доход входит как цена, так и продукт. В отмеченных высказываниях Смит наталкивается на различие между двумя группами рабочих: между рабочими, занятыми в производстве средств производства, и рабочими, занятыми непосредственным производством средств потребления.

Таким образом, Смит здесь подходит к вопросу о необходимости различать два вида труда: один — создающий предметы потребления, которые могут войти в «чистый доход», другой — создающий средства производства, т. е. такие предметы, которые не могут войти в личное потребление. Отсюда, как писал В. И. Ленин, «один шаг» к признанию того, что для объяснения реализации необходимо различать два вида потребления: личное и производительное. Однако этот «шаг» Смитом не мог быть сделан ввиду ошибочности исходных положений его теории воспроизводства. Лишь только К. Маркс, который исправил ошибки Смита — игнорирование постоянного капитала в стоимости продукта и смешение личного и производительного потребления, — создал подлинную научную теорию реализации общественного продукта в капиталистическом обществе.

СМИТ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ

Трактовка Смитом проблемы производительного и непроизводительного труда находится в тесной связи с другими звеньями его экономической системы.

Смит поднял учение о производительном и непроизводительном труде, по сравнению со своими предшественниками — меркантилистами и физиократами, на новую ступень. Это объясняется тем, что, в отличие от своих предшественников, А. Смит провозгласил источником богатства не те или иные конкретные формы труда, а труд вообще, в его общественно совокупном виде. У Смита стоимость и прибавочная стоимость создаются всеобщим общественным трудом. Смитовская концепция производительного труда характеризуется той же двойственностью, какую мы наблюдаем в его воззрениях и на другие проблемы политической экономии. Первая трактовка этого вопроса Смитом сводится к тому, что производительным трудом является труд, который обменивается на капитал.

Он писал: «Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается, другой вид труда не производит такого действия. Первый, поскольку он производит некоторую стоимость, может быть назван производительным трудом, второй — непроизводительным». Конкретизируя выдвинутый им критерий разграничения между трудом производительным и непроизводительным, Смит

сопоставляет труд мануфактурного рабочего с трудом домашнего слуги. Он продолжает: «...Труд рабочего мануфактуры обычно увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает, а именно увеличивает ее на стоимость своего содержания и прибыли его хозяина. Труд домашнего слуги, напротив, ничего не добавляет стоимости... Человек становится богатым, давая занятие большому числу мануфактурных рабочих; он беднее, если содержит большое число домашних слуг».

В приведенном высказывании Смита о категории производительного труда подчеркивается специфическая, исторически обусловленная особенность этой категории в условиях буржуазного режима — производство капитала, производство прибыли, прибавочной стоимости, обмен труда на капитал. Вместе с этим главное различие между производительным и непроизводительным трудом у Смита состоит в том, что первый обменивается непосредственно на капитал, второй — непосредственно на доход.

В этой первой своей трактовке проблемы производительного труда Смит глубоко проник в сокровенные тайны буржуазного способа производства. Во второй своей трактовке вопроса о производительном труде Смит под производительным трудом понимает труд, овеществляющийся в товаре. Продолжая свои сопоставления между трудом мануфактурных рабочих и трудом домашнего слуги, А. Смит пишет: «...Труд мануфактурного рабочего закрепляется и реализуется в каком-нибудь отдельном предмете или товаре, который можно продать и который существует, по крайней мере, некоторое время после того, как закончен труд... Труд домашнего слуги, напротив, не закрепляется и не реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, пригодном для продажи. Его услуги обычно исчезают в самый момент оказания их и редко оставляют после себя какой-либо след или какую-нибудь стоимость, за которую можно было бы впоследствии получить равное количество услуг».

Во второй своей трактовке производительного труда Смит порывает с той глубокой связью со специфическими, исторически обусловленными особенностями капитализма, которая была характерна для его первой трактовки этой категории; он порывает со взглядом на производительный труд как на труд, обмениваемый на капитал. В своем втором варианте производительного труда Смит трактует эту категорию метафизически, внеисторически, выдвигая критерий, обладающий значимостью для всех эпох. В этой второй постановке вопроса о производительном труде Смит всю сферу так называемого нематериального производства считал непроизводительной. К такого рода непроизводительным работникам Смит относил государя с его судебными чиновниками, всю армию и флот. К непроизводительным работникам должны быть отнесены, утверждал Смит, «как некоторые из самых серьезных и важных, так и некоторые из самых легкомысленных профессий — священники, юристы,

врачи, писатели, всякого рода актеры, паяцы, оперные певцы, танцовщики и пр.».

Комментируя данное высказывание Смита, К. Маркс характеризует его как стиль, присущий революционной буржуазии, которая еще не подчинила себе все общество, государство. Все эти занятия, искони пользовавшиеся почетом, экономически приравниваются к толпе лакеев и шутов буржуазии. Они являются просто слугами общества и живут на продукт труда других людей. Поэтому затраты на государство, на церковь и т. д. должны быть ограничены до минимума, поскольку эти учреждения представляют собой *faux frais* производства.

Смит является выдающимся представителем классической школы буржуазной политической экономии, которая представляет собой один из источников марксизма. К. Маркс писал, что «у А. Смита политическая экономия развилась в некоторую целостность, охватываемая ею область получила до известной степени законченные очертания...»¹. В. И. Ленин охарактеризовал А. Смита как «великого идеолога передовой буржуазии»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 177.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 521.

Глава V

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ДАВИДА РИКАРДО

Давид Рикардо родился в 1772 г. Сын биржевого маклера, он лишь два года учился в торговой школе, а затем работал на предприятии отца. Разойдясь с отцом, он самостоятельно выступал на биржевом поприще. В 1797 г. Рикардо отошел от своей деятельности биржевого маклера и отдался научной работе.

Большую роль в формировании экономической системы Рикардо сыграл знаменитый труд А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». В 1817 г. Рикардо выпускает свой основной труд «Начала политической экономии и налогового обложения».

Рикардо не был кабинетным ученым. Он принимал также участие и в политической жизни страны. В 1819 г. Рикардо был избран в парламент. В парламенте Рикардо отстаивал интересы промышленной буржуазии против лендлордов, принадлежал к радикалам. Умер Рикардо в 1823 г.

ДАВИД РИКАРДО КАК БУРЖУАЗНЫЙ ИДЕОЛОГ ЭПОХИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Рикардо был сторонником философии утилитаризма Бентама, которого К. Маркс называл последним «гением буржуазной глупости». Базируясь на воззрениях Бентама о том, что проведение принципа утилитаризма, принципа пользы обеспечит «наибольшее счастье наибольшего числа людей», Рикардо полагал, что стремление людей к индивидуальной выгоде находится в гармоническом единстве с интересами всех членов общества, с общей пользой.

По мнению Рикардо, жизненную силу капиталистического производства составляет режим свободной конкуренции, в рамках

которого обеспечиваются как выгоды отдельных лиц, так и выгоды общества, друг другу отнюдь не противоречащих. На путях свободной конкуренции открыты возможности безграничного развития производительных сил. По мнению Рикардо, капиталистическое производство зиждется на противоположности интересов капиталистов и наемных рабочих. Рикардо всячески доказывал, что интересы землевладельцев всегда противоположны интересам рабочих и капиталистов. Он видел в землевладельцах класс, заинтересованный в консервировании устаревших методов производства, враждебно относящийся к техническому прогрессу.

Для Рикардо как для идеолога промышленного капитала «благосостояние» общества отождествляется с «благосостоянием» капиталистов. Экономическим выражением общественного «благосостояния» является высокая прибыль, предполагающая низкую заработную плату и низкую ренту. Рикардо был обеспокоен тем, что норме прибыли угрожает опасность вследствие тенденций развития самого капиталистического производства. К. Маркс указывает, что в тенденции нормы прибыли к понижению Рикардо инстинктивно почувствовал историческую ограниченность капитализма.

Рикардо дал глубокий для своего времени анализ классовых противоположностей капитализма. Однако основа этого анализа базируется на мальтусовской «теории» народонаселения, на так называемом законе убывающего плодородия почвы. На этих мнимых законах, как это будет показано дальше, базировалось учение Рикардо о заработной плате и земельной ренте. Рассматривая капитализм как арену борьбы противоположных классовых интересов. Рикардо вместе с тем сводил присущие ему антагонистические классовые противоположности к законам природы и видел в капитализме абсолютный, вечный, естественный способ производства.

Защита интересов промышленного капитала у Рикардо отнюдь не носила характера предвзятой, угодливой апологетики капитализма. Это объясняется тем, что в ту эпоху, в которой протекала жизнь и деятельность Рикардо, интересы промышленной буржуазии совпадали с интересами развития производства, с прогрессивными тенденциями общественного развития вообще.

МЕТОДОЛОГИЯ РИКАРДО

Как уже указывалось, в своем анализе тенденций капиталистического развития Рикардо апеллировал к неизменным законам природы, что отнюдь не было случайностью. Это вытекало из метафизического характера метода Рикардо — превращать исторически обусловленные законы капитализма в вечные естественные законы, присущие всем эпохам, всем временам и народам. Однако, если антиисторический метод Рикардо глубоко порочен в своей основе,

Рикардо был далеко не эмпирик. В качестве одной из особенностей классической школы политической экономии К. Маркс рассматривал ее исследование внутренних зависимостей буржуазных отношений производства. Такое исследование, начало которому положил Вильям Петти, предполагало применение абстрактного метода, который в лице Рикардо достиг наивысшей степени разработки, конечно, в пределах буржуазного кругозора.

Методология Рикардо характеризуется стремлением объяснить все экономические категории на базе основной, по его мнению, категории, категории стоимости, стремлением исследовать, насколько все экономические категории соответствуют или противоречат определению стоимости рабочим временем как основе, исходному пункту «физиологии» буржуазной системы.

При всем многообразии экономических категорий буржуазного общества в экономической системе Рикардо была сделана попытка представить их единство, их подчиненность основному закону. Однако в своем анализе сущности исследуемых явлений Рикардо идет недостаточно глубоко и поэтому его абстракция не полна. Рикардо упрощенно рассматривает явления капиталистической действительности как результат прямого, непосредственного действия всеобщих законов, не понимая, что эмпирическая видимость наглядно выступающих поверхностных явлений капиталистического режима представляет собой результат развития его скрытых закономерностей. Поэтому абстракция у Рикардо носит неполный, формальный характер. «...Если Рикардо упрекают в слишком большой абстрактности, то справедливым был бы противоположный упрек, а именно — в недостаточной силе абстракции...»¹.

Хотя Рикардо порвал с присущим А. Смиту дуализмом и система его экономических взглядов базировалась на монистическом принципе стоимости, однако метод Рикардо страдал научной неполноценностью. Рикардо игнорировал те промежуточные звенья, которые необходимы при переходе от одной категории к другой, и пытался непосредственным образом, как это отмечал К. Маркс, доказать совпадение экономических категорий друг с другом. А это приводило к ошибочной трактовке ряда проблем политической экономии.

Ошибка Рикардо заключается в том, что вместо того чтобы раскрыть сущность явлений и показать, как она проявляется в противоречащих ей формах, Рикардо заранее предполагает наличие этих форм, насильственно, так сказать, втаскивает их в свой анализ и отождествляет их с сущностью, с законом. Только на базе подлинно научного метода — метода материалистической диалектики как мировоззрения пролетариата могла быть создана подлинно научная политическая экономия. Этот великий научный подвиг совершил К. Маркс, идеолог и вождь пролетариата.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 206.

В своем учении о товаре, в своих воззрениях на потребительную стоимость и меновую стоимость Рикардо опирается на Смита. Принимая смитовское разграничение между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, Рикардо приходит к выводу, что полезность, которая делает данную вещь потребительной стоимостью, не может быть мерой меновой стоимости, хотя полезность абсолютно необходима для наличия меновой стоимости. В то же время Д. Рикардо утверждает, что если предмет бесполезен, то при всей его редкости, при всем наличии овеществленного в нем труда этот предмет не будет обладать меновой стоимостью.

Переходя к определению меновой стоимости, Д. Рикардо утверждает, что существуют некоторые товары, стоимость которых определяется исключительно их редкостью. Стоимость этих редких благ не зависит от количества труда, затраченного на их производство, она изменяется в зависимости от богатства и вкусов лиц, которые желают их приобрести.

Однако Рикардо считает, что в массе товаров, которая ежедневно обращается на рынке, такого рода редкие товары составляют незначительную долю. Подавляющее большинство товаров, обменивающихся на рынке, доставляется трудом и количество их может быть увеличено до бесконечности. Анализом этих так называемых воспроизводимых товаров Рикардо и ограничивает свое исследование. То обстоятельство, что Рикардо ограничивает свое исследование анализом воспроизводимых товаров, следует поставить ему в заслугу. Это, по существу, означает, что, по мнению Рикардо, закон стоимости для полной своей реализации предполагает крупное промышленное производство, режим свободной конкуренции, современное буржуазное общество.

Рикардо критикует прежде всего присущее Смиту в его трактовке стоимости товара смешение труда затраченного с трудом покупаемым. Вскрывая ошибку Смита, Рикардо отмечает, что у Смита труд затраченный и труд покупаемый выступают как равнозначные выражения. Д. Рикардо пишет: «Будь это действительно верно, будь вознаграждение рабочего всегда пропорционально тому, сколько он произвел, количество труда, затраченное на товар, и количество труда, которое за этот товар можно купить, были бы равны, и любым из них можно было бы точно измерять изменения (в стоимости) других предметов». Однако они не равны, утверждает Рикардо. «...Первое при многих обстоятельствах является неизменным эталоном, показывающим изменения (в стоимости) других предметов, а последнее подвержено стольким же колебаниям, как и стоимость товаров, сравниваемых с ним»¹. И далее Рикардо пишет, что, если бы, благодаря улучшению машин, на про-

¹ Д. Рикардо. Сочинения, т. 1, 1955, стр. 35—36 (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

изводство обуви и платья у рабочих шло бы вчетверо меньше труда, чем теперь, и стоимость этих товаров упала бы, из этого вовсе не следует, что рабочий получил бы возможность потреблять четыре сюртука или четыре пары обуви вместо одной.

Одним словом, Рикардо показывает, что труд затраченный и труд покупаемый в условиях капитализма не равны. Правильно критикуя по этому вопросу Смита, Рикардо пишет, что от указанного смешения следует отказаться. Рикардо последовательно кладет в основу своего исследования определение стоимости трудом, затраченным на производство товаров.

Достоинством теории стоимости Рикардо является также и то, что он включает в стоимость товаров не только стоимость, созданную непосредственно затраченным на них трудом, но и стоимость капитала, который принял участие в их производстве. Рикардо, конечно, не разрешил вопроса, каким образом происходит одновременный процесс создания новой стоимости и перенесения на товар уже существующей стоимости. Рикардо не разграничивал строго обеих сторон труда, создающего товар, а потому он и не дал анализа их различной роли в процессе образования стоимости. Однако Рикардо понимает, что если средства производства и участвуют в производстве потребительных стоимостей, то в определении стоимости учитывается стоимость капитала, но отнюдь не техническая производительность машин.

Рикардо отбросил смитовское разграничение между «первобытным состоянием общества», т. е. простым товарным производством, и капиталистическим производством. Рикардо наделял и первобытного охотника капиталом. В этом отношении он делает в известной степени шаг назад по сравнению со Смитом, который отрицал наличие капитала в условиях «первобытного состояния общества». Но в отличие от Смита, который дуалистически и неправильно решал вопрос о стоимости и доходах, Рикардо исходит из идеи примата стоимости над доходами. Рикардо считал, что разложение стоимости на доходы не отражается на величине стоимости, на определении стоимости рабочим временем. Правда, и Рикардо, как и Смит, считал, что стоимость полностью разлагается на доходы, т. е. на $v + m$. Этим самым он совершал ту же ошибку, что и Адам Смит, т. е. игнорировал постоянный капитал, что в свою очередь вытекало из того, что Рикардо, как и Смит, не проводил разграничения между трудом абстрактным и трудом конкретным. Однако Рикардо отбросил смитовский вульгарный вариант примата доходов над стоимостью и последовательно проводил принцип примата стоимости над доходами.

Говоря о труде, создающем стоимость, Рикардо сводил все конкретные виды труда к их количественному выражению, к рабочему времени. Тем самым, наряду с констатированием многообразия различных видов конкретного труда, Рикардо приближался к сознанию о том, что труд, создающий стоимость, — это труд,

абстрагированный от его конкретных форм. Однако Рикардо не исследовал, каковы те условия, при которых затраченный труд создает стоимость.

Рикардо показал, что за стоимостью скрывается труд, но Рикардо не показал, почему труд в условиях капитализма принимает форму стоимости. У Рикардо отсутствует качественная характеристика труда, создающего стоимость, как труда, затраченного в определенной исторической обстановке, а именно, в условиях товарно-капиталистического производства. Это объясняется тем, что Рикардо, как и вообще буржуазная классическая школа политической экономии, рассматривал капитализм как вечный, естественный, неизменный способ производства. Игнорируя качественную сторону труда, создающего стоимость, Рикардо рассматривает его исключительно с количественной стороны, как определенное количество затраченного труда. Следует, однако, сказать, что и количественная характеристика труда, создающего стоимость, определение величины стоимости страдают у Рикардо существенными погрешностями.

Рикардо пишет: «Меновая стоимость всех товаров — будут ли то промышленные изделия или продукты рудников, или земледельческие продукты — никогда не регулируется наименьшим количеством труда, достаточным для их производства при особо благоприятных условиях... Напротив, она регулируется наибольшим количеством труда, по необходимости затрачиваемым на производство товаров теми, кто не пользуется такими условиями и продолжает производить при самых неблагоприятных условиях; под последними понимаются такие, при каких необходимо вести производство, чтобы было произведено требуемое количество продукта».

Таким образом, по мнению Рикардо, величина стоимости определяется общественно-необходимым трудом. Однако последний, как это утверждает Рикардо, затрачивается всегда при наихудших условиях. Ошибка Рикардо в трактовке категории общественно-необходимого труда заключается в том, что он распространял закономерности определения величины стоимости, присущие сельскохозяйственному производству, на все отрасли народного хозяйства.

Отсутствие у Рикардо качественной характеристики труда, создающего стоимость, отразилось и на его трактовке сложного и простого труда. Говоря о различиях в качестве труда различных отраслей промышленности, Д. Рикардо пишет: «Оценка труда различных качеств... устанавливается на рынке с достаточной для всех практических целей точностью и в значительной мере зависит от сравнительного искусства рабочего и напряженности выполняемого им труда. Раз сложившаяся шкала подвергается незначительным изменениям. Если день труда рабочего ювелира стоит больше, чем день труда простого рабочего, то это отношение уже давно установлено и заняло свое надлежащее место в шкале стоимости».

Рикардо, таким образом, понимает, что сложный труд — это умноженный простой труд, но и при рассмотрении этой категории он дает лишь ее количественную характеристику. По вопросу о взаимоотношении стоимости и меновой стоимости обращает на себя внимание наличие у Рикардо ряда понятий: относительная стоимость, сравнительная стоимость, меновая стоимость, стоимость. Ввиду такого нагромождения понятий в литературе о Д. Рикардо обычно выдвигается точка зрения, что Рикардо якобы игнорирует абсолютную стоимость и дает лишь учение об относительной, т. е. меновой, стоимости. Эта точка зрения ошибочная. К. Маркс утверждал, что под реальной стоимостью Рикардо понимает стоимость как овеществление определенного количества рабочего времени, т. е. как абсолютную стоимость. Под относительной же стоимостью Рикардо, по мнению К. Маркса, понимал выражение заключенного в товаре рабочего времени в потребительной стоимости другого товара, т. е. меновую стоимость. Однако, хотя Рикардо проводит различие между стоимостью и меновой стоимостью, он не понимает внутренней связи между ними.

Рикардо не понимает, что стоимость есть отношение между людьми, скрытое под вещной оболочкой, что меновая стоимость есть исторически определенная форма распределения труда между товаропроизводителями, что меновая стоимость есть форма стоимости.

В вопросе о меновой стоимости Рикардо также делает ударение на ее количественную сторону. Маркс считал, что одним из недостатков классической школы является то, что ей не удалось вывести форму стоимости из анализа товара, которая именно и придает этой форме стоимости характер меновой стоимости. К. Маркс писал, что Рикардо рассматривает форму стоимости как нечто безразличное к природе товара. Рикардо занимается только исследованием величины стоимости. Он совершенно не исследует форму стоимости. Он не понимал той специфической, определенной формы, в которой труд выступает как субстанция стоимости, он не понимал, что конкретный труд должен быть представлен как абстрактный всеобщий труд, и в этом виде как общественный труд.

Причина того, что анализ величины стоимости поглотил все внимание классической школы, в том числе и Рикардо, коренится, как указывает К. Маркс, в том, что форма стоимости — это общая форма буржуазного способа производства, которая и придает товару характер исторической категории. А так как классическая политическая экономия рассматривала капитализм как вечный способ производства, то она не могла заметить специфических особенностей формы стоимости. Для методологии Рикардо было характерно исключительное внимание к количественной стороне экономических категорий, при игнорировании их качественной стороны, их специфически исторической обусловленности.

Переходим к анализу у Рикардо проблемы цены производства. Необходимо отметить наличие у Рикардо при трактовке этой проблемы различных ступеней научного исследования. Рикардо прежде всего исходит из простейшего случая обмена товаров, когда он происходит при помощи капиталов одинаковой долговечности и авансирования на одинаковый период времени. Рикардо приводит следующий пример, чтобы проанализировать этот случай: охотник тратит на ловлю оленя такое же количество труда, как рыболов на ловлю двух лососей, причем на средства производства в обоих случаях — и у охотника, и у рыболова — затрачено одинаковое количество труда. Один олень обменивается на двух лососей при предположении, что этот обмен происходит независимо от того, являются ли охотник и рыболов самостоятельными производителями или они являются капиталистами.

Когда они являются капиталистами, то продукт делится между капиталистами и рабочими, однако, это обстоятельство не влияет на относительную стоимость рыбы и дичи, ибо в обеих отраслях производства затрачены равновеликие массы капитала. Следовательно, если бы охотник потребовал от рыболова больше рыбы за свою дичь на том основании, что он отдал большую часть стоимости дичи в форме заработной платы, то рыболов ему бы ответил, что он сам находится в таком же положении.

Таким образом, как бы ни изменялись заработная плата и прибыль и какое бы действие ни оказывало накопление капитала, естественная норма обмена остается без изменения: 2 лосося за 1 оленя. Относительная стоимость этих двух товаров осталась бы без изменения, как ни распределялись бы данные продукты между капиталистами и рабочими. Рикардо отсюда делает вывод: никакое изменение заработной платы не вызывает изменения в относительной стоимости этих товаров.

Допустим, что в одной из отраслей повысится заработная плата. Что произойдет? Количество затраченного труда останется без изменения, но увеличится цена труда (по мнению Рикардо, цена труда и есть заработная плата). Это будет означать, что те самые основания, которые заставили охотника и рыболова повысить стоимость их дичи и рыбы, заставят и владельца рудника увеличить стоимость своего золота. А так как эти побуждения будут действовать с одинаковой силой во всех трех промыслах, то относительная стоимость дичи, рыбы и золота остается без перемены.

В итоге Рикардо делает следующий вывод: изменение заработной платы не является причиной изменения стоимости товара. Если в обоих промыслах и у охотника, и у рыболова произойдет изменение заработной платы, то стоимость произведенных товаров останется без изменения, но произойдет соответственное изменение

массы прибыли. Следовательно, в отличие от теории «естественной цены» Адама Смита, по мнению Рикардо, исходявшего из принципа примата стоимости над доходами, никакое изменение заработной платы на стоимость товара влияния не оказывает. Указанный выше пример базировался на предпосылке, что весь свой капитал производитель затрачивает на переменный капитал и что органический состав капитала в обеих отраслях одинаков.

Такова первая ступень научного исследования, когда Рикардо рассматривает равновеликие капиталы одинакового органического состава или одинаковой долговечности, авансированные на одинаковых началах. Переходим к более усложненной второй ступени научного анализа. «В зависимости от того, — пишет Рикардо, — быстро ли изнашивается капитал и часто ли требует воспроизведения или же потребляется медленно, он причисляется или к оборотному, или к основному капиталу». Оборотный капитал может возвращаться к своему хозяину весьма неодинаково. Рикардо утверждает, что в каждом состоянии общества инструменты, здания, машины могут иметь различную долговечность и требовать различного количества труда для своего производства. Кроме того, могут быть различные пропорциональные соотношения между капиталом, предназначенным для содержания труда, и капиталом, вложенным в инструменты, машины, здания.

Рикардо считает, что эти различия, вытекающие из степени долговечности, разнообразия пропорций, в которых может комбинироваться основной и оборотный капитал, вводят новый фактор, который является причиной изменения стоимости, фактор, независимый от количества труда, необходимого для производства товаров. Этим новым фактором Рикардо считает увеличение или уменьшение стоимости труда. Для обоснования своего положения, что при наличии капиталов различного органического состава на стоимость товаров, кроме труда, оказывает влияние новый фактор, т. е. стоимость труда, Рикардо приводит ряд примеров.

Анализ Рикардо вращается вокруг вопроса, какие видоизменения вносятся в закон определения стоимости затраченным трудом при наличии в разных отраслях производства различных пропорций между основным и оборотным капиталом. Общий вывод Рикардо состоит в том, что «при отсутствии каких-либо изменений в количестве труда одно повышение его стоимости вызовет падение меновой стоимости тех товаров, в производстве которых употребляется основной капитал, и чем большую долю составляет основной капитал, тем больше будет это падение».

Так рассуждал Рикардо о модификации закона стоимости. Значит, по Рикардо, получалось, что, с одной стороны, существует закон, который гласит: никакое изменение заработной платы на относительную стоимость товаров влияния не оказывает. Однако этот закон проявлял свое действие лишь в тех случаях, когда изменялись капиталы одинакового органического состава. При нали-

чий же капиталов различного органического состава на стоимость товаров оказывает влияние не только труд, но и изменение заработной платы.

Рикардо пишет: «...На ранних ступенях общественного развития, до применения в больших размерах машин или долговечного капитала, товары, произведенные равными капиталами, будут иметь приблизительно равную стоимость, которая повышается или падает по отношению друг к другу только благодаря тому, что на производство их стало нужно больше или меньше труда. После же введения этих дорогих и долговечных орудий товары, производимые с применением одинаковых капиталов, будут иметь весьма неодинаковую стоимость. Хотя относительная стоимость их всегда будет повышаться или понижаться в зависимости от увеличения или уменьшения количества труда, необходимого для их производства, она, кроме того, будет подвергаться еще другим, хотя и меньшим, изменениям вследствие повышения или падения заработной платы и прибыли».

Следовательно, Рикардо без обиняков заявляет, что закон стоимости в определенном случае, т. е. в условиях различного органического состава капитала, терпит крушение. Где причины этого подводного камня, на который наткнулась теория стоимости Рикардо? Причины коренятся в отождествлении стоимости с ценой производства, в непонимании Рикардо тех промежуточных звеньев, которые ведут от стоимости к цене производства, в непонимании цены производства как превращенной формы стоимости.

В самом деле, Рикардо берет для анализа три товара (ситец, сукно и хлеб), произведенные при помощи равного количества труда и капиталов, авансированных на равные периоды времени. Первые два капитала равны по 10 500 ф. ст., второй капитал равен 5 000 ф. ст. С одной стороны, эти товары должны, по Рикардо, обладать равной стоимостью, поскольку на них затрачен равновеликий труд, с другой стороны, цены этих товаров отклоняются от стоимости, потому что они включают в себя среднюю прибыль. Следовательно, здесь налицо противоречие закона стоимости с законом равной прибыли. На языке Рикардо это противоречие сформулировано как влияние заработной платы на стоимость товара.

У К. Маркса, как мы знаем, это противоречие мнимое, так как К. Маркс показал, как на основе капиталистического способа производства происходит превращение стоимости в цену производства. Кажущееся противоречие закона стоимости с законом равной прибыли К. Маркс разрешает в своем учении о цене производства. Однако Рикардо не пошел и не мог пойти по этому пути. Рикардо понимает, как это видно из вышеприведенного примера, что в условиях различного органического строения капиталов цены товаров отклоняются от их стоимостей. Рикардо понимает, что только в результате несовпадения цен со стоимостями нормы прибыли уравниваются, возможна равновеликая прибыль на равновеликий

капитал. Однако Рикардо исходит в своем анализе из заранее данной средней нормы прибыли и, принимая ее как предпосылку, он не имеет никакого представления о превращении стоимости в цену производства.

«При более глубоком проникновении в дело, — писал К. Маркс, — Рикардо нашел бы, что одно уже существование *общей нормы прибыли*, — при различиях в органических составных частях капитала, которые сперва, в непосредственном процессе производства, выступают как различие между переменным и постоянным капиталом, а затем еще больше увеличиваются благодаря различиям, проистекающим из процесса обращения, — обуславливает отличающиеся от *стоимостей цены издержек*, даже если предположить, что *заработная плата остается неизменной*. Другими словами, Рикардо нашел бы, что одно уже существование *общей нормы прибыли* обуславливает различие, *совершенно не зависящее* от повышения или падения заработной платы, и новое определение формы»¹.

В примере Рикардо хлеб продается по его стоимости в 5500 *ф. ст.*, сукно же и ситец продаются выше стоимости 5500 *ф. ст.* + 550 *ф. ст.*, причем при одинаковой норме прибыли. Прибыль на оборотный капитал создается трудом рабочих, что же касается прибыли на основной капитал, то она присоединяется к данной стоимости. Однако тщетно мы искали бы у Рикардо ответа на вопрос, откуда берется эта прибыль на основной капитал. В то время как, по К. Марксу, цена производства и средняя норма прибыли возникают в результате взаимодействия всего общественного капитала, Рикардо игнорирует процесс образования средней нормы прибыли, он берет последнюю как заранее данную величину непосредственно из практики предпринимательской деятельности.

Вместо того чтобы проанализировать отличие цен производства от стоимости на основе самого определения стоимости рабочим временем, Рикардо допускает, что сама стоимость подвергается воздействию влияний, независимо от рабочего времени, что приводит к нарушению закона стоимости. Не сумев согласовать закон стоимости с действующим в капиталистическом обществе законом средней прибыли, Рикардо внес в свою теорию стоимости дуализм, против которого он с таким успехом восставал в своей критике теории стоимости Смита. Однако у Рикардо закон стоимости проводится, по сравнению со Смитом, с большим систематическим единством и последовательностью. Рикардо принадлежит огромная заслуга в истории экономических учений: им была сделана попытка все категории капитализма анализировать с точки зрения закона стоимости, попытка положить закон стоимости в основу системы своих экономических воззрений.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 189.

В своей теории заработной платы Рикардо исходит из предпосылки, что труд является товаром, что происходит прямой обмен между капиталом и наемным трудом. Рикардо рассматривает процесс обмена между капиталистом и рабочим как обмен между накопленным и непосредственным трудом. Вместо того чтобы считать труд товаром, Рикардо должен был бы говорить о рабочей силе как товаре. Но тогда он вынужден был рассматривать капитал отнюдь не как «накопленный труд» в отличие от «непосредственного труда», а как вещественные условия труда, противостоящие рабочему в качестве силы, ставшей самостоятельной, как определенное общественное отношение.

Если же к учению Рикардо о стоимости труда применить последовательно его теорию стоимости, что стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в его производстве, то придется прийти к заключению, что стоимость труда зависит от количества труда, употребленного при его производстве, что, очевидно, нелепо. Поэтому, чтобы избежать этого затруднения, Рикардо пытается обосновать зависимость стоимости труда от количества труда необходимого, чтобы произвести заработную плату, т. е., по существу, от количества труда необходимого, чтобы произвести деньги или товары (жизненные средства), которые получает рабочий.

Несмотря на смешение труда с рабочей силой, Рикардо правильно определяет среднюю заработную плату или, по его терминологии, стоимость труда. Она, по его словам, определяется количеством труда, овеществленным в жизненных средствах рабочего, считающихся по традиции необходимыми в данном обществе для поддержания существования и продолжения рода рабочих. Вместе с тем сама трактовка минимума жизненных средств, достигаемого рабочему, была у Рикардо ошибочной. Этот минимум Рикардо сводил лишь к голому физиологическому минимуму. К. Маркс же полагал, что в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент, что при сравнении заработных плат разных стран необходимо принять во внимание все моменты, определяющие стоимость рабочей силы, в том числе «цену и объем естественных и исторически развившихся первейших жизненных потребностей...»¹. Рикардо, таким образом, превратил низшую или минимальную границу стоимости рабочей силы, т. е. стоимость физически необходимых средств жизни, в общий закон заработной платы.

Рикардо различает номинальную заработную плату, рыночную цену труда, и реальную заработную плату, естественную цену труда. Под номинальной заработной платой он понимал определенную денежную сумму, которая уплачивалась рабочему в течение известного отрезка времени. В реальной заработной плате Рикардо

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 570.

видел число рабочих дней, необходимых, чтобы произвести эту денежную сумму, т. е. чтобы произвести необходимые для рабочего жизненные средства. Рикардо указывает, что способность рабочего содержать себя и семью зависит не от количества денег, которые он получает в виде заработной платы, а от «количества пищи, предметов жизненной необходимости и комфорта, ставшего для него насущным в силу привычки, которые можно купить за эти деньги». Рикардо обосновал закон заработной платы, базируясь на мальтузианских доводах. Рыночная цена труда, по мнению Рикардо, как бы она ни отклонялась от его естественной цены, имеет тенденцию с ней сообразоваться.

Рикардо утверждал, что в результате превышения рыночной цены труда над естественной ценой труда рабочий достигает «цветущего и счастливого положения», он располагает значительным количеством жизненных средств. Высокая заработная плата стимулирует размножение рабочих. С ростом числа рабочих заработная плата опять падает до своей естественной цены. С падением естественной цены положение рабочих резко ухудшается. «Лишь после того, как лишения сократят их число или спрос на труд увеличится, рыночная цена труда поднимается до его естественной цены, и рабочий будет пользоваться умеренным комфортом, который доставляет ему естественная норма заработной платы».

В соответствии со своими воззрениями на автоматическое движение заработной платы в силу «естественных» законов Рикардо считал, что, подобно всяким другим договорным отношениям, регулирование заработной платы должно быть предоставлено игре стихийных сил свободной рыночной конкуренции и не должно подвергаться воздействию законодательных учреждений. Таковы закономерности движения заработной платы, по мнению Рикардо.

Представления Рикардо о зависимости уровня заработной платы от движения рабочего населения были ошибочными. Рикардо стоял в этом вопросе на позициях мальтузианства, с его ошибочным обоснованием абстрактного, вечного закона народонаселения при игнорировании исторически определенных стадий общественного развития. На самом же деле каждому исторически определенному способу производства соответствует свой собственный закон возрастания населения, имеющий только историческое значение. Специфической закономерностью, свойственной капитализму, является относительно избыточное население, или резервная армия труда. Движение заработной платы определяется всеобщим законом капиталистического накопления.

ТЕОРИЯ ПРИБЫЛИ РИКАРДО

Рикардо, как и Смит, нигде не рассматривает прибавочную стоимость отдельно и обособленно от ее особых форм — прибыли, процента и ренты; по крайней мере, он не делал этого, как пишет

К. Маркс, сознательно и последовательно. В своих соображениях относительно прибыли и заработной платы Рикардо абстрагируется от постоянной части капитала, не затраченной на заработную плату. Рикардо рассматривает весь капитал как переменный капитал, у него дело представлено таким образом, как будто весь капитал затрачивается на заработную плату.

Рикардо исходит из неправильной предпосылки, что величина всего рабочего дня представляет собой величину постоянную. У него отсутствует также анализ необходимого рабочего времени как части рабочего дня. Все это не могло не сказаться на его исследовании происхождения прибавочной стоимости. На основе предпосылки о постоянной величине всего рабочего дня увеличение или уменьшение прибавочной стоимости может быть объяснено только из возрастающей или убывающей производительности труда, производящей жизненные средства рабочих, т. е. может быть раскрыта только относительная прибавочная стоимость.

И действительно, относительная прибавочная стоимость — это фактически единственная форма прибавочной стоимости, которую Рикардо анализирует под именем прибыли. В пределах указанных выше предпосылок Рикардо развивает теорию относительной прибавочной стоимости в общем правильно. Суть этой теории заключается в следующем. Стоимость товара является заранее данной, твердо установленной величиной, определяемой количеством содержащегося в нем труда.

Для Рикардо является фактом, что стоимость товара больше стоимости труда или заработной платы, что весь рабочий день больше той части рабочего дня, которая необходима для производства заработной платы. Так как стоимость товара больше стоимости труда или заработной платы, то прибыль, а Рикардо отождествляет ее с прибавочной стоимостью, равна излишку стоимости продукта по отношению к заработной плате. Величина стоимости товара, ввиду того что Рикардо, подобно Смиту, не принимает во внимание постоянного капитала, делится между наемным рабочим и капиталистом. Доля рабочего может расти или падать только в том отношении, в каком падает или растет доля капиталиста. Однако в представлении Рикардо заработная плата и прибавочная стоимость — это две категории, между которыми делится стоимость товара, стоят не только в обратном отношении друг к другу.

Движение заработной платы является, по мнению Рикардо, главным определяющим моментом, так как труд рабочих как источник стоимости товаров невозможен без того, чтобы рабочий жил и содержал себя, следовательно, получал заработную плату. Отсюда следует, что повышение или падение заработной платы вызывает противоположное движение со стороны прибыли. Исходя из вышесказанного, Рикардо разоблачает как ложный предрассудок утверждение, что повышение заработной платы повышает цены товаров; оно заставляет только падать прибыль. Отмечая, что норма прибыли определяется относительной высотой заработ-

ной платы, Рикардо далее подчеркивает, что высота последней определяется ценой необходимых жизненных средств, которая, в свою очередь, зависит от производительности труда, тем большей, чем плодороднее почва. Следовательно, заработная плата или стоимость труда повышается или падает в обратном отношении к развитию производительной силы труда, поскольку последняя воздействует на стоимость жизненных средств рабочих.

Что касается нормы прибыли, то она падает или повышается в прямом отношении к производительной силе труда, поскольку последняя понижает или повышает заработную плату. Рикардо даже не ставит перед собой вопроса о прибыли как превращенной форме прибавочной стоимости и о превращении прибыли в среднюю прибыль, о цене производства как превращенной форме стоимости.

У Рикардо, таким образом, существует теория прибавочной стоимости, хотя он и не рассматривает ее в отличие от ее особых форм — прибыли, ренты, процента. Однако весь анализ прибавочной стоимости вращается у Рикардо вокруг ее количественной определенности. Качественную характеристику этой категории как специфического закона исторически определенного капиталистического способа производства Рикардо игнорирует.

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ РИКАРДО

Рикардо, как и Смит, не разрешил основного в проблеме денег. «Трудность, — писал К. Маркс, — состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами»¹. Рикардо рассматривал деньги лишь как орудие, с помощью которого совершается обмен. Ошибочное понимание денег основано у Рикардо на том, что он вообще давал лишь количественную характеристику меновой стоимости, что она определяется соответствующим количеством рабочего времени. Но Рикардо «...забывает, напротив, о *качественном* определении ее, а именно, о том, что индивидуальный труд выражает себя как *абстрактно всеобщий, общественный* труд только путем своего отчуждения...»². Рикардо не понимает связи абстрактного труда с деньгами, связи между определением меновой стоимости товара рабочим временем и необходимостью для товаров в своем развитии дойти до образования денег.

Рикардо свое учение о деньгах строит на определении меновой стоимости товаров рабочим временем. Рикардо видит в стоимости благородных металлов определенное количество овеществленного в ней рабочего времени. А так как стоимость всех других товаров измеряется в золоте и серебре как в товарах, имеющих определенную

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 102.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 560.

стоимость, то, следовательно, количество средств обращения в какой-нибудь стране определяется стоимостью единицы денежной меры, с одной стороны, и суммой стоимостей товаров — с другой. Это количество видоизменяется благодаря экономии в платежных средствах. Вместе с тем металлические деньги могут быть успешно замещены простыми знаками стоимости. Для этого нужно лишь, чтобы знаки стоимости были выпущены в пропорции, определяемой стоимостью денег. Рикардо указывал, что денежное обращение страны находится в совершенном состоянии, когда оно состоит исключительно из бумажных денег одинаковой стоимости с тем золотом, которое они должны представлять.

Таким образом, Рикардо до сих пор утверждал, что при данной стоимости денег количество средств обращения определяется ценами товаров и деньги как знак стоимости являются знаком определенного количества золота. Однако, наряду с изложенной точкой зрения на стоимость денег и на цены товаров, мы встречаем у Рикардо прямо противоположный взгляд на эти вопросы.

Предположим, продолжает Рикардо, что сумма стоимостей товаров либо уменьшается, либо увеличивается по сравнению со стоимостью обращающихся товаров, которая при данной стоимости золота непосредственно определяет массу денег, обращающихся в стране. Уменьшение суммы стоимостей товаров может произойти либо потому, что производится меньшее количество товаров по прежним стоимостям, либо потому, что та же товарная масса будет обладать меньшей стоимостью в результате увеличения производительной силы труда. Увеличение суммы стоимостей товаров может произойти либо потому, что производится большее количество товаров по прежним стоимостям, либо та же товарная масса будет обладать большей стоимостью в результате уменьшения производительной силы труда.

Итак, Д. Рикардо исходит из того, что сумма стоимостей товаров либо уменьшается, либо увеличивается по сравнению с указанным нормальным уровнем. Как же все это отразится, по мнению Рикардо, на судьбе данного количества обращающихся металлов, на стоимости денег? При уменьшении суммы стоимостей товаров количество обращающихся денег, утверждает Рикардо, будет чрезмерно большим при данной стоимости металла. Золото наряду с тем, что оно обладало собственной стоимостью, стало бы знаком металла, обладающим меньшей стоимостью, чем его собственная стоимость. Товарные цены поднялись бы. При увеличении суммы стоимостей товаров наблюдалась бы картина противоположного характера. Количество обращающихся денег будет меньше нормального уровня. Золото станет знаком металла с большей стоимостью, чем его собственная. Что же касается товарных цен, то они упали бы.

Таким образом, в обоих случаях обращающееся золото представляет собой знак стоимости, обладающий то меньшей, то большей стоимостью, в сравнении с его действительной стоимостью.

В обоих случаях движение товарных цен явилось бы следствием расширения или сокращения массы обращающегося золота относительно его нормального уровня, определяемого отношением между стоимостью денег и стоимостью обращающихся товаров.

Как только все товары начнут расцениваться по новой стоимости денег, все товарные цены поднимутся или упадут и количество золота, находящегося в обращении, окажется опять в соответствии с потребностями обращения. Отклонение же номинальной стоимости золота от его стоимости, определяемой рабочим временем, вызовет либо увеличение, либо сокращение производства золота. Этими противоположными движениями устраняется противоречие между металлической стоимостью золота и стоимостью его как средства обращения, восстанавливается нормальный размер обращающейся массы золота, и уровень товарных цен приходит в соответствие с мерой стоимостей.

Эти колебания в стоимости обращающегося золота Рикардо распространяет и на золото в слитках, так как предполагается, что все золото находится в обращении. Более того, по мнению Рикардо, такую же участь разделяют как разменные банкноты, так и неразменные бумажные деньги. Рикардо считал, что золото и банкноты могут получить более высокую и более низкую стоимость вследствие того, что совокупное их количество поднимается либо выше, либо ниже того уровня, который определяется стоимостью обращающихся товаров и стоимостью золота.

В чем основной порок изложенного учения Рикардо о деньгах? Весь ход рассуждений Рикардо приводит к тому, что цена товаров или стоимость золота зависит от количества обращающегося золота. Товары, следовательно, вступают в обращение без цены, а золото без стоимости. Доказательство же состоит в предположении, что любое количество золота, служащего в качестве денег, должно сделаться средством обращения, знаком стоимости обращающихся товаров, независимо от суммы стоимостей товаров. Доказательство, по существу, состоит в отвлечении от всех других функций, выполняемых деньгами, кроме их функции средства обращения.

Рикардо смешивал, металлические деньги с бумажными деньгами. Рикардо ошибочно считал, что в обращение может поступить любое количество металлических денег. Между тем при наличии полноценных денег сфера обращения может поглотить лишь определенное количество денег, зависящее от совокупности ряда факторов.

Рассматривая деньги главным образом как орудие обращения, Рикардо игнорирует уход металлических денег в сокровище, где при неизменившейся своей стоимости деньги выполняют функцию накопления. Находясь под впечатлением обесценения знаков стоимости, Рикардо утверждал, что то обстоятельство, что цены товаров повышаются или падают пропорционально увеличению или

уменьшению количества денег, является фактором, не подлежащим оспариванию. Рикардо игнорировал тот факт, что при избыточном или недостаточном количестве металлических денег стоимость каждой единицы металла отнюдь не изменяется, а товарные цены, при прочих равных условиях, также остаются стабильными. «Таким образом, цены не потому высоки или низки, что в обращении находится большее или меньшее количество денег, а наоборот, в обращении потому находится большее или меньшее количество денег, что цены высоки или низки»¹.

Рикардо дал абстрактную теорию денег не только применительно к национальным границам одной страны. Он пытался развить свою теорию в международном масштабе. При нормальном состоянии обращения, как утверждал Рикардо, каждая страна обладает массой денег, соответствующих ее богатству и ее промышленности. Деньги обращаются по своей действительной стоимости, следовательно, они обладают одинаковой стоимостью во всех странах. Поэтому деньги не вывозятся и не ввозятся из одной страны в другую и между массами денег, остающихся в различных странах, существует равновесие.

Каким же образом нарушается это международное равновесие или каким образом деньги перестают иметь одинаковую стоимость во всех странах? Международный уровень, определяемый стоимостью самого металла, нарушается либо потому, утверждал Рикардо, что масса золота в стране возрастает вследствие открытия в ней новых рудников, либо потому, что сумма стоимостей товаров, обращающихся в данной стране, возрастает или уменьшается. В той стране, где цены возрастут и номинальная стоимость золота понизится ниже его металлической стоимости, золото обесценится по сравнению с другими странами, товарные же цены по сравнению с другими странами возрастут. Это приведет к тому, что золото будет вывозиться, а товар ввозиться. Противоположное явление будет наблюдаться, когда цены будут падать и номинальная стоимость золота повысится выше его металлической стоимости.

Одним словом, ввоз или вывоз золота будет продолжаться до тех пор, пока не установится равновесие между массами обращающихся денег в международном масштабе. Отсюда вытекает вывод Рикардо, что стремление вывозить золото в качестве эквивалента за товары или неблагоприятный торговый баланс никогда не возникает иначе, как только вследствие чрезмерного денежного обращения, что вывоз монеты вызывается ее дешевизною и является не следствием, а причиною неблагоприятного баланса. Во всех этих положениях своей теории денег Рикардо исходил из заранее данной предпосылки, что деньги обращаются в различных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 88—89.

странах лишь постольку, поскольку они обращаются в качестве монеты, что деньги представляют собой только монету и потому обращающееся в стране золото может подняться либо упасть ниже своей собственной стоимости. Таким образом, и в рамках международного обращения Рикардо приходил к догматическому утверждению, к исходному пункту своей теории, что товары вступают в обращение без цены, а деньги без стоимости.

Поэтому учение Рикардо о движении металлов во внешней торговле было столь же теоретически несостоятельно, как и его теория денег применительно к масштабам отдельных стран. Исходные ошибочные позиции были одни и те же. Вместе с тем основные положения учения Рикардо о движении металлов во внешней торговле являлись одним из существенных аргументов в борьбе за свободную торговлю. Рикардо доказывал, что свободная международная торговля автоматически распределяет мировые запасы благородных металлов между странами. Каждая страна снабжается, таким образом, достаточным количеством металлических денег и поэтому опасения, что на путях свободной международной торговли страна может лишиться своего металлического запаса, совершенно несостоятельны.

Итак, в своей количественной теории денег Рикардо перенес на металлическое обращение закономерности бумажно-денежного обращения. Начав с правильного утверждения, что количество денег в обращении, при данной стоимости товаров, зависит от стоимости денег, Рикардо пришел к ошибочному выводу, что стоимость денег зависит от их количества. Это, по существу, означало разрыв теории денег с законом стоимости. Но если Рикардо и смешивал обращение золотых денег с бумажными, он, однако, не мыслил себе устойчивое денежное обращение вне золотого стандарта. В драгоценных металлах Рикардо ценил действительную устойчивость их стоимости, что и было причиной того предпочтения, которым они пользовались во всех странах в «качестве стандартной меры, которой измеряется стоимость других предметов».

Ратуя за устойчивую валюту на базе золотого стандарта, полагая, что население должно быть обеспечено от всяких других изменений в стоимости денег, кроме тех, которым подвергается стандартный денежный материал, Рикардо вместе с тем отстаивал сокращение непроизводительных издержек в экономике и отдавал предпочтение циркуляции бумажных денег.

Рикардо считал, что бумажные деньги являются по сравнению с золотом наиболее дешевым орудием обращения и дают возможность стране обменять золото, предназначавшееся для сферы обращения, на сырые материалы, инструменты и предметы пищи. Однако для того, чтобы предотвратить обесценение бумажных денег, Рикардо считал необходимым обеспечить обмен бумажных денег на золотые слитки. Рикардо, например, полагал, что запас в 3 млн. является при хорошем ведении дел достаточным, предполагая циркуляцию банкнот в 24 млн. Борьба Рикардо за экономию

в денежном обращении находилась в соответствии с его общей прогрессивной для того времени программой борьбы за развитие производительных сил в интересах промышленной буржуазии. В своей теории денег, как и во всех звеньях своей экономической теории, Рикардо выступал как глашатай свободной торговли, как представитель интересов промышленного капитала.

РИКАРДОВСКАЯ ТЕОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ

Теоретическое достоинство учения Рикардо о ренте заключалось в ясно сознаваемой им связи теории ренты с теорией трудовой стоимости, с определением стоимости количеством затраченного труда. Теория ренты Рикардо была связана также с так называемым законом убывающего плодородия почвы, с падающей, якобы производительностью земледелия или нормальным вздорожанием продукта. Исходным пунктом исследования Рикардо является предпосылка, что первоначальный капитал арендатора приносит только среднюю прибыль, причем арендатор не платит никакой земельной ренты. Рикардо далее утверждал, что в пределах определенной территории закон земельной ренты должен привести к возделыванию менее плодородной земли, следовательно, к вздорожанию земледельческих продуктов, к возрастанию земельной ренты.

«Предположим, — пишет Рикардо, — что участки № 1, 2 и 3 дают при равных затратах капитала и труда чистый продукт в 100, 90 и 80 кварталов хлеба. В новой стране, где плодородная земля имеется в изобилии сравнительно с населением и где поэтому необходимо возделывать только № 1, весь чистый продукт будет принадлежать земледельцу и составит прибыль на вкладываемый им капитал. Когда население увеличится настолько, что необходимо будет возделывать № 2..., то № 1 начнет давать ренту. Иначе существовали бы две нормы прибыли на земледельческий капитал или же 10 кварталов (или стоимость 10 кварталов) должны были быть вычтены из продукта № 1 для какой-нибудь иной цели... Точно таким же образом можно показать, что, когда приступают к обработке № 3, рента с № 2 должна равняться 10 квартерам, или стоимости 10 кварталов, а рента с № 1 поднимется до 20 кварталов, потому что тот, кто обрабатывал № 3, будет иметь одинаковую прибыль, уплачивает ли он 20 кварталов ренты за № 1, 10 кварталов ренты за № 2 или же возделывает № 3, не платя никакой ренты».

Следовательно, по мнению Рикардо, рента появляется только потому, что возрастает спрос на хлеб, что, в отличие от других отраслей промышленности, приходится прибегать к менее плодородной почве.

«...Сравнительная стоимость сырых материалов повышается по-

тому, что на производство последней добытой доли их затрачивается больше труда, а не потому, что землевладельцу уплачивается рента. Стоимость хлеба регулируется количеством труда, затраченного на производство его на земле того качества или с той долей капитала, при которых не платят ренты. Не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог». Земельная рента, по мнению Рикардо, в тех случаях, когда земледелие ведется капиталистическим способом и налицо имеется арендатор, является не чем иным, как излишком над всеобщей прибылью.

Теория ренты Рикардо исходит из того, что некоторые участки не дают ренты и что там, где действительно получается рента, то это дифференциальная рента.

В отличие от одной из теорий ренты Смита (вульгарной теории ренты Смита), где рента наряду с заработной платой и прибылью трактовалась как один из источников стоимости, Рикардо утверждал, что рента не влияет на уровень цен на хлеб. «Если бы высокая цена хлеба, — писал Рикардо, — была следствием, а не причиной ренты, то цена его изменялась бы пропорционально повышению или понижению ренты и рента была бы составной частью цены. Но так как регулятором цены хлеба является хлеб, производящийся при наибольшей затрате труда, то и рента не входит и не может ни в малейшей степени входить в качестве составной части в его цену». Ясное понимание принципа, что рента не представляет собой составную часть цены товаров, подчеркивал Рикардо, имеет «величайшую важность для науки политической экономии».

Рикардо подвергал также критике физиократические наслоения, которые имелись у Смита по вопросу о ренте, хотя они и не были для него характерны. Разоблачая присущие Адаму Смиту физиократические тенденции, Рикардо писал: «Разве природа не делает ничего для человека в обрабатывающей промышленности? ...Нельзя назвать ни одной отрасли промышленности, в которой природа не оказывала бы помощи человеку, и притом помощи щедрой и даровой». Оценивая критические высказывания Рикардо о грузе физиократических представлений, от которых еще не освободился Смит, К. Маркс указывал, что Рикардо выступает с позиции современной промышленности, в то время как Смит еще отражал предвзятость крупной промышленности.

Рикардо считал, что не всякий доход землевладельца представляет собой ренту; Рикардо протестовал против смешения ренты с процентом, с прибылью на капитал, против отождествления ренты с арендной платой. Рикардо различал в арендной плате, с одной стороны, процент на вложенный в землю капитал, с другой стороны, непосредственно ренту как нетрудовой доход землевладельца. Этот доход землевладельца представляет собой лишь дифференциальную ренту, ибо, согласно теории Рикардо, вообще не существует абсолютной ренты.

Отрицательный ответ Рикардо по вопросу о наличии абсолютной ренты совершенно последовательно вытекает из его теории стоимости. Игнорирование Рикардо абсолютной ренты объясняется тем, что он исходил из ложной предпосылки, что стоимости и цены производства товаров тождественны. Итак, в своей теории ренты Рикардо исходит из того взгляда, что не существует земельной собственности, препятствующей свободному приложению капитала к земле, что совершается переход от лучшей земли к худшей и всегда имеется необходимая сумма капитала, которая может быть вложена в землю.

В указанных исходных положениях ренты Рикардо сказались своеобразные английские отношения того времени, которые наложили свою печать на экономические воззрения Рикардо. Последовательность перехода от лучшей земли к худшей могла служить предпосылкой теории ренты лишь в такой стране, как Англия, где беспощадно хозяйничал и распоряжался капитал, который с конца XV века в течение столетий безжалостно разрушал все традиционные отношения в сельском хозяйстве.

В своей теории дифференциальной ренты Рикардо исходил из современного ему периода 1770—1815 гг., когда цены на пшеницу непрерывно росли. Этот факт представлялся Рикардо как непреложный закон, и он его односторонне обобщал. Последовательность перехода от лучших земель к худшим диктовалась Рикардо так же, как это выше отмечалось, его приверженностью к так называемому закону убывающего плодородия почвы. Предпосылка Рикардо о переходе от лучших земель к худшим была ошибочна.

К. Маркс показал всю несостоятельность теорий Веста, Мальтуса и Рикардо, утверждавших, что дифференциальная рента предполагается переход к худшей почве или же постоянно уменьшающуюся производимость земледелия. К. Маркс неоднократно доказывал, что понижающаяся и повышающаяся производительность добавочных затрат капитала представляет собой совершенно одинаково возможные случаи. Так называемый закон убывающего плодородия базируется на ложном предположении, что техника в сельском хозяйстве остается неизменной, а прогресс техники является исключением. В. И. Ленин указывал, что добавочные или последовательные вложения труда и капитала предполагают изменение способа производства, преобразование техники¹. При всех недостатках теории ренты Рикардо, она знаменовала собой по сравнению с его предшественниками значительный шаг вперед.

Рикардо принадлежит заслуга обоснования дифференциальной ренты на основе общей теории стоимости. Только К. Маркс сумел преодолеть ограниченность буржуазного кругозора Рикардо, что было связано с революционным переворотом, который совершил К. Маркс в политической экономии.

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 101.

По вопросу о накоплении Рикардо, подобно Смиту, развивал ошибочную точку зрения, будто накопление капитала представляет собой превращение дохода в переменный капитал, в заработную плату. Сводя вопрос о накоплении капитала к тому, потребляется ли сбереженный доход производительными рабочими или непроизводительными рабочими, Рикардо дал этой проблеме ложное освещение. Представление Рикардо о прибавочной стоимости как продукте вновь присоединенного в течение года труда, превращаемой в переменный капитал, затрачиваемый лишь на заработную плату, является, в свою очередь, следствием ошибочного взгляда Рикардо, а также Смита о том, что стоимость продукта сводится лишь к доходам.

Рикардо разделял точку зрения Сэя, будто бы невозможно всеобщее перепроизводство. Этот взгляд покоился на положении о том, что продукты обмениваются на продукты. Последнее положение приводило к тому, что спрос определяется только производством, к тезису о тождестве спроса и предложения. На языке Рикардо эти положения означали, что любая сумма капитала во всякой стране может быть производительно применена. Рикардо утверждал, ссылаясь на Сэя, что «нет такой суммы капитала, которая не могла бы найти себе применения в стране, потому что спрос ограничивается только производством. Каждый человек производит только для продажи или для потребления, и он продает всегда только с целью купить какой-нибудь другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы способствовать будущему производству».

Таким образом, всякий производитель необходимо становится или потребителем собственных товаров, или покупателем и потребителем товаров какого-нибудь другого производителя. Нельзя предположить, что он будет в течение долгого времени плохо осведомлен о том, какие товары он сможет производить с наибольшей выгодой для того, чтобы достичь своей цели, а именно: приобрести другие товары. Мало вероятно поэтому, чтобы он продолжал производить товар, на который нет спроса». Подвергая критике это высказывание Рикардо, К. Маркс подчеркивает, что ни один капиталист не производит для того, чтобы потреблять свой продукт даже в том случае, если он часть своего продукта применяет вновь для промышленного потребления. Цель капиталистического производства — присвоение стоимости, денег, абстрактного богатства. Ближайшая цель капиталиста при продаже — это превратить свой товарный капитал в денежный капитал и таким путем реализовать свою прибыль.

Рикардо игнорирует общественное разделение труда. На тех стадиях общественного развития, где люди производят для самих себя, действительно не бывает кризисов, но там и нет капиталистического

производства. «Человек, который произвел продукт, не имеет [в условиях капиталистического производства] выбора: продавать или нет. Он вынужден *продавать*. И вот при кризисах возникает как раз такое положение вещей, что он не может продать или же может продать лишь ниже цены издержек или даже вынужден продать прямо с убытком. Какая же польза ему, а также и нам, от того, что он произвел свой продукт для продажи? Дело именно в том, чтобы выяснить, что мешает этому его благому намерению осуществиться»¹. Кризис представляет собой «момент нарушения и перерыва процесса воспроизводства», и это нарушение не может быть объяснено тем, что происходит в периоды, когда нет кризиса.

Рикардо считает невозможным, чтобы накопленный в любых размерах в данной стране капитал не получил бы производительного применения, если не считать случаев весьма значительного повышения заработной платы вследствие повышения цен на предметы необходимости, когда в результате резкого снижения прибыли «исчезнет всякое побуждение к накоплению». На основе всего этого Рикардо приходит к выводу, что «нет никаких границ для спроса на капитал — для его применения до тех пор, пока он приносит какую-нибудь прибыль, и что, в каком бы изобилии не имелся капитал, единственной подлинной причиной падения прибыли является повышение заработной платы».

Рикардо полагал, что производство никогда не может превысить потребление, ибо потребности безграничны, весь мир потребностей не удовлетворяется одновременно, и они могут быть удовлетворены и удовлетворяются при помощи производства. В представлении Рикардо буржуазный способ производства как абсолютный способ производства отнюдь не знаменует собой наличия каких-нибудь границ для свободного развития производительных сил. Рикардо игнорирует присущее капитализму противоречие между производством и потреблением, ростом национального богатства рядом с ростом народной нищеты, развитие производительных сил общества без соответствующего роста народного потребления. В соответствии со своим взглядом о том, что продукты всегда покупаются на продукты или услуги, что деньги служат только мериллом, при помощи которого совершается обмен, Рикардо вообще считал, что общего перепроизводства быть не может, он допускал лишь возможность частичного перепроизводства.

Рикардо игнорировал специфические особенности капиталистического производства, имманентные ему антагонистические противоречия. Утверждая, что продукты обмениваются на продукты или на услуги, Рикардо превращает товар с его противоположностью между меновой и потребительной стоимостью просто в продукт, в потребительную стоимость, а обмен товаров — в меновую торговлю. В категории «услуга» погашена специфическая определенность наемного труда и труд взят лишь как источник потребительной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 559.

стоимости. Деньги же рассматриваются как посредник обмена, а не как существенная и необходимая форма бытия товара. На основе этих ошибочных предпосылок Рикардо и утверждает, что общего перепроизводства вообще не существует, что речь идет о частичном перепроизводстве. К. Маркс указывал, что для воззрений Рикардо характерно, что кризисы игнорируются благодаря отрицанию первых предпосылок капиталистического производства, бытия продукта как товара, раздвоения товара на товар и деньги, вытекающих отсюда моментов разделения в товарном обмене и, наконец, отношения денег или товара к наемному труду.

Чтобы доказать, что капиталистическое производство не может вести к общим кризисам, Рикардо, по существу, отрицает присущие капитализму специфические особенности. Вместе с тем, рассматривая капиталистическое производство как производство для удовлетворения потребностей, Рикардо видит в прибыли и условие, и побуждение к накоплению. Ограниченный своим буржуазным кругозором, Рикардо видел в капитализме абсолютный естественный способ производства, он не был в состоянии вскрыть его подлинные антагонистические противоречия, которые наглядно свидетельствуют о неизбежности его крушения.

РИКАРДО — ЗАВЕРШИТЕЛЬ БУРЖУАЗНОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Рикардо как экономист эпохи промышленного переворота, в сопоставлении со Смитом, развил дальше и подверг более глубокому теоретическому рассмотрению ряд важнейших проблем политической экономии. Рикардо стремился объяснить все экономические категории на основе закона стоимости, что ему удалось сделать, сравнительно со Смитом, с большей последовательностью. Рикардо изображал капитализм как вечную формацию. Рассматривая буржуазный способ производства с присущей ему противоположностью классовых интересов, Рикардо объявлял эту противоположность вечным, естественным законом исторического процесса. Однако Рикардо не были чужды пессимистические настроения о судьбе прославляемого им хозяйственного режима. Рикардо смутно, инстинктивно чувствовал его историческую ограниченность, его обреченность.

В лице Давида Рикардо, виднейшего представителя и завершителя классической политической экономии, буржуазная политическая экономия достигла наивысшего предела, который она не в состоянии была перешагнуть на всех последующих этапах истории экономических учений вплоть до наших дней.

Глава VI

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ КРИТИКИ КАПИТАЛИЗМА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ С. СИСМОНДИ

Сисмонди — идеолог мелкой буржуазии. Сисмонди, Жан-Шарль-Леонар Симонд Де (1773—1842) — швейцарский экономист и историк, мелкобуржуазный критик капитализма, видный представитель экономического романтизма.

В своих социально-экономических воззрениях Сисмонди исходил из предпосылки, что «люди объединились в общество... для того, чтобы обеспечить себе счастье...»¹. Имея в виду классическую школу политической экономии, Сисмонди считает несостоятельной «аксиому», гласящую, что свободная конкуренция определяет наиболее выгодное развитие индустрии и что интерес каждого образует общий интерес. Сисмонди считал несостоятельной доктрину, которая полагает, что «бесконечное расширение производства расширяет бесконечно и сбыт». В качестве горячего сторонника мелкого производства Сисмонди выступил с протестом против защитников и идеологов крупного предпринимательства. По мысли Сисмонди, производство должно соответствовать потреблению, производство должно определяться доходом.

В деле «регулирования» хозяйственной жизни Сисмонди придавал большое значение государственной власти. К. Маркс, защищая классическую школу политической экономии от нападок Сисмонди, писал, что Рикардо был вполне «прав для своей эпохи», когда он хотел «*производства для производства*»². Ссылаясь на сентиментальных противников Рикардо, а к таким принадлежал Сисмонди, К. Маркс подчеркивал, что они забывают, что «производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т. е. *развитие богатства человеческой природы*

¹ С. Сисмонди. Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношении к народонаселению. Сопэкиз, 1937, стр. 69. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 123.

как *самоцель*»¹. Подвергая критике Сисмонди, который, как мы видели, противопоставлял этой цели благо отдельных индивидов, К. Маркс писал, что это приводит к утверждению о необходимости задержать ради обеспечения блага отдельных индивидов «развитие всего человеческого рода». При таком подходе к вопросу, продолжал К. Маркс, остается непонятным то, что «это развитие способностей рода *«человек»*, хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида; что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву»².

Стремясь увековечить мелкое производство, Сисмонди утверждал, что все возрастающая конкуренция должна оставить неизменными, неприкосновенными патриархальные отношения среднего крестьянства к батракам. Игнорируя те изменения, которые происходили в результате развития капитализма в патриархальных отношениях в деревне, в отношениях между «крестьянами» и батраками, Сисмонди декретировал возможность сохранения равенства производителей при капитализме; в этом выражалась его мелкобуржуазная точка зрения.

Сисмонди идеализировал мелкое производство. Сисмонди, как писал В. И. Ленин, сочинял себе какое-то абстрактное, стоящее вне общественных отношений производства мелкое хозяйство и считал, что это «...мелкое хозяйство в действительности стоит в обстановке *товарного производства*...»³. В действительности, этот мелкий производитель, возводимый Сисмонди в апофеоз, есть мелкий буржуа. Сисмонди утверждал, что крестьяне и рабочие составляют самую значительную часть населения, самую полезную ее часть, а между тем «чувствуют они себя обездоленными». «Если крестьяне лишены земли, а рабочий — орудий производства, значит все творцы богатства, через чьи руки оно постоянно проходит, остаются чужды всем связанным с ним выгодами». Существует опасность, что они могут заинтересоваться вопросом о «политических правах», вопросом о «собственности» и потребовать «раздела земли и капиталов». А это может привести к революции.

Возможность коренного переворота в жизни общества, насильственного низвержения отжившего общественного строя вызывает у Сисмонди смятение чувств, состояние сильной взволнованности, беспокойства, замешательства. Сисмонди писал: «Революция в таких условиях ужасна. Общественный порядок ниспровергается, власть переходит в руки массы, обладающей физической силой, и эта масса, много страдавшая из-за нищеты оставшаяся

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 123.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 215.

невежественной, враждебна всякому закону, всякому виду отличия и всякой форме собственности».

Мелкобуржуазный романтик Сисмонди был противником, врагом революции, он ратовал за реформирование капитализма, за его «регулирование», исходя из интересов мелкой буржуазии. Характеристика Сисмонди как мелкого буржуа основана, по мысли В. И. Ленина, на том, что Сисмонди «...не понимает связи между мелким производством (которое идеализирует) и крупным капиталом (на который нападает)»; на том, что Сисмонди «...не видит, как излюбленный им мелкий производитель, крестьянин, становится, в действительности, мелким буржуа»¹.

Методология Сисмонди. Существенной особенностью методологии Сисмонди было его непонимание связи между производством и потреблением. Сисмонди сетовал на то, что при капитализме производство необходимо обгоняет потребление. Сисмонди утверждал, что потребление есть единственная цель накопления; что потребление определяет воспроизводство; что национальный расход должен регулировать национальный доход.

Сисмонди нападал на классическую школу политической экономии за то, что она мало обращает внимания на потребление и сбыт. Сисмонди утверждал, что накопление и производство должны соответствовать потреблению, в противном случае наступает кризис. Подвергая критике высказывания Сисмонди о соотношении между производством и потреблением, В. И. Ленин подчеркивал ошибочность выделения «потребления» от «производства» как особого отдела науки; ошибочность утверждения о том, что производство зависит от естественных законов, тогда как потребление определяется распределением, зависящим от воли людей.

В. И. Ленин писал, что выделение из «производства» в качестве особых отделов «распределения» и «потребления» основано лишь на крайне ненаучном понимании самого предмета политической экономии; что «ее (т. е. политической экономии — Авт.) предмет вовсе не «производство материальных ценностей», ...а общественные отношения людей по производству»; что если мы «...последовательно будем смотреть на «производство», как на общественные отношения по производству, то и «распределение», и «потребление» потеряют всякое самостоятельное значение»².

Несостоятельность общеметодологических положений Сисмонди, ошибочность его воззрений на общество вообще предопределили ошибочность его трактовки предмета политической экономии. Сисмонди определял политическую экономию как «изыскание средств, которые обеспечили бы наибольшему числу людей в данном государстве наибольшее, зависящее от правительства материальное благосостояние». Сисмонди утверждал, что предмет политической экономии составляет «материальное благосостояние лю-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 216.

² Там же, стр. 195—196.

дей, поскольку оно зависит от государства». Логическим следствием трактовки предмета политической экономии у Сисмонди было его утверждение, что политическая экономия — «наука не простого расчета, а наука моральная»; что она вводит в «заблуждение, когда оперируешь голыми цифрами, и ведет к цели лишь тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей».

Сисмонди был противником применения абстракции в политической экономии. Сисмонди утверждал, что человеческому разуму свойственна «тенденция все упрощать, классифицировать, сообщать»; вместе с тем он заявлял, что в «абстракциях чаще всего проявляется не природа нашего разума, а его ограниченность». Сисмонди упрекал Рикардо в том, что «абстракцию», на которой он «построил всю свою систему..., трудно согласовать с фактами».

Непонимание Сисмонди противоречий капитализма. Заслугой Сисмонди является то, что он констатировал наличие ряда противоречий в капиталистическом общественном строе. Так, например, в противоположность представителям классической школы политической экономии Сисмонди отметил процесс разорения мелкого производителя, который вел к образованию класса рабочих. Указание этого противоречия в условиях капитализма составляет заслугу Сисмонди. Однако, как писал В. И. Ленин, Сисмонди как экономист «не сумел *понять* этого явления и свою неспособность к последовательному анализу прикрывал «благими пожеланиями». Сисмонди, по мысли Ленина, «абсолютно ничем не доказывает» возможность сохранения равенства производителей при конкуренции между отдельными производителями. Сисмонди «...просто декретирует, что так *должно быть*. Вместо дальнейшего анализа того противоречия, которое он справедливо указал...»¹, т. е. на свойственное капитализму неравенство распределения, Сисмонди «принимается толковать о нежелательности противоречий вообще»².

Анализируя образование излишнего населения в результате развития капиталистической машинной индустрии с конца XVIII в., Сисмонди указал на вскрываемые этим фактом противоречия и на вытеснение населения машинами. «В этом указании, — писал В. И. Ленин, — его (т. е. Сисмонди. — *Авт.*) неоспоримая заслуга, ибо в ту эпоху, когда он писал, такое указание было новостью»³.

Сисмонди был одним из первых, указавших на то, что введение машин, вытесняя рабочих, ухудшает их положение. Констатируя, что «машины вытесняют людей», Сисмонди переходит к вопросу, является ли изобретение машин выгодным для нации или несчастьем. «Решение» этого вопроса сводится Сисмонди к тому, что выгода, если «спрос на потребление превышает средства производства в руках населения», а бедствие — «когда производство вполне достаточно для потребления».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 127.

² Там же.

³ Там же, стр. 170.

Таким образом, как пишет В. И. Ленин, «...констатирование противоречия служит у Сисмонди лишь поводом для рассуждений о каком-то абстрактном обществе, в котором уже нет никаких противоречий и к которому применима мораль расчетливого крестьянина!»¹. В. И. Ленин писал, что Сисмонди не имеет ни малейшего представления о том «...громадном историческом значении, которое имеет развитие производительных сил общества, совершающееся... путем противоречий и непропорциональностей...»². Таким образом, для методологии Сисмонди было характерно, что, констатируя ряд противоречий капитализма (и в этом его заслуга), Сисмонди в духе мелкобуржуазной морали высказывался о нежелательности противоречий вообще.

Неисторическая трактовка Сисмонди проблем экономики. Непонимание законов капитализма. Методологии Сисмонди был чужд историзм — один из основных принципов диалектического, подлинно научного изучения общества. Так, о неисторическом подходе Сисмонди к социально-экономическим проблемам наглядно свидетельствует его трактовка вопроса о протекционизме и фритредерстве как о «ложном» и «правильном» пути, т. е. как вопроса о капитализме или о некапиталистическом пути. Не понимая связи протекционизма с определенным хозяйственным строем, Сисмонди, как писал В. И. Ленин, рассуждает подобно философам и экономистам XVIII в. «...совершенно абстрактно, отличаясь от них лишь тем, что нормальным и естественным объявляет не буржуазное общество, а общество мелких самостоятельных производителей»³.

О неисторическом подходе Сисмонди к явлениям хозяйственной жизни свидетельствует также его постановка вопроса о неустойчивости капитализма, его непонимание того, что капиталистическое развитие путем диспропорций является необходимым и что капиталистическое развитие знаменуется ростом производительных сил, обобществлением труда в пределах общества, повышением подвижности населения и его сознательности. О метафизическом подходе Сисмонди к историческому процессу ярко свидетельствует его стремление возвратиться к правильной пропорциональности производства, когда средства производства были ограничены, когда обмен происходил в крайне узких границах.

Методологическая и политико-экономическая теория Сисмонди страдала непониманием законов капитализма. В силу своей идеалистической концепции исторического процесса, Сисмонди отрицал объективные закономерности капиталистического производства. Так, Сисмонди не понимал основных законов реализации общественного продукта при капитализме, он поверхностно представлял себе противоречия, свойственные реализации. Сисмонди было присуще недоверие к капитализму как к хозяйственному режиму,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 171.

² Там же, стр. 230.

³ Там же, стр. 190.

развивавшему свои производительные силы. Сисмонди отрицал его передовую, прогрессивную роль. Отсюда упование, надежды на слабое развитие капитализма, стремление задержать его поступательный ход.

Идеалистическая методология Сисмонди, как мы видим, страдала существенными погрешностями — непониманием противоречий капитализма, отсутствием историзма в трактовке общественных явлений, игнорированием законов капиталистического производства, хода его действительного развития. Отсюда вытекала его романтическая, сентиментальная критика капитализма. Отсюда следовали морализирование против действительного процесса развития капитализма, мелкобуржуазная оценка его особенностей.

Исходной точкой практических пожеланий Сисмонди была опека над капитализмом, его регламентация, задержка его развития. Поиски у Сисмонди «иных путей» общественного развития, его теоретические построения о должном базировались на исключении капитализма и на господстве мелкого самостоятельного производства.

Сисмонди как критик капитализма. Специфической особенностью той эпохи, в которую жил Сисмонди, было быстрое развитие капитализма, ускорившееся после французской революции, разгромившей остатки феодализма. Сисмонди критиковал капитализм, осуждал его развитие. Характеризуя капиталистический хозяйственный режим, Сисмонди видит его особенность в том, что активность предпринимателя является результатом «усиленного в сравнении с предшествующим производством спроса», причем этот спрос предполагает наличие «нового дохода, предназначенного для потребления»; что каждый торговец сосредоточивает всю свою энергию на «попытках увеличить сбыт»; что вся торговая политика ставит «целью увеличение национального сбыта».

По мысли Сисмонди, интересы общества в области увеличения производства и «коммерческого» богатства и интересы частного производителя не совпадают. Общество заинтересовано в том, чтобы «трудом создавался новый доход»; частному производителю достаточно, чтобы «старый доход, изменив свое направление, попал в его руки», чтобы «старый доход, служивший средством существования для его конкурентов, был потерян ими и оживил его собственное предприятие».

Общество заинтересовано в том, чтобы «труд регулировался спросом», чтобы «все товары имели сбыт», чтобы «не пострадал ни один производитель»; частный производитель «не руководствуется общим спросом», он соразмеряет «свое производство с количеством находящихся в его распоряжении капиталов», он соображает всегда со «средствами производства, а не со средствами потребления». Исходя из антитезы, противоположения интересов общества и отдельных производителей, Сисмонди апеллирует к государству. «Государство не только не должно поощрять без разбора всякое производство, оно должно стремиться умерять слепое

усердие, которое служит во вред согражданам и во всяком случае во вред другим людям. В первом случае это противоречит государственным интересам, во втором — интересам гуманности».

Сисмонди подчеркивает полезность всякого технического изобретения, увеличивающего производительность труда. Вместе с тем он считает, что с «пользой оно может быть применено только при соответствии производства размерам потребления». По мысли Сисмонди, при наличии избыточного числа рабочих, получающих недостаточную заработную плату, при наличии их недопотребления «применение новой машины, вытесняющей некоторое количество рабочих, является бедствием; фабрикант применяет ее не для того, чтобы облегчить труд своих рабочих, а для того, чтобы уничтожить рабочих своего конкурента». В том, что рабочий в результате роста производительности своего труда «не становится от этого богаче и не пользуется большим досугом», в этом «виновен не прогресс в механике, а общественный строй».

«Коммерция», по мысли Сисмонди, создает богатства более значительные, чем земля. «Коммерция связывает между собой нации и способствует росту мировой культуры». Сисмонди в то же время утверждал, что ему не известно такое общество, в котором «коммерческое и земельное богатства обеспечивали бы гражданам все то благополучие, которое можно ожидать от богатства». Сисмонди ратует за то, чтобы расширение мануфактур происходило в соответствии с «потребностью». Это позволит фабрикантам, нанимая рабочих, сохранить неизменной заработную плату; применяя возросший капитал, сохранить неизменным процент. По мысли Сисмонди, рост «коммерции» не должен быть связан с падением заработной платы и процентов на капитал. В противном случае «потребление не будет расти наравне с производством», что отнюдь не будет знаменовать собой «повышение общего благосостояния».

Распространение «всеобщего благоденствия» Сисмонди связывает с «постепенным» прогрессом богатства, когда он «соразмерен сам с собой». В бедствиях, порожденных тем, что «потребление обгоняет образование дохода», что «производство превышает потребление», что «сбережение образует больше «капиталов», чем может поглотить промышленность; что «рост населения превышает спрос на труд», — во всех этих бедствиях, по мысли Сисмонди, отражается то, что «деятельность каждого индивида стремится ускорить движение машины». Сисмонди со всей неопределенностью и осторожностью заявляет: «Может быть, обязанность правительства состоит в том, чтобы замедлить движение, для того чтобы регулировать его». Подвергая критике капитализм, Сисмонди противопоставляет ему мелкое производство, натуральное крестьянское хозяйство и ремесло. Сисмонди идеализирует мелкое крестьянское хозяйство, возводит его в апофеоз. Сисмонди идеализирует также примитивное ремесло и цехи. Осуждая денежное хозяйство за то, что оно разрушает обеспеченное положение мелких производителей и их взаимное сближение, Сисмонди пре-

возносит мелкое производство за то, что оно обеспечивает самостоятельность производителя и устраняет противоречия капитализма.

В. И. Ленин подверг глубокой критике типичную для Сисмонди как романтика ошибку — исходя из противоречий капитализма отрицать в нем высшую форму общественности. В. И. Ленин писал: «Разве капитализм, разрушающий средневековые общинные, цеховые, артельные и т. п. связи, не ставит на их место других? Разве товарное хозяйство не есть уже *связь* между производителями, связь, устанавливаемая *рынком*? Антагонистический, полный колебаний и противоречий характер *этой связи* не дает права отрицать *ее существования*»¹. В. И. Ленин подчеркивал, что только утопист, сочиняющий «...фантастические планы расширения средневековых союзов... на все общество, может игнорировать тот факт, что именно «неустойчивость» капитализма и есть громадный прогрессивный фактор, ускоряющий общественное развитие, втягивающий все большие и большие массы населения в водоворот общественной жизни, заставляющий их задумываться над ее строем, заставляющий их самих «ковать свое счастье»².

Сисмонди утверждал, что богатство «коммерческое» является вторым по важности в «экономическом строе»; что первым должно возрастать богатство «территориальное»; т. е. земельное, дающее «средства существования»; что торговый класс, получающий часть продукции земли, должен возрастать в зависимости от роста этих продуктов. Подвергая критике жалобы Сисмонди, характерные для него как патриархального романтика, на то, что рост торговли и промышленности обгоняет развитие земледелия, В. И. Ленин писал, что «всегда и везде при капиталистическом развитии земледелие остается *позади* торговли и промышленности, всегда оно подчинено им и эксплуатируется ими, всегда оно лишь позднее *втягивается* ими на стезю капиталистического *производства*»³. Для Сисмонди как критика капитализма было чрезвычайно характерно его воззрение на уменьшение земледельческого населения за счет индустриального.

Сисмонди, по мысли В. И. Ленина, как сентиментальный романтик, просто оплакивает, осуждает это явление, просматривает, что увеличение индустриального населения находится в необходимой и неразрывной связи с разделением общественного труда, ростом товарного хозяйства, развитием капитализма. «Товарное хозяйство развивается по мере развития общественного разделения труда. А это разделение труда в том и состоит, что одна за другой отрасли промышленности, один за другим вид обработки сырого продукта *отрываются* от земледелия и становятся самостоятельными, образуя, след., индустриальное население. Поэтому рассуждать

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 207.

² Там же, стр. 208.

³ Там же, стр. 203.

о товарном хозяйстве и капитализме — и не принимать во внимание закона относительного возрастания индустриального населения, — значит не иметь никакого представления об *основных* свойствах *данного* строя общественного хозяйства»¹.

Теория реализации Сисмонди. Отличительной особенностью теории реализации Сисмонди является его учение о доходе, об отношении дохода к производству и населению. Сисмонди утверждал, что с развитием капитализма в промышленности и земледелии производство обгоняет потребление и становится перед неразрешимой задачей найти потребителей. Внутри страны потребителей не оказывается, так как масса населения превращается в наемных рабочих и создается незанятое население. Что же касается внешнего рынка, то его искать становится все труднее со вступлением на мировую арену новых капиталистических стран.

Таким образом, Сисмонди утверждал, что рост капитализма уменьшает внутренний рынок; что внутренний рынок сокращается свойственным капитализму неравенством распределения; что рынок должен создаваться равномерным распределением. В. И. Ленин указывает, что Сисмонди отнюдь не исследовал возможность сохранения равенства производителей при наличии конкуренции между ними. Он просто декретирует, что так должно быть.

Выводы против возможности капитализма и его развития Сисмонди делал и из своего учения о доходе. Вопрос о различии капитала и дохода Сисмонди трактует по отношению ко всему обществу. Сисмонди утверждал, что различие между капиталом и доходом существенно для общества; что «насколько трудно различить капитал и доход общества, настолько важно это различие»; что «доход для одного становится капиталом для другого и один и тот же предмет, переходя из рук в руки, принимает последовательно» то наименование «капитала», то наименование «дохода».

Однако, поставив вопрос о различии капитала и дохода общества, Сисмонди не дал на него ответа. Сисмонди разделял догму А. Смита, состоящую в том, что стоимость годового продукта разлагается на доходы. Сисмонди заявлял, что «национальный доход и готовое производство взаимно уравниваются и представляются величинами равными; что «все годовое производство потребляется в течение года, но отчасти рабочими, которые, давая в обмен свой труд, превращают его в капитал и воспроизводят его, отчасти капиталистами, которые, давая в обмен свой доход, уничтожают его».

Таким образом, вопрос о различии национального капитала и дохода, который Сисмонди представлялся крайне важным и трудным, разрешается им утверждением, что годовое производство равняется национальному доходу. В. И. Ленин писал, что, отбросив вопрос о различии национального капитала и дохода, Сисмонди не

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 222.

замечает, что он пришел к «...положению совершенно бессмысленному: каким же образом годовое производство может все целиком входить в потребление рабочих и капиталистов в виде дохода, когда для производства нужен капитал...»¹.

Из догмы А. Смита Сисмонди делал вывод о том, что производство должно соответствовать потреблению, что производство определяется доходом. Он претендовал на то, что его вывод представляет собой новое слово по сравнению с учением А. Смита.

В. И. Ленин писал о высказываниях Сисмонди по вопросу о взаимоотношениях производства с потреблением, производства с доходом, что Сисмонди «...прямо переносит на капиталистическое общество мораль экономного крестьянина и думает серьезно, что он внес этим исправление в учение Смита»². Из отождествления дохода с тем, что произведено, с «производством», вытекает отождествление реализации с личным потреблением. Из отождествления реализации с личным потреблением вытекает учение, что капиталисты не могут реализовать именно прибавочную стоимость, ибо из двух частей общественного продукта заработную плату реализуют своим потреблением рабочие.

Так, в полемике с Мак-Куллохом Сисмонди указывает на то, что, излагая Рикардо, Мак-Куллох не объясняет реализации прибыли. Мак-Куллох утверждал, что при разделении общественного труда одно производство есть рынок для другого. Сисмонди упрекал Мак-Куллоха, что он «предполагает труд без прибыли, воспроизводство, которое возмещает только потребление рабочих; что он не оставляет ничего на долю хозяина».

Сисмонди ставит перед собой задачу исследовать, чем «становится излишек производства рабочих над их потреблением». Анализируя приведенные высказывания Сисмонди, В. И. Ленин писал, что у этого — первого романтика мы находим уже вполне определенное указание на то, что капиталисты не могут реализовать сверхстоимость. Ленин далее подчеркивает, что из этого положения следует дальнейший вывод, что «...по самым условиям реализации необходим внешний рынок для капитализма»³.

Из доктрины Сисмонди о тождестве национального дохода с национальным производством, из его учения о необходимости соизмерять производство с доходом вытекало учение о кризисах, вытекало воззрение, что кризис есть результат чрезмерного производства, обогнавшего потребление. Сисмонди считал несоответствие производства с потреблением основной причиной кризисов, причем на первое место выдвигал недостаточное потребление народа. Анализируя основную ошибку Сисмонди в его теории реализации, В. И. Ленин прежде всего отмечает, что Сисмонди свое учение о национальном доходе и о распределении его на две части — часть

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 135.

² Там же, стр. 137.

³ Там же, стр. 140.

рабочих и часть капиталистов — перенял целиком у А. Смита. Причем Сисмонди по сравнению с положениями А. Смита сделал шаг назад, ибо опустил попытку А. Смита, хотя и неудачную, доказать теоретически свою догму¹.

Сисмонди не замечает того противоречия, в котором оказалась его теория к учению о производстве вообще. Затруднение, перед которым очутилась догма А. Смита, состояло в том, что понятие капитала и дохода нельзя перенести прямо с индивидуального продукта на общественный. Правда, Сисмонди признавал, что с общественной точки зрения «капитал для одного становится доходом для другого». Но эта фраза только формулировала затруднение, а не разрешала его. Разрешение состояло в том, что при рассмотрении этого вопроса нельзя говорить о продуктах вообще без отношения к их материальной форме.

Ошибочное учение Сисмонди о национальном доходе приводило к ошибочным выводам о накоплении в капиталистическом обществе. В противоположность Рикардо Сисмонди отрицал, что производство само создает себе рынок; базируя на этом отрицании свою теорию кризисов, он писал: «...Производство должно соразмеряться с социальным доходом, и те, кто поощряет к безграничному производству, не заботясь о том, чтобы узнать доход, толкает нацию к гибели, думая открыть ей путь к богатству». Сисмонди считал, что «национальный расход должен включать в себя в форме потребительного фонда всю сумму национального производства». Сисмонди сетовал на то, что «у богатых наций производство нередко определяется не потребностями, а изобилием капиталов»; что, «быстро опережая потребление, производство порождает жестокие бедствия».

Сисмонди подчеркивал присущее капиталистическому производству противоречие между стремлением к безграничному расширению производительного потребления, к безграничному расширению накопления и производства и пролетаризацией народных масс, ставящей узкие границы личного потребления. В. И. Ленин показал всю несостоятельность выводов, которые делал Сисмонди и из этого противоречия о невозможности развития капитализма или непрогрессивности капитализма сравнительно с прежними хозяйственными режимами.

Из ошибочной теории Сисмонди об общественном доходе и продукте в капиталистическом обществе, из его ошибочного утверждения, перенятого у А. Смита, что все производство капиталистического общества состоит из двух частей — части рабочих (переменного капитала) и части капиталистов (прибавочной стоимости), вытекало также ошибочное учение о невозможности реализации продукта вообще и прибавочной стоимости, в частности, в капиталистическом обществе, о необходимости прибегать к внешнему рынку.

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 141.

Критикуя Сисмонди, В. И. Ленин утверждал, что ошибочные высказывания Сисмонди являются результатом «...непонимания основных законов реализации вообще, неумения разделить три... части продукта по стоимости и два вида продуктов по материальной форме»; что «нет решительно никаких разумных оснований выделять сверхстоимость из всего продукта по отношению к ее реализации»¹.

О теории, которая связывает внешний рынок с вопросом о реализации всего общественного продукта, В. И. Ленин говорил, что она обнаруживает не только непонимание этой реализации, но также содержит в себе крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации. Внешний рынок, подчеркивает В. И. Ленин, для капиталистической страны нужен отнюдь не потому, что продукт не может быть реализован в капиталистическом строе. Внешний рынок необходим потому, что законом капиталистического производства является *«безграницное расширение, вечное движение вперед»*².

Развивая марксистскую теорию воспроизводства общественного капитала, В. И. Ленин обогатил и конкретизировал положение К. Маркса, что теория реализации должна исходить из замкнутого капиталистического общества, что теория реализации должна абстрагировать процесс товарного обмена одной страны на другую, процесс расширения капитализма на другие страны. Тем самым было опровергнуто утверждение Сисмонди, что поиски внешнего рынка свидетельствуют о несостоятельности капитализма.

Трактовка кризисов у Сисмонди. Основной причиной кризисов Сисмонди считал несоответствие производства с потреблением, причем на первое место он выдвигал недостаточное потребление народных масс, рабочих. Воззрения Сисмонди на кризисы как результат нарушения соответствия между производством и доходом, как результат чрезмерного производства, обогнавшего потребление, вытекали из его учения о необходимости соразмерять производство с доходом.

Учение Сисмонди о кризисах является естественным и неизбежным выводом из его воззрения на то, что накопление, рост производства вообще определяется потреблением, из неверного объяснения им реализации всего общественного продукта, сводимого к доле рабочих и доле капиталистов в доходе. Учение Сисмонди о кризисах является следствием доктрины о тождестве национального дохода с национальным производством. Теория кризисов Сисмонди принадлежит в экономической науке к теориям, выводящим кризисы из недостаточного потребления. Подвергая критике теории, выводящие кризисы из недостаточного потребления, В. И. Ленин указывал, что «...в эпохи, предшествующие кризисам, потребление рабочих повышается, что недостаточное потребление

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 153.

² Там же, стр. 156.

(объясняющее будто бы кризисы) существовало при самых различных хозяйственных режимах...»¹. Между тем кризисы присущи только капиталистическому режиму.

Марксистская теория, подчеркивает В. И. Ленин, отнюдь не отрицает факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления. Она отводит ему надлежащее место как явлению, относящемуся лишь к одному подразделению общественного производства. Марксистская теория учит, что противоречие между производством и потреблением не может объяснить кризисов, что кризисы вызываются другим, более глубоким, основным противоречием капиталистической хозяйственной системы — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Так как при капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств, то кризисы являются средством восстановления время от времени нарушенного равновесия. Пропорциональность отдельных отраслей «устанавливается лишь как средняя величина из ряда постоянных колебаний». «...Пропорциональность (или соответствие) *«предполагается»* теорией, а на деле оно *«постоянно нарушается»*, ...для создающей пропорциональность замены одного распределения капитала другим *«необходим кризис»*...»².

В. И. Ленин подчеркивал, что с теорией кризисов Сисмонди самым непосредственным образом связано определенное отношение к капитализму. Объяснение кризисов противоречием между производством и потреблением, невозможностью реализовать продукты приводит к отрицанию действительности, к объяснению капитализма путем «ложным», к поискам «иных путей» общественного развития, к выводу, что чем дальше развивается противоречие между производством, тем труднее выход из него. Объяснение же кризисов противоречием между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения означает признание действительности, признание капиталистического пути общественного развития, отказ от поисков «иных путей», неизбежность вывода, что выход заключается в развитии противоречия между производством и потреблением, что выход тем легче, чем дальше развиваются все противоречия капиталистического общественного строя.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРУДОНА

Прудон — идеолог мелкой буржуазии. Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма. Предметом исследования у Прудона отнюдь не были определенные,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 159.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 620.

конкретные экономические отношения, экономическая действительность. Для Прудона было характерно игнорирование не зависящих от воли и сознания людей экономических законов. Он судил об экономических отношениях, исходя из их соответствия его представлениям о вечной справедливости. По мысли Прудона, справедливость представляет собой «основополагающий принцип, органический, управляющий, суверенный принцип обществ». Прудон превращает вечную справедливость в мерило, в высшего судью всех дел человеческих.

К. Маркс писал: «Прудон сначала черпает свой идеал вечной справедливости... из юридических отношений, соответствующих товарному производству, чем дает, кстати сказать, столь утешительное для всех филистеров доказательство того, что форма товарного производства столь же вечна, как справедливость. Затем он старается, наоборот, преобразовать в соответствии с этим идеалом справедливости действительное товарное производство и соответствующее ему действительное право»¹.

По мысли Прудона, капиталистическое общество должно быть преобразовано не в соответствии с законами своего собственного экономического развития, а согласно предписаниям справедливости. В своих планах реформирования капиталистического общества, произвести в нем переворот, Прудон исходил из утопического желания, ставил своей целью превратить всех его членов в мелких буржуа и мелких крестьян. Прудон игнорировал промышленную революцию XVIII в., крупное фабричное производство, ознаменовавшиеся грандиозным увеличением производительной силы труда.

Прудон отстаивал реакционный принцип, будто созданные крупной промышленностью условия производства являются случайными болезненными наростами. Идеализируя мелкую буржуазию, мелкое ремесленное производство, Прудон считал лучшим из миров на земле, при котором будет удовлетворена «вечная справедливость» — хозяйственный режим, состоящий из отдельных, формально независимых товаропроизводителей. Последние изготовляют особые самостоятельные продукты, пригодные к немедленному потреблению и обмену на рынке, при этом каждому товаропроизводителю возмещается полная стоимость продукта его труда в виде другого продукта.

Ф. Энгельс подчеркивал всю несостоятельность догмы Прудона о том, что каждый должен получить в обмен на свой продукт полный доход труда, полную стоимость своего труда. Ф. Энгельс писал, что вычислить полную стоимость труда «дело нелегкое»; что «современная промышленность затемняет именно ту особую долю участия каждого отдельного человека в совокупном продукте, которая при прежнем обособленном ручном труде сама собой выражалась в произведенном продукте»; что «...современная промышленность все более и более устранила единичный обмен, на кото-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 94.

ром построена вся система Прудона, а именно — непосредственный обмен между двумя производителями, из которых каждый выменивает свой продукт на продукт другого, в целях потребления»¹.

Прудон выступал в роли изобретателя практических предложений, определенных конкретных чудодейственных рецептов, социальных панацей для устранения всех общественных зол. С помощью своей утопической «науки» он пытался сгладить противоположность между капиталом и трудом, между пролетариатом и буржуазией. В мелкобуржуазной идеологии Прудона существенную роль играет его трактовка так называемых «экономических сил».

Анализируя «экономические силы», Прудон под ними подразумевал известные «начала деятельности», а именно: разделение труда, конкуренцию, коллективную силу, обмен, кредит, собственность. Прудон считал, что наличие организованного труда и всеобщего благополучия возможны при условии, что указанные силы «поддерживаются в равновесии и в подчинении законам, которые присущи им одним и никоим образом не зависят от человеческого произвола». В противном случае имеет место полная «анархия труда», когда «полезные действия экономических сил оказываются в одинаковой степени перемешаны с вредными». Истинную, глубокую причину той болезни, которой подвержено французское общество, Прудон видит в «анархии экономических сил», в той борьбе, которую они ведут против системы «гувернаментализма», т. е. против системы правительственной власти, принципа государственности, против всякого авторитарного начала.

Подчеркивая, что ассоциация отнюдь не является «экономической силой», Прудон в качестве примера «экономической силы» объявлял также торговлю, причем он становится на путь апологии торговли и ее носителя — торговца. Оказывается, что торговля, независимо от услуг, оказываемых ею благодаря «материальному факту» — транспорту товаров, есть «прямой возбудитель потребления»; что торговля является «одной из причин производства», «принципом для образования стоимости»; что торговля является «метафизическим актом обмена»; что торговля является производителем в такой же мере, как и труд, «созидательным» актом «реальных предметов и богатств», хотя она и создает их иначе, чем труд; что обмен — эта «чисто моральная операция» также является «созидательным актом». Что же касается торговца, которого обогатили «реальные» торговые операции, то он пользуется на вполне «справедливом» основании приобретенным достатком. Его достаток столь же законен, как и добытый трудом.

Высказывания Прудона об «экономических силах» были подвергнуты обстоятельной и глубокой критике Ф. Энгельсом. Ф. Энгельс писал, что «экономические силы», о которых трактует Прудон, представляют собой «формы буржуазного способа производства и обращения в том виде, в каком они пригодны ему, как мел-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 216.

кому лавочнику, и откуда они имеют в его глазах либо одну хорошую сторону, либо же, при наличии и плохой стороны, по крайней мере достаточно ярко выраженную хорошую»¹.

О высказываниях Прудона, что «система гювернаментализма» является единственным препятствием к организации «экономических сил» Франции, Ф. Энгельс писал, что «Прудон, как истый француз, смешивает французское бюрократическое правление с нормальным состоянием буржуазии, когда она сама управляет как собой, так и пролетариатом»². О воззрениях Прудона на торговлю и торговцев Ф. Энгельс отзывался, что «этот буржуа забывает здесь, что, не обладая капиталом, я никак не могу заниматься торговлей и могу лишь сколько угодно работать на другого, на капиталиста; вообще же эта апология торговца весьма примечательна»³.

Ф. Энгельс резонно утверждал, что если «торговля, конкуренция, разделение труда и т. п. суть экономические силы, то нет никаких оснований не считать экономическими силами также, например, фабричную систему, банковскую систему, бумажные деньги, парцелляцию земельной собственности, крупную земельную собственность, наемный труд, капитал и ренту»⁴. По мысли Энгельса, каждой из этих «сил» нетрудно сложить панегирик в стиле тех дифирамбов, которые Прудон воспевал по адресу любезных ему «экономических сил».

Специально Ф. Энгельс останавливается на трактовке Прудоном «коллективной силы» в качестве «экономической силы». Ф. Энгельс указывает, что если у Прудона понятие «коллективной силы» и выглядит как «нечто вечное», то вместе с тем оно означает «попытку превратить в экономическую силу само существование общества». И далее Ф. Энгельс продолжает: «Без общества, так же как без коллективной силы, не бывает человеческих отношений, не бывает и обращения. Обмен, разделение труда, конкуренция, кредит суть проявления коллективной силы. Во всякое отношение вступают по меньшей мере двое, а там, где двое прилагают к чему-нибудь совместные усилия..., там налицо коллективная сила»⁵.

Таким образом, Прудон все формы, в которых члены общества участвуют в производстве и обращении, сначала изображает как силы, а потом в качестве особой экономической силы пытается навязать и само существование общества, и общественное производство и обращение. Энгельс также отмечает, что та примитивная грубая форма коллективной силы, на которую ссылался Прудон — массовый труд при постройке пирамид, обелисков и т. д., — давным-давно заменена другими формами⁶.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. X. Госполитиздат, 1948, стр. 14.

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 14—15.

⁵ Там же, стр. 14.

⁶ См. там же.

Высокомерно, с презрением отзываясь о системах сенсимонистов, Фурье, Оуэна, Кабэ, Луи Блана и других, Прудон анализирует принцип ассоциации как общий принцип указанных систем. По мысли Прудона, ассоциация отнюдь не означает «равновесия экономических сил», она вообще не представляет собой «экономическую силу». Ассоциация — это «догма», последовательное развитие принципа ассоциации приводит к «системе», а основанный на ней социализм становится «религией».

Прудон утверждал, что ассоциация по своей природе бесплодна, даже вредна, что это одна из цепей, сковывающих свободу трудящихся. Прудон обвинял писателей, пропагандирующих «утопии братства», что они приписывают без всяких оснований и доказательств «коллективному договору товарищества» достоинства и «действенность», присущие коллективной силе, разделению труда или обмену. Прудон противопоставлял ассоциации конкуренцию, разделение труда, частную собственность как полезные «экономические силы».

Прудон считал, что ассоциация означает «солидарность, круговую поруку, смешение прав и обязанностей по отношению к третьим лицам»; что верховным законом ассоциации является «одинаковая плата за труд»; что ассоциация оказывается доходной и выгодной только для слабого или ленивого ее члена; что ассоциация знаменует собой «солидарность нерадивых и неспособных». Прудон утверждал, что каждая процветающая ассоциация обязана своим «преуспеванием какой-либо объективной причине, чуждой ей и отнюдь не связанной с ее сущностью». Характеризуя рабочие ассоциации, Прудон утверждал, что в них уравнительная заработная плата заменена поштучной системой, а это означало меньше солидарности и больше независимости при объединении сил и капиталов, меньше ассоциироваться и стремиться к увеличению средств.

Останавливаясь на ассоциациях парижских рабочих, Прудон отмечает ряд причин, в силу которых многие из них продолжают держаться и даже обещают больше развиваться. В одних ассоциациях, состоящих из самых искусных рабочих определенной профессии, господствует монополия таланта. Другие ассоциации держатся благодаря дешевым ценам, конкуренция вдохнула в них жизнь. Во всех этих ассоциациях рабочие затрачивают несколько больше труда и довольствуются несколько меньшим заработком. «Здесь нет ничего, — подчеркивает Прудон, — кроме самых обыкновенных в политической экономии явлений, которые могут быть получены без малейшей надобности в ассоциации».

О рабочих ассоциациях, полагал Прудон, следует судить по их «скрытой тенденции к установлению социальной республики». Компании трудящихся должны будут обратиться к «великим отраслям промышленности, которые по самой своей природе являются их наследственным уделом». Что же касается французских крестьян, то Прудон, ссылаясь на их ярость против заподозренных в

коммунизме июньских инсургентов, писал, что их «никогда не удастся ассоциировать»; что земледельческий труд «не нуждается в хореографии коллективизма, душа крестьянина ее отвергает».

Большой интерес представляют собой критические замечания, выдвинутые Ф. Энгельсом против воззрений Прудона на ассоциацию. Ф. Энгельс писал, что «ассоциация, как таковая, рассматриваемая в абстрактном виде, разумеется, в той же степени зависит от условий, как и всякое другое общественное отношение»¹. По мысли Энгельса, ассоциация определяется существующими отношениями, взятая же абстрактно ассоциация является догмой. Разоблачая Прудона, Ф. Энгельс писал, что для исследования этих отношений Прудон ничего не сделал, что он принял за норму мелкую парижскую промышленность. Прудону следовало бы в «развитии крупной промышленности, машинного производства, разделения труда — в том виде, как они развиты в Англии — и в растущей в связи с этим централизации капитала разглядеть потребность в ассоциации, а также понять, что для удовлетворения этой потребности нужны совершенно иные формы объединения и централизации сил, чем те, которые свойственны парижским ассоциациям по выделке бильбоке и прудоновским рабочим товариществам»².

Прудон, будучи социалистом мелких крестьян и ремесленных мастеров, с ненавистью относился к ассоциации, в которой он видел пустую догму, обременительную и бесполезную, противоречащую не только свободе рабочего, но и экономии труда. Прудон был неистовым врагом коммунизма.

Метод Прудона. К. Маркс указывал, что Прудон сделал попытку диалектически изложить систему экономических категорий, причем в качестве развития выступало гегелевское «противоречие». Однако Прудон остался чужд научной диалектике. О том, что Прудон был во власти иллюзорных представлений идеалистической философии, наглядно свидетельствует его понимание экономических категорий как вечных идей. Но если категории политической экономии трактуются лишь как идеи, самопроизвольные мысли, независимые от действительных отношений, если игнорируется историческое развитие производственных отношений, для которых категории являются теоретическим выражением, то, как подчеркивает К. Маркс, порождает эти мысли движение чистого, вечного, безличного разума. Движение же чистого разума состоит в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание; что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез.

Этот тезис, эта мысль противопоставляется сама себе, эта мысль раздваивается на две мысли, противоречащие одна другой, — на положительное и отрицательное, на «да» и «нет». Диалектическое движение и образуется борьбой двух заключенных в антитезисе антагонистических элементов. Синтез представляет собой новую

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. X. Госполитиздат, 1948, стр. 17.

² Там же.

мысль, образовавшуюся в результате слияния двух мыслей, противоречащих одна другой¹. Прудон видел в производственных отношениях воплощение тех принципов, тех категорий, которые, по его мысли, дремали в недрах безличного разума человечества, вместо того чтобы экономические категории рассматривались лишь как теоретические выражения абстракции общественных отношений производства.

Характеризуя «видоизменения», которым гегелевская диалектика подвергалась в руках Прудона применительно к политической экономии, К. Маркс писал, что, по мнению Прудона, всякая экономическая категория имеет две стороны: хорошую и дурную. Хорошая сторона и дурная сторона — польза и вред — в совокупности составляют противоречие, свойственное каждой экономической категории. Задача, подлежащая разрешению, сводится к тому, чтобы сохранить хорошую сторону, устраняя дурную.

Диалектическое движение, таким образом, для Прудона сводится к догматическому различению хорошего и дурного. А так как экономические отношения представляют собой земное осуществление этих неполных категорий, этих противоречивых понятий, то они в себе самих содержат противоречие и представляют две стороны: одну — хорошую, другую — дурную. Перед «социальным гением» стоит цель в устранении всего дурного в экономических отношениях с тем, чтобы в них осталось только хорошее. Подвергая критике утверждение Прудона о наличии в экономических категориях хорошей и дурной сторон, К. Маркс в противоположность Прудону утверждал, что в «конце концов дурная сторона всегда берет верх над хорошей», что «именно дурная сторона, порождая борьбу, создает движение, которое образует историю».

К. Маркс писал, что «существование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения»; что «тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению»².

Если весь процесс диалектического движения сводится к противопоставлению добра злу, к устранению зла, к употреблению одной категории в качестве противоядия другой, то «от диалектики ничего не остается, и на ее месте оказывается в лучшем случае чистейшая мораль»³.

Для «социального гения», по мысли Прудона, истинная практическая цель, добро, высшее благо сводится к равенству. Прудон полагал, что разделение труда, кредит, фабрика, все экономические отношения были изобретены для насаждения равенства, в то время как они всегда на деле обращались против равенства. Хорошей стороной каждого экономического отношения яв-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 132.

² Там же, стр. 136.

³ Там же, стр. 137.

ляется та, которая утверждает равенство, дурной — та, которая его отрицает и утверждает неравенство. К. Маркс подчеркивал всю несостоятельность, метафизичность утверждения Прудона, что историческому процессу присуща провиденциальная цель — осуществление равенства. К. Маркс писал, что стоять на такой точке зрения — значит «...не признавать того исторического движения, посредством которого следовавшие друг за другом поколения преобразовывали результаты, добытые предшествовавшими им поколениями»¹.

К. Маркс писал о Прудоне, что он видит в утопическом истолковании теории стоимости Рикардо «основу новой науки», вместо того чтобы «...источником науки делать критическое познание исторического движения, движения, которое само создает *материальные условия освобождения*»². К. Маркс утверждал, что Прудон, подобно «добрым» буржуа, считал, что конкуренция, монополия и т. д. являются в принципе, т. е. если их взять как отвлеченные понятия, единственными «основами жизни». Однако на практике эти категории оставляют желать многого. Прудон, как и все «добрые» буржуа, «...хотят конкуренции без пагубных последствий конкуренции. Все они хотят невозможного, то есть условий буржуазной жизни без необходимых последствий этих условий». Маркс подчеркивал, что эта ошибка происходит оттого, что «...для них человек-буржуа является единственной основой всякого общества, ...что они не представляют себе такого общественного строя, в котором человек перестал бы быть буржуа»³.

Прудон не утверждает прямо, что «буржуазная жизнь является для него вечной истиной». Он утверждает это косвенно путем обожествления категорий, которые в форме идей выражают буржуазные отношения. Категории буржуазного общества представляются Прудону в форме возникающих самопроизвольно, одаренных собственной жизнью вечных существ. Противопоставляя вечным идеям, категориям чистого разума людей и их практическую жизнь, являющуюся, по мнению Прудона, применением этих категорий, Прудон не выходит за пределы буржуазного горизонта и подменяет материалистическую диалектику морализированием в духе мелкого буржуа.

Прудон в духе идеалистической диалектики Гегеля полагал, что из абсолютного разума должна быть выведена, логически развита реально существующая действительность. По мысли Прудона, экономические отношения в своей логической последовательности осуществляют безличный разум человечества. Прудон трактовал экономические отношения как определенное количество общественных фаз, порождающих одна другую, вытекающих одна из другой, как антитезис вытекает из тезиса.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 142.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 27.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 409.

Вскрывая порочность методологии Прудона, К. Маркс указывал, что Прудон, анализируя какую-либо из общественных фаз, вынужден обращаться к помощи других общественных отношений, которые, однако, еще не были вызваны к жизни Прудоном посредством его диалектического движения¹.

К. Маркс, в частности, указывает, что Прудон для конституирования стоимости, по его мысли, основы всякого экономического развития, вынужден обращаться к разделению труда, к конкуренции и т. д., т. е. к таким отношениям, которые в логической последовательности отсутствовали еще в разуме Прудона. К. Маркс писал: «Тот, кто из категорий политической экономии конструирует здание некоторой идеологической системы, тем самым объединяет различные звенья общественной системы. Он превращает различные звенья общества в соответственное число отдельных обществ, следующих одно за другим»².

Для Прудона не существовало великого исторического движения, общественного действия, рождающегося из конфликта между производительными силами и производственными отношениями; не существовало классовой борьбы, увенчивающейся диктатурой пролетариата. Будучи врагом всякого политического движения, Прудон на место практической деятельности масс подставлял «диалектические» круговороты, совершавшиеся в его голове.

К. Маркс писал о Прудоне, что так как для него категории являются движущими силами, то «надо изменить категории, и последствием этого явится изменение существующего общества»; что Прудон как «...человек, не понявший современного состояния общества, еще менее способен понять то движение, которое стремится разрушить это общество, и литературные выражения этого революционного движения»³. К. Маркс видел в Прудоне с ног до головы философа, экономиста мелкой буржуазии.

Прудон о «даровом кредите», о меновом банке. С именем Прудона связано изобретение «дарового кредита» и основанного на нем «народного банка». Меновой банк возводился Прудоном в универсальное целительное средство, избавляющее от всех общественных зол. Фантазия Прудона о «даровом кредите», эта мнимая реализация его мелкобуржуазных благих пожеланий своими истоками уходила в его стремление сохранить товарное производство, уничтожить деньги. Как идеолог мелкой буржуазии, Прудон видел в товарном производстве вершину, апогей человеческой свободы и личной независимости. Вместе с тем Прудон был обуравем желанием устранить недостатки, связанные с этой формой производства, в особенности устранить недостаток товаров, который состоял в том, что они не обладают непосредственной обмениваемостью. Отсюда и утопическое представление, что и харак-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 134.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 410—411.

терно для прудоновского «социализма», что на все товары можно одновременно наложить печать непосредственной обмениваемости. Поскольку Прудон проповедовал низвержение денег и превознесение товара в качестве сущности «социализма», постольку его «социализм» базировался на элементарном непонимании необходимой связи между товаром и деньгами.

Прудон не понимал денег как необходимой формы товара. Прудоновский «социализм» стремился сохранить частное производство, но в то же время ограничивать обмен частных продуктов, стремился увековечить товар, но уничтожить деньги. Вместе с тем, будучи непоследовательным, Прудон в своей концепции «дарового кредита» стремился сохранить товар и деньги, однако при условии, что они не должны развиваться в капитал. В этой связи следует остановиться на трактовке Прудоном проблемы капитала. В качестве доказательства, что Прудон погряз в буржуазном способе мышления, Энгельс указывал на заимствованную им манеру у буржуазных экономистов говорить о «производительности капитала».

Если буржуазные экономисты и утверждали, что труд есть источник всякого богатства и мера стоимости всех товаров, то, пытаясь объяснить, каким образом к капиталисту возвращается вложенный капитал, обогащенный прибылью, идеологи буржуазии запутывались во всякого рода противоречиях и приписывали известную производительность также и капиталу. Прудон, конечно, не понимал, что «...так называемая «производительность капитала» есть не что иное, как присущая ему способность (при нынешних общественных отношениях, без которых он вовсе не был бы капиталом) присваивать себе неоплаченный труд наемных рабочих»¹. В отличие от буржуазных экономистов, Прудон видел в «производительности капитала» нарушение «вечной справедливости», препятствие к получению рабочим полного дохода своего труда.

Для воззрений Прудона на капитал характерно его высказывание, что для «общества разницы между капиталом и продуктом не существует», что различие это «совершенно субъективно, оно существует лишь для индивидов». Таким образом, для Прудона общественные, буржуазные формы «субъективны». Для Прудона являются тождественными капитал и продукт. О том, что Прудон плохо понял природу капитала, свидетельствует то, что он движение капитала вообще представлял себе как движение, характерное для капитала, приносящего проценты.

Прудон писал: «Так как вследствие накопления процентов капитал-деньги, совершив ряд обменов, всегда возвращается к своему источнику, то отсюда следует, что ссуда, делаемая одним и тем же лицом, приносит прибыль всегда тому же самому лицу». Так как капитал ссужается в форме денег, то Прудон полагал,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 222.

что этим специфическим свойством обладает денежный капитал. Ссуда представлялась Прудону злом потому, что она не является продажей. Прудон писал, что «шляпник, продающий шляпы..., получает взамен их стоимость, не больше и не меньше». Шляпник, на которого указывает Прудон, является кустарем, ремесленником. «Но капиталист, — продолжает Прудон, — ссужающий деньги..., не только получает свой капитал неуменьшившимся, — он получает больше, чем свой капитал, больше, чем было им брошено в обмен, он получает сверх капитала еще и процент...».

Прудон не понимал, что для капитала, приносящего проценты, отнюдь не является характерным наличие избытка, за который не было уплачено никакого эквивалента, ибо прибавочная стоимость, на которой поконится капиталистическое производство, представляет собой стоимость, не стоившую никакого эквивалента. Для капитала, приносящего проценты, характерно то, что возвращение капитала с процентами, поскольку сделка происходит между займодавцем и заемщиками, не имеет ничего общего с промежуточным актом, включающим как процесс обращения, так и процесс производства.

Прудон же сводит капитал, приносящий проценты, лишь к сделке между займодавцем и заемщиком. Тем самым игнорируется действительное движение капитала, и в трактовке Прудона получается голая форма капитала без ее опосредствования. Прудон полагал, что если бы исчезла форма ссуды — форма, отличная от купли и продажи, то отпал бы и избыток¹.

К. Маркс указывал, что в этом случае в действительности отпал бы только дележ избытка между двумя видами капиталистов. «Но такой дележ, — подчеркивал К. Маркс, — может и должен возникать все вновь и вновь, коль скоро товар или деньги могут превращаться в капитал, а это на основе наемного труда всегда возможно»². К. Маркс подчеркивал, что если бы товар и деньги не могли становиться капиталом, а следовательно, если бы их нельзя было и ссужать как капитал, то они не могли бы противостоять наемному труду. А это означало бы не что иное, как возвращение к добуржуазным способам производства.

Таким образом, Прудон не понимал внутренней связи между процентом и системой наемного труда. К. Маркс писал: «...Подобно Прудону, хотеть сохранения наемного труда, а тем самым основы капитала, и в то же время требовать устранения «зол» посредством отрицания одной из производных форм капитала, это — ребячество»³.

Методологическая ошибка Прудона в его воззрениях на капитал, приносящий проценты, заключалась в том, что он к нему прилагал простые отношения обмена, купли и продажи, опосред-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 552.

² Там же.

³ Там же.

ствовавшие деньгами. В своеобразном движении капитала, приносящего проценты, для Прудона осталось загадочным, что здесь капитал стал капиталом-товаром и что поэтому продажа превратилась в ссуду, а иррациональная цена этого капитала-товара в долю прибыли.

По мысли Прудона, товар и деньги не должны развиваться в капитал, все должно продаваться, но ничто не должно отдаваться в ссуду. По существу, что означало, что «...не следует переходить от мелкого мещански-крестьянского и ремесленного производства к крупной промышленности»¹. Прудон утверждал, что так как в торговле «процент на капитал присоединяется к заработной плате рабочего, чтобы вместе с этой последней составить цену товара, то рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда». И далее Прудон в качестве вывода из своего анализа цены товара заявляет, что «жить работая — это такой принцип, который при господстве процента заключает в себе противоречие».

Полемика, которую Прудон вел против капитала, приносящего проценты, как главной, основной формы капитала, была бессознательно направлена против самого капитала, отождествляемого, однако, с одной из его форм. Из трактовок Прудона специфических особенностей капитала, приносящего проценты, следовал его вывод, что уничтожение «производительности капитала», а тем самым ликвидация препятствия, преграды к получению рабочим продукта своего труда, утверждение «вечной справедливости» обуславливаются понижением ставки процента принудительными законами и сведением ее к нулю. Отсюда следовала концепция Прудона об отмене процента и организации «дарового кредита». Прудон измышлял общественные учреждения, которые должны были обеспечить обмен всех товаров по их трудовой стоимости.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали как мещанскую фантазию взгляд Прудона на капитал, приносящий проценты, как главную форму капитала, а также попытку Прудона сделать особое применение кредита, мнимую отмену процента основой общественного преобразования. Подвергая критике концепцию Прудона, Ф. Энгельс указывал, что «экономические законы, регулирующие ставку процента, настолько независимы от законов, определяющих норму прибавочной стоимости, насколько это вообще возможно для законов одной и той же общественной формации»². Отмена ставки процента обеспечила бы «...не преимущество рабочего по отношению к промышленному капиталисту, а преимущество промышленного капиталиста по отношению к рантие»³.

Ф. Энгельс указывал, что Прудон объясняет ставку процента, как и все экономические явления, со своей юридической точки

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 554.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 222.

³ Там же, стр. 223.

зрения, не условиями общественного производства, а государственным законодательством. Воззрения Прудона базируются на представлении, что государственные законы являются «...совершенно произвольными приказами, которые в любой момент с таким же успехом могут быть заменены прямо противоположными»¹. Прудону было чуждо всякое представление о том, что то или иное распределение прибыли между различными категориями капиталистов — повышение промышленной прибыли за счет понижения процентной ставки и наоборот — никак не может посягнуть на сущность капиталистического производства. Вскрывая реакционность прудоновского проекта об освобождении от ига капитала, Энгельс указывает, что Прудон уповает на «...восстановление ...средневековых невыполнимых законов...»². Прудоновская теория менового банка базировалась на заблуждении о том, что если кто-либо желает продать товар, то он всегда непременно найдет по полной стоимости товара и покупателя.

Разоблачая иллюзию относительно чудодейственной силы кредитного банковского дела, которую разделял Прудон, К. Маркс отмечал, что она вытекает из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Кредит, как таковой, не имеет никакого смысла, когда средства производства перестают превращаться в капитал, что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности. С другой стороны, существование капиталистического способа производства немыслимо без наличия капитала, приносящего процент как одной из его форм, образующего базис его кредитной системы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 223.

² Там же.

Глава VII

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВУЛЬГАРНОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КЛАССОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВУЛЬГАРИЗАЦИИ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Развитие политической экономии своими корнями уходит в развитие имманентных капитализму противоречий и развертывание классовой борьбы. К. Маркс утверждал, что одновременно с развитием реальных противоречий в экономической жизни общества политическая экономия идет вглубь, причем она «...не только сама изображает противоречия и противоположности, но против нее выступает ее собственная противоположность...»¹. К. Маркс имел в виду, что развитие научной буржуазной политической экономии сопровождается порождением ею самой своей антитезы в более или менее утопической, критической и революционной форме; что в качестве антитезы классической школы политической экономии выступает утопический социализм.

Одновременно возникает и развивается вульгарная политическая экономия, что отнюдь, конечно, не является случайностью. Дело в том, что отражающаяся в мозгу капиталистов лишь внешняя видимость производственных отношений практически определяет поведение отдельных капиталистов, служит для них мотивами их деятельности. Возрастание стоимости представляет собой субъективную цель капиталиста, растущее присвоение абстрактного богатства, служит движущим мотивом его операций. Побудительные мотивы деятельности капиталиста отражаются в его сознании, от которого и отправляется вульгарный экономист. «Вульгарная политическая экономия,— подчеркивает К. Маркс,— ...не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства»². Процесс разложения буржуазной политической экономии все возрастающая ее вульгаризация были обусловлены углублением классовых противоречий капиталистического общества.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 527.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 383.

Буржуазная политическая экономия, рассматривающая капитализм как абсолютную конечную форму производства, может оставаться научной лишь в условиях скрытого состояния классовой борьбы или ее единичных проявлений. Классическая политическая экономия в Англии относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Классики марксизма-ленинизма высоко оценивали роль и значение А. Смита, буржуазного экономиста мануфактурного периода, в истории политической экономии как великого идеолога передовой буржуазии. Классики марксизма-ленинизма рассматривали Д. Рикардо, буржуазного идеолога эпохи промышленного переворота, как крупнейшего представителя буржуазной политической экономии, которая в его лице достигла своих предельных высот.

В лице Рикардо, виднейшего представителя и завершителя классической школы политической экономии, буржуазная политическая экономия достигла своего наивысшего предела, который она не в состоянии была перешагнуть на всех последующих этапах своего развития. В послесловии ко второму изданию «Капитала» К. Маркс писал: «Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»¹. Отдельные вульгарные представления еще были присущи экономическим воззрениям А. Смита. Они были тесно связаны с характерным для его методологии своеобразным дуализмом, двойственностью, которая наложила печать непоследовательности, противоречивости на все рассматриваемые им проблемы политической экономии.

С одной стороны, А. Смит делал глубокие теоретические научные обобщения, с другой стороны, он воспроизводил ходячие формулы буржуазии. Вульгарный элемент в экономической теории А. Смита был выделен и дальше развит Сэем, он отложился, как писал К. Маркс, в виде «своеобразной кристаллизации», существующей наряду с А. Смитом. С дальнейшим развитием политической экономии, связанным с экономической теорией Д. Рикардо, вульгарная политическая экономия получила новую для себя пищу, которую она могла широко использовать в своих исключительных целях. После А. Смита, когда политическая экономия достигла известной ступени развития и отлилась в устойчи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 17.

вые формы, когда охватываемая ею область приобрела до известной степени законченные очертания, от политической экономии, в качестве ее особого вида, отделяется ее вульгарный элемент, который представляет собой «...всего лишь воспроизведение внешнего явления в качестве представления о нем...»¹.

К. Маркс проводил принципиальное различие между классической школой политической экономии и вульгарной политической экономией. К. Маркс писал: «Скудоумное и педантичное высказывание вульгарных представлений, с необходимостью возникающих у носителей этого способа производства, весьма и весьма отличается от стремления таких политико-экономов, как физиократы, А. Смит, Рикардо, понять внутреннюю связь явлений»². Противопоставляя классической политической экономии, которая исследовала внутренние зависимости буржуазных отношений производства, вульгарную политическую экономию, К. Маркс указывал, что последняя «...толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа»³.

К. Маркс отмечает также, что «благонамеренное желание видеть в буржуазном мире лучший из всех возможных миров заменяет в вульгарной политической экономии всякую необходимость любви к истине и стремления к научному исследованию»⁴. По мнению К. Маркса, вульгарная политическая экономия признает одну лишь внешнюю видимость явлений, между тем, если бы формы проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня.

С развитием капиталистического способа, с обострением классовых противоречий происходит все возрастающий, усиливающийся процесс вульгаризации буржуазной политической экономии и ее дальнейший, неуклонный отход от классической школы политической экономии. К. Маркс утверждал, что «...чем больше политическая экономия достигает своего завершения, ...идет вглубь и развивается как система антагонизма, тем самостоятельнее противостоит ей ее собственный вульгарный элемент, обогащенный тем материалом, который этот вульгарный элемент препарирует на свой лад; пока, наконец, этот вульгарный элемент не находит своего наилучшего выражения в виде учено-синкретической и беспринципно-эkleктической компиляции»⁵.

‘Положение о том, что вульгарная политическая экономия сознательно становится все более апологетической, что она всячески

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 526.

² Там же, стр. 471.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 91.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 413.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 527.

«...старается отделаться путем болтовни от тех мыслей, в которых выражены противоречия»¹, К. Маркс, как мы увидим дальше, со всей наглядностью и убедительностью раскрывает на движении вульгарной политической экономии от Сэя к Бастиа, а затем к исторической школе.

ВУЛЬГАРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В АНГЛИИ

МАЛЬТУС КАК ЗАЩИТНИК ЛЕНДЛОРДИЗМА

Мальтус, Томас Роберт (1766—1834) — английский священник, реакционный вульгарный буржуазный экономист, идеолог обуржуазившейся землевладельческой аристократии, проповедник человеконенавистнической теории народонаселения. Мальтус рассматривал «счастье» как заветную, законную цель общества, которая должна иметь в виду «богатство, могущество и размножение населения».

Мальтус видел в общественном благосостоянии явление производное, вытекающее из благосостояния отдельных лиц. Мальтус неоднократно подчеркивал, что он обеспокоен также судьбой «низших классов». Он писал: «...Если увеличение народного богатства, вызываемое фабриками, не обеспечивает за низшими классами возможности иметь все необходимое, и не доставляет им даже некоторой степени довольства, то оно, по-видимому, не может, возвысить их благосостояния»². Мальтус рядится в тогу беспристрастного, объективного мыслителя, пекущегося о «счастьи» общества, радеющего, ревностно заботящегося о благосостоянии «нисших классов». Мальтус всячески возвеличивает институт частной собственности. Он пишет, что принцип частной собственности он имеет «право считать установившимся на вечные времена». Мальтус видит в частной собственности основание «всех полезных учреждений».

Мальтус является принципиальным сторонником общественного строя, в котором господствует «неравенство положений». Неравенство между членами общества способствует «развитию способностей человека и энергии его характера, вызывает и укрепляет его добродетели»³. Мальтус отстаивает «свободное» развитие капиталистического производства. Условием этого развития является нищета рабочего класса. В силу закона народонаселения, рабочий класс, по мысли Мальтуса, является всегда избыточным в сравнении с причитающимися ему жизненными средствами. Мальтус возвеличивает экономическое значение класса чистых покупа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 527.

² Мальтус. Опыт о законе народонаселения ..., т. II, С-Пб, 1868, стр. 171.

³ Там же, стр. 37.

телей, или потребителей. С этой целью он, исходя из всей важности разделения страсти к накоплению и страсти к роскоши, ревностно отстаивает своеобразное разделение труда.

Класс капиталистов, в силу своего стремления к накоплению, как носитель функции накопления побуждается к производству. Благодаря закону народонаселения класс капиталистов, по теории Мальтуса, обладает возможностью продавать рабочим их собственный продукт по ценам, обеспечивающим рабочим жалкий минимум необходимых жизненных средств.

Земельная аристократия и лица, находящиеся на содержании у государства и церкви, являются представителями стремления к потреблению, представителями расточительства. Эти непродуцируемые группы посредством денег, отнятых у капиталистов, оплачивают товары, покупаемые у капиталистов выше их стоимости. Следовательно, по Мальтусу, благодаря чрезмерному потреблению, характерному для представителей наслаждающихся богатством, обеспечивается отсутствие перепроизводства, существующее одновременно с перенаселением.

К. Маркс подчеркивал, что Мальтус отнюдь не заинтересован в том, чтобы скрывать противоречия буржуазного производства. Наоборот, он заинтересован в том, чтобы доказывать необходимость нищеты рабочего класса, чтобы доказывать капиталистам, что откормленное духовенство и чиновничество необходимы для достаточного спроса на продаваемые капиталистами товары. Таким образом, для Мальтуса приемлемо лишь такое «свободное» развитие капиталистического производства, которое ориентируется на «потребности потребления» аристократии и ее прихвостней, которое в состоянии обеспечить материальную базу для отживших, обветшавших притязаний со стороны интересов, своими корнями уходящих в феодализм и абсолютную монархию. В тесной связи с общими воззрениями Мальтуса как защитника лендлордизма на капиталистическое производство находится и его оценка отдельных вопросов современной ему экономической политики.

Так, например, в своих высказываниях о свободе торговли Мальтус подчеркивает, что она есть «иллюзия, отдаленный идеал, на осуществление которого нельзя надеяться». Мальтус отрицательно относился к законодательству о бедных. Он утверждал, что воспомоществования предоставляют бедным классам право требовать больше продовольствия, чем «им следовало бы получить за свою работу и за свое умение при настоящем положении страны». А это приводит к тому, что другие классы населения страны оказываются не в состоянии за «свой труд и за свое умение, более производительные, требовать прежней доли предметов необходимости».

Мальтус вообще считал, что никакие пожертвования со стороны богатых не могут предупредить нищету «низших классов». Мальтус полагал, что единственное средство, согласное с зако-

нами нравственности и религии, состоит в благоразумии бедных относительно вступления в брак и в бережливости до его заключения и после него. Мальтус выражает большую тревогу и беспокойство, он одержим животным страхом перед «опасными» и «зловредными» учениями о «несправедливости общественных законов». Мальтус утверждает, что избыточное население — поставщик толпы, участвующей в мятежах. Оказывается, именно потому что революционные народные массы вступили в борьбу с ненавистным для них общественным строем, «такая безумная толпа есть страшный враг для свободы; она поддерживает тиранию или вызывает ее».

Мальтус надеялся улучшить положение пролетариата с помощью относительного уменьшения его численности и возрастания численности среднего класса. В качестве единственного средства для постоянного улучшения положения «низших классов» Мальтус рекомендует уменьшение численности работников. Мальтус писал: «...Когда-нибудь в будущем те методы, которые сокращают труд и которые уже проделали столь быстрое развитие, в конце концов удовлетворяют все потребности самого богатого общества с меньшим количеством человеческого труда, чем требуется теперь для этой цели». И дальше Мальтус продолжает: «...Если тогда рабочий и не будет избавлен от части того тяжелого бремени, которое тяготеет над ним в настоящее время», «...то все же число тех, на чьи плечи общество взваливает столь тяжелое бремя, уменьшится...»¹.

Комментируя приведенные высказывания Мальтуса, К. Маркс писал, что рабочий «...по-прежнему должен будет работать в поте лица своего столько же, сколько и раньше, и относительно все больше для других и все меньше для самого себя...»².

Мальтус доходит до такого цинизма по отношению к народным массам, что выражает надежду в связи с возможным распространением своих воззрений на «благотворные» перемены не только во «внутреннем» общественном строе отдельных государств, но и в отношениях между народами. Так, игнорируя нераздельную связь всякой войны с тем политическим строем, из которого она вытекает, Мальтус утверждает, что одна из главных причин войн заключается в «недостатке места и продовольствия». Оказывается, что благодаря широкой пропаганде взглядов Мальтуса можно было бы надеяться на «значительное ослабление опустошений, производимых войнами, и, быть может, даже на совершенное прекращение их между народами когда-нибудь в будущем».

Перед нами злейший враг трудящихся, под поповской рясой скрывающий свою звериную ненависть к людям труда. Мальтус — апологет народной нищеты, глашатай войны.

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 59.

² Там же.

Мальтусовский «закон» народонаселения. Мальтус подчеркивал наличие закона, заключающегося в «постоянном стремлении», свойственном всем живым существам, размножаться быстрее, чем это «допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи».

По мысли Мальтуса, «в обоих царствах, в царствах растений и животных, природа щедрою рукой рассыпала зародыши жизни..., но она бережлива, что касается места и пищи». Указанному закону, по мнению Мальтуса, «человек подчинен наравне с прочими живыми существами». Переходя к вопросу о том, с «какою быстротой пойдет естественное размножение населения, если бы оно не встречало никакой помехи», Мальтус считает несомненным, что если «размножение населения не встречает никакого препятствия, то оно удваивается каждые двадцать пять лет и возрастает в геометрической прогрессии».

Что касается вопроса, как «сильно может быть возрастание земли при самых благоприятных условиях для производительного труда», то, исходя из предпосылки, что «улучшение» обрабатываемых земель «не может сопровождаться постоянно возрастающим успехом», что, напротив, по мере расширения обработки земли «ежегодное приращение среднего производства постоянно уменьшается с некоторой правильностью», Мальтус приходит к выводу, что «средства существования, при самых благоприятных условиях для труда, ни в каком случае не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии».

По мысли Мальтуса, сравнение выдвинутых им двух «законов» приводит к «поразительным» результатам. Он писал: «Примем население земного шара в настоящее время в тысячу миллионов. Человеческая природа размножалась бы как 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, между тем как средства существования возрастали бы как 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Через два столетия народонаселение относилось бы к средствам существования, как 256 к 9; через три столетия, как 4096 к 13, а по прошествии двух тысяч лет отношение это было бы беспредельно и неисчислимо». Сопоставляя выдвинутые им «законы» — «закон» периодического возрастания населения с «законом» возрастания средств существования, Мальтус утверждал, что первый «закон» до такой степени превышает второй «закон», что для сохранения «равновесия», т. е. ... для того, чтобы наличное население имело соответствующее продовольствие, необходимо, чтобы размножение постоянно задерживалось каким-нибудь «высшим законом».

Переходя к рассмотрению факторов, препятствующих размножению, Мальтус в качестве «главного препятствия» выдвигает недостаток пищи, вытекающий из различия указанных прогрессий. По мысли Мальтуса, это «главное и окончательное препятствие», к которому сводятся все остальные препятствия, оказывает свое «прямое действие, только в случае бедствий, производимых голодом». Что касается «косвенных препятствий», то они состоят из

«всех злоупотреблений и из всех страданий, какие могут быть вызваны недостаточными средствами существования». К ним следует присоединить все «физические и нравственные причины», причиняющие преждевременную смерть. Препятствия для размножения, постоянно действующие с большей или меньшей силой во всех человеческих обществах и поддерживающие численность населения на уровне наличных средств существования, могут быть сведены, как утверждает Мальтус, к двум разрядам. Одни действуют, предупреждая перенаселение, и являются препятствием предупредительным; другие действуют, уничтожая часть населения по мере его чрезмерного возрастания, и являются препятствиями разрушительными.

Предупредительные препятствия, если они носят добровольный характер, вытекают, по мысли Мальтуса, из способности человека, в отличие от животных, «предвидеть отдаленные последствия и взвешивать их». В числе предупредительных препятствий Мальтус выделяет «нравственное обуздание», под которым он разумеет «воздержание», налагаемое на себя человеком по отношению к вступлению в супружество, вследствие благоразумных побуждений, и сопровождаемое строго нравственным поведением. Мальтус вместе с тем подчеркивает «ничтожное действие» этой причины. Подчеркивая многообразие разрушительных препятствий для размножения населения, Мальтус сводит все причины, сокращающие естественную продолжительность человеческой жизни, к пороку и несчастьям. К этому разряду «препятствий» Мальтус относит «все вредные для здоровья занятия, всякий труд грубый, чрезмерный и подвергающий человека опасностям непогоды, крайнюю бедность, скверное содержание детей, нездоровые условия жизни в больших городах, всякого рода излишества, болезни, эпидемии, войну, чуму, голод».

Мальтус считал, что противодействовать выдвинутому им «препятствиям» для размножения населения не в состоянии «ни одна форма правительства, ни один проект выселения, никакие благотворительные учреждения, никакая энергическая деятельность или совершеннейшее приложение труда». Полагая, что выдвинутая им теория народонаселения представляет собой «закон природы», которому «следует подчиняться», Мальтус считал, что единственным «препятствием» для размножения населения, согласным со «здравым смыслом, с естественными законами природы», является благоразумная предусмотрительность о «затруднениях, порождаемых содержанием семьи». Однако, как уже отмечалось, Мальтус отводил «нравственному обузданию» как препятствию, противостоящему силе размножения, «ничтожное действие».

Разоблачая глупость, низость и лицемерие доктрины народонаселения, сочиненной Мальтусом, К. Маркс указывает, что буржуазия несерьезно относится к его предложениям и советам. Это вытекает из того, что крупная промышленность, вытесняя муж-

ской труд детским трудом, «...выдает настоящую премию за деторождение»¹, что крупная промышленность нуждается в резервной армии незанятых рабочих, что цель буржуа в приобретении как можно дешевле товара рабочей силы может быть достигнута наличием наибольшего перенаселения. Перенаселение соответствует, таким образом, интересам буржуазии.

Теория народонаселения Мальтуса увековечивала обвинение рабочего класса. Из выдвинутых Мальтусом обеих прогрессий об увеличении населения и жизненных средств с неизбежностью следовал вывод, что нищета прямо пропорциональна численности населения, что пауперизм — вечный закон природы. Мальтус ошибочно трактовал перенаселение в качестве абсолютно избыточного, а не относительно избыточного прироста рабочего населения. Исходя из консервативных интересов, слугой которых был Мальтус, в соответствии с интересами господствующих классов, которым Мальтус поклонялся, он объяснял перенаселение вечными законами природы, а не исключительно историческими, естественными законами капиталистического производства.

В письме к Ланге от 29 марта 1865 г. Ф. Энгельс писал, что свою теорию перенаселения «поп Мальтус просто украл у своих предшественников...», как, впрочем, и все остальные свои идеи; ему в этой теории ничего не принадлежит, кроме чисто произвольного применения обеих прогрессий»². Разоблачая Мальтуса как теоретика народонаселения, Ф. Энгельс утверждал, что те же самые силы, средства производства и обмена, которые создали буржуазное общество и работают, в конечном итоге, над его уничтожением, — эти же самые силы будут также достаточны, чтобы в течение короткого времени настолько поднять «...производительную силу каждого отдельного человека, что он сможет производить достаточное количество для потребления двух, трех, четырех, пяти, шести человек...»³.

Ф. Энгельс указывал также, что в городской промышленности «...освободится достаточное количество людей для того, чтобы направить в помощь земледелию совсем иные силы, чем это было до сих пор...». Энгельс ссылается и на роль науки, которая будет применена «...в земледелии в массовом масштабе и с той же последовательностью, как и в промышленности...»⁴. По мысли Энгельса, то, что в условиях буржуазного общества производится слишком мало, объясняется отнюдь не тем, что «...якобы достигнут предел производства, — даже на сегодняшний день и при современных средствах»⁵. Все дело в том, что «...этот предел производства определяется не количеством голодных желудков, а количеством покупающих, платежеспособных кошельков.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 598.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 393.

³ Там же, стр. 394.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Буржуазное общество не желает и не может желать производить больше»¹.

Мальтус о теории стоимости и прибыли. Теория реализации Мальтуса. Мальтус принимает то определение стоимости у А. Смита, согласно которому стоимость товара равняется количеству труда, которым товар распоряжается или на которое он обменивается. Затруднение, существовавшее для Рикардо, заключавшееся в том, что закон обмена товаров не объясняет непосредственно обмена между капиталом и наемным трудом, а напротив, по-видимому, противоречит ему, Мальтус разрешает тем, что он превращает обмен товаров в обмен между капиталом и наемным трудом. А это приводит к ошибочному отождествлению стоимости товара с использованием его стоимости в качестве капитала.

Анализ использования стоимости товара в качестве капитала означает рассмотрение товара в его обмене на производительный труд. А это, в свою очередь, приводит к выводу о том, что товар распоряжается, кроме содержащимся в нем самом рабочим временем, еще и прибавочным рабочим временем, образующим источник прибыли. Но на этом основании нелепостью является вывод, что стоимость товаров равна его стоимости плюс избыток над этой стоимостью. Таким образом, Мальтус считал, что прибыль непосредственно в готовом виде дана в стоимости товара. Мальтус был прав, полагая, что условия поступления товара на рынок, т. е. условия капиталистического воспроизводства, предполагают, что труд, воплощенный в товаре, обменивается на большее количество труда, чем в нем содержится, поскольку товар производится для того, чтобы реализовать в нем прибыль. Однако ошибочное отождествление Мальтусом стоимости товара с использованием его стоимости в качестве капитала приводило к тому, что он выводил прибыль из продажи товара выше его стоимости.

Мальтус рассматривал прибыль в качестве избытка над трудом, который был затрачен на производство товара. По существу прибыль сводилась лишь к номинальной надбавке к издержкам производства товара. Мальтус не понимал разницы между трудом, заключенным в товаре, и содержащимся в нем оплаченным трудом. Эта разница и является источником прибыли. Мальтус возвращался к вульгарному взгляду на прибыль, что она возникает потому, что товар продается дороже, чем покупается. Мальтус скатывался к представлениям монетарной системы о возникновении прибыли из отчуждения товаров. Тем самым, как подчеркивает К. Маркс, вместо того чтобы в своем изложении пойти дальше Рикардо, Мальтус пытается отбросить политическую экономию назад не только по сравнению с Рикардо, но даже по сравнению со Смитом и физиократами.

Из теории стоимости Мальтуса вытекало его учение о необходимости постоянно растущего непроизводительного потребления,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 394.

его защита «непроизводительных потребителей» как средства против перепроизводства. В связи с трактовкой Мальтусом теории стоимости возникает вопрос о том, откуда берутся покупатели, которые оплачивают капиталисту количество труда, равное труду, содержащемуся в его товаре, плюс прибыль. Этими покупателями не являются капиталисты. В самом деле, капиталисты только потому могут выступить в роли покупателей, что они уже выступали в качестве продавцов. Поскольку капиталисты номинально взаимно повышают друг для друга цены своих товаров и каждый капиталист в качестве продавца выигрывает то, что он теряет в качестве покупателя, постольку происходит самонадувательство класса капиталистов, которое не может объяснить реализацию прибыли. Если мы обратимся к рабочему классу, то рабочие могут выкупить только часть продукта, что и обуславливает собой возникновение прибыли. Реализация прибыли вообще предполагает обмен всей заработной платы лишь на часть продукта.

Мальтус писал, что «потребление и спрос, имеющие место у рабочих, занятых производительным трудом, совершенно *недостаточны* для того, чтобы давать стимул к накоплению и применению капитала»¹. По мысли Мальтуса, «спрос, создаваемый... производительным рабочим...», не является «...*достаточным* спросом, ибо он не распространяется на *все то количество продукта, которое рабочий производит. Если бы имело место последнее, то не было бы прибыли*, а следовательно и мотива для применения труда рабочего. Само *существование прибыли, приносимой каким-либо товаром*, предполагает спрос, *выходящий за пределы* того спроса, который предъявляется рабочими, создавшими этот товар»².

Маркс подчеркивает, что Мальтус правильно замечает, что спрос рабочего никогда не может быть достаточным для предложения товаров со стороны капиталиста. В противном случае рабочий мог бы выкупить на свою заработную плату весь свой продукт. Для того чтобы капиталисты могли реализовать свою прибыль, продавать свои товары по их «стоимости», возникает необходимость в покупателях, отнюдь не являющихся продавцами, не представляющих собой также производителей, возникает необходимость для создания «достаточного спроса» со стороны непроизводительных потребителей.

Последние должны быть платежеспособными потребителями, создающими действительный спрос. Находящиеся в их распоряжении и расходуемые ими суммы стоимости должны быть достаточны как для оплаты произведенной стоимости, которую они покупают и потребляют, так и для оплаты номинальной надбавки прибыли, разницы между продажной стоимостью и произведенной стоимостью. Эта категория людей, относящаяся к непроизводи-

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 53.

² Там же.

тельными потребителями, — лендлорды, которые, как правило, не занимаются производством и под титулом ренты присваивают себе значительную часть стоимости годового продукта; отнятые таким путем у капиталистов деньги они расходуют на покупку товаров, производимых капиталистами. Получатели пенсий, обладатели синекур и т. д., включая лакеев их прихлебателей, будут представлять в обществе потребление ради потребления.

Мальтус, однако, не объясняет, каким образом эти «покупатели» становятся обладателями покупательных средств, каким образом эти «покупатели» отбирают у капиталиста без эквивалента часть его продукта, чтобы на отобранное купить вновь меньше, чем эквивалент этого количества. Для того чтобы продавцы находили рынок, находили спрос для своего предложения, необходимо возможно большее увеличение, как полагал Мальтус, непроизводительных классов. Несмотря на то что капиталисты обуреваемы стремлением к накоплению, ибо превышение выручки над затратами, получение прибыли стимулирует это стремление, перепроизводство оказывается затрудненным. Это объясняется наличием непроизводительных потребителей. Они не создают конкуренцию для капиталистов, они являются представителями спроса без предложения, они уравновешивают имеющийся на стороне капиталистов перевес предложения над спросом.

Мальтус, как подчеркивает К. Маркс, в качестве условия производства проповедовал постоянное перепотребление и присвоение бездельниками возможно большей части годового продукта. Выводы Мальтуса логически вытекали из его теории стоимости, которая представляла собой апологетическую основу мальтусовской интерпретации положения о возможности всеобщего перепроизводства. Теоретическая концепция Мальтуса представляла собой апологию наличной в Англии социально-экономической обстановки, с ее лендлордизмом, получателями пенсий, сборщиками налогов, церковной десятиной, государственным долгом и т. д.

ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ УЧЕНИЯ РИКАРДО ДЖЕМСОМ МИЛЛЕМ

Вульгаризация Миллем теории стоимости Рикардо. Милль, Джемс (1773—1836) — английский буржуазный экономист и философ, вульгаризатор теории Рикардо. По вопросу о выравнивании нормы прибыли для Джемса Милля был характерен его схоластический подход. Еще Рикардо ставил вопрос о модификации закона стоимости. Рикардо утверждал, что существует закон, который гласит, что никакое изменение заработной платы на относительную стоимость товаров влияние не оказывает. Однако этот закон проявлял свое действие, по мысли Рикардо, лишь в тех случаях, когда применялись капиталы одинакового органического состава. При наличии же капиталов различного органического со-

става на стоимость товаров влияние оказывает не только труд, но и изменение заработной платы.

Следовательно, здесь налицо противоречие закона стоимости с законом равной нормы прибыли. На языке Рикардо, это противоречие было сформулировано как влияние заработной платы на стоимость товара. Рикардо, таким образом, считал, что закон стоимости в определенном случае, т. е. в условиях различного органического строения капитала, терпит крушение. Причины того подводного камня, на который натолкнулась теория стоимости Рикардо, коренились в отождествлении стоимости с ценой производства, в непонимании тех промежуточных звеньев, которые ведут от стоимости к цене производства, в непонимании цены производства как превращенной формы стоимости.

Однако у Рикардо кроме различия в органическом составе капитала было и второе «исключение» из действия закона стоимости, вытекавшее из различной продолжительности периодов обращения капитала. В письме к Д. Мак-Куллоху от 8 августа 1823 г. Рикардо писал: «Трудный предмет стоимости занял мои мысли, но я не смог найти удовлетворительный выход из лабиринта... Я не могу преодолеть затруднение с примером вина, которое выдерживается в погребе в течение трех или четырех лет, или дуба, на который первоначально затрачено было труда, быть может, всего на 2 шилл. и который теперь стоит 100 ф. ст.».

В письме к Д. Мак-Куллоху от 21 августа 1823 г., подчеркивая, что в рассматриваемом случае с вином на стоимость товара кроме затраченного труда оказывает воздействие и прибыль на капитал, Рикардо писал: «Когда мы видим, таким образом, что стоимость товаров изменяется в зависимости от изменения прибыли, будет ли правильно утверждать, что не было никакой другой причины для изменения, кроме большего или меньшего количества примененного труда, необходимого для их производства. Практически стоимость товаров очень мало изменяется в зависимости от изменения прибыли, потому что прибыль вообще изменяется очень незначительно, но тем не менее мы обязаны на этом основании признать, что если изменяется прибыль, то изменится и стоимость товаров»¹.

Таким образом, в условиях наличия различной продолжительности периодов обращения капитала Рикардо считал, что на стоимость товаров кроме затраченного труда в качестве самостоятельного фактора оказывает влияние прибыль на капитал, продолжительность времени, на которое авансирован капитал.

Однако Джеймс Милль в качестве правоверного рикардianца не был удовлетворен решением вопроса с вином, который был предложен Рикардо. Джеймс Милль писал: «Время ничего не может делать... Как же в таком случае оно может увеличивать стоимость? Время есть лишь абстрактный термин. Оно — слово, звук.

¹ Д. Рикардо. Сочинения, т. V. Соцэргиз, 1961, стр. 233, 237.

И получается один и тот же логический абсурд, говорят ли об абстрактной единице как мере стоимости или о времени как соиздателе стоимости». Решение этого вопроса, предложенное Джемсом Миллем, сводилось к тому, что стоимость, наряду с живым трудом, создается также прошлым трудом, овеществленным трудом, капиталом, который в его понимании является накопленным трудом. Применительно к вину это означало, что, поскольку оно хранилось в погребе, стоимость вина повышалась в силу продолжавшейся работы капитала.

Вульгаризируя теорию стоимости Рикардо, Джемс Милль приписывал капиталу, который он отождествлял со средствами производства, капиталу как накопленному труду творческую способность создавать новую стоимость, являющуюся источником прибыли. Между тем Рикардо понимал, что капитал стоимости не создает, что если средства производства и участвуют в производстве потребительных стоимостей, то в определении стоимости учитывается стоимость капитала, но отнюдь не техническая производительность средств производства. Рикардо был весьма далек от вульгарных утверждений, что средства производства «трудятся», на чем настаивал Джемс Милль. Но что сблизает Джемса Милля с Рикардо по вопросу о выравнивании нормы прибыли, это — то, что обоим им чуждо было понимание вопроса об условиях для компенсации капиталов в различных сферах производства.

Анализируя основания для компенсации капиталов в различных сферах производства, К. Маркс писал, что «...основанием для компенсации служит все, что заставляет капитал в какой-нибудь особой сфере производства отказываться от тех условий, при которых он в других сферах мог бы произвести *большую прибавочную стоимость*»¹.

К. Маркс утверждал, что «...при определении оснований для компенсации капиталов в различных сферах производства дело идет не о производстве прибавочной стоимости, а о ее *распределении между различными категориями капиталистов*. Поэтому здесь приобретают значение такие точки зрения, которые не имеют абсолютно никакого отношения к *определению стоимости как таковой*»². Перечисляя случаи, когда имеет место указанная компенсация, К. Маркс указывает в качестве примера: когда применяется больше основного капитала и меньше оборотного; когда постоянного капитала применяется больше, чем переменного; когда капитал вынужден дольше оставаться в процессе обращения; когда капитал вынужден дольше оставаться в процессе производства, не подвергаясь процессу труда.

Указанная компенсация выражается в том, что на капиталы, находящиеся в менее благоприятных условиях, для непосредственной эксплуатации труда соответственно их величине перено-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 84.

² Там же.

сится часть прибавочной стоимости, произведенной в других сферах производства. Таким образом, происходит осуществляемое конкуренцией выравнивание общей нормы прибыли, при которой отдельный капитал выступает как определенная часть общественного капитала. К. Маркс подчеркивает, что «явление это оказывается весьма простым, раз понято отношение между прибавочной стоимостью и прибылью и, далее, выравнивание прибылей в общую норму прибыли»¹.

Однако все представляется в ином свете, когда делается попытка объяснения прибыли, получаемой отдельным капиталом в отдельной отрасли, из прибавочной стоимости, которая содержится в товарах, произведенных этим капиталом. Однако все выглядит иначе, если хотят прямо из закона стоимости, без какого бы то ни было опосредствования, без всяких промежуточных звеньев, объяснить вопрос о выравнивании норм прибыли.

Джемса Милля сближает с Рикардо то, что они оба игнорировали процесс образования средней нормы прибыли и брали последнюю как заранее данную величину непосредственно из практики предпринимательской деятельности. Они оба брали среднюю норму прибыли как предпосылку и не понимали, какие промежуточные звенья существуют между стоимостью и ценой производства, не имели представления о превращении стоимости в цену производства.

Однако между Рикардо и Джемсом Миллем имеется и существенное различие. Если Рикардо, не сумев согласовать закон стоимости с законом средней прибыли, допускал, что сама стоимость подвергается воздействию влияний, независимо от рабочего времени, то Джемс Милль, вульгаризируя теорию стоимости Рикардо, ставя своей целью избежать нарушения закона стоимости, вступил на путь утверждений, что средства производства, капитал трудятся и тем самым создают стоимость. Это была явная вульгаризация, искажение традиций классической школы политической экономии, в особенности теории стоимости Рикардо.

Вульгаризация Миллем теории заработной платы Рикардо. Как уже отмечалось в разделе о Рикардо, в своей теории заработной платы Рикардо исходил из предпосылки, что рабочий продает прямо свой труд, а не свою рабочую силу, что товаром, который рабочий выносит на рынок труда, является его труд, а не отнюдь его рабочая сила; что процесс обмена между капиталистом и наемным рабочим представляет собой обмен между накопленным и непосредственным трудом. Однако указанные предпосылки теории заработной платы приводили к нарушению закона стоимости.

В самом деле, если считать труд товаром, вместо того чтобы говорить о рабочей силе как товаре, то нельзя объяснить на основе закона стоимости, что стоимость товара определяется

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 84.

количеством труда, затраченным на его производство, обмен между капиталистом и наемным рабочим, самый большой из всех обменов и составляющий основу капиталистического производства. Нельзя объяснить на основе закона стоимости наличие неравенства между овеществленным трудом, получаемым рабочим в виде заработной платы, и непосредственным трудом, отдаваемым рабочим в обмен на заработную плату.

Для того чтобы обойти специфическую трудность, связанную со специфической формой отношения между капиталистом и наемным рабочим, Милль выдвигает своеобразную трактовку заработной платы. Он пишет: «Вместо того чтобы дожидаться, пока продукты будут произведены и их стоимость будет реализована, нашли более удобным для рабочих выплачивать их долю авансом... Заработная плата является той формой, которую нашли подходящей для получения ими их доли. После того как та доля продуктов, которая причитается рабочему, полностью получена им в форме заработной платы, продукты эти принадлежат исключительно капиталисту, так как он фактически купил долю рабочего и уплатил за нее авансом».

Милль, конечно, предполагает наличие отделения рабочего от объективных условий труда, предполагает наличие отношения капиталиста и наемного рабочего. Вместе с тем он считает удобным то обстоятельство, что рабочий продает свою долю в продукте до того, как рабочий его произвел; что доля рабочего в продукте выплачивается капиталистом до того, как капиталист продал продукт, в котором имеет долю рабочий. Таким образом, для устранения затруднения, которое стояло перед Рикардо в его анализе процесса обмена между капиталистом и наемным рабочим как обмена между накопленным трудом и непосредственным трудом, Милль превращает наемного рабочего в продавца товаров, ничем не отличающегося от всякого другого товаровладельца, в товаровладельца, продающего капиталисту свою долю в продукте, в товаре, являющуюся продуктом рабочего, его товаром, его стоимостью, воплощенной в форме особого товара, не отличающегося чем-либо специфическим от всякого любого другого товара. Затруднение, которое стояло перед Рикардо в его анализе сделки между капиталистом и наемным рабочим, Милль пытается устранить изображением этой специфической сделки, в которой классовое отношение между капиталистом и наемным рабочим уже дано, как обыкновенной сделки между товаровладельцем, между владельцами овеществленного труда.

Переходя к определению той «доли» продукта, которая достается рабочему, Милль пишет, что определение долей в стоимости товара рабочего как продавца и капиталиста как покупателя есть «предмет торговой сделки, торга между ними»; что всякая «свободная торговая сделка регулируется конкуренцией и условия торга меняются в зависимости от изменения соотношения между спросом и предложением».

В приведенном высказывании Милль вступает в прямое противоречие с той позицией, какую он как ревностный последователь Рикардо занимает по вопросу о взаимоотношении между стоимостью и спросом и предложением. С одной стороны, он доказывает, что спрос и предложение могут определять колебания рыночной цены выше или ниже стоимости товара, но не могут определять стоимость товара, что бессмысленно применять спрос и предложение для определения стоимости, так как определение их самих уже предполагает определение стоимости. С другой стороны, полагает Милль, при сделке между рабочим и капиталистом доля рабочего в продукте, ее стоимость регулируется соотношением спроса и предложения, что является отказом от закона стоимости.

Рассмотренная «...вторая попытка Милля разрешить одно из противоречий Рикардо в действительности, — писал К. Маркс, — уничтожает всю основу рикардовской системы и, в особенности, то ее преимущество, что она отношение капитала и наемного труда рассматривает как прямой обмен между накопленным и непосредственным трудом, т. е. берет его в его специфической определенности»¹.

ТЕОРИЯ «ВОЗДЕРЖАНИЯ» Н.-У. СЕНИОРА

Н.-У. Сениор о производительном и непроизводительном труде. Сениор, Нассау-Уильям (1790—1864) — английский вульгарный буржуазный экономист, противник сокращения рабочего дня. В своей общей характеристике Сениора К. Маркс писал, что Сениор является «всего лишь апологетом существующего строя и потому вульгарным экономистом...»².

Сениор раболепствовал перед буржуазией и буржуазным государством. Это со всей наглядностью выступает в его провозглашении всех полезных для буржуазии функций производительными.

Сениор вел полемику со Смитом по вопросу о производительном и непроизводительном труде. Для полемических выпадов Сениора против Смита характерно следующее высказывание Сениора: «Разве врач, вылечивающий своим предписанием больного ребенка и таким образом сохраняющий ему жизнь на долгие годы, не производит длительного результата?»³. Подвергая критике это высказывание Сениора, Маркс писал, что, «если ребенок умирает, результат не менее длителен. А если ребенок остается больным, то *услуга* врача все же должна быть оплачена». По мысли Сениора, «...врачам следовало бы платить лишь постольку, поскольку они излечивают, адвокатам — лишь постольку, поскольку они

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 90.

² Там же, стр. 365.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 282.

выигрывают процессы, а солдатам — лишь постольку, поскольку они одерживают победы»¹.

Полемизируя со Смитом, Сениор ставил ему в упрек, что по его теории деятельность солдата является непроизводительной. «Существуют страны, — писал Сениор, — где совершенно невозможно обрабатывать землю без охраны со стороны солдат. И что же! По классификации Смита, собранный урожай не является продуктом совместного труда того человека, который ходит за плугом, и того, который рядом с ним шагает с оружием в руках; по мнению Смита, только земледелец является производительным работником, а деятельность солдата непроизводительна».

Подвергая критике приведенное высказывание Сениора, К. Маркс указывает, что «Смит сказал бы, что деятельность солдата производит защиту, но не хлеб. Если бы в стране установился порядок, то земледелец продолжал бы, как и прежде, производить хлеб, не будучи вынужденным производить в придачу к этому средства для содержания солдата, а стало быть и его жизнь».

К. Маркс относил солдата к значительной части «...непроизводительных работников, которые сами ничего не производят — ни в области духовного, ни в области материального производства — и только вследствие недостатков социальной структуры оказываются полезными и необходимыми, будучи обязаны своим существованием наличию социальных зол»².

В противоположность Смит, выдающемуся представителю классической школы буржуазной политической экономии, идеологу революционной буржуазии, который затраты на государство, на церковь и т. д. рассматривал как *faux frais* производства, Сениор, как вульгарный экономист, как беспардонный, беззастенчивый апологет капитализма, лакействовал перед буржуазией и буржуазным государством, провозглашая все полезные для буржуазии функции производительными.

Борьба Сениора против десятичасового билля 1848 г. В тесной связи с непомерным подобоострастием и рабским пресмыкательством Сениора перед буржуазией и буржуазным государством находилось его отношение к пролетариату. Сениор был злейшим врагом рабочего класса. Об отношении Сениора к положению рабочего класса, к рабочему движению красноречиво свидетельствовало его участие в бунте фабрикантов против десятичасового билля 1848 г. К. Маркс видел в десятичасовом билле, который был экономическим лозунгом фабричных рабочих, не только важный практический успех, но и победу принципа. «...Впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса»³. Что же касается отношения к этому биллю буржуазных экономистов, и среди них Сениора, являвшихся

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 282.

² Там же, стр. 283.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 9.

официальными выразителями интересов буржуазии, то они, как отмечал К. Маркс, доказывали, что этот билль должен прозвучать «...похоронным звоном для британской промышленности...»¹.

Попытка Сениора теоретически обосновать свою борьбу против билля о десятичасовом рабочем дне была подвергнута критике и разоблачению К. Марксом в 1-м томе «Капитала» под ироническим названием «Последний час Сениора»². Таким образом, в лице Сениора мы имеем представителя вульгарной политической экономии в Англии. Ф. Энгельс видел в Сениоре «...либерала, общепризнанного и высокочтимого авторитета фабрикантов и фанатического противника всякого самостоятельного рабочего движения...»³. Принадлежность Сениора к представителям вульгарной политической экономии сказалась и в его трактовке таких проблем политической экономии, как стоимость, капитал, прибыль и др.

Сениор о категории капитала. В своих экономических воззрениях Сениор отводил большую роль понятию «воздержание». Так, о категории капитала Сениор писал: «Я... заменяю слово капитал, рассматриваемый как орудие производства, словом «воздержание». Оценивая приведенное высказывание Сениора о капитале, К. Маркс писал: «Поистине недостижимый образец «открытый» вульгарной политической экономии! Экономическая категория подменяется сикофантской фразой. *Voilà tout* [вот и все]»⁴.

Базируясь на своей трактовке капитала, исходя из понятия «воздержание», Сениор рассматривал особенности капиталистического общества, в отличие от предшествовавших ему добуржуазных способов производства. Для того чтобы подчеркнуть, что при добуржуазных общественных укладах средства труда создавались «без воздержания» капиталиста, Сениор обращается к дикарю. Сениор пишет: «Если дикарь делает лук, то он занимается промышленностью, но не практикует воздержания». И далее: «Чем больше прогрессирует общество, тем более воздержания требует оно».

О водоразделе, который Сениор проводил между капиталистическим обществом и дикарем, К. Маркс писал следующее: «...Капиталистическое общество отличается от дикаря вовсе не тем, в чем видит это отличие Сениор, полагающий, что дикарь имеет особую привилегию расходовать свой труд иногда таким образом, что он не дает ему никаких продуктов, обращающихся в доход, т. е. в предметы потребления»⁵. И далее, подвергая критике теорию «воздержания» Сениора, который пытался ее подкрепить ссылкой на различие между капиталистическим обществом и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 9.

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 235—240.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 300.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 610.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 497.

дикарем, К. Маркс выдвинул замечательный тезис о том, что в капиталистическом обществе производство средств производства возрастает быстрее, чем производство предметов потребления, и это является прямым следствием того, что капиталистическое общество создает неизмеримо более высоко развитую технику сравнительно с прежними эпохами общественного развития.

Итак, К. Маркс показал всю несостоятельность теории «воздержания» Сениора, когда последний в качестве аргумента выдвигал глубоко ошибочное противопоставление капиталистического общества дикарю. Однако К. Маркс этим не ограничился. Продолжая свою критику и разоблачение теории «воздержания» Сениора, К. Маркс писал: «Вульгарному экономисту не приходит в голову та простая мысль, что всякое человеческое действие можно рассматривать как «воздержание» от противоположного действия. Еда есть воздержание от поста, ходьба — воздержание от стояния на месте, труд — воздержание от праздности, праздность — воздержание от труда и т. п. Этим господам следовало бы подумать о словах Спинозы: «*Determinatio est negatio*».

Тезис Сениора о том, что общественный прогресс требует все возрастающего воздержания, К. Маркс уточняет, отмечая, что речь идет о «воздержании» «...со стороны тех, труд которых состоит в том, чтобы присваивать себе чужой труд и его продукт»¹. И далее К. Маркс в яркой, блестящей, художественно убедительной форме вскрывает всю вздорность, ничтожность, нелепость теории «воздержания».

К. Маркс писал: «Все условия процесса труда превращаются отныне в соответственное количество актов воздержания капиталиста... Каким образом класс капиталистов в состоянии осуществить это, составляет тайну, строго сохраняемую до сих пор вульгарной политической экономией. Как бы то ни было, мир живет лишь благодаря самоистязаниям капиталиста, этого современного кающегося грешника перед богом Вишну... Итак, уже простая гуманность, очевидно, требует, чтобы капиталист был избавлен от мученичества и искушений тем же самым способом, каким отмена рабства избавила недавно рабовладельца Джорджии от тяжелой дилеммы: растратить ли на шампанское весь прибавочный продукт, выколотый из негров-рабов, или же часть его снова превратить в добавочное количество негров и земли»². Иносказательная ссылка на отмену рабства имела глубокий политический смысл. Эта аналогия, по существу, означала, что только пролетарская революция, диктатура пролетариата положит конец «мученичеству» и «искушениям» капиталиста, подвергающего себя подвижничеству с целью «воздержания».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 610.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 610—611.

ВУЛЬГАРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ВО ФРАНЦИИ

Ж.-Б. СЭЙ КАК ОСНОВАТЕЛЬ
ВУЛЬГАРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Сэй, Жан-Батист (1767—1832) — французский буржуазный вульгарный экономист. К. Маркс видел в Сэе истинного истолкователя и глашатая трезво-практического буржуазного общества. Рассматривая Сэя как комментатора А. Смита, К. Маркс писал, что для Сэя характерно «...выделение тех вульгарных представлений, которые там и сям встречаются у А. Смита, отложившееся в виде своеобразной кристаллизации, существующей на ряду с А. Смитом»¹. Произведения основателя вульгарной политической экономии Сэя были направлены против раннего утопического социализма, непосредственно против знаменитого революционного деятеля Франции XVIII в. Гракха Бабефа.

Социально-экономические взгляды Сэя исходили из основной предпосылки незыблемости, непоколебимости частной собственности, которая принимается Сэем в качестве непреложного факта, не подвергаемого критическому исследованию. Сэй всячески превозносит «средний класс» общества, состояние которого назито «честным трудом». «Средний класс» является тем источником, откуда просвещение распространяется на «сильных мира сего» и на «простой народ», не располагающих временем для «умственного труда»². Сэй был противником протекционизма. Вместе с тем, ратуя «за постепенность» народно-хозяйственного развития страны, Сэй считал, что для перехода к «более благоприятному порядку вещей» невозможно, не причинив большого зла, сразу уничтожить учреждения, связанные с правительственной политикой.

Сэй о предмете политической экономии. Предмет политической экономии Сэй определял как простое изложение «законов, управляющих экономией человеческих обществ». Под наукой политической экономии Сэй подразумевал «знание истинной природы богатства., знание всех трудностей, которые приходится преодолевать для его приобретения, знание того, как оно распределяется в обществе, как можно пользоваться им, а также последствий этих разнообразных фактов».

По мысли Сэя, положения политической экономии имеют большое практическое значение как для государственных деятелей, так и для частных лиц. Государственные деятели вынуждены руководствоваться принципами политической экономии, чтобы «предвидеть результаты принимаемых мер». Что касается частных лиц, то «истинное понимание сущности ценностей и их движения» дает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 526—527.

² Ж.-Б. Сэй. Трактат политической экономии, 1896, стр. 2—3. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

возможность... предвидеть нужды... предприятий и их результаты, изыскивать средства для их процветания, умело пользоваться своими правами, находить наиболее солидное помещение для капиталов».

В высказываниях Сэя подчеркивается узкий практицизм, сугубо утилитарный характер политической экономии, рассчитанный только на получение пользы, выгоды, заботящийся лишь о рентабельности предпринимательской деятельности «среднего класса».

Теория стоимости Сэя. Для теории стоимости Сэя характерно утверждение, что «производить предметы, имеющие какую-нибудь полезность, значит производить богатство, так как полезность предметов составляет первое основание их ценности, а ценность есть богатство». Таким образом, по мысли Сэя, полезность — основание стоимости. Вместе с тем он отождествляет стоимость с богатством, т. е. отождествляет, смешивает стоимость с потребительной стоимостью. Сэй также полагает, что «цена предмета есть мерило его ценности, а ценность есть мерило его полезности»; что «меновая ценность, или цена предмета, служит только верным указателем полезности, которую люди признают в предмете». В приведенных высказываниях подчеркивается, что источником стоимости является полезность, или потребительная стоимость.

Взгляд Сэя на полезность, или потребительную стоимость, как на источник стоимости означал смешение, отождествление стоимости товара с его потребительной стоимостью, непонимание того, что потребительная стоимость и стоимость несоизмеримы между собой. Определение стоимости полезностью, или потребительной стоимостью, естественно приводило Сэя к отрицанию теории трудовой стоимости и к отстаиванию теории издержек производства. Сэй обвиняет Смита в том, что он приписывает одному только труду человека способность производить стоимость. По мысли Сэя более точный анализ показывает, что стоимость обязана своим происхождением соединенному действию труда или, скорее, трудолюбия человека, сил природы и капитала.

Таким образом, Сэй определял стоимость товара «издержками производства» — капиталом, землей и трудом. А эти издержки он определял спросом и предложением. Разоблачая бессодержательность понятия «издержки производства» у Сэя, К. Маркс подчеркивал, что в определении Сэем стоимости товара «издержками производства» вообще нет никакого определения стоимости. Сэй принимал «...издержки производства» за последний регулятор цен, не имея ни малейшего понятия об определении стоимости рабочим временем, более того, даже прямо отрицая это определение при одновременном отстаивании «издержек производства»¹.

Теория «издержек производства» Сэя вращалась в порочном кругу объяснения стоимости стоимостью, ибо стоимость товара он хотел определить стоимостью производительных услуг, тогда

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 233.

как стоимость производительных услуг, по мысли Сэя, есть не что иное, как стоимость товара, являющегося их результатом. Теория «издержек производства» Сэя определяла одно неизвестное другим неизвестным. Таким образом, одной из теорий стоимости Сэя было присуще сочетание концепции «издержек производства» с концепцией спроса и предложения при игнорировании трудовой теории стоимости.

К определению стоимости спросом и предложением Сэй неоднократно возвращался в своих трудах. Так, например, в полемике с Рикардо Сэй утверждал, что «...основанием всякой стоимости служит не количество труда, необходимого для производства данного товара, а потребность в нем, сопоставленная с его редкостью»¹. Подвергая критике теорию спроса и предложения, К. Маркс подчеркивал путаницу, которая порождается тем, что цены определяются спросом и предложением, и наряду с этим спрос и предложение определяются ценами.

Сэй видел в стоимостном отношении только пропорцию, в которой приравниваются друг другу определенные количества двух различных видов товаров. Сэй отвергал внутреннюю, имманентно присущую товарам стоимость и считал, что стоимость товаров возникает в результате процесса приравнивания двух товаров. Сэй смешивал форму стоимости и самую стоимость, он видел в выражении стоимости только количественное отношение, и, будучи идеологом практичного, делового буржуа, он обращал преимущественное внимание на количественную определенность менового отношения.

Теория стоимости Сэя представляет собой нагромождение различных теорий: стоимость определяется полезностью, стоимость определяется «издержками производства», т. е. стоимостью «производительных услуг» капитала, земли и труда, стоимость определяется спросом и предложением. Сэй отождествлял стоимость с ценой, он отождествлял стоимость с потребительной стоимостью. Во всем этом хаотическом смешении понятий была, однако, ведущая идея в интересах «среднего класса» — отрицание теории трудовой стоимости, отказ от того вклада, который внесла классическая школа политической экономии в трактовку проблемы стоимости.

Учение Сэя о трех факторах производства. В тесной связи с вульгарной теорией стоимости Сэя находится его теория распределения. По Сэю трем факторам производства — труду, капиталу и природе (земле) соответствуют три основных дохода: труд создает заработную плату, капитал — процент, земля — рента. Сумма этих трех доходов определяет величину стоимости продукта, каждый из владельцев того или иного фактора производства получает вознаграждение или доход, созданный соответствующим фактором производства, как определенную долю стоимости продукта.

Подвергая критике триединство: труд — заработная плата, капитал — процент, земля — рента, К. Маркс указывал, что триединая

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 116.

формула состоит из трех невозможных компонентов. В триединой формуле рядом с трудом и землей — вещественными элементами всякого процесса производства, не имеющими никакого отношения к его общественной форме, общими для всех способов производства, непосредственно ставится капитал — историческое производственное отношение, опосредствованное вещами.

В триединой формуле в известное отношение друг к другу ставятся несоизмеримые величины — стоимость и потребительная стоимость. В триединой формуле различные доходы пронстекают из совершенно различных источников. Эти доходы «не находятся друг с другом во враждебной связи, ибо вообще не находятся ни в какой внутренней связи». Между этими доходами и агентами производства при всем их различии нет антагонистических противоречий. «Если тем не менее они (т. е. факторы производства. — *Авт.*), — пишет К. Маркс, — в производстве действуют вместе, то это есть гармоническое действие, выражение гармонии... Если между ними имеет место антагонизм, то он создается лишь конкуренцией из-за того, кто из агентов производства должен присвоить себе больше из продукта, из той стоимости, которую они создали сообща»¹.

Триединая формула, будучи «теоретическим» выражением капиталистического производства как гармоничного хозяйственного режима оказывает большие услуги для апологии нищеты рабочего класса и паразитических нетрудовых доходов.

Сэй о прибыли. По мысли Сэя, прибыль предпринимателя распадается на две части: на прибыль собственно от промышленности и на прибыль с капитала.

Сэй проводит разграничение между частью прибыли предпринимателя, которая «поступает как бы в вознаграждение за его промышленные способности, за его таланты, деятельность, дух порядка и руководство», и той ее частью, которая может быть отнесена за счет «производительных услуг капитала». Сэй, таким образом, полагает, что прибыль распадается на предпринимательский доход и процент.

Переходя к рассмотрению прибылей предпринимателей в земледелии, промышленности и торговле, Сэй пишет, что «стоимость их труда определяется отношением между требуемым количеством этого рода труда, с одной стороны, и количеством, какое употреблено в дело, предложенным количеством, с другой». По мысли Сэя, «умелость ограничивает число людей, предлагающих свой труд в качестве предпринимателей».

В том, что деятельность промышленных предприятий связана с риском, Сэй видит также причину, в силу которой «обыкновенно число предприятий сокращается или становится несколько дороже». Не все предприятия требуют от предпринимателей одинаковых способностей и знаний. Так, Сэй считает, что труд фермера

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 529.

оплачивается дешевле, чем труд купца, потому что «способности и знания, необходимые для хорошего фермера, встречаются гораздо чаще, нежели способности и знания, необходимые для хорошего купца». Восторгаясь предпринимателями, обладающими «ловкостью», Сэй утверждает, что при благоприятных обстоятельствах в этом классе производителей образуются почти все большие состояния.

Сэй видел предпринимателя и в землевладельце. Отождествляя землевладельца с фермером, Сэй полагал, что оба они «употребляли все способы к тому, чтобы вышел из земли полезный продукт, и устранили все препятствия, какие могли встретиться им».

Сэй о заработной плате и положении рабочего класса. Сэй рассматривал рабочую силу рабочего как «накопленный капитал». Заработная плата, по мысли Сэя, достигает такой величины, что «класс самых простых рабочих получает из продуктов, в производстве которых участвует своим трудом, достаточную долю вознаграждения не только для того, чтобы существовать, но и для того, чтобы пополняться».

В духе А. Смита Сэй движение заработной платы рассматривал в зависимости от того, находится ли страна в состоянии упадка или в ней благосостояние увеличивается. Заработная плата фабричных рабочих, как правило, подчеркивает Сэй, бывает выше, чем у сельских рабочих. Вместе с тем она подвергается разного рода печальным превращениям. В качестве примеров Сэй ссылается на войну, на новый таможенный закон, на перемену моды. У Сэя мы встречаем ряд высказываний, где он отстаивал необходимость коренного улучшения положения рабочего класса. Как же Сэй практически мыслит себе улучшение положения рабочего класса?

Сэй утверждал, что, чем меньше потребление рабочего, «тем ниже может быть установлена обычная величина его заработной платы и тем дешевле могут продаваться продукты, в производстве которых он участвует». Если же рабочий захочет улучшить свое положение и поднять заработную плату, то «или вздорожают продукты, которые он производит, или уменьшится доля других участников в производстве».

Сэй обуславливал рост заработной платы увеличением потребностей в предметах первой необходимости. В этой связи Сэй подчеркивал, что к числу необходимых расходов рабочего класса, кроме расходов на воспитание детей, следует отнести и заботу о стариках. Сэй считал необходимым поддерживать рабочие ассоциации, в которых рабочие «ежедневно откладывают самое ничтожное сбережение». Сэй утешал господствующие классы тем, что нечего опасаться, что «потребление рабочего класса, при его настоящем неблагоприятном положении, разовьется слишком широко».

На установление величины заработной платы, по мнению Сэя, оказывает также влияние разница в положениях хозяина и рабочего. Заработная плата рабочего определяется взаимным соглаше-

нием между ним и предпринимателем. «Хозяин и рабочий одинаково нуждаются один в другом, так как первый не может получить никакой прибыли без помощи другого; но нужда хозяина не бывает непосредственной и настоятельной, как рабочего».

По мысли Сэя, правительство должно покровительствовать интересам рабочих, которые «меньше, чем интересы их хозяев, защищены самой природою вещей». Но тут же Сэй оговаривается, что это не должно вызвать «никакого беспорядка», что это не должно нарушать «свободы сделок». Вообще Сэй считает, что «правительство, если оно просвещенно, должно стараться как можно меньше вмешиваться в дела частных лиц, чтобы бедствий естественных не усилить еще более бедствиями, происходящими от администрации». Таким образом, Сэй, несмотря на свои благопохвальные, благочестивые пожелания об улучшении положения рабочего класса, считал, что его узкий базис потребления как естественная необходимость должен быть увековечен.

Кроме общей характеристики проблемы заработной платы, Сэй анализировал влияние применения машин на положение рабочего класса. Сэй писал: «Всякий раз, как новая машина или, вообще, какой-нибудь новый прием заменяет собой действовавший до тех пор человеческий труд, часть рабочих вытесняется и на время остается без работы». Отметив, что введение машин зачастую приостанавливалось «яростью толпы» и «распоряжениями администрации», Сэй указывал на ряд обстоятельств, благодаря которым «неудобства», связанные с внедрением машин, смягчаются. Введение и распространение машин — процесс медленный. А это позволяет рабочим, интересы которых при этом могут пострадать, «принять свои меры предосторожности», а администрации — подготовить «средства к устранению этих невыгод». Следовательно, «неудобства», которые машина несет рабочим, в конечном счете, ликвидируются: — незанятость части рабочих исчезает, рабочие оказываются вновь вовлеченными в процесс производства.

Сэй вообще считал, что самую большую выгоду из введения новых, усовершенствованных машин извлекают потребители. Потребители характеризуются Сэем как самый важный класс общества, потому что он — самый многочисленный, потому что в его состав входят производители всякого рода и потому что благополучие этого класса составляет и общее благосостояние, процветание всей страны. Исходя из своих воззрений на роль «класса потребителей» в обществе, Сэй делает вывод, что рабочий класс больше всех других заинтересован в техническом успехе производства, оберегающем ручной труд, ибо именно этот класс, наиболее нуждающийся, извлекает наибольшую пользу из дешевизны товаров. Высказывания Сэя находятся в вопиющем противоречии со всеобщим законом капиталистического накопления, с относительным и абсолютным ухудшением положения пролетариата в условиях капитализма.

Теория реализации Сэя. Сэй утверждает, что сообщая ценность своим продуктам, создавая полезное для них употребление, человек, занятый в промышленности, надеется, что товар его будет оценен и продан тем людям, которые обладают средствами для его купли. Эти средства состоят из других ценностей, из других продуктов, плодов промышленности, из их капиталов, земель. А из этого следует, полагает Сэй, что «сбыт для продуктов создается самим производством». Говоря о деньгах, об их роли, Сэй писал: «Все назначение их (т. е. денег. — Авт.) в том, чтобы перевезти к вам ценность продуктов, которые покупатель продал, чтобы купить у вас ваши продукты; точно так же деньги повезут к тому, у кого вы купили, ценность продуктов, которые вы продали другим».

Тезису «нельзя продать, потому что мало денег», Сэй противопоставляет другой тезис: «нельзя продать, потому что мало других продуктов». Сэй утверждал, что «денег всегда довольно, чтобы служить обращению и взаимному обмену других ценностей, если только эти ценности действительно существуют». Сэй неоднократно указывал, что продавцы стремятся лишь «получить ценность своего товара такими продуктами, которые нужны им для их потребления», что продавцы совсем не ищут денег и не имеют в них надобности, а если и желают иметь их, то лишь для того, чтобы превратить их в предметы своего потребления. Из «важной истины», заключающейся в том, что покупка всякого продукта не может совершиться иначе как на ценность другого продукта, Сэй делает ряд выводов.

Первый вывод формулируется Сэем следующим образом: «...Чем больше в каждом государстве производителей и чем многочисленнее производства, тем легче, разнообразнее и обширнее сбыт продуктов». Наличие иногда большого количества товаров, которые загромаждают обращение, потому что не находят себе покупателей, Сэй объясняет тем, что эти товары «превышают сумму потребностей в них». В данном случае часть произведенных товаров не находит сбыта, как подчеркивает Сэй, «еще более потому, что другие производства дали товаров меньше, чем нужно. Известных продуктов слишком много, потому что не хватает других».

Второй вывод из указанного принципа сводится Сэем к тому, что «каждый заинтересован в благополучии всех и что процветание одной отрасли промышленности всегда благоприятно процветанию всех прочих». Для Сэя не существует противоположности между городом и деревней. Свой тезис о взаимозависимости «процветания» всех отраслей промышленности Сэй превращает в универсальный принцип, примененный к народам, провинциям, городу и деревне.

Реализацию своей идеи о всеобщности «процветания», т. е. «гармонического» развития как закона общественной жизни, Сэй связывал с утверждением принципа «свободы». В качестве наглядной иллюстрации благотворительной роли принципа свободы Сэй ссылается на Соединенные Штаты, которые «совершенно разумно ста-

рались распространять промышленную деятельность среди диких племен, которыми они окружены». Сэй утверждал, что США «принадлежит в будущем слава доказать на личном опыте, что самая высокая политика всегда находится в согласии с умеренностью и гуманностью». Таким образом, Сэй, исходя из своей теории реализации, превратил США, которые свою колонизаторскую миссию видели в физическом уничтожении отсталых народов, в идеальную страну, приобщавшую дикие народы к цивилизации, к промышленной деятельности.

Третий вывод заключается в следующем: «...Ввоз иностранных продуктов благоприятен продаже внутренних продуктов, потому что мы не можем купить иностранные товары иначе, как за продукты нашей промышленности, наших земель и наших капиталов, которым, следовательно, торговля доставляет сбыт». На возражение, что за иностранные товары приходится платить деньгами, Сэй отвечает, что если «наша земля не производит денег, то эти деньги приходится покупать на продукт нашей промышленности». Итоговый вывод Сэя — покупаются ли иностранные товары на собственные товары или на деньги, «эти покупки доставляют сбыт национальной промышленности». В приведенных высказываниях Сэй повторяется его идея о всеобщности «процветания», в данном случае применительно к взаимозависимости хозяйственной жизни различных народов. Вновь указывается на необходимость ориентироваться на принцип «свободы», на свободу торговли, в противоположность протекционизму.

Четвертый вывод, по Сэю, состоит в том, что «потребление чистое и простое, имеющее своим предметом — только вызвать новые продукты, ни в чем не содействуют богатству страны. Оно разрушает, с одной стороны то, что вызывает с другой. Чтобы потребление было благоприятно, нужно только, чтобы оно исполняло свою существенную задачу — удовлетворять потребностям». Говоря о практическом значении своих экономических воззрений, Сэй писал, что «теория обмена и сбыта изменит всю политику мира».

Воззрения Сэя, принадлежащие, по существу, Джемсу Миллю и усвоенные Давидом Рикардо, о том, будто бы невозможно перепроизводство или всеобщее переполнение рынка, базировались, как мы видели, на положении о том, что продукты обмениваются на продукты, или, как это представлял себе Джемс Милль, на «метафизическом равновесии продавцов и покупателей». Из этой догмы сделан был вывод, что спрос определяется только производством, или, что спрос и предложение тождественны. Теория реализации Сэя исходит из ошибочной предпосылки, что движущим мотивом капиталистического производства является не стоимость, не увеличение прибавочной стоимости, а потребительная стоимость.

Как представитель вульгарной политической экономии, Сэй изображал капиталистический процесс производства в виде простого производства товаров, потребительных стоимостей, предназначенных для потребления и производимых капиталистами исклю-

чительно с той целью, чтобы обменять их на товары иной потребительной стоимости. Между тем потребление — доход — отнюдь не служит направляющим моментом капиталистического процесса производства: доход, потребление выступают как результат, а не как определяющая цель.

Из утверждения Сэя, что продукты всегда покупаются на продукты, следует, что товар с его двойственной природой как единства потребительной стоимости и стоимости превращается в продукт, в потребительную стоимость, а обмен товаров — в меновую торговлю продуктами, потребительными стоимостями. Тем самым анализ отодвигается назад, не только за пределы капиталистического производства, но и за рамки простого товарного производства.

В условиях непосредственного обмена продуктов его моменты не отделялись друг от друга, покупка и продажа совпадали, покупатель был продавцом, продавец — покупателем, тем самым отпала возможность кризиса. Сэй, по существу, берется судить о кризисах — этом сложном явлении капиталистического производства, — отрицая первое условие его, что «...продукт должен быть товаром, должен поэтому быть представлен как деньги и продавать процесс метаморфоза»¹.

Догма Сэя, состоящая в том, что продукты обмениваются на продукты, представляет собой утверждение, что при капитализме производители-продавцы и потребители-покупатели тождественны. В действительности же они совершенно не совпадают друг с другом. В самом деле, рабочий продает специфический товар, рабочую силу как товар на рынке труда. Как покупатель же, как представитель спроса рабочий выступает по отношению к тем только товарам, которые входят в его индивидуальное потребление. Рабочие являются, следовательно, производителями, не будучи потребителями даже когда процесс воспроизводства не нарушается по отношению ко всей товарной массе, которая должна потребляться не в смысле индивидуального, а производительного потребления.

Следует также учесть, что акты купли-продажи совершаются не только между промышленными капиталистами.

Последние продают свои товары рабочим и владельцам доходов, не являющихся производителями товаров. Нельзя игнорировать и того обстоятельства, что покупки, совершаемые промышленными капиталистами как капиталистами, весьма отличаются от покупок, совершаемых ими при расходовании своего дохода. Если ошибочным является утверждение, будто производители и потребители при капиталистическом производстве тождественны, то не менее ошибочным является обратное утверждение, будто потребители являются производителями. Так, например, земельный собственник и представители денежного капитала не являются производителями, тем не менее они являются покупателями, не будучи продавцами товаров, они выступают как потребители.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 557.

Из догмы Сэя, состоящей в том, что продукты обмениваются на продукты, следовало, что спрос ограничен только его производством. Такие выводы делал Рикардо, утверждая, что нет такой суммы капитала, которая не могла быть применена в стране.

Таким образом, догма Сэя предполагает, что производство совершается без всяких трений, без противоречий; что не имеет места отделение друг от друга покупки и продажи, отделение потребительной стоимости от стоимости, отделение товара от денег; что происходит меновая торговля; что потребление и производство тождественны; что капиталист производит непосредственно ради потребления. Сэй, следовательно, игнорировал присущие капиталистическому производству противоречия и превращал его в гармоничный хозяйственный режим.

АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ «УСЛУГ» И ЭКОНОМИЧЕСКИХ «ГАРМОНИЙ» Ф. БАСТИА

Бастиа Фредерик (1801—1850) — французский вульгарный экономист. В своих социально-экономических воззрениях Бастиа исходит из взглядов на общество как на «совокупность услуг, которые люди добровольно или по принуждению оказывают друг другу», как «совокупность услуг общественных или частных». Если «общественные услуги», предписываемые и регламентируемые законом, часто страдают «неподвижностью» и могут превратиться в «общественные притеснения», то «частные услуги», будучи делом доброй воли и личной ответственности, развиваются по «закону прогресса»¹. Бастиа полагал, что общественная жизнь подчиняется закону естественной гармонии интересов, гласящему, что «интересы, предоставленные самим себе, стремятся к гармоническим сочетаниям, к прогрессивному преобладанию общего интереса».

Разрешение «социальной задачи», по мысли Бастиа, «всецело лежит в слове свобода», ибо «интересы — гармоничны». В своем обосновании чудодейственной роли «свободы» в прогрессивном развитии человечества, связанной с «гармонией интересов», Бастиа в качестве решающего фактора ссылается на провидение, причем свои мистические верования он отождествляет с торжеством разума, с победой науки.

В тесной связи с воззрением Бастиа на мудрость «божественных законов», с его высказываниями о «свободе» находится его апология капиталистического общества как подлинного царства «свободы». В условиях капиталистического общества, этой «настоящей ассоциации», все входящие в нее работники, по мысли Бастиа, «принуждены оказывать друг другу взаимные услуги и взаимную помощь ради общей цели». Все эти работники, один по отношению к другому, могут рассматриваться как «посредники».

¹ Ф. Бастиа. Что видно и чего не видеть. М., 1896, стр. 119. (Здесь и далее цитируется этот источник. — *Ред.*)

Бастиа стоял на той точке зрения, что «услуги посредников» заключают сами в себе «принцип вознаграждения». По мысли Бастиа, оказывается, что в условиях «свободы» все принадлежит всем, однако при условии, чтобы каждый «не отказывался от труда приобрести дары божии» или чтобы каждый «свободно мог возложить этот труд на того, кто добровольно согласен принять его на себя». Исходя из своих общих воззрений на капиталистическое производство как на царство «гармонии», как на господство «свободы», как на реализацию принципа «услуга за услугу», Бастиа ограничивает действие правительственной власти обеспечением «порядка, безопасности и справедливости». Он считал необходимым «освободить от посягательств власти всю область частной деятельности». Только при этом условии будет обеспечено «свободное действие гармонических законов, установленных богом для развития и прогресса человечества».

Преисполненный сладостного оптимизма о судьбах человечества, Бастиа писал: «...Человечество не пятится назад, а движется вперед гигантскими шагами и... недалеко то время, когда союз и благосостояние народов утвердятся на непоколебимой основе: свободный и братский союз между людьми всех стран, всех климатов и всех племен». Какова цена этим высокопарным высказываниям Бастиа о грядущей новой эре человечества, насыщенным ложным, фальшивым пафосом, свидетельствуют его гневные, обличительные тирады, направленные против социализма. Бастиа обвинял социалистов-утопистов в том, что они обличают членов общества, которых они считают посредниками; что социалистические учения «охотно уничтожили бы капиталиста, банкира, спекулятора, предпринимателя, торговца и негоцианта, обвиняя всех в том, что они становятся помехой между производством и потреблением, вымогая деньги у той и другой стороны и не доставляя им взамен ровно ничего».

Бастиа осуждал социалистов-утопистов за то, что они якобы под предлогом «какой-то организации» стремятся «деспотически» разрушить существующее «добровольное соглашение», остановить разделение труда, вместо совокупных «усилий» целого общества поставить разрозненные «усилия» отдельных лиц и тем самым отодвинуть назад «цивилизацию». Бастиа осуждал социалистов-утопистов за то, что они якобы отвергают самый принцип людских деяний — личный интерес. Ошибочность суждений социалистов Бастиа видит в том, что они впадают в заблуждение, предполагая, что новый общественный строй возглавят люди, свободные от влияния личного интереса, и что организаторы будут располагать правом управлять народными массами.

Таким образом, то, что составляло историческую заслугу социалистов-утопистов — глубокая критика капитализма, блестящее разоблачение его эксплуататорского механизма, пропаганда преимуществ и прогрессивности будущего гармонического строя, встречало

резкую, полную клеветнических измышлений оппозицию со стороны Бастиа.

Апологетическая общая оценка у Бастиа капитализма как естественного, гармоничного, прогрессивного общественного строя, лишённого противоречий и антагонизмов, нашла свое отражение и в рассматриваемых им проблемах и категориях политической экономии.

Бастиа о предмете политической экономии. В своей трактовке предмета политической экономии Бастиа, исходя из различия между видимым и невидимым в области экономических явлений, разницу между плохим и хорошим экономистом видит в том, что один придерживается только «следствия, которое видно», а другой принимает в расчет и то, что видно, и все те последствия, которые надо производить»

Бастиа ратует за объективность в науке, он противник ее партийности. Бастиа пишет: «Наука — царица; приемы ее должны быть свободны и откровенны. Атмосфера партийности убивает ее». Как представитель вульгарной буржуазной политической экономии, Бастиа всячески стремился затушевать партийность политической экономии. Он трактовал политическую экономию как науку, которая должна носить «надклассовый» характер, как науку «объективную».

Классики марксизма-ленинизма «объективизму» буржуазной науки противопоставляли последовательный материализм, включающий непримиримую партийность. Объективной политической экономией и в то же время глубоко партийной является лишь пролетарская политическая экономия.

Бастиа о стоимости. Переходя от общих рассуждений о «гармонии интересов» к теоретическому ее обоснованию, Бастиа утверждал, что «если взаимные отношения людей будут свободны», то они «не могут быть ни чем другим, как взаимным обменом услуг, все понижающихся в ценности и все возрастающих в полезности». По мысли Бастиа, «полезность» как способность предмета служить человеческим потребностям является результатом действия природы и человека.

Бастиа отводил труду и природе различную степень участия в производстве продукта, в зависимости от места и климата. Участие природы в производстве предмета — даровое. Что же касается участия человека, то оно, не являясь даровым, требует напряжения, усилия, труда. Чем более в данном предмете участие природы, тем менее участия человека. По мысли Бастиа, если доля участия природы всегда даровая, то только участие труда является источником ценности продукта и должно быть оплачено. Полагая, что «идея ценности предполагает приобретение путем усилий», что «все даровое не имеет ценности», Бастиа считал, что «понятие ценности должно быть ограничено исключительно областью усилий труда, употребляемого человеком для удовлетворения его потребностей».

По мнению Бастиа, в «понятие ценности» входит и то, что «эти усилия должны быть обменены одни на другие». Утверждая, что когда два лица взаимно уступают друг другу свои настоящие усилия или результаты своих предшествующих усилий, то они «взаимно оказывают друг другу услуги», Бастиа определял стоимость как «отношение между двумя обмененными услугами». Обмен между двумя лицами «взаимными услугами» происходит «вполне свободно, под влиянием одной только конкуренции и по свободно условленной между ними цене». В письме к Ф. Энгельсу от 11 июля 1868 г. К. Маркс приводит следующие высказывания Бастиа: «Если кто-нибудь, исходя из определения стоимости рабочим временем, объяснил бы мне, почему воздух не имеет никакой стоимости, а алмаз имеет высокую, я бросил бы свою книгу в огонь». Далее К. Маркс приводит из «Экономических гармоний» Бастиа в качестве примера, как последний выводит стоимость товара, следующий «типично коммивояжерский разговор»: «Сударь, уступите мне Ваш алмаз. Охотно, сударь; дайте мне в обмен весь Ваш годичный труд».

Вместо того чтобы ответить: «Милейший, если бы я был вынужден работать, то Вы сами понимаете, что мне пришлось бы покупать не алмазы, а другие вещи», — его собеседник говорит: «Но, сударь, ведь на приобретение Вашей вещи Вы потратили не больше минуты. Что же, постарайтесь и Вы иметь такую минуту. — Но по принципу справедливости мы должны класть в основу обмена *равный труд*. — Нет, по принципу справедливости Вы оцениваете свои услуги, а я — свои. Я Вас не принуждаю, почему же Вы хотите принуждать меня? Дайте мне целый год, или ищите себе сами алмаз. — Но мне пришлось бы затратить десять лет на мучительные поиски, не говоря уже о весьма возможном разочаровании в конце концов. Я считаю более разумным и более выгодным использовать эти десять лет как-нибудь иначе. — Совершенно верно, потому-то я и считаю, что оказываю Вам *услугу*, требуя от Вас в обмен лишь один год. Я Вам сберегаю этим девять лет, вот почему я столь *ценю* эту *услугу*».

И К. Маркс дает следующую оценку трактовки стоимости Ф. Бастиа: «...Немецкие бастианцы не знают, что... злосчастная фраза, будто стоимость товаров определяется не количеством труда, на них затраченным, а тем его количеством, которое они *сберегают* покупателю (детский лепет о связи обмена с разделением труда), выдумана не Бастиа, как и любая из его категорий, достойных коммивояжера винной фирмы»¹.

Давая резюмирующую оценку теории стоимости Бастиа, К. Маркс писал: «...Бастиа в действительности не дает никакого анализа стоимости. Он лишь пережевывает бессодержательные понятия для утешительного доказательства, что «мир полон великих, прекрасных, полезных услуг»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 97—98.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 326.

Бастиа об отношении между капиталом и трудом. Анализируя отношение между капиталом и трудом, Бастиа утверждал, что «право собственников», независимо от обширности их «владений», покоится, как и «право» самого простого рабочего, на незыблемом основании, на получении «услуг за услуги». В своем объяснении отношения между капиталом и трудом Бастиа исходит из видимости, присущей сделке между капиталистом и рабочим, чтобы объяснить эту сделку. И действительно, в первом формальном акте обмена между деньгами и трудом, между капиталом и трудом капиталист и рабочий противостоят друг другу просто как товаровладельцы, относятся друг к другу как покупатель и продавец.

Бастиа как вульгарный экономист не идет дальше сделки между капиталистом и рабочим, чтобы «...мошеннически отделаться от специфически капиталистического отношения». Поэтому для Бастиа как для вульгарного экономиста покупка услуг является «...излюбленной формой для выражения *отношения между капиталом и трудом*», «...так как в покупке *услуг* совершенно не содержится специфического отношения труда и капитала...»¹. Здесь оно «...либо полностью изгладилось, либо вовсе отсутствует...»².

Отношения между капиталистами и рабочими, как утверждал Бастиа, базируются на следующем «законе»: «По мере того как умножаются капиталы, безусловная доля, принадлежащая им в общем результате производства, возрастает, а доля относительная понижается; относительная же доля труда постоянно возрастает, а тем более возрастает и его доля безусловная». Бастиа подчеркивает, что из «такого закона ясно вытекает гармония интересов рабочих и тех, кто их нанимает»³. Изобретенный Бастиа «закон» накопления капитала был направлен против утверждения Рикардо о противоположности прибыли и заработной платы.

Бастиа о капитале и проценте. Бастиа рассматривал процент как вознаграждение за услугу, оказываемую кредитором заемщику. Бастиа писал: «...Давая займы, я оказываю услугу, улучшаю и расширяю труд моих должников и выговариваю себе только самую маленькую часть того излишка производства, который получится благодаря моей ссуде и моим сбережениям». Бастиа подвергал критике такое «решение социальной задачи, которое сводится к мечтаниям о том, чтобы «сделать богатство всеобщим посредством всеобщего кредита». Бастиа утверждал, что «действительный предмет займа» составляют «самые продукты»; что деньги «занимают для того, чтобы с их помощью приобрести известные продукты». Что же касается полезности кредитных учреждений, то Бастиа считал, что польза, доставляемая кредитными учреждениями, заключается в том, что они «облегчают сношения между должниками и кредиторами, дают им возможность сойтись между собою, столкнуться».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 416, 413.

² Там же, стр. 413.

³ Ф. Бастиа. «Экономические гармонии», стр. 170.

Общий вывод Бастиа по вопросу о роли правительственных кредитных учреждений сводится к тому, что они содействуют «перемещению кредита, но не увеличению его». В непосредственной связи с воззрениями Бастиа на то, что объектом кредита являются вещественные блага, что деньги являются инструментом перемещения продуктов, находится трактовка у Бастиа категорий капитала и процента. В своем анализе проблемы капитала Бастиа исходит из предпосылки, что «экономические законы действуют по одному и тому же принципу, идет ли дело о многочисленном сообществе людей, о двух отдельных лицах или даже об одном человеке, обреченном судьбою жить в одиночестве». Бастиа писал следующее об отношении Робинзона к своему «капиталу»: «Орудия, материалы, запасы — вот что Робинзон, без сомнения, назовет своим капиталом и охотно признает, что чем больше будет капитал, тем лучше он приспособит себе естественные силы природы, тем лучше и больше они будут помогать ему в его труде и, наконец, тем больше его усилия будут соответствовать удовлетворению его потребностей».

Переходя от хозяйствования изолированного Робинзона в «центр общественного устройства», Бастиа заявляет, что и здесь «капитал... состоит из рабочих инструментов, материалов и припасов». Бастиа подчеркивает, что капитал был создан в результате «усилий» или «лишений», совершенно чуждых удовлетворению «настоящих потребностей», с целью приобретения «каких-нибудь выгод в будущем». Для обладателя капитала уступить его, значит лишить себя желания выгоды, оказать другому «услугу». «...Уступающий лишает себя в пользу того, кому уступает, или непосредственного удовлетворения, отдавая его на несколько лет, или орудия своего труда, которое увеличило бы его силы, дало бы ему возможность воспользоваться содействием естественных сил природы и увеличило бы в его пользу отношение полученных удовлетворений к усилиям, которые он сделал».

Оказавший «услугу» по «строгой справедливости» имеет право на «взаимность», на получение соответствующей «услуги». Однако, имея в виду, что здесь дело идет не о «простой продаже», вознаграждением за оказанную «специальную услугу» не может быть простое возвращение полученного в конце года. «Здесь дело идет, — пишет Бастиа, — об отсрочке, а отсрочка сама по себе составляет особую услугу, так как она предполагает жертву со стороны оказывающего ее и доставляет выгоду тому, кто в ней нуждается». Исходя из «высшего общественного закона: услуга за услугу», Бастиа считает, что здесь есть место «особому вознаграждению». Это «вознаграждение» принимает различные «наименования: найма, аренды, ренты, но генерическое имя его — процент».

Бастиа всячески отстаивает законность процента, исходя из принципа «услуга за услугу», ибо «всякий, кто соглашается дать капитал на известный срок, оказывает услугу», так как «дать отсрочку — значит оказать услугу». По мысли Бастиа, отсрочка,

опоздание входят в оценку услуг, а следовательно, и в состав понятия о ценности.

Бастиа считал, что законность процента является счастьем человечества. «В противном случае человечеству пришлось бы остановиться перед такой альтернативой: погибнуть, оставаясь справедливым, или прогрессировать с помощью несправедливости». Отождествляя «отсрочку» с «услугой», считая, что «отсрочка» предполагает «жертву», Бастиа, по существу, в ином облачении свою теорию процента обосновывает, исходя из теории «воздержания» Сениора. К. Маркс рассматривал Бастиа как «...самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики»¹.

ВУЛЬГАРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В США

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ «ГАРМОНИЙ» Г. КЭРИ

Американскому капитализму в домонополистической стадии его развития не предшествовал феодальный способ производства. Этим прежде всего и объясняются стремительный рост производительных сил, более высокие темпы развития народного хозяйства в США, более прогрессивный характер развития капитализма в этой стране, в сравнении с другими странами. К. Маркс, давая обобщенную характеристику развития Северной Америки, утверждал, что она представляла собой страну, где буржуазное общество «развивалось не на основе феодализма, а начинало с самого себя»; где буржуазное общество «выступает не как переживший старое общество результат некоторого стародавнего движения, а как исходный пункт некоторого нового движения»; «...где государство... с самого начала было подчинено буржуазному обществу...; где само буржуазное общество, соединяя в себе производительные силы Старого Света с огромными природными богатствами Нового Света, развилось в неслыханных до сих пор размерах и с невиданной до сих пор свободой движения...»; где была проделана непревзойденная работа по овладению силами природы; где антагонизмы буржуазного общества «...выступают всего лишь как мимолетные моменты»².

Кэри о капитализме как гармоничном общественном строе. Кэри, Генри Чарлз (1793—1879) — американский вульгарный буржуазный экономист и философ, автор реакционной теории гармонии классовых интересов в капиталистическом обществе. Кэри, которого К. Маркс называл единственным оригинальным экономи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 18.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 4.

стом Северной Америки, подвергал критике классическую школу политической экономии, Кэри считал ошибочными экономические воззрения Рикардо, представлявшие ее наиболее законченное и последнее выражение.

Кэри видел в теории Рикардо теорию «всеобщей вражды». «Система Рикардо, — утверждал Кэри, — есть система вражды и стремится возбудить войну как между сословиями, так и между нациями». Полагая, что система Рикардо представляет собой систему раздора, Кэри утверждал, что книга Рикардо представляет собой настоящее руководство для демагога, стремящегося к власти посредством аграрных реформ, войны и грабежа.

Оценивая высказывания Кэри о Рикардо, К. Маркс писал, что Кэри «...доносит на Рикардо, как на отца коммунизма...»¹. Кэри нападал не только на Рикардо, произведения которого, по словам Кэри, являются настоящим арсеналом для анархистов, социалистов, для всех врагов буржуазного строя. Кэри нападал также и на таких представителей вульгарной политической экономии, неистовых апологетов капитализма, как Мальтус, Сэй, Мак-Куллох, Сениор и др. Кэри упрекал этих экономистов, как это отмечает К. Маркс, в том, что они якобы доказывали неизбежный и постоянно растущий антагонизм между различными классами как порождение экономических основ их существования. По мнению Кэри, указанные экономисты разрывают общество на части и готовят гражданскую войну.

В противовес классической школе политической экономии в лице Рикардо и ряда представителей вульгарной политической экономии, в которых Кэри видел сторонников вражды и раздора между членами общества, Кэри провозгласил себя ревностным сторонником идеи «гармонии» интересов. Кэри претендовал на то, что им открыт «универсальный», «естественный» закон общественного развития, который он сводил к тенденции индивидов, с возрастом их сознания к ассоциации, к «гармонии». Этой «гармонии» интересов Кэри придавал всеобъемлющий характер. Он распространял ее на все классы капиталистического способа производства: рабочих, капиталистов и землевладельцев, а также на рабов и рабовладельцев.

Для методологии Кэри было характерно стремление капиталистические производственные отношения и отношения рабства представить абстрагированными от их антагонистических противоречий в виде «ассоциации», лишенной всякого классового содержания. К. Маркс писал: «Так как все развитые формы капиталистического процесса производства суть формы кооперации, то нет, конечно, ничего легче, как абстрагироваться от свойственного им антагонистического характера и расписать их в виде форм свободной ассоциации... Янки Г. Кэри с таким же успехом проделыв-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 179.

вает порой этот же фокус... применительно к отношениям рабской системы»¹.

В письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. К. Маркс писал: «Кэри хочет показать, что *экономические* условия — рента (земельная собственность), *прибыль* (капитал) и заработная плата (наемный труд) — представляют собой условия ассоциации и гармонии, а отнюдь не борьбы и антагонизма. В действительности же он доказывает лишь то, что «незрелые» общественные отношения в Соединенных Штатах расцениваются им как «нормальные отношения»².

Кэри о гармоничных отношениях между капиталистами и рабочими. Какой же арсенал аргументов выдвинул Кэри, утверждая, что капитализм представляет собой гармоничный хозяйственный режим? Кэри прежде всего стремился обосновать наличие гармонических отношений между капиталистами и рабочими. Поэтому он считал, что стоимость создается трудом и капиталом, который он отождествлял со средствами производства. Рабочий получает созданное его трудом в виде заработной платы, капиталист получает созданное его капиталом в виде прибыли. Таким образом, в представлении Кэри, заработная плата является результатом труда рабочего, а прибыль, которую он сводил к проценту, является продуктом капитала. В основе утверждений Кэри о гармонии интересов между капиталом и трудом лежала его «теория» стоимости, согласно которой стоимость определяется количеством труда, необходимого для воспроизводства продукта.

По мысли Кэри, количество труда, необходимого для воспроизводства данного капитала, уменьшается с каждой стадией производства. Понижение же стоимости наличного капитала обуславливает пропорциональное повышение стоимости труда. Кэри полагал, что технический прогресс — источник возвышения «настоящего труда» за счет «накопленных запасов».

Утверждая, что рост производительности труда является причиной уменьшения количества труда, воплощенного в средствах производства, стоимости капитала, а также увеличения заработной платы, Кэри считал, что процент неуклонно падает, доход же рабочих абсолютно и относительно возрастает. По мысли Кэри, доля капиталистов в общественном продукте снижается потому, что норма прибыли и уровень процента постепенно понижаются.

Кэри ошибочно отождествлял прибавочную стоимость с процентом. Не говоря уже о том, что Кэри чуждо было представление о проценте как части прибавочной стоимости, превращенной формы этой части как продукта неоплаченного дарового труда рабочих, Кэри смешивал снижение нормы прибыли, отождествляемой им с нормой процента, тенденцию нормы прибыли к понижению со снижением доли прибыли или процента в национальном доходе. Апологетическое утверждение Кэри, что при капитализме рост произ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 542.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 424.

водительности труда обуславливает повышение заработной платы, противоречит законам стоимости и прибавочной стоимости.

К. Маркс писал: «...Г. Кэри старается доказать, что различные национальные заработные платы прямо пропорциональны степени производительности национального рабочего дня. Из этого интернационального соотношения он делает вывод, что заработная плата вообще повышается и падает пропорционально производительности труда. Весь наш анализ производства прибавочной стоимости показывает, что умозаключение это было бы нелепо даже в том случае, если бы Кэри действительно обосновал свои посылки, а не свалил по своему обыкновению в общую кучу некритически и по верхам понадерганный отовсюду статистический материал»¹.

Кэри о гармоничных отношениях между земельными собственниками и капиталистами. Для того чтобы превратить капиталистическую систему производства из системы противоречий в систему «гармонии», Кэри, кроме игнорирования противоречий между капиталистами и рабочими, стирал также противоречия между земельными собственниками и капиталистами. В письме к Ф. Энгельсу от 26 ноября 1869 г. К. Маркс писал: «В качестве проповедника гармонии интересов он (т. е. Кэри. — Авт.) прежде всего доказывал, что не существует никакого антагонизма между капиталистом и наемным рабочим. Вторым шагом была попытка доказать существование гармонии между земельным собственником и капиталистом; для обоснования этого земельная собственность рассматривается как *нормальное явление* там, где она *еще не* развилась»².

В этом же письме к Ф. Энгельсу К. Маркс отмечает, что Кэри «так же односторонне настаивает на переходе от худшей земли к лучшей, как Рикардо на обратном, между тем как в действительности всегда одновременно обрабатываются почвы разной степени плодородия...». Касаясь вопроса исторического развития земледельческой культуры, К. Маркс подчеркивает, что «в зависимости от массы обстоятельств, это развитие происходило либо одновременно в обоих направлениях, либо, в определенные эпохи, господствовало то одно, то другое направление»³.

К. Маркс утверждал, что порядок, в котором участки земли подвергаются обработке, не зависит ни от качества, ни от их положения, а лишь от совершенно внешних обстоятельств. Для того чтобы отношения между земельными собственниками и капиталистами представить как отношения «гармонические», Кэри отождествлял земельную ренту с процентом.

Кэри рассматривал земельную ренту как процент на капитал, который был вложен в землю. Отождествление земельной ренты, представляющей собой специфически экономическое выражение земельной собственности, с процентом, взгляд на земельную ренту

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 574.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 326.

³ Там же, стр. 327.

как на одну из форм прибыли приводил, по существу, к отрицанию существования земельной ренты. Как писал К. Маркс, в результате такого объяснения земельной ренты от нее в действительности ничего не остается. Отождествлением у Кэри земельной ренты с процентом исчезала, стиралась противоположность между земельными собственниками и капиталистами, капиталистическое производство с имманентными ему противоречиями превращалось в систему «гармоний».

Следует отметить, что Кэри ставил в заслугу землевладельцу, считал достойным признания то, что якобы не весь капитал и труд, вложенный им в землю, полностью оплачивается достоящейся ему рентой. Таким образом, в представлении Кэри землевладелец выступает в роли своеобразного благодетеля, лица, оказывающего обществу большую услугу, помощь, идущего в общественных интересах на «жертвы». Маркс показал всю ошибочность, несостоятельность, апологетический характер подобного рода утверждений. К. Маркс писал: «Кэри подсчитал, что земельный собственник никогда не получает достаточно, так как ему оплачивается не весь тот капитал, соответственно не весь тот труд, который с незапамятных времен вкладывался в землю, чтобы довести ее плодородие до нынешнего уровня. (Конечно, о том плодородии, которого она лишается, нет и упоминания)». Маркс метко и остроумно замечает, что если стать на точку зрения Кэри, то «в соответствии с этим каждый отдельный рабочий должен был бы оплачиваться соответственно с тем трудом, который затрачен всем человеческим родом, чтобы превратить дикаря в современного рабочего-механика»¹. И далее К. Маркс продолжает: «Следовало бы рассуждать как раз наоборот: если подсчитать весь вложенный в землю неоплаченный труд, но превращенный в деньги земельным собственником и капиталистом, то весь их вложенный в землю капитал выплачен им многократно, да еще с ростовщическими процентами; таким образом, земельная собственность давным-давно и уже много раз куплена обществом»².

Теория ренты Кэри отражала неразвитость социальных отношений в США как страны с малочисленным населением, с неиспользованными земельными просторами.

Кэри о «гармонии интересов» рабов и рабовладельцев. Теория «гармонии интересов» Кэри, кроме наличия якобы «гармонии интересов» капиталистов, землевладельцев и рабочих, включала в себя как составную часть также «гармонию интересов» рабов и рабовладельцев. Так, Кэри всячески восхвалял деятельность плантаторов/и утверждал, что она является источником свободы, счастья и процветания; что на рабовладельческих плантациях в результате улучшения условий жизни рабов подготавливается превращение последних в свободных граждан и собственников.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 399—400.

² Там же, стр. 400.

В действительности для плантационного рабства в США, где благодаря развитию капиталистической промышленности создавался усиленный спрос на его продукцию, были характерны самые жестокие методы эксплуатации рабов. Плантаторы, как и капиталисты, стремились к паживе с помощью прибавочного труда рабов. Отмену рабства Кэри мыслил как результат действия стихийных законов общественного развития. Такого рода прогнозы о тенденциях развития плантационного рабства в США носили печать ярко выраженной апологетики.

Переход Кэри от фритредерства к протекционизму. В письме к Ф. Энгельсу от 14 июня 1853 г. К. Маркс, оценивая новую книгу Кэри «Рабство у нас и за границей», писал, что в этой книге он под «рабством» понимал все формы порабощения: наемное рабство и т. д. Если в своих прежних работах, продолжает К. Маркс, Кэри рассматривал экономические основы буржуазного общества как «гармонические» и все зло объяснял излишним вмешательством государства, то теперь он все зло видит в централизующем влиянии Англии. В этом влиянии виновата Англия, которая становится мастерской мира и все остальные страны обрекает на земледелие, оторванное от мануфактуры.

К. Маркс подчеркивает вместе с тем, что Кэри, противопоставляя централизации локализацию и повсеместный союз рассеянных по всей стране фабрик с земледелием, Кэри, этот яркий сторонник свободы торговли, рекомендует покровительственные пошлины.

Таким образом, иронизирует К. Маркс по адресу Кэри, последний, желая избежать последствий развития буржуазной промышленности, за которые ответственна Англия, находит выход в том, чтобы ускорить это развитие в самой Америке. Вражда Кэри против Англии приводила его к восхвалению в духе Сисмонди мелкобуржуазных порядков в Швейцарии, Германии и Китае. В действительности Кэри защищал интересы протекционистской, промышленной буржуазии Америки¹.

О переходе Кэри от фритредерства к протекционизму К. Маркс писал и в «Капитале». Маркс указывал, что Кэри «...сначала объявляет капиталистические производственные отношения вечными законами природы и разума, а государственное вмешательство лишь нарушающим их свободную гармоническую игру, а затем открывает, что дьявольское влияние Англии на мировом рынке, — влияние, по-видимому не вытекающее из естественных законов капиталистического производства, — вызывает необходимость государственного вмешательства, ... — необходимость системы протекционизма».

К. Маркс далее с иронией продолжает: «Он (т. е. Кэри. — *Авт.*) открыл, наконец, что врожденные прелести и гармонии капиталистического способа производства разрушаются в последнем счете торговлей. Еще один шаг в этом направлении, и, чего доброго, он

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 228.

откроет, что единственным злом капиталистического производства является сам капитал. Только человек, отличающийся такой ужасающей неkritичностью и такой ложной ученостью, заслужил того, чтобы несмотря на свою протекционистскую ересь, стать тайным источником гармонической мудрости для какого-нибудь Бастиа и всех прочих оптимистов современного фритредерства»¹.

В своем переходе от фритредерства к протекционизму Кэри выступал как выразитель национального развития Соединенных Штатов, противоположности интересов Соединенных Штатов и Англии, конкуренции между ними. Он это делал, как подчеркивал К. Маркс, предлагая Соединенным Штатам разрушить распространяемый Англией индустриализм путем более быстрого развития его у себя дома при помощи покровительственных пошлин, насильственного национального ограждения от разрушительного действия английской крупной промышленности. «Последним убежищем «экономических гармоний», — подчеркивает К. Маркс, — оказывается, таким образом, государство, которое Кэри первоначально клеймил как единственного нарушителя этих гармоний»².

ВУЛЬГАРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ГЕРМАНИИ

Условия социально-экономического развития Германии обусловили отставание немецкой политической экономии.

В отличие от всех других наук, только среди корифеев одной науки — политической экономии, утверждал Ф. Энгельс, не было ни одного немецкого имени. «Только с основанием Таможенного союза немцы...» оказались в состоянии «...лишь *понять* политическую экономию»³. С 30-х гг. XIX в. начинается в интересах немецкой буржуазии импортирование в Германию английской и французской политической экономии. С этого времени и датируется возникновение немецкой официальной политической экономии как результат овладения и обработки идей вульгарной политической экономии Англии и Франции.

Далее Ф. Энгельс указывает, что среди людей практического направления образовалась школа протекционистов-промышленников. Авторитетным ее представителем был Лист. В противовес этому направлению в 40-х гг. возникла школа свободной торговли, находившаяся под влиянием английских фритредеров. Все это развитие немецкой вульгарной политической экономии увенчалось возникновением камералистики, представлявшей собой единый курс из разных дисциплин. Эта эклектическая дисциплина, мешанина

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 574—575.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 6.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 490.

разнообразных сведений преподавалась в университетах ряда стран Европы. Ф. Энгельс писал о камералистике, что это «...какая-то каша из всякой всячины, политая эклектически-экономическим соусом, — то, что требуется знать к государственному экзамену на должность правительственного чиновника»¹.

Об официальной немецкой политической экономии Ф. Энгельс отзывался, что она представляла собой вульгарную политическую экономию на германской почве; что она отрицала Рикардо и признавала своим авторитетом Бастиа; что вся ее наука состояла «...в размазывании гармопей Бастиа, затушевывающих все противоречия и трудности»². Отставание немецкой официальной политической экономии было связано с раздробленностью Германии, с ее слабо развитой промышленностью, с ее традиционной зависимостью в этой отрасли науки от заграницы.

АДАМ МЮЛЛЕР — ИДЕОЛОГ ФЕОДАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА

Предшественниками исторической школы политической экономии являются Адам Мюллер (1799—1829) и Фридрих Лист (1789—1846). Адам Мюллер, представитель в экономической науке Германии так называемой романтической школы, противник экономического учения А. Смита, выражал интересы феодальной аристократии. О методе Адама Мюллера К. Маркс писал следующее: «Метод нашего Мюллера характерен для романтики в любой профессии. Содержанием ее являются ходячие предрассудки, питающиеся самыми поверхностными представлениями о вещах. А затем это ложное и банальное содержание должно быть «возвышено» и опозитизировано мистифицирующей манерой изложения»³.

К. Маркс дает следующую уничтожающую характеристику Мюллера: «Все его глубокомыслие..., как и всегда, заключается лишь в том, что он замечает облака пыли, носящиеся по поверхности, и претенциозно рассуждает об этой пыли, как о чем-то таинственном и значительном»⁴. В другом месте К. Маркс дает следующую убийственную оценку Мюллера как экономиста: «Двум обстоятельствам А. Мюллер был специально обязан своей способностью к так называемому *более высокому* пониманию политической экономии. Это были, с одной стороны, его полное незнакомство с экономическими фактами, а с другой стороны — его исключительно дилетантское, мечтательное отношение к философии»⁵. Если Адам Мюллер был идеологом феодального дворянства, то Фридрих Лист — промышленной буржуазии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 490.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 211.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 437.

⁴ Там же, стр. 392.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 57.

Лист как идеолог немецкой буржуазии. Лист, Фридрих (1789—1846) — немецкий вульгарный буржуазный экономист и политический деятель, проповедник крайнего протекционизма. Обеспечение счастья человека Лист связывал с наличием «ассоциации производительных сил», преследующей общую цель, заключающуюся в материальном и интеллектуальном благополучии членов ассоциации. Говоря об ассоциации индивидуумов в виде государства или нации, Лист подчеркивал, что та форма правления должна быть признана наилучшей, которая больше всего соответствует «гению и состоянию нации, и в особенности той степени культуры, на которой она стоит».

Лист придавал большое значение наличию в стране свободы и национального единства, вместе с тем он подчеркивал, что для Германии самой подходящей является конституционно-монархическая форма правления. Лист ратовал за союз германской буржуазии с дворянством. Он утверждал, что «всюду и всегда счастливейшим временем для нации было то, когда дворянство и городское сословие, соединившись, становились опорой национального величия...». Переходя к рассмотрению идеи всемирной федерации всех народов и вечного мира, Лист утверждал, что эта идея «диктуется как разумом, так и религиею». Устремление мирового разума к всемирной ассоциации Лист связывал с успехами в науках, искусствах, с изобретениями в промышленности и в социальной организации. В частности, зародышем будущего конгресса народов Лист считал конгресс великих держав Европы. Что же касается вопроса, каким образом «объединить народы в образе федеративного устройства» и каким образом при разрешении разногласий между независимыми нациями поставить «власть закона на место военной силы», то, по мнению Листа, он сливается с другим вопросом — каким образом «национальные системы торговли могут быть заменены свободой всемирной торговли».

В изменении торговой системы Лист видел движущую силу прогрессивного развития народов, обладающих «от природы всеми средствами для достижения высшей степени богатства и могущества». Сначала эти народы посредством свободы торговли с народами, их опередившими, выходят из состояния варварства и улучшают свое земледелие. После этой первой ступени народы переходят ко второй ступени, когда они посредством торговых ограничений «заставляют цвести... фабрики, флот и внешнюю торговлю». Лист неустанно повторял, имея в виду прежде всего современную ему Германию, что нация, чувствуя себя призванною занять место в ряду образованнейших и могущественнейших наций, должна идти на всяческие жертвы, чтобы обладать собственной фабрично-заводской промышленностью. Страна, в которой фабрично-заводская промышленность соединена с земледелием, является

более совершенной и богатой в сравнении со страной чисто земледельческой.

И, наконец, после второй ступени народы переходят к третьей ступени, когда после «достижения высшей степени богатства и могущества, посредством постепенного перехода к принципам свободы торговли и свободной конкуренции иностранцев на их собственных рынках, они предохраняют от равнодушия своих земледельцев, фабрикантов и своих купцов, и возбуждают в них энергию для поддержания верховенства, которого они достигли»¹. На первой ступени развития, полагал Лист, находятся Испания, Португалия, Неаполь; на второй — Германия и Северная Америка, а также Франция; последнюю ступень достигла пока еще только Великобритания. Ссылаясь на опыт истории, Лист полагал, что торговая политика ограничений является продуктом «развития интересов и стремлений наций к независимости и верховенству», результатом «национального соперничества и войны», что эти ограничения могут исчезнуть при «общем объединении всех народов под знаменем права».

По мысли Листа, мировая республика в понимании Генриха IV и Сен-Пьера, т. е. ассоциация, в которой нации подчинялись бы «легальному» управлению и отказались бы от самочинной расправы, может осуществиться при условии, если многие нации достигнут одинакового уровня промышленного развития, политического воспитания и могущества. Только путем постепенного расширения такой ассоциации может развиваться свобода торговли и все нации будут процветать. При наличных «мировых отношениях», полагал Лист, «всеобщая свобода торговли дала бы в результате не всеобщую республику, а всеобщее подчинение отставших наций верховенству наций, являющихся наиболее сильными в промышленности, торговле и мореплавании».

Таким образом, движущую пружину поступательного движения народов к всемирному союзу и вечному миру Лист видел в сфере обращения, в торговле, которая, в свою очередь, окажет свое непосредственное воздействие на сферу материального производства: на земледелие, на промышленность. Лист видел в смене форм торговой политики рычаг, обеспечивающий прогрессивное развитие народов. Все это свидетельствует о том, что Лист был во власти меновой концепции. Следует также отметить, что в осуществлении идеи всемирной федерации народов и вечного мира Лист придавал большое значение цивилизаторской миссии передовых наций среди отставших народов, колониальной экспансии, которую как и эмиграцию, он связывал с перенаселением, с избытком капиталов и дарований. Лист уповал на внедрение в сознание передовых наций, что «цивилизация народов варварских и народов, раздираемых анархией или стоящих под гнетом дурного правительства, является

¹ Ф. Лист. Национальная система политической экономии. С-Пб, 1891, стр. 169. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

миссией, выполнение которой одинаково выгодно для всех их и одинаково для всех их обязательна, миссией, выполнение которой и возможно лишь посредством ассоциации».

Таким образом, осуществление своего социального идеала — всемирной федерации народов и вечного мира — Лист связывал с буржуазной колониальной политикой, которую он изображал не как политику грабежа и насилия, а как цивилизаторскую миссию передовых народов. Составной частью концепции Листа является идеология колониализма — экономическое, политическое и идеологическое поражение отсталых стран эксплуататорскими классами «передовых» стран. Лист в качестве идеолога немецкой буржуазии начала XIX в. в своей идеалистической «философии истории», в которой демиургом исторического процесса объявлялся мировой дух, ставил целью обосновать необходимость для Германии стать могущественной индустриальной державой, владеющей в различных странах мира колониями и стремящейся догнать, а затем и опередить Англию в экономическом отношении.

Средства для достижения этой цели — объединение Германии на основе союза буржуазии и дворянства, протекционистская торговая политика, колониальная экспансия. И в качестве отдаленного идеала, который является доведением к этой практической программе, — всемирная федерация с «вечным миром» в духе сен-пьеровского проекта, предусматривавшего осуществление «вечного мира», в зависимости от воли «просвещенных монархов» и подавление народных восстаний в Европе. В качестве идеолога немецкой буржуазии Лист выступает и в своей трактовке политико-экономических проблем.

Лист о предмете политической экономии. Одним из существенных недостатков теории А. Смита Лист считал свойственный ей «космополитизма», не признающий «сущности национализма» и не принимающий в расчет «национальные интересы». Лист обвинял господствующую теорию, представленную Кенэ, а затем развитую А. Смитом, в том, что она имела в виду исключительно «космополитические требования» отдаленного будущего. Классическая школа, утверждает Лист, избрала «предметом своих исследований не экономию различных наций, а экономию общества, иначе говоря, целого человечества».

В отличие от классической школы, под предметом политической экономии Лист понимал политику, которой «должны следовать отдельные нации, чтобы достигнуть прогресса в своем экономическом положении». Задача политической (национальной) экономии заключается в «экономическом воспитании наций и в подготовке к их вступлению во всемирное общество будущего».

В попытке Листа противопоставить «космополитизму» классической школы «национализм» как характерную особенность своей экономической системы отрицаются, по существу, общие для различных стран законы капиталистического развития. Считая, что предметом политической экономии является экономическая поли-

тика, приноровленная при этом к особенностям экономики Германии, Лист отступал от достижений классической школы в ее трактовке своеобразия политической экономии как науки. Классическая школа политической экономии исследовала внутренние зависимости буржуазных отношений производства, хотя она и видела в буржуазном обществе естественный и нормальный хозяйственный режим.

В своей трактовке предмета политической экономии, в своей критике классической школы политической экономии, ратуя за национальную политическую экономию, Лист не понимал, что различия, индивидуальные особенности развития капитализма в отдельной стране могут быть познаны, лишь исходя из общих закономерностей этого способа производства, понимание которых ему было чуждо.

Лист о «производительных силах» нации. Наряду с «космополитизмом» одним из существенных недостатков классической школы политической экономии Лист считал материализм, замечающий только «меновые ценности» и игнорирующий «нравственные и политические интересы» настоящего и будущего, а также «производительные силы» нации.

Лист видел недостаток школы Смита в том, что она основывает свою доктрину на представлении о меновой ценности. Лист считал глубоким заблуждением классической школы то, что она предмет своих исследований сделала лишь материальные богатства или меновые ценности и считала производительною силою лишь физический труд.

В качестве особенности теории А. Смита Лист полагал, что он «склонен считать труд основанием (фондом) всяких богатств наций». Лист указывал, что А. Смит вообще не понимал сущности производительных сил. Исследования А. Смита ограничиваются «человеческой деятельностью, результатом которой являются материальные ценности». А. Смит не признает «производительного значения за умственным трудом тех, кто заведует судом и администрацией, в чьих руках религиозное воспитание, кто двигает науку, работает в области искусств и т. д.». Благосостояние нации, как подчеркивает Лист, обусловливается «не количеством богатств, т. е. меновых ценностей... а степенью развития производительных сил».

Перечисляя «источники» производительных сил наций, Лист указывал на христианство, единоженство, уничтожение рабства и крепостного права, престолонаследие, изобретение, книгопечатание, прессу, почту, монетную систему, меры веса и длины, календарь и часы, полицию безопасности, введение свободного землевладения и пути сообщения. Лист вообще считал, что трудно представить себе закон или государственное учреждение, которые не оказывали бы влияния на производительные силы. Высказывания Листа о теории стоимости классической школы политической экономии свидетельствуют о его ошибочных воззрениях на проблему товара.

О воззрениях Листа на категорию товара Маркс писал следующее: «Ф. Лист, который никогда не мог понять — понимание вообще было чуждо его эгоистически-практическому рассудку — разницы между трудом, поскольку он служит созданию полезного, потребительной стоимости, и трудом, поскольку он производит определенную общественную форму богатства, меновую стоимость, усмотрел поэтому в современных английских экономистах простых плагиаторов Моисея из Египта»¹. Выдвигая идеалистическую трактовку понятия производительных сил, Лист в то же время ошибочно обвинял представителей классической школы политической экономии в том, что они якобы не уделяли внимания роли производительных сил в национальной экономике. В действительности А. Смит, будучи экономистом мануфактурного периода, был представителем той буржуазии, которая в борьбе с остатками феодального общества стремилась придать новый размах развитию производительных сил.

Что же касается Рикардо, то он, будучи экономистом эпохи промышленного переворота, признавал закономерность и необходимость капитализма, поскольку он обеспечивает быстрое и беспрепятственное, по сравнению с другими формами производства, развитие производительных сил. Лист, как мы видели, отвергал утверждение А. Смита в его учении о производительном труде, что сфера так называемого нематериального производства является непродуцительной. Тем самым Лист отвергал прогрессивную идею Смита о том, что затраты на государство, на церковь и т. д. должны быть ограничены до минимума, поскольку эти учреждения представляют собой *faux frais* производства.

Лист о разделении труда. Лист обвинял Смита в том, что желание представить свое учение о разделении труда в самом выгодном свете являлось для него помехой к более полному исследованию идеи «производительной силы». По вопросу о разделении труда Лист видел ошибку А. Смита в том, что он указал на действие закона разделения труда применительно лишь к отдельному предприятию в промышленности или в сельском хозяйстве; что Смит не распространял действие этого закона на «всю совокупность мануфактурных и земледельческих сил и вообще на все экономическое положение страны». Полагая, что «вся общественная экономия нации» должна быть рассматриваема с точки зрения «принципа разделения операций труда и комбинации производительных сил», Лист «высшее разделение труда» в стране видел в разделении труда умственного и труда физического. Оба эти вида разделения труда находятся в тесном взаимодействии. «Наисовершеннейшее разделение труда» и «наилучшая комбинация производительных сил», по мысли Листа, оказываются в материальном производстве, в земледелии и фабрично-заводской промышленности, находящихся во взаимодействии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 23.

Лист противопоставлял разделению труда и ассоциации производительных сил между отдельными местностями одной и той же страны международное разделение труда и международную ассоциацию производительных сил.

По вопросу о взаимоотношении между национальной и международной ассоциации производительных сил Лист писал следующее: «Хотя международная ассоциация производительных сил представляется наивысшим ее проявлением, так как она соединяет различные народы земного шара, тем не менее для благосостояния наций, сделавших большие успехи в цивилизации, она имеет менее всего значения, и это признано школою и выражается в правиле, что внутренний рынок нации несравненно важнее ее внешнего рынка. Отсюда следует, что интерес каждой великой нации заключается в том, чтобы главным предметом ее стремлений была национальная ассоциация производительных сил и подчинение этой последней ассоциации международной». Трактовка Листом проблемы разделения труда находилась в тесной связи с его воззрениями на «национальную» политическую экономию.

Лист о стадиях хозяйственного развития. Лист утверждал, что в «экономическом отношении» нации должны пройти через следующие стадии развития: первоначальная дикость, пастушеская, земледельческая, земледельческо-мануфактурная и, наконец, земледельческо-мануфактурно-коммерческая. Существенным недостатком классической школы Лист считал то, что, игнорируя производительные силы, она не в состоянии была оценить «важности параллельного развития земледелия, промышленности и торговли, политического могущества и национального богатства страны»; она, что особенно важно, недооценивала «вполне самостоятельной мануфактурной промышленности и ее развития во всех отраслях»; она ошибочно причисляла к «одной категории заводско-фабричную промышленность и земледелие» и говорила вообще о труде, естественных силах и капитале и не обращала внимания на «существующее между ними различие». Классическая школа, по мнению Листа, не замечала, что «между государствами только земледельческими и государствами земледельческо-мануфактурными существует еще большее различие, нежели между народами пастушескими и земледельческими».

Лист утверждал, что наибольшей производительной силой, наибольшим богатством обладает нация, которая до совершенства развивается на своей территории все отрасли фабричной промышленности; которая размерами своей территории и уровнем сельскохозяйственной производительности обеспечивает фабричному населению наибольшую часть необходимых ему пищевых продуктов и сырья. Учение Листа о стадиях хозяйственного развития, в основу которого положен отраслевой критерий, глубоко ошибочно. Ему присуще непонимание подлинно научной основы периодизации всемирно-исторического процесса — учения о прогрессивной смене общественно-экономических формаций.

Лист о свободе торговли и протекционизме. Лист видел в принципе «laissez faire, laissez passer» естественный вывод из теории классической школы, которая интересовалась только ценностью и игнорировала производительные силы, которая рассматривала весь мир как одну нераздельную республику купцов. Принцип свободы торговли, по мысли Листа, жертвует интересам фабрично-заводской промышленности и земледелия, при «абсолютной свободе действий в пользу притязаний торговли». Свобода торговли «на руку грабителям, плутам, бездельникам, как и купцам».

Лист полагал, что пока нации подчиняют «коллективные интересы всего человечества своим национальным интересам, нет смысла говорить о свободе конкуренции между людьми, принадлежащими к различным нациям». По мысли Листа, классическая школа не проводит различия между нациями, достигшими различных ступеней экономического развития. Классическая школа является противницей вмешательства государства в экономическую жизнь наций — «каждый частный человек должен тем более иметь возможности производить, чем менее занимается им государственная власть». Лист полагал, что только та нация, которая производит все предметы фабрично-заводской промышленности по самым низким ценам, может завязать «торговые сношения с народами всех поясов и всех ступеней культуры»; что только такая нация может удовлетворить все потребности этих народов и вызывать к жизни новые потребности, «принимая в обмен сырье и пищевые продукты всякого рода».

Лист с большой силой настаивал на том, что в свободе торговли заинтересована Англия. Для того чтобы действие свободы торговли было естественным, необходимо, полагает Лист, чтобы «отставшие нации посредством искусственных мероприятий поднялись до той же степени развития, какой достигла искусственным образом Англия». Лист видел в верховенстве Великобритании в мануфактурной промышленности, в торговле, в мореплавании и в колониальных владениях главное препятствие к сближению наций. Лист признавал, что, стремясь к преобладанию, Англия невероятно «увеличила производительные силы и продолжает их усиливать». Вместе с тем Лист без обиняков заявляет: «Чего нужно бояться в настоящее время, так это только преобладания Англии».

Противопоставляя свободе торговли протекционизм, Лист исходил из предпосылки, что право на существование протекционизма обусловлено тем, что он ставит своей целью «промышленное воспитание наций».

Лист утверждал, что протекционистская система является единственным средством для «поднятия отставших стран до уровня опередивших их наций, которые от природы не получили никакой вечной монополии мануфактурной промышленности, а лишь выигрывали во времени перед другими нациями»; что протекционист-

ская система является «могущественною силою, влекущею нации к конечной цели — ассоциации народов, а следовательно, к истинной свободе торговли». Вместе с тем Лист настаивал на том, что торговые ограничения с целью насаждения и покровительства фабрично-заводской промышленности можно оправдать у таких только наций, которые «владеют всеми умственными и материальными качествами и средствами, необходимыми для создания своей собственной фабрично-заводской промышленности и для достижения высшей ступени цивилизации и развития материального благосостояния и политического могущества». Однако успехам этой нации оказывает противодействие конкуренция более развитой иностранной промышленности.

Протекционистские пошлины, в представлении Листа, обеспечивают премию предпринимателя и рабочего, заставляя их приобретать знание и мастерство в своей работе. В протекционных пошлинах в равной степени заинтересованы туземные и иностранные капиталисты, обеспечивающие возможность вложения капитала на выгодных условиях. Считая, что протекционные пошлины действуют в качестве побудительного средства на сравнительно отсталые отрасли фабрично-заводской промышленности страны, Лист вместе с тем полагал, что торговые ограничения у отставших наций должны носить временный характер: они должны продолжаться до тех пор, пока покровительствуемой промышленности не будет угрожать иностранная конкуренция.

Подвергая критике утверждение классической школы, что протекционная система знаменует собой незаконное вмешательство государственной власти в промышленную деятельность частных лиц, Лист заявляет, что протекционная система ставит своей целью противодействовать «регуливанию торговли со стороны иностранцев и вмешательству их в ... частную промышленность»; что только с помощью протекционной системы можно «отстранить вредное влияние иностранной торговой политики».

В своей оценке протекционистов Германии К. Маркс ссылался на Листа и его школу, а также на Гюлиха и его школу. Лист и его школа требовали покровительственных пошлин не для мелкой льняной промышленности, ручного ткацкого производства, ремесел. Они просили покровительственные пошлины для того, чтобы «...вытеснить ручной труд машинами, заменить патриархальное производство современным»; они хотели «расширить господство буржуазии, и особенно господство крупных промышленных капиталистов». Что же касается Гюлиха, то он стремился «...воспрепятствовать не только ввозу иностранных промышленных изделий, но и развитию национальной промышленности». По мысли Маркса, Лист и Гюлих воплощали в себе две крайности, между которыми колебалась протекционная система. «Если она стремится покровительствовать прогрессу промышленности, то тогда она прямо принесит в жертву ручной труд, труд вообще; если же она стремится покровительст-

воваты ручному труду, то жертвой оказывается промышленный прогресс»¹.

Протекционизму как системе, тормозившей развитие капитализма в мировом масштабе, К. Маркс противопоставлял систему свободной торговли, ускорявшей социальную революцию. Вместе с тем Маркс подчеркивал, что в определенных исторических условиях, как, например, в Германии, покровительственные пошлины играли прогрессивную роль, поскольку они служили буржуазии «...оружием против феодализма и абсолютной власти...», являлись для буржуазии «...средством сконцентрировать свои силы и осуществить свободу торговли внутри страны»².

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА ПРАВА

На формирование исторической школы политической экономии как разновидности вульгарной политической экономии оказала значительное влияние историческая школа права. Историческая школа права, возникшая в Германии в начале XIX в., носила в лице ее наиболее известных представителей — Густава Гуго (1764—1844), К. Ф. Савиньи (1789—1861) — реакционный характер. Она отстаивала идею незыблемости крепостничества, сословного строя, прусской феодальной, абсолютной монархии. Историческая школа права представляла собой выражение феодальной реакции на либеральные и демократические идеи французской революции 1789 г.

Сторонники этой школы утверждали, что право, будучи продуктом мистического «народного духа», развивается «органически», независимо от воли людей, что решающее значение в образовании права принадлежит существующему общественному периоду. Так, Гуго подчеркивал авторитетность наличных норм права, их разумность, исходя из того, что они оправданы исторически. По мнению Гуго, нормы права всегда хороши в том виде, в каком они существуют. Отстаивание Гуго незыблемости исторически возникших обычаев и учреждений приводило к оправданию застоя и реакции.

Подвергая критике взгляды Гуго, К. Маркс писал, что если «...философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции, то естественное право Гуго нужно считать немецкой теорией французского ancien régime»³. Савиньи подчеркивал значение в истории начала инстинктивного, произвольного, бессознательного. Савиньи отстаивал неизменность основных свойств народного духа, он утверждал, что право зависит от общенародного сознания, определяемого изначально

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 254—255.

² Там же, стр. 418.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 88.

данным народным характером. Для исторической школы права было характерно обращение к «народному духу», «народу», «народной стихии». Однако народ в концепции исторической школы выступает в качестве посетителя исконной, косной, консервативной силы, чуждой борьбе классов. К. Маркс дал классическую характеристику исторической школы права: «Школа, которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут...»¹.

Историческая школа политической экономии заимствовала у исторической школы права ее консерватизм, апеллирование к исторической традиции, отрицание внутренних антагонизмов в пределах «народа», игнорирование классовой борьбы. Идеи истоки исторической школы политической экономии, кроме исторической школы права, восходят также к Адаму Мюллеру и Фридриху Листу. Если Адам Мюллер оказал влияние на представителей исторической школы политической экономии превознесением этики и государства, то Лист привлекал их своей концепцией национального хозяйства и своей схемой хозяйственного развития. У обоих, у Мюллера и Листа, историческая школа политической экономии заимствовала критическое, отрицательное отношение к классической школе политической экономии.

В. РОШЕР — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Крупными представителями исторической школы политической экономии были Вильгельм Рошер (1817—1894), Бруно Гильдебранд (1812—1878) и Карл Книс (1821—1898).

К. Маркс видел в Рошере истинного представителя профессорской учености, пропагандиста эклектической лженауки. В письме к Лассалю от 16 июня 1862 г. К. Маркс с большим художественным мастерством нарисовал портрет Рошера как ученого: «Рошер безусловно обладает большим — часто совершенно бесполезным — знанием литературы... Если бы этакий Вагнер был, по крайней мере, честен и совестлив, то он мог бы быть полезен своим ученикам. Лишь бы он не прибегал ни к каким лживым уловкам и не сказал напрямик: здесь противоречие; одни говорят так, другие — этак; у меня же по существу вопроса нет никакого мнения; посмотрите, не сможете ли Вы разобраться сами! ...Его существенной особенностью является то, что он не понимает самих *вопросов*, и потому его эклектизм сводится в сущности лишь к натаскиванию отовсюду уже готовых *ответов*; но и здесь он не честен, а всегда считается с предрассудками и интересами тех, кто ему платит! По

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 416.

сравнению с такой капальей даже последний бродяга — почтенный человек»¹.

Для «историзма» Рошера весьма характерны его поиски пролетария в первобытных дебрях. Разоблачая Рошера как вульгарного экономиста, К. Маркс писал: «Немощный пролетарий первобытных лесов» — это милая фантазия Рошера. Житель первобытного леса — собственник первобытного леса и обращается с первобытным лесом, как со своей собственностью, так же бесцеремонно, как орангутанг. Следовательно, он не пролетарий. Он был бы пролетарием лишь в том случае, если бы первобытный лес эксплуатировал его, а не он этот лес»².

Б. ГИЛЬДЕБРАНД, К. КНИС —
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Бруно Гильдебранд является автором книги «Политическая экономия настоящего и будущего». В этой работе Гильдебранд дал обзор главных течений в экономической литературе своего времени, подверг критике классическую политическую экономию и различные направления социалистической мысли. Он уделил внимание и Ф. Энгельсу, давая при этом вульгарную и клеветническую оценку его ранним работам, посвященным критике политической экономии и исследованию положения рабочего класса в Англии. Будучи ярким врагом социализма, Гильдебранд, однако, вынужден признать Ф. Энгельса самым одаренным и сведущим среди всех немецких писателей по социальным вопросам. Отмечая, что книга Ф. Энгельса имела «большое влияние» и что «все социальные теории ссылаются на нее как на сборник фактов», Гильдебранд в то же время выдвигает против нее ряд «критических» замечаний, которые, по его мнению, должны ее обезвредить.

Гильдебранд писал, что при исследовании буржуазного общества Ф. Энгельс будто бы исходил из неверных общих исторических положений, что он в своей работе общился только отдельные факты и потому сделал неправильные выводы. Это писалось о книге, которую К. Маркс в «Капитале» рекомендовал для ознакомления с периодом «...от возникновения крупной промышленности в Англии и до 1845 г.». К. Маркс писал, что в этой книге Ф. Энгельс «...глубоко понял... дух капиталистического способа производства...»³.

Видный представитель исторической школы Книс в своей книге «Политическая экономия с точки зрения исторического метода», написанной в 1853 г., подвергая критике классическую школу политической экономии, обосновывал свое отрицательное отношение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 517—518.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 628.

³ Там же, стр. 251.

к изучению теоретико-экономических проблем. Противопоставляя природу обществу, Книс утверждал, что природа не развивается. А это свидетельствует о действии естественных законов — постоянные причины в области природных явлений порождают неизменные результаты. Иная картина, по мнению Книса, наблюдается в общественной жизни, где, благодаря паличию процесса развития, естественные законы не действуют. По мысли Книса, в области природы господствует необходимость, закономерность; в общественной жизни господствует свобода. Ввиду своеобразия духовной жизни каждого народа, неповторимости исторических событий к историческому процессу учение о естественных законах не применимо.

К. Маркс и Ф. Энгельс подвергали критике абсолютное противопоставление общества природе. Ф. Энгельс подчеркивал, что природу следует понимать как исторический процесс развития. Вместе с тем нельзя отождествлять законы общественного развития с законами природы, между ними существует известное различие. Если в природе действуют «...лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы», если в природе «...нигде нет сознательной, желаемой цели», то в истории общества, наоборот, «...действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям»; в истории общества «...ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели».

Ф. Энгельс отмечал, что «...как ни важно это различие (между обществом и природой. — *Авт.*) для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам»¹.

Повторяемость общественных явлений предполагает в то же время необратимость исторического процесса, закономерное движение общества вперед, переход его на более высокую ступень развития. Что же касается «естественного закона» в трактовке классической школы политической экономии, то последняя, при всем своем неисторическом, метафизическом взгляде на капитализм, продолжая традиции предшествующего им развития экономической мысли, традиции, идущие от Петти и физиократов, рассматривала экономические явления как закономерные, стихийно развивающиеся процессы, не зависящие от воли и сознания людей, исследовала внутренние зависимости буржуазных отношений производства.

Историческая школа о «космополитизме» и абстрактном методе классической школы политической экономии. Историческая школа обвиняла классическую школу политической экономии в «космополитизме». Так, Гильдебранд утверждал, что космополитический характер Смитовской школы выражается в том, что она «приписывает своим законам одинаковую силу для всех стран и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 305—306.

народов». Вслед за Листом «историческая школа», в противоположность «космополитизму» классической школы, ратовала за национальную политическую экономию, предметом которой должно быть хозяйственное развитие определенного народа, обусловленное своеобразием его исторической судьбы. В противопоставлении «космополитизму» классической школы «национализма» историческая школа, подобно Листу, отрицала общие для различных стран законы капиталистического развития. Как и Листу, исторической школе было чуждо понимание того, что познание специфических особенностей развития капитализма в отдельной стране предполагает понимание его общих закономерностей.

Историческая школа обрушивалась на абстрактный метод, применявшийся классической школой политической экономии. Конечно абстракция, например, у Рикардо носила неполный, формальный характер. К. Маркс писал, что если Рикардо упрекают в слишком большой абстрактности, то справедливым был бы противоположный упрек, в недостаточной силе абстракции. А это приводило к ошибочной трактовке ряда проблем политической экономии. Однако историческая школа вообще игнорировала абстракции в политической экономии, тем самым она закрывала себе путь к подлинно научному анализу экономических явлений. Между тем силой абстракции необходимо пользоваться при всяком теоретическом анализе, посредством абстракции осуществляется познание сущности экономических явлений, законов их развития.

Историческая школа видела существенный порок классической школы политической экономии в том, что она игнорировала взаимодействие между различными сторонами общественной жизни — экономикой, правом, этикой и т. д. Историческая школа упрекала классическую школу политической экономии в узости, в превращении «личного эгоизма» в рычаг экономического развития. В действительности заслугой представителей классической школы политической экономии является то, что они придали предмету политической экономии известную целостность, что область, охватываемая политической экономией, приобрела определенные очертания.

Историческая школа политической экономии и ее вульгарный историзм. Исторической школе политической экономии как разновидности вульгарной политической экономии был присущ вульгарный историзм, с его внеисторической трактовкой категорий товарно-капиталистического производства, превращением их в вечные категории. Историческая школа стремилась в апологетических целях игнорировать особенности капиталистического строя как исторически преходящей ступени развития, игнорировать специфический историко-экономический характер общества с капиталистическим способом производства, противоречия и антагонизмы, не отделимые от капиталистической формы производства. Историческая школа ставила своей целью увековечить рабское положение народных масс, условия эксплуатации рабочего, отвлечь рабочий класс от возмущения против цепей угнетения, порабощения, от

выполнения им своего исторического призвания, от революционной борьбы с прусской буржуазией, раболепствовавшей перед помещиками. Вульгарный историзм ссылался на «вековые традиции», на близость капитализма к феодальному строю. Правда, проблески историзма в трактовке отдельных категорий иногда и встречаются у представителей исторической школы, однако они, по существу, сводятся к констатации изменений в несущественных отличительных свойствах, признаках, присущих некоторым категориям.

Так, вульгарным историзмом пронизаны общие рассуждения Рошера о ходе исторического процесса, его «философия истории». По мысли Рошера, народная жизнь колеблется между «состоянием покоя, где формы народной жизни вполне соответствуют ее содержанию, и кризисом, где изменившееся содержание старается создать себе новую форму». «Кризисы», в представлении Рошера, бывают двоякого рода: преобразования, когда кризисы «совершаются мирным путем положительного права», и революции, перевороты, когда «кризисы» «совершаются путем противозаконным». Злобу и ужас, гнев и злость вызывают у Рошера «кризисы», которые он относит к разряду «революций». Оказывается, что «каждая революция, как бы ни была велика потребность в изменении, совершенном ею, останется все-таки всегда величайшим несчастьем, тяжелым и нередко смертельным недугом народной жизни». Исходя из того, что у каждой личности возникает потребность в «непрерывной последовательности и свободном развитии», Рошер считал, что для осуществления «закона непрерывных реформ» необходимы «мудрые учреждения», которые способствовали бы смене отживших старых форм свежими и обновленными формами, необходима также «известная степень нравственного самообладания всех классов народа, дабы они пользовались только законными путями».

Итак, Рошер ратует за реформы, за преобразования, за такие «кризисы» в общественной жизни, которые совершаются «мудрыми учреждениями», без перерывов постепенности, на незыблемой основе формальной законности. Рошер был сторонником незначительных, медленных, постепенных изменений в общественной жизни. Ему чуждо представление о том, что движению, развитию присущи количественные и качественные изменения; что в результате количественных изменений происходит превращение старого качества в новое, происходит скачок, коренное качественное изменение. Переход от старого качественного состояния к новому происходит не автоматически, а в результате деятельности людей, творцов истории.

Применительно к смене одной антагонистической общественно-экономической формации другой эта «философия истории» сводилась к игнорированию революционной борьбы эксплуатируемых и угнетенных масс против господствующих классов. Отрицание Рошером революционного характера общественных преобразований означало игнорирование им «скачков» в историческом

процессе, непонимание того, что в результате «скачка» обеспечивается прогрессивное развитие общества.

Схема хозяйственного развития Б. Гельдебранда. Печать вульгарного историзма, присущего исторической школе, лежит и на схеме хозяйственного развития, выдвинутой Гильдебрандом. В истории хозяйственного развития Гильдебранд различал три периода: естественное хозяйство средних веков (т. е. натуральное хозяйство), денежное хозяйство и кредитное хозяйство. Подвергая анализу натуральное хозяйство, Гильдебранд считал, что в нем люди были внешне тесно связаны между собой. Владельцы земли — единственного пародного богатства в средние века — были тесно связаны с работниками той натуральной оплатой, какая им доставалась от земли своих господ.

Что касается общественной службы владельцев земли для государства, то ее единственным вознаграждением была земля и ее продукты. Характерные признаки натурального хозяйства, по мысли Гильдебранда, следующие: «Ничтожная торговля, медленное скопление капитала, упорство в однажды избранной отрасли промышленности и в способе ее производства, медленное увеличение населения и неподвижность всех жизненных форм».

В условиях натурального хозяйства «господство и рабство, богатство и бедность были столь же наследственны и неподвижны, как и все другие жизненные отношения». В условиях натурального хозяйства «человек, его труд и мысли, подвижные по самой природе своей, оставались неподвижны и прикованы к земле».

Гильдебранд утверждал, что денежное хозяйство «освободило» работника от земли, доставлявшей ему скудное пропитание, вовлекло в водоворот денежного обращения «самый неподвижный от природы элемент — землю». Денежное хозяйство знаменовало собой раздробление обширных поместий на части, замену натуральных повинностей денежными, распад старинных цеховых обществ и гильдий, утверждение свободы промышленности как залог развития присущей ей энергии, свободное развитие талантов. По мысли Гильдебранда, денежное хозяйство несло с собой новую «лестницу степеней», утвердившуюся на различии способностей, привело к огромному росту капитала и населения, к росту обмена мыслей и интересов. Отметив благодетельные стороны денежного хозяйства, Гильдебранд подчеркивает и его отрицательное свойство — утверждение господства «денег и капитала, которое так же тягостно, как прежде было господство земельной собственности».

Гильдебранд считал, что денежное хозяйство представляет собой переход к кредитному хозяйству. Преимущества кредитного хозяйства по сравнению с предшествовавшими ему стадиями хозяйственного развития Гильдебранд рисовал в радужных красках. Подчеркивая, что в условиях денежного хозяйства были задавлены все дремавшие в народе зародыши ассоциаций и свобода промышленности свелась к промышленной обособленности, Гильдебранд

считал, что кредитному хозяйству, в отличие от предшествовавших ему фаз хозяйственного развития, присущ взаимный обмен продуктов человеческого труда, базирующийся на «личном обещании, на честном слове, на доверии, на нравственных качествах».

В условиях кредитного хозяйства «честный и способный работник может не только забрать вперед прибыль от своего труда, распределить ее равномерно на хорошее и дурное время, но и может, подобно капиталисту, пускаться в большие предприятия. При этом хозяйстве наибольшая подвижность соединяется с внутренней твердостью и вызывает новый экономический порядок жизни, который соединяет в себе выгоды обеих прежних форм экономического развития». Таким образом, кредитное хозяйство рисовалось Гильдебранду как самая передовая прогрессивная форма хозяйства, знаменовавшая собой торжество нравственности, справедливости.

Схема Гильдебранда была глубоко порочна, не исторична, не научна. Периодизация хозяйственного развития, выдвинутая Гильдебрандом, отличается тем, что в ней натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство противопоставляются друг другу как три характерные экономические формы движения общественного производства. В действительности же эти три формы отнюдь не представляют собой равноценные фазы развития. Так называемое кредитное хозяйство и денежное хозяйство выражают собой функции обмена или способы обмена между самими производителями, и с этой точки зрения кредитное хозяйство является лишь формой денежного хозяйства. В условиях развитого капиталистического производства денежное хозяйство является лишь основой кредитного хозяйства. Денежное и кредитное хозяйство отнюдь не являются различными самостоятельными формами обмена в противоположность натуральному хозяйству. Денежное и кредитное хозяйство являются формами обмена, соответствующими лишь различным ступеням капиталистического производства.

В этой связи правомерно было бы этим двум формам противопоставить как равноценные различные формы натурального хозяйства. Так как в категориях «денежное хозяйство», «кредитное хозяйство» в качестве отличительного признака берется не процесс производства, а соответствующий ему способ обмена между различными производителями, то этот же признак следовало бы применить и при рассмотрении категории «натуральное хозяйство». Но тогда вместо «натурального хозяйства» речь бы шла о меновом хозяйстве. А тогда вполне замкнутое натуральное хозяйство не подошло бы ни под одну из указанных категорий.

Денежное хозяйство присуще всякому товарному производству, а продукт выступает в качестве товара в самых различных способах производства. В то же время денежное хозяйство и кредитное хозяйство являются формами обмена, соответствующими различным ступеням капитализма. А это означало бы в соответствии

с периодизацией хозяйственного развития у Гильдебранда, что отличительной чертой капиталистического производства являлся бы лишь объем, в котором продукт производится как предмет торговли, как товар; и что различие между капиталистическим производством и простым товарным производством лишь количественное, отнюдь не качественное.

Периодизации фаз хозяйственного развития Гильдебранда было, таким образом, присуще смешение капиталистического производства с простым товарным производством. Указанная периодизация страдала существенным пороком методологии исторической школы политической экономии, вульгарным историзмом.

Историческая школа и оправдание частной собственности. Апологетический характер вульгарного историзма, характерного для исторической школы политической экономии, со всей очевидностью отражается в стремлении оправдать институт частной собственности. Ряд высказываний о неизбежности частной собственности мы встречаем у Гильдебранда. Отстаивая «законопность» частной собственности, Гильдебранд прежде всего стремится отразить нападки социалистов на «философские начала» частной собственности. Так, полагая, что с «введением частной собственности человечество сделало великий шаг вперед в своем развитии», Гильдебранд провозглашает: «...Не отрицание истории, а ее продолжение, не беззаконность, а право частной собственности».

Отвергая взгляд на частную собственность как на источник нищеты рабочего класса, Гильдебранд утверждал, что благодаря частной собственности «личный труд» в борьбе с природой положил конец «всеобщности страдания». Человек стал вырабатывать больше, чем он нуждался для удовлетворения «необходимых потребностей». Сделалось возможным «сбережение капиталов, усиление производительности человека и благосостояния».

Отвергая взгляд на частную собственность как на «господство землевладельцев и зависимость от них людей ничего не имеющих», Гильдебранд утверждает, что до частной собственности «равенство людей было только равенством бедности, невежества и скотского коснения», что частная собственность вызвала у человека «личную энергию, с которой он может... достигнуть высшего духовного развития». Частную собственность, полагал Гильдебранд, можно «употреблять во зло для духовного и нравственного развращения, для праздности и порока владельцев, для утеснения других и во вред общему благу».

Однако с успехами образования и общественной нравственности, продолжал Гильдебранд, частная собственность будет все более содействовать духовному и нравственному совершенствованию ее владельцев. Апологетические высказывания Гильдебранда о частной собственности носят идеалистический, метафизический характер, им присущ вульгарный историзм. Ссылки Гильдебранда на «историю» частной собственности, по существу, сводятся к тому, что он берет частную собственность вообще, вне времени и прост-

рапства, что он трактует ее применительно к любой эпохе и к любой стране.

В противоположность вульгарной исторической школе политической экономии подлинный историзм, основанный на законах диалектики, присущ трактовке развития частной собственности, данной классиками марксизма. Так, К. Маркс в «Капитале» доказал, что закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, превращается путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики в свою противоположность. В ходе анализа, проведенного К. Марксом, оказывается, что собственность, первоначально выступавшая как основанная на собственном труде, становится для капиталиста правом присваивать чужой неоплаченный труд, для рабочего — невозможностью присвоить себе свой собственный продукт.

Ф. Энгельс писал, что «...даже если допустить, что всякая частная собственность первоначально была основана на личном труде собственника и что во всем дальнейшем ходе вещей обменивались друг на друга только равные стоимости, — то мы и тогда при дальнейшем развитии производства и обмена неизбежно приходим к современному капиталистическому способу производства, к монополизации средств производства и жизненных средств в руках одного малочисленного класса, к низведению другого класса, составляющего громадное большинство, до положения неимущих пролетариев, к периодической смене спекулятивной производственной горячки и торговых кризисов и ко всей нынешней анархии производства»¹. Ф. Энгельс утверждал, что все индогерманские народы начинают с *общей* собственности: что «почти у всех народов она в ходе общественного развития отменяется, *отрицается*, вытесняется другими формами — частной собственностью, феодальной собственностью и т. д. Подвергнуть отрицанию это отрицание, восстановить общую собственность на более высокой ступени развития — такова задача социальной революции»².

Если вульгарная историческая школа политической экономии увековечивает частную собственность, то марксизм видит ее диалектику в неизбежности гибели ее, неодолимости крушения капиталистической системы, неотвратимости пролетарской революции. Подводя итоги развитию вульгарной политической экономии, К. Маркс указывает, что последняя «...на более ранних ступенях своего развития находит материал еще не вполне обработанным и потому сама еще более или менее участвует в разрешении экономических проблем с точки зрения политической экономии...»³. В качестве примера К. Маркс ссылается на Сэя. Сэю Маркс противопоставляет Бастиа, которому «...остается лишь заниматься плагиатом и стараться устранить своими рассуждениями *неприятную*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 167.

² Там же, стр. 640.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 527.

сторону классической политической экономии». «Но Бастиа, — продолжает К. Маркс — не представляет еще последней ступени... У него апологетика еще отличается страстностью и составляет то, что собственно является его работой, так как содержание политической экономии он берет у других в том виде, в каком оно ему наиболее подходит»¹. Переходя к характеристике исторической школы политической экономии, он пишет: «Самой последней формой является *профессорская форма*, которая берется за дело «исторически» и с мудрой умеренностью отыскивает везде «наилучшее», причем для нее не важно, если в результате получаются противоречия, а важна только полнота отобранного. Это — выхолащивание всех систем, у которых повсюду обламывают их острые углы и которые мирно уживаются друг с другом в общей тетради для выписок. Пыл апологетики умиротворяется здесь ученостью, которая благосклонно взирает сверху вниз на преувеличения экономических мыслителей и лишь в качестве курьезов включает их в свою убогую размазню. Так как подобного рода труды появляются лишь тогда, когда политическая экономия как наука уже завершила свой путь, то они являются вместе с тем *могилой* этой науки»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 527.

² Там же, стр. 528.

Глава VIII

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТОВ-УТОПИСТОВ

Западноевропейский утопический социализм XIX в. представляет собой знаменательную, важную по своему значению веху в истории экономических учений. Рассматривая три источника марксизма, В. И. Ленин видел в учении К. Маркса законного преемника «лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»¹.

Учения утопических социалистов в Западной Европе в первой половине XIX в. своими корнями уходят в развитие капитализма в Европе в начале XIX в., в промышленный переворот в Англии в конце XVIII в., во французскую буржуазную революцию 1789—1794 гг. с ее социально-экономическими последствиями, в промышленный переворот во Франции.

При всем своеобразии социально-экономической обстановки, в которой складывается утопический социализм XIX в., в лице его великих представителей Сен-Симона, Фурье, Оуэна, он отражал возмущение трудящихся масс против цепей капитала. В. И. Ленин писал: «Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось *«свободное»* капиталистическое общество,— сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим социализмом*»².

Если утопический социализм и не мог открыть законов общественного развития, то своей критикой капиталистического общества, своим анализом идеального общественного строя, который придет

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

² Там же, стр. 46.

на смену системе наемного рабства, великие социалисты-утописты Запада своими теориями знаменовали новый, по сравнению с классической школой политической экономии, этап в развитии экономических учений.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СЕН-СИМОНА

Сен-Симон, Анри (1760—1825) — французский мыслитель, социолог, великий французский социалист-утопист. Историческая концепция Сен-Симона носила в основном идеалистический характер. Сен-Симон выдвинул схему исторического процесса, в которой мнения, идеи правят миром, разум является движущей силой смены различных общественных форм. Рассматривая исторический процесс как продукт человеческого разума, Сен-Симон в то же время проводил идею закономерного развития человеческого общества. Так, происхождение французской революции Сен-Симон относил к тому времени, когда в Западной Европе «началось раскрепощение общин и развитие опытных наук»¹. Что же касается «основой причины» французской революции, то Сен-Симон под ней подразумевал изменение соотношения сил как в светской, так и в духовной областях.

Сен-Симон был преисполнен уверенности, что завершение французской революции установлением новой политической системы, базирующейся на промышленности как новом светском элементе и на опытных науках как новым духовным элементе, неминуемо осуществится вопреки всяким препятствиям. Сен-Симон утверждал, что только путем исследования пройденных фаз общественного развития можно иметь ясную перспективу движения к светлому, лучезарному будущему.

В тесной связи с историческим подходом Сен-Симона к всемирной истории, с проводимой им идеей закономерности общественного развития находились его взгляды на политику. Сен-Симон пытался установить зависимость между политикой и философией, между политикой и политической экономией. По мысли Сен-Симона, до Смита политическая экономия смешивалась с политикой. Окрепнув, она объявила себя независимой от политики. «...Скоро политическая экономия, — предсказывал Сен-Симон, — займет свое истинное место; вначале она опиралась на политику, — политика будет опираться на нее, или, вернее, в ней одной будет вся политика». Итоговый вывод Сен-Симона сводится к тому, что «политика есть наука о производстве, т. е. наука, ставящая себе целью установление порядка вещей, наиболее благоприятного всем видам производства».

¹ Сен-Симон. Избранные сочинения, т. II. Изд-во АН СССР, стр. 39. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник, а также «Избранные сочинения», т. I. — *Ред.*)

Высказывания Сен-Симона о связи политики с философией, политики с политической экономией обращают на себя внимание присущими им материалистическими тенденциями. Сен-Симон выдвигает плодотворную мысль о необходимости базирования политики на гранитной основе конкретных фактов, освещенных подлинно научной философской мыслью. Большой интерес представляют собой высказывания Сен-Симона о собственности, которым также присущи материалистические тенденции. Так, Сен-Симон утверждал, что форма парламентского правительства «есть только форма, а учреждение собственности — суть; именно этот институт служит основанием общественного здания».

Поэтому необходимо, по мнению Сен-Симона, «хорошо понять природу права собственности и утвердить это право на основе, наиболее благоприятной росту богатства и свободы промышленности». Рассматривая закон, устанавливающий собственность, Сен-Симон применяет к этому закону идею развития. Сен-Симон считает, что он может изменяться при соответствующих исторических условиях. В частности, он утверждал, что «индивидуальное право собственности» может быть основано лишь на «общей пользе», которая в разные времена может подвергаться изменению.

Вместе с тем Сен-Симон остается на позициях идеализма, когда он ставит вопрос о зависимости «основного закона» собственности от высшего и более общего закона, в силу которого «человеческий ум делает постоянные успехи», закона, из которого «все человеческие общества черпают право изменять и совершенствовать свои учреждения». Социальным идеалом Сен-Симона является новая индустриальная система, которая должна быть продуктом «великой социальной реорганизации, завещанной XIX веку». Грядущая промышленно-научная система положит конец социальным волнениям.

В своем анализе перспектив, которые открывает перед человечеством пропагандируемый им общественный строй, Сен-Симон исходит из предпосылки, что общество для своей деятельности нуждается в цели, что для действительного изменения социальной системы «необходимо изменение цели общей деятельности».

По мысли Сен-Симона, производство полезных вещей — единственная разумная и положительная цель, которую могут ставить себе политические общества. В произведениях последнего этапа своей жизни Сен-Симон отмечает, что его общественным идеалом является образование «наилучшей социальной системы, какой только может достигнуть человеческий род, ибо она самым прямым и действительным образом способствовала бы улучшению морального и физического существования бедняков». Сен-Симон не ограничивался общей формулировкой той цели, которая ставится перед грядущей индустриальной системой. Он раскрывает содержание, которое вкладывается в понятие физического и морального благополучия.

Сен-Симон пишет, что «люди счастливее всего в физическом отношении в той стране, где они лучше всего питаются, одеваются, имеют наилучшие жилища, могут легче всего путешествовать и обеспечить себя повсюду как предметами первой необходимости, так и прелестями жизни». Что же касается счастья людей в моральном отношении, то оно будет самым полным, если «высоко их умственное развитие, если они будут способны ценить изящные искусства, если они будут знать законы, управляющие явлениями природы, и способы видоизменения их, наконец, если среди них будет царить взаимная благожелательность». Следовательно, по мысли Сен-Симона, цель будущего общественного строя — удовлетворение всего многогранного мира человеческих потребностей, как материальных, так и духовных, полное и всестороннее развитие каждого индивидуума.

Переходя к вопросу о том, каковы средства для достижения цели, Сен-Симон в качестве общих средств называет развитие наук, искусств и ремесел. По его мнению, единственным и непосредственным предметом наук, искусств и ремесел является удовлетворение разнообразных потребностей людей. Сен-Симон различает воздействие человека на вещи и воздействие человека на человека. Воздействие человека на вещи, на природу Сен-Симон считает самым полезным видом труда. Что же касается воздействия людей друг на друга, то, по мысли Сен-Симона, оно, будучи связанным с бесполезной тратой человеческих сил, само по себе является вредным. Воздействие человека на человека полезно лишь постольку, поскольку оно «косвенно приводит к усилению его воздействия на природу».

По мнению Сен-Симона, люди вплоть до современной ему эпохи оказывали «чисто индивидуальное и изолированное воздействие на природу». Причем их усилия в значительной степени затрачивались попусту, так как человечество было разделено на две части. В целях утверждения своего господствующего положения в обществе меньшая часть человечества тратила свои собственные силы и нередко силы большей его части. В то же время большая часть человечества затрачивала значительную часть своих сил с целью борьбы против господства меньшинства над большинством.

«Несомненно, однако, — подчеркивал Сен-Симон, — что и при такой огромной трате сил человечество достигло все же в наиболее цивилизованных странах довольно значительной степени достатка и благосостояния». Поэтому можно себе представить, какой изумительной степени процветания достигло бы общество, если бы «не растрачивалось напрасно ни одного усилия, если бы люди, перестав господствовать один над другим, организовались, чтобы оказывать объединенное воздействие на природу, и если бы народы в своих взаимоотношениях придерживались той же системы».

Говоря о том, что новая социальная система будет базироваться на тесной связи частей в зависимости их от целого, Сен-Симон подчеркивает роль и значение развития разделения труда

по мере прогресса цивилизации. Промышленно-научная система приведет, как полагает Сен-Симон, с необходимостью к наивысшей степени социальной свободы. Разоблачив понятие свободы, взятое вне конкретных исторических условий, как пустую метафизическую идею, Сен-Симон истинную свободу видел отнюдь не в том, чтобы «члены общества по своему желанию могли сидеть сложа руки», а в возможно широком и беспрепятственном развитии «способностей, полезных обществу как в светской, так и в духовной области».

Изложенные высказывания Сен-Симона по вопросу об общих принципах, на которых будет базироваться будущая промышленно-научная система, представляют большой интерес. Сен-Симону принадлежит заслуга постановки вопроса о цели, которую поставит перед собой грядущий общественный строй, и средствах достижения этой цели. Существенным недостатком трактовки у Сен-Симона этого вопроса является непонимание им обусловленности цели будущего общества отношениями собственности на средства производства, господством общественной собственности. Однако, применяя идею развития к цели, присущей новому общественному порядку, который придет на смену отжившему, одряхлевшему капиталистическому обществу, Сен-Симон подчеркнул принципиальную особенность социалистического общественного строя, его преимущества и прогрессивность по сравнению с капитализмом.

В своих рассуждениях об отношении людей к природе и друг к другу Сен-Симон выдвинул плодотворную мысль о блистательных перспективах, открывающихся перед будущим общественным строем в деле сосредоточения всей энергии человечества, всех усилий на борьбе с природой, поскольку человеческий ум и гений перестанут быть орудием насилия и взаимная людская борьба, столкновения, распри между народами потеряют всякую почву. Следует также подчеркнуть, что Сен-Симон исключает войны в сношениях между народами и провозглашает мир как основу общественной жизни.

Существенной особенностью будущего общества и одним из его преимуществ перед капитализмом является, по мнению Сен-Симона, то, что оно представляет собой плановую народнохозяйственную организацию. Планирование народного хозяйства Сен-Симон связывает с той целью, которую он ставит перед промышленно-научной системой. Он писал, что для улучшения существования членов общества как в «политическом, так и в моральном отношении» необходимо составление «ясного и наиболее разумно комбинированного плана работ».

В работах последнего этапа своей теоретической деятельности Сен-Симон подчеркивает, что речь идет о наискорейшем улучшении «участи беднейшего класса». Для этого необходимо «выполнять большое количество работ, требующих наибольшего развития человеческого разума». Представители искусства, науки и промышленности должны «представить к исполнению общий план работ, имеющих целью сделать земельные владения человеческого рода

как можно более производительными и как можно более приятными для жизни во всех отношениях».

Конкретизируя задачи людей искусства, Сен-Симон считает, что они как люди с богатым воображением «разовьют поэтическую сторону новой системы». Это скажется в том, что они «возвестят будущее человечества», что они отнимут у прошлого золотой век, чтобы обогатить им будущие поколения; они воодушевят общество на «поднятие своего благосостояния...», внушив ему, что вскоре все члены общества будут пользоваться наслаждениями, которые до этого времени были достоянием лишь одного весьма малочисленного класса», что они для достижения своей цели мобилизуют «все средства изящных искусств, красноречие, поэзию, живопись, музыку».

Что касается ученых, то им поручается обоснование возможности «большого подъема благосостояния всех классов общества, как самого многочисленного класса пролетариев, так и класса самых богатых людей». Ученые должны выяснить «наиболее верные и быстро действующие средства обеспечить непрерывность труда массы производителей»; они должны разработать «основные начала общественного образования». По мнению Сен-Симона, ученые установят «законы гигиены социального организма». В их руках «политика станет дополнением к науке о человеке».

Проекты, задуманные и разработанные людьми науки и искусства, перейдут к промышленникам. Самые выдающиеся из них «сосредоточат все свои мысли на производстве», обсудят и обдумают реализацию поступивших к ним плановых предначертаний. Причем непосредственное руководство по выполнению намеченных мероприятий будет поручено «банкаирам, стоящим всегда во главе финансовых дел».

Всячески отстаивая ту мысль, что выполняемая в организованном, плановом порядке огромная масса работ будет «способствовать улучшению участи бедного класса», Сен-Симон вместе с тем отмечал, что и «богатые... будут богатеть одновременно с бедными».

Высказывания Сен-Симона по вопросу о планировании в условиях новой индустриальной системы страдали существенным пороком — непониманием, что возможность общественного производства по заранее обдуманному плану предполагает переход средств производства в общественную собственность. Между тем Сен-Симон мыслит себе грядущий общественный строй и возможность его планирования при сохранении противоречия между богатством и бедностью, при наличии в известной степени отношений эксплуатации, при существовании антагонизма между капиталом и наемным трудом.

Однако Сен-Симон отстаивал весьма важную по своей принципиальности идею, что в противоположность стихии и анархии, которые царят в капиталистическом производстве, в будущем обществе развитие народного хозяйства будет осуществляться на

научных основах в порядке планового руководства. Достоинством анализа у Сен-Симона новой индустриальной системы является также и то, что планирование он связывал с той целью, которая присуща промышленно-научной системе, и подчеркивал благотворное воздействие планового руководства народным хозяйством на рост производительности труда.

Промышленно-научную систему Сен-Симон мыслит себе как царство вдохновенного, исполненного воодушевления труда на благо всего общества, как мир доблестного труда, овеянного славой и почетом. Будущее общество, по мысли Сен-Симона, базируется на всеобщности труда, труд должен быть общим достоянием, труд должен охватить всех, быть обязательным для всех. Однако у Сен-Симона идея всеобщности труда уживается с наличием в будущем обществе, как отмечалось выше, противоречия между богатством и бедностью. «Руки бедняка будут по-прежнему кормить богатого, но богач получает повеление работать головой, а если его мозг не способен к работе, то он обязан работать руками».

Таким образом, по мнению Сен-Симона, богачи в будущем общественном строе будут слугами народа, их назначение — выполнять организаторские функции. В этой связи представляют большой интерес воззрения Сен-Симона на роль и характер управления в его будущей индустриальной системе.

В работах последнего этапа своей жизни Сен-Симон утверждал, что в условиях нового индустриального режима общие интересы всего коллектива в целом должны быть в «руках людей, наиболее способных в области опытных наук, искусств, промышленных комбинаций». Он имел в виду производителей, составляющих «истинный корпус нации», т. е. ученых и художников, с одной стороны, и промышленников, с другой стороны.

Сен-Симон полагал, что интересы этих групп населения совпадают с интересами народных масс, что эти люди «принадлежат к классу трудящихся, являясь в то же время его естественными вождями». Им будет поручено управление государственными делами. «...Политическая власть перейдет в руки тех, кто уже теперь распоряжается почти всеми общественными силами, кто повседневно управляет физическими силами общества, кто создает его денежную силу, наконец, тех, кто беспрерывно умножает его умственную силу».

Исключительное внимание в своих произведениях Сен-Симон уделяет «промышленнику», давая этому понятию своеобразное толкование, особый смысл. «Промышленник, — по определению Сен-Симона, — это человек, который трудится для производства или для доставки разным членам общества одного или нескольких материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности». Все промышленники, промышленный класс, в свою очередь, распадается на три крупных класса — земледельцев, фабрикантов и торговцев.

Промышленники, как утверждает Сен-Симон, составляют «самый способный и самый полезный класс общества», в сравнении с другими членами общества, они «доказывали свои положительные административные способности». По самому существу своего положения в обществе промышленники являются «друзьями порядка» и у них нет никакой иной цели, кроме установления «экономичной и полезной для промышленности системы управления». Цель промышленников — установить «экономичный» режим, рассчитанный на «интересы культуры, промышленности и торговли».

Промышленники весьма заинтересованы в «поддержании спокойствия», в «ограничении произвола», в «экономии государственных расходов». В частности, промышленники, которые будут осуществлять «высшее руководство денежными средствами», будут ставить своей целью «экономить в управлении государственными делами» при составлении бюджета. В качестве руководителей «мирных работ» промышленники будут стремиться к «возможному уменьшению налогов и будут распоряжаться доходами наиболее полезным для общества образом». Причем свои обязанности по составлению бюджета видные промышленники будут выполнять бесплатно.

Сен-Симон полагал, что установится такой строй, где большое количество должностей «неизбежно будет выполняться безвозмездно». Сен-Симон исходил из той предпосылки, что одобрение народными массами услуг, которые им оказывают правители, есть «единственная награда, достойная их славного труда», что «заработная плата правителям — уважение». По мысли Сен-Симона, в пропагандируемом им общественном строе «сложный политический аппарат, занятый только охраной свободы от покушений, которым она на самом деле не может больше подвергаться, был бы очень похож на Дон-Кихота, воюющего с ветряными мельницами».

Сен-Симон полагал, что «соображения о мерах предосторожности для поддержания общественного порядка должны считаться второстепенными». Сен-Симон считал, что предлагаемая им реорганизация управления доставит Франции самое крупное из всех политических благ, именно благо быть управляемой возможно меньше и возможно дешевле. Однако по вопросу об оплате труда государственных деятелей Сен-Симон не был последователен.

Сен-Симон утверждал, что для достижения двойного блага в виде физического и морального счастья необходимо покровительствовать, создавать благоприятные условия для земледельческой, промышленной и коммерческой деятельности. По его мнению, предприятия по устройству каналов, дорог и мостов, работ по осушению, распахке и орошению необходимо стимулировать «соблазнам частных выгод». «Не надо затевать тяжбы по поводу барышей, получаемых от трудов на пользу государству, следует уступать эти барыши целиком частным лицам, предпринимателям эти работы».

Таким образом, по вопросу об оплате правителей страны, государственных служащих у Сен-Симона причудливо переплелись две противоположные точки зрения: одна — «заработная плата» вождям страны — промышленникам, в виде уважения, чувства признательности за высокие достоинства, за заслуги перед обществом; другая — «барыш» — промышленникам, т. е. прибыль, предпринимательский доход частным предпринимателям, возглавлявшим работы на пользу нации, по существу, эксплуататорский нетрудовой доход за функцию управления, руководства. Правда, Сен-Симон был преисполнен надежд, что индустриальная система в течение короткого отрезка времени «удеситерит потребление, распространяя благосостояние среди трудящегося класса». Однако это было благочестивым, наивным, утопическим пожеланием, ибо отношения эксплуатации в сфере материального производства предопределяют антагонистический характер распределения, узкий базис потребления наемных рабочих.

В деле строительства нового общества Сен-Симон всячески отстаивал близость интересов королевской власти и промышленников. Королевская власть должна объединяться с промышленниками, этими подлинными «друзьями народа», которые могут ее защитить от происков феодалов. Единственным средством, которым будут пользоваться «друзья человечества» для преобразования общества, будет проповедь, как устная, так и письменная. Цель этой проповеди — «побудить королей воспользоваться предоставленной им народом властью для осуществления ставших необходимыми политических перемен».

Сен-Симон принципиально отвергал роль революционного насилия при переходе к новому строю. Он писал: «...Единственным средством, дозволенным нам для достижения нашей цели, является убеждение... Нам совершенно невозможно действовать физической силой». Сен-Симон утверждал, что французская нация является авангардом человечества. Вслед за Францией на путь революционных преобразований вступят все просвещенные народы. Они составят «общий союз» и объединят свои «усилия для повышения общего благоденствия». Рост материальной обеспеченности трудящихся, повышение уровня материального и культурного благосостояния самых беднейших слоев населения — вот лейтмотив творческой деятельности великого французского социалиста-утописта Сен-Симона.

Глубокую характеристику своеобразия социально-экономических воззрений Сен-Симона дал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». Ф. Энгельс подчеркивал, что в сознании Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». «Праздные» — это были старые привилегированные слои населения, а также все те, кто жил на ренту. «Рабочие» — это были наемные рабочие, фабриканты, купцы, банкиры.

Кто же из всех этих групп населения обладал способностью к духовному руководству и политическому господству? Отвечая на этот вопрос, Ф. Энгельс указывает, что «праздные» потеряли эту способность. Что же касается обездоленных, то они, по мнению Сен-Симона, не обладают этой способностью. Остается наука и промышленность. «Но наука — это ученые, а промышленность — это в первую очередь активные буржуа, фабриканты, купцы, банкиры. Правда, эти буржуа должны были стать чем-то вроде общественных чиновников, доверенных лиц всего общества, но все же сохранить по отношению к рабочим командующее и экономически привилегированное положение. Что касается банкиров, то именно они были призваны регулировать все общественное производство при помощи регулирования кредита».

Такой взгляд соответствовал эпохе, когда крупная промышленность только начала развиваться. Вместе с тем Энгельс указывает, что Сен-Симон проявлял особенный интерес к судьбе «самого многочисленного и самого бедного класса»¹. К. Маркс также отмечал, что в последней своей работе «Новое христианство» Сен-Симон «...прямо выступил как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений»². Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали социалистическую устремленность социально-экономических воззрений Сен-Симона, своеобразие которых своими корнями уходит в экономику Франции периода Реставрации.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Ш. ФУРЬЕ

Историческая концепция Фурье. Фурье, Шарль (1772—1837) — великий французский социалист-утопист. Он происходил из купеческой семьи, был торговым служащим. Истоки своей теории Фурье относил к событиям 1793 г., когда, по его мнению, произошло крушение политических и моральных наук. Стало очевидным, что мыслители не знают средств от «социальных страданий». Фурье отмечает, что среди побудительных мотивов, заставивших его открыть новую еще не известную науку, было «зрелище бедствий, которые претерпевает общественное хозяйство»³.

Фурье, исходя из идеи закономерности исторического процесса, выдвинул следующую периодизацию стадий общественного развития, в основу которой он положил процесс производства.

Восходящий ряд ступеней первоначального века социального мира:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 670.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 154.

³ См.: Шарль Фурье. Избранные сочинения, т. I. Изд-во АН СССР, стр. 89. (Здесь и далее в главе цитируются «Избранные сочинения», т. I, II, III, IV. — *Ред.*)

Периоды, предшествующие производственной деятельности

Раздробленное, обманное, отталкивающее производство

Социетарное, правдивое привлекающее производство

К. Ненастоящий без человека

1. Первобытный, именуемый эдемом.
2. Дикость, или бездеятельность
3. Патриархат, мелкое производство.
4. Варварство, среднее производство.
5. Цивилизация, крупное производство.
6. Гарантизм, полуассоциация.
7. Социентизм, простая ассоциация.
8. Гармонизм, сложная ассоциация.

У первобытных людей на стадии их возникновения отсутствовала какая-либо социальная организация. Необходимость формирования в серии диктовалась не одним только инстинктом, но комплексом ряда обстоятельств: 1) отсутствие предрассудков и, как следствие, свобода любви; 2) малая плотность населения и, как следствие, изобилие стад, плодов, рыб и т. д.; 3) отсутствие внешних знаков богатства, отсутствие умения в области механических искусств, а также отсутствие дорогих предметов; 4) отсутствие хищных зверей; 5) красота существ в их первоначальном виде. Фурье возражал против утверждения, что в условиях первобытного порядка «царило какое-то равенство, какая-то общность». На определенном этапе развития первобытного общества «чрезмерное умножение племен порождало бедность».

Характерной особенностью порядка дикости Фурье считал отвращение к земледелию, скотоводство как основное занятие. В связи с ростом населения, под давлением нужды орда, общественная организация диких, распадается на отдельные семьи, на базе которых исключительную роль начинает играть деспотическая власть отца. Этот период — патриархат, для которого типичны отношения господства и подчинения. На смену патриархату приходит период варварства, в котором происходит распад общества на класс господ и рабов. Варварство знаменует собой известный подъем производства — переход от мелкого производства к среднему производству.

Особенностью строя цивилизации является то, что он стремится к прогрессу, что он находится в «движении» во всех отношениях. Строй цивилизации делает всевозможные усилия теоретического и практического характера, чтобы достигнуть шестого периода — гарантизма. Фурье видел в общественных укладах дикости, патриархата и цивилизации «тернистые тропы», ступени к совершенному общественному строю, «порядку прогрессивных серий, составляющему хозяйственное предназначение человека». Большой интерес представляет собой высказывание Фурье о том, что нет «чистых» общественных форм, что каждый общественный строй таит в себе черты пройденных этапов общественного развития и зачатки грядущих общественных стадий. Фурье принадлежит следующее замечательное высказывание о диалектике общественного развития:

«...Общество может впасть в состояние упадка под действием своих социальных достижений».

Периодизации общественного развития, выдвинутой Фурье, присущи материалистические тенденции и черты диалектики.

Фурье — критик капитализма. В своих произведениях под именем цивилизации Фурье, по существу, дает остроумную, язвительную, меткую критику капитализма. Беспощадность его сатиры обладает большой разящей силой. Фурье полагал, что режим цивилизации отнюдь не является «хозяйственным предназначением» человека, он его разоблачал как «преходящий бич», как временную болезнь для рода человеческого.

Фурье утверждал, что строй цивилизации «несправедлив по отношению к несчастным и слабым» и по отношению к «народу, который он лишает необходимого». Эпоха цивилизации является врагом полезного в силу своих порочных методов хозяйствования. При режиме цивилизации изгнано красивое из «нагромождений хижин, именуемых деревнями», а еще больше — из «грязных и безобразных городов». Фурье видел в режиме цивилизации господство насилия и коварства, неправды и угнетения. Фурье разоблачал культ денег в условиях цивилизации. Фурье называл деньги «тираном мира», «нервом войны».

О политическом строе эпохи цивилизации Фурье писал, что люди в «своей представительной системе оценивают заслуги только соразмерно деньгам». Новейшая философия, в оценке Фурье, выступает в качестве бесстыдного защитника всех гнусностей, ведущих к накоплению.

Разоблачая цивилизацию как несправедливый, антинародный общественный строй, Фурье признавал за эпохой цивилизации известные заслуги в деле подготовки материальных и духовных предпосылок для перехода к гармоническому строю. Период цивилизации необходим для того, чтобы создать «различные движущие силы социального прогресса — определенные науки, искусства, большую роскошь и прочие средства продвижения к высшим периодам».

Однако после создания предпосылок для перехода к более прогрессивным стадиям общественного развития период цивилизации становится большим злом. Созданные им духовные и материальные ценности используются, чтобы «производить в политическом смысле социальные бури, волнения и революции, которые усугубляют крайнюю нужду народа; в смысле материальном — ухудшение климатур... путем разрушения лесов, истощения склонов, иссякания источников и извращения времен года».

В своей общей характеристике эпохи цивилизации Фурье разоблачает капитализм как несправедливый, антинародный общественный строй, глубоко порочный, в основе своей противоречащий природе человека. Высказывания Фурье о несовместимости капитализма с «природой человека» носили идеалистический характер. Но и в этих ошибочных суждениях Фурье возвышался над пред-

ставителями классической школы буржуазной политической экономики, которые объявляли буржуазное общество со всеми его противоречиями и несправедливостями естественным и нормальным хозяйственным режимом. Переходя к более конкретной характеристике общественного строя цивилизации, Фурье отмечает, что в «отношении общего хозяйствования» он состоит из совокупности неассоциированных семей и домашних хозяйств. А это предопределяет раздробленность сельскохозяйственных и домашне-хозяйственных работ. В земледельческой раздробленности Фурье видел один из коренных пороков хозяйствования в эпоху цивилизации. В качестве второго коренного порока Фурье рассматривал торговую анархию, которая выступает прикрашенной под именем свободной конкуренции.

Фурье дал яркую, бичующую характеристику общественного строя цивилизации как «бессвязного порядка». Фурье принадлежит следующая блестящая характеристика анархии производства и ее социальных последствий: «Индустриализм — новейшая из наших научных химер; это болезненное стремление производить беспорядочно, без всякого метода в смысле соразмерного вознаграждения, без какой бы то ни было гарантии для производителя или наемного работника, получения доли в росте богатства; поэтому мы видим, что области с преобладанием промышленности столь же, а может быть, и более усеяны нищими, чем края, безразличные к такого рода прогрессу». Фурье видел в «индустриализме» «подлинный заговор против трудящихся» и, вскрывая происки апологетов хозяйственного режима цивилизации, заинтересованных в его незыблемости и вечной неувядаемости, Фурье писал, что «индустриализм стал рычагом партийного духа».

По мысли Фурье, существенным недостатком строя цивилизации является противоречие между интересами коллектива и отдельной личности. Механизму строя цивилизации присуща «противоположность индивидуального интереса интересу коллективному». Фурье, которому неизвестны были законы капиталистического способа производства, склонен был возводить анархию производства чуть ли не в основную причину всех бед и неурядиц эпохи цивилизации. Фурье не понимал связи, которая существует между анархией производства и частной собственностью на средства производства и противоречием между общественным характером производства (обобществлением труда) и частно-капиталистической формой присвоения. Вместе с тем содержательным и значительным является утверждение Фурье о борьбе индивидуальных и коллективных интересов как неизбежном следствии анархии производства. В этих суждениях Фурье обнаруживается его стремление к широким теоретическим обобщениям.

В произведениях Фурье мы находим резко изобличающую характеристику особенностей процесса труда на стадии цивилизации. Фурье с большой силой подчеркивает, что для людей строя цивилизации труд — это каторга и мука, что они «ненавидят свой

труд, для них он — альтернатива голода и скуки, пытка на которую они идут медленным шагом, с задумчивым и убитым видом».

Две трети людей строя цивилизации Фурье считал непроизводительными. К их числу Фурье относил не только лиц, составляющих вооруженные силы страны, государственных чиновников, непроизводительность которых, по его мнению, доказана, но и «большинство исполнителей, почитающихся полезными, как домашние слуги и даже земледельцы, являющиеся паразитами в большом числе своих занятий». Фурье считал, что в условиях цивилизации «есть еще вне производственного труда тысячи паразитных занятий».

Говоря о социальных последствиях «производительного труда», Фурье указывает на то, что он является роковым для тех, кто им занимается, и выгодным для «ничем не занимающихся людей и для немногих начальников». Фурье указывает, что на неимущий класс тяжелым бременем «ложится весь труд». Что же касается богатых людей, то они «занимаются почти только тем, чтобы возглавлять и надзирать, — это не значит производить».

Фурье правильно критикует капитализм как паразитический хозяйственный режим в своих суждениях об откровенности подавляющей части людей эпохи цивилизации от «производственного труда», хотя теоретического анализа проблемы производительного труда мы у Фурье не находим.

Фурье выдвинул интересный, содержательный тезис о том, что управлять — это не значит производить. Этим самым Фурье разоблачал утверждения владельцев капиталов, представителей господствующего класса в буржуазном обществе и их идеологов, что труд, выполненный капиталистами по надзору и управлению, ничем принципиально не отличается от труда рабочих, непосредственно занятых в процессе материального производства.

Фурье дал глубокую характеристику социальной сущности французских фабрик и крупных ферм Англии, назвав их «каторжными острогами», в силу присущей им противоречивости между обогащением предпринимателей, фермеров и обнищанием пролетариев. Указывая, что экономия общественных средств производства при фабричной системе «...вместе с тем превращается в руках капитала в систематический грабеж всех условий, необходимых для жизни рабочего во время труда», К. Маркс пишет: «Не прав ли Фурье, называя фабрики «смягченной каторгой?»¹.

Особенного внимания заслуживает отличающееся глубиной проникновения в сокровенные тайны механизма капиталистической эксплуатации утверждение Фурье о прогрессирующем обнищании трудящихся в условиях цивилизации. По мысли Фурье, тезис о том, что «бедняки нужны для того, чтобы были богачи», приходится по вкусу представителям «высшего класса», склонных смотреть на «массу, как на вьючное животное, созданное для того, чтобы тер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 437.

петь всяческие лишения». Фурье считал, что интересы обоих крайних классов — богачей и бедняков — непримиримы при строе цивилизации. Он писал, что «народ, взятый коллективно, является рабом богачей, пока длится строй цивилизации».

В своей трактовке наличного при капитализме противоречия между богатством и нищетой Фурье возвышается до замечательного утверждения, что для этого хозяйственного режима при огромных успехах производства характерен все прогрессирующий рост нищеты. Фурье писал, что прогресс производства и просвещения служит в условиях цивилизации «увеличению общей неправильности отношений и бедности классов, несущих бремя производства».

По мнению Фурье, более всего бедны народы стран, «возведших на наивысшую ступень земледелие и промышленное производство». Фурье принадлежит следующий афоризм: «...Бедность рождается при строе цивилизации из самого изобилия». Важность положения Фурье о росте богатства на одном полюсе и нищеты на другом отмечал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». Одним из факторов, по мнению Фурье, обуславливающих «ложный» характер хозяйственной системы цивилизации, являются «неправильности» в деле распределения. Исходя из предпосылки, что справедливость в распределении помогает «гарантирование народу минимума, растущего с социальным прогрессом», Фурье утверждал, что «справедливость распределения» отсутствует в строе цивилизации. При этом режиме «количество или реальная стоимость продукции» является исключительной основой «оценки работ».

Справедливость распределения, продолжает Фурье, на стадии цивилизации существует лишь для капиталистов. «Строй цивилизации умеет распределять справедливо только по капиталу, соразмерно вложениям; это — арифметическая задача, а не проблема для творческого духа». Что касается распределения для рабочего, то оно «более несправедливо, более гнетуще, чем когда бы то ни было».

У Фурье мы не встречаем анализа заработной платы как экономической категории. Однако он неустанно подчеркивает несправедливость в распределении для рабочих при капитализме, тяготение заработной платы к пределу, не обеспечивающему даже физиологический минимум, необходимый для воспроизведения способности к труду. Фурье писал о легионах «измороженных голодом людей, продающих себя по низкой цене приобретателям и заведующим мастерскими».

Критика капитализма у Фурье под углом зрения проблемы распределения сводится, следовательно, к тому, что в этом общественном строе существуют две справедливости: одна для капиталистов, другая — для рабочих. Однако, когда Фурье переходит к более конкретной характеристике того содержания, которое он вкладывает в «справедливое» распределение, то оказывается, что все дело сводится к тому, что в отличие от капитализма, где доля рабочих в национальном богатстве не возрастает, в условиях гар-

монического строя рабочий будет получать гарантированный минимум жизненных средств, неуклонно возрастающий с социальным прогрессом.

Следовательно, критика капитализма в конечном счете сводится у Фурье не к тому, что он базируется на антагонизме между наемным трудом и капиталом. Фурье видит существенный порок капитализма лишь в том, что доля рабочих в общественном продукте не возрастает вместе с накоплением богатства. Фурье не понимал, что структура распределения определяется структурой производства, что отношения распределения представляют собой обратную сторону отношений производства. Фурье упускал из виду, что способ распределения должен изменяться вместе с ростом производительных сил.

В тесной связи с анализом у Фурье проблемы распределения в условиях цивилизации находится и его оценка роли торговли в экономике страны. Фурье принадлежит насыщенная едким сарказмом бичующая характеристика торговли в условиях цивилизации. По мысли Фурье, торговля, представляющая собой «важнейшее из отношений распределения», представляет собой могущественного Молоха, требующего, поглощающего множество жертв, жестокою и неумолимую силу, которая царит и господствует над всеми общественными отношениями страны.

Фурье причислял торговцев к «классу паразитирующих и непроизводительных агентов». «Все основные классы — собственник, земледельец, промышленник и даже правительство находятся в подчинении второстепенному классу — торговцу». Этот второстепенный класс «по своему произволу управляет всеми пружинами обращения и препятствует их действию». Фурье неустанно подчеркивает роль торгового капитала в качестве гегемона в народнохозяйственной жизни страны, всячески тормозящего развитие производства.

Класс торгашей-кровопийцев держит в своих руках денежный сундук строя цивилизации. «...Банк, биржевая игра и торговля, — с негодованием пишет Фурье, — накапливают все больше и больше сокровищ, тогда как бедное земледелие прозябает без денежных средств». К «преступлениям» торговли Фурье относит банкротство, биржевую игру, барышническую скупку и т. п., которые он с большим художественным мастерством обстоятельно описывает. Из «преступлений» торговли, как полагает Фурье, наибольшие успехи сделало банкротство. Самым отвратительным из «преступлений» торговли Фурье считает барышническую скупку. Основная идея, которую проводит Фурье в своем исследовании «преступлений» торговли, сводится к тому, что они беспрерывно разрывают «тело производства».

То, что Фурье свою критику торговли в условиях цивилизации связывает с ее губительным воздействием на сферу производства, означало, что Фурье свое исследование о торговле рассматривает как обвинительный приговор над строем цивилизации вообще. Из

своего анализа «преступлений» торговли Фурье делал следующий вывод: «Цель моя — не улучшить строй цивилизации, а уничтожить его и вызвать желание изобрести лучший социальный механизм, доказывая, что порядок цивилизации нелеп в частях, как и в целом».

На высказываниях Фурье о торговле безусловно лежит печать меновой концепции, преувеличенная оценка роли торговли в общественной жизни эпохи цивилизации. Вместе с тем это отнюдь не означает, что Фурье под углом зрения торговли, сферы обращения рассматривал все недостатки капитализма, все его язвы. Фурье видел в торговле существенный порок цивилизации, который оказывает губительное воздействие на производство, бывшее в центре внимания анализа цивилизации Фурье.

Существенной частью критики капитализма у Фурье является его исследование вопроса о монополиях. Фурье различал: а) корпоративную монополию, или монополию замкнутых объединений, б) казенную монополию, или государственное управление, в) колониальную монополию или экзотическую монополию, г) простую морскую монополию и д) сложную феодальную монополию.

Особенное внимание Фурье уделял сложной феодальной монополии, которая, как полагал, развивается под совокупным воздействием трех объединенных побудительных сил: безденежья казны, влияния биржевой игры и упадка предубеждений знати. Эти три движущие силы ведут к восстановлению «феодализма в сложной системе, т. е. при участии крупных торговцев и биржевых игроков совместно с дворянством». Это приводит к тому, что биржевые игроки становятся большими господами, колоссами, которым требуется «особый патрициат, торговое пэрство».

Таким образом, налицо тенденция к «торговому феодализму» или полной передаче «торговли в руки объединенных в союзы и исключительно привилегированных компаний». И чем больше, подчеркивает Фурье, возрастала бы «торговая анархия», тем в большей степени наблюдалось бы стремление к «всемирной привилегии». Следовательно, объединение торговцев в корпорации, их организация в феодальные компании, в замкнутые объединения монополистов, вступивших в соглашение с крупными землевладельцами, привели бы к тому, что «торговые феодалы» при помощи «интриг» стали бы «хозяевами всей продукции». Что же касается мелких собственников, то они, по существу, стали бы приказчиками у торгашеской коалиции, были бы доведены до состояния «торгового вассалитета».

Все это означало бы «возрождение феодализма в обратном порядке, основанного на торгашеских союзах вместо союзов знати». Это была бы четвертая фаза строя цивилизации, феодальная монополия, или «сложное пэрство двух классов крупных вассалов, каковыми были бы землевладельцы и крупные торговцы или откупщики торговли». Эти же торговые пэры, ввиду критического состояния государственных финансов, стали бы генераль-

ными откупщиками торговли или руководителями казенных предприятий. А это означало бы возрождение феодализма в «сложном порядке», путем объединения «крупных территориальных вассалов с крупными хозяйственными вассалами».

Итоговый вывод Фурье сводится к тому, что обширная «феодалная коалиция», захватив «всю промышленную и финансовую систему», породила бы «торговый феодализм», что «торговый феодализм» — четвертая фаза цивилизации — «поглощает свободную конкуренцию, характерную для третьей фазы». Анализ монополии у Фурье представляет большой теоретический интерес. Ценной и теоретически важной является постановка вопроса о связи монополистических объединений с процессами концентрации и централизации капитала.

Существенно важными являются высказывания Фурье о «поглощении», т. е. об уничтожении монополией свободной конкуренции. Он, по существу, ставит вопрос о том, что свободная конкуренция приводит к монополии, что монополия является противоположностью свободной конкуренции. Глубоким и теоретически важным является утверждение Фурье о всевластии монополистических объединений, о подчинении им государственного аппарата, который всемогущие монополисты используют с целью наживы.

В своей характеристике «Crédit Mobilier», крупного французского акционерного банка, учрежденного братьями Перейра, К. Маркс указывал, что новая идея, которую основатели этого акционерного банка придумали, это — «превращение промышленного феодализма в данника биржевой спекуляции». К. Маркс вместе с тем писал: «Бессмертная заслуга Фурье в том, что он предсказал эту форму современной промышленности, назвав ее *промышленным феодализмом*»¹.

Таким образом, Фурье гениально предвидел тенденцию развития свободной конкуренции в сторону монополии, хотя ему не были известны экономические законы капиталистического способа производства.

Учение Фурье об ассоциации. Основой учения Фурье об ассоциации является его теория страстей. Фурье утверждал, что «притяжение по страсти» в условиях строя социальной гармонии, без «принуждения и безо всякой иной поддержки, кроме приманки наслаждений, установит всеобщее единство на земном шаре и заставит исчезнуть войны, революции, нищету и несправедливость».

Переходя к вопросу о классификации страстей, Фурье связывает ее с теми целями, к которым «притяжение по страсти» во все времена и повсеместно стремилось. Первая цель — удовлетворение пяти внешних чувств. Здесь идет речь, по терминологии Фурье, о пассивном разряде страстей, о страстях материальных или чувственных.

Вторая цель — стремление людей к образованию групп. Этой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 35.

цели соответствуют страсти привязанности: дружба, честолюбие, любовь и семейное. Эту группу страстей Фурье относил к активному разряду страстей. Третья цель — механика страстей, стремление привести пассивный разряд страстей к согласованию с активным разрядом страстей. Эта согласованность устанавливается благодаря посредничеству распределительных страстей: страсти к соревнованию, страсти к разнообразию и страсти к творчеству. Распределительные страсти, по мнению Фурье, играют в социальном механизме, угодном «природе», значительную роль, они держат в нем «кормило управления».

Учение Фурье о страстях представляет собой, по существу, философское обоснование принципиальных основ, на которых должен базироваться будущий гармонический строй. В своем эскизе режима прогрессивных серий Фурье идеалистически исходит из неизменных свойств человеческой природы с ее многогранным миром своеобразно понимаемых «страстей». Однако, хотя Фурье подчеркивает неизменный, вечный, естественный характер человеческих «страстей», он становится вместе с тем на путь признания модификации человеческой природы в каждую историческую эпоху, когда он проводит принципиальное различие между «взлетом» страстей в условиях цивилизации и режима ассоциации.

Новый гармонический строй, где будет обеспечено полное развитие коренных страстей, будет царством совершенного счастья, ибо «подлинное счастье состоит лишь в том, чтобы удовлетворять все свои страсти». По мнению Фурье, будущий гармонический строй будет торжеством правды на земле, царством справедливости во всех сферах жизни. В обществах, образованных из серий, «наблюдается господство самой сверкающей правды во всех хозяйственных отношениях».

Свою характеристику будущего строя как царства правды и справедливости Фурье своеобразно сочетал с признанием наличия в нем частной собственности, классового неравенства. Полемизируя с Робертом Оуэном, Шарль Фурье настаивал на том, что режим прогрессивных серий должен вдохновляться не «духом общности», а «духом собственности», под которым он понимал «дух» частной собственности, подчиняемой интересам общества, в отличие от частной собственности при режиме цивилизации, угнетающей и порабащающей народные массы. Говоря об участии бедняков в условиях режима ассоциации, Фурье полагал, что им должна быть предоставлена как в «отношении практических прелестей, так и в отношении перспективы движения вперед доля, совершенно отличная от доли наших наемных рабочих». Однако, если Фурье и полагал, что в условиях ассоциации положение трудящихся масс коренным образом улучшится, он отнюдь не мыслил себе будущий гармонический строй как бесклассовое общество.

Теория ассоциации Фурье страдала существенным недостатком, непониманием того, что гармонический строй должен покоиться на общественной собственности на средства производства и исклю-

чать всякую эксплуатацию и все формы социального гнета. Вместе с тем, исходя из «страстей» человека, Фурье полагал, что человек предназначен к общественной трудовой деятельности. В представлении Фурье будущий общественный строй будет царством творческого, радостного, привлекательного труда, он будет удовлетворять все многообразие человеческих потребностей — физических и духовных.

Переходя к более конкретной характеристике основных начал, на которых будет базироваться новый, будущий гармонический общественный строй, Фурье из всего круга вопросов, относящихся к теории ассоциации, в качестве главных выделяет две проблемы — «трудового притяжения» и распределения соразмерно трем факторам: труду, капиталу и таланту.

«Трудовое притяжение», т. е. организация коллективного труда, по мысли Фурье, реализуется в фалангах, под которыми он понимал ассоциации гармонического строя. Поселения (здания) фаланги Фурье называл фаланстером. Как полагал Фурье, фаланга должна включать около 1800 человек, что не исключало возможности организации опытных фаланг из 900, а также из 600 человек. Основной ячейкой общественного объединения строя гармонии Фурье считал серии, число которых достигает в опытной фаланге 40—45, а на высшей стадии развития гармонического строя возрастает до 405. Серии состояются из лиц, неравных во всех отношениях: по возрасту, имущественному положению, характеру, знаниям и т. д. Неравенству среди членов серии Фурье придавал большое значение с точки зрения возбуждения среди них импульсов к труду. Тот кантон, который наилучшим образом построит свои серии по «ступеням и контрастам», получает «наибольший доход и дает при равных возможностях наилучшую продукцию».

Фурье различал семь видов трудовой деятельности: 1) домо-водческий труд, 2) земледельческий труд, 3) промышленный труд, 4) торговый труд, 5) просветительский труд, 6) изучение и применение наук, 7) изучение и применение изящных искусств. Иногда Фурье писал о трудовых занятиях пяти порядков — домашнехозяйственного, земледельческого, промышленного, торгового, преподавательского.

Из всех видов трудовой деятельности Фурье особенно выделял земледелие, которое, как он полагал, должно в условиях социального механизма занимать высокое положение. Что же касается промышленности, то она должна играть побочную роль и является «дополнением» к земледелию. Вместе с тем Фурье подчеркивает, что промышленности отнюдь не будет придаваться мало значения в новом хозяйственном режиме, ибо «каждая фаланга будет промышленной». Между промышленностью и земледелием должно быть «взаимосоответствие, которое привело бы эти два разряда трудовой деятельности к содействию одного успеху другого».

Фурье пытается установить и количественные соотношения между частями совокупного общественного труда, отводимым в ас-

социации промышленности и земледелию. Промышленности должна быть посвящена четверть времени, затрачиваемого социетарным человеком на свою трудовую деятельность. Остальное время предназначается на обслуживание животных, растений, трудовых армий и т. д. Нарушение этой пропорции привело бы к расстройству всего механизма «трудового притяжения».

На воззрения Фурье о роли и месте земледелия в народном хозяйстве гармонического общества большое влияние оказали физиократы, в частности Кенэ. Что касается ошибочных высказываний Фурье о соотношении между промышленностью и сельским хозяйством в будущем социетарном механизме, то они своими корнями входили в экономику Франции периода Реставрации.

По мысли Фурье, ассоциация — это царство привлекательного труда. Члены ассоциации «будут вовлечены в трудовую деятельность соревнованием, самолюбием и иными движущими силами». Вместе с тем Фурье подчеркивает, что эти новые движущие силы совместимы с «движущей силой выгоды».

Принципу соревнования и стремления к взаимопомощи в труде в сочетании с материальной заинтересованностью Фурье придавал большое значение в своей характеристике привлекательного труда в сериях социетарного режима. Фурье полагал, что животворный дух соревнования охватит весь кантон, состоящий приблизительно из 144 серий в сферах земледельческого и промышленного производства, в различных областях науки и искусства. Все серии будут друг друга вовлекать в «дело творения чудес труда и науки, не будучи побуждаемы соблазном паживы». Согласованный и целеустремленный труд всех серий кантона приведет к тому, что продукты их труда достигнут «совершенства, какого следует ожидать от людей, работающих по страсти под влиянием духа товарищества, собственного достоинства, но отнюдь не движимых силой необходимости и стремлением к наживе».

Соревнование среди членов ассоциации ставит своей целью добиваться общего подъема производства. Каждая подгруппа в серии, увлеченная определенным родом трудовой деятельности, развивает «искусность, способность разума, которую приносят во всякую предпочитаемую привлекательную деятельность». Отсюда следует, что каждая из подгрупп полагается на остальных в отношении «заботы о поднятии всех других отраслей до степени совершенства».

Подчеркивая ведущую роль таких побудительных мотивов трудовой деятельности, как дух соревнования, стремление к новаторству, творчеству, Фурье отнюдь не игнорирует такой фактор стимулирования процесса труда в гармоническом общественном строе, как материальная заинтересованность. «...Социетарный порядок, — утверждает Фурье, — сумеет сочетать две приманки — корыстолюбие и славу».

Фурье указывает на «изумляющее последствие», которое вытекает из сочетания двух принципов в условиях социетарного ме-

ханизма: страсти к соревнованию, к творчеству, к разнообразию и материальной заинтересованности. Фурье писал: «...Серия, сильнее всего возбуждаемая интригами, та серия, что пошла бы на наибольшие денежные жертвы ради удовлетворения своего самолюбия, будет серией, которая придает больше всего совершенства и ценности продукту и, следовательно, будет иметь наибольший доход, забывая о материальном интересе, чтобы думать только о страсти». Общий вывод Фурье сводится к тому, что «чем меньше занимаются вопросом о наживе, тем больше зарабатывают».

Крупнейшей заслугой Фурье является его предвидение о роли соревнования в условиях гармонического строя. Фурье тонко и глубоко подчеркивает идею о связи соревнования в будущем обществе с товарищеским сотрудничеством и взаимопомощью работников. Чрезвычайно ценной является проводимая им мысль о том, что соревнующиеся члены ассоциации стремятся путем оказания товарищеской помощи подтянуть отстающих до уровня передовых, стремятся к непрерывному и неуклонному росту производительности труда. Гениальными являются высказывания Фурье о сочетании соревнования с материальной заинтересованностью. Фурье, конечно, ошибался, когда страсть к соревнованию рассматривал как первоначально данное свойство человеческой природы. Однако высказывания Фурье о роли соревнования в условиях общества будущего представляют большой теоретический интерес.

В своей трактовке вопроса об управлении в условиях общественного строя ассоциации Фурье исходил из предпосылки, что на данной стадии общественного развития «общее благо» совпадает с «индивидуальными страстями», что в грядущем социетарном механизме будут гармонически сочетаться личные и общественные интересы. Поэтому управление будет ограничиваться «объявлением» гражданам о разного рода согласованных мероприятиях о налогах, о натуральных повинностях и т. д. Вместе с тем управление будет представлять собой квалифицированное руководство трудовой деятельностью участников серий в ассоциации. По мысли Фурье, «главы серий, побуждаемые соперничеством к изучению дела, вносят в работу знания первоклассного ученого».

Высшим хозяйственным советом фаланги является ареопак, который образуется из высоких должностных лиц каждой серии. Ареопак высказывается по поводу важнейших хозяйственных мероприятий, он выступает в роли «советника по страсти». Так как ареопак воплощает в себе «могущество общественного мнения», то к рекомендациям ареопага, хотя они отнюдь не являются обязательными, участники серий относятся с большим вниманием. Ареопак не оказывает никакого влияния на распределение доходов ассоциации по труду, капиталу и таланту. Текущими делами

фаланги руководит правление — доверенный представитель ареопага.

Совместный труд членов ассоциации, в понимании Фурье, поддерживается дисциплиной труда, которая носит товарищеский, сознательный характер. Фурье дал яркую, глубокую характеристику принципиальных особенностей социалистической дисциплины труда. По мнению Фурье, «при строе гармонии человек никогда не может получать приказания иначе, как в силу добровольной, коллективной и страстно одобренной всеми дисциплины; в таком случае нет ничего произвольного в отданном приказе, ничего оскорбительного в повиновении».

Фурье был убежден, что благоприятные условия труда в гармоническом строе обеспечат неуклонный рост производительности труда. Оценивая социетарную продукцию как учетверенную в сравнении с режимом цивилизации, Фурье считал этот средний предел ниже действительного. При этом Фурье исходил из качественного различия между привлекательным трудом общественного строя ассоциации и подневольным трудом в условиях цивилизации. Фурье подчеркивал также преимущества крупного производства в гармоническом строе, которое реализуется в экономии на живом и мертвом труде. Фурье писал: «Крупное объединение будет применять в различных действиях лишь сотую часть исполнителей и машин, чем того требует скопление наших маленьких хозяйств».

Фурье ставит рост производительности труда в условиях гармонического строя в непосредственную зависимость от всего комплекса благоприятно сочетающихся факторов — субъективных, объективных и природных. Фурье утверждал, что рассматривать преимущества гармонического строя в области производительности труда, это значит сосредоточить внимание на самой важной особенности социетарного строя. Фурье, таким образом, видел в росте производительности труда решающее преимущество социализма перед капитализмом. Вместе с тем Фурье утверждал, что неимоверно растущие богатства социетарного строя будут носить обманчивый характер, если их не поддержит система распределения, гарантирующая «пропорциональное распределение и участие бедного класса в этом приращении дохода».

Фурье полагал, что будущее общество будет царством «сверхкающей справедливости, полной гармонии при разделе доходов и удовлетворительного вознаграждения каждого по трем его производственным данным — труду, капиталу и таланту». В условиях социетарного режима каждый человек будет кровно заинтересован в справедливом распределении, он будет в нем находить личную для себя материальную пользу. Справедливость в распределении при строе гармонии будет обеспечена тем, что каждый из ее членов — мужчина, женщина или ребенок, — занимаясь производственным трудом, науками, искусством, будет соучастником четырех десятков серий. Поэтому никто не будет стремиться

к тому, чтобы какое-либо из занятий считалось привилегированным. Справедливость в распределении отнюдь не означает уравнительность, она базируется на имущественном различии между членами фаланги.

Так, богатые пайщики будут получать 12—15% на свой капитал вместо 3—4% при общественном строе цивилизации. Корыстолюбивое стремление к увеличению доли, причитающейся владельцам капитала, будет уравниваться двумя побудителями. Первый побудитель — привязанность к многим членам фаланги, где в ряде серий капиталистам предстоит получить доли за свой труд и талант. Второй побудитель — заинтересованность в удовлетворении интересов, в процветании всей фаланги в целом, в развитии «трудового притяжения» — источника неуклонного возрастания богатства. Что же касается бедного класса, то, по мнению Фурье, он никак не может притязать на прибыль, получаемую от вложений на капитал. Кроме того, бедняки хорошо понимают роль капиталистов в фаланге и значение их расходов для материального благосостояния бедного класса. Поэтому сильнейший побудитель бедняков — «благоприятствовать труду». Вместе с тем у бедняков имеются притязания на долю, причитающуюся на талант. При строе гармонии, как отмечает Фурье, у бедняков имеется множество возможностей разбогатеть. Все эти обстоятельства, по его мнению, заставляют бедняка относиться бережно к капиталу и таланту и довольствоваться долей в $\frac{5}{12}$ совокупной продукции.

Анализируя вопрос о распределении по труду, Фурье исходил из предпосылки о необходимости классифицировать серии по степени их важности и права на соответствующий дивиденд. Каждая серия является участником совокупного труда фаланги, а не арендатором у нее, поэтому дивиденд, достоящийся определенной серии, определяется не доходом от ее отдельного, особого труда, а доходом, определяемым трудом всех серий. Серии распределяются по разрядам, исходя из необходимости, полезности и приятности тех или иных занятий. Фурье устанавливает ряд правил, определяющих долю серий в совокупном продукте фаланги: так, перворазрядными будут считаться отталкивающие утомительные работы, чем больше какая-либо работа возбуждает «притяжение», тем меньшую она имеет денежную ценность. Справедливое распределение, неустанно повторял Фурье, не должно быть уравнительным. Фурье считал, что при строе гармонии «всякое уравнительство — политическая отрава».

Фурье, таким образом, в своем анализе проблемы распределения в гармоническом обществе исходил из признания невозможности в данных условиях уравнительного распределения. Однако Фурье считал, что справедливое распределение в будущем обществе предполагает не только распределение по труду, но и по капиталу. Таким образом, Фурье пытается сочетать два противоположных принципа распределения — социалистический и капитали-

стический, полагая, что это и есть отрицание уравнительности. Следовательно, отрицание уравнительности у Фурье означало, по существу, сохранение классового неравенства в распределении. Фурье, таким образом, не понимал коренного различия в распределении производимых ценностей при капитализме и социализме. Благосостояние трудящихся в условиях ассоциации Фурье связывал с осуществлением их права на труд. В качестве одного из признаков капитализма как несправедливого общественного строя Фурье считал отсутствие обеспечения права на труд. Фурье писал о бессилии «общественных договоров доставить бедняку достойные и соответствующие его воспитанию средства к существованию, гарантировать ему первое из естественных прав — право на труд».

Фурье вкладывал в свое понимание права на труд специфическое содержание. Он связывал осуществление права на труд в условиях гармонического строя с обеспечением каждого человека гарантированным жизненным минимумом и средним достатком, упорядоченным по ступеням. Он полагал, что общественный строй, базирующийся на «трудовом притяжении», гарантирует каждому человеку право на труд в соответствии с его классовым положением.

Таким образом, право на труд, в понимании Фурье, уживается с господством капитала над наемным трудом, с монополией капиталистов на средства производства, с отношениями эксплуатации, с классовым неравенством. К. Маркс указывал, что право на труд, выдвигавшееся в качестве утопического лозунга, это — «первая неуклюжая формула, в которой резюмируются революционные требования пролетариата». К. Маркс дал следующее классическое определение понятия «право на труд»: «Право на труд в буржуазном смысле есть бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание, но за правом на труд кроется власть над капиталом, а за властью над капиталом — присвоение средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения»¹.

Высказывания Фурье по вопросу о «праве на труд» находились в тесной связи с его общими воззрениями на принципы организации общественного труда и распределения общественного продукта при режиме социетарного производства. Фурье не понимал, что подлинное осуществление права на труд предполагает плановую организацию народного хозяйства, ликвидацию эксплуатации человека человеком.

Следует отметить склонность Фурье к наивным воззрениям на труд как на забаву, простое удовольствие. Фурье писал: «Производственный труд становится развлечением, коль скоро участники его сформированы в прогрессивные серии». Вместе с тем Фурье не отрывал наслаждения членов ассоциации от производственного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 40.

процесса. Фурье утверждал, что при «строе гармонии бережное использование удовольствий — расчет высокой социальной политики, занятие главных властей». Фурье принадлежит следующий афоризм: «Обеспечить отдых — это значит ускорить производство».

К. Маркс критиковал Фурье за его наивное толкование труда как простой забавы, простого удовольствия, за склонность смешивать труд со спортом, с игрой. Творческий труд при социализме, по мысли К. Маркса, «дьявольски серьезное дело», глубоко содержательный труд, предполагающий борьбу, преодоление трудностей. Труд при социализме, по Марксу, знаменует собой превращение труда из жертвы «покоем, свободой и счастьем» в источник подлинного наслаждения свободных от ярма наемного рабства и пут эксплуатации ассоциированных производителей.

Фурье неоднократно подчеркивал опасность революционных потрясений, которыми чревата эпоха цивилизации. Фурье писал, что «строй цивилизации клонится к упадку под действием бродил революции и феодальных монополий, которые он таит в себе». Фурье был преисполнен тревоги, боязни возможности революционных взрывов, истоки которых, по его мнению, таятся в событиях французской революции. Фурье утверждал, что «успех французской революции побуждает к новым революциям», что «война бедного против богатого имела успех в ... полной мере», что «интриганы всех стран только и стремятся к тому, чтобы возобновить ее». Нынешнее затишье, предвещал Фурье, — это революционный антракт; это — мгновенный отдых Везувия. Фурье уверял, что созданная им теория избавит человечество от революционных катастроф и обеспечит безболезненный, мирный переход к гармоническому общественному строю.

Фурье утверждал, что весь род людской будет скоро «освобожден и выручен». Человечество примкнет к «увлекательному производству», как только на опыте одного кантона оно познает «чудеса богатства удовольствий и добродетелей, какие от него пожинают». Как только опытом будет установлено, что механизм, именуемый фалангой серий, по страсти создает «трудовое притяжение», все это вызовет «подражание столь же быстрое, как молния». Фурье полагал, что если даже допустить возможность длительных затяжек, то потребуются около двух лет для организации каждого социетарного кантона и около шести лет для завершения реорганизации всего земного шара.

Ф. Энгельс дал высокую оценку учения Фурье об ассоциации. Так, Ф. Энгельс подчеркивал, что Фурье устанавливает «тождество труда и наслаждения», что он показывает «всю безрассудность современной социальной системы, отрывающей их друг от друга, делающей труд тягостным, а радость — недоступной для большинства трудящихся». Фурье, по мнению Ф. Энгельса, показывает, что при «разумных порядках, когда каждый будет следовать своим собственным склонностям, труд может стать тем, чем

он должен быть, — наслаждением». В качестве другой заслуги Фурье Ф. Энгельс считал то, что он «показал преимущества, более того, необходимость ассоциации».

Наряду с положительными сторонами учения Фурье об ассоциации Ф. Энгельс отметил и его существенные недостатки. Ф. Энгельс писал: «...В фурьеризме есть одна, и притом очень важная, непоследовательность: он не отменяет частной собственности... Таким образом, после всех прекрасных теорий об ассоциации и свободном труде, после пространных, полных негодования тирад против торговли, своекорыстия, конкуренции, мы на деле имеем старую систему конкуренции на улучшенных началах, бастилию для бедных на более либеральных основах!»¹. При всех недостатках теории ассоциации у Фурье Ф. Энгельс отмечал присущее ему «...научное изыскание, трезвое, свободное от предрассудков, систематическое мышление...»². Ф. Энгельс видел в учении Фурье наличие «социальной философии».

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Р. ОУЭНА

Оуэн, Роберт (1771—1858) — великий английский социалист-утопист. Родился в мелкобуржуазной семье. Фабрикант-филантроп. Активный участник кооперативного и профессионального движения.

В своих общетеоретических воззрениях Оуэн уделял большое внимание учению о человеческом характере. Ф. Энгельс писал, что Оуэн усвоил «учение просветителей-материалистов о том, что человеческий характер является продуктом, с одной стороны, его природной организации, а с другой — условий, окружающих человека в течение всей жизни, и особенно в период его развития»³. Изменение человеческого характера Оуэн связывал с созданием обстоятельств, рассчитанных на возникновение у человека привычек к порядку, воздержанности, труду.

Оуэн — критик капитализма. Оуэн рассматривал капитализм как неразумный, невежественный строй, покоящийся на грабеже и насилии. Он отзывался о капитализме как о старой, негодной, жалкой системе, сеявшей «невежество, бедность, индивидуальное соперничество, распри и национальные войны». Эта неразумная общественная система была, по мнению Оуэна, установлена вопреки «законам человечества», наперекор «законам природы». Капитализм в сознании Оуэна выступает как неэкономный, нерасчетливый, базирующийся на конкуренции общественный строй. Капитализму, по мысли Оуэна, присущи социальные противоположности, имеющие всеобщий характер.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 529.

² Там же, стр. 528.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 272.

Капитализм — это система «всеобщего взаимного отталкивания различных классов, сект, партий, стран и рас...»¹ В этих высказываниях о капитализме, носивших общий характер, Оуэн разоблачал его антинародную сущность, его враждебность интересам трудящихся масс. Переходя к вопросу о коренном источнике, конечной причине всех бед и неурядиц буржуазного общества, Оуэн указывал на заблуждения человеческого мышления. Наряду с идеалистическим воззрением, заключающимся в том, что ошибочные суждения людей являются причиной всех неурядиц и несчастий капитализма, мы встречаем у Оуэна реалистическую трактовку этого вопроса — неоднократные ссылки на институт частной собственности. Оуэн склонен был трактовать частную собственность как продукт законодательства, права, как порождение внеэкономических факторов, как результат насилия, грубого, неприкрытого произвола. Частная собственность, утверждал Оуэн, возникает «вследствие людских законов».

Оуэн рассматривал частную собственность как «единственную причину бедности со всеми вызываемыми ею по всему свету бесчисленными преступлениями и горем». Частная собственность, по мысли Оуэна, — источник многочисленного вреда для всех классов: низшего, среднего и высшего. Борьба за «личное обогащение» вызывает «величайшие несообразности и растраты во всех частях общества». Частная собственность служила «причиной войн» во всех предшествующих эпохах и побуждала к «бесчисленным убийствам». Много внимания уделял Оуэн вопросу о пагубном воздействии частной собственности на психологию людей, на их духовный и моральный облик. Частная собственность, как утверждал Оуэн, «разрушает самые лучшие и благородные свойства человеческой природы», она заставляет человека «смотреть на своего ближнего как на врага».

Оуэн, конечно, ошибочно рассматривал возникновение института частной собственности как результат грабежа и насилия. Оуэн не понимал, что всякое политическое насилие обусловлено определенными экономическими предпосылками, исторически определенной общественно-экономической формацией. Оуэн ошибочно ставил институт частной собственности на очную ставку с «законами природы». Это, по существу, представляло собой апелляцию к морали и праву с их якобы непреходящими, внеисторическими принципами.

Обращение к морали и праву, высказывания, проникнутые лишь чувством сильного возмущения, негодования, отнюдь нельзя рассматривать как способ доказательства тех или иных теоретико-экономических положений. Ф. Энгельс писал: «...Как мало ... гнев может иметь значения в качестве *доказательства* для каждого данного случая, это ясно уже из того, что для гнева было

¹ Роберт Оуэн. Избранные сочинения, т. II. Изд-во АН СССР, стр. 121. (Здесь и далее в главе цитируются «Избранные сочинения», т. I, II. — *Ред.*)

достаточно материала в *каждую* эпоху всей предшествующей истории»¹. Заслугой Оуэна является то, что он видел в частной собственности институт исторически преходящий.

В тесной связи с критикой, осуждением и разоблачением Оуэном частной собственности находятся его высказывания о принципе личной заинтересованности. Оуэн считает, что на основе этого принципа возникли «все виды разделения человечества, бесчисленные ошибки и бедствия, создаваемые классами, сектами и партиями, национальная вражда, которая вызывает взаимное озлобление и дурные страсти, все преступления и бедствия, испытываемые человечеством». Высказывания Оуэна о принципе личной заинтересованности были составной частью его критики капитализма и его идеологов, представителей классической школы политической экономии А. Смита и Д. Рикардо.

Существенной частью критики капитализма у Оуэна является анализ промышленного переворота в Англии и его социально-экономических последствий. Промышленную революцию в Англии Оуэн рассматривал в единстве ее положительных и отрицательных сторон. Положительные последствия — «быстрый рост богатства, промышленности, населения и политического влияния Британской империи». Однако были и существенные отрицательные последствия, игнорировавшиеся политическими деятелями.

Огромные производительные силы, созданные наукой с помощью изобретений, открытий и усовершенствований, в условиях нерациональной капиталистической системы получают такое «неправильное приложение», что они производят «нищету и преступление вместо богатств и добродетелей». На основе анализа многообразных форм проявления промышленного переворота в Англии, на базе исследования конкретной экономической жизни страны Оуэн сделал ряд важных теоретико-экономических обобщений.

Оуэну принадлежит заслуга постановки вопроса о различии между машиной и капиталистическим ее применением. Он указывал, что «машины, которые могут быть величайшим благодеянием для человечества, являются при существующей системе ее величайшим проклятием». Оуэн полагал, что применение машин в условиях капитализма повышает производительную силу труда, однако с «видимой выгодой для отдельных людей, ухудшив в то же время условия жизни многих других». Оуэн связывал с применением машин процесс замещения труда и рабочих. Он утверждал, что ввиду большей дешевизны машин в сравнении с физическим трудом, ввиду того что применение машин стало рентабельным, «людей лишают работы, труд их быстро упал в цене». В связи с неуклонным ростом производительности труда будет продолжаться «падение рыночной цены человеческого труда», в той же пропорции будут «возрастать бедность, преступность и все бедствия». Характеризуя те социальные последствия, те

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 153.

«явления», которыми сопровождается применение машин в условиях буржуазного общества, Оуэн поставил вопрос о тенденции капиталистического применения машин к превращению всего времени рабочего и его семьи в рабочее время.

Одной из заслуг Оуэна является то, что он видел в машинах источник «излишнего населения». Оуэн подчеркивал в качестве закономерности, присущей не только Англии, но и всем странам, что «очень большая часть людей пребывает в праздности против собственной воли и их приходится поддерживать, чтобы они не голодали и чтобы помочь им содержать самих себя». Таким образом, Оуэн видел в безработице вынужденную праздность части рабочего класса, оборотной стороной которой является чрезмерный труд другой его части.

Из своего анализа социальных последствий промышленного переворота Оуэн сделал обобщающий вывод большого теоретического значения, что с развитием капитализма рост богатства на одном полюсе сопровождается прогрессирующей нищетой на другом. По мнению Оуэна, «бедность, унижение и нужда масс возрастают, в то время как национальное богатство и мощь народа увеличиваются». В тесной зависимости от утверждений Оуэна об обостряющемся в условиях капитализма обнищании трудящихся масс является постановка вопроса об одном из глубочайших противоречий капитализма — противоречии между производством и потреблением.

Оуэн подчеркивал, что в Англии и в других странах налицо тенденция к «громадному увеличению объема годовой продукции без соответствующего увеличения потребительной способности», что в ряде стран «производство перегнало потребление». Несоответствие между производством и потреблением Оуэн объяснял недостаточной емкостью рынков, вытекающей из низкой покупательной способности рабочих, из недостаточного их платежеспособного спроса. Рассматривая капиталистический общественный строй как систему наемного рабства, Оуэн подчеркивал, что трудящиеся являются «рабами искусственной системы заработной платы, более жестокой в своих следствиях, чем любое рабство в любом человеческом обществе, как варварском, так и цивилизованном».

Существенным элементом критики капитализма у Оуэна являются его высказывания по вопросу денег. По мнению Оуэна, деньги стали применяться у большинства народов вследствие их «изобретения», деньги были «искусственно созданы». На первых порах, в течение нескольких веков, деньги «представляли много удобств». «Искусственные деньги» были полезны до той поры, пока «блага были скудны и средства для их годового воспроизводства трудно доступны».

Однако впоследствии деньги стали источником зла, которое далеко превосходило приносимую ими пользу. Оуэн указывает, что деньги являются орудием «грубейшей несправедливости» и средством «угнетения человека». Они используются богатыми

людьми для того, чтобы извлекать «самые ценные блага у тех, кто производит их в тяжком труде». Деньги, утверждал Оуэн, «весьма вредны для трудящихся классов всех стран». Обособляя интересы отдельного человека, деньги представляют собой «искусственный способ для увековечения невежества, бедности и розни среди людей». По вопросу о стоимости денег Оуэн пишет, что «деньги имеют очень малую и вообще никакой внутренней ценности».

Оуэн считал, что вследствие введения золота и серебра в качестве мерила ценности «настоящая ценность всех вещей оказалась замененной ценностью искусственной». Это привело к существенной задержке общественного прогресса. Оуэн дал меткую характеристику власти денег, культа денег в буржуазном обществе как фетиша, как кумира, которому все поклоняется. Вместе с тем он не понимал природы денег, их сущности как экономической категории. В духе буржуазной политической экономии Оуэн видел в деньгах вещь, техническое средство, облегчающее меновой процесс. Оуэн рассматривал деньги как продукт либо изобретения, либо сознательного соглашения между людьми. Однако, в отличие от буржуазных экономистов, высказывания Оуэна о деньгах были составной частью его критики капитализма, которому он противопоставлял будущее общество как подлинно разумный и справедливый хозяйственный режим.

Подобно Сен-Симону и Фурье, Оуэн был противником революционных методов разрушения капиталистического общественного строя и насильственных путей перехода к новым, гармоническим, справедливым общественным порядкам. Он выражал уверенность в том, что неизбежная смена общественных форм произойдет «без насилия, кровопролития и вообще какой-либо несправедливости». Оуэн утверждал, что так как «власти владеют правительственной машиной», то они подготовлены к «проведению любого требующегося и желательного изменения, благотворного для всех сторон». Поэтому он призывал власть имущих к тому, чтобы они оказались «действенной силой в проведении и руководстве этим до сего времени пугавшим, но теперь уже неизбежным переходом от лжи к истине, означаящим революцию в сознании и навыках человечества».

Воззрения Оуэна на пути осуществления его идеала общественного устройства носят идеалистический, рационалистический характер. Они исходят из веры в возможность грядущего обновления человеческого общества, в возможность создать более прогрессивную общественную систему силами разума, методами мирной пропаганды, игнорирующими насилие, политическую, классовую борьбу. Оуэн ратовал за мирный путь строительства нового общества путем законодательных мероприятий, проведенных существовавшими правительствами. В этом сказалось его непонимание значения форм политического строя и трактовки власти как категории внеклассовой. Оуэну чуждо было понимание

подлинных путей освобождения народных масс от оков наемного рабства.

Оуэн о будущем обществе. Оуэн видел в будущем обществе разумную общественную систему, основанную на «неизменных законах человеческой природы» и согласно с ними. Цель этой разумной общественной системы — преобразовать человеческий характер и управлять населением земного шара в «духе единения и мира ради его постоянного совершенствования и счастья». При новом социальном порядке навсегда прекратятся соперничество, раздоры и войны..., это будет система «предотвращения зла», которая сделает излишними индивидуальные кары и поощрения. Грядущий общественный строй обеспечит возможность «производить... изобильные богатства для каждого человека».

В будущем обществе, как обществе рационально устроенном, исчезнет, по мысли Оуэна, частная собственность, в которой не будет никакой необходимости. Будущий социальный порядок будет базироваться на общественной собственности. А это является залогом того, что он окажется научно обоснованным экономным способом производства, в котором создающиеся в избытке богатства будут сохраняться и распределяться с выгодой для всех. Оуэн писал: «...Экономия времени, труда и капитала в условиях общественной собственности по сравнению с частной превзойдет все, что человеческий разум может себе представить».

Будущее общество будет, по мысли Оуэна, царством подлинного равенства. Всем членам общества будет обеспечено «одинаковое воспитание, занятия и положение в течение всей жизни, сообразно возрасту и способностям». Будущее общество будет, по мысли Оуэна, режимом подлинной демократии. Оуэн утверждал, что только при «господстве полной отеческой демократии людям могут быть даны и за ними обеспечены взаимное благожелательство, всяческое великолепие, прогресс и радостное счастье».

В своей общей характеристике особенностей будущего общества Оуэн исходил из рационалистически понимаемых им свойств человеческой природы, из своего учения о человеческом характере. Свои прогнозы о ликвидации института частной собственности, вместо анализа объективных законов общественного развития, Оуэн базировал на внепространственных, вневременных, внеисторических постулатах морали. Однако заслугой Оуэна является то, что он, как и Сен-Симон, выдвинул вопрос о той возвышенной, благородной цели, которую ставит перед собой будущее общество: удовлетворение разносторонних, многообразных человеческих потребностей, физических и духовных, и о средствах для достижения этой цели.

Заслугой Оуэна является также и то, что он, в отличие от Сен-Симона и Фурье, в качестве основы хозяйственного режима, который придет на смену капитализму, выдвинул общественную собственность. Конечно, Оуэн не возвысился до идеи, что собствен-

ность — это общественное отношение между людьми в процессе производства и присвоения результатов труда. Однако своим противопоставлением общественной собственности частной собственности, которая неотделима от индивидуального ведения промышленности и от конкуренции, которая представляет собою не простое отношение, а всю совокупность буржуазных классовых отношений, Оуэн отметил величайшее преимущество социалистического строя перед капиталистическим.

Ячейку новой организации человеческого общества, по мысли Оуэна, составит община — научно обоснованное объединение мужчин, женщин и детей, численностью от четырехсот или пятисот до двух тысяч человек. Эти общины будут организованы как объединенная общими интересами единая семья, принципиально отличная от индивидуальной организации семейства с наличием частной собственности. Оуэн пишет, что в результате обработки обширных земельных массивов положение члена общины будет более выгодным и благоприятным, чем богатого земельного собственника в условиях капиталистической индивидуалистической системы. Труд людей в общинах будет носить «естественный» характер, он будет «правильно направляться». Это будет труд на себя людей, объединенных «взаимными общими интересами». Оуэн противопоставляет принципу «индивидуальной заинтересованности» сочетание и объединение частных интересов, принцип «единства и взаимного содействия».

В приведенных высказываниях Оуэна следует отметить его постановку вопроса о коренном изменении характера труда при социализме. Оуэн обратил внимание на то, что новый хозяйственный режим породит новые общественные, моральные стимулы к труду, которые старому капиталистическому миру были неведомы. Оуэн всячески подчеркивает высокую производительность труда членов общины. «При совместной работе, производимой в общих интересах..., люди работают с умеренным напряжением, но производительно; работу можно регулировать и за ней легко наблюдать». В общинах будут наивыгоднейшим образом использованы общественные производительные силы, в них найдут широкое применение последние достижения науки и техники. Оуэн подчеркивает, что в мастерских и предприятиях будут «введены все усовершенствования, предоставляемые наукой».

Изобилие материальных благ, которым будет распоряжаться общество, его насыщенность материальными ценностями, обусловленная техническим прогрессом, новой организацией труда, подлинно гуманными социальными отношениями между людьми, приведет, по мнению Оуэна, к резкому сокращению рабочего дня. Оуэн писал: «Благодаря изобретениям и открытиям, сделанным в последнее столетие, общество, организованное на научных основаниях и управляемое с помощью простых, здравых принципов равенства и справедливости, может быть насыщено благами

самого высшего качества при работе, сводящейся к полезным и приятным занятиям, продолжающимся менее четырех часов».

Оуэн с воодушевлением отзывался о вдохновенном, преисполненном творческого энтузиазма труде нового рабочего, который будет порожден новым общественным строем. Оуэн писал, что «возникнет рабочий класс, преисполненный активности и полезных знаний, с навыками, сведениями, манерами и склонностями, которые поставят самого низкостоящего на много ступеней выше лучших представителей любого класса, созданного условиями прежнего или теперешнего общества». Замечательный прогноз Оуэна о повышении культурно-технического уровня рабочих, о все большем соединении физического труда с умственным в наши дни реализуется в Советском Союзе и в зарубежных странах социализма.

Проект Оуэна «рабочих денег». Одной из мер, которую Оуэн предлагал, чтобы реорганизовать современное общество на новых началах, является изменение мерила ценности. Исходя из высказываний представителей классической школы политической экономии, Оуэн утверждал, что физический труд, правильно направленный, является источником всеобщего богатства и народного благосостояния. Логическим следствием, по мысли Оуэна, из этого положения является взгляд на труд как на внутреннее мерило ценности.

Оуэн считал, что можно установить ценность производительной силы человеческого труда в каждом отдельном предмете и «соответственно определить меновую ценность каждого предмета для обмена его на другие». Причем установленные величины будут стабильными на заранее данный определенный период. По мнению Оуэна, это приведет к тому, что «человеческий труд восстановит свою естественную или настоящую ценность, которая будет возрастать по мере развития наук».

Изменение мерила ценности, по мысли Оуэна, приведет к тому, что «спрос на человеческий труд не будет больше зависеть от случайностей», что жизненные средства перестанут «быть предметом купли-продажи с постоянным изменением их цены» и трудящиеся массы не будут больше «рабами искусственной системы заработной платы, более жестокой в своих следствиях, чем любое рабство в любом человеческом обществе, как варварском, так и в цивилизованном».

Изменение мерила ценности создает выгодные внутренние рынки, необходимые для удовлетворения всех человеческих потребностей. Новое мерило ценности устранит возможность недостатка в рынках сбыта, обеспечит возможность широкого и выгодного обмена между отдельными народами, без нарушения их национальных интересов путем ликвидации правительствами имеющихся вредных ограничений в торговле, уничтожит в обществе бедность и невежество, предоставив трудящимся «время и средство для должного обучения». Оно создаст возможности для по-

степенного улучшения условий существования всех составных групп человечества, станет источником существенного усовершенствования человеческой природы и повышения благосостояния всех людей. Оуэн был убежден, что обмен одних предметов на другие в соответствии с «их издержками производства» или с количеством заключающегося в них труда, которое можно точно установить, обеспечит землевладельцу и капиталисту такие же выгоды, как и рабочему, потому что труд является основой всех ценностей.

Оуэн, таким образом, видел в изменении мерила ценности чудодейственное средство реорганизации капиталистического строя на новых справедливых и рациональных началах в интересах благоденствия всех образующих его общественных классов.

В своей теории «рабочих денег» Роберт Оуэн исходил из теории стоимости Давида Рикардо и давал ей утопическое истолкование. Из положения Рикардо, что стоимость товара определяется единственно и исключительно количеством труда, необходимого для его производства, Оуэн приходил к выводу, что при введении «естественного» мерила ценности, т. е. при наличии обмена товаров по их стоимости, открывается перспектива переустройства капиталистического общества на коммунистических началах.

Оуэн, как и другие представители «рабочих денег», исходил из ошибочной предпосылки, что каждый товар есть непосредственно деньги, что содержащийся в товаре частный труд есть непосредственно общественный труд. Таким образом, утопия рабочих денег исходила из благого пожелания планомерно организовать обмен товаров, уничтожив вместе с тем деньги и вообще буржуазную форму производства.

Утопия «рабочих денег» Оуэна потерпела крушение и на практике в результате оказавшихся несостоятельными «базаров справедливого обмена», учрежденных в 1832 г. в Лондоне Оуэном и его последователями. Вместе с тем следует подчеркнуть, что Оуэн, в отличие от других представителей утопии «рабочих денег», требовал коренного преобразования способа производства. Он выдвинул, как вы видели, широкую программу переустройства общества на новых социалистических началах, путем замены частной собственности на средства производства общественной собственностью.

Ф. Энгельс указывал, что «трудовые марки» Оуэна представляют собой «...лишь переходную форму к полной общности общественных ресурсов и свободному пользованию ими и, самое большее, преследуют еще побочную цель — сделать коммунизм более приемлемым для британской публики»¹. Социально-экономические

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 317.

воззрения Роберта Оуэна оказали большое влияние на экономические воззрения представителей раннего английского утопического социализма — Вильяма Томпсона, Джона Грея и Джона Френсиса Брея.

СОЦИАЛИСТЫ-РИКАРДИАНЦЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ УИЛЬЯМА ТОМПСОНА

Томпсон, Уильям (ок. 1785—1833), ирландский экономист, богатый землевладелец, социалист-утопист, последователь Роберта Оуэна, делал социалистические выводы из теории Рикардо. В своих философских воззрениях Томпсон придает большое значение утилитаристическому принципу пользы. Он полагает, что с господством этого принципа в общественной жизни водворится естественный порядок, соответствующий природе человека. Задача общества заключается в том, чтобы обеспечить наибольшую сумму счастья наибольшему количеству людей, входящих в данный общественный союз.

Подобно Оуэну, Томпсон — рационалист. Будучи сторонником концепции о том, что мнение правит миром, Томпсон верит в силу разума, который, взамен существующего строя, раздираемого своими внутренними противоречиями, может организовать новый, подлинно прогрессивный общественный строй.

В тесной связи с воззрениями Томпсона, в духе моральной арифметики Бентама находятся его высказывания о предмете политической экономии. Томпсон подвергает критике экономистов за то, что они предмет политической экономии сводили исключительно к проблеме возрастания накопленного богатства при игнорировании такого жгучего для человеческого счастья вопроса, как его правильное, справедливое распределение. Политическая экономия должна быть построена на принципе «пользы». Наиболее существенной социальной проблемой Томпсон, подобно Оуэну, считает правильное распределение богатства.

Томпсон критикует экономические системы за их стремление увековечить наличный способ распределения, за их игнорирование такой важной проблемы, как постоянно возобновляющаяся нищета, за их равнодушие к благосостоянию всего человеческого рода. Томпсон, конечно, прав в своем разоблачении буржуазных экономистов за их пресмыкательство перед капиталистическим общественным строем с присущим ему узким базисом потребления трудящихся масс. Но как социалист-утопист, Томпсон на первый план выдвигает проблему распределения, он видит в политической экономии науку не о сущем, а о должном, науку нормативную, которая должна обосновать его утопические идеалы о переустройстве современного ему общества. В социально-экономи-

ческих воззрениях Томпсона большое место отводится критике капитализма. Томпсон рассматривает капиталистическое общество как искусственную систему, в которой нарушаются требования человеческой природы. Капиталистический общественный строй проникнут неприязнью, недоброжелательством по отношению к трудящимся.

Томпсон ярко и убедительно проводит идею о противоположности интересов рабочих и капиталистов. Он рассматривает капитализм как общественный строй, в котором одна группа людей выступает в качестве монопольного владельца «производительных сил», а удел другой группы людей — приведение этих «производительных сил» в действие. Поэтому капиталисты господствуют над трудом рабочих и подчиняют его в угоду своих интересов.

Источником богатства Томпсон считал человеческий труд. Он утверждал, что без труда нет богатства. Если подлинными создателями всякого богатства — производительные работники — находятся в состоянии необеспеченности и угнетения, то капиталисты и землевладельцы присвоили, захватили в свои руки накопленные продукты. В условиях капиталистического общества рабочие вынуждены под воздействием несправедливости, неправды, лжи, обмана и насилия работать за незначительную часть продукта своего труда. Томпсон утверждал, что значительная часть «накопленного богатства» носит номинальный характер и состоит не из действительных вещей, а их юридических титулов, из притязаний на будущие годовые «производительные силы» общества.

Томпсон проводит различие между богатством, потребляемым ежегодно, которое исчезает вместе с его потреблением, которое производит впечатление, только пока им наслаждаются или пока его потребляют, и частью богатства, потребляемой лишь медленно, которая стоит перед глазами как прочный памятник человеческих усилий. Собственники этой устойчивой, прочной части общественного богатства — земли, сырых материалов, орудий, домов — в своих «...личных выгодах овладевают годичными производительными силами всех действительно производительных работников общества, как бы ни были незначительны эти предметы по сравнению с постоянно возобновляемыми продуктами этого труда».

Томпсон полагает, что «накопленный капитал» даже самой богатой страны относится к ее «производительной силе», как три года относятся к продолжительности жизни одного здорового поколения — приблизительно к 40 годам. Эта картина характерна для производства при «...несовершенном порядке, при общей необеспеченности, лишаящей бодрости духа!..». Томпсон признает, что в условиях разоблачаемого им капиталистического общественного строя, при «...громадном объеме годового производства и потребления общество едва ли может обойтись без горстки действительного накопления». Однако «немногие» захватили в свои руки эту «горстку» и превратили ее в «орудие присвоения продуктов

труда, постоянно из года в год возобновляемых подавляющей массой людей».

Томпсон заявляет, что «действительное накопление имеет совершенно второстепенное значение, да и это значение оно получает почти исключительно вследствие своего влияния на распределение годового продукта...»¹. Поэтому Томпсон полагал, что преимущественное внимание законодателей и экономистов должно быть направлено не на «накопленное богатство», а на «производительные силы», на их будущее свободное развитие. В своих рассуждениях о «накопленном капитале» Томпсон выступает в роли оригинального критика капиталистического производства. Вулгарные экономисты склонны были видеть в капитале, в накопленном труде регулятор производства, источник богатства и цель производства. Что же касается труда, то они его отождествляли с наемным трудом, а представитель его, носитель его — наемный рабочий — представлялся их сознанию, ограниченному буржуазным горизонтом, в качестве простого инструмента производства, обреченного в силу необходимости на то, чтобы получать минимум заработной платы, выступать в качестве паупера, одной из рубрик издержек производства.

Для того чтобы оправдать капитализм технологически, они приписывали прошлому труду, в противовес живому труду, исключительную важность и значение. Отсюда они делали любезные их сердцу и их хозяевам — капиталистам — выводы о капитализме как о всеобщей, вечной, истинной форме производства, коренящейся в природе вещей. В своей полемике против буржуазных экономистов Томпсон, в соответствии с той традицией, которую у них находит, разделяет их ошибочное, ограниченное воззрение, что капитал — это накопленный труд, что это не отношение, а вещь, вещное условие, вещный элемент труда. Однако, будучи критиком капитализма, Томпсон ставит своей целью развенчать теорию буржуазных экономистов о примате прошлого труда, мертвого труда над текущим трудом, живым трудом. Отсюда его рассуждения о «накопленном капитале». Правда, Томпсон впадает в другую крайность. Ему присуща известная недооценка прошлого труда как фактора производственного процесса.

Вместе с тем заслугой Томпсона является подчеркивание им значения монополии на прошлый труд как источника команды капиталиста над трудом рабочих. По существу, Томпсон стремился к тому, чтобы капитал перешел в руки трудящихся, однако, при наличии класса капиталистов.

В свете своих воззрений о «накопленном капитале» Томпсон ставит вопрос о том, какую относительную часть своего продукта рабочие обязаны, «должны по праву» уступить капиталистам за пользование субсидированным ими капиталом, под которым Томпсон понимал ту часть продуктов, которая превращается в орудие

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 364.

получения прибыли. Отвечая на этот вопрос, Томпсон подчеркивал, что масштабы рабочего и капиталиста, их требования диаметрально противоположны. Масштаб рабочего сводится к тому, что капиталисту должна быть выплачена сумма, которая возмещала бы «изнашиваемость капитала, его стоимость, если он полностью потреблен». Кроме того, в эту сумму должно входить «добавочное вознаграждение» собственника капитала и управляющего, которое обеспечило бы им «такие же жизненные удобства, какими пользуются действительно занятые ... производительным трудом рабочие». Таково, по мнению Томпсона, требование рабочего.

Анализируя масштаб капиталистов, Томпсон указывает, что капиталисты исходят из той предпосылки, что без капитала, без машин, без сырья и т. д. «труд сам по себе ничего бы не произвел»; что тому, кто «построил здания или машины, или приобрел их путем добровольного обмена, тому должна принадлежать вся прибавочная стоимость произведенных товаров как вознаграждение». Таким образом, по мысли Томпсона, масштабом капиталиста была бы та «дополнительная стоимость, которую производит то же количество труда благодаря использованию машин или другого капитала».

Томпсон вкладывает в сознание капиталиста иллюзорное представление о том, что «вся эта прибавочная стоимость была бы получена капиталистом в силу его умственного превосходства и ловкости, при помощи которых он накопил свой капитал и предоставил его рабочим или передал им его в пользование». Таково, по мнению Томпсона, требование капиталиста.

Анализируя высказывания Томпсона о притязаниях капиталиста, Ф. Энгельс пишет, что капиталист Томпсона находится, по существу, во власти повседневных иллюзорных представлений фабриканта, будто рабочий, производящий при помощи машин, создает большую стоимость, чем ремесленник, работавший вручную до изобретения машин. Источник этой иллюзии — та чрезвычайная прибавочная стоимость, которую присваивает капиталист, монопольный собственник новоизобретенной машины. При всеобщем распространении новой машины капиталисту приходится распрощаться с добавочной, избыточной прибавочной стоимостью. «...Но тогда капиталист видит, что в той же мере, в какой продукт машинного производства начинает определять рыночную цену, и эта цена все более и более снижается до уровня его действительной стоимости, в той же мере падает также и цена продукта ручного труда, опускаясь ниже его первоначальной стоимости, и что таким образом машинный труд и теперь еще производит известную «прибавочную стоимость» в сравнении с ручным трудом»¹.

Таким образом, самообман капиталиста, которого изображал Томпсон, заключается в том, что он источник «прибавочной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 509—510.

стоимости» видел в самой машине. Что же касается Томпсона, то он был далек от иллюзорных, фетишистских представлений агентов капиталистического производства об источнике «прибавочной стоимости».

Томпсон писал: «Сырье, здания, заработная плата — все эти вещи ничего не могут прибавить к своей стоимости: дополнительная стоимость возникает только благодаря труду».

Австрийский буржуазный ученый Антон Менгер для обоснования своих клеветнических утверждений о том, что Маркс свою социалистическую теорию позаимствовал у старых английских и французских теоретиков, ссылаясь, между прочим, на наличие у Томпсона термина «прибавочная стоимость». Разоблачая фальсификаторские приемы Антона Менгера, Ф. Энгельс убедительно разъяснил, что надо различать «прибавочную стоимость» в понимании томпсонского капиталиста, «прибавочную стоимость», или «дополнительную стоимость», в трактовке самого Томпсона и «прибавочную стоимость» в экономическом учении Маркса.

У томпсонского капиталиста речь идет о разнице между продуктами равного количества машинного и ручного труда. «Прибавочная стоимость», или «дополнительная стоимость», у Томпсона охватывает всю стоимость, прибавленную трудом к сырью, т. е. сумму стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости в марксовом смысле. Для того чтобы подчеркнуть, что со словом «прибавочная стоимость» связываются различные понятия, Ф. Энгельс указывает, что «...не только у Рикардо уже встречается термин *surplus produce...*, но что рядом с употребляемым Сисмонди *mieux-value* в повседневной деловой жизни Франции с незапамятных времен общепринято выражение *plus-value* для обозначения всякого увеличения стоимости, которое ничего не стоит владельцу товаров»¹.

Итак, у Томпсона мы встречаем термин «прибавочная стоимость», которая сводится им ко всей созданной стоимости. Томпсон видел в наличии прибавочной стоимости нарушение закона стоимости, поскольку она присваивается капиталистом, как монопольным владельцем средств производства, без соответствующего эквивалента. Между тем К. Маркс считал, что прибавочная стоимость, определяющая цель капиталистического производства, собственность капиталистов, возникает на основе эквивалентного обмена; что прибавочная стоимость, представляющая собой по своей субстанции материализацию неоплаченного рабочего времени, есть избыток стоимости продукта над стоимостью элементов его производства. По К. Марксу, законы прибавочной стоимости представляют собой необходимое следствие закона стоимости. Вскрывая мрачные стороны капитализма, его антинародный характер, Томпсон правильно подчеркивал, что в условиях этого общественного строя наука выступает как сила, враждебно направленная против рабочего, угне-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 512.

тающая его, вместо того чтобы способствовать росту производительной силы его труда.

Томпсон писал: «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно»¹. Томпсон приближался к пониманию того, что с развитием капитализма духовные потенции материального производства противопоставят рабочим как чужая господствующая над ними сила, что в рамках этого способа производства наука, как самостоятельная потенция производства, отделяется от труда и находится на службе капитала. Томпсон, таким образом, констатирует наличие в условиях буржуазного общества противоположности между умственным и физическим трудом.

Подчеркивая тяжелые условия, в которые поставлены представители физического труда при капитализме, Томпсон считал, что всякое изъятие у работника части продукта его труда ослабляет побуждение, охоту к производству, воспроизводству. При этом неважно, происходит ли лишение работника части его продукта скрытой силой или косвенным путем нужды, обрекающей на добровольное согласие под названием прибыли, или налогов, или кражи, или какого-нибудь другого вида потери. Томпсон писал: «Необходимость поддерживать голое существование вместо радостного стремления к увеличению счастья становится главным стимулом к труду, по мере того как производитель лишается возможности использовать свои произведения».

Томпсон утверждал, что производительный работник не понимает тех махинаций, посредством которых у него похищаются плоды его труда. Он склонен считать свой заработок как «самое большое, что он может получить в силу природы вещей». Томпсон писал: «...Если бы производительные работники были бы вооружены знанием и могли проследить те огромные суммы, которые, под названием прибылей, вычитываются из продуктов их труда, то они убедились бы в несправедливости этого порядка и постарались бы сами овладеть всеми предметами, называемыми капиталом, или возможностью распоряжаться этими предметами, необходимыми для производительности их труда».

Таким образом, в смене капиталистического хозяйственного режима более приемлемыми для «производительных работников» общественными порядками Томпсон, в духе утопического социализма, возлагает большие надежды на знания, на мнение, которое правит миром. Однако, в отличие от Оуэна, который отрицательно относился к политической борьбе, Томпсон связывал осуществление своего плана экономического преобразования общества с установ-

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 374.

лением всеобщего и равного избирательного права не только для мужчин, но и для женщин.

Будучи принципиальным противником насильственных методов борьбы за новый общественный строй, Томпсон полагал, что с распространением знаний, с устранением представительным правительством законов, защищавших интересы богатых, вступят в силу принципы справедливого распределения материальных благ. Капиталистическому обществу с его, по мнению Томпсона, искусственным хозяйственным режимом он противопоставляет взаимную кооперацию, базирующуюся на общественной собственности на средства производства. По мнению Томпсона, основной ячейкой будущего общества, которое он, подобно Оуэну, представляет себе, в конечном счете, как федерацию свободных коммун, будет взаимная кооперация производителей, объединяющая 800—2000 человек.

Мы уже говорили о том, что, по мысли Томпсона, работник должен платить за пользование капиталом в форме фабричного оборудования, сырья и т. д.; что по вопросу об определении ценности этого пользования Томпсон различал два масштаба: масштаб работника и масштаб капиталиста. Сопоставляя эти два масштаба, Томпсон сводил их к разнице между «почти полным равенством, с одной стороны, и контрастом роскоши и нищеты — с другой».

Организация общественного производства должна, по мнению Томпсона, покоиться на естественных законах:

1) свободе труда, т. е. добровольном выборе трудовой деятельности; 2) обеспеченности труда, т. е. праве производителя на полный продукт труда; 3) свободе обмена, т. е. добровольном обмене продуктами труда.

Томпсон отстаивал на основе кооперативного труда, естественных законов распределения необходимость приближения к равенству в обладании и пользовании накопленными вещами или «действительным богатством». Для этого, он полагал, необходимо постепенно, без приложения силы, в течение немногих лет отнять у соответствующих владельцев принадлежащие им накопленные вещи или действительное богатство, которое служит в их руках в качестве орудия распоряжения продуктом годового труда и монополии на него, в качестве средства для присвоения богатства, созданного будущими «производительными силами» общества. Томпсон рисует в ярких радужных красках последствия, которыми знаменуется победа работника.

На смену стимулов к накоплению сверх необходимого, к накоплению ради тщеславия и почета придут стимулы к накоплению средств, необходимых для повышения производительной силы труда. Накопление будет рассматриваться как средство для реальной великой цели разумных усилий — годового производства и потребления произведенных продуктов.

Всеобщее стремление к благополучию и к производству как единственному пути к нему обеспечит каждому обладание капиталом. Все возрастающий капитал будет распределяться в равных

долях среди всего населения. Капитал будет накапливаться членами общества исходя из его реальной полезности.

По мнению Томпсона, если связь между общинами будет осуществляться посредством обмена, то внутри общин, где будет происходить прямое распределение продуктов, обмен и торговля будут ликвидированы. Томпсон подчеркивает, что в общинах все будут работать друг на друга, оказывать друг другу благодеяния. При отсутствии обмена определенными объектами между отдельными лицами будет происходить всеобщий обмен благодеяниями. В кооперации, где производители будут одновременно и потребителями, где немислимы ни излишний спрос, ни избыточное предложение, будет осуществляться равенство между спросом и предложением.

Томпсон склонен был превращать конкуренцию в вечную категорию. Он видел в ней вечно действующий принцип общественной жизни. Вместе с тем он проводил различие между конкуренцией в условиях капитализма, где существует заинтересованность в подавлении друг друга, и конкуренцией между коммунами и внутри коммун, с ее стремлением увеличения суммы счастья членов кооператива, удовлетворения многообразия их потребностей.

По существу, Томпсон ставил вопрос о принципиальном различии между соревнованием в условиях будущего общественного строя и конкуренцией на основе господства института частной собственности. С каждым годом, по мере повышения производительной силы труда будет увеличиваться вознаграждение за труд. Жилище, питание, одежда и т. д. — все это будет улучшаться и станет достоянием не только немногих предпринимателей или капиталистов, но и достоянием всех. В кооперации будет проводиться принцип равного вознаграждения всех ее членов.

Вместе с тем Томпсон подчеркивает, что людям, выделявшимся своими способностями, усердием в труде, будет воздаваться похвала, они будут окружены почетом, уважением, их труд получит общественное признание, одобрение, высокую оценку, он будет овеян славой. В обществе воцарится на основе неуклонного повышения производительности труда равенство в распределении, необходимое для увеличения суммы человеческого счастья. И таким образом будет реализована та задача, которую Томпсон поставил перед политической экономией.

Для Томпсона, как и для Оуэна, характерно уравнильное, утопическое применение теории стоимости Давида Рикардо.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ДЖОНА ГРЕЯ

Грей, Джон (1798—1850) — английский экономист, социалист-утопист, последователь Роберта Оуэна. Обосновывал теорию «рабочих денег». Принимал участие в рабочем и оуэновском движении. Джон Грей, вслед за Робертом Оуэном, усвоил учение просвети-

телей XVIII в. о том, что человеческий характер является продуктом природной организации человека, а также условий, окружающих человека на его жизненном пути.

Так же, как и Оуэн, Грей в качестве побудительного мотива человеческих поступков считал стремление к личному интересу, желание достигнуть счастья. Под влиянием А. Смита Грей видел неизмеримое превосходство человека над «неразумными созданиями» в свойственной только ему склонности к «взаимному обмену трудом». Сущностью общественной жизни, главное на чем она зиждется, Грей считал обмен. Грей видел в обмене также источник бед и неурядиц в обществе, источник порабощения и угнетения народов. Грей, конечно, ошибался в своих воззрениях на обмен как на основу человеческого общества. Грей не понимал, что характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена. Однако, в противоположность Смиту, Грей подвергал капитализм резкой критике.

Капитализм, утверждал Грей, представляет собой общественный строй, противоречащий природе человека, принципам элементарной справедливости. Грей был склонен видеть в современном ему общественном строе систему «заблуждений», порождающих в «избытке нищеты и испорченность человеческого рода». Грей констатирует, что в условиях капитализма благодаря низкому жизненному уровню масс труженики поставлены на грань нищеты и голода. Нищета, подчеркивает Грей, отнюдь не является законом природы. Нищета проистекает из человеческих отношений, из общественных порядков. Последней, конечной причиной обнищания трудящихся масс, по мнению Грея, является конкуренция капиталов между собой и лишение производителей значительной доли созданного ими продукта.

Грей видит в капитализме нерасчетливый хозяйственный режим, в котором труд огромной массы рабочих употребляется убыточно. Наличие в условиях капитализма нерационального применения рабочей силы Грей объясняет присущим этой стадии общественного развития неравным распределением богатства. Производительным классом Грей противопоставляет так называемые независимые классы, которые «живут за счет собственности других»¹. Источником доходов, по мнению Грея, «независимых» классов, потребляющих продукты других лиц, является большей частью земельная рента и денежный процент.

Анализируя категорию земельной ренты, Грей прежде всего подчеркивает свое отрицательное отношение к частной собственности на землю. Захват и завоевание не являются, полагает Грей, правомерными источниками земельной собственности предков землевладельца. Из неправомочности притязаний землевладельцев на землю Грей делает вывод о неправомочности их претензий на рен-

¹ Джон Грей. Сочинения. Госполитиздат, 1955, стр. 45. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

ту. Земельная рента — продукт труда земледельческого рабочего. Землевладелец же не дает никакого возмещения за ту часть продуктов, на которую он претендует. Грей причислял крупных землевладельцев к непроизводительным членам общества.

Другим способом наряду с рентой «получать продукт чужого труда, не давая за это возмещения», Грей считает взимание денежного процента. Грей утверждал, что производительный рабочий ничего не получает за ту часть продукта своего труда, которая отнимается у него ежедневно доходами, получаемыми заимодавцами. Резкой критике подвергает Грей торговлю в условиях капитализма. Он указывает, что все «торговое население, начиная с купца и кончая овощной торговкой, только распределяет богатство и оплачивается за свои усилия из труда тех, кто его создает». Обобщающим итоговым выводом анализа нетрудовых доходов в условиях капитализма является утверждение Грея, что «независимые классы общества являются зависимыми: во-первых, от труда других и, во-вторых, от несправедливости, дающей им возможность распоряжаться этим трудом», что «доходы высших слоев являются прямым налогом на производителей собственности».

Рассматривая труд в качестве единственного источника стоимости, Грей видел в нетрудовых доходах нарушение права собственности. В духе Оуэна Грей трактовал ренту и прибыль как нетрудовые доходы, истоки которых восходят к нарушению закона стоимости. Грей не понимал, что нетрудовые доходы в капиталистическом обществе создаются на основе закона стоимости, что они присваиваются эксплуататорскими классами с полным правом, не нарушая права, соответствующего капиталистическому способу производства.

Изложенные высказывания Грея были выдержаны в духе идей Оуэна и были им навеяны. Так же, как и Оуэн, Грей считал причиной возникновения института частной собственности грабеж и насилие. Грей в своей критике бед и неурядиц капиталистического общественного строя исходил из «законов природы» и апеллировал к морали и праву. Грей заклеил институт частной собственности и подчеркивал его исторически преходящий характер.

Написанная в духе идей Оуэна работа Грея «Лекции о человеческом счастье» представляет собой красноречивую критику капитализма, разоблачение противоположности интересов трудящихся и эксплуататорских, паразитических классов капиталистического общества. Существующей общественной системе Грей противопоставляет систему «объединенных интересов», в которой будут устранены причины бедствий человечества, причины нужды, бедности, несчастий, пороков. По мысли Грея, нужна лишь «воля» населения страны, чтобы сделать доступными для всех ее обитателей «все то, что заслуживает названия богатства».

Грей является принципиальным противником насильственных методов борьбы с капиталистическим хозяйственным режимом, с присущим ему противоречием между нищетой и богатством. Грей

с пафосом восклицает: «Мы были бы последними, кто прибег бы к насильственным мерам для того, чтобы устранить нищету».

В своей характеристике грядущего «нового мира» Грей указывает, что реформа, к которой он стремится, сводится к тому, чтобы дать рабочему возможность «употребить ту собственность, которую он создает», возможность «обменять ту часть продукта своего труда, которая ему не нужна для себя, на что-либо одинаковое по стоимости, могущее ему пригодиться», — за вычетом той части, которая необходима для покрытия расходов по управлению, руководству, надзору и распределению.

Грей в весьма радужных красках рисует благотельные результаты предполагаемой им реформы. Грей был убежден, что проектируемая им реформа обеспечит даже нищего, прозябающего на английской земле, необходимыми для него жизненными благами. Для достижения этих блистательных результатов необходимо свети рабочий день лишь к нескольким часам полезного и умеренного труда.

В произведении Грея «Лекции о человеческом счастье» высказывания о будущем обществе носят весьма общий, неопределенный характер. Рассуждения Грея в целом тяготеют к воззрениям Оуэна о праве рабочих на полный продукт их труда. Развернутую картину будущего общественного устройства, идеальную схему общественных отношений Грей дает в своей работе «Социальная система. Трактат о принципах обмена».

По мысли Грея, общее благоденствие народа не может быть обеспечено до тех пор, пока не будет ликвидирован существующий порядок обмена. Он должен быть заменен другим, благодаря которому «производство стало бы постоянной причиной спроса и спрос шел бы в ногу с ним». Грей придает огромное значение возможности в любое время продавать так же легко, как и покупать.

Анализируя проблему распределения продуктов труда в проектируемом им идеальном общественном строе, Грей утверждает, что оно осуществляется путем выплаты денег членам общества в качестве «вознаграждения за их труд в суммах, пропорциональных его стоимости». По мысли Грея, национальный центральный банк, при содействии разветвленной сети филиальных банков, удостоверяет рабочее время, затраченное на производство различных товаров.

В обмен за свой товар производитель получает деньги, которые были бы только «квитанцией, свидетельством того, что обладатель их либо внес определенную стоимость в фонд национального богатства, либо приобрел право на указанную стоимость от лица, передавшего ее туда». Полученные производителем банкноты дают ему право претендовать на получение эквивалентной по затраченному труду массы любых товаров иной потребительной формы, находящихся на складах банка. Таким образом, квитанция, деньги, за которые ратовал Грей, представляли собой официальное свидетельство стоимости товара, по существу, прямое, непосредственное ка-

чественное и количественное признание общественного характера труда, воплощенного в данном товаре.

В своем обосновании преимуществ национальной торговой ассоциации по сравнению с наличным капиталистическим хозяйственным режимом Грей много внимания уделяет проблеме денег, их сущности, их роли в проектируемом им идеальном общественном строе. В соответствии с указанными требованиями, которые Грей предъявлял к деньгам, он считал, что существующие деньги этого требования не удовлетворяют. Для того чтобы производство беспрепятственно могло развиваться, деньги не должны иметь внутренней стоимости, деньги должны представлять собой «не товар, а символ». По его проекту, деньги будут только мерой стоимости и сами не будут иметь никакой стоимости. По мысли Грея, в пропагандируемой им социальной системе деньги, находящиеся в обращении, и товары, лежащие на национальных складах, были бы в точности «равноценны, увеличиваясь и уменьшаясь одновременно».

Грей всячески подчеркивал, что «деньги были бы спросом, имущество было бы предложением, и одно было бы равно другому». А это означало бы, что «всякого рода товары стали бы оплачивать друг друга», что продажа представляла бы акт «помещения имущества в определенное место», что касается купли, то она стала бы актом «взятия его обратно». Деньги представляли бы собой просто-напросто квитанцию, которую производителям следовало бы хранить в «промежуток времени между периодом продажи и периодом купли». В таких условиях перепроизводство, полагал Грей, было бы невозможно.

Согласно проекту Грея, годичный продукт труда ассоциации был бы всегда равен годичным эмиссиям банка, уплаченные деньги и имущество, поступившие в общественный фонд, были бы всегда равны друг другу. У национального банка Грея имеется ряд черт сходства с меновыми базарами Оуэна. Однако, в отличие от Оуэна, у Грея реформа системы обращения сочетается с сохранением индивидуалистической системы производства. В отличие от Оуэна, Грей видел в своем проекте чудодейственное средство для достижения, в конечном счете, той цели, которая витала перед ним: уничтожения эксплуатации наемного труда капиталом.

В обосновании права рабочего на полный продукт своего труда Грей исходит из рикардовских воззрений, что труд есть мера стоимости. Но как идеолог мелкой буржуазии, Грей в своей утопии «рабочих денег» отразил страстное желание мелкого буржуа, чтобы его «честный» труд изо дня в день не обесценивался конкуренцией крупной промышленности и машин, чтобы обмен продуктов по их трудовой стоимости был совершенной и безусловной истиной.

Грей не понимал, что закон стоимости в товарном производстве прокладывает себе путь благодаря конкуренции, а тем самым и колебаниям товарных цен, что только таким путем и реализуется определение стоимости товара общественно необходимым временем. Грею было чуждо всякое представление о том, что превращение

денег в капитал происходит на основе закона стоимости, что закон стоимости свободно развивается на основе капиталистического производства. Поэтому стремление Грея в обществе товаропроизводителей установить определение стоимости рабочим временем, игнорируя роль конкуренции и механизм товарных цен, означало, по существу, утопическое пренебрежение экономическими законами.

Экономическое учение Грея страдало внутренним противоречием, которое было вскрыто К. Марксом. В самом деле, Грей считал, что продукты должны производиться как товары, но обмениваться они должны не как товары. «С одной стороны, — подчеркивал К. Маркс, — общество в лице банка делает индивидуумов независимыми от условий частного обмена, а с другой стороны, оно заставляет этих индивидуумов продолжать производство на основе частного обмена». И далее К. Маркс указывает, что, хотя Грей стремился «реформировать» только деньги, возникшие из товарного обмена, «...внутренняя последовательность заставляет Грея отвергать одно за другим условия буржуазного производства...».

Грей превращал капитал в национальный капитал, земельную собственность — в национальную собственность. Что же касается роли национального банка в теории Грея, то «...можно обнаружить, что он не только одной рукой принимает товары, а другой выдает свидетельства на доставленный труд, но и регулирует самое производство»¹. И действительно, для экономических воззрений Грея характерно причудливое переплетение схемы индивидуального производства с его «реформированным» денежным обращением, со схемой планового регулируемого хозяйства, базирующегося на коллективной собственности.

В своем плане преобразования общества Грей исходит из теоретической предпосылки, что «земля, капитал, труд и свобода обмена являются четырьмя элементами, из которых состоит богатство». Главное содержание своего плана Грей видит в том, что он воплощает в себе четыре необходимых элемента национального благосостояния: «средство получить достаточно земли; средство, обеспечивающее постоянное увеличение капитала, пропорциональное потребностям растущего населения; возможность немедленного обмена труда на труд; а что касается самих рабочих, то природа, кажется, производит их в изобилии, достаточном для удовлетворения требований любой системы».

Грей является сторонником превращения капитала в национальный капитал, в ассоциированный капитал. Грей подчеркивает, что он противник «конкуренции в употреблении капитала». В наличии «национальной ассоциации» в деле применения капитала Грей видел залог увеличения производительной силы труда, увеличения количества производимых товаров. По мысли Грея, при наличии ассоциированного национального капитала каждый человек

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 69.

принадлежал бы к «одной великой национальной компании страхования от всех бедствий нищеты, невежества и угнетения», каждый человек был бы «одновременно своим собственным хозяином и слугой торгового государства».

Грей высказывается за то, чтобы «хлебные поля страны стали частью национального капитала». Это привело бы к тому, что все земельные массивы были бы обработаны, издержки производства делились бы на всю произведенную продукцию, дополнительные издержки, связанные с обработкой худших участков, ложились бы в равной степени на всех потребителей хлеба в стране, а цена хлеба снизилась бы на величину ренты. Высказываясь принципиально за превращение земли в «национальную собственность», Грей вместе с тем подчеркивает, что он не стремится осуществить земельные преобразования «каким-либо насильственным действием или каким-либо неконституционным или бесчестным актом».

Грей неоднократно подчеркивает необходимость сознательного регулирования, планового руководства хозяйственной жизнью ассоциации в целом, необходимость «руководящей силы, регулирующей деятельность всего общества». В своей конкретной характеристике будущей ассоциации Грей указывает, что членами ее могут быть все лица, обладающие землей и капиталом. Все же «прочие лица» допускаются в число ее членов как только это позволит развитие ассоциации.

Во главе ассоциации стоит выборный орган — Национальная торговая палата, в который входит председатель и достаточное количество представителей. Этот руководящий, правящий центр, наделенный высшей властью, контролирует и регулирует все сферы деятельности ассоциации — земледелие, промышленность и торговлю. Обработка земли и управление всей торговлей и промышленностью осуществляется служащими или управляющими. Они работают по найму за определенное жалование под руководством и контролем Торговой палаты. Конечной целью торговой ассоциации является «предоставление всей выгоды от соглашения обществу и каждому входящему в его состав индивиду в долях, соответствующих его трудолюбию и богатству». Земля, капитал и труд ассоциации должны быть в первую очередь обращены на снабжение национальных торговых складов товарами, являющимися «обычными предметами необходимости, удобства и житейского комфорта».

Если общество будет снабжено достаточным количеством предметов первой необходимости и комфорта, то рабочая сила, высвободившаяся в результате роста производительной силы труда, может быть с необходимой массой капитала применена к производству предметов роскоши. Грей считает, что в планируемой им ассоциации «невозможно, чтобы производство когда-либо превысило спрос, как невозможно, чтобы человечество когда-нибудь перестало желать того, чем оно не обладает». Этому правилу можно «следовать до тех пор, пока земля будет продолжать вращаться». Глав-

ной задачей ассоциации Грей считает «возможно более быстрый возврат взятого в ссуду капитала, с помощью которого ассоциация должна приступить к операциям, и обеспечение себе, со всей возможной быстротой, достаточным количеством собственной земли и капитала».

Грей неоднократно подчеркивает, что проектируемую им ассоциацию он мыслит как собственницу земли и капитала, средства производства в планируемой Греем ассоциации находятся в общественной собственности. Грей был убежден, что в условиях проектируемого им хозяйственного режима ничье право собственности не будет нарушено. Говоря о членах ассоциации, обладающих землей или капиталом, Грей полагал, что они дадут свое согласие на получение за «использование этой земли или капитала фиксированного ежегодного вознаграждения, пропорционального стоимости последних». Тем самым право собственности на землю и капитал не будет нарушено. Грей также утверждал, что и право собственности рабочего не будет нарушено, если заработная плата будет определяться таким образом, что ее ставкой будет «продукт труда, подвергающийся по возможности лишь самому незначительному вычету для содержания непроизводительного труда». Это будет «естественной нормой заработной платы».

Грей был убежден, что осуществление его плана реорганизации общества будет знаменовать собой рост национального благосостояния. Трудящиеся классы навсегда были бы избавлены от безработицы. «Высшие классы» получили бы «прекрасную сферу» для вложения своих денег. Правительство было бы избавлено от собирания налогов. И, наконец, нация не знала бы иной границы для своего богатства, кроме исчерпания своего «трудолюбия, истощения своих производительных сил или удовлетворения своих потребностей». Таким образом, Грей выдвинул детально разработанную схему идеального общественного строя, носившего плановый характер, ставящего своей целью благоденствие всех своих членов.

Однако высказывания Грея о планировании, его идеи о базировании будущего идеального хозяйственного режима на общественной собственности на средства производства находились в вопиющем противоречии с его положениями о неприкосновенности института частной собственности. Так, например, в своей работе «Социальная система. Трактат о принципах обмена», относящейся к 1831 г., Грей писал: «Национальная торговая ассоциация должна рассматриваться как корпорация, состоящая из коммерческих соучастников, ... но без малейшего смешения частной собственности или пожертвования индивидуальным правом».

В своей работе «Лекции о природе и употреблении денег», относящейся к 1848 г., Грей писал, что хотя он в течение многих лет полностью понимал и признавал истинную ценность принципов разделения труда и индивидуальной конкуренции, но лишь «сравнительно недавно понял ясно, каким образом можно практически осуществить и легко удержать... коммерческую систему, в которой

производство постоянно и неизменно создавало бы спрос без нарушения в какой-либо степени неосценимого принципа индивидуальной конкуренции».

В этой же работе Грей призывал капиталистов к объединению и к созданию ассоциации и в то же время он старался всячески их успокоить, утверждая, что это отнюдь не означает посягательства на частную собственность. Он патетически призывал: «Не пугайтесь, однако, слова «объединиться»... Я требую взаимного сотрудничества и доверия между людьми не в большей степени, чем это обычно наблюдается в настоящее время по всей Англии, Шотландии и в лучших частях Ирландии». Грей, враждебно настроенный к революционным событиям 1848 г., к концу своей литературной деятельности выступал в качестве буржуазного реформатора.

В заключение следует отметить, что сильной стороной экономических воззрений Грея является его критика капитализма. Что касается представлений Грея о будущем строе, то он отстаивал индивидуальное производство с «реформированным» денежным обращением. Правда, «внутренняя последовательность» анализа заставляла Грея наряду со схемой индивидуального производства выдвинуть схему планового хозяйства, основанного на общественной собственности. Однако в своих утопических мечтаниях о возможности «сосуществования» указанных противоположных принципов хозяйственного режима Грей все больше проникался убеждением о незыблемости и святости института частной собственности. Это сводило на нет его благочестивые пожелания о плановом регулируемом хозяйстве. Грей был типичным представителем мелкобуржуазного раннего социализма в Англии.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ДЖОНА ФРЕНСИСА БРЕЯ

Брей — критик капитализма. Брей, Джон Френсис (1809—1895) — английский экономист, социалист-утопист, последователь Роберта Оуэна, сторонник теории «рабочих денег». В общеполитических основах своих экономических воззрений Брей рассматривал равенство прав людей и связанное с ним равенство обязанностей как продукт человеческой природы. Считая, что равенство труда предполагает равное вознаграждение, он подчеркивал, что «равноправие никогда не может идти рука об руку с неравенством труда и богатства».

Из этих положений Брей делал выводы об обязанности человека трудиться и об общей собственности на землю. Он включал в право людей на существование их право на присвоение средств потребления, что предполагает трудовую деятельность. Вместе с тем Брей считал, что «невозможно поддержание естественного равенства права на существование без общей собственности на землю». Земля не может стать общей собственностью и ее дары не

могут «потребляться всеми и равномерно», пока существует «индивидуальное присвоение земли»¹. Индивидуальным притязаниям на земельную собственность Брей противопоставляет притязания всего народа как залог равноправия людей.

В изложенных принципах: а) права всех людей равны, б) все должны трудиться, в) земля — общая собственность, — Брей видел единственную основу, на которой может быть воздвигнуто человеческое счастье. Брей подчеркивал губительную роль частной собственности на землю. Он указывал, что все несправедливости и страдания, которые испытывают люди, являются следствием «присвоения определенными лицами и классами права на землю, исключаящего других лиц и другие классы». По мнению Брея, имущественное неравенство возникло и сохраняется потому, что некоторые индивиды и классы захватили в свою исключительную собственность землю, которая, по справедливости, принадлежит всем.

В своих философских высказываниях Брей идеалистически исходит из человеческой природы и применяет принципы морали к социальным явлениям. Ценными, однако, являются проводимые им идеи о труде как важнейшем факторе общественной жизни и его критическое отношение к частной собственности. Что же касается той роли, которую Брей отводил частной собственности на землю в историческом процессе, то Ф. Энгельс считал исторически не вполне верной точку зрения, состоящую в том, что экспроприация земли у народных масс была великой и универсальной причиной раскола населения на богатых и бедных. В условиях азиатской и классической древности преобладающей формой угнетения было рабство, т. е. «...не столько экспроприация земли у масс, сколько присвоение их личности». Что касается средних веков, то источником феодальной эксплуатации было «...не освобождение народа от земли, а напротив, прикрепление его к земле...»². «...Причиной... антагонизма между классами (в условиях капитализма. — Авт.) и социальной деградации рабочего класса является экспроприация у последнего *всех* средств производства, в число которых, конечно, входит и земля»³.

Таким образом, Брей исторически не вполне правильно трактовал роль частной собственности на землю в ходе мировой истории. Однако заслугой Брея является то, что он, в отличие, например, от Грея, выступал в духе Оуэна как принципиальный противник частной собственности.

Одним из существенных признаков капиталистического хозяйственного режима Брей считал конкуренцию. Конкуренция приводит «индивидов и классы во враждебное столкновение друг с

¹ Дж. Брей. Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или век силы и век справедливости. Госполитиздат, 1956, стр. 56. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — Ред.)

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 349.

³ Там же.

другом». Влияние принципа конкуренции приводит к «обособлению и разобщению интересов людей». Высказав правильные соображения о том, что в капиталистическом обществе хозяйственная жизнь насыщена конкурентной борьбой, поставив вопрос о связи, которая существует между конкуренцией и войной всех против всех, Брей вместе с тем дает психологическое истолкование сущности конкуренции. Так, Брей указывает, что «дух конкуренции является неискоренимой и неистребимой частью человеческого характера».

Ошибка Брея заключается в том, что он не понимал, что конкуренция — историческое производственное отношение, общественное отношение среди капиталистических производителей, выбрасывающих свою товарную продукцию на общий рынок. В своей критике капиталистической хозяйственной системы Брей уделяет много внимания вопросу о неравенстве обмена между капиталистом и рабочим. По мнению Брея, равенство обмена, которое является основным принципом благоустроенной социальной системы, в условиях капитализма не соблюдается.

По мнению Брея, отнюдь не неравенство физических и умственных сил индивидов, а несправедливая система обмена (когда рабочие отдают капиталисту труд целого года в обмен на полугодовую стоимость) порождает неравенство богатства и власти. Более того, Брей, анализируя природу обмена в условиях капитализма, приходит к выводу, что в большинстве сделок, происходящих между капиталистом и рабочими, «нет вообще никакого обмена». Мотивирует он этот тезис тем, что капиталист не отчуждает труда, так как он не работает; капиталист не отчуждает и капитала, так как его богатство непрерывно возрастает. По мнению Брея, богатство капиталистов возникло на «костях и мускулах рабочих классов в течение ряда веков и было награблено у них путем мошеннической и кабальной системы неравного обмена». По мысли Брея, сделки между капиталистом и рабочими представляют собой в действительности «бесстыдный, хотя и узаконенный, грабеж, с помощью которого капиталисты и собственники добиваются власти над производительными классами и высасывают из них все средства к существованию».

На высказываниях Брея о роли обмена в условиях капитализма лежит печать меновой концепции. Брей ошибочно видит в обмене, в купле-продаже, которые представляют собой общие условия капиталистического производства, решающий фактор, определяющий его противоречивую природу. Брей не понимает того, что в условиях капитализма воспроизводится само капиталистическое отношение — капиталист на одной стороне, наемный рабочий — на другой, что купля-продажа рабочей силы является не причиной, а следствием воспроизводства и увековечивания условий эксплуатации рабочего, отделения рабочей силы от условий труда.

Брей, конечно, был прав, когда утверждал, что в отношениях между капиталистом и рабочим реализуется неэквивалентный обмен стоимостей. Однако Брей не понимал, что отмеченный им неэкви-

валентный обмен является отнюдь не нарушением закона стоимости, нарушением эквивалентного обмена, а наоборот, его утверждением. Брей полагал, что капиталистический способ присвоения противоречит законам товарного обмена и порождается нарушением этих законов. Он не понимал, что этот способ присвоения как раз и порождается применением этих законов.

Ряд высказываний мы встречаем у Брея по вопросу о взаимоотношении между капиталом и трудом. По мысли Брея, капитал и труд внутренне связаны между собой, так как оба они являются факторами производства. Однако капитал и труд вступают во враждебные друг другу отношения, у них исчезает какая бы то ни было общность интересов, когда они «связаны с отдельными индивидами и классами». Брей рассматривает капитал и труд в условиях капиталистической системы как «две отдельные и антагонистические силы».

В прибыли капиталиста Брей видел замаскированный, скрытый под оболочкой официальной законности грабеж капиталистом труда рабочего. Прибыль капиталиста имеет «своим источником труд», богатство капиталиста является лишь «накоплением прибыли». Поэтому в условиях капиталистической системы, отмечал Брей, «не в интересах рабочего увеличение прибыли капиталиста или предпринимателя, поскольку рост прибыли последних означает увеличение потерь первого». Поэтому при наличии капиталистического хозяйственного режима также «не в интересах капиталиста, чтобы рабочий получал полный продукт своего труда, потому что в таком случае капиталист не мог бы удержать господства и жить в праздности и роскоши, как теперь».

По мысли Брея, «при нынешней системе нет и никогда не может быть всеобщего единства интересов, так как интерес каждого класса противоположен интересу каждого другого класса». Таким образом, корни противоположности интересов между рабочими и капиталистами Брей видит в том, что прибыль — нетрудовой доход капиталистов — является прямой потерей для рабочих, что рабочие не получают полного продукта своего труда.

Изложенные высказывания Брея о капитале и труде, о прибыли ценны своей острой, резкой и яркой формулировкой противоположности интересов капиталистов и рабочих. Однако в своем стремлении теоретического обоснования классовых противоречий в капиталистическом обществе Брей, как и другие представители английского утопического социализма, исходит из утопического истолкования стоимости и прибыли в трактовке классической школы политической экономии.

В своих воззрениях на капитал Брей находился в плену классической школы политической экономии, которая свойства капитала видела в свойствах самих вещей. Отсюда — его ошибочное высказывание о внутренней связи между капиталом и трудом как факторами производства. Правда, Брей видел в капитале и труде, в условиях капитализма «антагонистические силы», мотивируя

это тем, что за ними стоят отдельные индивиды и классы. Тем самым Брей, в отличие от представителей классической школы политической экономии, становится в оппозиционное отношение к капиталистическому хозяйственному режиму. Брей как бы говорит, что наличие капитала вполне совместимо с отсутствием класса капиталистов. Однако Брей не понимает, что капитал немислим без капиталистов, что капитал предполагает свое олицетворение в капиталисте, который и представляет собой капитал, одаренный сознанием и волей, что капитал — исторически обусловленное производственное отношение.

В своих высказываниях о прибыли как грабеже капиталиста Брей правильно подчеркнул, что прибыль представляет собой неоплаченный труд, нетрудовой доход капиталиста. Вместе с тем Брей не понимает, что процесс образования прибыли, точнее прибавочной стоимости, отнюдь не предполагает нарушения законов товарного обмена. Производство прибавочной стоимости происходит на основе закона стоимости, выступает как необходимое следствие этого закона. Брей, как мы видели, отчетливо констатировал противоположность интересов капиталистов и рабочих. И в этом достоинство его суждений, развенчивающих капиталистический общественный строй. Однако наличие классов Брей связывает с доходами и источниками доходов определенных общественных групп. Между тем как истоки общественных классов при капитализме восходят к отношению различных общественных групп к средствам производства.

Содержательными являются высказывания Брея, связанные с вопросом о капиталистическом применении машин. Брей подчеркивал двойственную, противоречивую роль машин в капиталистическом обществе. С одной стороны, машины представляют собой гигантского помощника людей, могучую силу, дающую производительным классам «возможность производить массу богатства», достаточную для удовлетворения их потребностей. С другой стороны, применение машин при капиталистической системе «породило сотни тысяч тунеядцев и людей, живущих прибылью, людей, втапывающих ныне рабочий класс в землю».

Брей проводил различие между машиной и ее ролью в капиталистическом обществе. «Сами по себе машины — благо, без которого нельзя обойтись. Дурно лишь их применение, то, что ими владеют отдельные лица, а не весь народ». Брей указывал также на освободительную роль машин: «Нынешний общественный строй был создан машинами, и машинами же он будет уничтожен». В своих высказываниях о роли машин в капиталистическом обществе, навеянных воззрениями Оуэна, Брей ставил вопрос о противоречиях и антагонизмах, не отделимых от капиталистического применения машин.

Существенную роль среди факторов, обуславливающих, по мнению Брея, несовершенство капиталистического общественного строя, присущие этой стадии общественного развития несправедливости

и неравенство социально-экономического положения отдельных классов, Брей отводил деньгам. С большой выразительностью Брей подчеркивал власть денег при капитализме. Брей отзывался о деньгах, что это «великий арсенал, из которого капиталисты черпают все свое оружие для борьбы с рабочим классом и подавления его». Однако сама по себе правильная идея о власти денег при капитализме уживается у Брея с ошибочным пониманием сущности и функций денег.

По мнению Брея, деньги так же «лишены стоимости, как голыши на морском берегу». В силу общественного обычая, как бы деньги «внутренне ... ни были лишены стоимости», владельцы денег получают возможность на полную сумму «номинальной стоимости» денег «приобретать дома, предметы питания или машины». В свете своей трактовки вопроса о стоимости денег Брей пытался обосновать взаимосвязь между деньгами и капиталом. По мысли Брея, деньги и капитал по своему «содержанию» резко отличаются друг от друга.

Деньги, по мнению Брея, обладают стоимостью лишь как «представители реального капитала», а не в силу «какого-либо внутреннего качества». В связи с «изобретением» денег устранены «неудобства и затруднения», связанные с необходимостью «раздробления» капитала. Брей утверждал, что «вся ценность, которую придают деньгам, основана на общепризнанных обычаях», что деньги представляют собой «инструмент для совершения меновых сделок».

В своих высказываниях о деньгах Брей, по существу, примыкает к Оуэну. Брей обосновал власть денег в условиях капитализма, убедительно показал их классовую природу как орудия угнетения трудящихся. Вместе с тем Брей не понимал сущности денег как экономической категории. Однако Брей, как и Оуэн, в отличие от представителей классической школы политической экономии, в своем анализе денег разоблачал капитализм как антинародный хозяйственный режим, которому он противопоставлял идеальный, подлинно разумный и справедливый будущий общественный строй.

Джон Брей о будущем обществе. Брей, подобно Оуэну, был принципиальным сторонником мирного преобразования существующего социально-экономического строя, без обостренных классовых конфликтов, без революционных потрясений.

Брей считал, что изменение политического строя отнюдь не есть путь для реорганизации капиталистического общества. В частности, он выступал против мнения, заключающегося в том, что политические учреждения Соединенных Штатов Америки представляли собой «образец совершенства», что только при такой форме правления можно «пользоваться подлинной свободой и равноправием». Брей с негодованием восклицал: «Нет больших тиранов, чем республиканские толстосумы Соединенных Штатов. Свобода и равноправие — слова, смысл которых им еще не известен».

Брей утверждал, что американские рабочие подобно английским «придавливаются к земле, соединенной тяжестью аристократии и торгово-промышленного класса, живущих грабежом и прибылью», что американские республиканцы, вопреки духу своей конституции, держат в «неприкрытом и гнусном рабстве... своих цветных собратьев, которых покупают и продают или бьют и убивают как скот».

Общий вывод Брея сводится к тому, что ни одна форма правления не в состоянии «обеспечить народу равноправие и... оградить производительные классы от требований и тирании бесполезных классов». Эту мысль Брей образно выразил в утверждении, что «ястреб-ростовщик остается тем же, называется ли он монархистом или республиканцем, глотка одного так же широка и глубока, как и глотка другого».

В своих планах по организации нового, передового общественного строя Брей с равнодушием относился к содействию тред-юнионов, полагая, что профессиональные союзы не в силах устранить неравенство обмена. Таким образом, Брей в духе Оуэна отрицательно относился к политической борьбе. Ориентируясь на рабочих как на общественную силу, способную преобразовать существующий хозяйственный режим, Брей утверждал, что в Соединенном королевстве в руках различных обществ взаимопомощи имеются «фонды, достаточные для немедленного учреждения нескольких общин».

Кроме рабочих Брей в своем плане преобразования современного ему общества делает ставку и на отдельных богатых капиталистов, готовых содействовать «славному делу освобождения человечества от бедности и порока». По мнению Брея, новая система, будучи «однажды надлежащим образом установлена..., подточит нынешнюю систему во всех направлениях и в конце концов превратит ее в развалины».

Брей считал, что в условиях существующего общественного строя, у людей еще нет «той интеллектуальности, того человеколюбия, того высокого чувства чести, той подлинной нравственности, которые существенны для надлежащего функционирования системы равенства». Отсюда — необходимость «переходных установлений», с помощью которых люди будут наделены качествами, необходимыми, чтобы «приступить к изменению системы». Этот переходный период, по мысли Брея, принадлежит «частично к будущей системе». Этот этап общественного развития представляется Брею как «своего рода промежуточное состояние, в которое общество вступило бы со всеми своими эксцессами и безумствами, чтобы впоследствии выйти из него обогащенным качествами и свойствами, составляющими жизненное условие системы, основанной на общности имущества».

Таким образом, Брей выдвинул своеобразную оригинальную идею о необходимости переходного периода между капитализмом и будущим общественным строем. Однако это не тот переходный

период, о котором впоследствии писали классики марксизма-ленинизма, необходимый с целью построения социалистического общества, знаменующий собой историческую эпоху от завоевания власти пролетариатом до построения социализма, в политическом отношении представляющий собой диктатуру пролетариата. Назначение переходного периода, в представлении Брей, — создание нового человека, освобожденного от пороков капитализма, от буржуазной скверны, достойного быть строителем будущего общества.

Грядущую систему общественного устройства Брей рисует как разумно регулируемое общество, как товарищеский союз, как гармоничный режим с присущим ему равенством социальных и политических прав, удовлетворяющий требования разума, истины и справедливости. Переходя к более конкретной характеристике будущего общества, Брей выдвигает три условия, которые базируются на признании равенства людей: труд, накопления прежнего труда, или капитал, обмен. Говоря о первом условии, о труде, Брей противопоставляет «злоупотреблению» трудом его разумное использование. По мысли Брея, труд является «великим средством для сохранения умственного и телесного здоровья».

Брей отстаивает «всеобщность труда» в будущем обществе, причем он дает своеобразное толкование этому понятию. Он пишет: «Когда мы пользуемся словами «всеобщность труда», мы имеем в виду только то, что каждый человек должен в какой-либо период своей жизни вернуть обществу соответствующий эквивалент за выгоды, предоставленные им обществом». По мысли Брея, «...равное вознаграждение за равный труд всех видов столь же справедливо и разумно, как справедливо и разумно, чтобы труд был общеобязательным». Брей является противником принципа материальной заинтересованности в условиях пропагандируемого им будущего общественного строя. Он прямо, без обиняков, заявляет, что «человек, надлежаще обставленный, не нуждается в низменном стимулировании более высоким денежным вознаграждением, чтобы выполнять свои обязанности по отношению к ближним». Брей придает большое значение стимулам морального характера, которые являются источником вдохновенного труда на благо общества.

Следует отметить, что Брей не просто декларативно заявляет о необходимости равенства вознаграждения всех членов общества, он пытается это утверждение обосновать. Он пишет: «...При разумной системе общения и сотрудничества все общество в целом возьмет на себя дело воспитания своих членов и предоставления им работы и будет нести все расходы по научному и общему образованию, а также будет присваивать себе результаты научных исследований, которые долго не приносят плодов, но позднее окупаются сторицей... Равное вознаграждение за равный труд было бы правильной и справедливой компенсацией за все услуги».

Итак, первое условие, на котором, по мысли Брея, будет базироваться будущий общественный строй, — «чтобы был труд», — посвящено вопросам всеобщности труда и равенства вознаграждения. В высказываниях Брея ценной является проводимая им идея, что в будущем обществе все его члены будут трудиться, исходя не из своих личных, эгоистических интересов, а на благо всего общества.

В заслугу Брею следует поставить также и то, что он подчеркивает роль энтузиазма, новаторства, моральных стимулов в качестве особенности труда в обществе, которое придет на смену капитализму. Вместе с тем ошибочными являются защищаемые им уравнилельные тенденции по вопросу о вознаграждении за труд, подрывающие принцип материальной заинтересованности.

Переходя к анализу второго условия как одной из основ грядущего хозяйственного режима — «чтобы были накопления прежнего труда, или капитала», — Брей подчеркивает, что накопления — это «непотребленные продукты предшествующего труда», что эти вещи, «могущие содействовать... в создании большего богатства», что совокупность всех этих вещей образует «капитал». Брей негодуяще клеймит капиталистический общественный строй за то, что «накопления, оставленные в наследство нынешнему поколению в целом, незаконно захвачены и их выгоды используются исключительно отдельными индивидами и классами».

В высказываниях Брея о «накоплении прежнего труда» имеется ряд ошибочных суждений. Брей рассматривал капитал как накопленный труд, превратив тем самым эту категорию в вечное и естественное условие человеческой жизни. Брей склонен был «принцип накопления или сбережения» считать «делом инстинкта», т. е., по существу, в трактовке своего второго условия апеллировал к природе человека. Однако Брей выдвинул ценную мысль, что создатели будущего общества, строители коммунизма являются законными наследниками материальных ценностей, воплощающих «накопление прежнего труда, или капитал» и завещанных им предшествующими поколениями.

В своем анализе третьего условия — «чтобы был обмен» — Брей исходит из предпосылки, что участие в обмене предполагает участие в производстве; что при «обмене продуктов люди только дают... труд за труд»; что стоимость продукта будет определяться «общей стоимостью потребленного... на него труда». При режиме равного обмена, по мысли Брея, исчезает прибыль или процент. Общий вывод Брея по вопросу о благодетельных последствиях осуществления принципа равенства обмена сводится к тому, что «труд станет всеобщим»; что будет уничтожена огромная социальная язва, какой является «содержание одного класса за счет другого»; что при отсутствии деления общества на «классы и касты» станет возможным «социальное и политическое равноправие»; что

будут ликвидированы безработица, чрезмерный труд и беспросветная нищета и вместе с тем будут уничтожены «все моральные и физические бедствия, порождаемые и поддерживаемые таким порядком вещей».

Регулирование хозяйственной жизни в будущем гармоническом строе обеспечивается, следовательно, действием рикардовского закона стоимости, которому дается утопическое истолкование как закону, реализующему право рабочего на полный продукт его труда. Кроме теоретико-экономического обоснования особенностей будущего общественного строя, мы находим у Брея анализ тех конкретных социальных порядков, которые установят и будут поддерживать равенство обмена. В своих планах переустройства современного ему общества Брей имеет в виду работу «компаний с объединенным капиталом», своеобразную федерацию «компаний», союз производительных классов, владеющих соответствующим оборотным капиталом, объединившихся для производства и распределения богатства и использующих в порядке аренды или покупки землю и основной капитал страны.

Брей был убежден, что рабочий класс сможет с помощью выпуска банкнот, обеспеченных будущим трудом, приобрести у капиталистов те гигантские «накопления», которыми они овладели благодаря системе неправильного обмена. А это привело бы к тому, что весь «реальный капитал» страны — земля, здания, машины, корабли и другие виды воспроизводимого богатства, за исключением «личной собственности индивидов», будет находиться во владении и под контролем общества в целом.

Управление делами компаний осуществлялось бы центральными и местными конторами, которые состояли бы из наиболее способных и деловых людей. Эти конторы регулировали бы весь процесс общественного производства и распределения. Они определяли бы путем точных статистических исследований количество продуктов, необходимое для потребления, число рабочих, необходимое для каждой отрасли труда, относительную стоимость товарного тела. Акционерные компании продавали бы друг другу свои продукты через базары и банки справедливого обмена.

Брей отнюдь не выдавал себя за обладателя последнего слова человечества. Он полагал, что проектируемая им система акционерных компаний может быть применена к капиталистическому обществу в его наличном состоянии и может «подготовить его к дальнейшим изменениям». Брей прямо заявлял, что пропагандируемая им система акционерных компаний, допускающая сосуществование «индивидуальной собственности на продукты» с «общей собственностью на производительные силы», является лишь уступкой, сделанной капиталистическому обществу с целью «перехода к коммунизму».

Ошибка Брея заключается в том, что он не понимал, что форма обмена продуктов соответствует форме производства, что способ

обмена продуктов регулируется способом их производства. Брей разделял иллюзию добропорядочного буржуа о том, что индивидуальный обмен и антагонизм классов отнюдь не связаны между собой, что эти два явления могут существовать одно без другого. Брей стремился эту буржуазную иллюзию осуществить в качестве своего идеала. С этой целью Брей устранил из индивидуального обмена присущие ему антагонистические элементы и преподносил его в своеобразно реставрированной форме, воображая, что он вступил на путь строительства подступов к коммунизму.

В своем стремлении частный обмен заменить обменом, организованным на основе планового регулирования и реализуемым посредством «рабочих денег», Брей, подобно Грею, не понимал, что на основе товарного производства независимые частные работы носят специфически общественный характер, что частный труд реализуется как общественный в процессе частного обмена. Если Брей, подобно Грею, и приписывает рабочему времени, содержащемуся в товарах, непосредственно общественный характер, то он, по существу, видел в нем рабочее время ассоциированных производителей, что представляло собой отрицание индивидуального обмена.

К. Маркс писал, что Брей не видел, что то «...уравнительное отношение, тот *корректирующий идеал*, который он хотел бы ввести в мир, сам является лишь отражением существующего мира и что поэтому абсолютно невозможно перестроить общество на основе, которая есть не более как собственная приукрашенная тень этого общества. По мере того как эта тень вновь становится чем-то телесным, оказывается, что вместо рисовавшегося в мечтах преобразованного общества появляется лишь тело современного общества»¹.

*
* *
*

Социально-экономические концепции Сен-Симона, Фурье и Оуэна представляют собой один из важнейших периодов в истории экономических учений. Подлинное содержание утопических систем Сен-Симона, Фурье и Оуэна своими корнями уходит в потребности времени, в которое они возникли. В основе каждой из этих утопических теорий лежала исторически обусловленная социально-экономическая обстановка соответствующей страны, историческая форма ее классовых отношений с возвышающейся над ними политической и идеологической надстройкой.

Утопический социализм Сен-Симона, Фурье и Оуэна обязан своим происхождением положению рабочего класса, потому что условия жизни пролетариата представляли собой наиболее острое и наглядное проявление социальных бедствий капиталистического общества.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 108—109.

Утопические системы Сен-Симона, Фурье и Оуэна возникли в неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией. Утопический социализм Сен-Симона, Фурье и Оуэна находился в тесной связи с материализмом XVIII в. Сен-Симона, Фурье и Оуэна, при всем своеобразии их исходных теоретических позиций, объединяет то, что они подвергли основы капиталистического общества беспощадной критике. Великие социалисты-утописты Запада дали глубокую критику капитализма, несмотря на свой утопический социализм.

При всем различии и своеобразии социально-экономических концепций Сен-Симона, Фурье и Оуэна, их объединяет то, что они выступали в роли теоретиков-утопистов, стремившихся помочь нуждам угнетенных классов путем придумывания различных утопических систем. Они искали научные истины в своих собственных головах и не отдавали себе отчета в сущности подлинных исторических событий, которые совершались перед их глазами. Сен-Симон, Фурье и Оуэн не признавали за пролетариатом никакой исторической роли, они не понимали исторического призвания пролетариата — совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы. Они видели в пролетариате лишь наиболее страдающий класс капиталистического общества. Сен-Симон, Фурье и Оуэн не были в состоянии научно обосновать материальные условия, объективные и субъективные предпосылки, которые необходимы для освобождения пролетариата. Они выступали в роли изобретателей такой социальной науки, в роли творцов таких социальных законов, которые дали бы им возможность организовать новый гармонический строй, в соответствии с их общественными идеалами.

Вместе с тем существенной заслугой Сен-Симона, Фурье и Оуэна является то, что каждый из них, на свой лад, на свой специфический образец показал преимущества и всю прогрессивность будущего гармонического строя, необходимость перехода к нему. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценивали положительные выводы великих социалистов-утопистов Запада, касающиеся будущего общества, как, например, уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение старой, буржуазной семьи, частной наживы, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством. Вместе с тем К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что все эти положения у Сен-Симона, Фурье и Оуэна имели утопический характер. Указанные положения выражают необходимость устранения классовой противоположности, между тем как социалистам-утопистам были известны антагонизмы в их «...первичной бесформенной неопределенности»¹.

Под большим влиянием Оуэна находились представители раннего английского социализма — Томпсон, Грей и Брей. Отмечая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 456.

теоретическую преемственность между научным социализмом и великими западноевропейскими социалистами-утопистами, Ф. Энгельс писал: «...Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 498—499.

Глава IX

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНТИКРЕПОСТНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Разложение феодально-крепостнического строя в России и развитие в его недрах нового, капиталистического уклада относятся еще ко второй половине XVIII в. В результате роста производительных сил происходили значительные сдвиги в жизни страны. Развивающееся товарное обращение приводило к тому, что помещичье-барщинное хозяйство России стало втягиваться в орбиту рыночных отношений. В деревне начался процесс расслоения, знаменовавший собой появление крестьян-предпринимателей, применявших в своих мануфактурах наемный труд оброчных крестьян, появление крестьян-скупщиков — владельцев значительных для того времени денежных капиталов. Наряду с посессионной мануфактурой существовали мануфактуры дворянские, купеческие и крестьянские. Роль купеческого сословия неуклонно возрастала в хозяйственной жизни страны.

В условиях дореформенной России в недрах феодально-крепостнического способа производства неуклонно пробивал себе дорогу как в сельском хозяйстве, так и в промышленности капиталистический уклад. Разложение феодально-крепостнического общества способствовало развитию элементов будущего капиталистического общества.

В первой половине XIX в. феодально-крепостнический строй России вступил в полосу своего упадка и крушения, однако способ производства оставался старым. Объективный экономический закон соответствия производственных отношений характеру производственных сил стихийно пробивал себе дорогу и требовал ликвидации отжившего крепостного режима.

Экономическим развитием России на путях капитализма была порождена крестьянская реформа. «Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удерживать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед осво-

бождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*»¹. Крестьянская реформа была одним из эпизодов смены крепостничества бжуазным строем, шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Реформа 1861 г. фактически свелась к сосредоточению лучших земель у помещиков, к лишению крестьян значительной части их земли и, наконец, к «выкупу» крестьянами их наделной земли.

В России 1859—1861 гг. сложилась революционная ситуация, важнейшим фактором которой было крестьянское движение. Однако русское крестьянство в период проведения реформы 1861 г. потерпело поражение, так как крестьянское движение не было достаточно сознательным и организованным, крестьянские восстания в этот период носили характер стихийных и раздробленных «бунтов», а рабочий класс в те времена не выступил еще в России в роли руководителя и союзника крестьянства в его революционной борьбе.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА

Крестьянская война 1773—1775 гг. развернулась в связи с усилением эксплуатации крестьянства, в условиях развивающегося товарного производства, зарождения и развития буржуазного уклада, буржуазных элементов в городе и деревне. В крестьянской войне под предводительством Пугачева большую роль играли яицкие и оренбургские казаки, а также горнозаводские рабочие люди. Поскольку в восстание Пугачева с самого начала были вовлечены помещичьи крестьяне и с самого начала восстание ставило своей целью освобождение их от крепостного ярма, постольку движение носило характер крестьянской войны со всеми присущими ей характерными чертами.

Своеобразие крестьянской войны 1773—1775 гг., как и вообще крестьянских войн в России, заключалось в том, что классовая борьба русских крестьян, посадских людей, холопов, рабочих людей, казаков сливалась с классовой и освободительной борьбой нерусских народностей, трудовых масс народов Приуралья и Поволжья. В отличие от крестьянских движений в Западной Европе, в восстании Пугачева, как и вообще в крестьянских войнах России, при всем наличии в них лозунгов «старой веры», религиозный момент не играл существенной роли. Специфической особенностью крестьянской войны 1773—1775 гг., как и вообще крестьянских войн в России, является также и то, что она развертывалась под флагом самозванства. Это отражало наивный монархизм русского крестьянства.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

Крестьянская война под предводительством Пугачева, хотя она и происходила в традиционной самодержавной форме, не была направлена против царизма. Это была война под главенством «мужицкого» царя, крестьянского царя. Она ставила своей целью отнюдь не добиться отдельных частичных уступок со стороны угнетавшего крестьянство класса феодалов. Переход власти в результате победоносной крестьянской войны в руки «мужицкого», «хорошего» царя должен был ознаменоваться уничтожением класса феодалов, ликвидацией всей крепостнической системы.

Ф. Энгельс писал: «Русский народ ... устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против *дворянства* и против отдельных чиновников, но *против царя — никогда*, кроме тех случаев, когда во главе народа становился *самозванец* и требовал себе трона. Последнее крупное крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого женой, а только лишённого трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал. Наоборот, царь представляется крестьянину земным богом...»¹.

В. И. Ленин указывал, что крестьяне требовали отмены крепостного права, в то же время они ничего не имели против царской власти и верили в царя². Народное восстание 1773—1775 гг. представляло собой крупнейшую и последнюю крестьянскую войну феодальной эпохи в России, значительнейшее крестьянское движение эпохи феодализма в масштабе всей Европы.

О целях крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева, о социальных чаяниях, в первую очередь, восставшего крестьянства свидетельствуют манифесты Пугачева, о которых Пушкин отзывался, что они — «образцы народного красноречия», исходившие из пугачевского лагеря. Так, самый ранний манифест, датированный 18 июля, провозглашал: «...Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без аброку и свободядем всех прежде гонимых от злодеев дворян и градских мздоимцев — судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощений. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалые бедствия.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 547.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 80.

А как ныне имя наше властью всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян всякий может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет»¹.

Манифест всенародно объявил стихийно возникшую программу пугачевского восстания — слом всей крепостнической системы, отмену крепостного права, отмену рекрутчины, денежных податей и поборов, ликвидацию дворянства как класса, равенство перед законом. Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева, как и любое стихийное выступление крестьянства в эпоху феодализма, потерпело поражение. Поражение пугачевского восстания произошло в силу стихийности и разрозненности движения, отсутствия единого руководства, наличия смутных чаяний при отсутствии ясного сознания цели борьбы и средств к ее достижению, отсутствия осознанной программы борьбы.

Однако пугачевское восстание нанесло тяжелый удар феодальным порядкам, содействовало их неизбежному крушению. Прогрессивное значение восстания под руководством Пугачева состояло в том, что оно стимулировало развитие передового общественного движения в России конца XVIII начала XIX в.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ А. Н. РАДИЩЕВА

С именем Александра Николаевича Радищева (1749—1802) связано возникновение революционного движения в России. Творчество Радищева своими корнями уходит в начало разложения феодально-крепостнической системы России, в восстание Пугачева, в европейскую просветительную мысль, в события войны за независимость в Северной Америке, в революционную ситуацию во Франции. Рассматривая Радищева как первого представителя революционной России, В. И. Ленин писал: «Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то

¹ Пугачевщина, т. I. Госиздат, стр. 40—41.

же время становится демократом, начал свержать попа и помещика»¹.

В произведениях Радищева философский материализм был теоретической основой его экономических воззрений, революционных для своей эпохи. Выступая против мистицизма, религии и философского идеализма своего времени, Радищев считал необходимым руководствоваться «светильником опытности». Радищев отстаивал материалистическую идею о безграничных возможностях познания человеком внешнего мира. Радищев подвергал критике воззрения Аристотеля, с рьяностью отстаиваемые идеологами крепостничества, что «сама Природа разположила уже род смертных так, что одна и притом гораздо большая часть оных должна не пременно быть в рабском состоянии..., а другая в господственном»². Радищев видел в рабстве не реализацию законов природы, не дар природы, а продукт исторически обусловленных общественных отношений, дар истории.

Радищев подвергал критике теорию разделения властей Монтескье, противопоставляя ей идею всевластия народа. Осуждал также Радищев утверждение Руссо, будто республиканская форма правления может существовать только в малой стране, в больших же государствах неизбежной формой государственного правления является монархия. Радищев считал необходимым в такой большой по размерам территории, как Россия, установить в результате победившей народной революции на обломках свергнутой монархии республиканский, демократический строй.

О политическом строе монархии во главе с царем Радищев писал, что царь в народе «зрит лишь подлу тварь». Путь закрепощенного крестьянства к свободе Радищев видел не в упованиях на милость, не в благородстве помещиков — «великих отчинников», а в возмущении народных масс тяжестью порабощения, в их революционной энергии. Радищев был сторонником революционного изменения существующего в России самодержавно-крепостнического строя, путем народного восстания.

А. Н. Радищев — критик крепостничества. Разоблачая существующий в России общественный строй, Радищев указывал, что Россия представляет собой страну, где земледелец ощущает тяготу неволи, находится в оковах рабства. По мысли Радищева, русскому крепостному крестьянину, созидателю, творцу материальных благ, обеспечивающему всю страну жизненными средствами, добывающему всему народу пропитание, не принадлежит весь продукт его труда. Радищев обосновывал несостоятельность крепостного режима в России, исходя из принципа трудовой собственности, что производителю принадлежит естественное право на продукт его труда.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

² А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. I. Изд-во АН СССР, 1938, стр. 218. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

Характеризуя тяжелый жребий, выпавший на долю закрепощенного крестьянства, всестороннюю зависимость от помещика, подчинение его необузданной воле, непогрешимой власти, Радищев утверждал, что отношения между помещиками и крепостными базируются на неприкрытом насилии. Указывая на отрицательные нравственные последствия крепостничества, Радищев полагал, что «тут никакой неможно быть связи, разве насилие». Радищев, по существу, видел хозяйственную сущность крепостного строя во внешнеэкономическом принуждении.

Радищев подчеркивал важное значение принципа выгоды, пользы, личной материальной заинтересованности производителей в результатах их труда. Он писал, что корыстолюбие — «мощный побудитель человеческих деяний». Следуя этому «естественному побуждению», продолжает Радищев, «все начинаемое для себя, все, что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того, все то, на что несвободно подвизаемся, все то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и криво».

Анализируя под углом зрения принципа материальной заинтересованности труд крестьянина на себя и его труд на помещика, производительность крестьянского труда, Радищев писал: «Нива у них (т. е. крестьян. — *Авт.*) чуждая, плод оный им не принадлежит. И для того обрабатывают ее лениво; и нерадеют о том, не запустеет ли среди делания». Иная картина наблюдается на земле, которая находится в пользовании крестьян. «Сравни сию ниву, — продолжал Радищев, — с данною надменным владельцем, на тощее прокормление делателю. Нежалеет сей о трудах своих, ее ради предпринимаемых... Зане рачит о себе, работает для себя, делает про себя». Радищев подчеркивает, что нива, отведенная крестьянину, дает ему «плод сугубый».

Радищеву принадлежит заслуга теоретико-экономического анализа аграрного режима современной ему России. Радищев с выразительной ясностью противопоставлял труд крепостного крестьянина, как труда на самого себя, как необходимого труда, труду принудительному, труду даровому, прибавочному труду, присваиваемому помещиком насильственным путем, методами внешнеэкономического принуждения. Радищев противопоставлял собственному хозяйству помещика, которое занимало часть его земли, другую часть земли, находившуюся в пользовании крестьян, в результате «наделения» крестьян земельным участком. Радищев приближался к пониманию того, что крестьянский земельный надел был своеобразной «заработной платой», которую получал крестьянин от помещика на «тощее пропитание».

Содержательными являются утверждения Радищева о низкой производительной силе труда в условиях феодальной собственности на средства производства, утверждения о преимуществах труда вольного, свободного по сравнению с трудом крепостным, затрачиваемым в условиях зависимости, принуждения, порабощения.

Это была критика крепостного хозяйства в самой глубокой его основе как совокупности общественных отношений, находящихся в противоречии с производительными силами и прежде всего с ведущей производительной силой страны — крепостным крестьянством.

Анализируя «способы возделывания» земли, Радищев отмечал тяжелое состояние «способа первого» — рабочего скота. Так, рассматривая вопрос о применении лошадей в крестьянском хозяйстве, Радищев заявляет: «...Едва ли должно заботиться, чтобы лошади были у крестьян хорошие: ибо сколь бы она хороша ни была, худому подвержена будет жребию». В этом жалком «жребии», который достается в удел крестьянской лошади, немало важное место занимают «подводы казенные, общественные и господские». Таким образом, Радищев без обиняков заявляет, что на «жребий» рабочего скота, в частности на лошадь в крестьянском хозяйстве, накладывает свою печать отживший крепостнический строй.

Что касается второго «способа возделывания» земли, земледельческих орудий, то, по мнению Радищева, он носит неподвижный, застойный характер. Земледельческие орудия — «самые простые, таковы, каковы были, может быть, за сто лет». Применению новых, более совершенных земледельческих орудий препятствуют «и предрассуждение», и малые крестьянские капиталы, и нерадивость земледельцев. Капитал, употребленный на... орудия, очень мал».

В своем анализе «способов возделывания» земли Радищев приближался к пониманию различия между средствами производства и той общественной формой, в которой они применяются, к пониманию того, что противоречия неотделимы от применения средств производства в условиях крепостничества. Радищев констатировал низкую урожайность крестьянских полей. Он писал: «Способы возделывания у нас не весьма обильны, а потому и хлеба родится у нас мало». А это приводит к обнищанию крестьянства. По мысли Радищева, хлебопашество — господствующая отрасль народного труда при крепостнических порядках — источник обнищания крестьянского люда.

Радищев отмечал «неравенство крестьянского состояния». Анализируя различные группы крепостных крестьян, Радищев указывал на более благоприятное положение казенных крестьян в сравнении с помещичьими крестьянами. Среди помещичьих крестьян наиболее благоприятным Радищев считал положение крестьян, платящих оброк. Превосходство оброка над барщиной Радищев отмечает с оговоркой — наличия зачастую значительной суммы оброка, уплачиваемого помещику. Радищев разоблачает безмерную, ненасытную жажду помещика присваивать труд крепостных крестьян. Великий русский мыслитель дал глубокий теоретический анализ месячины. Радищев отмечает, что помещик заставляет крестьян, жеп их и детей во все дни года работать на себя. «А да-

бы они неумирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное».

Радищев подчеркивал, что месячники были лишены возможности содержать скот. Радищев с язвительной насмешкой, с сарказмом отмечал, что при таком порядке вещей не удивительно, что земледелие в деревне этого дворянина было в цветущем состоянии. «Варвар! — восклицал Радищев, — недостойно ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что несколько тысяч четвертей в год, более родится хлеба, если те, кои его производят, считаются наравне с волком, определенным тяжкую вздирати бороду? Или блаженство граждан в том почитаем, чтобы полны были хлеба наши житницы, а желудки пусты». Радищев, по существу, видел в месячине превращение крепостничества в рабовладельческую систему, перерастание крепостного крестьянина в раба, освобожденного от средств производства.

Радищев отмечал также наличие перехода оброка в барщину, а последней в месячину, если это только диктовалось корыстными интересами помещика. Переход от одной формы крепостного труда в другую диктовался жаждой денег, стремлением к их накоплению. Отметим, что Радищеву не чуждо было понимание процесса расслоения среди крестьянства в современной ему России. Так, в «Описании моего владения» мы читаем: «...Если найдутся дворов десять, которые имеют капитала от 25 до 200 руб., то у других нет в кладу ни копейки». Определяя обязанности крестьянина в отношении государства, Радищев указывает, что он «обязан жить на одном месте, но и то, доколе господин его хочет; отдавать рекрут всякого рода какие бы ни были; платить подати; судиму быть за общественные преступления в судебных местах». В заключение Радищев указывает, что крестьянин, если «имеет употребление чего-либо, то делается только из благосердия господина», что поскольку крестьянин «платит подать, то он, для удовлетворения тому, должен иметь собственность и проч.».

В произведениях Радищева дан анализ положения различных групп крепостного крестьянства. В изображении Радищева крепостное крестьянство находилось под тяжелым гнетом не только помещиков, но и стоявшего на страже их интересов крепостнического, самодержавного государства.

Наряду с крестьянским хозяйством Радищев отмечал пагубное влияние крепостного права и на помещичье хозяйство. Радищев разоблачал примитивные методы хозяйствования в помещичьих имениях. Так, ставя вопрос о «задатках, даваемых земледельцами, их росчет капитала с доходом, от возделывания земли получаемым», Радищев указывал, что «в России (редко где исключая) разве одни семена почитаются задатки, орудие и здания кое-когда, а работа — ни за что». По существу, это была критика методов хозяйственного расчета в условиях крепостничества, когда игнорировались затраты, расходование средств на рабочую силу.

В непосредственной зависимости от общих воззрений Радищева на крепостническую эксплуатацию находилась и трактовка им проблемы народонаселения в условиях современной ему России, в которой он продолжал традиции, исходившие от Ломоносова. Радищев писал, что если «принужденная работа дает меньше плода, то недостигающая своей цели земная произведения, тоlikoже препятствуют размножению народа. Где есть нечего, там хотя бы и было кому есть, nebude; умрут от истощения. Тако пива рабства неполный давая плод, мертвит граждан, им же определены были природою избытки ея. Но сим ли одним препятствуется в рабстве многоплодие? К недостатку прокормления и одежд, присовокупили работу до изнеможения. Умножь оскорбления надменности и уязвления силы, даже в любезнейших человека чувствованиях; тогда со ужасом узришь, возникшее губительство неволи».

Радищев был далек от абстрактной постановки проблемы народонаселения, трактовки ее наличием закономерностей, присущих всем временам и народам. Радищев рассматривал вопрос о народонаселении в тесной связи с конкретными историческими условиями, с господством крепостнического общественного строя.

А. Н. Радищев о крестьянских промыслах. Анализ цены. Радищев считал полезным всякое крестьянское «рукоделие», всякий крестьянский промысел, если он не отрывает крестьянина от земледелия. Вместе с тем Радищев отмечал, что «рукоделия» и ремесла крестьян отвлекают их на долгое время от земледелия, что является весьма пагубным. В своей работе «Описание моего владения» Радищев дает обзор ряда «рукоделий» и показывает «поколикo каждое из них полезно в связи своей с земледелием, и которое для него удручительно и расторгающе».

Анализируя «общественное благосостояние», Радищев считал, что его источник, «корень» базируется на «беспрепятственном и скором обращении домашнего избытка». Ориентируясь на обилие продукции отечественного производства, Радищев в своей оценке роли внешней торговли высказывается, что она «не может... никогда почестся необходимою Государственной силы и могущества опорой». Хотя Радищев вместе с тем и подчеркивал, что «внешняя торговля... может быть единым от источников... богатств».

В работах Радищева дан анализ цены как экономической категории. Куплю и продажу Радищев правильно определил как взаимоотношение владельца денег и товаровладельца. Он писал: «В покупке и продаже или в мене на деньги закон определит точно отношения: 1-ое лица продающего и лица покупающего; 2-ое предмет покупки и продажи и 3-е цену договорную». В своем понимании цены вещей Радищев исходил из «пользы» вещей, из их «полезности». «Пользу» вещей Радищев связывал с их потреблением. «Имея вещи в своей власти, человек делает из них употребление, в сем состоит их польза». Что же касается «полезности» вещей, то она предполагает способность приносить «прибыток».

Под ценой вещи Радищев понимал «определятельное сравнение вещи», которое вещи придается вследствие «пользы от вещи происходящей». «...Польза вещи,— утверждал Радищев,— определяет ее цену». По мнению Радищева, колебание цен подвержено воздействию многих факторов. Он писал, что если «станем исчислять пользу, которую можно иметь от вещи», то «время, обстоятельство, нужда и проч. могут цену возвысить или понизить». Учитывая наличие высоких цен на товары, обусловленных их особыми, исключительными свойствами, Радищев писал о вещах цены «обыкновенной», цены «необыкновенной», о вещах «драгоценных», о вещах «неоцененных». «Если цена вещи для всех одинакова, то вещь будет цены обыкновенной. Если же исчисляют пользу, которая иногда из оной произойти может, то бывает цена вещи необыкновенная. Особое уважение вещи ради каких-либо ее качеств или отношений делает ее драгоценною. А если невозможно ее качеств или паче ее цену поставить в сравнение ни с какою другою вещию, то вещь такую назвать можно неоцененною».

Таким образом, по правильному утверждению Радищева, в соответствии с выдвинутой им своеобразной терминологией (т. е. различие между «пользой» вещей и их «полезностью»), предметы, не пригодные для потребления, вещи, не приносящие пользы, цены не имеют, хотя он ошибочно определял цену вещи ее «пользой». Оригинальной является выдвинутая Радищевым классификация цен, в которой он пытался обобщить колебание рыночных цен, обусловленное воздействием различных по своей природе обстоятельств. Анализируя составные элементы цены товара, Радищев различал в ней две части: «истинную цену» и «прибавочную цену». «Истинная цена» — это то, что товар «стоит или производителю или продавателю и покупателю, или тому, кто его временно имеет в своих руках».

Радищев видел в «истинной цене» «задатки», предназначенные на «произведение» вещи; например: земледелец держит скот, оружие, семена и пр.; фабрикант строит строение, припасы; купец берет деньги в рост и пр., извозчик держит лошадь, корм. «Истинная цена», подчеркивает Радищев, никому в «прибыток быть не может». Под «прибавочной ценой» товара Радищев понимал «прибыль всем тем, через чьи руки оной проходит». По мысли Радищева, цена товара находится в прямой зависимости от количества рук, через которые он проходит в своем пути от производителя к потребителю. «Прибыток» от цены товара, обусловленный расстоянием между производителем и потребителем, Радищева интересует не как «барыш» немногих отдельных лиц, а как «пропитание», доход большого количества людей.

Радищев утверждал, что «прибыток» между людьми, участвующими в торговле, делится неравномерно. Назвав всех людей в той или иной степени причастных к торговле, «стяжателями» товара, Радищев различал среди них лиц, «которым товар принадлежит», и лиц, «которые имеют его в руках временно». Первая группа лиц —

это «деятели в торгу»; другая группа — это «оного только пособия». «Удел» первой группы в «прибытках, от торгу даваемых» — доля большая, а «удел» второй группы — меньшая. Общий вывод Радищева сводится к тому, что «чрез сколько рук товар пройдет толикому числу людей он даст упражнение». Отметив различные доли «прибытка», достающиеся агентам, в той или иной степени причастным к товарному обращению, Радищев останавливается и на «убытках», проистекающих из нарушений движения товарной массы от производителя к потребителю.

Наибольшие потери от «лишения прибытка» испытывают производители товаров. «...Покупатель и продавец и все другие, с вещию или товаром обращающиеся, лишены могут быть своего только прибытка, а капитала только временно и случайно, но производитель лишается своего ремесла или художества, когда в нем не пастойт нужда и не так, как другие, искусство свое на другой предмет обратить не может, разве в долговременном последствии». Цена товара, по мысли Радищева, ложится в конечном счете своим грузом на потребителя и целиком им оплачивается. «Вся цена товара бывает в тягость употребителю оного и ему в убыток, ибо он его истребляет или пресекает его дальнейшее обращение». Если под «истишной ценой» товара Радищев, по существу, понимал издержки производства, то под «прибавочной ценой» он разумел всю прибыль, которая достается участникам торга — предпринимателю и купцу.

Большой интерес представляет собой трактовка Радищевым вопроса о «ценах за людей убиенных». Отвергая в принципе возможность определения «цены человека», Радищев считал необходимым обеспечить признание пострадавшим от убийства своего кормильца. «...Доколе не будет сделано о признании общих распоряжений, то терпящие от убиения человека должны быть на попечении общества того селения или города, к которому убиенный принадлежит». Радищев делает следующий вывод относительно «цены» убитых крепостных крестьян: «Мы не войдем в исчисление ... цен, определяемых помещиками за убиенных и им принадлежащей людей: цена крови человеческой не может определена быть деньгами». Это был язык, выражавший гуманное чувство безграничной любви к народу, к его действительному благу, язык замечательного критика и разоблачителя самодержавно-крепостнической России.

А. Н. Радищев о деньгах. Радищев определял деньги как «знаки всякой цены, следственно всякой вещи». Подчеркивая преимущественную роль золота и серебра как металлов в сфере товарного обращения, Радищев отмечал, что в результате «общего соглашения», золото и серебро «всякий товар представляют и на них всякий товар менять можно»; что золото и серебро представляют собой «произведения земные, как и другие металлы, а драгоценнее потому, что их меньше».

Радищев различал металлическое обращение и бумажно-денежное обращение. Сопоставляя различные монетные формы денег, Радищев видел в золотой или серебряной монете «фундаментальную монету», в бумажных деньгах — «сократительную монету», в медных деньгах — «раздробительную монету». О «сократительной» и «раздробительной» монетах Радищев писал, что они «та и другая суть марки». Радищев полагал, что «все торговые исчисления и обороты должны расплачиваться по цене серебра и золота».

В рассуждениях Радищева ценными являются утверждения, что золото или серебро как деньги обладают способностью к непосредственному обмену. Большой интерес представляет собой высказывание Радищева о том, что бумажные деньги и медные деньги являются знаками, представителями благородных металлов — золота или серебра. Определив, исходя из потребностей товарооборота, количество денег, необходимое для обращения в России в 200 миллионов рублей, Радищев отметил зависимость массы средств обращения от скорости обращения денег. Радищев писал: «Положим, что каждый рубль только пройдет в год через трой рук, или сказать тоже другими словами, представит три разные вещи (если вникнем, то найдем, что нередко один рубль 10, 20, 30 и более вещей представляет), то обращение годовое составит 600 милл. руб.»

Отметим, что Радищев считал несостоятельной, ошибочной точку зрения на деньги, на золото и серебро как на богатство по преимуществу. Радищев недоумевал, в силу каких обстоятельств следует золото и серебро «предпочитать в торгу другим произведениям, почто их почитать истинными богатствами и гоняться за ними, нарушая даже правила благоразумия». Высказывание Радищева было направлено против меркантилистов, которые ошибочно отождествляли богатство с деньгами.

Исключительный интерес представляют высказывания Радищева, посвященные бумажным деньгам. О бумажных деньгах Радищев писал, что они обладают «ценой», являются «мерилом всех вещей, в торгу обладающихся». Ратуя за полноценные бумажные деньги, правительство, полагал Радищев, должно «печатать своею обеспечивать надежность знаков, имущество представляющих»; правительство должно «указывать», что «цена ... существующая, внутренняя» бумажных денег есть та, которая является «узаконенною»; банки должны учреждаться с целью «истинного пособия земледелию и рукоделию, от него зависящим».

Если же правительство будет стремиться «иметь на деньгах барыш»; если правительство вместо «делания монеты ... будет делать себе доход, или непозволительный уменьшением веса и доброты монеты битой, или над прибавлением произвольным ея цены или деланием неограниченным монеты бумажной»; если банки будут «заступать место монетного двора» или банки будут учреждены только для «мнимого истребления лихоимства», то все

это приведет к тому, что благородные металлы уйдут из обращения и «скроются металлы драгоценные».

Радищев с большой силой подчеркивает губительное воздействие на народное хозяйство обесценившихся бумажных денег. «Прилив денег бумажных — зло; поток плотины разорвавшейся покроет все торговое обращение, земледелие и рукоделие будет томиться, и число монеты бумажной возрастет до того, что цена ее будет меньше, нежели лист бумаги, на нее употребляемой. Тогда настанет час гибели, час нежданого банкротства, и тот, кто сегодня считал капитал свой миллионами, тот будет нищ и будет питаться милостынею надменности, или прибегнет к спасанию несчастных крайнему — самоубийству».

Свои общетеоретические положения о бумажно-денежном обращении Радищев подкрепляет ссылками на пагубное влияние бумажных денег в тогдашней России. Радищев писал, что «первая ассигнация была представление ходячей монеты, а нынешняя излишни»; что увеличением бумажных денег, а «особливо в годы неурожая хлебного, убавило доходы на 4 милл.»; что при учреждении банка «надлежало бы подумать, что от умножения денег все будет дороже, а потому издержки казенные пробудут, а доходы умалятся». О рудоплавильных заводах, монетных дворах, бумажных деньгах Радищев отзывался, что они суть «гидры народные». «Государь, — писал Радищев, — который деньги делает, есть вор общественной, если не вор, то насильствователь».

А. Н. Радищев о проценте. Заем, по мысли Радищева, представляет собой договор, посредством которого «один дает другому что-либо цену имеющее и такое, которое от употребления истребляется, с тем условием, чтобы возратить ему подобное в качестве и количестве».

Радищев различал заем «настоящий» и «ненастоящий». «Настоящий» заем «бывает деньгами или обязательствами равного с деньгами достоинства». Что же касается «ненастоящего» займа, то он «бывает вещами, которые истребятся употреблением». Понимая под займом взятие в долг денег или вещей, Радищев полагал, что при «настоящем» и «ненастоящем» займах «тот, кто занимает, становится хозяином занятого». Радищев различал заем с «лихвой» и заем «благотворной». Под «лихвой» Радищев понимал «все то, что за занятое заемщик платит обязался». По мысли Радищева, «лихва может быть такая же, как самая вещь займа, или состоять может в каком-либо деле или в какой услуге». «Лихва деньгами, — подчеркивал Радищев, — называется процент». Радищев утверждал, что, подобно всякому другому виду собственности, деньги «можно менять или продать, можно подарить, можно дать в заем».

Рассматривая деньги как один из видов собственности, Радищев считал, что отношение к «цене денег», т. е. к проценту, должно быть такое же, как к цене любой вещи, передаваемой в чью-либо собственность. Норма процента, правильно отмечал Ради-

щев, определяется соотношением спроса и предложения ссудных капиталов, состоянием денежного рынка. Радищев писал: «...Когда капитал, пазначенной для отдач в заем, равен требованиям взять в заем, то проценты будут умеренны. Если требования превышают капитал, отдаваемый в заем, то проценты будут больше. Если капитал такой превышает требования, то проценты будут низки».

Что же касается России, то наличие в ней высокой нормы процента Радищев объяснял тем, что «мало накоплено капиталов наличными деньгами», что «накопленные капиталы гораздо прибыльнее и безопасно употреблять на приобретение недвижимых имуществ». В качестве примера Радищев ссылается на деятельность откупщиков, подрядчиков и торговцев.

Радищев считал несостоятельным утверждение о том, что получение процентов противоречит требованиям морали. Он отвергал нравственные сентенции по поводу отдачи денег под проценты. Защищая правомерность получения процента, Радищев ссылается на риск, связанный с отдачей денег под проценты. По аналогии с прибылью Радищев склонен видеть в проценте как бы страхование риска.

Радищев выступает против законодательного регулирования нормы процента. Являясь противником законодательного ограничения ссудного процента, относясь отрицательно к установлению «указанного процента», Радищев писал: «Где лихва запрещена и проценты велено брать указные, там отдающие деньги в заем смеются безсильному законоположению, и договоры о процентах всегда ложные: и лихва тем больше, проценты тем дороже, чем больше может быть опасности в нарушении закона». Свои воззрения на необходимость предоставить установление процента стихийной игре спроса и предложения Радищев обосновывал тем, что «не должно стеснять свободы в употреблении собственности», что «должно оставлять каждому рачить о своей пользе».

Радищев — русский революционный мыслитель — был выдающимся для своей эпохи экономистом. Радищев обосновывал необходимость народной революции, вооруженного народного восстания, в огне которой в результате крушения самодержавия и крепостнического строя должна возникнуть народная республика.

В центре политико-экономической концепции Радищева был аграрный вопрос, который он решал, исходя из интересов крестьянских масс. Он отстаивал необходимость ликвидации феодальной собственности на землю, необходимость обеспечения крестьянина земельной собственностью. Радищев дал глубокий теоретико-экономический анализ крепостничества. Радищев вскрыл эксплуататорскую природу богатства помещиков, роль насилия как внеэкономической формы принуждения к труду. Радищев указывал на низкую производительность крепостнического труда, обусловленную отсутствием у крестьян стимулов к труду, материальной

заинтересованности в результате труда. Большой интерес представляет собой глубокая и оригинальная трактовка Радищевым таких теоретико-экономических проблем, как, например, цена товаров и прибыль, металлические и бумажные деньги, кредит и процент. Радищев внес существенный вклад в историю мировой экономической мысли.

ИДЕИ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ТРУДАХ ДЕКАБРИСТОВ

Движение декабристов было порождено развитием кризиса феодально-крепостного строя, падающего на вторую четверть XIX века, и все расширяющимися новыми, более прогрессивными капиталистическими отношениями. В своей научной периодизации русского революционного движения В. И. Ленин обосновал наличие в нем смены трех поколений революционеров: первое поколение — дворянские революционеры, второе — революционеры-разночинцы, третье — пролетарские революционеры. В. И. Ленин писал: «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году»¹.

Таким образом, декабристы — дворянские революционеры — согласно ленинской периодизации, открывают первый этап истории русской революционной борьбы. Декабристы — первые русские революционеры, выступившие с оружием в руках против самодержавия и крепостничества. Теоретическое обоснование борьбы против самодержавия и крепостного права, против всего феодально-крепостного строя царской России придало идеологии декабристов антифеодальный характер. Подчеркивая большое политическое значение лозунга республики, В. И. Ленин указывал на декабристов как на первых революционеров, провозгласивших этот лозунг. Республиканские идеи декабристов впервые появились в истории русского революционного движения как политическая программа. Декабристы, осуществившие руководство политическим движением своего времени, были далеки от народа. Вос-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

стане декабристов было разгромлено. Однако объективно идейная борьба декабристов и их открытое революционное выступление содействовали смене отживающей феодальной общественно-экономической формации капиталистической.

Н. И. ТУРГЕНЕВ —
КРИТИК КРЕПОСТНИЧЕСТВА

Н. И. Тургенев и его «Опыт теории налогов». Николай Иванович Тургенев (1789—1871) — автор книги «Опыт теории налогов» и ряда других произведений, в которых развивались его экономические взгляды. Сын директора Московского университета. Учился в Геттингенском университете.

Подвергая критике многих «порицателей», которые в «новейшие времена... восставали против системы феодального правления», Тургенев утверждал, что она «была соответственна тогдашнему духу времени, тогдашней образованности народов»¹. Что же касается источника «духа времени», то Н. Тургенев его выводил из политического строя государства и законов. Высказывания Тургенева о «духе времени» как основе феодализма носили идеалистический характер и были типичны для просветителей XVIII в.

Общие рассуждения о феодализме служили для Н. Тургенева отправным пунктом для разоблачения социально-экономического режима современной ему самодержавно-крепостнической России. Подвергая критике крепостное право в России, Н. Тургенев утверждал, что право собственности и личная свобода — основа благосостояния государств. Исходя из принципа справедливости, норм морали, Тургенев писал: «Благоустроенное государство не должно созидать своего благоденствия на несправедливости; угнетение одного класса граждан другим, не может быть залогом благосостояния великого и нравственно доброго народа».

При всей ошибочности анализа феодализма с позиции «духа времени», путем применения этических принципов Тургенев дал содержательную характеристику противоположности сословных интересов помещиков и русского угнетенного крестьянства. Так, Тургенев считал несостоятельной трактовку отношений между помещиками и крестьянами как отношений семейных. В представлении Тургенева воззрения людей, которые «сравнивали господина, в управлении крестьян его, с отцом семейства, и власть первого с властью сего последнего», далеки от действительности. По мысли Тургенева, роскошь «высших классов» граждан не может служить критерием «благосостояния» государства. Ссылаясь на Россию, Н. И. Тургенев писал: «Роскошь дворян в России часто доказывает только то, что они имеют крепостных крестьян, коих силами и способностями, а равно, и капиталами, они по своему

¹ Н. И. Тургенев. Опыт теории налогов. Третье издание. Соцэкгиз, 1937, стр. 8. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

произволению располагать могут». Таким образом, Тургенев без обиняков заявляет, что обогащение, роскошь российского дворянства является **оборотной** стороной обнищания крестьянства, подвергавшегося крепостнической эксплуатации методами внеэкономического принуждения.

Отметим критику крепостничества, которую Тургенев дал в своем анализе дохода от «земли» и от «рабочей платы» как признаков трех различных состояний государства. Наличие государства в «цветущем или успевающем состоянии» Н. Тургенев связывал с большим доходом от «земли», с «хорошим положением» помещиков и в особенности «землевладельцев, на коих созидается благоденствие народное». Наличие государства в «непеременяющемся состоянии» Н. Тургенев связывал с незначительным доходом от земли, с жизнью помещиков «не в изобилии», с отказом «земледельцев» от «приятностей жизни».

Наличие государства в «упадающем состоянии» Н. Тургенев связывал с тем, что помещики «с трудом могут содержать себя своими доходами»; с тем, что «земледельцы находятся в нищете и не имеют довольно способов работать столько, сколько бы они могли» и что они «ограничивают себя в потреблении предметов первой необходимости». Рассуждения Н. Тургенева о трех различных состояниях государства навеяны учением А. Смита. Высказывания Н. Тургенева о состоянии государства в «упадочном состоянии» могли быть отнесены к тогдашней России с ее упадком помещичьего хозяйства, кризисом барщинной системы, разрушением крестьянского хозяйства, обнищанием крепостного крестьянства. Как дворянский революционер, Н. Тургенев не упускал из своего поля зрения помещичье хозяйство, судьбы которого вообще играли существенную роль в его аграрных воззрениях.

Еще более наглядно, осязательно критика крепостничества Н. Тургеневым представлена в его рассуждениях о заработной плате. Тургенев писал, что «часто один взгляд на работника, на земледельца может дать некоторое понятие о состоянии государства; в тех землях, где получаемая ими от их занятий прибыль велика, они лучше едят, лучше пьют, лучше одеваются, прилежнее работают, и напротив». Отправляясь от воззрений А. Смита о необходимости повышения заработной платы, исходя из принципа материальной заинтересованности, стимулирования роста производительности труда, Н. Тургенев писал: «Заметим, что они (т. е. работник и земледелец. — *Авт.*) употребляют более охоты и прилежания не тогда, когда они менее получают за свою работу, но тогда, когда они более за оную получают. Сие доказано опытом, вопреки безрассудному мнению, что налоги и недостаток побуждают к прилежанию».

Вынужденный в условиях подцензурной печати писать о России как о государстве, находящемся в «успевающем состоянии», Тургенев в то же время подчеркивал, что «успехи» России «были бы совершеннее, если бы общей деятельности, общему стремлению

к образованности и благосостоянию не препятствовало существование рабства». Н. Тургенев рассматривал крепостное право как тормоз общественного прогресса в России.

Свое упование на отмену крепостного права Н. Тургенев связывал с «духом времени». Как дворянский революционер, Тургенев писал, что он питает «сладостную надежду» на совершение этой благотворительной реформы исходя из «выгоды самих помещиков». Общая точка зрения Тургенева по этому вопросу сводилась к утверждению о «необходимости постепенного дарования крестьянам некоторых личных прав», о «необходимости постепенного ограничения власти помещиков». Тургенев считал несостоятельной точку зрения тех людей, которые воображали, что «крестьянин не может приносить дохода помещику иначе, как составляя его собственность».

Тургенев отстаивал неприкосновенность, сохранение в целостности, в нетронutom виде помещичьей собственности. Так, например, Тургенев полагал, что «покровительство простому народу должно иметь свои пределы». О Неккере Тургенев писал, имея в виду его стремление ослабить налоговый гнет, что «Неккер требует слишком многого, говоря, что сия метода может служить хорошим средством для уменьшения неравенства имений». Таким образом, Тургенев был сторонником неприкосновенности «имений», противником уменьшения их «неравенства».

Тургенев всячески отстаивал вступление помещиков на путь капиталистического предпринимательства. В этой связи следует отметить его высказывания о подати с дохода от земли, о «непременной» поземельной подати и «переменяющейся» поземельной подати. Великое преимущество «непременной» подати, т. е. подати, определенной навсегда, Тургенев видел в том, что, «не возрастая с увеличением дохода, она не препятствует употреблению новых капиталов на земледелие, не полагает препон усовершенствованию оногo...»; что «большая часть всех владельцев смело употребляет все средства к улучшению земледелия, зная, что увеличение дохода от земли не подвергнет их увеличению налога».

Что касается «переменяющейся» поземельной подати, т. е. подати, изменяющейся вследствие изменения дохода, то одно из ее неудобств Тургенев видел в том, что если «подать должна увеличиваться вместе с доходом, то владелец земли редко будет стараться об усовершенствовании земледелия для увеличения дохода, зная наперед, что с умножением его прибыли увеличится и та часть дохода, которую он обязан платить правительству».

Н. Тургенев о свободе торговли. Тургенев видел в свободе торговли политику, способствующую, содействующую росту народного благосостояния. По мысли Тургенева, покушение на свободу торговли «действует непосредственно на уменьшение количества произведений; лишает народ средств добывания себе дохода». С уменьшением доходов отдельных членов общества уменьшается общест-

венный доход. Подчеркивая в полемике с меркантилистами примат внутренней торговли над внешней, Тургенев считает, что «все препятствия, делаемые внутренней торговле, имеют вредное влияние и на иностранную».

Отстаивая идею невмешательства государства в экономическую жизнь страны, Тургенев утверждал, ссылаясь на А. Смита, что «участие правительства в делах частных всегда более или менее вредно». Влияние правительства должно ограничиться «позволением» каждому частному лицу «искать своих выгод и употреблять свои капиталы как ему заблагорассудится. Потому-то замечено с некоторою справедливостью, что в сем отношении правительство делает для подданных все, если оно ничего не делает».

Прямое отношение к России имело утверждение Н. Тургенева, что «ежели государство не достигло еще той степени образованности, на коей находятся прочие; если народонаселение еще не соответствует пространству земли и если, вследствие сих причин, народ мало занимается перерабатыванием грубых произведений», то «при таком положении государства не должно... ограничивать ввоза иностранных произведений, не должно, в замену оных, ободрять перерабатывание собственных, и для того заводить фабрики и мануфактуры».

Тургенев считал таможенные пошлины «почти необходимыми» при современном ему состоянии Европы и взаимных отношениях государств. Однако, по его мысли, «при учреждении таможенных пошлин правительство должно иметь в виду неограниченную свободу торговли и стремиться к сей цели сколь возможно. Польза, могущая от того произойти, гораздо важнее собираемых таможенных пошлин».

Тургенев подчеркивал, что в России «можно беспрепятственно с прибылью употреблять капиталы». В этой связи он писал, что Россия ничего не потеряет, если «позволят иностранцам употреблять свои капиталы с предоставлением совершенно на их произвол высылать за границу доход от своих капиталов»; что Россия ничего не потеряет, если «англичане для своих фабрик также покойно или еще покойнее будут добывать шерсть в России, как и в Англии». Отстаивая свои воззрения на промышленность и торговлю, на тенденции их развития в России, Тургенев неоднократно ссылается на Англию, на ее могущество, ее богатство, на преимущества Англии по сравнению с другими странами, которые он приписывал ее учреждениям. Поэтому англичане, «стремясь к распространению торговли, необходимо стремились к распространению правил свободы». Перечисляя источники благоденствия Англии, Тургенев писал, что оно базируется на следующих «твердых» основаниях: «на внутренней силе государства, на внутренней торговле, внутренней промышленности народной, на характере и еще более на свободе народной».

По мнению Тургенева, обширная торговля немыслима без свободы, на свободе торговли зиждется политическая свобода. Он пи-

сал: «Свобода торговая ведет за собою свободу политическую, а без последней нет счастья прочного для народов». Применительно к России это означало, что только на путях освобождения от самодержавно-крепостнического строя, в условиях режима свободы торговли Россия достигнет «благоденствия» по английскому образцу. Будучи ярким сторонником принципа свободы внешней торговли, защищая фритредерскую политику, отстаивая интересы дворян, покупателей заграничных промышленных товаров, Н. Тургенев игнорировал отсталость России от Западной Европы в области промышленности.

Теория налогов Н. Тургенева. Тургенев связывал налоги с «целью», которую ставит перед собой общество. Он выдвинул следующее определение налогов: «Налоги суть средства к достижению цели общества или государства, т. е. той цели, которую люди себе предполагают при соединении своем в общество или при составлении государств». Подчеркивая необходимость налогов, Тургенев писал, что требовать «уничтожения налогов» значило бы требовать «уничтожения самого общества», что правительство «ничего не может делать для граждан», если граждане «ничего не делают для государства».

Тургенев подчеркивал взаимозависимость финансов и «свободы». Тургенев утверждал, что налоги служат признаком истинного благосостояния народов, основанного на «законах ненарушаемых, на свободе гражданской». По мысли Тургенева, на налоги, кроме «богатства народного», оказывает влияние «образ правления государства и дух народный». Это влияние особенно «показывается в охоте или готовности народа платить налоги».

Тургенев проводил различие между правом требования податей, которое принадлежит государству, и правом их наложения, предполагающее во многих государствах согласие народных представителей. Тургенев подчеркивал, что готовность платить налоги «всего более видна в республиках; отвращение к налогам — в государствах деспотических». Таким образом, Тургенев полагал, что собирание налогов в государстве должно быть выгодным для народа, а это предполагает наличие народного благосостояния, народного представительства, незыблемых законов, гражданских свобод. Тургенев ненавидел абсолютизм и был горячим республиканцем. В лице Тургенева, как и других декабристов, идеи республиканизма были тем новым, что внесло общественное движение начала XIX в.

По вопросу о величине налогов Тургенев утверждал, что правительство должно исходить из необходимости удовлетворения «истинных потребностей государственных». Правительство должно стараться «не делать расходов, превышающих его доходы, для правительства бережливость необходима ... так же, как и для частного человека». По мысли Тургенева, «главные правила экономии одинаковы и в хозяйстве частном и государственном». Вместе с тем Тургенев полагал, что государственные потребности могут вынудить

правительство прибегнуть к займу. Что же касается чрезмерного выпуска бумажных денег, то Тургенев его рассматривал по сравнению с займами как «средство гораздо вреднейшее, но иногда необходимое по причине недостатка в кредите». Рассматривая главные правила взимания налогов, Тургенев исходил из предпосылки, что истинные выгоды государства отнюдь не сводятся к стремлению правительства к получению наибольшего дохода, но чтобы «доход сей был сколь возможно менее обременителен для народа». Для достижения этой цели и предназначались выдвинутые Тургеневым правила.

Первое правило. Равное распределение налогов. Тургенев полагал, что налоги должны распределяться между всеми гражданами в «одинаковой соразмерности», что «пожертвования» гражданина на пользу общую должны соответствовать его доходу. Между тем, как отмечает Тургенев, не только отдельные граждане, но даже целые «классы народа» освобождались от налогов. «Такая несправедливость становилась тем ужаснее, что исключения были делаемые в пользу тех из граждан и тех из классов народа, кои всех более были обязаны участвовать в повинностях общественных, пользуясь важнейшими богатствами в государстве».

Из своего анализа вопроса о равном распределении налогов Тургенев делает политические выводы. Ссылаясь на французскую революцию, он утверждает, что от «неравного разделения податей между гражданами рождается ненависть одного класса к другому, отчего происходит и ненависть к самому правительству». Ратуя за отклонение тяжести налогов от «простого народа», Тургенев вместе с тем полагал, что «такое покровительство простому народу должно иметь свои пределы. Неккер требует слишком многого, говоря, что сия метода может служить хорошим средством для уменьшения неравенства имений».

Второе правило. Определенность налогов. Тургенев утверждал, что неопределенность налогов в отношении количества налога, времени платежа обрекает плательщика на зависимость от произвола сборщиков. Неопределенность налога, по мысли Тургенева, отрицательно сказывается также на процессе обращения капитала. Он писал: «...Обязанные платить, не зная ни количества налога, ни времени платежа, должны иметь всегда в готовности известную часть своего капитала, которая, находясь таким образом в бездействии, бывает отнята от обращения, через что терпит все общество». Тургенев указывал, что неопределенность налога была чрезвычайно развита в средних веках, что она была «пералучна с существованием рабства».

Третье правило. Собираание налогов в удобнейшее время. Тургенев писал, что соблюдение этого правила «облегчает подать для платящего: он платит в то время, когда важная часть его дохода находится в руках его, и таким образом налог делается для него менее тягостным». В качестве иллюстрации, имевшей прямое отношение к России, к закрепощенному крестьянству, Тургенев при-

водит земледельца, вынужденного внести подать, когда его хлеб еще не продан. В таком случае земледелец или продает свой хлеб за бесценок, или занимает деньги и платит проценты.

Четвертое правило. Дешевое собирание налогов. Исходя из предпосылки, что количество «пожертвований», делаемых народом, должно равняться доходу, получаемому правительством, Тургенев считал, что правительство должно стремиться к наименьшим затратам на издержки собирания налогов. По мысли Тургенева, правило о дешевом собирании налогов нарушается: 1) когда в собирании налога участвует значительное количество чиновников, получающих жалованье, заключающее в себе существенную часть дохода от налога; 2) когда налог наносит вред народной промышленности, побуждая людей переходить от выгодных для них ремесел к невыгодным; 3) когда чрезмерные налоги возбуждают стремление к неплатежу податей, что порождает «запрещенный торг»; 4) когда с налогом соединяются частые «посещения» или обыски в домах и различные «исследования» со стороны чиновников. Тургенев приводит иллюстрации из истории финансов ряда стран, свидетельствующие о нарушении правил дешевого собирания налогов.

Кроме указанных четырех правил взимания налогов, Тургенев выдвигает еще одно «общее» правило. Для того чтобы источники государственных доходов не истощались, налог должен взиматься «с дохода и притом с чистого дохода, а не с самого капитала». При наличии определенных обстоятельств нарушение этого правила делается «необходимым», когда граждане должны «жертвовать всем на общую пользу»; «извинительным» — при «переходе собственности из одних рук в другие».

Тургенев был противником налога на заработную плату. Мотивировал он это тем, что при «успевающем» состоянии государства обложение налогом потребителя может происходить «образом, не касающимся до простого работника»; при «непеременяющемся и упадающем» состоянии государства налог на заработную плату является «тягостным для простых работников, следственно вреден и самому государству». Тургенев подвергал резкой критике «исправление работ». Личные повинности крестьян в пользу правительства или помещиков Тургенев рассматривал как «следы необразованности средних веков». По мысли Тургенева, личные повинности приносят более «убытка тому, на кого возлагаются», нежели приносят «пользы правительству или господину». Тургенев отмечал, что личные повинности заставляют работника «терять много времени для того, чтобы придти на место работы»; что личные повинности «отвлекают земледельца от главнейших его занятий».

Тургенев связывал производительную силу труда с той пользой, которую она приносит непосредственному производителю. Наличие низкой производительности труда в личных повинностях Тургенев объяснял отсутствием у земледельца личной материальной заинтересованности в результатах своего труда. Тургенев

писал, что нельзя ожидать прилежания от человека, работающего, «не получая вознаграждения»; что земледелец, как и всякий другой человек, «работает охотно и прилежно только тогда, когда он работает для себя».

Следует отметить, что, рассматривая личные повинности как налог, Тургенев доказывал, что они не соответствуют правилам взимания налогов; первому правилу — потому что они «не равно падают на сильного и слабого работника, на прилежного и ленивого, богатого и бедного»; второму правилу — потому что «не всегда может быть определено время и количество работы»; третьему правилу — потому что «поселянин должен производить сии работы в самое неудобное для него время»; и, наконец, в особенности четвертому правилу — потому что личные повинности причиняют гораздо более убытка работнику, нежели приносят выгоды правительству или господину.

Что же касается личных повинностей в России, то в отношении к правительству Тургенев считал, что они «иногда необходимы при теперешнем положении вещей»; в отношении к «частным людям они неразлучны с крепостным состоянием крестьян». По мысли Тургенева, «правительство должно стараться по возможности уничтожать сии повинности, превращая их в плату денежную». Н. Тургенев дал глубокий анализ крепостнической природы личных повинностей, подвергая тем самым критике и разоблачая общественно-политический строй России. Анализируя «собрание налогов», Тургенев отмечал, что правительство может собирать доход от налогов посредством чиновников или системы откупов. С большой силой Тургенев разоблачал податную тяготу, на которую обрекала трудовой народ откупная система. По мысли Тургенева, «самое дурное правительство чувствует более сострадания к народу, нежели сколько можно ожидать от откупщика». Что же касается отношения народа к откупщикам, то народ, «видя роскошь откупщиков, думает, что они обогатились от угнетения бедных; в их золотых экипажах и ливреях народ узнает кровь свою». Противоположность между роскошью и бедностью рождает «ненависть к откупщикам, могущая соделаться весьма пагубною для государства». Высказывания Тургенева об откупной системе представляли собой наглядное разоблачение финансовой политики крепостнической России.

Среди налогов, служащих для «внутреннего потребления человека», особенное внимание Тургенева привлекал соляной налог. Он писал: «Нельзя без горестного ощущения видеть бедного поселянина, у которого правительство отнимает последнюю копейку, и сие за то, что он пользуется произведением, данным природою, в величайшем изобилии, необходимым для его здоровья и жизни». И хотя это высказывание Тургенева непосредственно относилось к Франции, оно в то же время разоблачало тяжелую долю крепостного люда в России, изнывавшего под ярмом тягостной податной системы.

Заключительная глава книги И. Тургенева «Опыт теории налогов» посвящена бумажным деньгам и кредиту. И. Тургенев считал, что бумажные деньги будут представлять собой средства обращения, «равное в действии» металлической монете лишь при определенном условии: «Если сумма бумажных денег, находящихся в обращении, соразмерна требованию; если ассигнации равны в ценности своим чистым деньгам». Бумажные деньги превращаются в налог, «весьма неравно разделенный между гражданами», если они будут выпущены свыше «потребности обращения», если ценность бумажных денег поэтому «унизится против ценности чистых денег».

И. Тургенев с большой выразительностью подчеркивает губительные последствия обесценения бумажных денег. По мысли И. Тургенева, следствия чрезмерного количества бумажных денег, введенных в обращение, «пагубны и ужасны». «Беспрестанный упадок курса ассигнаций приводит в каждом неуверенность в истинном состоянии своего имения. Между тем как большая часть граждан от упадка ассигнаций разоряется, некоторые из них, например должники, выигрывают. Неуверенность в имении, случающиеся убытки в оном и незаслуженные прибыли, все сие побуждает к расточительности; благоразумное хозяйство, сей важный источник благосостояния народного, делается трудным или даже невозможным».

Не лишено интереса, что И. Тургенев оправдывал чрезмерный выпуск бумажных денег, при определенных политических условиях, когда они служили делу свободы, обеспечивали победу революции. Так, говоря о Великой французской революции 1789 г., И. Тургенев отмечает большую роль бумажных денег в том, что Франция «вела войну в продолжение нескольких лет», что она «содержала бесчисленные полки, защищавшие отечество и делавшие завоевания». По мысли И. Тургенева, бумажные деньги «способствовали к последовательному возвышению сего государства». И. Тургенев ссылался также и на Северную Америку как на государство, сильно пострадавшее от чрезмерного выпуска бумажных денег. Он писал: «...Во время упадка ассигнаций американцы дрались за свободу и делали великие пожертвования в пользу нового отечества, — рождающейся республики. Свобода была для них дороже кредита».

Переходя к современному ему состоянию Европы, И. Тургенев утверждал, что все правительства должны уделять исключительное внимание поддержанию и сохранению государственного кредита, который не ведет народ к разорению, а сохраняет и утверждает собственность граждан. По мысли И. Тургенева, для всей Европы характерно, что на смену веку бумажных денег пришел век кредита. Отстаивая республиканский строй, идеализируя буржуазное народное представительство, И. Тургенев связывал усовершенствование кредитной системы с усовершенствованием «политического

законодательства», в особенности с усовершенствованием «системы представительства народного».

Декабрист Н. И. Тургенев был видным русским экономистом первой половины XIX в. Его работа «Опыт теории налогов» была значительным вкладом в мировую экономическую литературу в области финансов того времени. Творчески применяя идеи А. Смита к русской действительности, Н. Тургенев, разрабатывая теорию налогов, дал обстоятельную критику крепостничества и самодержавия царской России. Разоблачению была подвергнута политика царского самодержавия в области налогового обложения. Однако аграрный вопрос Н. Тургенев решал, исходя из интересов помещика. Он был, по существу, сторонником безземельного освобождения крестьян, тем самым отстаивая прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

Н. Тургенев догматически следовал за А. Смитом в своем отстаивании принципов свободной торговли применительно к России, исходя из своего ошибочного отождествления протекционизма с меркантилизмом. Но Н. Тургенев, побуждаемый запросами русской действительности, развивая взгляды Радищева, пошел дальше А. Смита в свой трактате бумажных денег. Ценой является его идея о выпуске бумажных денег в народных интересах. Тургенев был выдающимся теоретиком декабристского движения.

П. И. ПЕСТЕЛЬ И ЕГО «РУССКАЯ ПРАВДА»

Пестель, Павел Иванович (1793—1826) — декабрист, полковник, командир Вятского полка, основатель и руководитель Южного общества декабристов. Сын крупного сановника. В 1805—1809 гг. учился в Дрездене. В 1811 г. окончил Пажеский корпус. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. В своих социологических воззрениях Пестель творчески использовал теорию «естественного права», исходя из потребностей русской действительности.

Под обществом П. И. Пестель понимал «всякое соединение нескольких человек для достижения какой-либо цели». Всякое общество имеет свою цель и избирает средства для ее достижения. Целью общества является «удовлетворение общим нуждам». По мысли Пестеля, члены общества разделяются на «повелевающих» и «повинующихся». Такое разделение Пестель рассматривает как неизбежность, ибо оно происходит от «природы человеческой». По мысли Пестеля, это разделение членов общества «везде существует и существовать должно». На этом «естественном» разделении основано различие в обязанностях и правах «повелевающих» и «повинующихся» членов общества¹.

¹ П. И. Пестель. Русская Правда или Заповедная Государственная грамота великого народа российскийского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа,

По вопросу о взаимоотношении между правами и обязанностями Пестель утверждал, что «каждое право должно быть основано на предшествующей обязанности». «Первоначальную» обязанность человека — источник и порождение всех остальных его обязанностей — Пестель видел в «сохранении своего бытия». От этой «первоначальной» обязанности происходит «право пользоваться для пищи плодами и прочими произведениями природы». В своих высказываниях об обществе Пестель, в духе естественно-правовой теории, исходил из абстрактно взятой «природы» человека, игнорировавшей историческое развитие человеческого общества, его конкретно-исторические условия материальной жизни.

По мысли Пестеля, общество возникает по соглашению, «договору» людей. Пестель исходит из так называемой робинзонады, излюбленной буржуазными экономистами XVIII в. гипотезы, для обоснования ненаучной, неисторической мысли о том, что человек начал свое существование с изолированного «естественного» состояния, что материальное производство имело первоначально индивидуальный характер. Вместе с тем следует подчеркнуть наличие у Пестеля глубокой мысли о примате «первоначальной» обязанности человека над правом пользоваться произведениями природы, наличие материалистической тенденции в трактовке связи между обязанностью человека в «сохранении своего бытия» и правом удовлетворять свои физиологические потребности в результате борьбы с природой. Выдвинутые Пестелем соображения применительно к «обществам вообще» он распространял и на «гражданские общества», которые, будучи «устроены и в порядок приведены, получают название государства».

«Гражданское общество», подобно всякому другому обществу, по мысли Пестеля, имеет свою цель и должно избирать средства для ее достижения. Цель «гражданского общества» состоит в «благоустройстве всего общества и каждого из членов онога в особенности. Для достижения этой цели нужны средства или действия». Члены «гражданского общества» делятся на «повелевающих» и «повинующихся». Обязанностью «повелевающих» членов общества является «действие» от имени всего общества. Обязанностью «повинующихся» является «действие» от лица «частных» членов общества.

Когда «гражданское общество» получает название «государства», то «повелевающие» получают название «правительства», а «повинующиеся» — название «народа». Правительство и народ представляют собой «главные или первоначальные составные части каждого государства». По мысли Пестеля, «правительство существует для блага народа и не имеет другого основания своему бытию и образованию, как только благо народное». Говоря о народе, населении государства, Пестель подчеркивает, что все граж-

так и для Временного правления. Госполитиздат, 1958, стр. 113. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

дане должны обладать личной свободой как условием их «благодействия». Истинная цель государственного устройства должна непременно составлять «возможно большее благоденствие многочисленнейшего числа людей в государстве».

«Государственное благоденствие» Пестель подразделял на «безопасность» и «благосостояние». «Безопасность», подчеркивал Пестель, есть «охранение», а «благосостояние» есть «приобретение». «Безопасность» Пестель рассматривал как первую цель правительства. Что касается «благосостояния», то оно должно быть второй целью правительства. Приобретение «благосостояния» — дело рук отдельных членов «гражданского общества». Пестель вменяет в обязанность правительства избирать лучшие средства для того, чтобы предоставить в государстве «благоденствия всем и каждому». Что же касается народа, то, по мысли Пестеля, он должен повиноваться правительству. Вместе с тем Пестель подчеркивал, что народ имеет право требовать от правительства, чтобы оно стремилось к «общественному и частному благоденствию». Пестель полагал, что государство должно базироваться на равновесии взаимных обязанностей и прав правительства и народа. Главную цель «Русской Правды» Пестель видел в установлении этого равновесия на «твердых основах».

Пестель считал, что реализация выдвинутых им «коренных начальных понятий» должна привести к тому, чтобы государство «находилось под властью и управлением законов общественных, а не прихотей личных властителей».

Высказывания Пестеля в духе естественно-правовой концепции об образовании государства из общественного договора людей, якобы обладающих естественными правами, были ошибочными и носили чисто умозрительный характер. В теоретических рассуждениях Пестеля государство представлено в качестве самодовлеющего механизма, надклассовой организации, цель которой — «общее благо». Однако реальное, действительное содержание абстрактных высказываний Пестеля о государстве — связь государства с институтом частной собственности, взаимодействие государства и народа в условиях России периода движения декабристов — было весьма злободневным и носило прогрессивный характер. Пестель писал: «Право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых, положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества».

Таким образом, в трактовке Пестеля право собственности предшествует всем политическим законам. Принцип собственности, по существу, в его представлении есть краеугольный камень государства.

Государственно-правовая концепция Пестеля представляла собою апологию буржуазного права, направленную против феодаль-

ных порядков. Признание за свободной личностью неотчуждаемого и прирожденного права собственности служило орудием борьбы против абсолютизма и феодализма. Государственно-правовые воззрения Пестеля применительно к России являлись острой критикой и разоблачением крепостничества и царского самодержавия. Из воззрений Пестеля на цели государства следовал естественный вывод о том, что Россия должна быть освобождена от обременяющих ее оков крепостничества и что верховная власть в стране должна базироваться на республиканском образе правления. Применяя «неизменные и непреложные коренные правила», на которых должно базироваться благоустроенное государство к России, Пестель писал: «...Народ российский не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства».

Пестель полагал, что все люди в государстве обладают одинаковыми правами на «все выгоды государством доставляемые...», что все люди в государстве «должны непременно быть перед законом совершенно равны». Всякое постановление, нарушающее равенство всех перед законом, есть «нестерпимое зловращение, подлежащее непременно быть уничтоженным». Пестель подвергал резкой критике деление русского общества на сословия исходя из интересов всего «народа». Отличительную черту сословия Пестель видел в том, что оно «имеет целью своею существования собственное благо своих членов отдельно и независимо от массы народа и без внимания на нее». Пестель считал, что деление на сословия должно быть ликвидировано, что все люди в государстве должны составлять только одно гражданское сословие.

С большой силой, глубоко и обстоятельно Пестель разоблачал дворянство как высшее и привилегированное сословие, «преимущества» которого носили ярко выраженный антинародный характер. Пестель видел в дворянстве сословие, «отдельное от массы народной». Дворянство, по мысли Пестеля, обладало пятью преимуществами. Первое преимущество: «Дворянство обладает другими людьми как собственностью своею называя их своими крепостными и право имеет составлять майораты с разрешения правительства». Разоблачая данное преимущество, Пестель писал: «Обладать другими людьми как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей на подобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды иногда и прихоти есть дело постыдное, противное человечеству, противное законам естественным».

Подвергая критике крепостничество с точки зрения принципов гуманизма, исходя из проникнутого уважением к человеческой личности отношения к людям, базируясь на «естественных» законах, Пестель считал, что «рабство должно быть решительно

уничтожено и дворянство должно непременно на веки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми». Что же касается майоратов, то, по мысли Пестеля, распоряжением Временного Верховного Правления они должны быть уничтожены. «...Дети должны быть все наделены равными участками от родительского наследства и установление майоратов есть столь же гнусная сколь и явная несправедливость».

Второе преимущество дворян Пестель видел в том, что «дворянство никакой подати не платит и никаких вкладов в пользу общую не вносит». Необходимость собирать подати Пестель связывал с «благоденствием» всех и каждого, которое является целью «гражданского общества». Дворянство, по мысли Пестеля, не может быть освобождено от податей. Временное Верховное Правление при введении новой государственной финансовой системы должно «подвергнуть дворянство податям на равне с прочими россиянами».

Третье преимущество дворян, полагал Пестель, заключается в том, что «дворянство не подлежит телесным по суду наказаниям подобно прочим россиянам ниже за самая ужаснейшая преступление». Анализируя данное преимущество дворян, Пестель отмечал, что дворянство, подобно всем россиянам, должно за «одинаковые преступления одинаковым подлежать наказаниям».

Четвертое преимущество дворян Пестель сводил к тому, что дворянство не подлежит рекрутскому набору; что дворянство «всякия звания и должностыя места в государстве замещает за исключением прочих россиян».

В своей критике данного преимущества дворян Пестель исходил из того, что дворянство не может быть освобождено от «личной повинности», поскольку польза от наличия вооруженных сил является достоянием всех членов «гражданского общества». Что же касается исключительного права дворянского сословия на замещение государственных должностей, то оно, по мысли Пестеля, должно быть достоянием всех россиян, независимо от происхождения или сословной принадлежности.

Пятое преимущество дворян Пестель формулирует следующим образом: «Дворянство называется сословием благородным, имеет гербы и присоединяет к сему различные титулы». Разоблачая последнее из преимуществ дворян, Пестель, считая его несправедливым, утверждает, что «люди все рождены во благо...», полагал, что и оно должно быть уничтожено. Что же касается титулов, то, по мнению Пестеля, они представляют собой «одни только пустые звуки, удовлетворяющие одному только надутому и гордому самолюбию». Полагая, что «дворянское достоинство» представляет собой совокупность пяти родов преимуществ дворянства, Пестель считал, что «само звание дворянства должно быть уничтожено».

Высказывания Пестеля о социальных отношениях в России носили антикрепостнический, революционный характер. Пестель.

конечно, не понимал различия между сословием и классом, он не понимал, что в основе сословного деления лежало классовое деление общества, что в феодальном обществе различие классов фиксировалось в сословном делении населения. Однако Пестель дал глубокую характеристику дворянства как «высшего» сословия, принадлежащего к господствующему феодальному классу. Пестель превосходно понимал, что уничтожение крепостничества и самодержавия в России предполагает ликвидацию дворянства как оплота крепостнической реакции. Ведя борьбу за ликвидацию крепостной зависимости, за уничтожение сословных привилегий, характерных для феодального строя, отстаивая провозглашение формального равенства всех граждан перед законом, которое было одним из основных лозунгов революционной буржуазии в борьбе с феодализмом, Пестель ратовал за утверждение в современной ему феодально-крепостнической России относительно демократических принципов буржуазного права.

Однако Пестель критиковал не только феодально-крепостнический строй, но он критически относился и к капитализму. Наряду с ликвидацией преимуществ дворянского сословия, он считал, что необходимо осуществить слияние трех сословий: дворянства, третьего сословия и крестьян. Ссылаясь на принципы политической экономии, Пестель считал несостоятельным «распределение народа на сословия, занимающиеся исключительно земледелием, изделиями или торговлею».

По мысли Пестеля, политическая экономия «неоспоримым образом» доказала, что «каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься тою отраслею промышленности, от которой наиболее ожидает для себя выгоды и прибыли». «Сословия», образующиеся путем распределения частных лиц по отраслям промышленности, Пестель характеризовал как «самые...безрассудные и зловредные». Эти «сословия», имея «основанием своего бытия богатство», все свои «желания и помышления обращают единственно на деньги...»; эти «сословия» видят в «богатстве» первейшее достоинство; эти «сословия» «содействуя народу ужасно падким к корыстолюбию производят неминуемую порчу в нравах». Пестель стоял на той точке зрения, что «благомыслящее правительство» не должно допускать «распределения народа» по отраслям промышленности.

Итак, Пестель ратует за то, чтобы будущая Россия, которая выйдет из недр феодально-крепостнического режима, в результате активного вмешательства государственной власти в социально-экономическую жизнь страны, стала бессословной, чтобы ее гражданам чуждо было накопление богатства, жажда денег. Он подчеркивает, что в пропагандируемом им общественном строе будут ликвидированы «привилегии» и «касты», но отнюдь не различия по имущественному положению». Высказывания Пестеля о судьбах «сословий» в России и задачах, стоящих перед «благомыслящим правительством» в деле их ликвидации, были отнюдь

не случайными. Они находились в тесной связи с его общими воззрениями на современную ему эпоху.

Характеризуя отличительную особенность современной ему эпохи, Пестель считал, что она ознаменовалась «явной борьбой между народами и феодальной аристокрацией», что своеобразием наступившего столетия является возникновение «аристократии богатств». Сопоставляя «аристократию богатств» с «аристократией феодальной», Пестель считал первую более вредной. «Аристократия феодальная», по мысли Пестеля, «общим мнением всегда потрясена быть может и следовательно некоторым образом от общего мнения зависит». Что же касается «аристократии богатств», то она, «владея богатствами», находит в них «орудия для своих видов», против которых «общее мнение» бессильно. «Аристократия богатств» приводит «весь народ... в совершенную от себя зависимость».

Пестель рассматривает современную ему эпоху как период борьбы между «титованной аристократией и народными массами». По мысли Пестеля, «денежная аристократия эгоистично поднимает голову...»; «денежная аристократия» готовит миру «новые затруднения и новые катастрофические бедствия», так как она опирается на «груды золота» и вызывает «нищету среди неимущих классов». Пестель с чувством одобрения обращал внимание на то, что народы отнюдь не остаются равнодушными к власти денег, к гнету золотого тельца, на который они обрекаются. «Не удивительно,— писал Пестель,—...что все народы с таким пламенным желанием стремятся к установлению представительного порядка и к избавлению от нестерпимого ига аристократов и богатых».

Одной из причин, в силу которых правительство, по мысли Пестеля, допускает наличие «денежной аристократии» на одном полюсе, противостоящей «народным массам» на другом полюсе, является «престиж», которым пользуются «крупные состояния». Пестель утверждает, что «крупные состояния» отнюдь не свидетельствуют о «национальном богатстве», ибо они являются достоянием «лишь маленькой группы и... сопровождаются народной нищетой». Пестель утверждал, что правительство должно «заботиться о национальном обогащении». Он не соглашался с догмой экономистов о невмешательстве государственной власти в экономическую жизнь страны. Пестель писал, что правительство в вопросе о национальном обогащении «должно принимать... участие гораздо более активное, чем того хотело бы большинство современных экономистов». Что же касается практического осуществления планов распределения не по отраслям промышленности, то Пестель возлагал свои упования на финансовую систему. Он писал, что «распределение по отраслям промышленности может быть упразднено, лишь когда налоговая система будет построена на иных началах».

В трактовке Пестелем современной ему эпохи мы находим его

идеи о противоположности классовых интересов в истории общества; о наличии классовой борьбы между полноправными и бесправными, между богатыми и бедными. А это означало наличие материалистических тенденций в его в целом идеалистических воззрениях на общество. Пестель красноречиво, ярко разоблачал дух стяжательства, культ денег, противоположность между бедностью и богатством, присущие капитализму. Однако, в отличие от социалистов-утопистов, Пестелю было чуждо понимание исторической обреченности буржуазии. Правда, Пестель был сторонником перехода власти к народу, которая бы устранила гнет крупной буржуазии. Однако будущую бессловную Россию он мыслил себе базирующейся лишь на формальном юридическом равенстве свободных граждан перед законом и фактическом неравенстве между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

Пестель писал, что «все не могут быть богатыми, малейшая часть граждан изобилием пользоваться может...», что «богатые всегда будут существовать и это очень хорошо; но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества». Пестель полагал, что верховное правление посредством «представительного порядка» в состоянии устранить политическое засилье «аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного». Пестель не только был убежден, что полюсы богатства и бедности будут всегда существовать, но он увековечивал систему наемного труда. Противопоставляя наемный труд и капитал, Пестель указывал, что «бедный живет лишь от своего труда. Богатый от своего имущества, от своих капиталов»; «бедный не может приостановить свою деятельность по добыванию средств, так как, не имея иного капитала, кроме своего труда, он, с прекращением последнего, умирает с голода». Причину указанного «зла» Пестель видит в различии «состояния», в силу которого богатый «может ждать», а бедный «не в состоянии этого сделать».

Пестель приходит к выводу, что «чем меньше будет поденщиков, тем меньше будет несчастных». Вместе с тем Пестель считает, что «поденщиков всегда будет, несмотря на самые лучшие законы и самые лучшие установления»; что правительство должно оградить «поденщиков» от «произвола богачей и не забывать, что эти несчастные бедняки также подвержены болезням, недугам, что они также стареются и кончают тем, что лишаются возможности зарабатывать на свое скудное существование». Итак, по мысли Пестеля, всегда будут «поденщики», получающие «скудное существование», всегда будет наемный труд с присущим ему узким базисом потребления, всегда будет капитализм.

Таким образом, бессловный строй, за который ратовал Пестель, это был капитализм, регулируемый государством. Пестель, как мы видели, возлагал большие надежды на налоговую систему в деле ликвидации его неурядиц. Пестель не был социалистом-утопистом, так как он не противопоставлял капитализму социа-

листический строй. Он был убежден в вечности и незыблемости существования капитализма, он идеализировал институт частной собственности. Пестель не был и сисмондистом, так как он отнюдь не возносил на пьедестал мелкое производство, хотя он и был противником «крупных состояний». Пестель объективно боролся за капитализм, в котором были бы осуществлены демократические свободы, за демократический капитализм. Для России того времени это была передовая, прогрессивная программа, которую с большой революционной страстью отстаивал дворянский революционер, декабрист Пестель.

Аграрный проект П. И. Пестеля. В системе экономических воззрений Пестеля существенное значение приобретал аграрный вопрос. Пестель утверждал, что по вопросу о «гражданском разделении» земель существуют два главных мнения. Первое мнение исходит из предпосылки, что человек «только на земле может жить, только от земли может... пропитание получать»; что природа «производит сама все то, что к пище человека служить может». Из этого мнения следовал вывод, что «земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц».

Второе мнение в противоположность первому гласит, что «труды и работы суть источники собственности»; что исключительное право обладания землей принадлежит тому человеку, который землю «удобрил» и сделал ее «способною... к производству разных произрастаний».

На основании изложенных двух мнений Пестель анализирует средства, которые позволяют согласовать выгоды и преимущества, присущие обоим мнениям, и устранить характерные для них «несправедливости». Каковы же эти средства?

Они заключаются в разделении земель каждой волости на две половины по угодьям — землю общественную и землю частную. Земля общественная будет неприкосновенной собственностью всего волостного общества. Она не может быть ни продана, ни заложена и предназначается для того, чтобы доставить необходимое всем гражданам без изъятия. Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, которые будут обладать ими с «полною свободой». Эти земли будут предназначены для «образования частной собственности» и будут служить «доставлению изобилия». Пестель подчеркивал, что осуществление его аграрного проекта не встретит в России больших затруднений. Он ссылаясь на «понятия народные», которые весьма «склонны» к такого рода мероприятиям, а также и на то, что в России «с давних времен... приобыкли к подобному разделению земель на две части».

Переходя к вопросу о составных частях общественного фонда земель, Пестель прежде всего выделял земли, которыми владели помещики и казна. У помещиков, которые владели 10 тыс. десятин земли и более, половина земли подверглась конфискации. У помещиков, владевших от 5 тыс. десятин земли до 9 тыс., половина земли также подвергалась конфискации с последующим

возмещением за счет казны землею или деньгами. О характере этого возмещения представление дает таблица, составленная Пестелем в наброске «Дележ земли».

ТАБЛИЦА

Количество душ крестьян у помещика	Число десятин земли на душу	Количество всей земли у помещика (в десятинах)	Половина земли, которая остается у помещика	Половина земли помещика, которая должна отойти в общественный фонд	Количество земли, которое должно додаваться помещикам взамен отчужденной (в десятинах)	Общее количество земли, которое должно остаться у помещика после отчуждения
1000	9	9000	4500	4500	500	5000
1000	8	8000	4000	4000	1000	5000
1000	7	7000	3500	3500	1500	5000
1000	6	6000	3000	3000	2000	5000
1000	5	5000	2500	2500	2500	5000
1000	4	4000	2000	2000	2000	4000
1000	3	3000	1500	1500	1500	3000
1000	2	2000	1000	1000	1000	2000
1000	1	1000	500	500	500	1000

Из приведенной таблицы следует, что крупные помещики и после отчуждения оставались собственниками огромных земельных пространств. Что же касается средних и мелких помещиков, то их земельные владения вообще не подвергались конфискации. По вопросу о порядке освобождения казенных крестьян Пестель считает необходимым признать и объявить всех казенных и удельных крестьян «вольными и никакого рода крепости более не подлежащими». На них должны распространяться «все права купечества и мещанства, так чтобы они... впредь особого сословия не составляли». На основании общих правил казенные и удельные крестьяне признаются российскими гражданами. Из казенных или удельных селений образуются волости или эти селения включаются в другие волости. По этим волостям происходит распределение казенных и удельных крестьян.

Все казенные земли в каждой волости должны быть разделены на две половины: одна, под названием общественной земли, должна перейти в собственность волостного общества; другая, под названием казенной, — остаться собственностью казны. Волостное общество не имеет права общественную землю, как собственность неприкосновенную, ни продавать, ни закладывать. Казна, выступая по отношению к казенной земле в качестве «частного человека», может ее продавать.

Следует отметить, что, касаясь порядка освобождения казенных крестьян, Пестель утверждал, что в течение десяти или пятнадцати лет казенные крестьяне будут обрабатывать как общественные, так и казенные земли на прежних основаниях и платить казне прежний оброк. Лишь по истечении этого срока, а возможно и раньше «не будут крестьяне никакого оброка платить за обще-

ственную землю». Что же касается казенной земли, которую крестьяне пожелают для обработки на «откуп» взять, то они будут «деньги платить по назначению какое тогда имеет быть сделано и для которого потребуются от крестьян предварительные их предположения». Указанный порядок распространяется Пестелем и на помещичьих крестьян.

Во многих селениях и волостях, населенных вольными земледельцами, вся земля или большая ее часть принадлежит всему обществу. Поскольку по новым порядкам общественная земля будет составлять только половину всей земли волости, то вторая ее часть должна быть разбита на равные участки и передана в вечное потомственное владение вольных земледельцев, членов данной волости. Если окажется необходимым передать в общественную собственность частную землю какого-нибудь вольного земледельца, то последний должен получить либо денежное вознаграждение, либо равноценный участок из казенных земель.

Что касается дворовых людей, то они, по мнению Пестеля, находились в самом жалком состоянии в государстве. Освобождение дворовых людей может быть проведено двумя способами. Первый способ заключается в определении числа лет, по истечении которых дворовый человек, продолжающий служить своему господину, становится вольным.

Второй — в определении денежной суммы, по уплате которой господину дворовый человек становится вольным. При назначении откупных сумм должны быть учтены местные условия и приняты во внимание ремесла, которым обучались дворовые у своих господ. Эти два способа соответствующими распоряжениями могут быть объединены и в «подкрепление» друг другу поставлены. В поле зрения аграрного проекта Пестеля были и заводские крестьяне, которые подразделялись на дворянские и казенные. Дворянские заводские крестьяне были людьми крепостными и поэтому вопрос об улучшении их положения и постепенном даровании им вольности должен был решаться, по мысли Пестеля, в соответствии с общими мероприятиями, касающимися дворянских крестьян.

Казенных заводских крестьян следует заменить вольнонаемными людьми или, что еще лучше, всякого рода преступниками, учитывая при этом «важность преступления и тяжести работы». Всех заводских крестьян необходимо обратить в «первобытно земледельческое состояние», организовывая при этом в случае необходимости «переселения». Из заводских крестьян, как и из казенных крестьян, должны быть составлены волости, к которым заводские крестьяне должны быть причислены.

Подчеркивая, что на заводах следует применять вольнонаемный труд, Пестель ссылаясь на принципы политической экономии: те «изделия полезны, которые заводимы быть могут без всяких насильственных или принудительных мероприятий и которые... собственным своим избытком себя поддерживать могут». Что же

касается привлечения к труду на заводах преступного люда, то Пестель считал, что нельзя себе представить лучшего применения труда людей, потерявших в результате своих преступлений свободу, нежели «занятия к пользе государственной служащих».

Поставив своей задачей освободить от крепостной неволи все разряды крестьянства, рассмотрев составные части общественного фонда земли, аграрный проект Пестеля выдвинул конкретные предложения по вопросу о распределении и пользовании землей из общественного фонда. Общественная земля должна быть в каждой волости разделена на участки такой величины, чтобы было обеспечено «необходимое для жития одного тягла», т. е. мужа с женою и тремя детьми.

Члены волостного общества получают участки не в «полную собственность», но для того, чтобы их «обрабатывать и пользоваться их произрастениями». Каждый участок передается в «обработку» на один год, по истечении этого срока участок либо переходит в другие руки, либо он закрепляется за тем же хозяином.

Каждый член волостного общества имеет право претендовать на любое количество участков. Это право в одинаковой степени распространяется на граждан как имеющих, так и не имеющих «собственные свои частные земли». Когда спрос на участки меньше наличного их числа, то претензии всех «требователей» удовлетворяются, причем остальные участки могут передаваться в «откуп» посторонним лицам. Когда спрос на участки превышает наличное их число, то не удовлетворяются «требования» граждан, претендующих относительно на наибольшее количество участков.

При невозможности удовлетворить «требования» всех граждан предпочтение отдается лицам, не имеющим «частных земель в своей собственности», лицам, доставляющим себе пропитание лишь от земледелия и не занятым в промышленности; лицам — «тот, кто беднее». Назначение общественной земли — доставить каждому члену волостного общества «необходимого для жития». Поэтому каждый гражданин должен работать на своем участке с «усердием и прилежанием». Волостному обществу предоставляется власть с целью устранения «всякой несправедливости, всякого пристрастия и злоупотребления», лишения права на общественные земские участки.

Аграрный проект Пестеля предполагал учреждение в каждой волости волостного банка. Назначение этого банка состояло в том, чтобы каждый гражданин волости мог получать «вспомоществование», «нужное число денег на первоначальное обзаведение своего хозяйства». Пестель подчеркивал также, что к волостному банку полезно было бы присоединить страховое учреждение.

Пестель возлагал весьма радужные надежды на те «ценные выгоды и последствия», которые принесет с собой осуществление его аграрного проекта. Он писал, что каждый россиянин будет «совершенно в необходимом обеспечен»; каждый гражданин будет преисполнен уверенности, что волость предоставит ему

ключок земли с целью «пропитания». Причем это «пропитание» ему достанется не от «милосердия ближних» и не от пребывания в их «зависимости», а как результат труда, приложенного к земле, ему принадлежащей, как члену волостного общества.

Пестель подчеркивал, что выделение фонда волостных общественных земель отнюдь не препятствует, а в еще большей степени содействует стремлению к «изобилию и улучшению земли». Для достижения этой цели выделяется половина всех земель; вселяется уверенность, что в «необходимом никто никогда нуждаться не будет». По мысли Пестеля, «от необходимого исходят и начинаются все занятия к достижению изобилия». Пестель утверждал, что осуществление его аграрного проекта приведет к развитию народной промышленности, которая получит «быстрейший ход и сильнейшие обороты». Останавливаясь на вопросе о «переселениях», Пестель исходил из предпосылки, что «степень народонаселения», в свою очередь, порождает необходимость в «переселениях». Пестель считал, что «переселения» ложатся тяжелым грузом на обездоленные, на беднейшие слои населения, ввиду отсутствия у них капиталов.

Все эти «пагубные неудобства» исчезнут при наличии фонда общественных земель, ибо переселяться будет лишь гражданин, чье требование не будет удовлетворено. Претендующий же на несколько участков «не есть человек бедный и потому может переселиться с удобностью и выгодой как для себя, так и для новой своей волости». Такого рода «переселения» будут производиться без всяких «издержек» и «усилий» со стороны правительства.

Пестель был убежден, что осуществление его аграрной программы приведет к тому, что вся Россия будет состоять из одних обладателей земли. Одни граждане будут обладать землей на правах частной собственности, другие — пользоваться общественной землей в качестве членов волостного общества, не платя за нее «найма». Лишь только побуждением к большему «удовольствию» или большей «выгоде», по сравнению с обработкой земли, можно будет, по мысли Пестеля, объяснить стремление гражданина заниматься «изделиями», или пойти в «служение», или наняться на «работу». Но и в данном случае за ним сохраняется право на общественную землю. Пестель не оставлял в стороне и международное значение своей аграрной программы. Он возлагал большие надежды на то, что она найдет широкий отклик за рубежом и поднимет международный престиж России.

В своей характеристике будущего общественно-политического строя России Пестель уделял большое внимание волости. В соответствии со своей аграрной программой Пестель писал: «Каждая волость будет составлять в полном смысле политическое семейство, в котором каждый гражданин найдет не только безопасность, но и верное пристанище, не только сохранение своей собственности, но и дарование необходимого для жития». Свой взгляд на волость как на «одно политическое семейство» Пестель связывал

с паличием в ней общественной земли как источника, «необходимого» для пропитания граждан, как противодействия, спасителя в случае «нещастия и обеднелости». Для волостного общества как «политического семейства» будет характерно, по мысли Пестеля, патриотическое воодушевление его членов. Пестель был уверен, что его аграрный проект откроет перед Россией новую историческую эру — эру процветания и благоденствия.

На аграрном проекте Пестеля лежит печать дворянской ограниченности. По мысли Пестеля, у помещиков оставалась значительная часть земли, он стремился при освобождении крестьян сохранить за помещиками доход от имений. Идея Пестеля об одновременном сосуществовании общественной собственности на землю и частной собственности на землю была нереальной. Даже если бы Пестель и осуществил свой проект о создании общественного фонда земли, перед деревней, освобожденной от ярма крепостничества, открывалась бы возможность только капиталистического развития.

Между тем перед умственным взором Пестеля стоял аграрный режим, состоящий из обширного класса мелких самостоятельных производителей трудового типа, из мелких крестьянских хозяйств, обеспеченных средствами производства. Однако аграрный проект Пестеля, включающий освобождение крестьян с одновременным наделением крестьян землей, причем в большей мере, чем они получили при проведении «крестьянской реформы» 1861 г., открывал перспективы более прогрессивного способа производства, развития России на путях капитализма.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

А. И. ГЕРЦЕНА И Н. П. ОГАРЕВА

Среди предшественников русской социал-демократии, наряду с В. Г. Белинским, Н. Г. Чернышевским и блестящей плеядой революционеров 70-х годов, В. И. Ленин отмечал выдающуюся роль А. И. Герцена: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями, своего времени»¹. Будучи продолжателем дела декабристов, А. И. Герцен был замечательным деятелем и революционером дворянского периода освободительного движения.

Герцен — многогранный мыслитель. Перу Герцена принадлежат блестящие философские работы, в которых он, продолжая материалистические традиции русской философской мысли, а также критически воспринимая философские воззрения Гегеля и Фейербаха, выступает как оригинальный мыслитель. Герцен — один из виднейших политических писателей своей эпохи. Герцен — родоначальник «крестьянского социализма», положившего

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

в основу своей доктрины своеобразный взгляд на крестьянский быт, на русскую общину. Философские взгляды Герцена получили высокую оценку у В. И. Ленина. В. И. Ленин писал, что Герцен «усвоил диалектику Гегеля». Герцен понял, что диалектика Гегеля представляет собой «алгебру революции». Более того, по мнению В. И. Ленина, А. И. Герцен приближался к диалектическому материализму. В. И. Ленин писал: «Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы» — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 г., показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»¹.

«Крестьянский социализм» Герцена и Огарева. Герцен проделал сложный и трудный путь формирования своих социально-экономических воззрений, который привел его к учению о самобытных путях русского исторического процесса, к учению о «крестьянском социализме». Происхождение его воззрений коренится в социально-экономических условиях эпохи — кризисе крепостного хозяйства и обусловленного этим кризисом обострения классовой борьбы. Их идейные истоки восходят прежде всего к воззрениям Радищева и декабристов, а также к передовым для того времени идеям западноевропейского утопического социализма, которые он отнюдь не пассивно воспринимал, а критически перерабатывал и преодолевал.

Свободолюбивые стремления раннего Герцена складывались под сильным влиянием крепостного права и отголосков драматических событий 1825 г. Крепостной быт с ранних лет развил в нем «непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу»².

Огарев, так же как и Герцен, подчеркивал, что он воспитывался на чувстве ненависти крепостного человека к богатству, что его духовный рост происходил под идейным влиянием декабристов.

Июльская революция 1830 г., которую Герцен и Огарев переживали уже сознательно, и польское восстание 1830—1831 гг. усилили и развили настроения либерализма, порожденные окружающим Герцена и Огарева крепостным бытом и впечатлениями движения декабристов. К этому периоду относится увлечение Герцена сен-симонизмом. В «Былом и думах» он писал: «Новый мир толкался в дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно остался в существенном». Герцен видел в сен-симонизме систему

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

² А. И. Герцен. Сочинения, т. VIII. Изд-во АН СССР, 1956, стр. 47. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

взглядов, направленную против мистицизма и лицемерия официальной христианской морали. Однако Герцена, даже в ранний период формирования его мировоззрения, отделяло от сен-симонизма непонимание последним значения политической борьбы в деле переустройства общества. В отличие от Сен-Симона, Герцен и Огарев, воспитанные на идеях Радищева и декабристов, были сторонниками революции, демократических преобразований и убежденными республиканцами.

Герцен подходил к сен-симонизму, а также к фурьеризму критически, отмечая недостатки этих учений. Так, в 1844 г. он писал: «Без всякого сомнения, у сен-симонистов и у фурьеристов высказаны величайшие пророчества будущего, но чего-то недостает. У Фурье убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности, поставленные на колоссальном основании,— счастье, что ученики его задвинули его сочинения своими. У сен-симонистов ученики погубили учителя».

Таким образом, еще до отъезда своего за границу, до революции 1848 г., Герцен, будучи противником крепостного права и самодержавного режима царской России, находился под влиянием утопического социализма, который он, однако, критически преодолевал, побуждаемый запросами русской действительности и предшествовавшими ему социально-экономическими воззрениями Радищева и декабристов. До революции 1848 г. будущее Европы, при всем критическом отношении Герцена к западноевропейской цивилизации, отнюдь не рисовалось ему в мрачных тонах.

Герцен считал, что Европа находится на путях к социализму. Движущей силой этого развития является «блуждающий», за цензом стоящие рабочие и мастеровые, интересы которых непримиримы с вожделениями буржуазии. Что касается России, то она, по мнению Герцена, вступит на путь социализма вслед за Европой на основе усвоения пройденного Европой пути и ее опыта. Не будучи вооруженным подлинно научной теорией исторического развития, историческим материализмом, не поняв характера западноевропейских буржуазных революций 1848 г., рассматривая, в частности, французскую революцию 1848 г. как непосредственно социалистический переворот, Герцен, воочию наблюдавший поражение народных масс, переживает духовную драму, период глубокого пессимизма и скептицизма.

Основой духовной драмы Герцена было отсутствие у него подлинно научного понимания исторического процесса. Он не возвысился до материалистического понимания истории. «Духовный крах Герцена,— писал В. И. Ленин,— его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а

революционность социалистического пролетариата *еще не созрела*»¹.

Отсюда стремление Герцена найти те народы, которые, в отличие от Запада, могут успешно разрешить задачу строительства социализма, которые в противоположность «умирающей» Европе, зараженной разлагающим духом «мещанства», в силу своеобразных особенностей своей исторической судьбы могут стать исходным этапом обновления страждущего человечества. Где же выход? Выход в России, в народном быту, в русской общине. То, что на Западе может свершиться путем катастроф, потрясений, то в России при ее общинном укладе может произойти мирным путем. До революции 1848 г. Герцен верил в то, что Запад смело разрешит социальный вопрос. Разочаровавшись в Западе, он обращает взоры к России и создает свою теорию «русского социализма».

После революции 1848 г. критическое отношение Герцена к сен-симонизму и фурьеризму, в сравнении с предшествующим этапом его творчества, еще более усилилось.

Он критиковал утопический социализм за его витание в мире отвлеченностей, неумение связать свои утопические мечтания с реальной жизнью, неспособность бороться за практическое осуществление своих теоретических положений.

Пессимизм и скептицизм Герцена после 1848 г. отнюдь не привели к краху его веры в неизбежность обновления старого мира, смены отжившей буржуазной цивилизации более передовым общественным строем и крушению его социалистических идеалов. Свое обращение к русской народной жизни Герцен, по существу, и рассматривал как стремление путем критического преодоления западноевропейского утопического социализма, практически, на подлинно научных основах реализовать свои социалистические идеалы. «Мы русским социализмом, — писал Герцен, — называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, и идет вместе с работницей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука».

Русский народ, утверждает Герцен, наиболее близок к осуществлению того экономического строя, к которому стремятся социальные учения. В ходе исторического развития русский народ сохранил неприкосновенной земельную общину, и этим он «ближе к социальной революции, чем к революции политической». Европа, поставив перед собой задачу разрешить противоречия между личностью и государством, однако, ее не разрешила. И вот Европа на первом шагу своей социальной революции встречается с русским народом, смутные стремления которого созвуч-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

ны с революционными стремлениями народных масс в Европе, ибо у них общий враг — существующий хозяйственный и политический режим и общая надежда — социальная революция.

Говоря о социальном характере русского народа, Герцен утверждал, что элементы стародавние, вносимые русским крестьянством, но «теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, состоят из трех начал, из: 1) права каждого на землю; 2) общинного владения ею; 3) мирского управления.

На этих началах и только на них может развиваться будущая Русь».

По Герцену, необходимо на базе науки «сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плутая по неизвестным путям, развитие Запада». Герцен утверждал, что, в отличие от всех других народов, община сохранилась лишь в одной России, что свидетельствует о ее исключительной жизнеспособности.

Герцен ведет борьбу с противниками общинного уклада, выдвигая ряд аргументов против его критиков. Герцен считает неправильной точку зрения, согласно которой русская община обречена на гибель, ибо все дикие народы начали с общины и всюду она должна была исчезнуть при развитии цивилизации. Герцен видел, что в России развивается капитализм, он видел процесс обуржуазивания помещиков. Он писал, что «помещик, патриархальная глава общины», сделался мало-помалу из вельможи фабрикантом, плантатором, торговцем белых негров».

Однако Герцен считал, что Россия отнюдь не должна пройти фазу буржуазного развития, он склонялся к воззрению, что буржуазия в России — продукт искусственной политики царского правительства. «...Я не вижу причин, — писал Герцен, — почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития, не вижу я также, почему цивилизация будущего должна неизменно подчиниться тем же условиям существования, что и цивилизация прошлого».

Герцен соглашается в известной мере со взглядом, что община поглощает личность и несовместима с ее развитием. Однако, полагает Герцен, русская жизнь нашла сама в себе средства отчасти восполнить этот недостаток, образовав подвижную общину работников, артель и военную общину казаков. Герцен считал также неправильным взгляд, что постоянный раздел земли при непрерывном приросте населения доведет общинную жизнь до ее естественного предела. Герцен ссылается на громадный русский земельный фонд, которого хватит на целое столетие, в течение которого жгучий вопрос о собственности и владении будет разрешен.

Огарев, как и Герцен, утверждал, что с наличием в России общины надо считаться как с неизбежным историческим фактом,

который «нельзя вычеркнуть, потому что он подходит под уровень народных требований».

Огарев видел в общине социальный институт, который ограждал интересы крестьянства от поповизмов помещиков.

Итак, по Герцену и Огареву, русская община, в силу присущих ей особенностей: признания права каждого на пользование землей, обеспечения каждому материального благосостояния и призыва всех к движению совокупными силами, — создает для России возможность непосредственного развития на путях к социализму. Свои упования на освободительную роль русской общины Герцен и Огарев связывали с отличительными чертами русского народа, призванного обновить обветшалые формы западноевропейской цивилизации.

Герцен и Огарев ошибались в оценке значения русской общины для крестьянства, так как они ее рассматривали изолированно от всего хода русской истории, обособленно от изменений в социально-экономических условиях страны. Ошибка Герцена и Огарева заключалась в том, что за формально существовавшим общинным землевладением они не разглядели процессов, происходивших в экономике русской деревни, развивающегося в ее недрах капиталистического способа производства со всеми присущими ему антагонистическими противоречиями. В своих воззрениях на некапиталистический путь развития России Герцен и Огарев совершенно игнорировали роль и значение социалистической революции на Западе. Они в духе утопического социализма мечтали о переходе к социализму через полуфеодальную русскую общину.

При всей ошибочности воззрений Герцена и Огарева на русскую общину, при всей их теоретической несостоятельности, в исторических условиях России 1860 г. они носили прогрессивный характер. «Социализм» Герцена и Огарева, который они видели в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю», по существу, представлял собой отражение и защиту интересов революционного крестьянства в русской буржуазной революции. Как писал В. И. Ленин: «Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»¹.

Теория «русского социализма» Герцена и Огарева, благодаря своему революционно-демократическому содержанию, отличалась от западноевропейских теорий утопического социализма тем, что она перебрасывала мост от утопии к науке, что она устанавливала тесную связь между социалистическим преобразованием России и политической борьбой за республику.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258.

Осуществление своих социалистических идеалов Герцен прежде всего связывал с отменой крепостного права, которое, по его мнению, являлось основным злом России. Герцен писал, что «крепостное состояние русского крестьянства — это рабство во всей Российской империи». Крепостное право, по Герцену, является язвой, пятном, безобразием русского быта, ошейником рабства на шею народа. Герцен считал, что дальнейшие перспективы исторического развития России зависят от того, сумеет ли она освободиться от крепостного права или будет впредь прозябать под его тяжелым ярмом. Герцен считал, что освобождение крестьян сопряжено с «освобождением земли», последнее, в свою очередь, является началом социальной революции, провозглашением сельского коммунизма.

По вопросу о происхождении крепостного права в России Герцен стоял на неправильных позициях. Он рассматривал крепостное право в России отнюдь не как результат закономерного хода русского исторического процесса, а как общественное установление, возникшее в результате антинародной политики правительства. Такой взгляд на происхождение крепостного права как на институт, не имеющий глубоких корней в социально-экономической жизни страны, был связан с тем, что Герцен не был вооружен знанием законов общественного развития.

В своих произведениях Герцен дал непревзойденное описание бесправного, беспросветного положения крепостного крестьянства, перед которым не было никакой иной перспективы, кроме барщины и оброка, розог, голода, рекрутства. Крепостническую эксплуатацию Герцен рассматривал как присвоение или кражу максимально возможной массы труда крепостных крестьян. Особенно тяжелым Герцен считал положение барщинных крестьян мелкопоместных помещиков, так как наряду с барщиной здесь процветали натуральные и денежные повинности. Что касается оброка, то Герцен считал его столь же обременительным для крестьян, как и барщину, хотя оброчные крестьяне меньше чувствуют личную неволю и не верят своему помещицкому рабству.

Герцен указывал, что оброк отнюдь не представлял собой плату помещиков за землю, которой пользовался крестьянин. По Герцену, помещик в гораздо большей степени берет «окуп не с десятины, а с мышц, с дыхания, он заставляет платить за право работы, движения, существования. Оброк дворовых, ходящих по паспорту, основан ... на обратном сен-симонизме: чем больше способности, тем больше требует барин. Очевидная нелепость». По отношению к мастеровым, писал Герцен, проводилась своеобразная «демократическая нивелировка», ибо чем талантливее был мастеровой, тем в большем размере взимался с него оброк. Жестокость помещика в его обращении с крепостным умеряется, по утверждению Герцена, только ножом и топором крестьянина.

Дворяне, указывал Герцен, позволяют крестьянам покупать себе свободу, но только за огромные деньги, по наивысшей цене. Поведение помещика по отношению к крепостным управлялось лишь капризом и выгодой. В ярких художественных образах Герцен разоблачал паразитический образ жизни помещиков-землевладельцев, вскрывая их неспособность к хозяйственной деятельности, показывая нерентабельность их поместий. В качестве весьма характерной иллюстрации деградации помещичьего хозяйства Герцен ссылался на задолженность имений. Герцен отмечал, что ссуды, которые получали помещики из казенных банков, не могли предотвратить разорения помещиков, упадка дворянских имений, ибо полученные в ссуду деньги не находили производительного применения, а шли на удовлетворение личных нужд помещиков.

О разорении дворянских имений писал и Огарев. Огарев подчеркивал, что у помещиков не наблюдается какая-нибудь тень нормального хозяйства. И все это потому, что помещик «привык пользоваться даровым трудом и никогда не рассчитывает, сколько что ему стоит». А между тем на рынках помещик вступает в конкурентную борьбу с крестьянином, который «продает дешево по нужде, и помещик вынужден продавать хлеб без всякой пользы. Общий вывод Огарева сводился к тому, что коренная причина упадка дворянских имений — это «ложное положение отношений помещиков и крестьян». В условиях крепостного труда «крестьянин не имеет никакого повода к старательной работе, а помещик коснеет в праздности и лени»¹.

Таким образом, Герцен и Огарев дали резкую критику хозяйствования помещиков, отсутствия у них здорового экономического расчета; что касается «нерадивости» крестьянства, то они ее объясняли уродливыми общественными отношениями. Герцен указывал, что эксплуатация русского крестьянства возрастала с ростом промышленности, с вовлечением помещичьего хозяйства в орбиту рыночных отношений. По Герцену, крепостничество как специфическая форма собственности обречено на гибель. Силой внутренних причин и особенностей оно поставлено перед неизбежностью полного крушения, как и носитель этой формы собственности — русское дворянство.

Основой своей деятельности как революционного демократа Герцен прежде всего считал борьбу против крепостного режима своей родины. Герцен ратовал за освобождение крестьян с земель, в противном случае, по его мнению, перед Россией стояла бы перспектива создания 15-миллионного пролетариата. Герцен считал, что освобождение крестьян без земли в России невозможно, ибо это, наверно, вызвало бы Жакерию. Герцен рассматривал

¹ Н. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 110, 166. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

освобождение крестьян с землей как экономическую революцию, которая должна коренным образом преобразовать землевладение и разрешить вопрос об отношениях собственника и рабочего.

Огарев, как и Герцен, полагал, что освобождение крестьян с землею избавит Россию от всех мук и страданий, которыми сопровождается капиталистическое развитие Запада. Огарев писал: «Дорого бы мы дали, чтобы Россия была избавлена от всех страданий западного развития: бесплодных кровопролитий, раздробления собственности, нищенства, пролетариата, формально законных и человеческого несправедливых судов, притеснений, позорного помещанского тиранства, лицемерия, и развивалась бы мирно путем вечно юной реформы».

По вопросу о том, как должно быть совершено освобождение крестьян — должно ли правительство по своей инициативе освободить крестьян или само крестьянство мерами расправы со своими вековыми угнетателями должно добиться своего освобождения от ярма крепостничества, — в этом вопросе Герцен и Огарев первоначально колебались. Герцен был сторонником то насильственного, революционного разрешения крестьянского вопроса, то он ратовал за мирный путь — за освобождение крестьян «сверху» путем законодательных мероприятий самодержавного правительства. Известны те упования, которые в этом деле возлагал Герцен на правительство, в частности на Александра II.

Представления Герцена и Огарева о возможности «самодержавной революции» были результатом непонимания значения форм политического строя и трактовки власти как категории внеклассовой. Колебания Герцена и Огарева в сторону либерализма были временными. К концу 60-х гг. они окончательно встали на точку зрения революционного разрешения крестьянского вопроса. Если до реформы 1861 г. Герцен и Огарев отстаивали ликвидацию помещичьей власти над крестьянами и освобождение крестьян с землей, находящейся в их пользовании, в чем сказывалась их тогдашняя дворянская ограниченность, то после реформы 1861 г. Герцен и Огарев боролись за немедленный безвозмездный переход к крестьянству всей земли, без всякого переходного состояния.

Причину провала реформы 1861 г. Огарев видел в том, что за проведение ее взялась власть, которая по самой своей сущности стояла на страже привилегий дворянства. Огарев раскрыл кабальный характер реформы 1861 г., показал ее крепостнический характер. Давая общую оценку реформы 1861 г., Огарев писал: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут». Огарев подчеркивал, что здравый смысл народа не может понять освобождения с «оставлением на оброке».

В вопросе о выкупе Огарев разоблачал помещичье право на землю и противопоставлял ему народное право на землю. Будучи принципиальным противником выкупа, Огарев вместе с тем

указывал, что народ считает возможным во «избежание горьких столкновений» дать помещикам пособие, вознаграждение, но не обязан ни оброком (рентой), ни выкупом. В этом «пособии» помещикам должны участвовать все сословия страны, все государство. Антинародное самодержавное правительство «признало землю помещичью и, сочинивши надувательный выкуп, в котором оказать содействие не может, учредило для крестьян постоянное пользование землею, обложив их барщиной или оброком, т. е. учредив новое крепостное право».

Таким образом, Огарев превосходно понимал, что выкупные платежи представляют собой остатки старого крепостного права. И действительно, в результате реформы 1861 г. платеж выкупных денег, по существу, представлял собой выплату старинного оброка помещику. Огарев видел в реформе 1861 г. прямой грабеж народной земли — «...правительство отняло у народа и урезало землю». Характеризуя «отрезки», Огарев считал, что скрытая их цель заключалась в том, чтобы у «многоземельных и среднеземельных» крестьян земли урезать в пользу помещиков, а к малоземельным не прирезать ничего, а если можно, то отнять и последнюю».

Огарев предвидел, что реформа 1861 г. приведет к освобождению крестьян от земли и к созданию кабального арендатора помещичьей земли. В своей обобщенной характеристике реформы 1861 г. Огарев предсказывал, что с каждым днем в стране будет возрастать потребность в том, чтобы «земля была признана общим народным достоянием». Он был преисполнен глубокой уверенности в том, что «раз проснувшееся освобождение России совершится помимо и вопреки правительству». Таким образом, свой глубокий анализ реформы 1861 г. Огарев, по существу, увенчивает призывом к народному восстанию против угнетателей, против своих поработителей.

В отличие от 50-х гг., когда Герцен и Огарев считали, что дворянство, как наиболее развитый и просвещенный класс в России, призвано играть руководящую роль в политической жизни страны, после реформы 1861 г. они ориентировались на «новую Россию», на разночинцев и считали, что разночинцы — единственная гавань, в которую можно прыгнуть с тонущего дворянского корабля. Герцен предсказывает, что гибель царского самодержавия и его оплота — русского дворянства — неизбежна. По Герцену, важную роль в освободительном движении страны предстояло играть разночинцам.

В. И. Ленин рассматривал общедемократическую бесцензурную печать с «Колоколом» во главе в качестве предшественницы рабочей печати. «Как декабристы, — писал В. И. Ленин, — разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству,

а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»¹. «Русский социализм» Герцена и Огарева, направленный против угнетения и эксплуатации народных масс, применительно к объективным условиям русской действительности 60-х гг. означал по существу своему, при всей идеализации Герценом и Огаревым борьбы с крепостничеством, программу расширения свободного крестьянского землевладения, уничтожения помещичьих латифундий, всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации. Это была программа борьбы против исторически определенного вида угнетения и эксплуатации, против феодализма.

В своей критике крепостнического режима современной ему России, в своей борьбе за передачу земли крестьянству Герцен и Огарев, будучи выразителями чаяний крепостного крестьянства, были продолжателями идей замечательного просветителя XVIII в. Радищева. В своей борьбе за землю и волю Герцен и Огарев продолжали лучшие традиции движения декабристов. Они подняли на новую высоту аграрную программу Пестеля. От декабристов исходила также республиканская традиция в русском революционном движении. Убедившись в том, что царская власть защищает интересы крепостников, Герцен противопоставляет ей республиканскую форму правления.

Однако, в отличие от декабристов, которые рассматривали военный заговор как чудодейственную силу, способную опрокинуть ненавистный самодержавно-крепостной строй, Герцен не мыслит себе революцию в России без массового крестьянского движения. «Я не верю, — писал Герцен в 1850 г., — ни в какую революцию в России, кроме крестьянской». Посвятив жизнь свою служению Родине, Герцен рассматривал свою деятельность как выполнение патриотического долга. Герцен, как отмечал Ленин, «спас честь русской демократии, когда он», в отличие от всего так называемого «образованного общества», встал на защиту польского восстания 1863 г. против царских сатрапов, учинивших жестокую расправу над восставшими. В ряде печатных выступлений Герцен признавал за Польшей неотъемлемое право на государственное существование, независимое от России, он ратовал за «братское соединение русских с поляками».

Герцен и Огарев пропагандировали идеи равноправного сотрудничества славянских народов и вели борьбу за их солидарность.

Герцен — критик капитализма. «Письма к старому товарищу» — политическое завещание Герцена. В произведениях Герцена и Огарева критика крепостничества и самодержавного строя в России была переплетена с критикой капитализма. Критика капитализма была составной частью общеполитической программы Герцена — обоснования необходимости и неизбежности социализма в России. Отмечая технико-экономический прогресс,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93—94.

которым ознаменовалась буржуазная эра в Европе, Герцен в то же время считал, что хозяйственная жизнь современной Европы противоречит разуму. Хаотическое состояние народнохозяйственной жизни Европы, раздираемой внутренними противоречиями между богатством и нищетой, между производством и потреблением, наблюдающуюся в Европе анархию производства Герцен объясняет нерациональным распределением средств производства.

Современную ему цивилизацию Герцен рассматривает как общественный строй, последовательно развившийся на «безземельном пролетариате, на безусловном праве собственника над собственностью». Эта цивилизация представляется Герцену как цивилизация меньшинства, предполагающая наличие большинства чернорабочих, как режим людоедства в образованных формах. Где же причины этого социального рабства, почему же этот режим людоедства в образованных формах существует, угнетая своей железной пятой широкие массы работников? По Герцену, причиной устойчивости капитализма является невежество масс. Все дело в том, что широкие массы не понимают, своего подневольного положения при капитализме, не понимают, что они — неприглашенные на жизненный пир, создаваемый их трудом для привилегированного меньшинства.

Герцен высказывал замечательную, исключительно интересную мысль о возможности союза русского крестьянства с пролетариатом Запада, который приведет к коммунистической революции народных масс.

В работах Герцена ряд интересных страниц посвящен предмету политической экономии, а также характеристике буржуазных направлений в политической экономии. Буржуазная политическая экономия определяется Герценом как отвлеченная наука о богатстве. В руках буржуазии наука Адама Смита превратилась в «торговую мышленность, в искусство с наименьшей тратой капитала производить наибольшее число произведений и обеспечивать им наивыгоднейший сбыт». Представителей буржуазной науки Герцен характеризует как пошлую посредственность, ибо они не могли возвыситься до общечеловеческих интересов.

Передовой деятель современной эпохи, революционер должен, по мнению Герцена, создать новую политическую экономию в интересах трудящихся. «Не уничтожить и разбить должен он политическую экономию, а превратить ее из эмпирического свода рассуждений и наблюдений, не смеющего касаться до святых твердынь существующего, в экономическую науку, посягающую на все».

Последний этап в эволюции мировоззрения Герцена нашел свое отражение в его «Письмах к старому товарищу», которые, по существу, представляют собой политическое завещание Герцена. В этом произведении Герцен поставил ряд проблем как теории, так и практики революционного движения. В качестве предварительного условия практической деятельности Герцен выдвигает необходимость научного познания исторического процесса, раскрытия

его внутренних закономерностей. В многогранном же мире социальных явлений Герцен отводит ведущую роль экономическому фактору. «Экономический переворот, — указывает Герцен, — имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями в трезвости своей основы... Экономические вопросы подлежат математическим законам».

Исключительный интерес представляют высказывания Герцена о государстве. Государство, утверждал Герцен, не имеет собственного определенного содержания, оно может быть и орудием реакции и инструментом революции, в зависимости от того, на чьей стороне сила. Герцену принадлежит следующий замечательный афоризм: «Из того, что государство — форма преходящая, не следует, что эта форма уже прошедшая». Высказывания Герцена о государстве свидетельствуют о том, что Герцен, как писал Ленин, «рвет с анархистом Бакуниным»¹, что Герцен считал возможным использование государственного аппарата в деле революционного преобразования общества. Применяя идею развития к современному ему обществу, Герцен считает, что капитализм находится пакапуне своей гибели, что дни его сочтены. «Ясно видим мы, — пишет Герцен, — что дальше дела не могут идти так, как шли, что конец исключительному царству капитала и безусловному праву собственности так же пришел, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому... Как тогда упрямство и вырождение дворянства помогли собственной гибели, так и теперь упрямая и выродившаяся буржуазия тянет сама себя в могилу».

Герцен придавал всемирно-историческое значение международному рабочему движению, которое развивалось под знаменем I Интернационала. Герцен видел в международном объединении рабочего класса «первую сеть и первый всход будущего экономического устройства». В. И. Ленин видел в Герцене мыслителя, сыгравшего «великую роль в подготовке русской революции»². Органическая связь Герцена и Огарева с народным, крестьянским движением предопределила высокий идейный уровень их пропагандистской деятельности. Они выступали как предшественники русской социал-демократии.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Н. Г. Чернышевский является национальной гордостью русского народа. Н. Г. Чернышевский — один из тех революционных демократов XIX в., которые сыграли огромную роль в русском революционном движении и в развитии революционной мысли.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257.

² Там же, стр. 255.

Н. Г. Чернышевский ближе других социалистов-утопистов домарковского периода стоял к научному социализму. По ряду вопросов он сделал шаг от утопии к науке и этим значительно способствовал восприятию в России идей марксизма. Вся деятельность Н. Г. Чернышевского, вся его жизнь была посвящена борьбе за новый, передовой общественный строй. Все многогранное творчество Н. Г. Чернышевского на всех этапах было обоснованием необходимости революционной борьбы трудящихся за свое освобождение.

Н. Г. Чернышевский — критик крепостничества. В центре внимания научно-публицистической деятельности Н. Г. Чернышевского прежде всего стояла борьба с крепостничеством. Н. Г. Чернышевский считал, что крепостное право — главнейший источник всех неурядиц русской жизни — должно быть ликвидировано революционным путем. Н. Г. Чернышевский рассматривал крепостной строй как продукт злоупотреблений помещиков, как порождение несправедливого их отношения к крестьянству. В духе утопического социализма Чернышевский ставит крепостной режим перед судом отвлеченных принципов права и справедливости и осуждает его как социально-экономический строй, противоречащий прогрессивному ходу истории.

Сущность крепостного права, его экономическую основу Чернышевский видит в обязательном труде. Он писал, что крепостное право состоит в присвоении землевладельцем власти принуждать поселенных на этой земле крестьян к земледельческой работе в личную свою пользу. Утверждая, что крепостное право — коренное зло всех неурядиц русской жизни, причина неудовлетворительного состояния русской промышленности, Чернышевский с особой силой подчеркивает губительное воздействие крепостного права на русское сельское хозяйство.

Убыточность крепостного сельского хозяйства Чернышевский показывает на большом конкретном материале, подвергая обстоятельному исследованию как помещичье, так и крестьянское хозяйство. Убыточный характер хозяйствования в помещичьих латифундиях Чернышевский убедительно показывает, рассматривая нерациональное использование рабочей силы, нерентабельность применения машин, истребление лесов и т. д.

Полемизируя с современными ему апологетами крепостничества, Чернышевский для доказательства того, что обязательный труд разорителен не только для крестьян, но и для помещиков, ссылается на задолженность дворянских имений. Нерентабельность помещичьего хозяйства, по Чернышевскому, — не случайное явление. Она коренится в обязательном труде, в самой природе крепостнического хозяйства. Чернышевский писал, что тот, у кого источником доходов является обязательный труд, не может «экономически» вести свои расходы, ибо его доходы базируются на началах, противоречащих «экономическому расчету». Ссылаясь на факты повышения производительности труда в поместьях России и

Западной Европы, применявших наемный труд, Чернышевский убедительно утверждает, что все зло — в низком уровне производительности обязательного труда.

Чернышевский глубоко, теоретически обосновал положение о том, что помещичье землевладение не может быть базой прогрессивного хозяйствования, более того, что помещик символизирует собой деградацию, застой в народном хозяйстве. Чернышевский понимает, что землевладение, носящее крепостнический характер, по самому существу своему является помехой для развития торгового оборота, что крепостное право ближе всего связано с крепостническим землевладением, что помещичья земельная собственность — источник и оплот крепостнической эксплуатации, источник сохранения нищенского положения крестьянства. Из анализа помещичьего хозяйства у Чернышевского с непреложностью следовало, что лишь с ликвидацией помещичьего землевладения, а тем самым и крепостничества, перед Россией откроется широкая дорога для расцвета ее производительных сил.

В тесной связи с характеристикой судеб помещичьего хозяйства, в условиях крепостного права, находятся и воззрения Чернышевского на положение крестьянского хозяйства. Чернышевский на большом фактическом материале показывает безысходную нищету крестьянских масс. Используя фактические данные современной ему статистики, Чернышевский убедительно показывает чрезвычайно низкий уровень жизни крепостного крестьянства.

Чернышевский подверг анализу одно из глубочайших проявлений кризиса крепостного хозяйства — деградацию и разрушение его основной производительной силы — крестьян. Чернышевский обстоятельно показывает, как барщинный труд при всех методах его выполнения губительно сказывался на трудолюбии и энергии производителей, подрывал производительность их труда и тем самым содействовал деградации как помещичьего, так и крестьянского хозяйства.

В своем исследовании оброка Чернышевский, точно так же как и при рассмотрении барщины, подчеркивал исключительную роль воли помещика. От произвола помещика зависит замена барщины оброком, от усмотрения землевладельца зависит и определение величины оброка. В силу произвольности установленного оброка Чернышевский считает, что по своему отрицательному воздействию на крестьянское хозяйство он не обладает никакими преимуществами по сравнению с барщиной.

Чернышевский полемизирует с современными ему русскими вульгарными экономистами, полагавшими, что оброк есть якобы шаг к замене обязательного труда рентой. Чернышевский писал: «Рента определяется свободной торговой сделкой между отдающими и нанимающими землю точно так, как плата за работу свободным торгом между нанимателем и нанимающим. Оброк назначается волею землевладельца точно так же, как и вообще размер

обязательного труда. Ни на один волос не ближе оброк к ренте, нежели барщина к найму»¹.

Чернышевский правильно противопоставляет оброк ренте исходя из различия между свободными договорными отношениями при капитализме и внеэкономическим принуждением в условиях крепостничества. Достоинством анализа барщины и оброка у Чернышевского является понимание им того обстоятельства, что эти формы обязательного труда были источником и условием крепостнической эксплуатации, что они обусловили технический и общественный застой и базировались на внеэкономическом принуждении.

Исследования Чернышевского, посвященные крепостному крестьянскому хозяйству, находились в тесной связи с его воззрениями на крепостническое землевладение, на помещичью земельную собственность. Чернышевский убедительно доказал, что оборотной стороной многоземелья крупных землевладельцев является малоземелье прикрепленных к помещикам путем внеэкономического принуждения обнищавших крепостных крестьян.

Чернышевский доказал, что разорение и экспроприация крепостного крестьянства объясняются отнюдь не роковыми неумолимыми законами природы, не абстрактными законами населения, не ленью крестьян и т. д., как об этом трубили современные Чернышевскому вульгарные экономисты, а общественными отношениями, командным положением общественных классов, которые управляли и царили в самодержавно-крепостнической России. Приводя многочисленные цифры, факты, таблицы, Чернышевский показал, что крепостное хозяйство знаменует собой деградацию и угрожает гибелью его ведущей производительной силы — крепостного крестьянства.

Большой заслугой Чернышевского является и то, что он рассматривал крепостное право отнюдь не только как совокупность правовых норм, но и как совокупность специфических определенных общественных отношений. В представлении Чернышевского крепостное хозяйство было законченной системой феодальных связей, во главе которой стоял помещик, наделявший крестьян земель и методами внеэкономического принуждения присваивавший их прибавочный труд.

Чернышевский с большой теоретической глубиной поставил проблему кризиса крепостного хозяйства, уделив особое внимание вопросу низкой производительности труда в условиях крепостничества. Низкую покупательную способность крестьянского населения Чернышевский считал основным препятствием на пути к улучшению земледельческого производства и к расширению сбыта фабричных изделий в деревне. Подвергая глубокой критике крепостническое хозяйство, Чернышевский понимал его органическую связь с царским самодержавием. В легальной печати Чернышев-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 104. (Здесь и далее в главе цитируется этот источник. — *Ред.*)

ский, разоблачая утверждения либералов о надклассовой природе самодержавия, дал бичующую характеристику самодержавного режима, его классовой сущности как политической формы помещичьего господства, его прогнившего государственного аппарата.

Еще в 1850 г. Чернышевский дал замечательную характеристику абсолютной монархии. Он писал, что абсолютный монарх — это «завершение аристократической иерархии, душою и телом принадлежащее к ней», вершина «конуса аристократии». Чернышевский неоднократно писал о том, что дурное управление — коренная причина бедности русского народа, неудовлетворительного состояния его нравственных и умственных сил. Он критиковал гражданскую и военную бюрократию эпохи крепостного права, как тунеядствующую и продажную. Давая характеристику отдельных звеньев государственного аппарата, он связывал их с общими условиями государственного строя самодержавной России. Так, например, рассматривая откупную систему как источник значительной части государственного дохода, как весьма несовершенную форму взимания государственных налоговых пошлин, Чернышевский в то же время считал, что откуп «составляет только часть общей гражданской жизни и необходимо обуславливается другими отношениями».

Чернышевский утверждал, что в условиях самодержавно-крепостнического режима вообще невозможно правильное распределение государственных налогов и повинностей. Таким образом, Чернышевский понимал тесную связь крепостничества с самодержавным государственным аппаратом, он понимал, что царская власть являлась существенным фактором, обострившим подневольное положение крепостного крестьянства России.

В. И. Ленин отмечал как заслугу Чернышевского понимание им того, что «существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся»¹. Воззрения Чернышевского на самодержавный режим, его оценка бюрократического аппарата эпохи крепостного права особенно ярко выразились в его отношении к так называемому освобождению крестьян.

Н. Г. Чернышевский о реформе 1861 г. С гневом обрушился Чернышевский на реформу 19 февраля 1861 г., показывая, что этот акт был порожден совместным выступлением помещиков и бюрократии против крестьянства. Причину провала реформы 1861 г. Чернышевский видел в том, что за проведение ее взялась власть, которая по самой своей сущности стояла на страже привилегий дворянства. Чернышевский раскрыл кабальный и крепостнический характер реформы 1861 г., которую он называл мерзостью. Чернышевский превосходно понимал, что выкупные платежи представ-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 291.

ляют собой остатки старого крепостного права и что они породят собой экономический и политический застой страны.

В. И. Ленин ставил в заслугу Чернышевскому то, что он предпочитал добровольную сделку крестьян с помещиками «освобождению с выкупом». «При добровольной сделке о покупке земли, с крестьян *не могли бы* содрать столько, сколько содрали с них посредством *правительственного* «примирения» крестьян с помещиками. И великий русский социалист оказался прав»¹. Чернышевский предвидел, что «отрезки» будут знаменовать собой сохранение кабальной зависимости крестьян от помещика. Он понимал, что обезземеление крестьян в 1861 г. означало создание кабального арендатора помещичьей земли, фактически вынужденного отбывать барщину путем обработки своим инвентарем помещичьей земли за луга, за выгон, за необходимую пахотную землю и т. д.

Чернышевский предсказывал, что реформа 1861 г. приведет к росту безземельного пролетариата. Он, по существу, рассматривал реформу 1861 г. как «чистку земли», необходимую для развития капитализма, хотя он и не понимал прогрессивного значения, которое имел процесс формирования кадров наемных рабов капитала.

Н. Г. Чернышевский о русской земельной общине. В воззрениях Чернышевского на аграрный вопрос, в его борьбе за интересы крестьянства большую роль играло его учение об общинном землевладении в России. Ведя борьбу с современными ему лжеучениями по вопросу о генезисе общины, Чернышевский, опираясь на достижения русской исторической науки, в частности на труды Грановского, выдвинул правильное положение о первоначальном существовании не частной, а общинной собственности на землю. Чернышевский рассматривал общину как универсальный институт, который на пороге цивилизации существовал у всех народов, как «общую человеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа». В то же время он в общинном укладе находил преимущество России в сравнении с Западом.

По мнению Чернышевского, община является избавительницей крестьянства от «язвы пролетариатства» потому, что она содействует нивелированию имущественного положения своих членов. Чернышевский неоднократно писал о том, что массовое разорение и обнищание крестьянства, которым знаменуется победное шествие капитализма, могут быть избегнуты путем сохранения общинного владения. Развитие капитализма в России может быть предотвращено, по мнению Чернышевского, в результате сохранения общины; она при известных условиях могла бы быть исходным пунктом для строительства социализма в России. Утверждая, что перемены в экономическом быту России неизбежны, Чернышевский, однако, считал, что, каковы бы ни были эти преобразования, не следует посягать на общинное пользование землями.

¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 15, стр. 153.

Идеальной формой поземельной собственности как с точки зрения агрикультурной, так и со стороны народного благосостояния Чернышевский считал государственную собственность с общинным владением, ибо только она объединяет в одном лице собственника, хозяина и работника. При этой форме, считал Чернышевский, вся выгода от улучшений и затраченного труда достается трудящимся, и каждый земледелец становится землевладельцем. В частности, Чернышевский считал, что общинное владение благоприятствует применению машин в сельском хозяйстве, что невозможно при частной собственности на землю, которая является препятствием для объединения мелких землевладельцев для общинной обработки земли. Выдвигнув в качестве своего социального идеала государственную собственность с общинным владением, Чернышевский, однако, пишет, что принцип частного владения, хотя бы он постепенно вытеснялся общинным, неизбежен как «переходное состояние».

Исходя из предпосылки сосуществования двух принципов — частной собственности и общинного владения, Чернышевский, обеспокоенный судьбами общинного владения, ставит перед собой вопрос о том, как «единовременно совместить возможно мирное господство обоих способов владения». Сосуществование этих двух принципов Чернышевский мыслит себе при наличии частных собственников без системы фермерства. Чернышевский считает, что частные собственники в условиях отсутствия фермерства смогут заниматься улучшениями в области сельскохозяйственного производства.

Чернышевский писал о необходимости ограждения общинного владения от тлетворного влияния фермерства, угрожавшего осуществлению идеальной формы землевладения. Развитие фермерства в России, предупреждал Чернышевский, не за горами, ибо Россия представляет собой благоприятную арену для обширных сельскохозяйственных предприятий на коммерческой основе. По мнению Чернышевского, фермерство не будет опасным, если половина земельной собственности будет распределена по принципу общинного владения. Кроме того, Чернышевский неоднократно подчеркивал, что общинное владение может и должно расширять свою область по мере возрастания населения и наличия ряда других условий.

Вопрос об общинном землевладении Чернышевский ставит в тесную зависимость от борьбы антагонистических общественных классов страны, от перспектив крестьянской революции в России. Обосновывая возможность некапиталистического развития России, Чернышевский утверждал, что общинное землевладение может быть непосредственно исходным пунктом социалистического способа производства. Теоретической основой воззрений Чернышевского о перерастании общинного землевладения в социалистическое производство была идея диалектического развития о переходе от низшей стадии развития к высшей. Перед Россией, по мнению Чернышевского, в силу определенных исторических условий,

связанных с сохранением в ней общинного уклада, открывается перспектива некапиталистического пути развития.

Политической предпосылкой использования общины как столбовой дорожки к социализму является крестьянская революция, которая должна железной метлой очистить русскую землю от помещиков, от крепостного режима, от самодержавия. Чернышевский полагал, что общинное землевладение является исходным пунктом для перехода к общинному производству, ибо последнее не только «предотвращает пролетариат», но и содействует «возвышению производства». Перерастание общинного владения в общинное производство Чернышевский объясняет материалистически: прогресс механики и технологии — вот движущая сила в поступательном движении человечества ко все более прогрессивным формам коллективного хозяйствования.

В этом процессе перехода от общинного владения к общинному производству Чернышевский отводит роль духу коллективизма, присущему русским общинникам. В наличии «общинного духа» он видел преимущество России перед Западом в деле перехода сельского хозяйства на рельсы коллективного производства. В то же время Чернышевский не считал нужным форсировать переход к общинному производству, ибо большинство русского земледельческого сословия еще не знает общинного труда, не знает выгод, которые он с собой несет в отличие от общинного владения, к которому русские земледельцы привычны. Но Чернышевский был глубоко убежден в неотвратимости перехода к общинному производству.

Перед умственным взором Чернышевского вставала будущая свободная Россия, которая обрабатывает свои огромные земельные массивы на базе крупного социалистического хозяйства, оснащенного передовой техникой. Представления Чернышевского о тенденциях развития общинного землевладения в условиях капитализма были ошибочными. Чернышевский в условиях капитализма рисовал себе мирную картину процветания общинного строя, огражденного от тлетворного воздействия окружающей среды. Чернышевский не понимал, что в результате развития капитализма старая сословная община придет в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями, что капиталистическое земледелие проникает и в общинную деревню и заставит ее приспособляться к капиталистическому режиму. Чернышевскому было чуждо представление о том, что с ростом благосостояния крестьянства вообще все быстрее должен был бы происходить процесс его разложения на антагонистические классы капиталистического сельского хозяйства.

Чернышевский идеализировал русскую общину. В отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, которые считали, что русская община сама по себе не может быть исходным пунктом социалистического производства, Чернышевский полагал, что в самой общине была заложена возможность непосредственного перехода к социализму

и что эта возможность превратится в действительность, если крестьянская революция освободит общину от тлетворного влияния крепостничества и самодержавия.

Идеализируя русскую общину как демократическую организацию, как товарищеский союз, ведя борьбу за ее освобождение от феодальных пут, Чернышевский игнорировал противоречия экономических интересов внутри нее, имущественные различия внутри общины и рассматривал общинное крестьянство как нечто однородное, солидарное внутри себя. Это отнюдь, конечно, не означает, что Чернышевскому было чуждо понимание неравенства в общине, выделения в ней кулаков и формирования батраков. Чернышевский писал, что «и между общинниками встречаются люди, которые бы-вают беднее иного батрака».

Говоря об образовании в малоземельных селениях значительного числа затаялых, которые не владели непосредственно землей, Чернышевский в то же время считал, что положение затаялых лучше безысходного и безотрадного положения западных пролетариев хотя бы потому, что для каждого затаялого существует возможность при будущем переделе получить во владение особый участок. Чернышевскому хорошо известно, что «между общинниками иные служат наемниками у других домохозяев, не имея своего хозяйства», что внутри общины возможно «фермерство», однако Чернышевский утешает себя тем, что «это исключение из правила». Отсюда его стремление давать общую характеристику общинного крестьянского хозяйства на основании одних только средних данных. Более того, Чернышевский считал подобного рода методологические приемы подлинно научными.

Чернышевский утверждал, что исследование общинного землевладения возможно только на основе «средних цифр». Он писал: «Общинники неодинаково возделывают свои участки, и частные собственники тоже, но разве это мешает выводу средней цифры?» Чернышевский хотя и видит наличие дифференциации среди общинного крестьянства, однако он не придает ей значения, полагая, что это явление несущественное и случайное. В своем анализе общинного уклада он считает возможным и необходимым характеризовать его средними цифрами. В этом проявляются несовершенство и ошибочность методологических приемов Чернышевского. Общие и огульные «средние цифры» имеют совершенно фиктивное значение, общие средние данные не могут дать правильного представления об экономике деревни.

У Чернышевского на первом месте стояла форма землевладения отдельных крестьянских общин, где социальные противоположности находились в зачаточном состоянии. Эта форма и заслоняла тенденции развития всего народного хозяйства России, хотя об этих тенденциях у него и имелись некоторые представления. Это привело к тому, что Чернышевский разделял иллюзию о возможности обобществления труда, минуя капитализм, что он

не понимал неизбежности расслоения внутри общины, несмотря на уравнительность общинных традиций.

При всей ошибочности теоретических воззрений Н. Г. Чернышевского на общину его выступление в защиту общинного землепользования, с одной стороны, представляло собой легальную форму отстаивания крестьянского землевладения, с другой стороны, это была своеобразная форма пропаганды его социалистических идеалов. Чернышевский не понимал, что крестьянская аграрная революция принесет с собой подчинение всего землевладения интересам прогрессивного развития и роста прежде всего буржуазного крестьянства. Чернышевскому было чуждо представление о том, что даже переход всей земли в руки крестьян не только не уничтожит капитализма, но, наоборот, создаст условия для его широкого, свободного и могучего развития.

Как писал В. И. Ленин, «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»¹. В своей программе разрешения аграрного вопроса в России Чернышевский ратовал за осуществление насущных нужд народных масс, он выступает как горячий поборник интересов крестьянства. По существу, Чернышевский боролся за самые передовые формы капиталистического развития России — без помещичьих латифундий, без феодального землевладения. Однако этим не ограничиваются заслуги Чернышевского перед русской экономической наукой. Чернышевский поставил проблему некапиталистического развития отсталых стран, хотя он и не разрешил ее. Аграрные работы Н. Г. Чернышевского были большим достижением русской и мировой науки той эпохи.

Н. Г. Чернышевский — критик капитализма. Чернышевский соединял в своем лице революционного демократа и социалиста. Как революционер-демократ, Чернышевский пропагандировал идеи крестьянской революции, которая должна была объективно привести к победе буржуазной демократии, уничтожению царизма и крепостничества. Как социалист, Чернышевский боролся за подлинную, а не формальную свободу, за уничтожение эксплуатации человека человеком. В тесной связи с борьбой Чернышевского с крепостничеством, которое он рассматривал как главный источник всех неурядиц русской жизни, находится и его критика капитализма. Эта критика была вызвана наблюдениями за ростом капиталистических отношений в России и развитием капитализма на Западе. Чернышевский, по словам В. И. Ленина, дал замечательную глубокую критику капитализма, несмотря на свой утопический социа-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

лизм. Критика капитализма составляла основное содержание «экономической теории трудящихся», которую Чернышевский противопоставлял теории капиталистов.

Чернышевский рассматривал капитализм как необходимый продукт исторического развития, становясь тем самым на материалистическую точку зрения. Он отмечал связь системы наемного труда с определенным уровнем развития производительных сил. Противопоставляя рабскому труду свободный труд, Чернышевский писал, что «машина не терпит подле себя невольничества; она не выдерживает тяжелых рук его беспечности. Не выдерживают невольничества и все те мастерства, в которых введены сколько-нибудь усовершенствованные инструменты. Для них необходим вольный человек».

Характеризуя специфические черты капитализма, Чернышевский уделяет большое внимание его классовой структуре. Соотношение классовых сил в капиталистическом обществе Чернышевский связывает с факторами производственного процесса. Он отмечал, что из трех элементов, участвующих в производстве ценностей, недвижимая собственность, и в особенности земля, принадлежит «высшему классу», не участвующему прямым образом в производстве. Он писал, что «оборотный капитал» вносится в производство средним классом, так называемыми антрепренерами, мануфактуристами, заводчиками и фермерами; что же касается труда, то он «почти весь совершается простым народом, который в политическом отношении до сих пор служил только орудием для среднего и высшего сословия в их взаимной борьбе».

В приведенном высказывании подчеркивается тезис о связи общественных классов с определенными элементами процесса производства, о классах как олицетворении определенных факторов производства. Замечательна также мысль великого русского мыслителя о том, что «простой народ» до сих пор в сфере политики таскал каштаны из огня для буржуазии и земельных собственников. Чернышевский констатирует наличие личных связей между банкирами, купцами, мануфактуристами и «высшим сословием». Слияние между ними дошло до того, что представители «высшего сословия» занялись промышленной деятельностью, а множество лиц «среднего сословия» обратили часть своих денежных капиталов в недвижимую собственность. В борьбе, которую ведет «средний класс» с «высшим сословием», перевес принадлежит первому, который с каждым годом во всех странах одерживает над своим соперником экономические победы и наносит ему политические поражения.

«Средний класс», несмотря на борьбу, которую он ведет с «высшим сословием», находится с последним в более приятных отношениях, нежели с «простым народом». Враждебность интересов «среднего» и «высшего» сословий чрезвычайно ослабляется наличием личных связей между их представителями. Но еще большую роль в этом отношении играет «одинаковость их положения в деле

распределения ценностей при нынешнем порядке». Сходство между «высшим» и «средним» сословиями, отмечает Чернышевский, заключается в том, что и те и другие присваивают количество ценностей, далеко превышающее то количество, которое в «экономическом смысле» производится трудом одного работника. Поэтому они заинтересованы в уменьшении той доли, которая приходится представителям труда.

Все эти высказывания свидетельствуют о том, что Чернышевский подверг глубокому анализу классовую структуру капиталистического общества. Чернышевскому ясно, что под оболочкой кажущейся враждебности «высшего» и «среднего» сословия по-коится солидарность их интересов. Чернышевский вскрывает глубокие корни этой солидарности. При капитализме «высшее сословие» занимается промышленной деятельностью, «среднее сословие» осело на земле. При наличии борьбы между этими сословиями они единым фронтом выступают против трудящихся, безвозмездно присваивая долю их труда. Критикуя капиталистический режим, Чернышевский останавливается на «соперничестве», т. е. на конкурентной борьбе.

Высказывания Чернышевского по вопросу о конкуренции при всем преувеличении ее роли в хозяйственной жизни капитализма содержат ряд правильных идей. Чернышевский понимал исторически обусловленную прогрессивность режима свободной конкуренции. Отрицательно относясь к капитализму, он в то же время отмечал прогрессивную роль современного ему капитализма по сравнению с феодализмом. Одновременно великий русский мыслитель указывал на необходимую связь, которая существует между конкуренцией и частной собственностью. Чернышевский превосходно понимал, что конкуренция связана с наживой паразитических классов, что возможны иные формы «экономического расчета», которые будут служить источником развития производительных сил в интересах всех трудящихся. Он высказывает замечательные для своего времени мысли о том, что конкуренция служит тормозом для развития производительных сил.

Чернышевский считал, что кризисы представляют собой неизбежное порождение капитализма, при котором в силу «неверного», «загадочного» характера как необходимых масштабов производства, так и действительного уровня потребления сбыт продуктов становится делом многосложным, затруднительным, рискованным. Он пишет, что производство капиталиста подвержено застою, а весь экономический порядок, основанный не на потреблении, а на сбыте, подвержен неизбежным промышленным и торговым кризисам, из которых каждый состоит в потере миллионов и десятков миллионов рабочих дней. Он метко характеризует социальные последствия кризисов как землетрясений в сфере хозяйства, ломающих фирмы, разрушающих фабрики, разоряющих тысячи богачей, оставляющих без куска хлеба миллионы работников.

Чернышевский превосходно понимал преимущества крупного капиталистического производства в сравнении с мелким, преимущества, реализующиеся в ходе конкурентной борьбы. Он писал о концентрации производства как о закономерности капиталистического производства. Более того, у Чернышевского встречаются гениальные высказывания о подчинении не только промышленности закону концентрации производства, но и сельского хозяйства: «...Нет рациональных причин считать сельское хозяйство исключением из общих законов промышленной деятельности. Перевес выгод, даваемых делу усовершенствованными процессами, требующими обширных размеров производства, так велик, что ни в какой отрасли экономического быта мелкое хозяйство не может выдерживать соперничества с большим, как скоро процесс технологии и механики открывает возможность усовершенствованных процессов в этом деле и начинает прилагаться к делу капитал большими массами».

Чернышевский утверждал, что никакое усердие в труде не спасет хозяина от неизбежного разорения, когда ему противостоит крупное производство, применяющее передовую технику. Он предсказывал, что с точки зрения «выгодности производства в большом размере» причины различия между земледелием и фабричной промышленностью неизбежно должны в ближайшем будущем исчезнуть. По мысли Чернышевского, капиталистический способ производства, основанный на частной собственности, противоречит рациональному земледелию. Мелкая земельная собственность несовместима с применением достижений науки и техники к земледелию. Крупная земельная собственность не стимулирует фермера в производительных затратах капитала, которые приносят барыш в конечном счете не ему, а землевладельцу.

У Чернышевского встречаются замечательные высказывания о росте в результате конкуренции богатства на одном полюсе и нищеты — на другом. Он писал о «тенденции технической стороны экономического прогресса понижать благосостояние рабочего класса при нынешнем устройстве быта». Он утверждал, что в условиях капитализма при росте массы богатства страны отнюдь не увеличивается та часть его, которая приходится на долю «простолудинов». Более того, уменьшается даже и «безотносительная» величина фонда рабочей платы, которая в результате конкуренции между рабочими имеет тенденцию ко все большему понижению. Чернышевский сделал такой замечательный вывод: «По роковому закону безграничного соперничества, богатство первых должно все возрастать, сосредоточиваясь все в меньшем и меньшем числе рук, а положение бедняков должно становиться все тяжелее и тяжелее».

Таким образом, Чернышевский тонко подметил тенденцию к усилению поляризации богатства и нищеты, к относительному и абсолютному обнищанию трудящихся. Однако ему было чуждо понимание исторической миссии рабочего класса, понимание того, что

частная собственность и рабочий класс представляют собой противоположности.

В тесной связи с анализом отрицательных сторон конкуренции находится и взгляд Чернышевского на капитализм как на убыточный способ производства. По мнению Чернышевского, капиталистический способ производства характеризуется непропорциональным распределением труда, в результате которого не удовлетворяются насущные потребности членов общества, в то время как часть общественного труда используется непроизводительно — на производство предметов роскоши.

Свое воззрение на капитализм как на убыточный способ производства великий русский ученый базирует на разделении потребностей на низшие и высшие — на потребности материального благосостояния, потребности умственной деятельности и эстетического наслаждения. Он устанавливает следующее соотношение между предметами необходимости, комфорта и роскоши: «...Пока нет достаточного количества предметов необходимости, не должны иметь никакой ценности предметы комфорта; когда нет достаточного количества предметов комфорта, не должны иметь никакой ценности предметы роскоши».

Трактовка капитализма как убыточного способа производства — это основа сурового обвинительного приговора, который Чернышевский выносит строю эксплуатации и угнетения трудящихся масс. Органической частью такой характеристики капитализма как нерационального способа производства является классификация потребностей. В основе последней лежит, по существу, тезис о том, что удовлетворение потребностей в условиях капитализма базируется на классовом антагонизме, что потребление продуктов определяется теми социальными условиями, в какие поставлены потребители.

Составной частью критики капитализма у Чернышевского является анализ наемного труда. По Чернышевскому, основные черты рабства, все невыгодные стороны невольничества воспроизводятся при капитализме, где собственность и труд не соединены в одном лице.

Покупка труда отличается, по Чернышевскому, от покупки человека двумя обстоятельствами: продолжительностью времени, в течение которого совершается продажа, и степенью власти, которую приобретает покупатель над своей покупкой. Это суть различия количественного, отнюдь не качественного характера, различия только по степени, а не по основному своему характеру. Что касается вознаграждения за труд, здесь вся разница между невольником и наемным работником заключается в том, что первый получает вознаграждение натурой, второй — деньгами. Количество вознаграждения в обоих случаях совершенно одинаково: наемный рабочий подобно невольнику получает за свой труд не больше и не меньше того, что нужно для поддержания его существования. Если труд свободного наемного работника производительнее труда не-

вольника, то это происходит от того, что свободный работник выше невольника по нравственному и умственному развитию; поэтому он и работает умнее и добросовестнее.

В данных рассуждениях ценой является прежде всего постановка вопроса о капитализме как о системе наемного рабства. Чернышевский не дает подлинного материалистического объяснения различий между трудом свободного рабочего и раба (в особенности следует подчеркнуть непонимание им исторической роли пролетариата), но правильно подчеркивает ряд черт сходства и различия между рабом и наемным рабочим.

Интересны воззрения Чернышевского на труд как на товар. Под товаром он понимал продукт деятельности человека или предмет природы, обращенный в частную собственность и существующий отдельно от человека. Что касается труда, то он, по мнению Чернышевского, как часть человеческого бытия не может существовать отдельно от человека. Поэтому покупка и продажа труда представляет собой не что иное, как покупку и продажу человека. Чернышевский осуждает такое положение вещей, когда человек вынужден выносить на рынок свой мозг, мускулы и нервы; он считает, что труд как товар убыточен для трудящихся, что этот своеобразный товар несовместим с достоинством человеческой личности. Однако при всем наличии утопических тенденций во взглядах Чернышевского на труд как на товар его анализ проникнут любовью к трудящимся, подлинной гуманностью.

Отметим также выдвигаемое Чернышевским весьма содержательное обоснование тезиса о том, что *труд не имеет стоимости*. По Чернышевскому, если труд — общее мерило ценностей, то он не должен иметь меновой ценности. Чернышевский пишет: «...Если ценность должна иметь свою норму (как имеет свою норму все в человеческой жизни), то сама эта норма не может быть ценностью. Господствующая теория только потому и не могла понять норму ценности, что причислила труд к ценностям». По Чернышевскому, точка зрения на труд как на деятельность, которая служит мерилom ценностей, и взгляд на то, что труд не должен иметь меновой ценности, находятся друг с другом в логической связи. Воззрения Чернышевского на стоимость труда представляют большой интерес. Чернышевский, в отличие от представителей классической школы политической экономии, понимает, что труд стоимости не имеет. Однако он в своем анализе остановился на полпути и не перешел от стоимости или цены труда к стоимости или цене рабочей силы.

Чернышевский в этом вопросе, как и во всем своем экономическом учении, ввиду специфических условий своей творческой деятельности не сумел, или, вернее, не смог прийти к тем выводам, к которым пришел К. Маркс. Но в своей глубокой критике капитализма Чернышевский по ряду вопросов шел к научному социализму.

Н. Г. Чернышевский — критик буржуазной политической экономии. Составной частью экономических воззрений Чернышевского является исключительная по своей теоретической глубине критика, которой он подверг современную ему вульгарную политическую экономию на Западе и в России. Для Чернышевского история экономических учений не является случайным нагромождением теорий, идей, понятий. Для него ясна историческая преемственность различных школ политической экономии, их обусловленность соответствующими историческими условиями, определенной социально-политической средой.

Меркантилизм Чернышевский рассматривал как экономическую теорию, адекватную феодализму; состояние экономической науки, когда выступали меркантилисты, было, по его мнению, обусловлено уровнем экономического развития. Чернышевский писал: «В те времена, при слабом развитии кредита, звонкая монета, конечно, должна была иметь всю ту важность, какая ныне принадлежит биржам, банкирам и вексельным оборотам. Натурально было, что накоплением драгоценных металлов дорожили тогда точно так же, как ныне дорожат упрочением и возвышением кредита».

Большой интерес представляют те высказывания Чернышевского о физиократизме, в которых он подчеркивает его социальные корни. Чернышевский писал о физиократах, что они заслуживают одобрения за «верное понимание недостатков и потребностей своего времени». Подчеркивая историческую ограниченность идей о «безусловной независимости индивидуума», Чернышевский в то же время указывает на их прогрессивную роль в эпоху физиократов. По мнению Чернышевского, физиократы, которые выступали под знаменем *laissez baire, laissez passer*, были носителями прогрессивного этапа в истории экономических учений. Этот знаменательный период в развитии экономической науки соответствовал той исторической эпохе, когда в недрах феодализма взрывались капиталистические отношения. Высказывания Чернышевского о физиократическом учении свидетельствуют о глубоком понимании им особенностей этого этапа в истории экономических учений.

Большое внимание уделял Чернышевский в своих работах классической школе буржуазной политической экономии. Чернышевский видит заслугу А. Смита в том, что он разлагает сложные экономические явления на простейшие элементы, лежащие в их основе и составляющие их сущность. Ставя в заслугу А. Смиту то, что он за поверхностью явлений ищет их скрытую сущность, Чернышевский в то же время констатирует наличие у представителей классической школы смещения анализа скрытых процессов народнохозяйственной жизни с рассмотрением внешней формы их проявления. Чернышевский отмечает дуализм в методологии А. Смита, наличие у нее научной стороны — попытки за процессами, разыгрывающимися на поверхности явлений, найти их скрытую сущность, и вульгарной стороны, ограничивающейся описанием непосредственно данных фактов экономической действительности.

Чернышевскому не удалось при его гипотетическом методе вскрыть ошибки представителей классической школы в трактовке ряда проблем политической экономии. Так, например, Чернышевский объявлял себя сторонником теории ренты Рикардо. Правда, теория дифференциальной ренты Рикардо для своего времени была прогрессивным учением, она была направлена против земельной аристократии, которая представляла собой самую реакционную часть английского общества. Чернышевский, однако, не подметил, что если она и рисует пессимистическую картину судеб капиталистического развития, то все же исходит из понимания капитализма как вечного, естественного способа производства.

Но замечательно, что Чернышевский констатирует отсутствие у Рикардо теории абсолютной ренты. Чернышевский писал: «...Теория Рикардо совершенно основательна, но не совершенно полна; она объясняет только причину различия в ренте различных земель, не принимая, что и самая плохая из обрабатываемых земель приносит ренту, и не объясняя этого; он выводит ренту ниже действительной величины ее, потому что берет ренту только при достаточности, а не при недостаточности производства».

Чернышевский не дает объяснения причин отсутствия у Рикардо теории абсолютной ренты. У самого Чернышевского также отсутствует анализ категории абсолютной ренты. Но он обнаружил большую научную проницательность, подметив указанную погрешность в теории ренты Рикардо. Чернышевскому были ясны социальные корни классической школы политической экономии: «Дух ее (т. е. классической школы. — *Авт.*) совершенно соответствует, — писал Чернышевский, — положению среднего сословия в обществе и роду его занятий».

По Чернышевскому, классическая школа политической экономии исходила из той предпосылки, что «распределение продукта по трем разным классам составляет совершеннейшую форму экономического устройства», что эта форма распределения единственно «нормальная», соответствующая подлинным требованиям науки. Таким образом, Чернышевский понимал, что классическая школа политической экономии увековечивала капитализм, превращала его в «естественный» способ производства. Чернышевский считал, что на базе науки, созданной «средним сословием», должна быть воздвигнута теория трудящихся, которая должна переработать учение классической школы политической экономии в соответствии с требованиями времени.

Большое внимание Чернышевский уделил экономическим воззрениям Мальтуса. Подвергая критике мальтусовскую «теорию» народонаселения, Чернышевский показал ее связь с законом убывающего плодородия почвы. По мнению Чернышевского, даже самые высокие формы современной ему плодопеременной системы далеко не составляют границы, до которой можно увеличить производительность сельского хозяйства, даже при соответствующем состоянии естественных наук, технологии и механики.

Чернышевский рассматривал как пустую фразу идею о несоразмерности населения со средствами существования. Он считал глубоко ошибочным то положение, что Мальтус обосновывал свою теорию роста населения по геометрической прогрессии ссылкой на удвоение населения в Северной Америке за 25 лет. Чернышевский указывал, что Мальтус игнорировал такой важный фактор, как эмиграция из Европы. По мнению Чернышевского, обе прогрессии, выдвинутые Мальтусом как в отношении средств существования, так и размножения населения, не паходятся между собой в причинной зависимости, более того, они базируются на искажении фактов действительности. Чернышевский объяснял генезис теории Мальтуса на английской почве воздействием идей, провозглашенных великой французской революцией, и тем, что в Англии начали играть большую роль писатели из демократического лагеря и самый талантливый из них — Годвин.

Вскрывая классовые корни учения Мальтуса о народонаселении, Чернышевский писал, что Мальтус своими исследованиями ставил перед собой определенные задачи — противопоставить радикальным, прогрессивным воззрениям на судьбы капитализма реакционную защиту этого строя рабства, нищеты и угнетения. Трактовка Чернышевским социальных корней «теории» народонаселения Мальтуса и ее идейных истоков перекликается с высказываниями Маркса, указывавшего, что успех, который выпал на долю памфлета Мальтуса, объясняется исключительно партийными интересами. В ряде своих работ Чернышевский дал убийственную характеристику вульгарной политической экономии. Чернышевский рассматривал вульгарных экономистов как апологетов капиталистического хозяйственного режима, где господствует культ золотого тельца.

Чернышевский проводил резкую грань между классической школой в лице Смита и Рикардо и вульгарной политической экономией. Чернышевский неоднократно отмечал, что вульгарная политическая экономия ничего не сделала для развития науки. Он констатирует тот факт, что она стояла в стороне от тех животрепещущих, злободневных вопросов, которые были в центре общественной мысли той или другой страны. Чернышевский дает яркую характеристику социальных корней вульгарной политической экономии. Он пишет: «Любопытно узнать, в пользу каких же классов действовали Сэй, Мак-Куллох, Росси, Мишель Шевалье, Фредерик Бастиа и Жозеф Гарнье? Мы полагали, что они усерднее всего проповедовали в пользу банкиров и негоциантов, а в особенности негоциантов, ведущих заграничную торговлю». Бичующая характеристика вульгарной политической экономии, какую мы встречаем у Чернышевского, созвучна с той оценкой, какую дал ей Маркс.

Ряд высказываний имеется у Чернышевского и об исторической школе политической экономии. Чернышевский рассматривал это течение в экономической науке как разновидность вульгарной по-

литической экономики, буржуазной апологетики, направленной против социалистов-утопистов, против людей, которые были, по словам Чернышевского, мыслителями последовательными, «представителями не того сословия, которому как раз пригодны нынешние экономические формы, а представителями массы». Чернышевский тонко и правильно вскрывает беспочвенность исторической школы политической экономии, отсутствие в ней подлинного историзма. Чернышевский превосходно подметил своеобразие апологетики этой школы, которая оправдывала частную собственность и социальное угнетение трудящихся масс исходя из предпосылки, что все это освящено ходом истории и вековыми традициями.

Вульгарной политической экономии Чернышевский противопоставлял воззрения утопического социализма. По Чернышевскому, «теории национального благосостояния», которые были выдвинуты французскими социалистами-утопистами, возникли в противовес «бездушному и убийственному учению» вульгарных экономистов. Чернышевский указывал на неизмеримое превосходство социалистов-утопистов над вульгарными экономистами. Он отметил, что под фантастической формой, в которую облачены утопические системы французских мыслителей, скрывались «здравые и высокие основные идеи», скрывались «истины и глубокие и благодетельные». По мнению Чернышевского, социалисты-утописты проникали в «законы человеческой жизни глубже Адама Смита и его учеников». Вместе с тем ему ясна была оторванность западноевропейских социалистических теорий от подлинно массового движения. В то же время под покровом их фантастических схем Чернышевский разглядел «рациональные зерна» их глубокой критики капитализма.

Если Чернышевский давал в основном положительную оценку воззрений Оуэна, Сен-Симона и Фурье, то к мелкобуржуазному социализму Прудона он относился отрицательно. Чернышевский связывал неопределенность, туманность теоретических построений Прудона с тем обстоятельством, что он находился под влиянием системы Гегеля, что он узнал немецкую философию под формой системы Гегеля и остановился на этой форме, как на окончательном выводе, между тем как в Германии наука развивалась дальше. Чернышевский пишет, что система Прудона представляла собой сплав гегелевской философии с ненаучными построениями французских философов. Чернышевский считал, что философские воззрения Прудона не могут удовлетворить «простолюдинов».

Н. Г. Чернышевский о социализме. В своих высказываниях о социализме Чернышевский намечает контуры нового строя, который придет на смену капитализму. Чернышевский был глубоко уверен в том, что на смену строю эксплуатации и угнетения придет новый общественный строй, который будет торжеством справедливости. Свой прогноз о неизбежности наступления новой эры в истории человечества Чернышевский строит на материалистической основе. Он утверждает, что «если изменился характер

производительных процессов, то непременно изменится и характер труда и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов».

Будущий строй, противопоставляемый капитализму, он мыслит себе как строй, рассчитанный на собственное потребление производителей. Системе производства, основанной на обмене, Чернышевский противопоставляет систему производства, базирующуюся на «прямом сочетании производителя и потребителя. Различие между капитализмом и будущим строем Чернышевский видит прежде всего в том, что первый рассчитан на обмен, на сбыт, второй — на потребление.

По мнению Чернышевского, в будущем обществе, где рента и прибыль будут соединены с заработной платой, уменьшение роли обмена в экономической жизни будет сопровождаться сведением торговой деятельности к прямому комиссионерству. Удовлетворение же потребительских нужд членов социалистического общества будет обеспечиваться определенным методом распределения занятий. Капитализму, как невыгодному, убыточному способу производства, Чернышевский противопоставляет рациональный с точки зрения роста материального благосостояния трудящихся социальный строй, который будет базироваться на распределении труда в соответствии с потребностями членов общества.

Чернышевский не только дает общую характеристику социального строя, который придет на смену капитализму, он подвергает также анализу и принципы регулирования хозяйственной жизни при социализме. Принципы регулирования социалистического хозяйства представляются ему в виде учета потребностей членов общества, планового распределения производительных сил, непосредственного определения труда, затраченного на производство продукта. Все эти меры должны обеспечить, по его мнению, строгое сбалансирование спроса и предложения.

В приведенных высказываниях Чернышевского интересна приводимая им идея, что в противоположность стихийному распределению труда и средств производства между различными отраслями народного хозяйства при капитализме развитие народного хозяйства при социализме осуществляется в порядке планового руководства. Выдвинув оригинальное учение о «балансе» коренных элементов производства, Чернышевский возвышается над социалистами-утопистами Запада своим более глубоким, реалистическим пониманием экономики социализма.

В своем анализе принципов регулирования социалистического хозяйства Чернышевский уделяет большое внимание вопросу о соревновании среди трудящихся, которое должно прийти на смену режиму соперничества, т. е. конкуренции. Исходя из того что принцип соперничества не «может считаться всеобщим принципом экономической деятельности», Чернышевский противопоставляет конкуренции по теории капиталистов конкуренцию по теории трудя-

щихся. Если выгода капиталиста требует увеличения числа покупателей, что предполагает при данном размере рынка стремление отбивать покупателей у своих соперников, то выгоды трудящихся требуют увеличения количества производимых продуктов.

По мысли Чернышевского, различные группы трудящихся не только заинтересованы во взаимном подрыве своей деятельности, но и преисполнены желания, чтобы во всех промыслах успешность производства повышалась. Чернышевский убедительно показывает преимущества отношений взаимопомощи в условиях товарищеского производства над разрушительной конкурентной борьбой, которая является волчьим законом капитализма. Чернышевский дал глубокое теоретическое обоснование необходимости организации товариществ трудящихся. По мысли Чернышевского, стремление трудящихся к самостоятельности в труде, их заинтересованность в том, чтобы весь продукт труда был их собственностью, — все это может быть достигнуто лишь посредством организации производственных товариществ. «...Товарищество есть единственная форма, при которой возможно удовлетворение стремлению трудящихся к самостоятельности и потому ... производство должно иметь форму товарищества трудящихся».

Чернышевский считает, что форма товарищества знаменует собой, в сравнении с капитализмом, более высокий уровень производительности труда. Этот вывод Чернышевский делает исходя из цели производства при товариществе и средств для достижения этой цели. Высказывания Чернышевского по вопросу о преимуществах труда в условиях товарищества свидетельствуют о его глубоко понимании значения новых форм кооперации труда в условиях социализма и их принципиального отличия от кооперации капиталистической. Чернышевский выдвинул программу строительства общественного строя, где отдельные классы наемных рабочих и нанимателей исчезнут и где при отсутствии какой бы то ни было эксплуатации безраздельным владыкой будет труд. В качестве своего социального идеала Чернышевский выдвигает бесклассовое коллективное производство, базирующееся на отношениях товарищеского сотрудничества.

Производство в условиях товарищества, утверждает Чернышевский, не знает кризисов. По Чернышевскому, кризисы, неизбежные при капитализме, невозможны в условиях товарищеского производства трудящихся, целью которого является потребление. Социалистический строй не знает кризисов, он открывает, полагал Чернышевский, этот невиданный рост производительных сил. По вопросу о труде, отвлекаясь от обстановки, в которой он затрачивается, Чернышевский ссылается на естественные науки, которые утверждают, что труд, даже мускульный, доставляет человеку наслаждение, «приятность», не говоря уже об умственном труде, чья привлекательность известна каждому. Неприятные ощущения, вызываемые трудом, происходят не из сущности самого процесса труда, но из «случайных внешних обстоятельств», под которыми

Чернышевский понимает организацию труда в условиях капиталистического общества.

Чернышевский, таким образом, правильно противопоставлял труду, как радостному творческому процессу, ту уродливую социальную форму, в которой этот процесс протекает при капитализме.

В отличие от наивных воззрений Фурье на труд как на забаву, простое удовольствие, для Чернышевского труд при социализме — глубоко содержательный труд, предполагающий борьбу, связанный с преодолением препятствий. Чернышевский пишет, что, с одной стороны, в условиях современного строя разделение труда оказывает вредное действие на экономический быт и на самый организм рабочих. С другой стороны, для человеческого благосостояния нужен рост производства, а возрастание производства предполагает разделение труда. Но если разделение труда необходимо, то отсюда не следует, что рабочий должен посвятить всю свою жизнь выполнению отдельной дробной операции.

Принцип разделения труда не является препятствием к разнообразию занятий. Более того, благодаря разделению труда монотонность дробной операции уступает место живому разнообразию занятий. А этого и требует гигиена. Принцип разделения труда в представлении Чернышевского — источник сочетания разнообразных занятий в одном лице. Разнообразие же занятий — основа духовного роста трудящихся.

Чернышевский понимает, что при социализме должно исчезнуть старое разделение труда, что оно по своему содержанию принципиально отлично от разделения труда при капитализме. Чернышевскому ясно, что разделение труда при капитализме порождает профессиональный идиотизм узких специалистов, раздробление человека, его духовное и телесное исключение. Таким образом, в работах Чернышевского имеются высказывания по ряду проблем, связанных с экономикой социализма, в которых он возвышается над уровнем западноевропейских социалистов-утопистов глубиной своего теоретического анализа, реалистичностью и конкретностью своего подхода.

Чернышевский не понимал, что переход к социализму предполагает наличие объективных и субъективных предпосылок, которые возникают в недрах капитализма. Чернышевский не понимал исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и организатора коммунизма. Пролетарская революция, диктатура пролетариата — все это отсутствует в схеме Чернышевского. Но в ряде прогнозов о социализме как способе производства Чернышевский шел от утопии к науке.

Чернышевский соединял в своем лице революционного демократа и социалиста. Как революционер-демократ, он пропагандировал идеи крестьянской революции, которая должна была привести к победе буржуазной демократии, уничтожению царизма и крепостничества. Как социалист, он боролся за подлинную, а не фор-

мальную свободу, за уничтожение эксплуатации человека человеком.

Чернышевский был убежденным сторонником революционной борьбы за новый общественный строй. Он писал: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность». На это высказывание Чернышевского ссылался К. Маркс, неоднократно ссылался В. И. Ленин.

В отличие от крупнейших представителей западноевропейского утопического социализма — Сен-Симона, Фурье и Оуэна, мечтавших о том, что их социальные идеалы будут осуществляться представителями просвещенного абсолютизма или богатыми филантропами, которые будут очарованы величием и грандиозностью открывшихся перед страждущим человечеством блистательных перспектив грядущего развития, Чернышевский апеллировал к классовой борьбе, к революционной активности самих трудящихся, к крестьянству, как классу, который изнывал под ярмом крепостничества. В. И. Ленин высоко ценил эту способность Чернышевского «влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

Но если в статьях, предназначенных для подцензурной печати, идея народного восстания пропагандировалась Чернышевским эзоповским языком, то в прокламации «Барским крестьянам» открыто провозглашалась необходимость насильственного уничтожения самодержавного строя и помещичьего землевладения. Используя художественные образы из народной поэзии, прокламация призывает покончить с гнетом помещиков и бюрократов: «Известное дело: коза с волком тягалась, один хвост остался. Так оно и было, так оно и будет, покуда волки останутся, значит «помещики и чиновники останутся». Большое внимание уделено в прокламации вопросу о подготовке восстания. Прежде всего для этого требуется фактор моральный — «единодушие» восставшего крестьянства. Необходимо «согласие» барских крестьян с государственными крестьянами. «Единомушие», «согласие» — важнейшее условие для того, чтобы «исправду вольными людьми стать».

Прокламация ратует за широкое народное движение при гегемонии крестьянства с привлечением армии — солдат под водительством народолюбивой части офицерства. Наряду с морально-политическим фактором прокламация уделяла также большое внимание организационно-технической стороне народного восстания. В ней указывается, что к восстанию надо тщательно готовиться. Необходимо накапливать силы, надо запастись всякого рода ору-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

жием. Призывая к смелости и бесстрашию в борьбе за народное дело, пропагандируя наступление как наиболее действенную тактику для обеспечения победы, прокламация Чернышевского в то же время предостерегает против изолированных, сепаратных выступлений и призывает к строгой конспирации». А покуда пора не пришла, надо силу побереечь, себя напрасно в беду не вводить, значит — спокойствие сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говорит, что один в поле не воин. Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить да себя губить». Таким образом, прокламация призвала не к обычному крестьянскому «бунту», а к народной революции.

В этом документе, как в фокусе, отразился боевой, революционно-демократический характер научно-пропагандистской деятельности Чернышевского, которая перебрасывала мост от оружия критики к критике оружием, к расправе с угнетателями народа, к активной борьбе под знаменем крестьянской революции.

Специфические условия русской деятельности не дали Чернышевскому возможности ясно увидеть, полностью понять настоящий путь осуществления социалистического строя, борьбы за это будущее, за народное счастье. Еще в 1848 г. Чернышевский писал в своем дневнике: «...Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если б только был убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не жалею, что (не)увиджу дня торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько, если только буду в этом убежден».

Всей своей героической жизнью Чернышевский подтвердил эти слова. Создав революционную для своего времени теорию, он с исключительным мужеством ее пропагандировал. Многогранная деятельность этого революционера-мыслителя сыграла огромную роль в подготовке в России почвы для восприятия идеологии пролетариата — идей марксизма.

Итак, в лице Герцена и Чернышевского русская общественная мысль выдвинула крупных мыслителей, которые, не находясь под непосредственным влиянием идей К. Маркса и Ф. Энгельса, возвышались над западноевропейским утопическим социализмом. Герцен и Чернышевский, будучи революционными демократами, продолжая традиции предшествовавших им этапов развития русской общественной мысли, критически, творчески перерабатывая лучшие образцы современных им западноевропейских философских и социально-экономических учений, выступили с передовыми, оригинальными и самостоятельными воззрениями во всех областях социальной науки, представлявшими собой наивысшее достижение мировой науки до Маркса и Энгельса.

Чернышевский — революционный демократ и социалист — боролся одновременно и за буржуазную демократию, за ликвидацию

в огне крестьянской революции помещичье-самодержавного строя, за уничтожение всех и всяческих форм эксплуатации человека человеком. В своей борьбе за социализм, в отличие от социалистов-утопистов Запада, Чернышевский апеллировал к революционной активности трудящихся.

Специфические условия русской действительности не дали Чернышевскому возможности ясно увидеть и понять настоящий путь осуществления социалистического строя. В условиях самодержавного режима царской России, гнета крепостничества Чернышевский пропагандировал идеи крестьянской революции, «идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹. Великий русский ученый и критик Н. Чернышевский, писал К. Маркс, мастерски показал в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)» банкротство буржуазной политической экономии².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 17—18.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предмет истории экономических учений	3
Глава I. Экономические учения древнего мира	10
Экономическая мысль Индии	11
Экономическая мысль древней Греции	19
Экономические взгляды Ксенофонта	19
Социально-экономические воззрения Платона	23
Экономические воззрения Аристотеля	27
Экономическая мысль Древнего Рима	34
Экономические представления античного христианства	38
Глава II. Экономические учения феодального общества периода разложе- ния феодализма и возникновения капитализма	41
Арабские страны	42
Социально-экономические воззрения Ибн-Халдуна	45
Западная Европа	52
«Саллическая Правда»	52
Фома Аквинский	56
Социально-экономические мотивы средневековых ересей. Экономиче- ские требования крестьянских восстаний	60
Социально-экономические высказывания Томаса Мюнцера	71
Возникновение и развитие экономической мысли в России	72
«Русская Правда»	72
Социально-экономические высказывания Ермолая-Еразма	79
Социально-экономические воззрения Юрия Крижанича	82
Экономические воззрения А. Л. Ордына-Нашекина	93
Экономические взгляды И. Т. Посошкова	99
Возникновение утопического социализма	106
Экономические воззрения Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы	106
Меркантилизм как первая школа буржуазной политической экономии	113
Особенности меркантилизма в отдельных странах	117
Меркантилизм в Англии	117
Меркантилизм в Италии	120
Меркантилизм во Франции	122
Глава III. Возникновение буржуазной классической политической эконо- мии в Англии и во Франции	124
Экономические взгляды Вильяма Петти	124
Особенности экономического развития Франции в XVII—XVIII вв., их отражение во взглядах Пьера Буагильбера	132
Экономическая теория физиократов	134

Глава IV. Политическая экономия Адама Смита	149
А. Смит как буржуазный идеолог и экономист мануфактурного периода	149
Методология Смита	150
Учение Смита о разделении труда	151
Теория денег Смита	153
Теория стоимости Смита	154
Учение Смита о заработной плате	156
Учение о прибыли (прибавочной стоимости) у Смита	158
Теория ренты Смита	161
Смит об основном и оборотном капитале	163
Теория воспроизводства общественного капитала. Догма Смита	165
Смит о производительном и непроизводительном труде	168
Глава V. Политическая экономия Давида Рикардо	171
Давид Рикардо как буржуазный идеолог эпохи промышленного переворота	171
Методология Рикардо	172
Теория стоимости Рикардо	174
Теория цены производства в понимании Рикардо	178
Теория заработной платы Рикардо	182
Теория прибыли Рикардо	183
Теория денег Рикардо	185
Рикардовская теория земельной ренты	190
Трактовка Рикардо проблемы реализации	193
Рикардо — завершитель буржуазной классической политической экономии	195
Глава VI. Возникновение мелкобуржуазной критики капитализма	196
Экономические воззрения С. Сисмонди	196
Экономическая концепция Прудона	208
Глава VII. Возникновение вульгарной буржуазной политической экономии	221
Экономические и классовые предпосылки вульгаризации буржуазной политической экономии	221
Вульгарная политическая экономия в Англии	224
Мальтус как защитник лендлордизма	224
Вульгаризация учения Рикардо Джемсом Миллем	232
Теория «воздержания» Н.-У. Сениора	237
Вульгарная политическая экономия во Франции	241
Ж.-Б. Сэй как основатель вульгарной политической экономии	241
Апологетическая теория «услуг» и экономических «гармоний» Ф. Бастиа	250
Вульгарная политическая экономия в США	256
Теория экономических «гармоний» Г. Кэри	256
Вульгарная политическая экономия в Германии	262
Адам Мюллер — идеолог феодального дворянства	263
Экономическое учение Ф. Листа	264
Историческая школа политической экономии и историческая школа права	272
В. Рошер — представитель исторической школы политической экономии	273
В. Гильдебранд, К. Книс — представители исторической школы политической экономии	274
Глава VIII. Экономические учения западноевропейских социалистов-утопистов	283
Социально-экономические воззрения А. Сен-Симона	284
Социально-экономические воззрения Ш. Фурье	292
Социально-экономические воззрения Р. Оуэна	309

Социалисты-рикардианцы	318
Экономические воззрения Уильяма Томпсона	318
Экономические воззрения Джона Грея	325
Экономические воззрения Джона Френсиса Брея	333
Глава IX. Проблемы политической экономии в произведениях представи- телей антикрепостнического движения в России	346
Экономические идеи крестьянской войны под руководством Е. И. Пу- гачева	347
Экономические идеи А. Н. Радищева	349
Идеи буржуазной политической экономии в трудах декабристов	360
Н. И. Тургенев — критик крепостничества	361
П. И. Пестель и его «Русская Правда»	370
Экономическое учение А. И. Герцена и Н. П. Огарева	383
Герцен и Огарев как критики крепостничества	389
Экономическое учение Н. Г. Чернышевского	395

РЕУЭЛЬ АБРАМ ЛАЗАРЕВИЧ

ИСТОРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
УЧЕНИЙ

Редактор В. Я. Верещагина
Младший редактор Т. Л. Григорьян
Переплет художника Т. А. Яковлева
Художественный редактор С. Г. Абелин
Технический редактор Н. В. Яшукова
Корректор Т. А. Гринькова

А-07611. Сдано в набор 30/VIII-71 г. Подп. к печати 14/XII-71 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Объем 26,5 печ. л. Уч.-изд. л. 28,55.
Изд. № ЭК-202. Тираж 20 000 экз. Цена 1 руб. 16 коп.
Заказ № 1916.

План выпуска литературы для вузов и техникумов изд-ва
«Высшая школа» на 1972 г. Позиция № 36.

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типогра-
фия № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграф-
прома Комитета по печати при Совете Министров СССР,
г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

История
экономи-
ческих
учений

ИЗДАНИЕ
1974 г.
1277